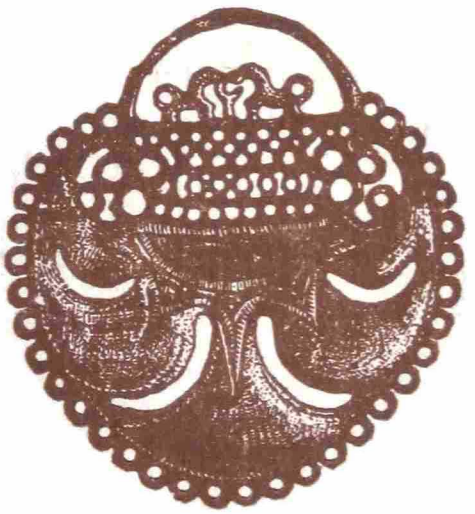
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



2
1989

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

1989 2

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Журнал основан в 1957 году

Выходит 4 раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. А. Плетнева (главный редактор)

А. А. Аскаров, А. В. Виноградов, В. И. Гуляев,
А. П. Деревянко, О. М. Джапаридзе, В. И. Козенкова (отв. секретарь),
Г. А. Кошеленко, В. П. Любин, Т. И. Макарова, В. М. Массон,
Н. Я. Мерперт, Э. С. Мугуревич, Р. М. Мунчаев, Т. М. Потемкина,
Д. С. Раевский, Б. А. Рыбаков, В. В. Седов, П. П. Толочко,
Е. Н. Черных (зам. главного редактора), В. Л. Янин

СОДЕРЖАНИЕ

Власов В. Г. (Москва). К вопросу о календаре верхнего палеолита 5
Сорокин А. Н. (Москва). К проблеме происхождения бутовской культуры 24
Шнирельман В. А. (Москва). Медные топоры из Ханси и некоторые спорные проблемы индийской археологии 35
Сагдуллаев А. С. (Ташкент). Некоторые аспекты проблемы происхождения среднеазиатских комплексов типа Яз I 49
Масленников А. А. (Москва). О типологии сельских поселений Боспора 66
Кренке Н. А. (Москва). Глиняная пластика и некоторые особенности позднедьяковских городищ Подмосковья 79
Панова Т. Д. (Москва). О назначении мелкой деревянной антропоморфной скульптуры X—XIV вв. 88

Публикации

Санжаров С. Н. (Ворошиловград). Охра в изобразительной деятельности племени эпохи средней бронзы Донетчины 97
Погорелов В. И. (Воронеж). Ямно-катакомбные погребения Среднего Дона 108

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1989 г.

Новикова Л. А., Шилов Ю. А. (Москва, Киев). Погребения с лицевыми накладками эпохи бронзы (Херсонская область) 127
Никитин В. И. (Николаев). Матвеевка I — поселение катакомбной культуры на Южном Буге 136
Журавлев О. П., Сычева Л. В. (Киев). Палеозоологические исследования поселения катакомбной культуры Матвеевка I 150
Житников В. Г. (Ростов-на-Дону). О бронзолитейном производстве Елизаветовского городища на Дону 153
Козак Д. Н. (Киев). Поселение вельбарской культуры Боратын I на Волыни 169
Котигорошко В. Г. (Ужгород). Ремесленное производство на дакийском городище Малая Копаня 182
Овсянников О. В., Рябинин Е. А. (Ленинград). Средневековые грунтовые могильники Терского берега 201

Дискуссии

Качалова Н. К., Васильев И. Б. (Ленинград, Куйбышев). О некоторых проблемах эпохи бронзы Поволжья 212
Членова Н. Л. (Москва). Волга и Южный Урал в представлениях древних иранцев и финно-угров во II — начале I тыс. до н. э. 225

Заметки

Кынчев К. (София). Еще раз к вопросу о функциях скребков 241
Эрлих В. Р. (Москва). Корчага из Майкопского музея 244
Беговатов Е. А. (Казань). Биметаллический кинжал с зооморфной рукояткой из Мурзихинского могильника 247
Черненко Е. В., Зубарь В. М., Сон Н. А. (Киев). Бутероль из Тиры 250
Белавин А. М., Носкова Е. Н. (Пермь). Серебряная бляха из могильника Телячий Брод 253
Пуцко В. Г. (Калуга). Московский мощевик конца XV в. из Суздаля 256

Критика и библиография

Скорый С. А., Клочко Л. С. (Киев). *Chochorowski J.* Die Vekerzug-kultur: Charakteristik der Funde. Uniwersytet Jagielloński. Państwowe wydawnictwo naukowe. Warszawa, Kraków, 1985 262
Русанова И. П., Гавритухин И. О. (Москва, Киев). *Dostál B.* Břeclav-Pohansko. Časně slovanské osídlení. III. Brno, 1985 267
Николаева Э. Я. (Москва). *Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х.* Материалы по археологии Цебельды. (Итоги исследования Цибилиума в 1978—1982 гг.). Сухуми, 1985 271
Васильев С. А. (Ленинград). *Маркин С. В.* Палеолитические памятники бассейна реки Томи. Новосибирск, 1986 274
Леонтьев А. Е. (Москва). *Рябинин Е. А.* Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986 277

Хроника

Авилова Л. И. (Москва). Конференция «Археология и лингвистика: индоевропейская проблема» 280
Седов В. В., Смирнов К. А. (Москва). XVIII Всесоюзная конференция финно-угроведов (Ижевск, 1987) 287
Боряз В. Н., Никоноров В. П. (Ленинград). Вопросы перестройки советской археологической науки на методологическом семинаре ЛОИА АН СССР 291
Шадыро В. И. (Минск). Памяти Алексея Григорьевича Митрофанова 296
Массон В. М., Праслов Н. Д., Тимофеев В. И. (Ленинград). Памяти Леонида Павловича Хлобыстина 298

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

1989 2

SOVIET ARCHAEOLOGY

Editor-in-Chief
S. A. PLETNEVA

Founded in 1957
Published quarterly

CONTENTS

Articles

Vlasov V. G. (Moscow). On the Calendar of the Upper Palaeolithic 5
Sorokin A. N. (Moscow). On the Origins of the Butovo Culture 24
Shnirelman V. A. (Moscow). Copper Axes from Hansi and Some Controversial Problems of Indian Archaeology 35
Sagdullaev A. S. (Tashkent). On the Origins of the Central Asian Complexes of the Yaz I Type 49
Maslennikov A. A. (Moscow). On the Typology of Rural Settlements in Bosporus 66
Krenke N. A. (Moscow). Clay Figurines and Specific Features of the Late Dyakovo Fortified Settlements Near Moscow 79
Panova T. D. (Moscow). On the Use of Small Wooden Anthropomorphic Sculpture in the 10th-14th cc. 88

Publications

Sanzharov S. N. (Voroshilovgrad) Ohre in Drawings of the Tribes of the Middle Bronze Age in the Don 97
Pogorelov V. I. (Voronezh). The Pit-Catacomb Burials of the Middle Don 108
Novikova L. A., Shilov Y. A. (Moscow, Kiev). Burials of People with Covered Faces in the Bronze Age 127
Nikitin V. I. (Nikolaev). Matveevka I, a Catacomb-Burial Culture Settlement on the Southern Bug 136
Zhuravlev O. P., Sycheva L. V. (Kiev). Palaeozoological Research of Matveevka I, a Catacomb-Grave Culture Settlement 150
Zhitnikov V. G. (Rostov-on-Don). On Bronze Making in the Elizavetovskoe Fortified Settlement on the Don 153
Kozak D. N. (Kiev) Boratyn I in Volhinia, a Settlement of the Welbar Culture 169
Kotigoroshko V. G. (Uzhgorod). Handicrafts at the Dacian Site of Malaya Kopan 182
Ovsyannikov O. V., Ryabinin E. A. (Leningrad). Mediaeval Ground Burials Along the Tersk Coast 201

Discussions

Kachalova N. K., Vasiliev I. B. (Leningrad, Kuibyshev). Some of the Problems of the Bronze Age in the Volga Area 212
Chlenova N. L. (Moscow). Ideas of the Earliest Iranians and Finno-Ugrians About the Volga Basin and the Southern Urals in the Second and Early First Millennia B. C. 225

Notes

Kynchev K. (Sofia, Bulgaria). Once More on the Functions of Racloirs 241
Erlikh V. R. (Moscow). A Vessel from the Maikop Museum 244
Begovatov E. A. (Kazan). A Bi-metallic Dagger with a Zoomorphic Hilt from the Murzikhinsky Burial Ground 247
Chernenko E. V., Zubar V. M., Son N. A. (Kiev). The Scabbart Tip from Tira 250
Belavin A. M., Noskova E. N. (Perm). A Silver Plate from the Telyachi Brod Burial Ground 253
Putsko V. G. (Kaluga). A Reliquiary Made in Moscow in the Late 15th c. from Suzdal 256

Reviews of Literature and Bibliography

Skory S. A., Klochko L. S. (Kiev). *Chochorowski J.* Die Vekerzug-kultur: Charakteristik der Funde. Uniwersytet Jagielloński. Państwowe wydawnictwo naukowe. Warszawa-Kraków, 1985 262
Rusanova I. P., Gavritukhin I. O. (Moscow, Kiev). *Dostál B.* Břeclav-Pohansko. Časně slovanské osídlení. III. Brno, 1985 267
Nikolaeva E. Y. (Moscow). *Voronov Y. N., Bgazhba O. Kh.* Materials on the Archaeology of Tsebelda (Results of the Studies in Tsibilium in 1978—1983). Sukhumi, 1985 . 271
Vasiliev S. A. (Leningrad). *Markin S. V.* Palaeolithic Sites in the Tom Basin, Novosibirsk. 1986 274
Leontiev A. E. (Moscow). *Ryabinin E. A.* The Volga Basin at Kostroma in the Middle Ages. Leningrad, 1986 277

Chronicle

Avilova L. I. (Moscow). «Archaeology and Linguistics: the Indoeuropean Problem» Conference 280
Sedov V. V., Smirnov K. A. (Moscow). The 18th National Conference of Finno-Ugrian Studies (Izhevsk, 1987) 287
Boryaz V. N., Nikonorov V. P. (Leningrad). The Methodological Seminar of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology (USSR AS) on Restructuring in Soviet Archaeology 291
Shadyro V. I. (Minsk). In Memory of Alexei Mitrofanov 296
Masson V. M., Praslov N. D., Timofeev V. I. (Leningrad). In Memory of Leonid Khlobystin 298

В. Г. ВЛАСОВ

К ВОПРОСУ О КАЛЕНДАРЕ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА

Представим себе ситуацию совершенно фантастическую — археолог в слое верхнего палеолита обнаружил предмет, похожий на современный компьютер,— и зададимся вопросом: как он построит свое научное сообщение об этой находке? Примет ли к сведению, что в исторический период компьютер появился лишь во второй половине XX в. н. э., что потребность в нем возникла на определенном уровне развития человечества, что его созданию предшествовал целый ряд научных открытий, а изготавливался он в условиях автоматизированного индустриального производства; учтет ли исследователь все это и будет ли сообразно этому изыскивать аналоги в изучаемой эпохе или сочтет, что ему достаточно заявить о сенсационном открытии: «Кроманьонцы из пещеры Вылебедь IV для координации действий во время облавной охоты на бизона пользовались компьютером»,— не утруждая себя пересмотром ранее принятых взглядов и разработкой новых представлений о духовном мире, социальной структуре и технологии ориньяка?

Этот вопрос не праздный, хотя и подчеркнуто заострен. В полной мере он адресован исследователям, которые в последние годы занимаются изучением календаря верхнего палеолита [1—4] Календарь — далеко не компьютер, однако и календарь, подобно прочим завоеваниям человеческой мысли, своим происхождением связан с определенной исторической эпохой; о времени и условиях его возникновения сложилась устойчивая научная традиция, согласно которой эти время и условия не совпадают с верхнепалеолитическими. Основу данной традиции составляет известное высказывание Ф. Энгельса об астрономии, «которая уже из-за времен года абсолютно необходима для пастушеских и земледельческих народов» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 500). (Б. А. Фролов, цитируя это место, почему-то опустил ссылку на хозяйственное обоснование древней астрономии [2, с. 118].) Затем можно указать отдельные выводы. А. Г Спиркин пишет: «Примерно в конце неолитического периода люди умели измерять время по движению небесных тел» [5, с. 425] Б. А. Рыбаков отмечает, что представление о движении Времени «становится важным фактором в идеологии земледельцев, ожидающих смены сезонов, дождя, созревания урожая» [6, с. 44] Е. И. Каменцева указывает: «Счет времени начинает появляться у людей лишь с развитием земледелия, скотоводства, обмена и мореплавания» [7, с. 24] А. П. Пронштейн, В. Я. Кияшко отмечают: календарь возникает с появлением «производящих форм хозяйства в раннем неолите» [8, с. 28] В приведенных суждениях — замечательно четкое формулирование причин, побудивших людей прибегнуть к календарному счету времени. При этом эпохи, предшествующие неолиту, представляются бескалендарными: обитатели Земли той поры различали смену времен года, «но *счисления времени не вели, так как в этом не было необходимости*» (здесь и далее курсив мой.— В. В.) [7, с. 24; 9, с. 150] Объективные возможности существования календаря в более раннее время могли бы быть доказаны через посредство производства. Так, представляется перспективным предположение Б. В. Андрианова о том, что «навыки орошения могли возникнуть еще в доземледельческий мезолитический период на стадии собирателей урожая» [10, с. 118],— орошение

предполагает хотя бы минимальное планирование, для чего, по-видимому, недостаточно одного различения сезонов.

Впрочем, то «изучение календаря верхнего палеолита», о котором здесь идет речь, к этим проблемам никакого отношения не имеет. Методически оно строится как работа по расшифровке дискретных узоров на памятниках данной эпохи, причем каждая точка, насечка, штрих идентифицируются как число, а число отождествляется с календарным днем, месяцем или годом. Задача определяется как прочтение некоторой знаковой системы, результат проведенной работы — один из вариантов перевода палеолитических документов на современный язык. Таким образом, здесь затронуты две оппозиционные темы: 1) язык прошлого (степень его понимания); 2) язык, которым наделяется прошлое в попытках его озвучивания, и смысл, который «вчитывается» в памятники прошлого (правомерность и пределы допустимого в их употреблении),— темы, которые, к сожалению, не были подвергнуты предварительному обсуждению.

О трудности понимания языка далеких эпох писали многие. Хорошо сказал об этом Э. Церен: «Необходимо понять самый дух древности... Этот дух древности объясняется на *своеобразном языке*... непременно таинственном: вы как будто видите и все же не видите, слышите, и ничего не понимаете» [9, с. 34] В мифологии распространена точка зрения, что адекватно понять миф можно только «изнутри», т. е. если воспринять его так, как воспринимали те, для кого он был повествованием вполне достоверным [11, с. 5, 9 сл.] Крупный вклад в формирование исторического метода в области языковых контактов с прошлым внесли работы Э. Дюркгейма и Л. Леви-Брюля. Опуская содержащиеся в них черты тенденциозности, отметим главный вывод, ставший классическим: мышлению и языку людей, стоящих на начальных стадиях развития, свойствен синкретизм, основанный на целостности восприятия мира, т. е. элементы познавательного ряда неразрывно слиты здесь с эмоциональными и волевыми факторами [12, с. 19, 20] Это мышление чрезвычайно трудно для понимания современного человека, так как оно «ориентировано по-иному, чем наше» [12, с. 134] и подчинено законам, которые «не целиком имеют логическую природу» [12, с. 44] Взгляд на синкретизм первобытного общественного сознания вновь подчеркнут в недавней работе С. А. Токарева [13, с. 526—533].

Указанный принцип вполне распространяется и на область счисления: «Это мышление считает и исчисляет способом, который... может быть назван конкретным ...недифференцированное, подразумеваемое число, которое чувствуется, а не мыслится, является чем-то, чего мы не в состоянии представить» [12, с. 120, 147] Примеры примитивных способов счета, отмеченных у аборигенов Бразилии, Тасмании и Австралии, где собственно числительными являются «один», «два», иногда «три», затем «много» и «очень много», приводит Э. Б. Тейлор. С применением пальцевого счета некоторые из них считают до 20, а вводя понятие «человек»=20, считают далее, например, до 100. Следы синкретизма в счислении обнаруживаются в некоторых числительных европейских народов; на пятеричной системе (счете на пальцах до 5) основано написание римских цифр [14, с. 215—219, 233]

Количество примеров можно значительно расширить, используя позднейший этнографический материал. Однако обратимся к специфическому виду счета, тесно связанному с проблемой календаря,— счислению времени. Исследователи духовной культуры древних обществ единодушны в мнении, что это была наиболее трудная математическая и вместе с тем философская задача. Еще Л. Леви-Брюль отмечал, что в первобытных обществах «представление о времени, которое носит главным образом *качественный характер,* остается *смутным*» [12, с. 300] Данные языковедения говорят о том, что даже в бронзовом веке не было достаточно оформленной категории времени глагола, из чего следует вывод, что «понятие времени... как высокое отвлечение есть относительно позднее явление истории мысли» [15, с. 230]

Что же было в палеолите? А. Г Спиркин, детально исследовавший становление сознания, считал, что диапазон времени, в котором жил первобытный человек, «был сравнительно небольшим, концентрируясь по преимуществу на реально осязаемом настоящем, ближайшем прошлом и еще более близком будущем» [5, с. 415] Этнография вносит важную поправку на синкретизм: времени как абстрактного понятия, времени «вообще» на этом уровне не существовало, но оно было «неотделимо от окружающего мира, составляя *часть событий и явлений,* происходящих в отдельных обществах, местных особенностей природной среды» [16, с. 135] Например, аборигены Австралии не подсчитывают время, не делят его на абстрактные единицы, даже такие, как «день». Когда они описывают предстоящий путь, то называют места, через которые надо пройти, но не говорят, что путь займет столько-то дней или ночей; назначая встречу, называют периоды года, которые истекут до дня встречи, но *не суммируют* эти периоды, не говорят: мы встретимся через 10 дней, через 4 месяца и т. п. [16, с. 133] Счет современных бушменов не выходит за пределы числа 5; в их языке отсутствуют названия дней, месяцев и нет слова, означающего «год»; время они передают движением руки, указывающим местонахождение солнца [17, с. 16]. Определенной заботой первобытного человека была память о прошедших событиях; но в качестве шкалы времени использовались не хронологические единицы, а либо явления природы — циклические и экстраординарные (ураганы, землетрясения, извержения вулканов и т. п.), либо события и явления социальной жизни — родовые генеалогии, инициации и т. д.

Ряд наблюдений говорит о том, что подобные представления являются достоянием не одной глубокой древности, но присущи и более поздним эпохам, вплоть до цивилизованных обществ. Синкретизм времени и текущих во времени событий отмечен в античности: в древнегреческом мировоззрении время не было предметом измерения, а чем-то неотделимым от существующего, «подвижным образом вечности», по выражению Платона, вещью или свойством, присущим богам или людям [18, с. 89, 98] Генеалогический принцип фиксации прошлого применялся в древнескандинавском обществе [19, с. 89] Собственно хронология в полном смысле этого слова в европейской культуре родилась только в III в. до н. э., что связано с именем Эратосфена, сделавшего попытку установить даты исторических событий по годам, а не по поколениям царей, жрецов и т. п.; счет времени по олимпиадам впервые встречается у историка Тимея [20, с. 4; 21, с. 58, 70; 22, с. 42] Современный исследователь утверждает, что окончательное формирование категории времени в Европе закончилось к XVIII—XIX вв.,— «представления о времени как о самостоятельной категории возникают лишь в эпоху промышленной революции» [16, с. 135, 136]

Таковы вкратце теоретические положения, которые, очевидно, нуждаются в пересмотре с точки зрения новейших открытий в области графики палеолита. Однако рассмотрим (столь же кратко) эти открытия главным образом с хронологических и семантических позиций. Нелишне упомянуть и о проблеме корректного отношения к документам прошлого. При этом нельзя не вспомнить предостережения Дж. Вуда, принимавшего участие в исследованиях палеоастрономических комплексов Англии: «Если в памятнике обнаруживаются какие-то математические свойства, остерегайтесь делать из этого вывод, будто строители о таких свойствах знали и намеренно воплотили их в своем сооружении» [23, с. 56]

Подобная осторожность поначалу соблюдалась и в рассматриваемой области. Так, А. П. Окладников в искусстве палеолита обнаруживал не более как «*зачатки,* своего рода *эмбрионы* естественных наук, астрономии и математики» [24, с. 113] Б. А. Фролов считал необходимым время от времени соблюсти этикет и предлагал видеть в памятниках палеолита «*прообразы* счетных бирок, первых календарей и геометрических орнаментов... *предпосылки* древнейшей науки — математики» [2, с. 148, 149], а смелость находить

нечто большее, чем прообразы и эмбрионы, объяснял тем, что в столь новом деле «невозможно обойтись без гипотетических предположений и рабочих гипотез, которые могут и не подтвердиться дальнейшими исследованиями» [2, с. 146]

Однако основные выводы своих работ авторы отнюдь не предлагают в качестве гипотетических. Так, согласно предложенной Б. А. Фроловым системе генезиса счета, употребление искусственных знаков (лунок, насечек) в позднем палеолите рассматривается как «*высшее достижение* третьей стадии развития понятия числа... Оно открывает путь к записи любых чисел, „чисел вообще"» [2, с. 123] Так чем же наделяется палеолит: предпосылками математики или ее высшими достижениями? С отвлеченными числами можно производить различные арифметические операции — в чем исследователи охотно упражняются, полагая, что тем же занимались и люди на краю глетчера. Но такие занятия, по-видимому, были невозможны. Не повторяя сказанного на первых страницах, заметим, что Б. А. Фроловым упущена одна существенная стадия в развитии числа, на которую обращал внимание еще Л. Леви-Брюль: разные числа, приложимые к равным по значимости объектам, воспринимались как равные между собой (например: $3=7=9$ [12, с. 145]). «Числа не составляют однородного ряда и, следовательно, совершенно не подходят для самых простых логических или математических операций... они не складываются, не вычитаются, не умножаются и не делятся» [12, с. 136] При расшифровке ямочного орнамента на бляхе (пряжке) из стоянки у с. Мальты Б. А. Фролов, якобы следуя за древним художником, многократно складывал и делил лунки-числа, отождествленные к тому же с днями календарного года [2, с. 124].

Энергично трудится на поприще прямого прочтения палеолитических документов В. Е. Ларичев. К области гипотетических толкований им отнесены обычные памятники культуры; но что касается «предметов искусства с наложенными на них „знаковыми записями"»,— здесь полная ясность: здесь с легкостью читается «неожиданная, обширная и глубокая информация» [4, с. 63] Иные воззрения могут порождаться лишь «ограниченностью интерпретационной оценки» [4, с. 82], их носители — «бескрылые в типизаторской и вещеведческой зацикленности исследователи» [3, с. 42], т. е. очень недалекие люди. В. Е. Ларичев не пожалел красок для дискредитации инакомыслящих: все, кто не умеет складывать $3+7+11+...$ и т. д., несут в себе «коварную по скрытности подоплеку», так как ошеломлены своей некомпетентностью в вопросах, в которых свободно разбирался «дикарствующий в невежестве палеолитический охотник» [4, с. 83]

Кроманьонец жил совсем не так, как это предполагалось раньше на основании корпуса этнографической литературы. На каждом шагу он решал «весьма сложные проблемы, научный характер которых неоспорим» [4, с. 83] Он создавал инструменты и другие изделия, форма которых определялась не случайностью и не таким примитивом, как эстетическое чувство, а «самыми тонкими и строгими расчетами» [3, с. 48] На предметах, считавшихся украшениями, он наносил «не просто разного рода орнаментальные композиции..., а строго продуманную счетную структуру» [4, с. 74] Он был влюблен в числовые ряды, стоящие за группами насечек и лунок: это были не просто числа, а «примечательная числовая комбинаторика» [4, с. 68]. Чтобы в этом вопросе не оставалось никаких сомнений, В. Е. Ларичев раскрыл нам механизм, при помощи которого охотник верхнего палеолита любовался на досуге числами: если число лунок в различных фигурах мальтинской бляхи записать арабскими цифрами (45, 54, 63, 207, 243, 360), то окажется, что сумма цифр в каждом числе равна 9 [3, с. 11—12]! К сожалению, автор не поведал, какие эмоции испытывал кроманьонец, когда делал эти выкладки в римском или древнерусском написании.

Ну и, конечно, календарь. Собственно какие соображения привели к мысли о том, что эти числа (если это действительно числа) являются ка-

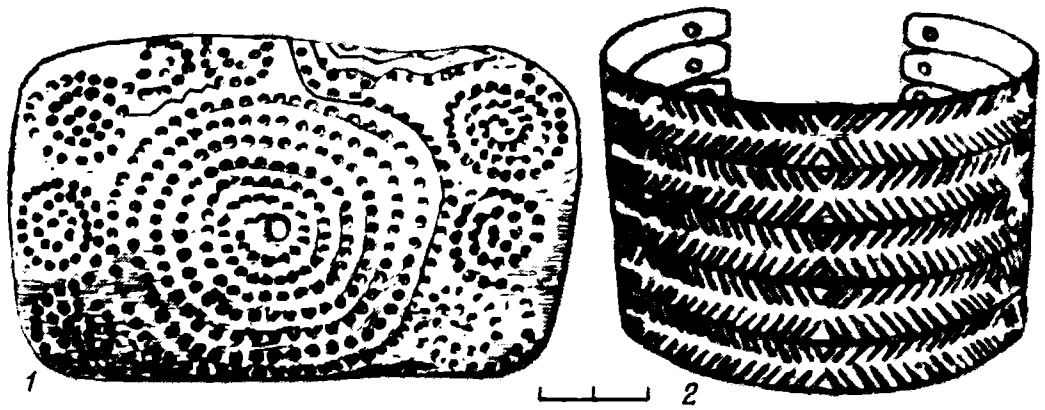


Рис. 1. Украшения. *1* — бляха, наружная сторона (Мальта); *2* — браслет (Мезин)

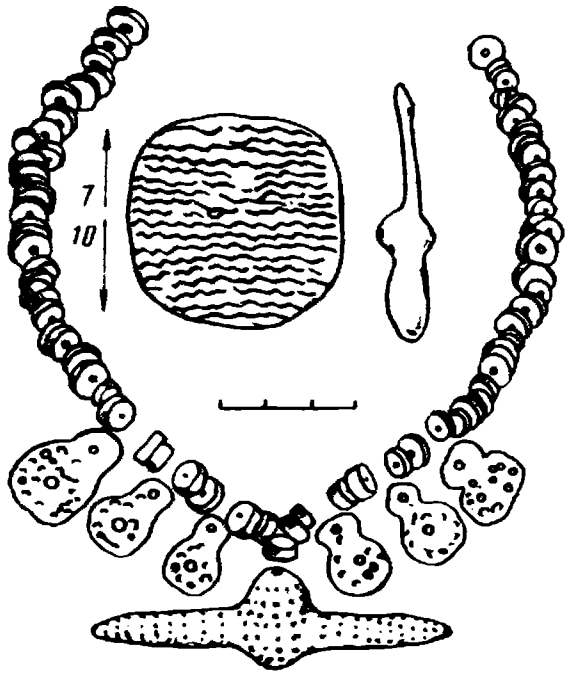


Рис. 2. Группа предметов из погребения (Мальта)

лендарными? Используемые основания для этого делятся на два разряда. Первый — из области математики календаря: различные группы чисел, читаемых на памятниках палеолита, сопоставляются с соответствующими элементами солнечного или лунного календарей. Второй связан с толкованием некоторых символов, указывающих на то, что памятник имеет отношение к культу Луны или Солнца.

Рассмотрим предполагаемые палеолитические календари в их последовательном отношении к Солнцу и Луне. Для того чтобы идентифицировать тот или иной памятник как *солнечный календарь,* считается достаточным наличие только одного параметра — совпадения числа знаков (хотя бы в части композиции) с длительностью солнечного (тропического) года, т. е. если предмет несет столько знаков, что удается выделить число 365 (366), этот предмет объявляется солнечным календарем. Таковы, к примеру, бляха из Мальты (общее число лунок $487 = 365 + 122$, т. е. $1\ ^1/_3$ года) [2, с. 124; 3, с. 13, 14] (рис. 1, *1*); браслет из стоянки Мезин под Черниговом (общее

число лунок 564, число 366 выделяется весьма произвольно) [2, с. 133; 25, с. 99] (рис. 1, *2*); группа предметов из погребения ребенка в Мальте (центральный объект — ожерелье имеет всего 346 знаков; чтобы добрать до 366, интерпретатор использует знаки на двух других предметах, располагавшихся в поясной части погребения, причем знаки — иного характера) [4, с. 70, 71] (рис. 2).

Не говоря об очевидной искусственности подобных подсчетов, эти «солнечные календари» вызывают ряд принципиальных возражений.

1. Для того чтобы некий числовой ряд назвать солнечным календарем, недостаточно сведений о том, что создатели этого ряда смогли процарапать 366 черточек. Главным параметром солнечного календаря, четко выраженным в поздних культурах, является не общий счет дней «под Солнцем», а умение привязать построенный календарь к важнейшим астрономическим точкам года — дням солнцестояний или равноденствий. Без такой привязки никакой численник не имеет реального смысла. Однако в предлагаемых «календарях» ничто не обнаруживает связи между числами и астрономическими вехами. Попытки интерпретаторов установить данную корреляцию носят чисто субъективный характер: так, например, в мальтинской бляхе день летнего солнцестояния В. Е. Ларичев совмещает с центральным отверстием [3, с. 16, 19], а А. П. Кондратенко — с одной из угловых спиралей [26, с. 75]

2. Знание длительности тропического года представляется не только не главным, но даже невозможным на данном уровне развития. Исследователи, защищающие приоритет лунных календарей, справедливо указывают на трудности, встающие на пути к определению этого параметра [27, с. 116] Для наглядности можно вспомнить историю познания его в египетско-европейской календарной традиции. Календарь древнего Египта, возникновение которого относят к IV тыс. до н. э., имел 360 дней в году; после длительных наблюдений эту величину уточнили до 365 дней, что расценивается как огромное достижение египетской науки. Известие о том, что продолжительность тропического года определена в $365^{1}/_{4}$ дня, относится к III в. до н. э., однако в календарную практику это значение вошло только в 46 г. до н. э. в Риме (юлианский календарь) и в 26 г. до н. э. в Египте (коптский календарь) [7, с. 33; 28, с. 44—57] Важно подчеркнуть, что эти искания и достижения относились к деятельности государств.

В народных культурах проблема солнечного календаря решалась иначе. Главной особенностью народного календаря было то, что непрерывный счет дней распространялся здесь только на часть года. Характерным примером может служить славянский календарь, запечатленный на поверхности сосуда IV в. н. э., который (в расшифровке Б. А. Рыбакова) охватывал период с 1 апреля по 7 августа [29, с. 85, 86] Период, подвергавшийся календарному счету, мог постепенно удлиняться и достигать *почти* целого года, но всегда должен был сохраняться элемент разрыва в последовательности чисел — того разрыва, благодаря которому преодолевалась дробность величины солнечного года [30, с. 26—36]. По-видимому, знание этой величины не должно составлять необходимости и для людей верхнего палеолита, если бы именно они начали устанавливать некоторые календарные вехи по солнечному счислению. В принципе такую возможность допускал Б. А. Фролов, объясняя «10-месячный календарь» на шумящем браслете из Мезина тем, что, «возможно, остальной отрезок времени до конца солнечного года не так интересовал мезинцев» [2, с. 135]. Но вопрос, почему в одних случаях этот отрезок интересовал людей, в других нет, остался открытым.

3. Числовой ряд из 365 (366) или более знаков, как правило, не делится на более короткие, *ритмически повторяющиеся* периоды, но образует сквозной счет дней в течение года. Это значит, что люди (не имевшие обыкновения пользоваться числительными выше 5 или 20) должны были запоминать даты,

выражавшиеся трехзначными числами (например: «сегодня у нас 126-е, мой день рождения 349-го, значит, инициацию, которая бывает 267-го, в этом году мне не пройти, а только через 507 дней»).

Эта идея не новая. В 1900 г. проект такого календаря был предложен в России как антитеза юлианскому [31, с. 6, 7], но даже для начала XX столетия он оказался неприемлемым, и это — не только из-за его нетрадиционности, но и вследствие неудобства оперирования большими числами.

Вместе с тем принцип непрерывного счета дней успешно применяется в научных целях — астрономических и хронологических, охватывая период более шести последних тысячелетий (так называемая эра Скалигера) [28, с. 193—196] К задачам верхнего палеолита эта система, по-видимому, никакого отношения не имеет.

4. Рассматриваемые группы чисел, чтобы претендовать на роль календарей, кроме периодического ритма должны обладать ритмом более сложного порядка — соответствующим праздничному ряду. Представим себе современный табель-календарь, выполненный целиком в черном цвете без выделения выходных и праздничных дней, — даже для нашего восприятия он предстанет тяжелой, лишенной жизненного пульса громадой времени. Тем более невозможен такой «календарь» для древних обществ, когда основными вехами жизни были крупные годовые праздники (как, например, у восточных славян Ярила — Купала — Коляда). Именно праздничный ряд как костяк народных календарей ясно просматривается в сохранившихся календарях этого типа — керамических, резных, вышитых и т. п. Так было и в древнейших цивилизациях: фиксация протоиндийского календаря была осуществлена отнюдь не в числовых рядах, а «в жертвенных и праздничных надписях» [32, с. 57] Учитывая специфику раннерелигиозного мышления, можно утверждать, что указанный принцип был основополагающим при создании первых календарей; отсутствие его в предлагаемых числовых «блоках» является решающим свидетельством того, что вся система палеолитической знакописи не имеет календарного характера.

Таким образом, вероятность того, что предложенные варианты прочтения палеолитических документов открывают феномен солнечного счисления, по-видимому, равна нулю.

Более разнообразная аргументация выставляется в подтверждение взгляда на «знаковые» памятники верхнего палеолита как на лунные календари. Это и наличие числовых «блоков» в 7, 14, 28 знаков, а также соответствующих нескольким лунным месяцам, это и «лунная» символика (изображение лунного серпа, змей, спиралей), и апелляция к античным и этнографическим материалам, свидетельствующим о широкой применяемости лунного календаря в матриархальных обществах [2, с. 119—142]

Этого нельзя сказать о следующем шаге, предпринятом В. Е. Ларичевым, который увидел в рассматриваемых объектах отражение лунно-солнечного календаря. Шаг этот можно отнести на счет (по меньшей мере) неправильного пользования терминологией. Лунно-солнечный календарь, как это принято в хронологии, служит для *согласования* двух видов счисления — лунного и солнечного [28, с. 98—103], а вовсе не для показа случайной картины: в такомто году такие-то лунные фазы приходились на такие-то даты солнечного года. Однако и в мальтинской бляхе, и в наборе из мальтинского погребения действует одна и та же схема: с одной из точек года произвольно соединяется одна из лунных фаз (причем в бляхе полнолуние «совпадает» с днем летнего солнцестояния, в наборе — с днем весеннего равноденствия [3, с. 15; 4, с. 75]), а дальше идут сложные рассуждения о том, что спирали раскручиваются и сжимаются, Луна «умирает» у входа в «круговерть витков» [3, с. 27], что-то приближается «к гибельному миру» [3, с. 30] и т. п. Тем не менее все это упорно именуется «лунно-солнечной календарной системой»,

к тому же обладающей «саморегулирующим характером» [3, с. 15],— явно завышенная оценка. Создателям подобных конструкций не следует забывать о том, что лунно-солнечный календарь — довольно искусственная система, в исторический период она появилась около III тыс. до н. э. в азиатских государствах для нужд административного характера; по меткому замечанию Э. Бикермана, она была «изобретением счетоводов» [21, с. 19] В сфере народной культуры эта система неорганична.

Вернемся к лунному календарю. Его палеолитическому варианту созвучно наиболее распространенное представление о нем как о древнейшем типе календаря: «...куда ни проникает взгляд хронолога, он везде обнаруживает именно лунное счисление в основе первичного календаря» [33, с. 93]; «...лунный период является самой древней календарной единицей» [7, с. 25; 28, с. 93; 34, с. 19] Правильность этого взгляда косвенно подтверждается эволюцией культового взаимоотношения Солнца и Луны. Несмотря на объективное главенство солнечных ритмов в хозяйственной жизни неолитических племен, Солнце не занимало соответствующего положения в системе религиозных представлений неолита и даже энеолита: в центре важнейших элементов трипольского орнамента часто помещалась Луна, а самый «бег времени» изображался языком лунных символов — спиралями из змей [6, с. 43, 44] Эта ситуация нашла отражение и в мифах; обычное явление здесь — позднее утверждение солнечных богов, нередко происходившее в результате борьбы с атрибутами лунного культа [35, с. 107; 36, с. 26, 27; 37, с. 70] Трудно утверждался солнечный календарь в Древней Греции: в VIII в. до н. э. он еще не был известен, попытки его официального насаждения начались с V в. до н. э., что вызвало резкое недовольство граждан. Так, скульптор Лисипп писал: «Празднества в честь Солнца приводят меня в неистовство, а солнечный год пробуждает яростное негодование» [9, с. 145; 27, с. 120—134; 38, с. 232, 233; 39, с. 118, 119].

Таким образом, культ Луны и лунный календарь представляют более древние системы, чем соответствующие солнечные явления. Но когда и почему они возникли, какова вероятность того, что это произошло в верхнем палеолите? Феномен лунного календаря до сих пор не имеет однозначного убедительного объяснения и вследствие этого вызывает много недоумений. О трудности и неудобстве лунного счисления писали многие. Н. Идельсон прямо называл его «несуразным» [33, с. 112] Английские ученые, установившие, что мегалитический Стоунхендж первоначально создавался как лунная обсерватория и в дальнейшем лунные параметры определяли большую часть его «научной нагрузки», не смогли дать удовлетворительных ответов на вопросы: чем это вызвано и с какой целью это делалось [23, с. 132—136, 232—235; 40, с. 147—176]

Рассмотрим некоторые аспекты лунного счисления. Для оценки его практической значимости выделим два различных по длительности периода, игравших, очевидно, самостоятельные роли в постижении человеком идеи Времени и в овладении способами его измерения, это «короткий» — в один месяц и «длинный» — около года или год. Когда исследователи говорят об удобстве пользования Луной как показателем текущего времени, они прежде всего указывают на ее месячную эволюцию и, следовательно, имеют в виду „короткий“ период. Действительно, сельские жители всех народов умеют определять по виду Луны ее месячный возраст с точностью до одного дня, что облегчает планирование некоторых работ (охотничьи экспедиции, выезды на дальние угодья и т. п.) Освоение этого периода было первым достижением человека в хронологической области [41, с. 120], о чем с особой убедительностью свидетельствуют сообщения о следующем ритуале. Повсюду в древнем мире период новолуния оглашался воплями женщин, в Древней Греции они при этом подражали горю Деметры, ищущей пропавшую Персефону. В классической

Греции отправлялись и другие ежемесячные культы, не считавшиеся официальными [38, с. 122, 127, 233]. Покровителями первых дней месяца были Геката, Аполлон, Гермес, в Риме — Юнона Календария; культ новомесячия был присущ и славянам, в России он был живой реальностью еще в XVI в. [42, с. 371, 372]. Однако в контексте поздних календарных систем рассматриваемый период предстает отдельным звеном, частью, не дающей представления о целом. Календарь длительностью в один месяц не является календарем в полном смысле слова: он не соотносится с общественным производством (имеющим годовую периодичность) и не учитывает различие хозяйственной деятельности в разные сезоны года. Наглядность лунного цикла снимает необходимость простейших расчетов: пользоваться им можно и не умея считать до 30. Временные вехи, отмечаемые с помощью лунных фаз, можно сопоставить с понятием часов в современных сутках; Луна на этом этапе играла роль своеобразного часового прибора с месячным заводом.

Более сложные представления кроются за периодом в 10—12(13) месяцев. Этот период, близкий к продолжительности года, стал фундаментом позднейшего мусульманского лунного и всех лунно-солнечных календарей. Наиболее ранние археологические свидетельства о бытовании этого периода относятся к III—II тыс. до н. э.; известен ряд объектов, несущих по 12 месячных знаков. Таковы сосуды XVIII в. до н. э. из Альмашфюзите (Венгрия), северокавказский сосуд VIII—VII вв. до н. э., сосуд IV в. н. э. из Лепесовки (Украина) и др. [29, с. 67—71; 41, с. 321—324; 43, с. 158—162] Характерной чертой комплексов этого типа является отсутствие такого понятия, как «день» (сутки), каждый «календарь» выражен в знаках, так или иначе символизирующих месяцы: например, один из весенних месяцев представлен знаком рала — время пахоты; один из осенних — знаком частокола — время перевода скота на стойловое содержание. Эта знакопись отнюдь не представляла собой расписания общественно важных событий, ритуалов и тех особых дней года, с которыми постепенно связывались целые серии примет и предсказаний. Информация же, что в один из весенних месяцев надо пахать, а в один из осенних загонять скотину в стойла, для людей, живущих «природной» жизнью, немногим отличается от той, что «весной будет весна», а «осенью будет осень». Таким образом, 12(13)-знаковый «календарь» так же трудно назвать календарем, как и предыдущий: он не служил для регулирования хозяйственной и культурной жизни людей.

Б. А. Рыбаков считает, что сосуды с 12-знаковой орнаментацией использовались для ритуальных целей и предназначались, в частности, «для общественных новогодних заклинаний на все 12 месяцев предстоящего года» [41, с. 322] К сказанному можно добавить, что эти действия совершались, по-видимому, в рамках культа предков, — это наглядно подтверждают подобные «календари» (четко трактуемые как лунные) в росписи боковых стенок погребальных ящиков кеми-обинской культуры конца III тыс. до н. э. [44, с. 29—37] Такая обобщенная запись времени вручалась (или предлагалась при ритуальном возношении чаш) усопшим предкам для того, чтобы обеспечить *своевременное* участие их в работах живых людей или чтобы поручить им соблюдение правильности прохождения времен. Итак, 12(13)-знаковый календарный период адресовался не людям, а умершим предкам, он служил не столько календарем, сколько его символом.

Особая трактовка лунного календаря разработана применительно к 10-месячному периоду. По мнению некоторых исследователей, она дает ответы на самые жгучие календарные вопросы и, главное, датирует календарь верхним палеолитом. Речь о том, что на некоторых вещах, и в том числе на женских фигурках („палеолитических Венерах"), отмечены знаковые ряды, равные или кратные 10 (рис. 3). В отличие от рядов, кратных 3 или 7, знаки этих рядов соотносятся не с сутками, а с месяцами (лунными), и весь

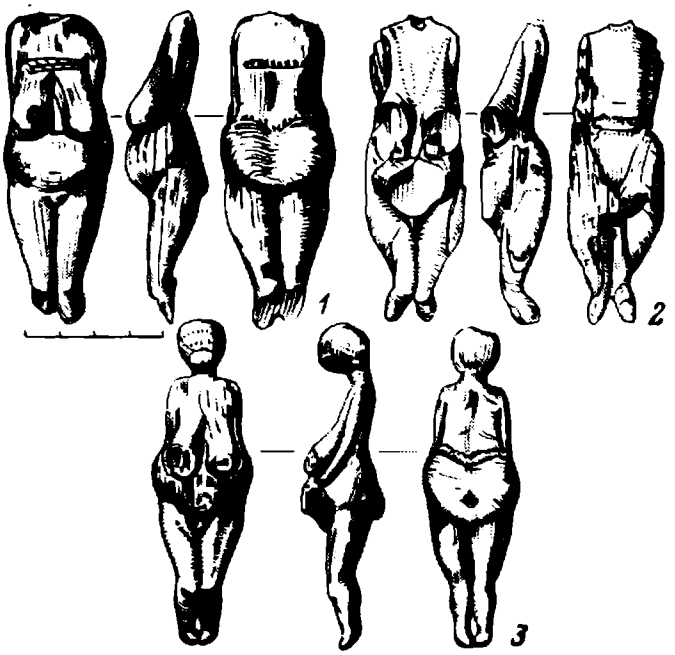


Рис. 3. Женские фигурки (Костенки I)

10-месячный срок оценивается как продолжительность беременности женщины [2, с. 131; 45, с. 504] Этот срок можно представить как сумму дней; близкое к ней число 273, обнаруженное в мальтинском погребальном наборе, мальтинской бляхе и ачинском жезле, выражает ту же идею [3, с. 23; 4, с. 78] Появление подобных записей трактуется как свидетельство повышенного внимания к проблеме воспроизводства, а также «хорошей регуляции семейно-брачных отношений» [2, с. 134] Вопрос о происхождении семьи авторами этих теорий не рассматривается, как и обходится история овладения знаниями о физиологии зачатия и беременности. Считается достаточным сослаться на Аристотеля и Овидия (которые сообщили, что в IV в. до н. э. и на рубеже нашей эры в Греции, Риме и ближайших варварских странах срок беременности в 10 месяцев был известен), а также на этнографические данные о современных народах Сибири [2, с. 131—134, 145; 25, с. 102, 103]

Однако свидетельства этнографии о культурах, более синхронных рассматриваемой, здесь игнорируются. Так, по наблюдениям Б. Спенсера и Ф. Гиллена, аборигены Австралии жили в полном неведении означенных явлений; они считали, что источником будущих детей служат так называемые камни детских душ; зачатие происходит в случае, если женщина посетит такой камень или случайно пройдет мимо него [46. с. 335—338] Последующими исследованиями уточнено, что основными центрами обитания детей-духов являются источники и водоемы; физические связи между ребенком и родителями аборигены считают второстепенными и не придают им значения; под зачатием подразумевают первое ощущение беременности или явление во сне отцу или матери духа ребенка, — но никаких расчетов за этим не следует [47, с. 104, 105, 166, 167] Жители Северной Австралии (юленгоры) знают, что дух ребенка входит в тело матери с водой или пищей; «они не знают, сколько времени проходит между зачатием и рождением ребенка... Узнав, что его жена скоро будет матерью, юленгор начинает вспоминать, не случилось ли с ним что-нибудь необычное во время охоты. Когда-то он поймал большую

рыбу, возможно, это было в прошлом месяце, а может быть, даже несколько лет назад» [48, с. 79]

В пережиточном виде эти представления пронизывают всю историю человечества и доживают буквально до наших дней. Так, в Египте была популярной легенда о герое Бате, преданном своей женой; его дух мог входить в различные предметы, например в персиковые деревья; во время рубки их маленькая щепка попала в рот его жене, в результате чего она забеременела и родила сына [49, с. 58—62] В религии зороастризма спаситель человечества является каждое тысячелетие; его каждый раз рождает девственница, которая беременеет оттого, что, купаясь в священном озере, выпивает глоток воды [9, с. 315]. К этой традиции восходят все легенды о чудесном (непорочном) зачатии: так, финская дева Ильматар зачала от ветра [50, с. 38], греческая Даная — от золотого дождя и т. п. [51, с. 361, 362] К. М. Тахтарев рассказал о случае, имевшем место в начале XX в. Молодая крестьянка Саратовской губ. объясняла свою неожиданную беременность действием вихря, который однажды поднял ее одежды [52, с. 175] Особое направление первобытной мысли представляет в качестве одного из средств сотворения жизни ритуальный смех. По мнению В. Я. Проппа, смех как творческое начало, действием которого женщины беременеют, промысловые животные умножаются и растения плодоносят, обязан своим возникновением матриархальной общине, т. е. верхнему палеолиту; мифологический и фольклорный материал, сохранивший соответствующие сюжеты, не содержит никаких намеков на последующие арифметические выкладки [53, с. 184—200]. В теоретическом плане представляет интерес идея Дж. Фрэзера, который неведением истинных причин беременности, присущим людям всех рас, и желанием найти достаточно веские основания для этого объяснял происхождение такого крупного раздела первобытной религии, как тотемизм [54, с. 63]

На фоне этих данных скрупулезные расчеты кроманьонок кажутся неубедительными. Яркой параллелью этим расчетам предстают арифметические выкладки, предпринятые В. Е. Ларичевым на основе мальтинской бляхи: оказывается, здесь если не придерживаться никакой системы и складывать что угодно с чем угодно, можно получить сроки беременности бизона, косули, лошади, барса, осла, северного оленя и даже слона [3, с. 36, 37] Таким образом, не говоря о том, что 10-месячные циклы беременности, если бы они были известны в верхнем палеолите, не представляются достаточным объяснением того громадного влияния, которое оказала Луна на позднейшие религию, культуру и календарные системы, но эти циклы, по-видимому, еще не были открыты в то время.

Кроме незнакомства с физиологией у женщин ориньяка, солютре и мадлена, возможно, было еще одно препятствие на пути к созданию лунного календаря беременности: существует гипотеза, что в течение всей древнейшей истории человечества, включая верхний палеолит, на ночном небе не было Луны. Эту идею в разных вариантах предлагали немецкий астроном Гестернкорн, американский — Г Юри, австрийский — Г Гербигер, причем последний датировал захват Луны полем земного тяготения XII тыс. до н. э., т. е. рубежом палеолита и мезолита [55, с. 363, 364; 56, с. 14, 15, 28; 57, с. 25, 26]. Кстати, возникший в конце палеолита на территории Европы обычай отрезать умершим головы и хоронить отдельно от туловища трактуется как архаичный ритуал в культе Луны [9, с. 207]

Эта гипотеза не получила широкого признания и не оказала влияния на хронологические представления. Сложившееся положение не обязательно свидетельствует о ее недостоверности, например о том, что она «не работает» в изолированном виде: здесь нашел отражение тот справедливый взгляд, что не всякое вновь появившееся явление, даже ритмичное, должно вызвать культ и породить календарь. При этом не исключено, что данная гипотеза

может стать более убедительной, если удастся выявить с большей полнотой экологическую обстановку верхнего палеолита.

Все сказанное выше о лунном счислении приводит к выводу о необходимости углубленного подхода к этому феномену, так как он не нашел удовлетворительного объяснения в рамках наличных хронологических, археологических и этнографических данных. Что породило его и побудило затем человечество пользоваться им в течение многих тысячелетий, несмотря на явные неудобства и диссонирующую ритмику? Ответа на эти вопросы не дает наглядность этого ритма: ритмов в природе много; ритм, положенный в основу календаря, должен быть *жизненно важным* для человеческого общества, однако лунный таковым не является. Не отвечает на эти вопросы и ритуальный календарь в виде 12(13)-знаковых символов, будучи в сущности лишь Символом Времени в актах общения с умершими предками. Еще меньшая общественная значимость сопрягается с ним, если первоначально он сформировался как женский календарь беременности: почему цари Шумера должны были неукоснительно следовать этому календарю на том лишь основании, что кроманьонки высчитывали по нему сроки очередных родов? Высказан еще ряд воззрений на природу лунного счисления, но постулируемая ими связь с общественным бытием древнего мира ничтожно мала. Вместе с тем ясно, что лунное счисление — объективная реальность, дожившая до наших дней; стойкость традиции, законсервировавшей лунный календарь и пронесшей его сквозь тысячелетия, заставляет предполагать и искать в его основе какую-то мощную идею, пока еще не раскрытую. Оперируя же сегодняшними сведениями о Луне и ее воздействиях на человека, мы что-то не учитываем, что-то упустили из того, что знали древние и благодаря чему именно лунный цикл сделали календарным.

Для расширения представлений об условиях жизни древнего мира, приведших к созданию лунного счисления, предлагается пополнить арсенал Науки о Человеке теорией из области физики Земли, получившей признание в последние годы, — о динамических процессах в геомагнитном поле — и оценить вариант прочтения вышеназванной гипотезы в комплексе с ней.

Магнитное поле Земли имеет переменный характер как по напряженности, так и по положению магнитных полюсов, которые периодически меняются местами. Процесс переполюсовки (инверсия) каждый раз отражался на эволюции биосферы, так как геомагнитное поле, являющееся своеобразным экраном или буфером, при этом исчезало и открывался доступ жесткой космической радиации, обладающей мутагенными свойствами; облучение могло воздействовать на живое вещество и опосредствованным образом [58, с. 96, 97] Такой же эффект имели и так называемые магнитные экскурсы — эпизодические снижения напряженности поля до нуля. На протяжении истории человечества отмечено четыре крупные эпохи магнитной полярности; последняя, ныне существующая эпоха Брюнес началась 690 тыс. лет назад; инверсия, соответствующая этому событию, оборвала летопись олдовайских гоминид и яванских питекантропов [59, с. 333—335] Внутри этой эпохи происходили кратковременные инверсии и экскурсы: экскурс Лейк-Мунго $\sim$ 300 тыс. лет назад, в районе которого закончил существование архантроп (Homo erectus) и появился палеоантроп; эпизод Блейк $\sim$ 110 тыс. лет назад, который можно поставить в связь с разделением палеоантропов на две резко различающиеся ветви, и инверсия Каргаполово 42—40 тыс. лет назад, с которой ведет начало Homo sapiens [60, с. 113—118; 61, с. 52—63; 62, с. 403, 404]

Именно эту последнюю инверсию предлагается рассмотреть с точки зрения становления духовной культуры верхнего палеолита. Ионизирующее излучение, повлиявшее на формирование физического облика Homo sapiens, должно было отразиться на образе жизни и хозяйственной деятельности верхнепалеолитического человека, что в свою очередь должно преломиться в религиозных представлениях и образах искусства.

Процесс видообразования всегда сопровождался исчезновением ряда наличных видов, новые виды (мутанты) возникали внутри процесса вымирания предшественников. Трагедия сапиентации состояла, очевидно, в том, что человек впервые в истории органического мира мог осознать происходившее или хотя бы воспринять царящую вокруг гибель как угрозу его существованию. Разумеется, радиация сама по себе неощутима и, следовательно, в условиях палеолита непознаваема; не обнаружив действующего фактора, казалось бы, невозможно установить его источник. Однако анализ мифологического материала убеждает в том, что человек очень близко подошел к определению причины опасности и способа спасения от нее.

Хорошо известно, что грозовая деятельность является функцией солнечной активности, с повышением последней возрастает и частота поражений человека ударами молний [63, с. 101, 104, 114] При отсутствии магнитного поля солнечная радиация непрерывно ионизирует атмосферу, вследствие чего в течение всей инверсии или экскурса, продолжающегося несколько столетий и до одного-двух тысячелетий, над дневной стороной Земли бушуют грозы. Отражение этой ситуации можно видеть в том, что бог-громовержец стал непременным участником всех древних религиозных систем; в индоевропейской мифологии он является ведущим персонажем, а в качестве основного мифа здесь признан рассказ о его борьбе со своим противником. К сожалению, события этого мифа еще не датированы: реконструкция фрагментов мифа проведена всего лишь до уровня III тыс. до н. э. [64, с. 158], что явно недостаточно. Как указывает Б. А. Рыбаков, здесь необходим поиск на бóльших глубинах [41, с. 426]; в этом плане важными датирующими признаками эпохи, создавшей архетип мифа, могут служить сведения, что орудиями труда, нападения и местом укрытия был *камень* [65, VI, 39; 66, с. 76] Отделяя позднейшие наслоения, начальную фабулу можно сформулировать так: некая злая сила, находящаяся на небе, пытается погубить доброе живое существо, спрятавшееся в пещере. Для характеристики злого начала важно, что в некоторых традициях Северной Азии не проводится различия между богом Грозы и богом Солнца или Неба [64, с. 151]; в мифологической памяти сохранился непосредственный взгляд на Солнце как на злое, вредоносное начало [67, с. 520]. В древнем Египте эта ситуация была введена в обрядовую практику: в ежегодном обряде накануне разлива Нила вспоминалось намерение бога Ра истребить всех людей [68, с. 50 51, 86—89] О злом белом божестве «верхнего мира» знают шаманы, летают они и на Солнце, ходатайствуя за бесплодных женщин, — якобы за душами детей [69, с. 67, 68]; очевидно, первоначально целью их паломничества к светилу была просьба *не губить души детей.*

Итак, наглядным явлением природы, представлявшим серьезную опасность для ранних кроманьонцев, были дневные грозы; спасаясь от них, люди снижали дозы облучения. Выживанию человека в этих условиях способствовало то, что он покинул тропическую зону и сосредоточился в умеренных и северных широтах, где его жилищем были пещеры. Однако оба эти действия вряд ли можно рассматривать как творческие находки данного периода. Указанное географическое распределение скорее всего было не следствием осмысленной миграции, а результатом «неприспособления» к новым условиям: уровень радиации и, следовательно, процент смертности ближе к экватору были выше (о проблематичности верхнепалеолитических культур Африки и Южной Азии см. [70, с. 94, 95, 182, 184]). Интерес к пещерам человек испытывал всегда и особенно с ашеля, интенсивное освоение пещер происходило в мустье; в ориньяке эта традиция была продолжена, получив новую окраску: пещера, чрево Земли, самое надежное укрытие от стихии, приобрела чёрты сакраментальности как область, противостоящая враждебному Небу. Бытие в ориньякских пещерах, где происходило становление сапиенса, нашло отражение в ряде мифологических сюжетов. О том, что процесс сапиентации

был отмечен человеком, говорит самый феномен мифологической антропогонии; характерно, что предшествующей человеку стихией, из которой он создан, обычно называется земля (латинск. homo — humus, литов. žmónes — zeĕme). Хорошую конкретизацию этого процесса можно видеть в сюжете заглатывания человека каким-либо зверем, трансформации его в зверином чреве и изрыгании в обновленном виде — сюжете, включенном затем в обряд инициации (второго рождения). Индейский миф о двух братьях, проглоченных китом, точно передает последствия радиационного облучения: в брюхе кита (якобы от жары) они потеряли волосы и стали лысыми; выйдя из китового чрева и увидев это, братья долго смеялись друг над другом [71, с. 101] Целая группа мифов начинает историю человека не с его сотворения, а с выхода готовых людей из некой подземной полости или прямо из пещеры [72, с. 88]

Исследователям верхнего палеолита в равнинных местностях хорошо известны стоянки открытого типа, на которых жилищами служили искусственные сооружения из дерева, костей животных и земли. Возраст этих построек остается спорным; на Русской равнине в качестве наиболее вероятного называется 30—24 тыс. лет назад [73, с. 168, 176—178, 180, 185], т. е. к проблеме становления сапиенса они отношения не имеют. То обстоятельство, что в их конструкции применялась земля, свидетельствует о том, что строившие их люди соблюдали традицию жизни «внутри земли»: хижина той поры имитировала пещеру.

Творческий подход к разрешению сложившейся ситуации Homo sapiens проявил в том, что для уменьшения ущерба от дневных гроз он, вероятно, перешел на ночной образ жизни. Эта новая организация быта реконструируется на основании данных мифологии, традиционных ритуалов и обрядовой практики. В Экваториальной Африке сохранилось предание о своеобразном грехопадении: первоначальное требование бога к людям состояло в том, чтобы они *не спали ночью;* люди нарушили условие и тем навлекли на себя многие беды [9, с. 281] Такую же оплошность допустил культурный герой североамериканских индейцев Койот [74, с. 56] Оценка давно прошедших событий в мифе часто бывает отрицательной; великаны — отрицательные персонажи англосаксонского Беовульфа — выходят на поиски добычи ночью [75, с. 34—37, 52, 55, 62 сл.] Ночная охота на опоссума вошла в цикл мифов индейцев Южной Америки [76, с. 61]; сцены ночной охоты, носящей ритуальный характер, наблюдают современные путешественники [77, с. 144] Сакрализация ночи как времени общения с божеством широко представлена в религиях мира. Центральное действо в австралийском обряде инициации совершается ночью [78, с. 63]; шаманские камлания происходят ночью [69, с. 15, 81, 123, 148 сл.]; ночными были многие ритуалы Древней Греции; ночью совершали главные жертвоприношения галлы [79, с. 96]; именно ночью проявляли особую заботу о людях боги хеттов [64, с. 50, 51]; ночные действа занимали значительное место в славянском празднике Купалы, совершались они и в другие дни. Все говорит о том, что ночной промысел и сама ночная жизнь были определенным этапом в истории человечества и, следовательно, имели высокое значение. Объяснение ночных экспедиций взысканием комфорта — способом избежать дневной жары [7, с. 24] — не представляется основательным.

К сожалению, ночной образ жизни не оставил заметных следов в материальной культуре. Объектами ночной охоты не обязательно должны быть ночные животные; такие работы, как устройство ловчих ям, установка ловушек и т. п., а также извлечение добычи, могли проводиться в любое время суток, в том числе ночью, и при этом быть направленными на любых животных. Впрочем, весомым доводом в пользу предлагаемой концепции является факт длительного пребывания людей «на краю глетчера» (с учетом миграций сообразно положениям ледника): ночное выслеживание зверя особенно эффек-

тивно по «чернотропу», что реально при среднесуточной температуре около 0° С — днем оттепель, ночью небольшой снег.

Концепция ночного образа жизни с особой остротой поднимает вопрос: что служило ночным светилом? Сохранился ряд реликтовых астральных представлений, которые совершенно необъяснимы в предположении, что на ночном небе всегда присутствовала Луна. Например, Млечный Путь, по яркости намного уступающий Луне, во многих религиозных традициях предстает древнейшим почитаемым объектом: его символом были дерево (стилизованное майское и рождественское «деревья» в индоевропейской традиции), столб, колонна, жезл, нуртунья австралийцев, дэд древних египтян, обелиск, лестница и др. Характерно, что обелиск в представлении египтян был *источником света* (!) (что подтвердили и римляне, назвав его «стеллой», т. е. звездой), а изображение столба стало иероглифом, обозначающим понятие «бог» [9, с. 118—146, 153]. Сакральность столба в славянской традиции видится в круге представлений, связанных с глаголом «застолбить» — обозначить свою территорию, освятить ее, сделать пригодной для обитания, а также в украинском обычае при первом громе: у кого болит спина или поясница, для излечения должен спешно прислониться к «столбу» [80, с. 465]

Другим важнейшим ночным светилом было звездное скопление Плеяд, оно занимало центральное положение в астральных воззрениях хеттов [64, с. 50, 51], славянами почиталось под именем Волосыни, Волосожары, Стожары. Отмечены древние пласты в почитании Большой Медведицы и Ориона. Из планет наиболее употребимой была Венера: например, в хрониках майя ночное небо освещает Венера, упоминания о Луне носят второстепенный характер [81, с. 30—38] В позднейших мифах Венера предстает как мать (и затем супруга) бога Луны [9, с. 32] Народы Восточной Азии самое пристальное внимание уделили Юпитеру и Сатурну [22, с. 18, 80, 81; 32, с. 65—68] Если человек верхнего палеолита действительно пользовался только этими — как наиболее яркими — объектами, то ясно, что ночь была достаточно темна. Попутно отметим, что годовая эволюция этих объектов — размытая или чрезмерно сложная — далеко не способствовала созданию первичных календарных систем. «Пользование» упомянутыми объектами должно было носить обобщенно-созерцательный характер; обряды, которыми отмечалось их появление и исчезновение, целесообразно именовать «пракалендарными».

Итак, общая картина бытия в эпоху верхнего палеолита, определяемая климатическими и космическими факторами, в первую очередь характеризуется концентрацией людей в высоких широтах, в непосредственной близости к леднику. Их тяжелая жизнь еще более осложнялась тем, что, испытав на заре своей истории враждебность грозного, блистающего неба (и запомнив эту позицию в образах сакрального предания), они считали себя вынужденными выходить на промысел и отправляться в экспедицию ночью, а день проводить в надежных укрытиях. Ориентиром и дополнительным источником света при ночных передвижениях служил Млечный Путь, определенную роль играли некоторые созвездия и планеты. Миграции каждой родовой общины совершались очень медленно: они, кроме ночных условий, ограничивались тесной связью рода со своей территорией, закрепленной в тотемических представлениях [82, с. 68], — следовательно, обычным явлением должны быть хронически истощенные охотничьи угодья [83, с. 2, 8] Учитывая, что к концу верхнего палеолита исчезают мамонт, шерстистый носорог и другие крупные млекопитающие, можно с полным основанием говорить о реальной угрозе голода. Если эта картина соответствует истине, то легко представить, каким колоссальным событием должно стать появление на небосклоне Луны: создав ночью почти такую же освещенность, как днем, она предстала великой пособницей охоты — дав людям свет, она дала им жизнь.

Не снимая с этого события рубрики «гипотеза», отметим, что оно подтверждается преданиями многих народов. Так, жители Аркадии на юге Греции

помнили время, когда Луна не сияла еще на небе; поэтому эллины позже называли аркадийцев «долунные» [56, с. 15]. Пигмеи Центральной Африки помнят, что на заре их истории бог Луны жил таким образом, что они не могли его видеть, и только благодаря некоторой неосторожности возник ныне существующий порядок с его периодическим появлением и исчезновением [9, с. 278] В мифах народов Судана рассказывается, что явление Луны произошло на глазах людей: в нее превратился высоко подпрыгнувший баран [84, с. 79]; бушменский демиург Богомол создал Луну, запустив в небо свою сандалию [85, с. 3] Захваченная Землей Луна не сразу заняла свою орбиту: сначала она подошла на более близкое расстояние к Земле, при этом ее видимый диаметр в несколько раз превышал современный. Об этом времени — когда Луна и Солнце были одинаково яркими — говорят мифы народов Меланезии и ацтеков [13, с. 536; 76, с. 281]. Протохеттам даже показалось, что Луна просто упала на рыночную площадь [86, с. 50—51].

Наиболее внушительным, катастрофичным следствием этого космического явления должно быть огромное, повсеместное наводнение. Красноречивые рассказы практически всех народов мира о «потопах», хотя и описывают преимущественно локальные наводнения [87, с. 63—159], по-видимому, восходят к приливному затоплению Земли, связанному с появлением Луны. Это грандиозное наводнение, возможно, оказало положительное воздействие на ход последующих событий: прокатившись главным образом в тропических и умеренных широтах, оно (вместе с изменением климата) создало колорит очищения и обновления планеты — появились новая растительность, новые животные. Светлая ночь способствовала выработке новых приемов охоты, что давало возможность оторваться от кромки ледника; по мере возвратного расселения в южном направлении исчезал страх и перед дневным небом.

Итак, комплексное представление о явлении Луны на фоне предшествующей эпохи, прожитой под знаком инверсии геомагнитного поля, позволяет выявить уникальную ситуацию в системе *Человек и Луна,* когда значение этого ночного светила оценивается как *жизненно важное:* Луна дала новые возможности для охоты, дала новые земли, новую жизнь. Именно отсюда может исходить пристальное внимание к характеру ее движения, давшее затем начало календарному счету. Но это уже мезолит.

Предложенная гипотеза, а также ряд данных, приведенных в начале статьи, позволяют утверждать, что эпоха верхнего палеолита не знала календарного счета. Интерпретация «знаковых рядов» на памятниках палеолита как записей календарного характера не выдерживает критики. При подсчете «знаков» интерпретаторы применяют явные натяжки, а прямое отождествление наборов этих «знаков» с лунным или солнечным (и тем более лунно-солнечным) календарем совершенно неоправданно. Верхнепалеолитическая «знакопись» обозначает что-то другое. Весьма продуктивным представляется сопоставление некоторых «знакосодержащих» фигур с подобными на австралийских чурингах, где «пластический узор может рассматриваться как изобразительная проекция речевых и музыкальных ритмов и обретать свое значение только во время обряда» [88, с. 517]

Некоторые материалы этой статьи призваны показать, что верхний палеолит был трудной эпохой в истории человечества, что человек вышел победителем в борьбе с трудностями, что при этом он жил напряженной духовной жизнью, следы которой, многократно трансформированные, сохранились до настоящего времени. Его духовный мир не выглядит беднее оттого, что он не «одомашнил» время, по выражению А. Леруа-Гурана, и жил в естественной ритмичности сезонов, без замены ее календарной символикой, расписаниями и т. п., — он не имел для этого объективных возможностей.

Самостоятельной темой, имеющей непосредственное отношение к кругу обсуждаемых проблем, является происхождение лунного счисления. Эта тема до сих пор является открытой, так как не получила однозначной и убеди-

тельной трактовки. Ранее выдвинутая гипотеза о позднем появлении Луны не дала исчерпывающего ответа на вопрос о причине установления календарного счета, но рассмотренная в комплексе с феноменом инверсии геомагнитного поля, имевшим место 42—40 тыс. лет назад, она значительно приблизила нас к возможности создания научно обоснованной теории происхождения календаря. Однако сегодня это не более как рабочая гипотеза; свое окончательное подтверждение она может получить в результате фундаментальных исследований в области астрофизики.

Формой сакрализованного выражения религиозных и социальных представлений верхнепалеолитического человека были ежегодные обряды и обрядовые циклы, носившие пракалендарный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Marshak A.* Notation dans les gravures du Paléolithique supérieur, Nouvelles methodes d'analyse. Bordeaux, 1970.
2. *Фролов Б. А.* Числа в графике палеолита. Новосибирск: Наука, 1974.
3. *Ларичев В. Е.* Лунно-солнечная календарная система мальтинской культуры. Лунно-солнечный идол. Новосибирск, 1984 (препринт).
4. *Ларичев В. Е.* Лунно-солнечный календарь погребения Мальты и проблема палеокосмогонических аспектов семантики образов искусства древнекаменного века Сибири // Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. История и культура Востока Азии. Новосибирск: Наука, 1985.
5. *Спиркин А. Г* Происхождение сознания. М.: Политиздат, 1960.
6. *Рыбаков Б. А.* Космогония и мифология земледельцев энеолита // СА. 1965. № 1.
7 *Каменцева Е. И.* Хронология. М.: Высш. шк., 1967.
8. *Проштейн А. П., Кияшко В. Я.* Хронология. М.: Высш. шк., 1981.
9. *Церен Э.* Лунный бог. М.: Наука, 1976.
10. *Андрианов Б. В.* Роль перехода к земледелию в историческом процессе // Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса. М.: Наука, 1972.
11. *Стеблин-Каменский М. И.* Миф. Л.: Наука, 1976.
12. *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М.; Атеист, 1930.
13. *Токарев С. А.* Религия, мифология и первобытный синкретизм // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986.
14. *Тэйлор Э. Б.* Первобытная культура. СПб., 1896.
15. *Якубинский Л. П.* История древнерусского языка. М.: Учпедгиз, 1953.
16. *Файнберг Л. А.* Представления о времени в первобытном обществе // СЭ. 1977 № 1.
17. *Коль-Ларсен Л.* От собирателя фольклора тиндига (или хадзапи) // Волшебный рог: мифы, легенды и сказки бушменов хадзапи. М.: Изд-во вост. лит., 1962.
18. *Гайденко В. П.* Тема судьбы и представление о времени в древнегреческом мировоззрении // Вопр. философии. 1969. № 9.
19. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М.: Наука, 1972.
20. *Павлов А. П.* Представления о времени в истории, археологии и геологии. М., 1920.
21. *Бикерман Э.* Хронология древнего мира. М.: Наука, 1976.
22. *Цыбульский В. В.* Календари и хронология стран мира. М.: Просвещение, 1982.
23. *Вуд Дж.* Солнце, Луна и древние камни. М.: Мир, 1981.
24. *Окладников А. П.* Утро искусства. Л.: Наука, 1967.
25. *Фролов Б. А.* К истокам первобытной астрономии // Природа, 1977 № 8.
26. *Кондратенко А. П.* К вопросу о функциональном назначении верхнепалеолитической пластины стоянки Мальта // Первобытное искусство. Пластика и рисунки древних культур. Новосибирск: Наука, 1983.
27. *Климишин И. А.* Календарь и хронология. М.: Наука, 1985.
28. *Селешников С. И.* История календаря и хронология. М.: Наука, 1970.
29. *Рыбаков Б. А.* Календарь IV в. из земли полян // СА, 1962. № 4.
30. *Власов В. Г.* Русский народный календарь // СЭ. 1985. № 4.
31. *Андреев И.* Естественный календарь. М., 1900.
32. *Волчок Б. Я.* К проблеме интерпретации протоиндийских изображений и символов // СЭ. 1982. № 3.
33. *Идельсон Н. И.* История календаря. Л., 1925.
34. *Паннекук А.* История астрономии. М.: Наука, 1966.
35. *Крамер С. Н.* История начинается в Шумере. М.: Наука, 1965.
36. Мифы древней Индии. М.: Наука, 1975.

37 Древнеиндийская философия. М.: Соцэкгиз, 1963.
38. *Томсон Дж.* Исследования по истории древнегреческого общества. Доисторический эгейский мир. М.: Изд-во иностр. лит., 1958.
39. *Томсон Дж.* Исследования по истории древнегреческого общества. Т. II. Первые философы. М.: Изд-во иностр. лит., 1959.
40. *Хокинс Дж., Уайт Дж.* Разгадка тайны Стоунхенджа. М.: Мир, 1973.
41. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.
42. Стоглав // Российское законодательство X—XX вв. Т. 2. М.: Изд-во юрид. лит., 1985.
43. *Рыбаков Б. А.* Календарный фриз северокавказского сосуда VIII—VII вв. до н. э. // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1974.
44. *Шилов Ю. А.* Календарная символика и хронология кеми-обинских погребений из кургана № 1 у с. Староселье // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев: Наук. думка, 1982.
45. *Фролов Б. А.* Рациональные знания // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986.
46. *Spenser B., Gillen F.* The Native Tribes of Central Australia. L., 1899.
47. *Берндт Р. М., Берндт К. Х.* Мир первых астралийцев. М.: Наука, 1981.
48. *Чеслинг У.* Среди кочевников Северной Австралии. М.: Изд-во вост. лит., 1961.
49. Поэзия и проза древнего востока. М.: Изд-во худож. лит., 1973.
50. Калевала. М.: Изд-во худож. лит., 1977.
51. *Токарев С. А.* Девственное (непорочное) зачатие // МНМ. 1980. Т. I.
52. *Тахтарев К. М.* Очерки по истории первобытной культуры. Л., 1924.
53. *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976.
54. *Frazer J.* Totemism and Exogamy. T. IV L., 1910.
55. *Альвен Х.* О происхождении Земли и Луны // Наука и человечество. М.: Знание, 1964.
56. *Горбовский А.* Загадки древнейшей истории. М.: Знание, 1971.
57. *Буткевич А. В., Зеликсон М. С.* Вечные календари. М.: Наука, 1984.
58. *Шугрин С. М., Обут А. М.* Солнечная активность и биосфера. Новосибирск: Наука, 1986.
59. История первобытного общества. Общие вопросы; проблемы антропосоциогенеза. М.: Наука, 1983.
60. *Матюшин Г Н.* У истоков человечества. М.: Мысль, 1982.
61. *Куликова Л. С., Поспелова Г А.* Кратковременная инверсия геомагнитного поля 42—40 тыс. лет назад // Изв. АН СССР. Физика Земли. 1979. № 6.
62. Катастрофы и история Земли. Новый униформизм. М.: Мир, 1986.
63. *Чижевский А. Л.* Земное эхо солнечных бурь. М.: Мысль, 1973.
64. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974.
65. *Aufrecht Th.* Die Hymnen des Rigveda. B., 1955.
66. *Богданович А. Е.* Пережитки древнего миросозерцания у белорусов. Гродна, 1895.
67 Сказки и мифы Океании. М.: Наука, 1970.
68. *Матье М. Э.* Древнеегипетские мифы. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
69. *Басилов В. Н.* Избранники духов. М.: Политиздат, 1984.
70. История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986.
71. *Boas F* Indianische Sagen von der nordpasifischen Küste Amerikas. B., 1895.
72. *Иванов В. В.* Антропогонические мифы // МНМ. 1980 Т. I.
73. Палеолит СССР М.: Наука, 1984.
74. Всевидящий глаз. Легенды североамериканских индейцев. М.: Прогресс, 1964.
75. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах. М.: Изд-во худож. лит., 1975.
76. Легенды и сказки индейцев Латинской Америки. М.; Л.: Изд-во худож. лит., 1962.
77 *Шапошникова В. Д.* По тропам Экваториальной Африки. М.: Сов. писатель, 1970.
78. *Анисимов А. Ф.* Этапы развития первобытной религии. М.; Л.: Наука, 1967.
79. *Филип Я.* Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961.
80. *Максимович М. А.* Дни и месяцы украинского селянина // Собр. соч. Т. II. Киев, 1877
81. *Кнорозов Ю. В.* Иероглифические рукописи майя. Л.: Наука, 1975.
82. *Токарев С. А.* Ранние формы религии. М.: Наука, 1964.
83. *Верещагин Н К.* Освоение животного мира первобытным человеком на территории СССР // VII Междунар. конгр. антропол. и этногр. наук. М., 1964.
84. *Иванов В. В.* Лунарные мифы // Мифы народов мира. Т. 2. М.: Сов. энциклопедия, 1982.
85. Сказки народов Африки / Сост. Ольдерогге Д. А. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959.
86. Луна упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии. М.; Изд-во худож. лит., 1977
87. *Фрэзер Дж.* Фольклор в Ветхом Завете. М.: Политиздат, 1985.
88. *Мириманов В. Б.* Изобразительное искусство // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986.

V G. Vlasov

ON THE CALENDAR OF THE UPPER PALAEOLITHIC

Summary

The author turns to the works dealing with the mathematical and calendar interpretations of the graphic elements on Upper Palaeolithic monuments. He comes to the conclusion that the Upper Palaeolithic knew no calendar reconing. His conclusion is based on the studies of the chronological, ethnographic, linguistic and other materials. The Upper Palaeolithic, at the same time, created a number of rites of „nearly calendar" type: annual events with seasonal synchronisation to the Earths' movement. To decide the issue of the nature and date of the lunar reconing the author turns to the hypothesis that the Moon appeared at the turn of the Mesolithic and investigates this hypothesis together with the phenomenon of the preceding geo-magnetic field inversion.

А. Н. СОРОКИН

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ БУТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Все исследователи волго-окского мезолита единодушны во мнении о его формировании на базе свидерской культуры (М. В. Воеводский, А. А. Формозов, Л. В. Кольцов и др. [1—4]); ту же мысль высказала в своей монографии Р. К. Римантене [5]. Вместе с тем указывается на имеющиеся между этими культурами существенные различия. Так, в 1971 г. Л. В. Кольцов в рецензии на монографию В. Тауте писал: «Автор (Тауте.— *А. С.*) говорит о сходстве (мезолита.— *А. С.*) Оки и Верхней Волги со свидером... Если рассматривать все комплексы целиком, то будет видна разница между свидером и волго-окской мезолитической культурой» [6]. В последние годы Л. В. Кольцов, исходя из изменений в культурном членении региона, пишет о свидерско-аренсбургской подоснове конкретно только бутовской культуры, отмечая долю участия в ней местного и деснинского финального палеолита, а иеневскую связывает с мезолитом Поднепровья [7, 8].

В свете новых данных, накопленных за последние годы, попробуем рассмотреть вопрос о происхождении бутовской культуры подробнее. Первоначально определим круг позднесвидерских и раннебутовских памятников, пригодных для решения данной проблемы, для чего рассмотрим инвентарь польских и литовских свидерских стоянок, население которых считается непосредственными предками бутовцев. Воспользуемся сводкой, предложенной в монографии Л. В. Кольцова [9]. В упорядоченном виде на основе коэффициента сходства [10] признаков свидерской культуры группа позднесвидерских памятников включает стоянки: 1) Цаловане (раскоп 5); 2) Станьковиче 1; 3) Станьковиче 2; 4) Червоны Борек 24; 5) Токары Ромбеж; 6) Свидры-Вельке II (сборы Круковского); 7) Свидры-Вельке I (сборы Савицкого); 8) Эйгуляй 1Д. В ту же группу вошли стоянки Плуды А, Эжяринас 1 и Цаловане (раскоп 1), отнесенные Л. В. Кольцовым к более ранним периодам [9]. С коллекциями трех последних памятников мы не знакомы, поэтому не можем сказать, чем данное несоответствие вызвано. В силу спорности датировки указанных трех памятников их материалы не учитываются.

Характерные типы орудий свидерской культуры (по Л. В. Кольцову), встреченные на восьми вышеперечисленных стоянках, включают наконечники свидерского типа иволистные (6)[1], с намечающимся черешком (6) и черешковые (4), постсвидерские наконечники (6), скребки концевые (8), округлые (подокруглые) (4), двойные (7); резцы двугранные (преимущественно срединные) (8), на сломе (7) и ретушные (8), ножи из пластин с приостряющей ретушью (8).

Их дополняют скребки с выступом (2) и веерообразные (2), комбинированные орудия (скребки-резцы) (2), скобели (4), сверла (3), косые острия (4) и аренсбургские наконечники стрел (3), которые в силу малочисленности не могут претендовать на роль культурных определителей.

Кроме того, на стоянке Свидры-Вельке I (сборы Савицкого) найден топор с перехватом. Эти изделия Р. К. Римантене выделяет как характерные для памятников позднего свидера Литвы [5]. Микролит с затупленным краем всего один — в коллекции Свидры-Вельке I (сборы Савицкого). Те же черты наблю-

[1] В скобках указано число памятников, на которых встречен данный тип изделий.

даются и на стоянках Волынского Полесья (Черск, Лютка, Приборск 4 и 7) [11], исследованных в последнее время Л. Л. Зализняком. Некоторое своеобразие по отношению к рассмотренным показывают поздне- или постсвидерские (рубежа плейстоцен — голоцен) памятники типа Смячки XIV [12] Оно проявляется прежде всего в преобладании аренсбургских наконечников над свидерскими, в присутствии топоров с перехватом, в отсутствии срединных резцов, а также в типах нуклеусов. Нуклеусы свидерской культуры двуплощадочные, ладьевидные, с подтеской контрфронта, изредка, особенно в Прибалтике и на Украине, их дополняют конические или призматические, а в памятниках типа Смячки XIV они доминируют. Подробнее на инвентаре памятников типа Смячки XIV и их роли в происхождении бутовской культуры мы остановимся ниже, здесь же подчеркнем, что свидерские памятники в целом отличаются бедностью типологического набора и немногочисленностью орудий. Все эти типы изделий могли получить свое дальнейшее развитие в ранних бутовских материалах, если последние, как это принято считать, наследуют свидерские традиции.

В связи с проблемой происхождения бутовской культуры важно рассмотреть и те стоянки, которые Л. В. Кольцов относит к наиболее раннему ее периоду. Из семи раннебутовских памятников, упоминающихся в литературе (Бутово, Тихоново, Гремячее, Соболево VII, Настасьино, Лукино, Кошево II), подробно опубликованы только три: Бутово [13—15], Гремячее [16] и Лукино [17] Стоянка Бутово, судя по опубликованным данным, не является одним памятником. Материалы сборов 1956 и 1959 гг. происходят из пункта, расположенного на наиболее удаленной от р. Волги дюне 3 на расстоянии в 300 м от дюны 1, где производились раскопки 1966—1967 гг Такая удаленность позволяет считать их самостоятельными памятниками (условно обозначим Бутово 1 и 3). Коллекция Бутово 3 включает 602 каменных предмета, в том числе 65 орудий. На стоянке Бутово 1 (на первой дюне) на значительном расстоянии друг от друга было заложено четыре раскопа. Лишь раскоп 4 дал сравнительно полную коллекцию, включающую 756 кремневых изделий, из которых 108 со вторичной обработкой, в том числе невыразительные обломки орудий, отщепы и пластины с нерегулярной ретушью. Морфологически четкие формы составляют чуть более половины этой цифры.

Материал из раскопов 1—3 малочисленный и типологически слабо выраженный. Если принять в расчет площадь раннемезолитических стоянок в бассейне, то большая удаленность раскопов Бутово 1 друг от друга (от 70 до 190 м) не позволяет нам объединять материалы всех этих площадей в единый памятник. Фактически мы имеем дело с четырьмя разными пунктами, коллекции которых недостаточны для строгой культурной классификации. Как известно, уровень надежности на основе статистических критериев определяется не менее чем в 100 орудий. При подсчете показателя сходства этих пунктов с другими бутовскими коллекциями значения для Бутово оказались минимальными даже среди фоновых, что объясняется малочисленностью морфологически выраженных орудий в этих коллекциях.

Коллекция стоянки Гремячее 1 в Калужской обл. включает немногим более 100 предметов и около 20 орудий. Среди орудий три постаренсбургских наконечника с крутой ретушью на спинке (два в обломках, мало выразительны) и один постсвидерский. Плоская ретушь по брюшку отсутствует. Никаких поздних свидерских типов наконечников здесь нет. Кроме того, черешки у целых экземпляров удлиненные, что практически не встречается в бутовских комплексах. На стоянке Лукино в Калининской обл. найдено 404 кремня и лишь 15 орудий.

Другие раннебутовские (по Л. В. Кольцову) стоянки также представлены крайне бедными коллекциями: Кошево 2—156 кремней, менее 20 орудий (наконечники отсутствуют); Настасьино — 170 предметов, 89 орудий, и, наконец, Соболево VII — 554 кремня и 32 орудия. Коллекции последних двух памятников имеют следы механических повреждений, обломки наконечников на них могли получить вторичную обработку случайно.

Единственную представительную коллекцию, из атрибутированных Л. В. Кольцовым в качестве раннебутовских, дала стоянка Тихоново [2], хотя и здесь набор орудий не очень велик. Таким образом, источниковедческий анализ показывает, что среди семи упомянутых в литературе в качестве ранних бутовских памятников ни один, кроме Тихоново, не обладает статистическим критерием надежности и, следовательно, не может привлекаться для решения рассматриваемой проблемы. Материалы стоянки Тихоново, по нашему мнению, относятся, однако, не к бутовской культуре, а к финальным памятникам типа Смячки XIV Поэтому справедлива точка зрения Л. В. Кольцова, который определяет возраст стоянки как раннемезолитический [18] Несмотря на отсутствие независимых дат, вероятно, стоянка должна быть датирована пребореалом.

Сложность в изучении бутовской культуры заключается в том, что к ней главным образом отнесены мелкие, часто невыразительные и сортированные коллекции, представительные же комплексы имеют всего 19 из 90 стоянок. С нашей точки зрения, типологически к ранним бутовским следует отнести стоянки Задне-Пилево 1, Петрушино, Соболево 5, Суконцево 7, Черная 1 и некоторые другие. Независимыми датами обладают лишь два представительных памятника — Суконцево 7 и Черная 1, возраст которых определяется ранним мезолитом (концом пребореального — началом бореального периодов). Эти две стоянки обладают в отличие от Тихоново классическим бутовским типологическим набором, в то время как типологический набор Тихоново уже того, который присущ бутовской культуре.

Стоянка Суконцево 7 открыта Л. В. Кольцовым и В. М. Воробьевым в 1976 г., исследовалась А. Н. Сорокиным в 1984 и 1985 гг [19] Коллекция включает 7909 кремней, из них морфологически выраженных орудий 226. Нуклеусы преимущественно подконические от пластин, реже подпризматические. Орудия на пластинах преобладают, но не значительно. Резцов 60, преобладают с неподработанной площадкой скола, ретушных четыре и двугранных всего один. Скребков 73, доминируют концевые, три концевых — боковых, по два подокруглых и двойных, последний боковой. Имеются пять скребел. Скобелей 20, выемки мелкие, дугообразные, узкие, но встречаются и широкие. Имеются сверла с выделенными и невыделенными концами. Пластин с регулярной ретушью девять. Выразительны рубящие орудия, представленные теслами подтрапециевидных очертаний с зауженным обухом, а также долотовидными изделиями. Присутствует массивное кайло. Встречены два комбинированных орудия, 10 микролитов с поперечно срезанным ретушью концом, 17 косых острий. Наконечников стрел три — иволистный и черешковый со свидерским характером обработки и иволистный постсвидерский. Микролитов с затупленным ретушью краем два и один с затупленным краем и основанием. Найдены также два микролита с краевой выемкой, напоминающие обломки наконечников типа А рессетинской культуры, и микролит с выемкой на конце. Вкладышей из фрагментированных пластин всего восемь. Есть отщеп со следами шлифовки. Таким образом, в Суконцево 7 мы имеем классический бутовский комплекс, осложненный некоторыми специфическими чертами. На его специфику влияет наличие скребел, многообразие рубящих орудий и присутствие микролитов с краевой выемкой. Эти изделия встречаются на других бутовских стоянках, но не во всех комплексах, а скорее в виде исключения.

Стоянка Черная 1 открыта и исследована в 1981 и 1982 гг. А. Е. Кравцовым [20, 21] Коллекция включает 5841 предмет и 779 орудий. Среди нуклеусов встречаются одноплощадочные от пластин, подпризматические и торцевые, но многочислены одноплощадочные, перешедшие в стадию хаотичного расщепления. Индекс пластинчатости низкий. Среди резцов преобладают изделия на сломе заготовки, но встречены двугранные и ретушные, а также комбиниро-

[2] Автор благодарит Л. В. Кольцова за предоставленную возможность ознакомиться с материалами коллекций из раскопок ВВАЭ.

ванные. Скребков вдвое меньше, формы разнообразные, преобладают концевые, их дополняют боковые, концевые-боковые, подокруглые, стрельчатые, а также аморфные и раклеты. Есть два скребла. Многочисленны пластинки с приостряющей ретушью, изредка встречаются остроконечные ножи и ножи с «пуговкой». Сверла симметричные с невыделенными рабочими участками, острия со сходящимися ретушированными краями и косые, микролиты с поперечно срезанным ретушью концом, скобели с мелкими узкими и широкими дугообразными выемками. Многочисленны комбинированные орудия и вкладыши из фрагментированных пластин. Очень выразительной серией представлены рубящие орудия тесла подовальной и подтрапециевидной формы, а также с зауженным обухом. Часто они имеют следы пришлифовки лезвия, а экземпляры из опоки обработаны шлифовкой полностью. Многочисленны отщепы со следами шлифовки. Среди наконечников преобладают иволистные и черешковые формы с постсвидерским характером обработки, но присутствуют два с небольшой боковой выемкой, отдаленно напоминающие рессетинские типа А. Встречены также микролиты с затупленным ретушью краем, а также два предмета с зубчатым краем, подобные рессетинским наконечникам типа Б, но без микрорезцового скола.

Своеобразие комплексу Черной 1 придают многочисленные признаки, которые традиционно до недавнего времени считали поздними: присутствие рубящих орудий, наличие шлифовки и элементов двусторонней краевой ретуши, большая, чем в Суконцево 7, обработанность поверхности ретушью, низкая пластинчатость и т. д. Однако, как выясняется теперь, все эти признаки сами по себе не отражают хронологии, а являются всего лишь проявлением местного своеобразия. Тем не менее индустрия Черной 1 по сравнению с Суконцево 7 выглядит гораздо более развитой. Типологические наблюдения подтверждаются и имеющимися датами. Если же к этому добавить еще и показатель сходства, то такую последовательность памятников можно признать соответствующей объективно существовавшей. Заслуживает внимания присутствие в обеих стоянках серии рубящих орудий, скребел и форм, напоминающих рессетинские наконечники. Все это требует объяснения. Но в данном случае нас интересует то, что эти и другие раннебутовские памятники несомненно проявляют черты несоответствия инвентарю стоянок свидерской культуры. Укажем следующие признаки.

1. Техника первичного расщепления свидерской культуры пластинчатая. Нуклеус двуплощадочный ладьевидный, с поперечной подтеской контрфронта. Конические нуклеусы единичны и встречены не на всех памятниках. В бутовской культуре преобладают также в качестве заготовки пластины, но высока и доля отщепа. Свидерских нуклеусов нет вообще. Нуклеусы конические (реже призматические), с круговым, часто замкнутым скалыванием.

2. Скребки в свидере высокой формы на пластинах, крайне редко округлые и двойные. В бутовской культуре высокие скребки практически отсутствуют и, хотя доминируют концевые на пластинах, масса концевых на отщепах, присутствуют подокруглые, округлые и боковые.

3. Резцы в свидере срединные, в бутовской культуре их единицы, а на рассмотренных памятниках они отсутствуют вообще. Напротив, резцы на сломе характерны для бутово и малочисленны в свидере.

4. Микролиты в свидерской культуре ограничиваются единичными вкладышами из фрагментированных пластин, в бутовской культуре их много. Кроме того, в ней присутствуют микролиты с затупленным краем, усеченные ретушью пластины, изделия с краевыми выемками, которых нет в свидере.

5. Симметричных острий в свидере практически нет, косые острия присутствуют как исключения, бутово дает обратную картину.

6 Рубящие орудия в свидере малочисленны, единственная форма — это топор с перехватом. В бутовской культуре их нет, зато масса тесел треугольных, трапециевидных, двусторонних и на отщепах и т. д.

7 Наконечники стрел в бутовской культуре так называемого постсвидерского типа, свидерские формы единичны и представляют собой скорее исключение (Суконцево 7).

Все это говорит о том, что бутовская культура складывалась не прямо на основе свидерской культуры, а опосредовано, т. е. ей должны были предшествовать памятники, в которых уже появилась постсвидерская индустрия. Да и хронологический разрыв должен быть чем-то заполнен. В значительной мере этим требованиям отвечают памятники типа Смячки XIV, хотя и в них есть целый ряд своеобразных черт, отличающих их от бутовских.

Хронологически памятники типа Смячки XIV относятся, по мнению ряда исследователей (М. Я. Рудинский, Д. Я. Телегин, Л. В. Кольцов, Р К. Римантене, Л. Л. Зализняк), к рубежу плейстоцена — голоцена. Их развернутая характеристика предложена Л. Л. Зализняком. Территорию их распространения он ограничивает Новгород-Северским полесьем, которое геоморфологически наряду с Брянско-Жиздринским входит в Деснинское полесье. Однако в Брянско-Жиздринском полесье автором также выделены памятники этого типа (Чернетово 1, 2, Жерено 2, 3 и Красная X) [22].

Для кремневой индустрии типа Смячки XIV (по Л. Л. Зализняку) характерны: 1) развитая пластинчатая техника и относительно высокий процент орудий на пластинах; 2) нуклеусы конические от пластин с прямой или слабоскошенной ретушированной площадкой, изредка встречаются двуплощадочные с поперечной подтеской на тыльной стороне; 3) наконечники представлены двумя основными типами — свидерским, обработанным крутой ретушью по спинке и плоской с брюшка, и аренсбургским с черешком, выделенным крутой ретушью со спинки. Острие наконечников или не обработано, или скошено крутой ретушью на спинке; 4) доминирование числа резцов над скребками (но есть примеры и обратного соотношения), преобладание в резцах изделий с ретушированной площадкой скола над резцами на сломе заготовки. Практическое отсутствие срединных резцов, хотя встречаются единичные двугранные; 5) в скребках руководящей формой служит концевой, изредка присутствуют двойные; 6) есть, но в небольшом числе комбинированные орудия (резцы-скребки, резцы-ножи), сверла и скобели, а также топоры с перехватом из отщепов.

Генезис памятников типа Смячки XIV, по мнению Л. Л. Зализняка, определяется наложением свидерской культурной традиции на аренсбургскую [12]

Памятником, переходным от позднесвидерского комплекса Смячки XIV к бутовским может являться стоянка Красная X, открытая и исследованная А. С. Смирновым в 1982 и 1985 гг. на р. Рессете, относящейся к бассейну Оки, в Калужской обл. Культурный слой этого памятника сохранился на останце, где он оказался смешанным с неолитическими материалами, и частично переотложен в пойму, где залегает на контакте сапропеля и перекрывающего его торфа в «чистом виде».

Кремневый инвентарь характеризуется сочетанием черт типа Смячки XIV и новых традиций, которые, как и в Тихоново, проявляются в: 1) исчезновении свидерского нуклеуса, господстве одноплощадочных ядрищ конической формы и присутствии двуплощадочных подпризматических для получения пластин; 2) появлении, кроме аренсбургских и свидерских, наконечников с постсвидерским характером обработки; 3) сохранении пластин в качестве основной заготовки; 4) доминировании резцов на сломе заготовки над ретушными при единичности двугранных; 5) присутствии небольшого числа вкладышей из фрагментированных пластин, косых острий и рубящих орудий, подтрапециевидной формы и с зауженным обухом; 6) преобладании концевых скребков над присутствующими двойными и единичными подокруглыми; 7) следует указать также на отсутствие в Красной X микролитов с затупленным ретушью краем.

На основании сказанного можно предположить, что свидерская культура

на позднем этапе развития трансформируется (развивается) в пребореальное время через памятники типа Смячки XIV в индустрию типа Красной X.

Десна и Брянско-Жиздринское полесье в этом случае были тем естественным путем, который обеспечил проникновение позднего свидера в Волго-Окский бассейн. Возможно, что были и иные маршруты, однако названный изучен в настоящий момент наиболее полно. «Жиздринский коридор» использовался и позднее. Это возможный путь деснинской мезолитической культуры и трансформации ее под воздействием бутовской в иеневскую культуру. Несколько позднее по этому пути передвигались потомки деснинского населения типа Песочного Рва, оставившие стоянку Красная 8, вероятно аналог типу Студенок. Эта естественная линия связи, по мнению А. С. Смирнова, использовалась вплоть до неолита [23]

Однако с формированием индустрий типа Красной X завершен только начальный этап, классический бутовский «ансамбль» еще не получен. Необходим еще один источник, откуда могли быть заимствованы признаки, присущие ранним комплексам бутовской культуры, но отсутствующие в индустриях свидерской традиции. Можно, конечно, предположить самостоятельное возникновение этих форм в среде населения памятников типа Смячки XIV под воздействием новых условий, в которых они оказались в Волго-Окском бассейне. Однако наличие ряда этих признаков в материальной культуре аборигенного населения Волго-Окского бассейна позволяет говорить о заимствовании, а не о самостоятельном их происхождении. Чтобы разобраться с этим, рассмотрим то окружение, в котором оказалось позднейшее население памятников типа Смячки XIV в Волго-Окском междуречье.

Волго-Окский бассейн в эпоху мезолита не был монокультурным на всем его протяжении. Во-первых, это определялось всем предшествующим развитием и сложностью той культурной среды, которая фиксируется здесь уже в верхнем палеолите. Здесь имеются стоянки костенковско-сунгирьской культуры (Сунгирь и Русаниха), костенковско-авдеевской (Зарайск и Карачарово) и мезинской культур (Шатрищи). Позднее, в финальном палеолите и начале мезолита, распространены рессетинская культура, наследовавшая корни верхнепалеолитического населения типа Гагарино — Хотылево 2; группа населения с традициями культуры федермессер (Заозерье, Вышетравино 1—4, Беливо 4Г), а также памятники аренсбургско-свидерской традиции типа Смячки XIV

Во-вторых, специфика региона проистекает из его центрального в географическом плане положения. Образно это состояние применительно к Окскому бассейну охарактеризовал О. Н. Бадер, который писал: «Рассматриваемая территория является частью Великой Русской равнины и представляет собой равнинное и слабо всхолмленное пространство. Она лежит в центре огромной лесной страны, ограниченной Уралом и Балтийским морем. Между Окским Поволжьем, Принеманьем, Верхним Поволжьем, Верхним Поднепровьем и Прибалтикой нет труднопроходимых географических рубежей, и наоборот, они связаны речными путями Волжского бассейна и других смежных речных систем» [24, с. 20] Иными словами, рассматриваемая территория имеет удачное географическое положение.

Наконец, в-третьих, культурное многообразие вызвано условиями хозяйства мезолитического времени, подвижным образом жизни населения, определяемым основными видами промысловой добычи.

Все это вместе: и центральное положение, и отсутствие естественных рубежей, и удобная по природно-климатическим условиям обстановка, и подвижность населения, и тип хозяйства, и множественность предшествующей культурной среды, и многие другие причины привели к появлению сложной мозаики, наблюдаемой здесь на протяжении всего мезолита.

Вероятно, еще во второй половине пребореального времени в бассейне наряду с рессетинскими, смячкинскими и заозерскими комплексами формируются

памятники типа нижнего слоя стоянки Исток 1, складывается бутовская культура, а чуть позднее в бассейн проникают носители аренсбургских традиций (по Л. В. Кольцову и Л. Л. Зализняку), положившие начало иеневской культуре и, вероятно, оставившие памятники типа Красной 8. Где-то на рубеже раннего и позднего мезолита фиксируются стоянки типа Красной 1 — «Васи», Пургасово 3 [25], и, по-видимому, ближе к его концу в бассейне появляются памятники типа Красново.

Предки бутовского населения пришли (а они, несомненно, пришлые, если в их основе лежит свидерское население) в Волго-Окский бассейн не на пустое место. Вспомним, что Л. В. Кольцов упоминает об участии в их сложении местного палеолита [26] Правда, в то время, когда об этом было впервые сказано, это было не более чем предположение, так как ни один из имевшихся финально-палеолитических пунктов не имел своей четкой культурной специфики, что определялось в первую очередь малочисленностью и непредставительностью всех без исключения коллекций этого времени [27] Не могли помочь в этом отношении и материалы Десны, финальный палеолит которой только намечается в последние годы. В настоящее время эта картина несколько изменилась, хотя все еще недостаточно ясна. Верхний палеолит Подесенья, представленный памятниками типа Тимоновка 2 — Косица, ничего общего с бутовской культурой не имеет, напротив, он мог быть основой для культуры федермессер или в крайнем случае перекрещиваться с ней на поздней фазе. Культура федермессер представлена в Юго-Восточном Полесье памятниками типа Журавка [28] Материал их крайне беден. Вероятно, намечается он и в Волго-Окском бассейне. На стоянке Заозерье 1 А. С. Фроловым исследованы материалы сходного облика, к сожалению, без стратиграфической привязки. Как бы то ни было, эти находки сделаны в самое последнее время, они малочисленны, и у нас нет пока достаточных сведений для выявления их дальнейшей судьбы.

Ближайшие аренсбургские памятники находятся в Литве и Белоруссии; собственно свидерские — в Литве, а также в Припятском и Волынском Полесье. Наконечник типа Лингби обнаружен Р Л. Розенфельдтом в Московской обл. (Хатунь). Аренсбургско-свидерские памятники типа Смячки XIV представлены в Деснинском полесье, заходят они и на Оку. Роль смячкинских комплексов рассмотрена выше. Все прочие, кроме рессетинских, это или далеко терррриториально отстоящие памятники, или, если они находятся в Волго-Окском бассейне, материал их либо недостаточен, либо относится к культурам, роль которых в формировании бутовской культуры практически незаметна.

Тем не менее в Волго-Окском междуречье имеется культура, представленная выразительными памятниками и предшествующая по времени бутовской,— это рессетинская культура. Представляется, что она является продолжением в финально-плейстоценовое — раннеголоценовое время традиций верхнепалеолитического населения центра Русской равнины, оставившего памятники типа Хотылево 2 — Гагарино [29] Именно с этим населением поздние свидерцы могли вступить в контакт. Во всяком случае, ранние памятники рассетинской культуры — Суконцево 8, 9 (дрис III) — не дают свидерских наконечников, тогда как позднее эти наконечники уже появляются (Рессета II, III, Прислон, Жабынь, Борки, Золотилово, Альба II, III и т. д.).

Кратко рассмотрим особенности инвентаря памятников рессетинской культуры.

Техника первичной обработки базируется на утилизации одноплощадочных ядрищ конической или призматической формы. Значительно реже встречаются двуплощадочные подпризматические нуклеусы и в порядке исключения — одно- или двуплощадочные торцевые.

В рессетинской культуре одинаково распространены микропластинчатая, пластинчатая, отщеповая и макролитическая техники первичной обработки. В качестве заготовок используются пластины, микропластины, отщепы, желваки, бифасы, изредка технологические сколы. Среди морфологически выражен-

ных (четких) форм процент орудий на пластинах составляет 47—58, повышаясь от ранних к поздним памятникам; процент орудий на отщепах колеблется от 36 до 40 и прочие заготовки составляют 6—13%.

По степени пластинчатости рессетинская культура приближается к бутовской, но не тождественна ей.

При вторичной обработке используются техника затупливающей ретуши (микролиты, косые острия, орудия с поперечно срезанным ретушью концом, острия со сходящимися ретушированными краями), микрорезцовая техника (острия и микрорезцы), техника двусторонней оббивки и ретуши (рубящие и бифасы). На поздних Окских стоянках эпизодически присутствуют техники уплощивающей ретуши (наконечники) и крайне редко — транше (рубящие).

Специфической чертой во вторичной обработке, резко выделяющей рессетинские комплексы среди других волго-окских, является микрорезцовая техника.

Орудия в комплексе составляют 9—11%. Среди морфологически четких форм орудий ведущим типом являются резцы, их число превышает количество скребков в 2 раза. Доминируют резцы с неподработанной площадкой скола. На ранних памятниках представительны резцы с ретушированной площадкой скола, но доля их резко уменьшается к поздней фазе. Та же тенденция наблюдается и в отношении двугранных резцов. Комбинированные среди них присутствуют в небольшом количестве, но почти на всех стоянках. Устойчивой чертой является использование бифасов в качестве заготовок для резцов.

В скребках преобладают концевые формы, их дополняют боковые и двойные. В виде исключения присутствуют раклеты. На Окских стоянках хорошо представлены округлые скребки. Многообразие типов и вариантов скребков сохраняется на всем протяжении культуры, представляется лишь, что по мере развития понижается массивность заготовок и укорочиваются их пропорции.

Известное своеобразие рессетинским коллекциям придают скребла (одинарные и двойные, концевые и боковые), встречающиеся как в ранних, так и поздних памятниках. Намечается тенденция уменьшения их размеров и изживания формы. Во всяком случае, для стоянок позднего этапа уже нельзя провести границы по метрическим показателям между скреблами и скребками.

Скобели, как правило, многочисленны, выемки мелкие, дугообразные, могут быть широкими или узкими.

Рубящие орудия многочисленны, представлены топорами и теслами подовальных и подтрапециевидных очертаний, а также с зауженным обухом. Выполнены как на отщепах, так и из желваков в технике двусторонней оббивки и ретуширования.

Комбинированные орудия встречаются в порядке исключения, их редкость не позволяет судить о какой-либо избирательности в сочетании функций, но скребки-резцы и резцы-ножи представлены на всех стоянках.

Косые острия и изделия с поперечно срезанным ретушью концом также присутствуют на всех памятниках.

Вкладыши из фрагментированных пластин, поначалу единичны, в поздний период число их повышается, но значительных масштабов распространения в бутовской культуре не достигает. Пластины с регулярной ретушью и сверла с невыделенными рабочими участками присутствуют на большинстве стоянок, но устойчивых серий не образуют. Напротив, микролиты с затупленным ретушью краем дают устойчивые серии.

Своеобразной формой, выделяющей рессетинские памятники, являются наконечники стрел на микропластинах, представленные двумя основными разновидностями. Первая — это миниатюрные наконечники с боковой выемкой, у которых ретушировала часть одного края у основания в виде выемки, а остальная поверхность оставлена без обработки (тип А). Другая разновидность — это так называемые рессетинские острия, т. е. изделия из микропластин с затупленным крутой ретушью на спинке краем и скошенным пером, шиповидным

выступом и микрорезцовым сколом (тип Б). Вариантами здесь являются отсутствие микрорезцового скалывания, когда острие обработано ретушью, или невыраженность шипа, когда он представлен лишь в виде небольшого выступа или неровности (перегиба) на ретушированном краю.

Острия со сходящимися ретушированными краями выполнены из пластин или микропластин, в этом случае они по краю обработаны подобно микролитам с затупленным краем, а конец скошен более мелкой ретушью.

Микролиты с затупленным краем, острия на микропластинах со сходящимися ретушированными краями, наконечники с боковой выемкой и рессетинские острия во всех рассматриваемых коллекциях образуют единый типологический ряд («сопряженную группу», по терминологии М. Д. Гвоздовер и Г. П. Григорьева) [30]

Помимо наконечников с боковой выемкой и рессетинских острий на Окских стоянках второго этапа встречены постаренсбургские и постсвидерские с плоской ретушью на брюшке наконечники.

В развитии рессетинской культуры выделяются два этапа. Первый (финально-плейстоценовый) типа Суконцево 8, 9 и второй (раннеголоценовый) типа Рессеты 3. Уже при одном перечислении признаков рессетинской культуры виден целый ряд черт, присущих и бутовской культуре, тому типологическому набору, который характерен для классических бутовских памятников, таких, как Суконцево 7, Задне-Пилево 1, Петрушино, Соболево 5 и др. Это проявляется в: 1) технике первичного расщепления (присутствие нуклеусов параллельного снятия конической и призматической форм, отсутствие ядрищ свидерского облика), 2) сходстве основного типа заготовки, при меньшем уровне пластинчатости и большей вариабельности типов заготовок в рессетинских стоянках; 3) широком использовании крутой затупливающей ретуши; 4) сходстве, а во многом адекватности типологического набора, проявляющемся в составе резцов, скребков, скобелей, сверл, ножей, присутствии косых и симметричных острий, микролитов с поперечно срезанным ретушью концом, комбинированных орудий, а также микролитов с затупленным ретушью краем; 5) в том, что типологический состав рубящих рессетинской культуры шире набора бутовских стоянок, но целиком включает все формы, присутствующие в последней.

Все перечисленное говорит о явном сходстве рессетинской и бутовской культур по ряду важнейших признаков даже на фоне их своеобразия. Сюда же следует отнести и такие наблюдения частного порядка, как присутствие скребел в Суконцево 7 и Черной 1, наличие микролитов с краевой выемкой в этих же и некоторых других стоянках, часть из которых может представлять собой обломки рессетинских наконечников типа А, встречаемость в бутовских стоянках пережиточных форм рессетинских наконечников типа Б (Черная 1, Жабки 3, Борки и др.), а также единичных микрорезцов.

Все это, по нашему мнению, вызвано не простым заимствованием, а имеет генетическую природу. Для объяснения этих фактов может быть предложена гипотеза происхождения памятников ранней группы бутовской культуры, обладающих классическим набором признаков культуры (Суконцево 7, Черная 1, Задне-Пилево 1, Петрушино, Соболево 5) на основе взаимодействия постсвидерских стоянок типа Смячки XIV и позднеплейстоценовых комплексов населения центра Русской равнины типа Суконцево 8 и 9. При этом рессетинская культура являлась ее субстратом. Сказанное хорошо объясняет те отличия, которые имеются в бутовской культуре от свидерской индустрии, и находится в соответствии с выявленной Л. В. Кольцовым закономерностью в характере сложения мезолитических культур Северной Европы [31]. По нашему мнению, памятники типа Суконцево 7 — Задне-Пилево 1 — Черная 1, т. е. классические бутовские «ансамбли», сложившиеся на основе взаимодействия рессетинской культуры с памятниками типа Смячки XIV, и составляют собственно бутовскую культуру. Таким образом, механизм образования бутовской культуры представляется в следующем виде.

Население, оставившее памятники свидерской традиции типа Смячки XIV или им подобные, через Десну и верховья Оки в пребореальное время проникло в Волго-Окский бассейн. Здесь оно начало активно взаимодействовать с населением рессетинской культуры (типа Суконцево 8, 9). В результате этого складывались собственно бутовские комплексы типа Суконцево 7, в состав которых входят свидерские и постсвидерские наконечники, концевые, двойные, боковые, подокруглые и комбинированные скребки, ретушные, двугранные и неподработанные резцы, разнообразные рубящие (на отщепах, двусторонне оббитые, подтрапециевидной и подовальной форм, а также с зауженным обухом), косые и симметричные острия, пластинки с поперечно срезанным ретушью концом, микролиты с затупленным ретушью краем, скребла.

В свою очередь в рессетинской культуре происходят также существенные изменения, что находит проявление в возникновении стоянок поздней фазы типа Рессеты 3. В них увеличивается пластинчатость и микропластинчатость, возникают не свойственные ей ранее типы — наконечники стрел с плоской ретушью, на брюшке и, возможно, постаренсбургские наконечники. Вероятно, какое-то время две эти культуры существуют параллельно. Одновременно или чуть позднее всех этих событий часть рессетинского населения мигрирует в Прибалтику и, возможно, в Белоруссию, где дает начало раннему этапу кундской культуры, наиболее древний памятник которой — стоянка Пулли [32, 33] — имеет несомненное родство с Рессетой 3 [34] Время этого события должно быть отнесено, судя по датам для Пулли, к пребореалу. Противоположное предположение о проникновении ранних кундских типа Пулли индустрий в Волго-Окский бассейн, образование на их основе рессетинской культуры и ее контакт здесь со свидером исключено из-за отсутствия свидерских стоянок в Волго-Окском междуречье, а также потому, что в Пулли присутствуют уже пережиточные по отношению к Суконцево 8, 9 типы охотничьего вооружения [34]

Выделенная цепочка, связывающая происхождение бутовской культуры со свидерской через тип Смячки XIV является всего лишь предположением, требующим дальнейшей разработки. Это вызвано в первую очередь тем, что и тип Смячки XIV, и Красная X еще крайне слабо изучены и не обладают надежными «ансамблями» (выборками). Тем не менее этот или подобный механизм сложения бутовской культуры должен был иметь место в силу того, что иначе не объяснить различия свидерской и бутовской культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воеводский М. В.* Мезолитические культуры Восточной Европы // КСИИМК. 1952. Вып. XXXI.
2. *Формозов А. А.* Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
3. *Кольцов Л. В.* Некоторые итоги изучения мезолита Волго-Окского междуречья // СА, 1965, № 4.
4. *Кольцов Л. В.* Мезолит Волго-Окского междуречья: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1965.
5. *Римантене Р. К.* Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971.
6. *Кольцов Л. В.* // СА. 1971. № 1.— Рец. на кн.: *Taute N.* Die Stielspitzen-Gruppen in nördlichen Mitteleuropa. Köln, 1968.
7. *Крайнов Д. А., Кольцов Л. В.* Проблемы первобытной археологии Волго-Окского междуречья (по результатам работ Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР) // Советская археология в X пятилетке. Всесоюзная конференция (Тезисы пленарных докладов). Л., 1979.
8. *Кольцов Л. В.* Мезолитические поселения Верхнего Поволжья // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. Путеводитель совместного советско-французского симпозиума. М., 1984.
9. *Кольцов Л. В.* Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М.: Наука, 1977
10. *Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер А. А.* Анализ археологических источников. М.: Наука, 1975.
11. *Залізняк Л. Л., Охріменко Г. В.* Нові мезолітичні пам'ятки Волинського Полісся // Археологія. 1985. № 52.

12. *Неприна В. И., Зализняк Л. Л., Кротова А. А.* Памятники каменного века Левобережной Украины. Киев: Наук. думка, 1986.
13. *Кольцов Л. В.* Бутовская мезолитическая стоянка // КСИА. 1964. Вып. 101.
14. *Кольцов Л. В.* Раскопки Бутовской стоянки в 1966 г. // КСИА. 1966. Вып. 117.
15. *Кольцов Л. В.* Мезолитическая стоянка Бутово (по раскопкам 1967 г.) // КСИА. 1971. Вып. 126.
16. *Воеводский М. В.* Стоянка Гремячее // МИА. 1941. № 1.
17. *Бадер О. Н., Кольцов Л. В.* Мезолитические стоянки близ города Калинина // СА. 1974. № 1.
18. *Кольцов Л. В.* Исследование памятников каменного века в Калининской обл. // АО — 1980. М., 1981.
19. *Сорокин А. Н.* Исследования в окрестностях д. Суконцево // АО — 1984. М., 1986.
20. *Кравцов А. Е.* Работы на Цне и ее притоках // АО — 1982. М., 1984.
21. *Кравцов А. Е.* Работы в Юго-Западном Подмосковье // АО — 1983. М., 1985.
22. *Сорокин А. Н.* Мезолит бассейнов Десны и Оки (по материалам работ Деснинской экспедиции) // КСИА, 1986. Вып. 188.
23. *Смирнов А. С.* Неолит Верхней Оки // Проблемы древнейшей истории верхнего Поочья. Тез. докл. Калужской историко-археологической конференции. Калуга, 1985.
24. *Бадер О. Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.: Наука, 1970.
25. *Сорокин А. Н.* Некоторые итоги изучения мезолита р. Оки // Проблемы древнейшей истории верхнего Поочья. Тез. докл. Калужской историко-археологической конференции. Калуга, 1986.
26. *Крайнов Д. А., Кольцов Л. В.* 25 лет (1959—1983 гг.) Верхневолжской экспедиции Института археологии Академии наук СССР // СА. 1983. № 4.
27 *Формозов А. А.* Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М.: Наука, 1977
28. *Зализняк Л. Л.* Мезолит Юго-Восточного Полесья // Автореф. дис. канд. ист. наук. Киев: Наук. думка, 1979.
29. *Сорокин А. Н.* Рессетинская культура // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тез. докл. III конф. молодых ученых ИА АН СССР. М., 1986.
30. *Гвоздовер М. Д., Григорьев Г. П.* О фациальности в верхнем палеолите (по материалам Каменной Балки II) // КСИА. 1975. Вып. 141.
31. *Кольцов Л. В.* О характере сложения раннемезолитических культур Северной Европы // СА. 1979. № 4.
32. *Jaanits L., Jaanits K.* Frühmesolithishe siedlung in Pulli // Eesti NSV Teaduste Akademia Toimetised. 1975. № 24/1.
33. *Jaanits L., Jaanits K.* Ausgrabungen der frühmesolithischen siedlung von Pulli // Eesti NSV Teaduste Akademia Toimetised. 1978. № 27/1.
34. *Сорокин А. Н.* О происхождении кундской культуры // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Тез. докл. конф. Калуга, 1987

A. N. Sorokin

ON THE ORIGINS OF THE BUTOVO CULTURE

Summary

The author looks at the problems connected with the origins of the Butovo Mesolithic culture. His analysis has proved that it differs greatly from the Swiderian culture of Poland and Lithuania with which it was traditionally linked in the past. The author offers his own hypothesis according to which the Butovo culture was a result of an interaction between the Resseta culture of the late Pleistocene and early Holocene and a migrant population of the sites of the mixed Swiderian-Arensburg tradition of the Smyachki XIV type in the Desna forest belt.

В. А. ШНИРЕЛЬМАН

МЕДНЫЕ ТОПОРЫ ИЗ ХАНСИ И НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНДИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Вот уже более 150 лет на территории Индии находят своеобразные медные изделия, которые традиционно связывают с так называемой «культурой медных кладов». С 1822 г., когда была сделана первая такая находка, и до настоящего времени выявлено уже около 100 пунктов, откуда происходят те или иные медные изделия. Подавляющее их большинство обнаружено случайно при пахоте, прокладке ирригационных каналов, рытье строительных котлованов и т. д. Многие из них приобретены специалистами на индийских базарах. Чаще всего это отдельные предметы, реже их наборы, но в любом случае контекст находок остается, как правило, неизвестным. Поэтому общепринятое представление, связывающее их обязательно с кладами, следует расценивать, разумеется, как весьма условное. И уж во всяком случае, нет никаких оснований видеть в них свидетельства военной угрозы, нависшей якобы когда-то над обитателями долины Ганга, которые бежали от врага, пряча в землю свои сокровища (такую гипотезу одно время развивали Р Хайне-Гельдерн [1, с. 87—113; 2, с. 7—16] и М. Уиллер [3, с. 238]). Скорее речь должна идти о вещах, происходящих из потревоженного культурного слоя или, возможно, из разрушенных богатых погребений. Лишь в отдельных случаях они действительно связаны с кладами, например в Ганджерии в Мадхья-Прадеше.

Работа с вещами, лишенными археологического контекста,— весьма трудное кропотливое дело, требующее прежде всего тщательного типологического анализа. Впервые детальный сравнительный анализ инвентаря из «медных кладов» провел индийский археолог Б. Лал, изучивший вещи из 37 местонахождений. Он выделил следующие основные типы: 1 — плоские топоры, 2 — плечиковые топоры, 3 — брусковидные топоры, 4 — кольца, 5 — гарпуны, 6 — мечи с антенновидной рукоятью, 7 — антропоморфные фигуры. Введение этой типологии и картографирование отдельных типов позволило Б. Лалу вычленить «культуру медных кладов» как специфически индийское явление и показать ее существенные отличия от более западных комплексов металлических изделий, происходивших из долины Инда, Белуджистана, Ирана и т. д. [4]

Типология, созданная Б. Лалом, долгое время оставалась единственной в индийской археологии, и лишь недавно она была существенно переработана немецким исследователем П. Юле, издавшим каталог всех медных изделий, найденных в Индии к середине 1980-х годов (около 100 местонахождений). Среди плоских топоров П. Юле выделяет простые прямоугольные и трапециевидные (четыре типа с несколькими подтипами), плечиковые (один тип с четырьмя подтипами), двойные (два типа) и ряд других весьма редких типов (типы VI—VII) В отдельную категорию он помещает брусковидные топоры, бруски и заготовки для них. Кроме того, он насчитывает шесть типов с подтипами заготовок, в основном для медных плечиковых топоров. Помимо топоров среди типичного инвентаря «медных кладов» П. Юле, вслед за Б. Лалом, называет антропоморфные фигуры (два типа), гарпуны (три типа), мечи (три типа), добавляя к этому списку наконечники копий с шипом, долота и браслеты (четырех типов) [5]

Для решения вопроса о происхождении и культурной принадлежности металла «медных кладов» большой интерес представляет изучение ареалов ука-

занных типов. Еще в начале XX в. В. Смит обратил внимание на то, что так называемые клады тяготеют к долине Ганга. Приведя в подтверждение этому дополнительные аргументы, Б. Лал положил начало выделению локальных вариантов внутри ареала «медных кладов». Судя по его данным, если самые простые типы (плоские топоры) встречались практически повсюду, то более сложные типы имели более узкие районы распространения: одни (антропоморфные фигуры, мечи, кольца) встречались только в долине Ганга, другие (плечиковые топоры) — в основном от юго-восточных пределов Уттар-Прадеша до Бенгала и Ориссы [4, с. 32] Впоследствии, развивая эту идею, индийские специалисты начали выделять две основные зоны внутри ареала «медных кладов» (А — Бенгал, Орисса, Бихар; Б — Уттар-Прадеш) и одну дополнительную (Мадхья-Прадеш), где «клады» встречались относительно редко. Раджастхан при этом считался особой областью, связь которой с «культурой медных кладов» ставилась под сомнение [6; 7, с. 258] (ср. [8, с. 254]).

Работа П. Юле дала возможность уточнить картину, введя более дробное членение. 1. Уттар-Прадеш (несколько типов плоских топоров, плечиковые топоры, гарпуны, браслеты типов II и III, копья, мечи, антропоморфные фигуры). 2. Северный Раджастхан — Южная Харьяна (несколько типов плоских топоров, двойные топоры типа II, бруски, мечи, гарпуны типа III, браслеты типа II. Но некоторые из этих типов, например гарпуны и мечи, были обнаружены только в Харьяне, а типы топоров, встречавшиеся в Харьяне и Раджастхане, нередко различались; лишь топоры типов IVa и IVb имелись в обоих районах). 3. Бихар, Бенгал, Орисса (двойные топоры типа I, заготовки для плечиковых топоров, брусковидные топоры и заготовки для них, плечиковые топоры типа Va и плоские топоры типа IVa). 4. Мадхья-Прадеш (плоские топоры типов IVd, IVe, IVf, плечиковые топоры типа Va, брусковидные топоры, заготовки для топоров, браслеты типа I и некоторые другие редкие или уникальные типы) [5] Вместе с тем и по данным П. Юле группы 1 и 2 могут считаться локальными вариантами некоторого единства, которое в то же время сильно контрастировало с группой 3 (рис. 1).

Приведенные выше схемы послужили основанием для нескольких гипотез относительно происхождения и культурной принадлежности «медных кладов». При этом Б. Лал подчеркивал два момента: во-первых, сходство медных брусковидных топоров с каменными изделиями, встречавшимися среди подъемных сборов в Южном Бихаре, Западном Бенгале и Северной Ориссе; во-вторых, изображения охотничьего оружия на наскальном панно в пещере Гхормангур (на юге Уттар-Прадеша), которые напоминали ему медные гарпуны. Если бы находки, на которые указывал Б. Лал, относились бесспорно к дометаллической эпохе, то закономерно возникал бы вопрос, нельзя ли выявить местные неолитические или даже мезолитические корни «культуры медных кладов» [4] К сожалению, пока что ни каменные брусковидные топоры, ни наскальная живопись в Индии не имеют четких хронологических привязок. Рисунки, о которых писал Б. Лал, могли создаваться вплоть до рубежа I—II тыс. н. э., а специфические поздние типы каменных топоров могли изготавливаться по типу уже известных металлических [5, с. 3] В эпоху энеолита последнее явление встречалось во многих районах мира; не миновало оно и Индии [9, с. 76]

Наличие среди инвентаря «медных кладов» плечиковых топоров навело некоторых авторов на мысль о том, что их создатели могли находиться в некотором родстве с населением Юго-Восточной Азии, где в позднем неолите каменные плечиковые топоры пользовались большой популярностью [10] Эти каменные шлифованные орудия были известны и в Индии, где их находили в основном в двух районах — в Ассаме и на плато Чхота-Нагпур в штатах Бихар и Орисса. Вместе с тем лишь немногие из них происходят из стратифицированных комплексов. Эти топоры были обнаружены при археологических раскопках в позднеолитических поселках Даоджали Хадинг и Сарутару в Ассаме. К сожалению, оттуда нет радиоуглеродных датировок, но, исходя из некоторых типологических

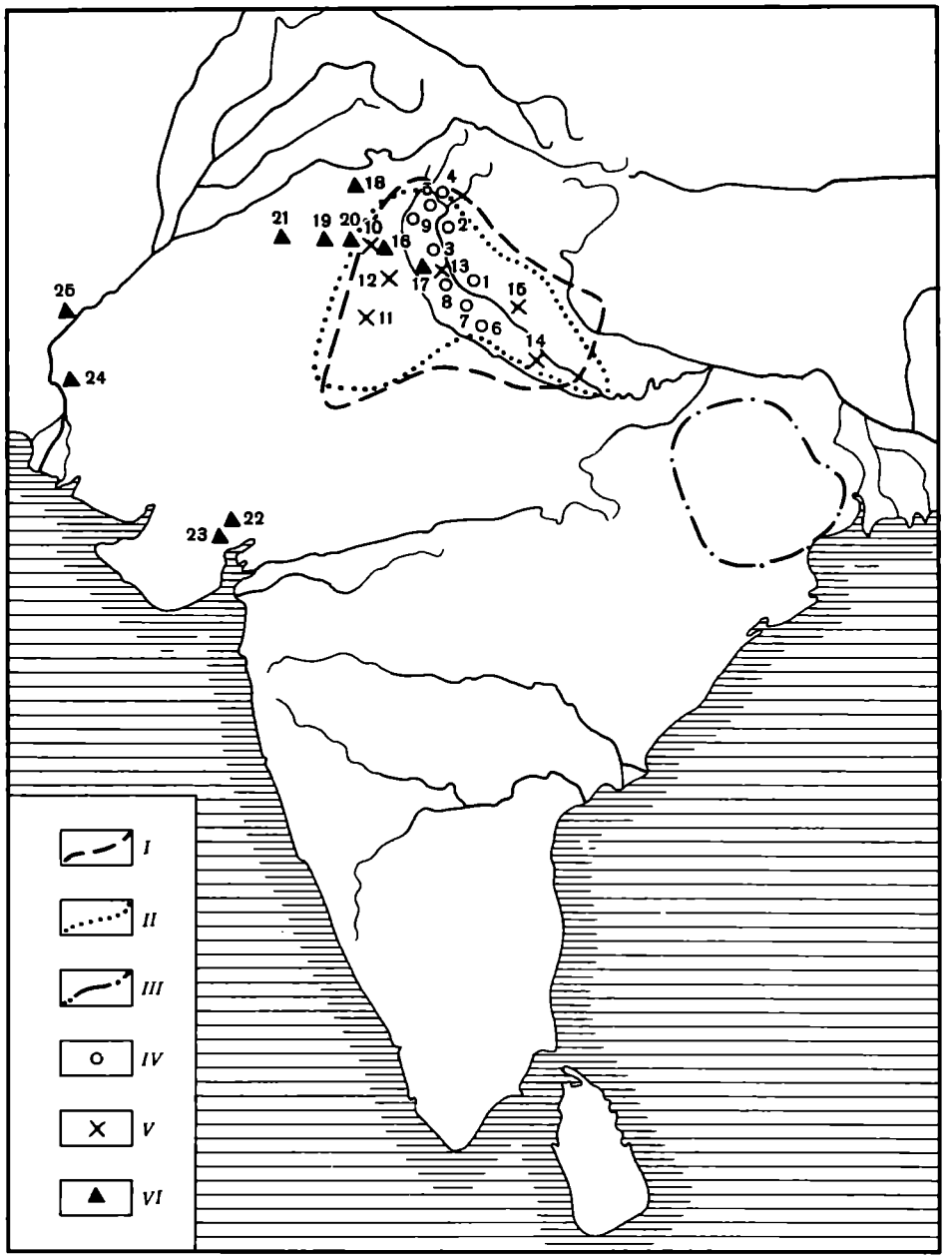


Рис. 1. *I* — ареал памятников с охристой керамикой; *II* — зона Б комплексов «медных кладов»; *III* — зона А комплексов «медных кладов»; *IV* — основные памятники с охристой керамикой (*1* — Бисаули; *2* — Раджпур Парсу; *3* — Хастинапура; *4* — Бахадарабад; *5* — Назирпур; *6* — Саипаи; *7* — Атранджикхера; *8* — Лал Кила; *9* — Джинджхана); *V* — некоторые местонахождения медных кладов (*10* — Ханси; *11* — Ганешвар; *12* — Ревари; *13* — Киратпур; *14* — Шеораджпур; *15* — Маднапур); *VI* — другие памятники эпохи бронзы (*16* — Митатхал; *17* — Аламгирпур; *18* — Ропар; *19* — Банавали; *20* — Сисвал; *21* — Калибанган; *22* — Лотхал; *23* — Рангпур; *24* — Чанху-Даро; *25* — Мохенджо-Даро)

параллелей, первый памятник датирован приблизительно рубежом III—II тыс. до н. э., а второй — началом I тыс. н. э. [11, с. 295—298; 12, с. 110] А на памятниках Ориссы такие топоры встречались в слоях, условно датированных II тыс. до н. э. [11, с. 312] В целом это подтверждает высказанное когда-то А. Дани соображение о том, что плечиковые орудия проникли в Индию с востока относительно поздно [9, с. 101, 102] Видимо, сейчас уже нет необходимости считать вслед за ним, что они копировали бронзовые прототипы. Однако во всяком случае ясно, что они появились в Восточной Индии незадолго до начала бронзового

века. По-видимому, имелась определенная связь между плечиковыми каменными и медными топорами, хронологические и пространственные рамки бытования которых в целом совпадали в зоне А. Однако это наблюдение не может объяснить специфики зоны Б, где встречались совершенно иные орудийные комплексы.

С. Гупта попытался решить проблему «культуры медных кладов», придав выработанной типологической схеме эволюционное значение. Отмечая, что в зоне А встречались более «простые» изделия, а в зоне Б более «сложные», С. Гупта предположил, что культура распространялась с востока на запад, по пути совершенствуясь [6; 13] Однако, как неоднократно отмечалось в литературе, выводы об эволюции культуры, построенные целиком на типологической схеме и не подкрепленные стратиграфическими наблюдениями, не отличаются большой надежностью [5, с. 4] При этом в равной мере допустимо и обратное соображение — о том, что культура распространялась с запада на восток, со временем упрощаясь [14, с. 261] Против хронологического приоритета восточной зоны свидетельствует, в частности, тот подчеркнутый самим Гуптой факт, что там в отличие от западной зоны изготовление металлических изделий велось только с помощью литья, а ковка была неизвестна. Вместе с тем, как учит история металлургии, ковка хронологически предшествовала литью. Наряду с литьем ее, кстати, применяли и самые ранние металлурги Юго-Восточной Азии [15] Следовательно, технология, известная в зоне А, не может считаться слишком уж примитивной.

Дополнительный свет на проблему «культуры медных кладов» проливают металлографические исследования, проведенные Д. Агравалом, показавшие, что значительная часть инвентаря «медных кладов» изготовлялась из мышьяковистой бронзы, тогда как оловянистые бронзы здесь почти не встречались [5, с. 4; 7, с. 269; 12, с. 210] .Следовательно, и эти данные позволяют сделать вывод, который уже был получен путем типологического анализа: комплексы «медных кладов» могли возникнуть только на индийской почве; ни по типологии, ни по химическому составу металла они не имеют ничего общего ни с хараппской цивилизацией, ни с культурами ранних металлургов Юго-Восточной Азии.

Каково же происхождение «медных кладов»? Прежде всего следует отметить, что медные рудники на территории Индии располагаются главным образом в двух местах — в Северо-Восточном Раджастхане/Харьяне и в Бихаре. Имея в виду это обстоятельство, рассмотрим несколько иную проблему, которая, как показывают последние данные, имеет прямое отношение к «культуре медных кладов». Пытаясь выяснить культурную принадлежность последних, Б. Лал в свое время произвел шурфовку в местечках Бисаули и Раджпур Парсу, откуда происходили некоторые медные орудия, типологически связанные с «медными кладами». Он обнаружил там мелкие фрагменты плохо обожженной глиняной посуды с охристым налетом на стенках. Позднее аналогичная керамика была зафиксирована им при раскопках в Хастинапуре, где она увязывалась с самым ранним слоем, предшествовавшим появлению там ариев. Все это дало ему основание предполагать, что охристая керамика каким-либо образом связана с «медными кладами» [4; 16]. С тех пор было обнаружено несколько десятков памятников с охристой керамикой, но проблема их соотношения с «культурой медных кладов» и поныне является остродискуссионной; если одни авторы убеждены в том, что оба рода комплексов были оставлены единым населением (отсюда концепция «культуры медных кладов и охристой керамики»), то другие высказывают на этот счет большие сомнения. В чем же дело? Что мешает специалистам прийти к согласию?

К сожалению, несмотря на широкое изучение памятников с охристой керамикой, до сих пор почти нет надежных стратиграфических доказательств устойчивой связи «медных кладов» именно с ними. Действительно, в ряде случаев (Бисаули, Раджпур Парсу, Бахадарабад, Назирпур и др.) памятники с охристой керамикой были обнаружены в тех местах, откуда происходили «медные клады»,

но при раскопках соответствующих металлических вещей не было найдено. На памятниках с охристой керамикой нередко находили остатки медных изделий, но они были единичны, фрагментарны и имели мало общего с металлом «медных кладов» [17, с. 116; 18, с. 166] Единственный такой памятник, где при планомерных раскопках были найдены характерные гарпун и копье,— это Саипаи [19], но и там, как считает Д. Агравал, картина была не вполне ясной, что, по его мнению, не позволяет с уверенностью говорить о надежной ассоциации металла «медных кладов» с охристой керамикой [12, с. 210; 17, с. 256] В позднехараппском слое IIB Митатхала (Харьяна) были обнаружены двойной обоюдоострый топор, гарпун и кольцо [11, с. 397], однако связь этого памятника с культурой охристой керамики остается дискуссионной. Фрагмент медной антропоморфной фигуры был найден и в позднехараппском слое Лотхала в Гуджарате, но там он, безусловно, не ассоциировался ни с какой охристой керамикой.

Дело еще более усложняется тем, что известные памятники с охристой керамикой отличаются очень плохой сохранностью. Как отмечает Б. Лал, при достаточно мощном культурном слое (0,5—1,5 м), на них почти не встречается ни остатков жилищ, ни каких-либо зольных вкраплений, а керамика обнаруживается, как правило, лишь спорадически в весьма фрагментарном состоянии. Более того, по своему характеру слой мало отличается от окружающей земли, и, по мнению Б. Лала, правомерно поставить вопрос, не идет ли здесь речь о переотложенном материале или по меньшей мере об остатках поселков, сильно размытых дождями или половодьем [19, с. 286] О последнем говорит сам характер керамики: как теперь установлено, первоначально она была покрыта красным ангобом, нередко с росписями, но от интенсивного действия воды ангоб расслоился и на его месте на стенках сосудов осталась лишь порошкообразная масса охристого цвета. Первое время это сильно сбивало исследователей, и они нередко относили черепки разной степени сохранности (одни с охристой поверхностью, другие с красным ангобом) к сосудам, сделанным по разным технологическим схемам [16, с. 10; 18, с. 161; 19, с. 283; 20, с. 3; 21, с. 155; 22, с. 129]

Впрочем, развитие планомерных раскопок привело в 60—70-е годы к открытию памятников (Атранджикхера, Лал Кила, Саипаи), где были выявлены представительные керамические серии, позволявшие говорить уже как о формах сосудов, так и о характере их орнаментации. Помимо всего прочего, в Лал Киле впервые в истории изучения культуры охристой керамики были обнаружены черепки с граффити [21, рис. 2; 23, рис. 42] Последние вызывают особый интерес, так как дают новый весьма сильный аргумент в пользу единства культуры охристой керамики и медных кладов. Дело в том, что аналогичные знаки были выявлены у обушковой части трех плоских топоров, происходивших из Ханси (Центральная Харьяна) [5, № 718—720] Один из знаков представлял собой крест, лучи которого имели трехпалое завершение. Он встречался на двух топорах из Ханси (рис. 2, *2*) и на фрагменте горшка из Лал Килы (рис. 2, *3*) Вариации другого знака были отмечены на одном топоре из Ханси (рис. 2, *1*) и фрагменте керамики из Лал Килы (рис. 2, *4*). Это также крест, концы лучей которого были вписаны в квадраты, но в силу разной технологии на топоре эти квадраты оставались полыми, а на керамике они были покрыты сетчатой штриховкой. Знак, начертанный на четвертом топоре (рис. 3, *2*), пока что не имеет аналогий, хотя в принципе он может быть включен в знаковую систему, описанную выше. Он представляет собой одну из вариаций «лапчатого» креста: это крест, длинный луч которого завершается трехпалой лапкой [5, № 721] Следовательно, создатели топоров из Ханси в Харьяне и обитатели поселка Лал Кила в Западном Уттар-Прадеше оперировали единой системой знаков, а значит, не только общались, но и, видимо, хорошо понимали друг друга. Этот вывод трудно переоценить, так как он разом решает несколько спорных проблем, ставивших в тупик индийских археологов.

Во-первых, подтверждается тезис о единстве по крайней мере некоторых региональных групп «медных кладов» и памятников с охристой керамикой,

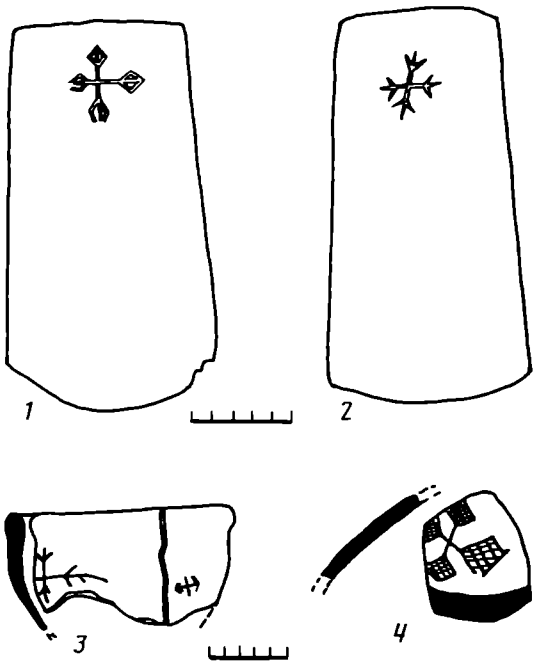


Рис. 2. Знаки, процарапанные на медных изделиях и керамике. *1, 2* — медные топоры из Ханси (по Юле, 1985); *3, 4* — фрагменты керамических сосудов из Лал Килы (по Гауру, 1974)

Рис. 2

Рис. 3. Знаки, процарапанные на изделиях из «медных кладов» (по Юле, 1985). *1, 2, 4, 5* — медные топоры; *3* — антропоморфная фигура. *1* — Сауниа; *2* — Ханси; *3* — Шеораджпур; *4* — Киратпур; *5* — Назирпур

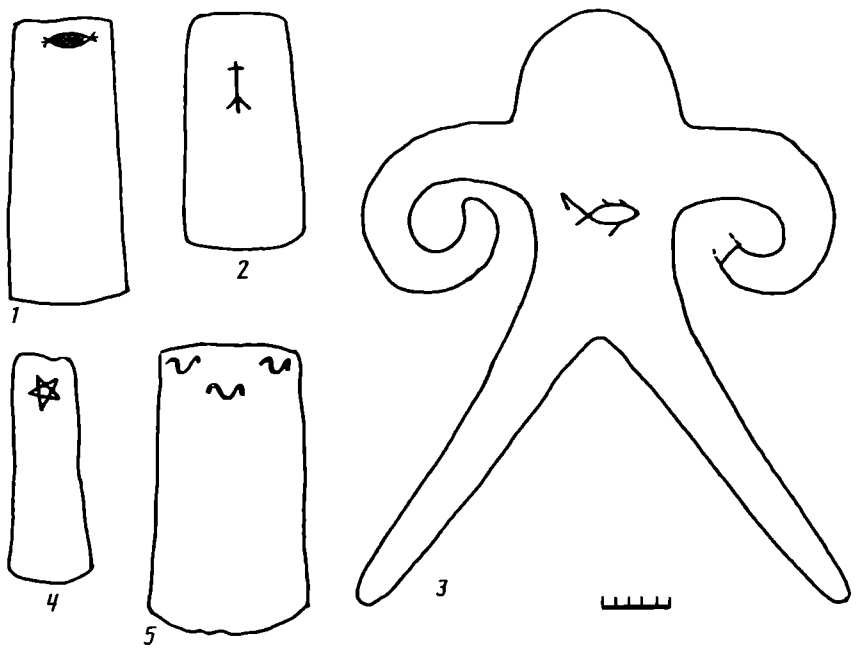


Рис. 3

догадки о котором неоднократно высказывали некоторые авторы [4, 10, 14, 19, 21, 24] В этом смысле показательным представляется и почти полное совпадение ареала охристой керамики с зоной Б «медных кладов» (рис. 1). Во-вторых, получают ответ поставленные Д. Агравалом вопросы о том, имелась ли одна или несколько разных культур охристой керамики и с какой из них связаны медные клады, если такая связь имела место [7, с. 254] Эти вопросы были вызваны тем обстоятельством, что некоторые авторы (К. Дикшит, Сурадж Бхан и др.), исходя из особенностей керамических комплексов, разделили ареал культуры охристой керамики на два района: А — Центральный и Восточный Раджастхан, Харьяна и Западный Уттар-Прадеш, Б — центральные и восточные области

Уттар-Прадеша [12, с. 200; 25; 26] Так как Ханси находится в районе А, а Лал Кила — в районе Б, ясно, что речь может идти только о единой культуре, представленной несколькими локальными вариантами, выделяющимися по характеру и степени интенсивности контактов с позднехараппскими общинами. Следует, кстати, отметить, что знаки, обнаруженные в Ханси, были выгравированы на плоских топорах типа IVb, находки которых локализовались в основном в западной зоне ареала «медных кладов» (в Раджастхане, Харьяне и Западном Уттар-Прадеше). К этому же типу относятся и многочисленные топоры из Ганешвара (Раджастхан) с крупными пуансонными углублениями, расположенными недалеко от обуха. Недавние исследования показали, что и эти своеобразные топоры были распространены повсюду в рамках западной зоны от восточных пределов Раджастхана до Западного Уттар-Прадеша, включая и левобережье Ганга [22, с. 128; 24, с. 98, 99] Поэтому, в-третьих, получает новое основание предположение о родстве энеолитических памятников Раджастхана с более восточными комплексами «медных кладов» и охристой керамики, которое отстаивает Р Агравала [24, 22], но которое другие специалисты воспринимали до сих пор с большим недоверием [5, с. 98, 99; 7, с. 261]

Возникает вопрос, не являются ли эти пуансонные углубления в известной мере упрощенной имитацией пиктографических надписей, помещавшихся у обушковой части топоров создателями хараппской цивилизации, о чем свидетельствует находка такого топора в раннем слое Мохенджо-Даро [27, т. 2, табл. 131] О том, что эта аналогия не случайна, свидетельствует ряд других специфических для хараппцев знаков, с завидной последовательностью воспроизводившихся на металле из «медных кладов». Так, на топоре из Назирпура (рис. 3, *5*) и на долоте из Ревари изображены волнистые знаки в виде букраний [5, № 295, 1004], в точности повторяющие один из символов, типичных для хараппской цивилизации [28, табл. 37, *5*] А пятиконечная звезда, прочерченная на топоре из Киратпура (рис. 3, *4*) [5, № 277], находит аналогию не только в хараппском слое Чанху-Даро [28, табл. 31, *1*], но и в позднехараппском Рангпуре (слой С) и в энеолите Центральной Индии [29, знак 57] Изображение рыбы на антропоморфной фигуре из Шеораджпура (рис. 3, *3*) по своей иконографии имеет разительные сходства с соответствующими хараппскими знаками, но в особенности с дохараппскими рисунками на керамике из Калибангана I, где такое изображение было одним из наиболее популярных [30, рис. 8А] Наконец, в Маднапуре были найдены топоры с гравированными изображениями быков, имеющие аналогии в хараппских поселках Гуджарата [24, с. 99]

Следовательно, хараппцы Синда, дохараппское население верхней части долины Инда и создатели западных комплексов «медных кладов» пользовались некоторыми общими символами, причем это нельзя считать просто случайным совпадением. Такой вывод обретает еще более прочную основу, если обратиться к другим знакам, известным в ареале культуры охристой керамики. Изображение простого креста встречалось как на керамике в Лал Киле [23, табл. 42], так и в хараппском Лотхале [29, знак 10], а косого — в Ганешваре [22, табл. 11, *11*], в хараппском слое Хараппы и в раннеэнеолитическом слое Каятхи (Мадхья-Прадеш) [29, знак 11] Знак «лестницы» был популярен как в Лал Киле [21, рис. 2], так и в хараппских поселках, а также в энеолите Центральной Индии [29, знак 15] Изображение двух треугольников, стоящих на боку и соприкасающихся вершинами, обнаруженное на керамике Ганешвара [22, табл. 11, *11*], имеет аналогии в Мохенджо-Даро, Чанху-Даро, а также в энеолитических поселках Центральной Индии [28, табл. 38, *2*; 29, знак 6] Больше того, некоторые из рассмотренных знаков (кресты, сдвоенные треугольники) напоминают символы, встречавшиеся на энеолитической посуде из долины Кветта в Белуджистане [31, с. 144, рис. 35]

Разумеется, приведенный список сходных знаков пока что невелик, а некоторые из знаков очень просты и в принципе могли возникнуть самостоятельно. Но, во-первых, среди перечисленных знаков есть и относительно сложные. Во-вто-

рых, при том, что знаки на изделиях из «медных кладов» и охристой керамике были обнаружены сравнительно недавно и их число еще невелико, подавляющее большинство из них находит аналогии в культурах энеолита и бронзового века в долине Инда и западных районах Индии. И это позволяет ожидать в ближайшем будущем выявления новых знаков, которые смогут подкрепить полученные выводы. В-третьих, при отсутствии близкого родства между культурой «медных кладов» и охристой керамики, хараппской культурой и тем более энеолитическими культурами Белуджистана и Центральной Индии, было бы наивным ожидать открытия сколько-нибудь крупных общих для них серий знаков-символов. Рассмотренные выше сходные знаки свидетельствуют, видимо, не столько о взаимопонимании создателей всех этих культур, сколько о наличии какой-то более древней, единой для всех них системы символики, от которой и берут начало подобного рода знаки. Это позволяют предполагать в особенности белуджистанские знаки, которые по меньшей мере на 1000 лет древнее всех остальных.

Следовательно, анализ знаков-символов ставит культуру «медных кладов» и охристой керамики в круг западноиндийских энеолитических культур. Подтверждают ли этот вывод другие данные? Ответ на этот вопрос дает анализ керамических комплексов, связанных с культурой охристой керамики. Если пренебречь некоторыми локальными особенностями, то в целом в этих комплексах преобладает красноглиняная посуда из плохо- или среднеотмученной глины умеренного обжига. Основные формы представлены крупными кувшинами, предназначенными для хранения больших емкостей, шаровидными кувшинами, горшками (или вазами) с отогнутыми венчиками, невысокими изящными кувшинами, тазиками, чашами (в том числе на кольцевидных и дисковидных поддонах), блюдами и чашами на ножках и высоких поддонах, сосудами с носиками и сливами, миниатюрными сосудами и крышками. Некоторые формы были снабжены вертикальными и горизонтальными ручками.

Многие сосуды были, по меньшей мере первоначально, покрыты красным ангобом. Некоторые из них были украшены черной росписью, которая обычно располагалась в верхней части сосуда (по венчику, горловине и плечикам) Как правило, росписи имели линейный и геометрический характер (широкие горизонтальные ленты, тонкие параллельные линии, чередование горизонтальных прямых и волнистых линий, петли, вертикальные полосы, окружности, полуокружности, квадраты, штрихованные треугольники, сетка и т. д.), реже включали растительные мотивы и совсем редко — зооморфные (изображения зебу). Помимо росписей на сосудах часто встречались гребенчатый волнистый орнамент, прочерченные прямые и косые линии, сетка, насечки в виде елочки, оттиски ногтя, рельефные налепные валики с насечками, вмятинами или оттисками шнура и т. д. Соотношение между расписным и прочерченным орнаментом на разных памятниках было различным, но важно отметить, что нередко они встречались вместе на одних и тех же сосудах.

В западных районах Уттар-Прадеша, и прежде всего в Джамна-Гангском междуречье, где расположено подавляющее большинство памятников культуры охристой керамики, следов какого-либо более раннего населения не обнаружено. Слои с охристой керамикой повсюду залегали в основании памятников на материке, и, следовательно, истоки вышеописанного достаточно развитого керамического комплекса остается искать вне указанной области (и в этом смысле было бы неверным характеризовать культуру охристой керамики как имеющую сугубо местные корни). Теоретически его генезис мог происходить в двух областях, где известны более ранние культуры. Это, во-первых, Восточный Пенджаб, Харьяна и Северо-Восточный Раджастхан, где в последние годы были выявлены интересные дохараппские энеолитические памятники, а во-вторых, средняя часть долины Ганга в Южном Уттар-Прадеше, где прослеживается непрерывное развитие от неолита до энеолита. Вместе с тем во второй из указанных областей эволюция гончарной техники, которая могла бы привести к возникновению комплексов охристой керамики, не прослеживается. Напротив, в течение энеолита

там появляется чужеродная гончарная техника (использование гончарного круга, новые типы сосудов, расписной орнамент, и пр.), распространяются бусы из полудрагоценных камней, начинается строительство из сырцового кирпича, причем все это, как считается, свидетельствует о сильном влиянии со стороны северо-западных энеолитических культур, которое наблюдалось здесь во второй половине II тыс. до н. э. [32] О том, что в энеолите культурное влияние распространялось главным образом не вверх, а вниз по долине Ганга, говорит и тот факт, что в пределах ареала культуры охристой керамики нигде не фиксировалось чернолощеной керамики, типичной как для неолита, так и для энеолита средней части долины Ганга.

Совершенно иная картина наблюдалась в Северной Индии. Как установлено в последние годы, энеолитические культуры появились там не позднее второй половины III тыс. до н. э., причем их создатели находились в некотором родстве с дохараппским или раннехараппским населением долины Инда [33] Наиболее ранние из такого рода памятников встречены в долине р. Гхаггар/Хакра. Они возникли там, видимо, еще в первой половине III тыс. до н. э. и отличались весьма архаичным обликом. В частности, там полностью отсутствовали медные изделия, на основании чего некоторые авторы причисляют эти памятники к позднему неолиту [33, с. 83; 34, с. 90, 91]

В более поздний, «дохараппский период» родственные поселки распространились повсюду в Пенджабе, Харьяне и Северном Раджастхане (Калибанган I, Сисвал А, Сотхи, Банавали I, Ропар IA и др.), причем соответствующие керамические комплексы находились в родстве как с керамикой культуры хакра, так и с дохараппскими памятниками Синда и Северного Белуджистана. Именно в этот период в Северо-Восточном Раджастхане зародились гончарные традиции, впоследствии ярко проявившие себя в комплексах с характерной охристой керамикой, которые датируются здесь с помощью радиоуглеродного анализа третьей четвертью III тыс. до н. э. [22; 24] Еще позднее рассматриваемый район оказался в зоне влияния хараппской культуры. В разных местах степень этого влияния была неодинакова, но в целом можно судить о его прогрессивном затухании при продвижении с запада на восток. Наиболее восточным памятником, где прослеживаются хараппские традиции, является поселок Аламгирпур, расположенный у западной границы Уттар-Прадеша. Следовательно, Джамна-Гангское междуречье лежало в основном вне досягаемости хараппцев, и не случайно местные керамические комплексы не дают никаких следов их влияния, во многом сохраняя архаический дохараппский облик. Вместе с тем, в период упадка хараппской цивилизации и в более западных областях совершился некоторый возврат к дохараппским гончарным традициям (культура бара в Пенджабе и Харьяне), и это, видимо, свидетельствует о непрерывной культурной преемственности между дохараппским и постхараппским населением рассматриваемой области, в жизни которого хараппское влияние было, следовательно, лишь незначительным эпизодом.

Такова этнокультурная обстановка, наблюдавшаяся в Северной Индии в период формирования и бытования культуры охристой керамики, которая, по наблюдениям многих специалистов, была тесно связана с дохараппскими и постхараппскими комплексами Пенджаба, Харьяны и Северо-Восточного Раджастхана [14; 18, с. 171; 21; 20; 22; 23] К сожалению, все эти комплексы остаются слабо изученными и плохо опубликованными, а их взаимосвязи, и в частности степень культурного родства, вызывают разноречивые суждения. Все же в целом сейчас уже все специалисты, знакомые с соответствующими материалами, согласны в том, что в течение энеолита названные территории составляли с Джамна-Гангским междуречьем определенное единство, в рамках которого развивались родственные гончарные традиции, не совсем удачно названное супругами Б. и Р Оллчин «красной керамикой хараппской традиции» [8, с. 25] (правильно было писать о «дохараппской» традиции).

Как это соотносится с представлениями о хронологическом положении куль-

туры охристой керамики? Полученные для нее термолюминесцентные датировки дают достаточно противоречивую картину. Судя по ним, поселок Атранджикхера мог существовать в пределах целого тысячелетия (с конца III тыс. до н. э. до конца II тыс. до н. э.). То же самое относится и к Джинджхане, который датируется периодом с середины III тыс. до н. э. до середины II тыс. до н. э. Более узкие хронологические рамки даются для Лал Килы (первая четверть II тыс. до н. э.) и Назирпура (вторая половина II тыс. до н. э.). Наибольшее число термолюминесцентных дат (семь) получено для поселка Срингаверапура, который, судя по ним, бытовал в первой половине III тыс. до н. э. [7, с. 255; 23, с. 61]

Разумеется, все эти даты имеют разную степень достоверности и требуют проверки с помощью методов относительной хронологии и сопоставления с хронологическими шкалами со смежных территорий. Для установления более или менее надежного хронологического положения культуры охристой керамики большое значение имеют следующие данные: 1) давно установленный Б. Лалом факт залегания слоев с охристой керамикой ниже горизонтов с серой расписной керамикой, появившейся в Северной Индии в конце II тыс. до н. э.; 2) находка медной антропоморфной фигуры в Лотхале IV, где соответствующий слой надежно датирован началом II тыс. до н. э.; 3) находки медных изделий (гарпун, топор и пр.) в позднехараппском слое Митатхала, датированном XVII—XVI вв. до н. э.; 4) указанные выше радиоуглеродные даты для охристой керамики в Северо-Восточном Раджастхане, позволяющие относить ее там ко второй половине III тыс. до н. э. [19, 23, 24]

Как бы ни трактовать эти хронологические данные, они во всяком случае позволяют судить о двух моментах, чрезвычайно важных для решения вопроса о происхождении культуры охристой керамики. Во-первых, ее памятники оказываются, безусловно, синхронными хараппским, постхараппским и отчасти дохараппским поселкам северных районов Индии, с которыми, как было показано, они находились в более или менее тесных культурных взаимоотношениях. Во-вторых, энеолитическая культура распространилась по Западному Уттар-Прадешу задолго до того, как переход к энеолиту в условиях явных контактов с западными культурами совершился в средней части долины Ганга. Если же обратиться к данным о местонахождении меднорудных месторождений в Индии, согласно которым производство медных изделий в долине Ганга могло осуществляться на базе рудников, расположенных либо в Раджастхане и Харьяне, либо в Бихаре, становится ясным, что древнейшая металлургия в долине Ганга возникла на западной основе. Ведь рудники Раджастхана начали активно разрабатываться в течение III тыс. до н. э. Об этом свидетельствуют не только уже упоминавшиеся выше радиоуглеродные датировки, но и специфические медные изделия (выемчатые стрелы, наконечники копий, рыболовные крючки, топоры) раджастханского производства, встречавшиеся на хараппских и даже дохараппских памятниках долины Инда [22, 35]

И все же вопрос о раджастханских корнях культуры «медных кладов» пока что не может решаться однозначно. Дело в том, что хотя в Раджастхане известно уже более десятка местонахождений ранних металлических изделий, до сих пор здесь не встречены такие типичные для Джамна-Гангского междуречья вещи, как гарпуны, мечи или антропоморфные фигуры, и напротив, среди находок в Раджастхане фигурировали медные сосуды, неизвестные восточнее [22, с. 130—132] Некоторые авторы (Р Гаур, Сурадж Бхан и др.) предполагают, что с распространением культуры «медных кладов» на восток она обогатилась новыми типами, заимствованными у каких-то групп местных обитателей [14, с. 261; 21, с. 160; 22, с. 130] С этой точки зрения особый интерес вызывают гарпуны и двойные топоры, так как единственным районом, где, как известно, в Южной Азии существовали неолитические культуры, использовавшие костяные гарпуны и каменные двойные топоры, был Кашмир (культура бурзахом) [11, с. 298—304; 36, рис. 5] Археологически соседние районы Гималаев изучены плохо, но нет

оснований сомневаться в том, что там могли развиваться культуры, родственные кашмирскому неолиту. А если учесть, что самые северные памятники культуры «медных кладов» и охристой керамики достигали отрогов Сиваликских гор, то можно предполагать, что их создатели могли заимствовать технику охоты с гарпунами у горного населения.

Впрочем, имеются основания и для иной гипотезы. В центральных районах Индии в дометаллическую эпоху, полагают, были известны стрелы и копья, оснащенные сериями каменных вкладышей треугольников, трапеций и напоминающие гарпуны [37, с. 182] Специфика иконографии также позволяет предполагать, что так называемый «человек с копьем», изображенный на сосуде из энеолитического поселка Навдатоли (Мадхья-Прадеш) [38, с. 422], был вооружен именно такого рода копьем или гарпуном. Так как металлургия Навдатоли тоже основывалась на раджастханских месторождениях [22, с. 128], то аналогичные гарпуны должны были встречаться и в Раджастхане. Почему же до сих пор их там не находили? А не относится ли мнение об их отсутствии к разряду иллюзий? Не могли ли медные гарпуны существовать вначале в виде составных орудий, подобно копьям каменного века? Ведь в Ганешваре и в ряде других мест были найдены так называемые наконечники копий и выемчатые стрелы, которые вполне могли служить наконечниками и шипами таких составных гарпунов. На эти размышления наводят некоторые данные, полученные из среднего слоя Багора (Раджастхан), датированного III тыс. до н. э. Там в одной из могил были встречены наконечник копья и выемчатая стрела, лежавшие у головы покойного [39, с. 104] По ширине они были практически идентичны, и очень может быть, что «стрела» на самом деле являлась вставным шипом от гарпуна, оснащенного металлическим наконечником.

В свое время С. Гупта пытался вывести культуру «медных кладов» с юго-востока на том основании, что там встречались более простые типы изделий, чем в Джамна-Гангском междуречье. В еще большей мере этот аргумент подходит в отношении приоритета медного производства в Раджастхане, где в III тыс. до н. э. не только типы медных изделий, но и техника их производства отличалась большим архаизмом, чем в более восточных областях во II тыс. до н. э. Во всяком случае, как упоминалось выше, изучение древнейших керамических традиций в Северо-Западной и Северной Индии показывает, что дохараппское население расселялось из Раджастхана на север и северо-восток вверх по левым притокам Инда вплоть до отрогов Сиваликских гор [33] Некоторые из этих групп переселенцев и могли стать создателями культуры «медных кладов» и охристой керамики. Помимо своеобразных керамических сосудов и металлических изделий, так или иначе связанных с западными культурными традициями, о том же свидетельствуют и некоторые черты домостроительства (при всеобщем распространении столбовых жилищ из обмазанной плетенки здесь, как и на западе, для некоторых построек использовали сырцовый кирпич), ювелирного дела (разнообразные бусы из полудрагоценных камней), хозяйства. Последнее изучено еще недостаточно, но уже сейчас ясно, что в нем сочетались западные и восточные черты. К западным относятся выращивание ячменя и нута (в особенности, показателен нут, родина которого располагалась в Передней Азии и который достиг Южной Азии лишь в течение III тыс. до н.э.) [40; 41], а также разведение зебу [19, с. 284; 23, с. 54] А восточной чертой являлось разведение риса [41], родина которого располагалась к востоку от средней части долины Ганга.

Итак, если как было показано выше, многое в культуре «медных кладов» и охристой керамики восходило своими корнями к более западным традициям, то некоторые элементы культуры имели восточное происхождение. К таким элементам относится прежде всего рисоводство. Следовательно, эта культура имела до определенной степени синтетический характер и занимала уникальное место среди энеолитических культур своего времени, выполняя функцию моста, соединявшего западноазиатские культуры с восточноазиатскими. Сейчас уже ясно, что ее создатели сыграли исключительную роль в распространении не только

риса с востока на запад, но и пшеницы, ячменя, сорго и некоторых других культурных растений с запада на восток [1]

Можно ли судить о какой-либо этнической принадлежности создателей культуры «медных кладов» и охристой керамики? Выше уже отмечалось, что в прошлом некоторые ученые пытались приписать ее индоариям или хараппцам. Обе эти гипотезы были убедительно опровергнуты Б. Лалом [4], и сейчас наибольшую популярность имеют два других предположения. По одному из них, эта культура была создана дохараппским населением [14; 18, с. 171; 20; 23], говорившим на каких-либо дравидийских диалектах [44, 45] [2], а по другому, ее создателями были народы мунда [4, 10, 14, 19, 47]

Выше было показано, что главную роль в заселении обширных районов Западного Уттар-Прадеша должны были сыграть дохараппские переселенцы с запада. Они-то и принесли сюда традицию изготовления охристой керамики и древнейшую металлургию. Если исходить из общепринятой ныне идеи о том, что дохараппские энеолитические культуры долины Инда и Северо-Западной Индии были связаны с дравидами, то логично предположить, что дравидские группы сыграли основную роль в распространении энеолитических традиций в Джамна-Гангском междуречье, т е. в северо-западной зоне (зона Б) ареала «медных кладов». Сложнее обстоит дело с оставшейся юго-восточной частью этого ареала (зоной А), где, как было показано, западные энеолитические традиции как бы наслоились на достаточно устойчивый местный неолитический субстрат и в этих условиях значительно трансформировались. Кстати, охристая керамика достигла только средней части долины Ганга (Юго-Восточного Уттар-Прадеша), но ее не было ни в Бихаре, ни в Бенгале, ни в Ориссе. В то же время в указанных районах распространился иной набор медных изделий, среди которых наибольшую популярность имели плечиковые топоры и заготовки для них. А приняв во внимание тот факт, что и в энеолите прежние культурные традиции сохраняли здесь большое значение, нельзя не признать, что линия этнического развития должна была пойти здесь иначе, чем это было в Джамна-Гангском междуречье.

В последние годы раскопки в Юньнани [42, с. 78, 79] подтвердили высказывавшуюся когда-то гипотезу о том, что ряд западных культурных растений попали в Китай через Северо-Восточную Индию [43, с. 400—405] Установлено, что этот процесс мог происходить во второй половине II тыс. до н. э.

[2] По Г М. Бонгард-Левину и Н. В. Гурову [46, с. 78], путь одной из ранних групп, отделившейся от общедравидийского единства, также мог проходить по Джамна-Гангскому междуречью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Heine-Geldern R.* Archaeological Traces of the Vedic Aryans // J. Indian Society Oriental Art. 1936. V 4.
2. *Heine-Geldern R.* New Light on the Aryan Migration to India // Bull. Amer. Inst. Indian Art and Archaeology. 1937. V 5.
3. *Wheeler M.* Prehistoric India. L., 1950.
4. *Lal B. B.* Further Copper Hoards from the Gangetic Basin and a Review of the Problem // Ancient India. 1951. V 7.
5. *Yule P* Metalwork of the Bronze Age in India. München, 1985.
6. *Gupta S. P* Indian Copper Hoards. The problems of homogeneity, stages of development, origin, authorship, dating // J. Bihar Research Society. 1963. V 49.
7. *Agrawal D. P.* The Indian Bronze Age Cultures and their Metal Technology // Advances in World Archaeology. 1982. V 1.

8. *Allchin B., Allchin R.* The Rise of Civilization in India and Pakistan. Cambridge, 1982.
9. *Dani A. H.* Prehistory and Protohistory of Eastern India. Calcutta, 1960.
10. *Бонгард-Левин Г. М., Деопик Д. В.* К проблеме происхождения народов мунда // СЭ. 1957 № 1.
11. *Sankalia H. D.* The Prehistory and Protohistory of India and Pakistan. Poona, 1974.
12. *Agrawal D. P.* The Archaeology of India. L., 1982.
13. *Gupta S. P* Further Copper Hoards. A reassessment in the light of new evidence // J. Bihar Research Society. 1965. V 51.
14. *Suraj Bhan.*The Sequence and Spread of Prehistoric Cultures in the Upper Sarasvati Basin //Radiocarbon and Indian Archaeology. Bombay, 1973.
15. *Wheeler T S., Maddin R.* The Technique of the Early Thai Metalsmith // Expedition. 1976. V 18. № 4.
16. *Lal B. B.* Excavations at Hastinapura and the Other Explorations in the Upper Ganga and Sutlej Basins // Ancient India. 1954—1955. V 10—11.
17 *Щетенко А. Я.* Древнейшие земледельческие культуры Декана. Л.: Наука, 1968.
18. *Щетенко А. Я.* Первобытный Индостан. Л.: Наука, 1979.
19. *Lal B. B.* The Copper Hoard Culture of the Ganga Valley // Antiquity. 1972. V 46. № 184.
20. *Suraj Bhan.* New Light on the Ochre Colour Ware Culture. Chandigarh, 1967.
21. *Gaur R. G.* Lal-Qila Excavation and the OCP Problem // Radiocarbon and Indian archaeology. Bombay, 1973.
22. *Agrawala R. C., Kumar V* Ganeshwar-Jodhpura Culture: new traits in indian archaeology // Harappan civilization. New Delhi, 1982.
23. *Gaur R. C.* The Ochre Coloured Pottery: a reassessment of the evidence // South Asian Archaeology, 1973. Leiden, 1974.
24. *Агравала Р. К.* Медные клады из Раджастхана, Харьяны и Уттар-Прадеша — исследование взаимосвязей // Древние культуры Средней Азии и Индии. Л.: Наука, 1984.
25. *Dikshit K. N.* Comments on the OCP // Puratattva. 1971—1972. V. 5.
26. *Suraj Bhan.* Excavation at Mitathal and Other Explorations. Kurukshetra, 1975.
27. *Mackay E. J.* Further Excavations at Mohenjo-Daro. 1937—1938. New Delhi. V 1—2.
28. *Mackay E. J.* Chanchu-Daro Excavations, 1935—1936. New Haven, 1943.
29. *Lal B. B.* From the Megalithic to Harappa; tracing back the graffity on the pottery // Ancient India, 1960, V 16.
30. Indian Archaeology. A Review. New Delhi, 1965.
31. *Fairservis W A.* The Roots of Ancient India. The archaeology of early Indian civilization. L., 1971.
32. *Шарма Г. Р., Мишра Б. Б., Пал Д. Н.* Культура халколита Северного Виндхья и долины Среднего Ганга (генезис и эволюция) // Древние культуры Средней Азии и Индии. Л.: Наука, 1984.
33. *Шарма Й. Д.* Прехараппская культура в Индии // Древние культуры Средней Азии и Индии. Л.: Наука, 1984.
34. *Mughal M. R.* Recent Archaeology Research in the Cholistan Desert // Harappan Civilization. New Delhi, 1982.
35. *Agrawala R. C.* Aravalli, the Major Source of Copper for the Indus and Indus-Related Cultures // Frontiers of the Indus Civilization. New Delhi, 1984.
36. *Thapar B. K.* Recent Archaeological Discoveries in India. P., 1985.
37 *Mathpal Y* The Hunter-Gatherer Way of Life Depicted in the Mesolithic Rock Paintings of Central India // Recent Advances in Indo-Pacific Prehistory. New Delhi, 1985.
38. *Sankalia H. D., Deo S. B., Ansari Z. D.* Chalcolithic Navdatoli. The Excavations at Navdatoli 1957—1959. Poona, 1971.
39. *Misra V N.* Bagor — a Late Mesolithic Settlement in North-West India // World Archaeology. 1973. V 5. № 1.
40. *Пейрос И. И., Шнирельман В. А.* Об особенностях формирования раннего земледельческого комплекса в Южной Азии // Десятая авторско-читательская конференция «Вестника древней истории» АН СССР. Тез. докл. М., 1987.
41. *Chowdhury K. A., Saraswat K. S., Hassan S. N., Gaur R. C.* 4000—3000 Year Old Barley, Rice and Pulses from Atranjikhera // Science and Culture. 1971. V 37 № 11.
42. *Chang T.-T* The Origins and Early Culture of the Cereal Grains and Food Legumes // The Origins of Chinese Civilization. Berkeley, 1983.
43. *Nakao S.* Transmittance of Cultivated Plants through the Sino-Himalayan Route // Peoples of Nepal Himalaya. V 3. Kyoto, 1957
44. *Parpola A.* On the Protohistory of the Indian Languages in the Light of Archaeological, Linguistic and Religious Evidence: an attempt at integration // South Asian Archaeology. 1973. Leiden, 1974.
45. *Parpola A.* Interpreting the Indus Script // Frontiers of the Indus Civilization. New Delhi, 1984.
46. *Бонгард-Левин Г. М., Гуров Н. В.* Генезис дравидийской культуры (лингвистика и археология) // Вестн. АН СССР. 1985. № 10.
47. *Бонгард-Левин Г. М.* К проблеме генезиса древнеиндийской цивилизации (индоарии и местные субстраты) // ВДИ. 1979. № 3.

V A. Shnirelman

COPPER AXES FROM HANSI AND SOME CONTROVERSIAL PROBLEMS OF INDIAN ARCHAEOLOGY

Summary

The author discusses the cultural and ethnic affiliation of the so-called culture of copper hoards found mainly in the Ganges basin. The symbols discovered recently on some of the objects from the copper hoards and on pottery fragments from Lal Kila (Uttar-Pradesh) have analogies among similar signs on vessels obtained on Harappa and pre-Harappa sites in the northern and north-western regions of South Asia. Certain other cultural elements such as pottery- and metal-making, building and certain domesticated plants and animals point to the earlier stable connections with the west and north-west. Researchers failed so far to trace any local roots in the Jamna-Ganges interfluve. This also indicates that the upper Ganges was settled by a pre-Harappa population that spoke a Dravidian language. A powerful Neolithic substratum has been identified in the middle reaches of the Ganges and the regions that lie southwards.

А. С. САГДУЛЛАЕВ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ КОМПЛЕКСОВ ТИПА ЯЗ I

За последние 15 лет в Средней Азии проведены широкие целенаправленные раскопки оседлых поселений начала I тыс. до н. э. Новые археологические материалы значительно расширили данные о происхождении стратифицированных комплексов, известных в разных среднеазиатских районах как Анау IV А, Елькен II, Яз I, Тилля I, Кызыл I и Кучук I. Однако ответы на многие актуальные вопросы остались спорными. Так, из-за отсутствия общепринятого критерия оценки исторического процесса периода Яз I более или менее убедительные гипотезы противоположны друг другу, а единые точки зрения о происхождении и хронологии рассматриваемых комплексов в конечном итоге отсутствуют.

Истоки дискуссии восходят к началу столетия, когда в 1908 г Е. Шмидт выдвинул гипотезу об упадке культуры Анау начала I тыс. до н. э. в связи с «эпохой варварской оккупации» [1] Предположение о приходе в земледельческие оазисы юга Средней Азии северных скотоводческих племен было поддержано и разработано далее А. А. Марущенко, С. П. Толстовым и М. А. Итиной [2, с. 72; 3, с. 32 сл.] А. Ф. Ганялин писал о «гибели» поселений юга Туркмении в результате вторжения кочевников и о том, что дальнейшее развитие местной культуры — это синтез земледельческой и пришлой кочевнической культуры [4, с. 84]

Против такой постановки вопроса выступил В. М. Массон, отметивший, что регресс в области керамического производства — явление частичное и не позволяет говорить об упадке всего хозяйства, а тем более о «гибели культуры» [5, с. 121] Вместе с тем он не исключал, что расписные треугольники на яздепинской керамике — это подражание резной орнаментации посуды степной бронзы [6, с. 313] Несколько позже В. М. Массон уже допускал возможную инфильтрацию племен степной бронзы на юг Средней Азии, но решительно подчеркивал, что по основным своим культурным и хозяйственным признакам период Яз I — это время дальнейшего развития традиций местной оседло-земледельческой культуры [7, с. 189]

Анализируя данный вопрос, Е. Е. Кузьмина отмечала, что племена срубно-андроновского круга, возможно, принимали участие «в разрушении цивилизации Намазга VI» и что в «эпоху варварской оккупации» произошло изменение в хозяйстве за счет увеличения роли скотоводства [8, с. 175] Аналогичной точки зрения придерживался и А. А. Марущенко [2, с. 72]

Несколько позже Е. Е. Кузьмина вновь подчеркнула, что развитие культуры Намазга VI «было прервано варварской оккупацией, при которой на несколько столетий были утрачены традиции гончарного производства» [9, с. 145] В Бактрии, по ее мнению, «вторжение носителей культуры эпохи варварской оккупации» прервало развитие бактрийского варианта культуры Намазга VI [9, с. 146] Затрагивая проблему генетического центра носителей культуры «эпохи варварской оккупации», Е. Е. Кузьмина предлагала искать его на юге, либо в северных областях Средней Азии [9, с. 138]

Приведенные выше гипотезы так или иначе связаны с поиском керамической прародины комплексов типа Яз I. Уже С. П. Толстов писал о том, что мотивы

росписи и принципы расположения орнамента на посуде Яз I сближают эту керамику с образцами культуры степной бронзы [10, с. 65]

Действительно, если обратиться к многочисленным аналогиям, то сходные Яз I орнаментальные мотивы можно найти в комплексах срубной культуры Поволжья — сетчатый орнамент, зигзагообразные линии, треугольники [11, рис. 3—8], в керамике из могильников Боровое, Тасты-Бутак и Алексеевский в Западном Казахстане — треугольники, ромбы, заштрихованные треугольники, расположенные вершинами вверх или вниз в один и два ряда [12, рис. 8] или же в керамических комплексах эпохи поздней бронзы Восточного Казахстана [13, табл. XXX] и др. Однако, как уже справедливо отмечали В. М. Массон и Е. Е. Кузьмина, керамика срубно-андроновской культуры, за исключением орнаментации, ничего общего с лепной посудой типа Яз I не имеет [7, с. 189; 9, с. 137]

Открытие и изучение новых памятников юга Средней Азии начала I тыс. до н. э. значительно углубили дискуссию и расширили список спорных точек зрения. Большинство гипотез было основано исключительно на керамических сопоставлениях, хотя становилось ясно, что вопрос о происхождении комплексов типа Яз I может быть успешно решен лишь в случае комплексного подхода к изучению проблемы и разработки общепринятого критерия оценки культурогенеза данного времени.

Керамические сравнения привели к постановке вопроса о том, что орнаментация керамики степной бронзы может быть выведена из росписи на посуде позднего Намазга III — раннего Намазга IV [14, с. 57], но примитивные геометрические орнаментальные мотивы скорее всего возникли и могли использоваться в керамике земледельческой и скотоводческой культур независимо друг от друга.

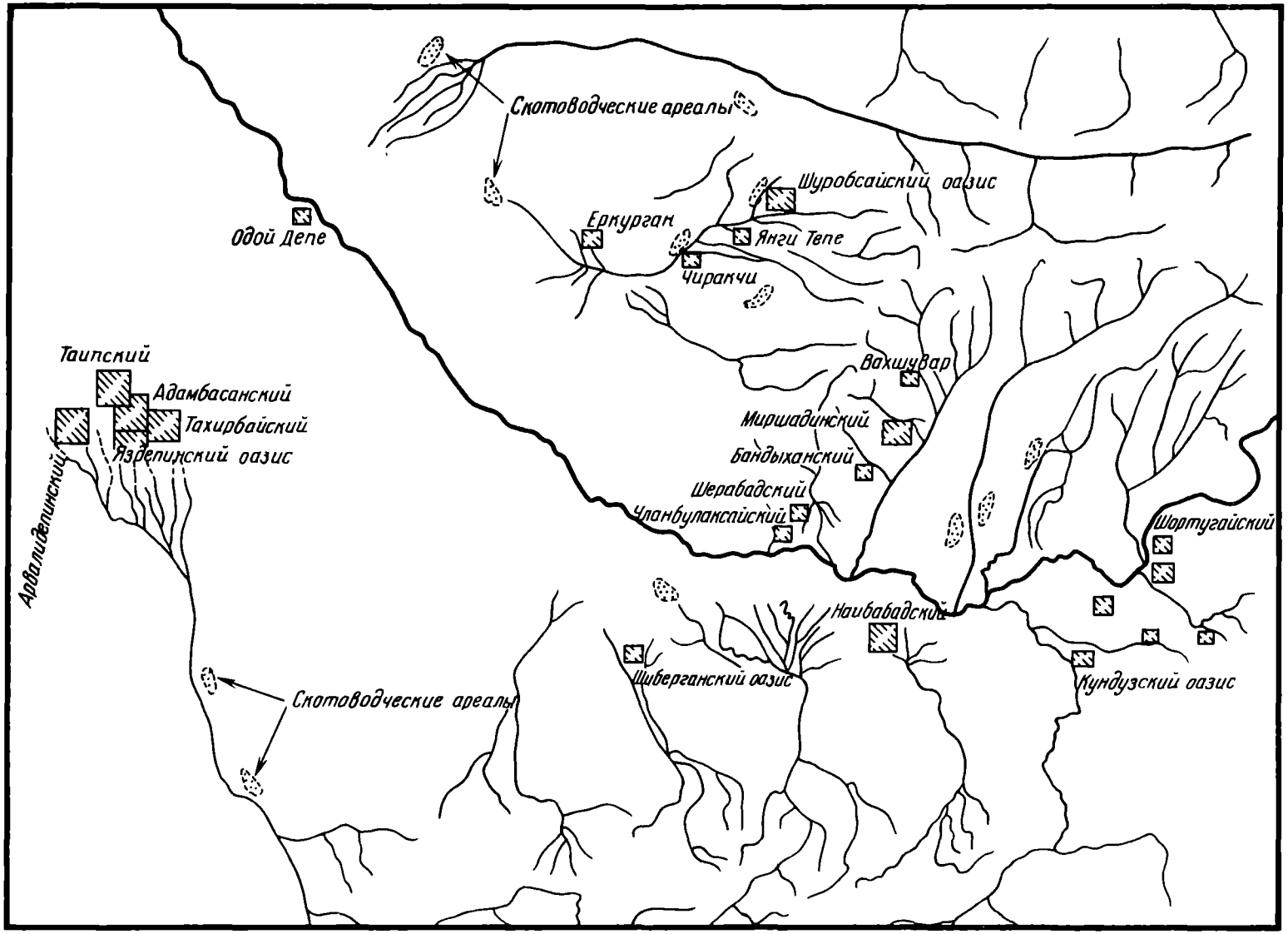
Высказывалось также мнение о сходстве близкой к орнаменту Яз I расписной посуды чустской культуры Ферганы с комплексами Центральной Индии [15, с. 106], однако, кроме внешних аналогий для расписной орнаментации, сравниваемые культуры Ферганы и Центральной Индии ничего общего не имели.

Таким образом, к началу 1970-х годов основные выводы о происхождении комплексов типа Яз I сводились к следующим. 1. Конец II — начало I тыс. до н. э. знаменуется на юге Средней Азии «эпохой варварской оккупации». Развитие местной оседлоземледельческой культуры было прервано вторжением скотоводческих племен срубно-андроновского типа. 2. Все это привело к синтезу местных земледельческих и пришлых скотоводческих культур, т. е. формированию комплексов типа Яз I, но произошли изменения в хозяйстве за счет увеличения роли скотоводства и на несколько столетий были утрачены традиции станкового гончарного производства. 3. Независимо от инфильтрации в южные области племен степной бронзы комплексы Яз I во многом отражают генезис южных оседлоземледельческих культур.

Новое продолжение рассматриваемая проблема получила в 1975—1985 гг., когда были открыты многочисленные памятники X—VIII вв. до н. э. на юге Туркмении, долине Сурхана, Северном Афганистане и бассейне Кашкадарьи (рис. 1). Еще более убедительно было доказано и продвижение племен степной бронзы на юг Средней Азии во второй половине II тыс. до н. э. Это подтвердилось не только многочисленными находками лепной керамики [16, 17], но также открытием здесь памятников культур степной бронзы [18, 19] Исследователи поставили вопрос о времени и путях миграций степного скотоводческого населения в южные области Средней Азии [20, с. 233]

Проблема генезиса комплексов типа Яз I была охарактеризована в ряде новых публикаций, в которых получила продолжение уже известная гипотеза о «северном» генетическом очаге керамики Яз I и синтезе земледельческих и пришлых скотоводческих культур.

А. А. Аскаров в числе носителей лепной распиной керамики представителей чустской культуры [21, с. 36, 37], которые, по его мнению, могли попасть в долину Сурхана в обход Кутитанга через Южную Бактрию [22, с. 47]



1 Зоны оседлого расселения в Бактрии, Маргиане и Согде в X—VIII вв. до н. э.

Высказывая это предположение, исследователь не объясняет, почему чусткие племена на пути в Северную Бактрию дважды перешли Амударью, ведь они могли использовать для передвижения и кратчайшие горные пути?

Наряду с этим А. А. Аскаров и Л. И. Альбаум допускают, что древний пласт культуры расписной керамики типа Яз I и Кучук I, возможно, следует искать в Согде в комплексе Саразма, что, по их мнению, не исключает продвижение на юг Средней Азии и населения саразмского поселения [23, с. 72, 73]. Здесь же речь шла о том, что кучук-тепинская хозяйственно-культурная традиция, восходящая к эпохе поздней бронзы, «пережив период деградации», возродилась и приобрела новые черты в раннежелезном веке [23, с. 80] Эта точка зрения перекликается с гипотезой об упадке южных земледельческих культур в связи с «эпохой варварской оккупации».

Ю. А. Заднепровский не поддержал предположение А. А. Аскарова о миграции чустских племен на юг Средней Азии, хотя и поставил вопрос о чустской культурной общности, охватывавшей, по его мнению, географические ареалы расселения племен расписной керамики от предгорий Копетдага и Гиндукуша до Ферганы [24, с. 45]. Против этой гипотезы Ю. А. Заднепровского выступили Б. А. Литвинский [25, с. 159, 160], а также И. Сарианиди и Г А. Кошеленко [26, с. 203] Недостаточная обоснованность теории о миграции чустских племен на юг Средней Азии была отмечена в ряде публикаций автора [27, с. 36 сл; 28]

Анализируя различные миграционные гипотезы, В. М. Массон специально подчеркнул, что формирование комплексов типа Яз I — это не механический перенос путем миграций сложившейся культуры из какого-то центра, а скорее всего изменение культурных эталонов, сравнительно быстро распространившихся на большой территории [29, с. 9].

В. И. Сарианиди поставил вопрос о восточнохоросанском генетическом центре керамики Яз I и высказал мнение о хронологическом приоритете Тилля-Тепе, где, по его мнению, толщина культурного слоя с расписной посудой и разнообразие орнаментальных мотивов значительно превышают соответствующие показатели на других среднеазиатских поселениях [30; 31, с. 19, 22, рис. 6]

Эти выводы были поставлены под сомнение и пересмотрены Л. И. Хлопиной и И. Н. Хлопиным [32, с. 202] Вместе с тем Л. И. Хлопина выдвинула тезис о закономерности и преемственности развития керамики типа Намазга VI и Яз I в Южной Туркмении. Исследователь отрицает регресс в гончарном производстве и факт проникновения элементов чужеродной культуры в оазисы юга Средней Азии [33, с. 8, сл.].

Этот список расхождений можно было бы продолжить. Общие итоги данной дискуссии подведены недавно В. И. Сарианиди и Г А. Кошеленко, которые справедливо писали, что вопрос о генезисе южных культур типа Яз I и северо-восточных среднеазиатских типа чустской и бургулюкской культур — проблемы разные и их нельзя объединять [26, с. 203]

Однако здесь же разрабатывается несколько измененная точка зрения В. И. Сарианиди о южной прародине керамики типа Яз I. Это скорее всего Юго-Западный Иран, а Северо-Восточный Иран (восточно-хоросанская культура) — промежуточная территория на пути носителей лепной расписной керамики [26, с. 202 сл.] Отсюда, как считает В. И. Сарианиди, эти племена достигли подгорной полосы Копетдага и Северного Афганистана, из которых началось вторичное движение их на Яз-Депе, Кучук-Тепе и Кызыл-Тепе [26, с. 202].

Таким образом, в научной литературе 1975—1985 гг. генетическим очагом комплексов типа Яз I считали как северные или северо-восточные области Средней Азии (Е. Е. Кузьмина, А. А. Аскаров), так и более южные — Северо-Восточный или Юго-Западный Иран (В. И. Сарианиди). Принципиально иной точки зрения придерживается В. М. Массон, отрицающий наличие како-

го-либо внешнего генетического центра комплексов типа Яз I [29] С этой гипотезой как будто согласен и Ю. А. Заднепровский, который считает, что формирование комплексов Чуста явилось отражением синтеза или интеграции разных культур (земледельческой и скотоводческой) либо это следствие перехода местных степных племен севера к земледелию под влиянием более развитого населения юга Средней Азии [24, с. 47 сл.].

Согласно Б. А. Литвинскому, генезис комплексов типа Яз I — результат сложного взаимодействия местного субстрата и пришлых компонентов, степных и оседлоземледельческих культур [25, с. 158, 159]

По основным признакам южные культуры типа Яз I отличаются от срубно-андроновской, тазабагъябской, амирабадской, чустской и бургулюкской культур. Так, для всех последних неизвестна техника применения гончарного круга, одним из основных типов жилищ там были землянки и южные поселения отличались не только регулярной планировкой или конструкциями построек, но и строительной техникой.

Керамика типа Яз I в подавляющем большинстве лепная, однако наряду с ней сохраняется также высококачественная станковая посуда, продолжающая традиции гончарного ремесла времени Намазга VI, что не позволяет согласиться с выводом о том, что именно эти традиции гончарного производства здесь прерываются [9, с. 145]

Основой хозяйственной деятельности населения южных областей было орошаемое земледелие. Следы ирригационных сооружений — магистральных каналов — обнаружены в низовьях Мургаба и долин Сурхана. Скотоводство, видимо, все же не преобладало над земледелием и оставалось второй важной отраслью сельского хозяйства.

Погребальный обряд оседлого населения низовий Мургаба, долины Балхаба, бассейна Сурхана и Кашкадарьи периода Яз I остается фактически неизвестным. В оседлых оазисах названных областей могильники этого времени не найдены. Отсутствуют и многочисленные предметы искусства — мелкая терракота, металлические изделия с фигурными навершиями и зооморфными изображениями, бронзовые печати-амулеты. Все это свидетельствует о проявлении разного рода новшеств, как бы прерывающих внешне преемственную линию развития южных культур.

Предположение о внедрении новых культурных традиций в результате внешних импульсов или исключительно миграций в южные области нового населения, прервавших нормальный процесс развития местной оседлоземледельческой культуры, было бы слишком однозначным, как и механическая фиксация факта «деградации» культуры южных оазисов. Объяснение основных причин смены культуры данного периода, видимо, может быть основано на изучении традиций и новшеств в культуре оседлых областей юга Средней Азии, а также процессов преемственности и синтеза разных культурных явлений. Этот вопрос требует специального изучения. Рассмотрим некоторые аспекты проблемы. Инновации в комплексах Яз I главным образом связаны с изготовлением лепной посуды и некоторых металлических изделий — бронзовые наконечники стрел, серпы, ножи, а также с распространением в ряде областей каменных серпов-ножей, костяных псалий и каменных чернополированных ритуальных изделий. Поселения, типы жилищ и строительная техника продолжают традиции бронзового века, хотя нельзя не отметить изменения их площади и общего числа (Северный Афганистан, долина Сурхана), а также повсеместного распространения рассредоточенных поселений без явных следов глинобитно-сырцовой застройки (особенно бассейны Кашкадарьи, Сурхана и Мургаба)

Несмотря на новшества и независимо от предполагаемого изменения этнической среды, культурные традиции оседлоземледельческого населения сохраняются и получают дальнейшее развитие. Это характер, особенности и типы оазисного расселения и связь оседлых поселений с общим источником водопользования, развитие ирригационного земледелия, типы и планировка поселений,

строительная техника и конструкции жилищ, использование гончарного круга и сохранение традиционных станковых керамических форм.

Длительные культурные взаимодействия между племенами с различным экономическим базисом и наличие племенных миграций значительно влияли на внедрение и распространение культурных нововведений в широком географическом аспекте.

В 1947 г О.А. Кривцовой-Граковой был опубликован комплекс каменных изделий, происходивший из Алексеевского поселения, которые, по справедливому заключению исследователя, не находили тогда аналогий ни в андроновской, ни в других культурах [34, с. 122] Это полированный каменный пест с правильно округлым поперечным сечением и три небольшие биконические подставки-ступки, заполированные почти до блеска и служившие, по предположению О. А. Кривцовой-Граковой, для растирания красок [34, рис. 46, 47]

Аналогичные каменные предметы — чернополированные подставки-ступки и пестик из Миршаде в долине Сурхана (рис. 2) — по мнению Г А. Пугаченковой, имели не бытовое, но явно ритуальное назначение и служили для растирания особых веществ, связанных с культом плодородия [1] [35, с. 78, 80]

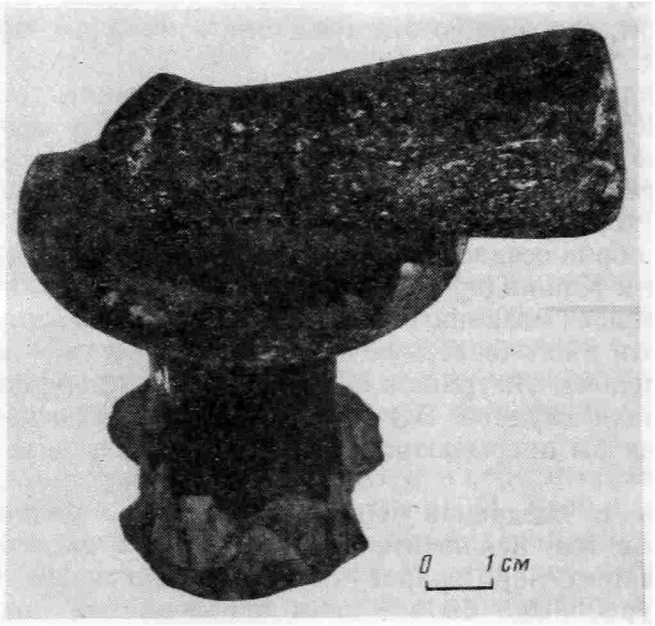


Рис. 2. Чернополированные подставка-ступка и пестик из Миршаде (комплекс Кызыл I)

При раскопках Алексеевского поселения и могильника были также обнаружены бронзовые однолезвийные ножи и серп, двухперые втульчатые и черешковые бронзовые наконечники стрел, навершие полированной каменной булавы, фрагменты лепной керамики с отпечатками ткани и резной геометрической орнаментации. Все эти предметы, датированные О. А. Кривцовой-Граковой X—VIII вв. до н. э. [34, рис. 27—29, 33, 46, 47], находят прямые аналогии в каменных и бронзовых изделиях комплексов Кызыл I и Кучук I—II в долине Сурхана. В литературе уже обращалось внимание на то, что ряд близких каменных орудий, бронзовых серпов, ножей и наконечников стрел характерен также для материалов амирабадской, чустской и бургулюкской культур [20, 24, 28] В данном случае возникает проблема взаимоотношений культур разных исторических областей, особенности контактов и взаимовлияний которых были обу-

[1] Аналогичная миршадинским и алексеевским изделиям чернополированная подставка-ступка была обнаружена автором в 1975 г на Бандыхан-Тепе I. Она не опубликована, хранится в музейных фондах Института искусствознания им. Хамзы.

словлены различием социально-экономического и общественно-политического аспектов [36, с. 42]

В общей схеме выделяются два основных направления, по которым распространялось влияние передовых культур на их периферию,— торгово-экономическое и военно-политическое [37, с. 143] Поиск источников сырья, плодородных земель и новых пастбищ, особенно с наступлением эры металлургии, предполагает как локальные, так и крупные двусторонние племенные миграции. И поэтому основные модели древнейших миграций были вызваны экологическими, экономическими и социальными факторами [38, с. 9, 12]

Уже в эпоху энеолита в Средней Азии отмечается передвижение земледельческого населения подгорной полосы Копетдага в низовья Мургаба и отсюда дальнейшее расселение древних земледельцев в Северный Афганистан и долину Сурхана [39—41] или поэтапная инфильтрация белуджистанского и харапп-ского населения в бассейн Пянджа [42, 43]

Движение скотоводческого населения с севера на юг особенно интенсивно начинается во второй половине II тыс. до н. э. [10, 20, 44, 45] По антропологическим данным, в эпоху бронзы на юге Средней Азии проявляется преобладание носителей признаков средиземноморской расы, а на севере — протоевропейской расы, представленной андроновским вариантом [46, с. 100]

Видимо, сложению комплексов типа Яз I на юге Средней Азии предшествовала довольно сложная картина этнического расселения. И не исключено, что инфильтрация северных и более южных племен на территорию Маргианы и Бактрии уже в конце II тыс. до н. э. привела к увеличению здесь плотности населения, вызвавшего перенаселенность, а также ограниченность освоенных земельных ресурсов и пастбищ. Это, видимо, способствовало миграции определенной части южного населения в долину Кашкадарьи и районы среднего течения Амударьи [26, с. 34 сл.], низовья Зеравшана [47, с. 27] и, не исключено, даже в Приаралье [36, с. 51], что могло быть связано с экономическими и социальными факторами. Военная модель миграций этого времени допустима, но еще не доказана.

Согласно большинству приведенных выше гипотез, создание культурных нововведений начала I тыс. до н. э. могло быть отражением сложных взаимоотношений традиционно земледельческих племен Средней Азии и более южных областей (в пределах Северо-Восточного Ирана и долины Гильменда), а также скотоводческого населения степного круга.

Сопоставление культур южных и северных областей позволяет предполагать возникновение сходных инноваций как независимо друг от друга, так и в результате контактов, обмена и миграционных процессов (ср. близость каменных и бронзовых изделий комплексов Кызыл I, Кучук I и Алексеевского поселения или Чуста). Сохранение преобладающих традиций скотоводческих культур в долине Вахша и Кафирнигана вплоть до IX—VIII вв. до н. э., видимо, было обусловлено продолжением конкретного хозяйственно-культурного типа. Скотоводы в южных районах Средней Азии на протяжении определенного отрезка времени сохраняли культурные традиции метрополий, но при этом они все чаще воспринимали более прогрессивные культурные импульсы новой среды.

Распространение традиций и внедрение инноваций культуры Яз I в северном направлении, видимо, ограничивалось средним течением Амударьи и предгорьями Зеравшанского хребта, где обнаружены близкие к Яз I археологические материалы [48—50] Как известно, культуры Хорезма, Чача и Ферганы демонстрируют в целом иную линию развития. Памятники долины Зеравшана по материалам Гуджайли, Тузкана и Сазаган II, ориентировочно датируемые до IX в. до н. э. [51; 52, с. 36, 37], продолжают архаичные традиции скотоводческих культур.

Таким образом, культурные контакты, миграционные процессы и взаимовлияния различных племен эпохи поздней бронзы, видимо, подготовили основу для генезиса комплексов типа Яз I. Следует согласиться с мнением, что эта

культура не была принесена извне в сложившемся или «готовом» виде, а сформировалась в различных южных областях — подгорная полоса Копетдага, низовья Мургаба, Северный Афганистан и долина Сурхана — в результате изменившейся этнической, культурной и идеологической структуры общества. Все это позволяет говорить о том, что культура типа Яз I в подгорной полосе Копетдага, на территории Маргианы и Бактрии по основным показателям отличается от северных и более южных культур. Поэтому надо отказаться от поиска керамической прародины и единого внешнего генетического очага комплексов Яз I, а также исключить приоритет в этом какой-либо одной культуры — срубно-андроновской, тазабагъябской, восточнохоросанской, западноиранской или чустской — и признать наличие разносторонних контактов и взаимовлияний. Внешние культурные импульсы и миграционные процессы еще до формирования культуры Яз I и в последующие периоды не ограничивались южным или северным направлением, могли существовать и другие промежуточные центры миграций.

Скорее всего они были связаны с казахстанско-сибирским регионом (отсюда возможна инфильтрация скотоводческо-земледельческих племен в Ташкентский оазис, Ферганскую долину и более южные районы), со степной периферией Средней Азии, Северо-Восточным Ираном, югом Афганистана и собственно югом Средней Азии (передвижение местных земледельцев в северном направлении).

Географические ареалы первоначального внедрения культурных нововведений Яз I охватили территорию от предгорий Копетдага и Гиссара — единую историко-культурную область эпохи бронзы, имевшую тесные связи в различных географических ареалах с племенами инокультурных традиций.

Распространение культурных новшеств типа Яз I в долине Кашкадарьи и районах среднего течения Амударьи, а также скорость внедрения здесь инноваций зависели от наличия соответствующих или готовых для этого экологических и социально-экономических условий. Но чем дальше на север могло продолжаться расселение южных племен, тем больше они теряли контакты с метрополиями, образуя в конечном итоге локальные варианты культуры, или пришельцы полностью ассимилировались в среде преобладающего автохтонного населения и новых этнических общностей.

Поразительное сходство полированных каменных изделий из Миршаде и Алексеевского поселения (рис. 2, 3), каменных серпов-ножей долины Ферганы и Сурхана, бронзовых ножей, серпов и наконечников стрел Хорезма, бассейна Сурхана, Ферганы и степных районов Казахстана — показатель реальных культурных взаимодействий. Все это еще раз свидетельствует о том, что в археологических материалах рассматриваемого времени наряду с северными компонентами культуры всегда присутствуют и южные.

В частности, проявление южных культурных импульсов документирует комплекс каменных полированных предметов из Алексеевского поселения, где земледелие не играло ведущей роли в хозяйстве и, видимо, менее был распространен культ плодородия. На южное происхождение названных изделий указывает каменная скульптурная голова, найденная в Миршаде в комплексе с полированными предметами (рис. 4). Скульптура Миршаде отражает общность стиля древневосточного ваяния и, согласно Г А. Пугаченковой, находит аналогии в скульптуре из Лагаша и в двух скульптурах из Мохенджодаро [35, с. 80] По технике выполнения и размерам (высота 10 см) к миршадинской скульптуре близка каменная голова из слоя Мундигак IV, хотя она и передает иной этнический тип [53, с. 255, рис. XLIII, *а—в*, XLIV).

Исторический процесс Средней Азии X—VIII вв. до н. э. характеризуется непрерывной связью процессов преемственности и обновления культуры. Наличие значительного числа нововведений в культуре рассматриваемого времени было обусловлено как внутренними, так и внешними факторами. На юге Средней Азии, с одной стороны, отмечается сохранение культурных традиций

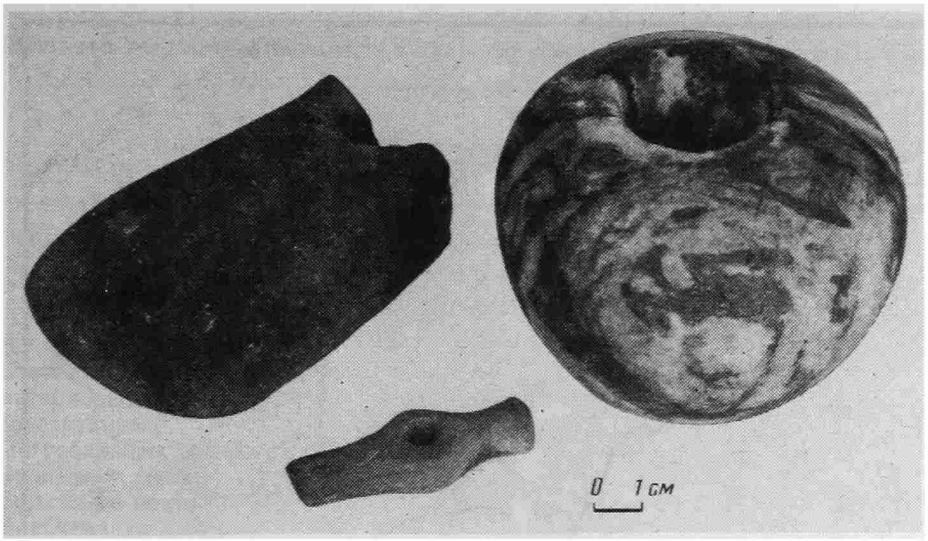


Рис. 3

Рис. 3. Каменная булава (Бандыхан II), каменный топор (Миршаде) и керамическая модель топора (Кызылча VI)

Рис. 4

Рис. 4. Каменная скульптура из Миршаде (Кызыл I)

предыдущих периодов, но с другой — частичное или полное отрицание форм культуры, препятствовавших прогрессу, что привело к закономерной замене их инновациями, отвечавшими конкретным культурным и социально-экономическим условиям рассматриваемого времени.

Устойчивость традиций была обеспечена культурными эталонами местного субстрата, а проявление новшеств — культурными контактами и распространением ряда нововведений в результате миграционных процессов.

Многие новшества не были хронологически единовременными. Так, по данным Яз-Депе, Кучук-Тепе, Бандыхан I и Кызыл-Тепе, расписная посуда имеет несколько позднюю датировку по сравнению с началом распространения на юге Средней Азии комплексов лепной керамики в целом [5, с. 44; 28, с. 24] Для материалов Кызыл I, а также Еркурган I и Шуроб I в долине Кашкадарьи характерен незначительный процент (не более 1%) расписной посуды, которая, напротив, весьма многочисленна в слоях Тилля I—II, и по разным показателям

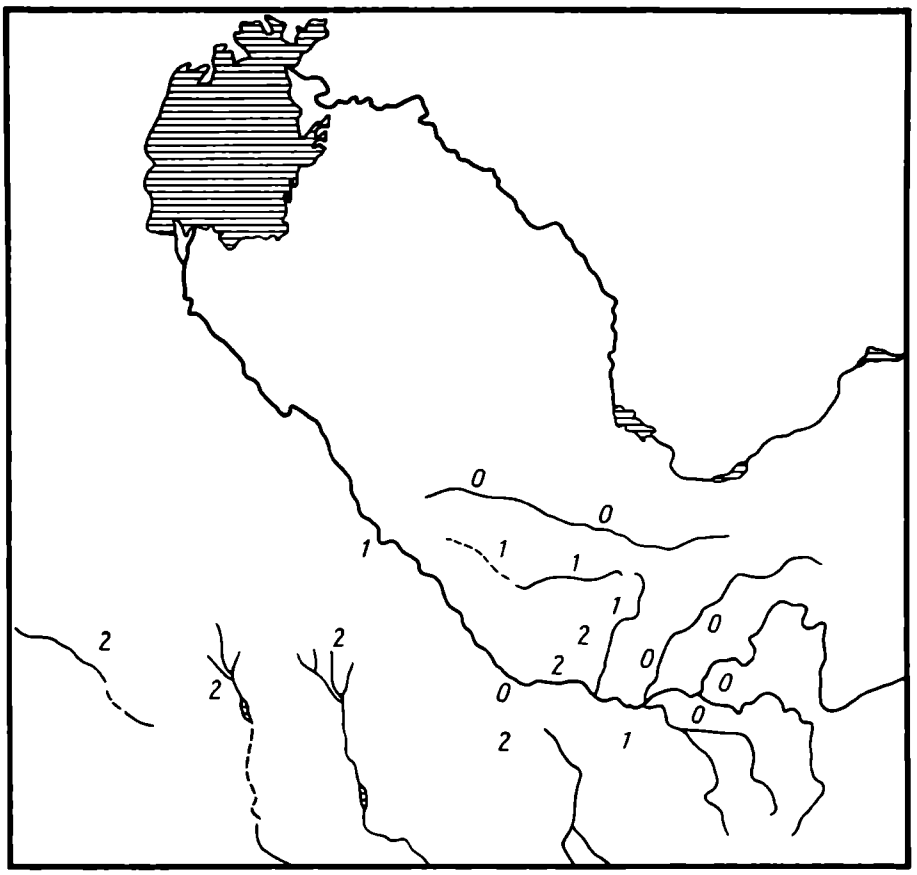


Рис. 5. Распространение на юге Средней Азии керамики X—VIII вв. до н. э. *0* — отсутствие расписной керамики типа Яз I (бассейны Зеравшана, Кафирнигана, Вахша и Пянджа); *1* — незначительное число расписной посуды — до 1% (среднее течение Амударьи, бассейн Кашкадарьи, верхняя часть долины Сурхана); *2* — распространение расписной керамики от 2—3 до 4—6% (подгорная полоса Копетдага, низовья Теджена, Мургаба и бассейна Сурхана, район Шибергана)

на юге Средней Азии выделяются районы абсолютного преобладания лепной неорнаментированной керамики типа Яз I (рис. 5).

Бронзовые серпы, ножи и втульчатые двухперые наконечники стрел относятся здесь к финальной стадии Яз I и сохраняются также в период Яз II—III, Кызыл II—III. Более ранним временем датируются черешковые двухперые бронзовые наконечники стрел. Не известно, является ли поэтапное внедрение культурных нововведений отражением регулярных этнических передвижений или это следствие закономерного обновления культуры в процессе ее эволюции. Так, в слоях Бандыхан-Тепе I выделяется постепенная замена станковой посуды первоначально нерасписной лепной керамикой, в последующем — распространение чаш, мисок и крышек с геометрическим рисунком, а затем — крупных хозяйственных сосудов с мазками и полосами краски. Близкие явления отмечены в стратифицированных керамических горизонтах поселений Шуробсайского оазиса в долине Кашкадарьи (причем в нижних слоях здесь найдена исключительно нерасписная посуда наряду со станковой). И наконец, как было сказано, на юге Средней Азии получили поэтапное внедрение различные типы орудий и оружия из бронзы (табл. 1).

По приведенным выше показателям число новшеств преобладает над традициями и составляет около 60%, однако в основном они связаны с производственно-бытовым инвентарем, мелкой пластикой, предметами искусства и др. Многие культурные традиции бронзового века сохраняются и продолжают раз-

Таблица 1

Сочетание традиций и новшеств в культуре начала I тыс. до н. э. Яз I, Кызыл I

№ п. п.	Поселения, объекты, находки	Традиции	Новшества
1.	Типы поселений	+	+
2.	Фортификация	—	+
3.	Планировка	+	+
4.	Площади поселений	+	+
5.	Жилище	+	+
6.	Строительные:		
	материалы, техника	+	—
	конструкции	+	+
7.	Погребальные объекты	—	+
8.	Бронзовые серпы	—	+
9.	Бронзовые ножи	+	+
10.	Наконечники стрел	—	+
11.	Каменные серпы-ножи	—	+
12.	Земледельческие орудия	+	+
13.	Печати-амулеты	—	—
14.	Мелкая пластика	—	—
15.	Предметы искусства	—	+
16.	Костяные псалии	—	+
17.	Ритуальные изделия	—	+
18.	Станковая керамика	+	—
19.	Лепная керамика	—	+
20.	Типы форм	+	+
21.	Орнаментация	+	+
	Всего:	11	18

витие на новой основе (особенно характер и типы расселения, районирование поселений, развитие орошаемого земледелия и ирригации, архитектурно-планировочные особенности поселений и конструкции жилищ, применение гончарного круга и сохранение станковых керамических форм). Все это особенно четко проявляется и в развитии культуры юга Средней Азии последующих периодов (табл. 2).

Из данной таблицы в сохранении и продолжении определенного числа традиций эпохи бронзы и переходного периода к железному веку фиксируется процесс преемственности культур, что на примере развития экономики, оседлых поселений и типов производственно-бытового инвентаря характеризуется генезисом общего хозяйственно-культурного типа. Вместе с тем социальный и общественно-политический аспекты VII—IV вв. до н. э. предопределили внедрение в культуру данного времени значительного числа нововведений. Лепная керамика типа Яз I в конечном итоге не воспринимается социальной средой и вытесняется станковой посудой, при сохранении определенного количества типов кухонно-хозяйственной керамики в условиях домашнего производства (до 10—12% на отдельных поселениях).

Отметим еще одно немаловажное обстоятельство: границы Ахеменидской державы в Средней Азии во многом совпали с территорией распространения комплексов типа Яз III, которые резко отличаются от западноиранских материалов. В свой черед, территориально комплексы периода Яз III находят в тех же районах, что и материалы типа Яз II. Но последние встречаются географически шире, чем инвентарь культуры типа Яз I (рис. 5, 6). Не исключено, что генезис и ареалы в Средней Азии всех трех названных археологических комплексов связаны с основными этапами развития восточноиранской этнокультурной общности, в которой особенно в VIII—VI вв. до н. э. четко выделяются преобладаю-

Таблица 2

Сочетание традиций и новшеств в культуре VII—IV вв. до н. э. (Яз II—III, Кызыл II—III)

№ п. п.	Поселения и объекты	Традиции		Новшества VII—IV вв. до н. э.
		эпохи бронзы	X—VIII вв. до н. э.	
1	Городские или города	+	—	+
2	Отдельные крепости	+	—	+
3	Крепость и неукрепленная часть	+	—	+
4	Неукрепленные поселения	+	+	+
5	Дома-усадьбы	—	+	+
6	Цитадели	—	+	+
7	Фортификация	+	—	+
8	Ремесленные мастерские	+	—	+
9	Культовые здания	+	—	+
10	Погребальные объекты	—	+	—
	Орудия труда, оружие и другие изделия			
1	Бронзовые серпы	—	+	+
2	Бронзовые ножи	+	+	+
3	Бронзовые сосуды	+	—	+
4	Наконечники стрел	—	+	+
5	Каменные серпы-ножи	—	+	+
6	Земледельческие орудия	+	+	+
7	Железные серпы	—	—	+
8	Железные ножи	—	—	+
9	Железные топоры	—	—	+
10	Наконечники стрел	—	—	+
11	Каменные навершия булав	+	—	+
12	Предметы искусства	+	—	+
13	Культовые предметы	—	—	+
14	Украшения	+	+	+
15	Лепная посуда	—	+	+
16	Станковая керамика	+	+	+
17	Типы форм	+	+	+
18	Орнаментация	—	+	+
	Всего:	15	14	27

щие признаки Бактрийско-Маргианской или Бактрийской историко-культурной области (БИКО).

Истоки ее формирования восходят к эпохе бронзы и продолжаются в X—VIII вв. до н. э., поэтому есть все основания, независимо от ряда инноваций, рассматривать комплексы типа Яз I как проявление культурогенеза в ареалах БИКО, в условиях изменения этнической ситуации, идеологических представлений и усложнения древних верований.

Если в начале I тыс. до н. э. в эту общность были включены долина Кашкадарьи и среднее течение Амударьи, то в VII—IV вв. до н. э.— долина Зеравшана и в VI—V вв. до н. э. Хорезм (рис. 6). Вне данной культурной общности остались Фергана, Чач и архаический Дахистан, население которых демонстрировало совершенно другую линию этнокультурного развития.

Особый вопрос — хронология комплексов типа Яз I и, хотя его анализ не входит в задачи настоящей статьи, отметим некоторые дискуссионные положения.

В научной литературе последних лет наметилась тенденция определения датировок комплексов типа Яз I в зависимости от географического районирования генетических центров данной культуры. Ряд исследователей считают, что схема движения или расселения носителей комплексов Яз I из первичных метрополий объясняет все хронологические различия между археологическими

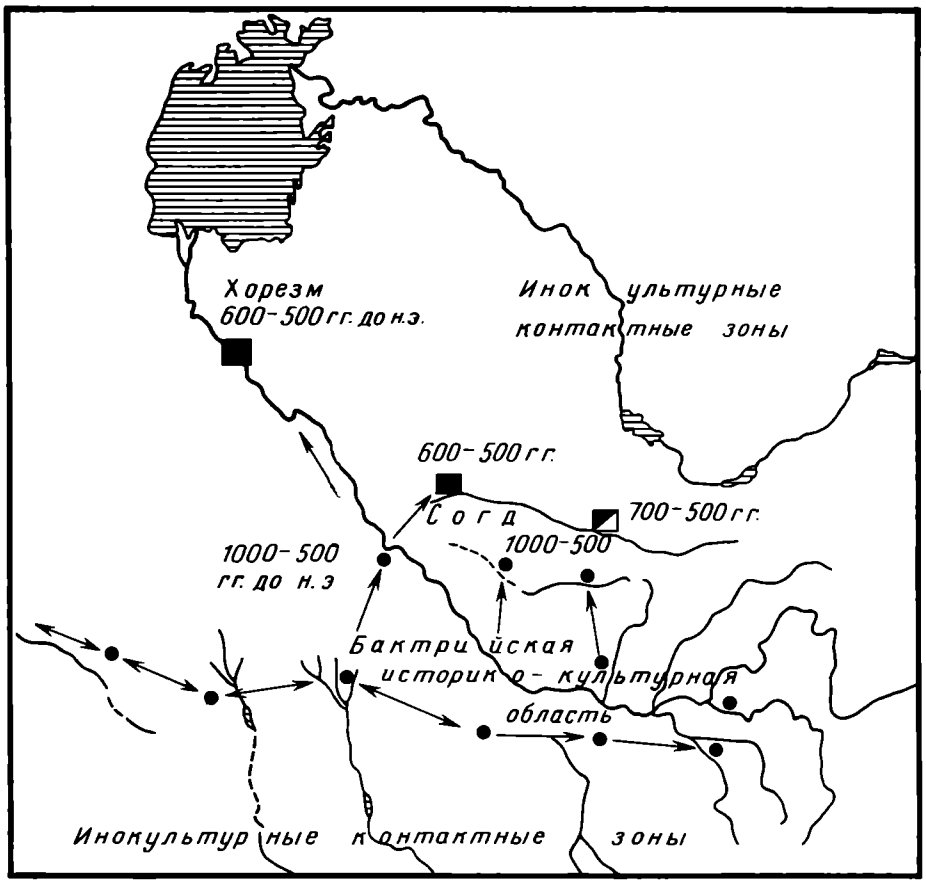


Рис. 6. Основные этапы внедрения традиций и новшеств Бактрийской историко-культурной области в первой половине I тыс. до н. э.

материалами отдельных среднеазиатских областей [26, с. 202] В зависимости от расположения предполагаемой прародины культуры Яз I южные или северные комплексы механически приобретают и хронологический приоритет [ср 23, с. 18, 84; 24, с. 32; 30, с. 24; 40, с. 110] Так, согласно иранскому генетическому варианту распространения комплексов типа Яз I с юго-запада на северо-восток, «вторичные центры» культуры «язовского» типа — Кучук-Тепе и Кызыл-Тепе [26, с. 202] — датируются на 200 лет позже, чем Тилля I (Тилля I — 1000—800 гг. до н. э. [40, с. 110]), а Кучук и Кызыл I, по новой гипотезе В. И. Сарианиди — 800—700 гг. до н. э. [26, с. 187] Тилля-Тепе и Кучук-Тепе расположены недалеко друг от друга — по прямому направлению их разделяют около 120 км, и едва ли носителям расписной керамики, чтобы пройти это расстояние, понадобилось бы 200 лет. В данном случае расписная керамика, являющаяся одним из ярких, но не ведущих признаков комплексов Яз I, пробретает решающее значение в датировке памятников рассматриваемого времени.

Ранее уже отмечалось, что аналогии для лепной керамики в процессе датировки комплексов во многом условны и часто приводят к ошибочным выводам [28, с. 24, 25] Особую роль при определении относительной датировке поселений должны играть стратиграфические данные (мощность слоя, количество строительных горизонтов и полов), как правило, показывающих интенсивность и длительность обжигания поселений. Хронология в отрыве от этих факторов независимо от разного рода аналогий является необъективной и малоинформативной. Стратиграфия каждого отдельного памятника должна аргументировать прежде всего хронологию именно Тилля-Тепе, Яз-Депе, Кучук-Тепе или Кызыл-Тепе, но не всегда датировки других среднеазиатских памятни-

Таблица 3

Памятники юга Средней Азии

Слой	Кол-во строительных горизонтов	Максимальная мощность слоя, м	Дата до н. э.
Яз I	2	2,0	900—650 гг.
Тилля I	1	2,5	1000—800 гг.
Тилля II	1	3,0	800—600 гг.
Кучук I	3	3,0	1000—750 гг.
Кучук II	1	1,5	750—600 гг.
Кызыл I	2	2,0	1000—700 гг
Бандыхан I	4	3,6	1050—700 гг.
Еркурган I	?	0,5	800—600 гг.

ков. И если на Тилля-Тепе отмечается большой процент расписной керамики, а в слоях Кызыл I минимальный, это еще не показатель более поздней датировки последнего комплекса.

Согласно В. И. Сарианиди, на Тилля-Тепе и Улуг-Депе расписная керамика появляется в нижних горизонтах Тилля I и Улуг II [26, с. 185], тогда как в это же время на Бандыхан-Тепе I, Кызыл-Тепе, Буйрачи I и на некоторых поселениях долины Кашкадарьи происходит постепенная замена станковой посуды исключительно нерасписной лепной керамикой, которая внедряется здесь несколько позже [28, с. 23, 24; 50, с. 4] и получает незначительное распространение. Таким образом, эти различия свидетельствуют о некоторых локальных вариантах распространения традиций культуры Яз I в ряде среднеазиатских областей. Независимо от этого керамика типа Тилля I, Кучук I, Кызыл I, Яз I, Елькен II представляет собой хронологически единый комплекс, существенно отличающийся от керамики предыдущего и последующего времени.

Некоторые хронологические различия между ними, несомненно, были, но едва ли они измерялись в пределах 100—200 лет. Если Тилля-Тепе, Яз-Депе, Кучук-Тепе, Бандыхан I основаны на необжитых ранее местах, то Кызыл-Тепе формируется в 50 м к юго-востоку от поселения эпохи бронзы Буйрачи I и фактически продолжает территорию последнего. Материалы переходного периода от бронзового к железному веку, обнаруженные на Буйрачи-Тепе, характерны и для слоев Кызыл I, и между комплексами конца II и начала I тыс. до н. э. нет никакого хронологического разрыва. Все это еще раз ставит под сомнение теорию о «первичности» и «вторичности» центров распространения культуры племен язовского» типа.

Дискуссионность хронологии археологических материалов рассматриваемого времени очевидна, но сама дискуссия, видимо, не должна быть обусловленной географией генетического центра культуры Яз I и такими косвенными показателями, как процент расписной посуды, разнообразие орнаментальных мотивов, и чисто керамическими сравнениями в отрыве от стратиграфии поселений.

До настоящего времени в археологической литературе отсутствуют количественные стратиграфические сопоставления для широкого круга памятников юга Средней Азии. С этой целью приведем в табл. 3 общие сведения, известные по раскопкам ряда поселений и опубликованным данным [5, 23, 30, 40]

В. И. Сарианиди и Г А. Кошеленко поставили вопрос о необходимости объединения двух комплексов — Кучук I и Кучук II — в единый [26, с. 187] Соглашаясь с этим заключением, нельзя не подчеркнуть, что лепная керамика Тилля II — это прямое продолжение комплекса Тилля I [30, рис. 21 сл.], поэтому и в данном случае есть все основания объединить и рассмотреть их как ранний и поздний вариант одного общего комплекса. В материалах Кучук II

и Тилля II еще сильны традиции культуры Яз I. Нередко в литературе ошибочно или чаще механически синхронизируются по времени два во многом разных комплекса Кучук II и Кызыл II или Кучук II и Яз II [26, с. 187, табл.], совпадающие лишь цифровыми показателями, обозначающими стратифицированные слои. Все это еще раз показывает необходимость разработки устойчивого критерия оценки относительной и абсолютной хронологии среднеазиатских комплексов типа Яз I.

Скудость письменных источников не позволяет достаточно полно охарактеризовать исторический процесс периода Яз I, который демонстрирует разложение первобытнообщинных отношений и переход к первичной классовой формации, а также переход от бронзового века к железному. Именно новая фаза развития исторического процесса и формирование более прогрессивных его структур в условиях смены общественно-экономических формаций вызвали отрицание традиций, несоответствовавших конкретно сложившимся условиям нововведения типа Яз I в широком географическом аспекте.

В настоящей статье предпринята попытка осветить состояние одного из наиболее дискуссионных вопросов среднеазиатской археологии и наметить возможные перспективные варианты его анализа. Автор далек от мысли, что проблема происхождения комплексов типа Яз I до накопления новой археологической информации может быть решена только однозначно и окончательно (например, необходимы дальнейшие раскопки поселений низовий Мургаба, и материалы Яз-Депе, полученные здесь более 30 лет назад, требуют значительного обновления).

Одним из важных направлений дальнейших исследований, видимо, послужит изучение культурных традиций и новшеств периода Яз I. Все это, очевидно, не должно сводиться к простой фиксации проявлений традиций и инноваций в культуре оседлых областей юга Средней Азии начала I тыс. до н. э. Актуальное значение имеет определение статистически устойчивого количества новшеств в разных районах, более или менее четких географических ареалов их внедрения и распространения, а также классификация нововведений и локальных вариантов культуры для изучения проблем культурогенеза и социально-экономической динамики по данным археологии.

И наконец, отметим, что рассмотренная проблема может быть успешно решена лишь в том случае, когда речь пойдет не о формировании исключительно керамики типа Яз I, а культуры данного времени, понятия более широкого, чем «керамический комплекс».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Schmidt E.* Archaeological Excavations in Anau and Old Merv // Pumpelly R. Explorations in Turkestan. V 1. Wash., 1908.
2. *Марущенко А. А.* Елькен-Депе (Отчет о раскопках 1953, 1955 и 1956 гг.) // Тр. ИИАЭ АН ТССР 1959. Т. 5.
3. *Толстов С. П., Итина М. И.* Проблема суярганской культуры // СА. 1960. № 1.
4. *Ганялин А. Ф.* Теккем-Тепе (Раскопки 1952—1953 гг.) // Тр. ИИАЭ АН ТССР, 1956. Т. II.
5. *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА. 1959. № 73.
6. *Массон В. М.* Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина // Тр. ЮТАКЭ. 1956. Т. 7.
7. *Массон В. М.* На пороге раннеклассового общества. Оазисы юга Средней Азии в первой трети I тыс. до н. э. // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л.: Наука, 1966.
8. *Кузьмина Е. Е.* О некоторых аспектах проблемы культурных и этнических связей Средней Азии и Ирана в эпоху поздней бронзы и раннего железа // Искусство и археология Ирана. М.: Наука, 1971.
9. *Кузьмина Е. Е.* К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии («Бактрийский мираж» и археологическая действительность) // ВДИ. 1972. № 1.
10. *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Наука, 1962.

11. *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. 1955. № 46.
12. *Сорокин В. С.* Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак // МИА. 1962. № 120.
13. *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА, 1960, № 88.
14. *Хлопин И. Н.* Проблема происхождения культуры степной бронзы // КСИА. 1970. Вып. 122.
15. *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА. 1962. № 118.
16. *Сарианиди В. И.* Степные племена эпохи бронзы в Маргиане // СА. 1975. № 2.
17 *Кузьмина Е. Е., Ляпин А. А.* Новые находки степной керамики на Мургабе // Проблемы археологии Туркменистана. Ашхабад: Ылым, 1984.
18. *Литвинский Б. А., Соловьев В. С.* Стоянка степной бронзы в Южном Таджикистане // УСА. 1972. Вып. 1.
19. *Пьянкова Л. Т.* Древние скотоводы Бактрии (о вахшской и бишкентской культурах) // Культура первобытной эпохи Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1982.
20. *Итина М. А.* История степных племен Южного Приаралья // Тр. ХАЭЭ. 1977. Т. 10.
21. *Аскаров А.* К вопросу о происхождении культуры племен с расписной керамикой эпохи поздней бронзы и раннего железа // Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979.
22. *Аскаров А.* Еще раз о древних путях на юге Узбекистана // ОНУз. 1982. № 7.
23. *Аскаров А., Альбаум Л. И.* Поселение Кучуктепе. Ташкент: Фан, 1979.
24. *Заднепровский Ю. А.* Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии. Автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.06. М.: ИА АН СССР, 1978.
25. *Литвинский Б. А.* Проблемы этнической истории Средней Азии во II тыс. до н. э. (Среднеазиатский аспект арийской проблемы) // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н. э.). М.: Наука, 1981.
26. *Сарианиди В. И., Кошеленко Г А.* Средняя Азия в раннем железном веке. Северная Парфия. Северная Бактрия. Заключение // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР М.: Наука, 1985.
27. *Сагдуллаев А. С.* Древние пути на юге Узбекистана // ОНУз. 1981. № 7.
28. *Сагдуллаев А. С.* О соотношении древнеземледельческих комплексов Ферганы и Бактрии // СА. 1985. № 4.
29. *Массон В. М.* Изучение эпохи раннего железа на территории Южного Туркменистана // Туркменистан в эпоху раннежелезного века. Ашхабад: Ылым, 1984.
30. *Сарианиди В. И.* Раскопки Тилля-Тепе в Северном Афганистане. М.: Наука, 1972.
31. *Сарианиди В. И.* Восточнохоросанская культура расписной керамики Афганистана // КСИА. 1973. Вып. 136.
32. *Хлопина Л. И., Хлопин И. Н.* К происхождению комплекса Язтепе I Южного Туркменистана // СА. 1976. № 4.
33. *Хлопина Л. И.* Намазга-Тепе и эпоха поздней бронзы Южной Туркмении: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1978.
34. *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИМ. 1947. Вып. XVII.
35. *Пугаченкова Г А.* Новые данные к изучению художественной культуры Северной Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент: Изд-во Гафура Гуляма, 1973.
36. *Итина М. А.* Взаимодействие земледельческих цивилизаций Средней Азии с их варварской периферией в эпоху бронзы // Археология Средней Азии и Ближнего Востока. Тез. докл. II советско-американского симпозиума. Ташкент: Фан, 1983.
37. *Хазанов А. М.* (при участии Куббеля Л. Е. и Созиной С. А.). Первобытная периферия докапиталистических обществ // Первобытное общество. М.: Наука, 1975.
38. *Мерпет Н. Я.* Миграции в эпоху неолита и энеолита // СА. 1978. № 3.
39. *Масимов И. С.* Изучение памятников эпохи бронзы в низовьях Мургаба // СА. 1979. № 1.
40. *Сарианиди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М.: Наука, 1977.
41. *Аскаров А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977
42. *Cardin J.-C.* Pour une géographie archéologique de la Bactriane // L'archéologie de la Bactriane ancienne. Actes du Colloque franco-soviétique. P., 1985.
43. *Francfort H.-P* Tradition harappéenne et innovation bactrienne a'Shortughaï // L'archéologique de la Bactriane ancienne. Actes du Colloque franco-soviétique. P., 1985.
44. *Мандельштам А. М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА. 1968. № 145.
45. *Кузьмина Е. Е.* О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии // Памятники каменного и бронзового века Евразии. М.: Наука, 1964.
46. *Ходжайов Т К.* Динамика ареалов антропологических типов на территории Средней Азии // СЭ. 1983. № 3.
47 *Сарианиди В. И.* К вопросу о культуре Заманбаба // Этнография и археология Средней Азии. М.: Наука, 1979.
48. *Пилипко В. Н.* Древнее городище Одей-Депе на среднем течении Амударьи // КД. 1979. Вып. VIII.
49. *Сагдуллаев А. С.* Поселения раннежелезного века в бассейне Кашкадарьи // СА. 1984. № 3.
50. *Сагдуллаев А. С.* О культурных связях Северной Бактрии с областью Чача до середины I тыс. до н. э. // Материалы по археологии Средней Азии (Тр. ТашГУ № 707). Ташкент, 1983.

51. *Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскаров А.* Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зеравшана. Ташкент Фан, 1966.
52. *Джуракулов М. Д., Аванесова Н. А.* Новые исследования по Сазаганскому поселению // ИМКУз. 1984. Вып. 19.
53. *Casal J. M.* Fouilles de Mundigak // MDAFA. 1966. T. XVII. B. 1.

A. S. Sagdullaev

ON THE ORIGINS OF THE CENTRAL ASIAN COMPLEXES OF THE YAZ I TYPE

Summary

This is one of the most complex and important issues of archaeology of Central Asia. The author uses the latest archaeological discoveries to describe the way the Yaz I cultural traditions were disseminated and innovations appeared in various parts of Central Asia. It was commonly believed that these traditions were disseminated by migrating tribes. Not supported by facts this hypothesis, however, has to be discarded. The author also discusses the question of the Kopet Dag piedmont apron and the territories of Bactria and Margiana as a Central Asian genetic centre of the Yaz I culture.

А. А. МАСЛЕННИКОВ

О ТИПОЛОГИИ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ БОСПОРА

Сельские поселения Боспора уже неоднократно были предметом специальных исследований. Можно с полным основанием сказать, что только после широкомасштабных разведок и раскопок сначала В. Д. Блаватского, затем Н. И. Сокольского и особенно И. Т. Кругликовой перед археологами открылся доселе почти неведомый мир боспорских поселений. В дальнейшем новая ценная информация была получена экспедициями Е. М. Алексеевой, В. С. Долгорукого, Н. А. Онайко, Б. Г Петерса. Накопленный к началу 1970-х годов материал, как известно, был обобщен в монографии И. Т Кругликовой.

Одновременно археологические исследования развернулись на хоре Ольвии и Херсонеса. Более скромные, но все же заметные результаты были получены при раскопках поселений на сопредельных с Боспором территориях: в Крыму, Прикубанье, на Нижнем Дону.

Весьма активно идет изучение сельских поселений и за рубежом. Здесь прежде всего можно выделить исследования французских, югославских, румынских и болгарских археологов. Вышло немало публикаций и ряд итоговых работ, например, Дж. Персиваля о виллах Римской империи, Ж.-Ж. Горжа о виллах Испании, Д. Николова о виллах Фракии. Появились более широкие возможности для новых сопоставлений и исторических выводов.

С 1975 г раскопки поселений на Керченском полуострове были продолжены Восточно-Крымской экспедицией Института археологии АН СССР Они ведутся на целом ряде объектов, главным образом в районе Крымского Приазовья, прежде мало или вовсе не обследованном. На поселениях мыс Зюк, «Полянка», Зеленый Мыс, Крутой Берег, Генеральское Западное, Савроматий (Новониколаевка), Салачик вскрыто от нескольких сот до 1,5—2 тыс. м^2, на других (Чокракский мыс, Генеральское Восточное) — 150—250 м^2

Проводятся широкие разведки на всем полуострове, уточняются местонахождения и характеристики известных городищ, обследуются прежде редко или почти не посещавшиеся районы. Обнаружено несколько новых поселений, установлено наблюдение за их сохранностью. Помимо топосъемки активно используются методы геофизической разведки, помогающей определить границы основной застройки, линию обороны, иногда приблизительную планировку. Шурфовка и сбор подъемного материала способствуют уточнению датировок. В определенной мере привлекаются данные аэрофотосъемки. К этому надо добавить результаты последних работ некоторых других отрядов и экспедиций: Новоотрадненского, Михайловского, Таманской, Южно-Боспорской, Анапской, Новороссийско-Геленджикской (И. Т. Кругликова, Б. Г Петерс, Е. М. Алексеева, А. В. Дмитриев, Я. М. Паромов и др.)

В итоге получено много данных, в подавляющем большинстве еще не опубликованных, речь идет прежде всего о материалах Восточно-Крымской экспедиции. Они постоянно пополняются, уточняются, уже достаточно представительны и надежны для обоснования новых выводов. Результаты анализа всего имеющегося в нашем распоряжении материала по данной проблематике дополняют уже сложившиеся представления и схемы, подчас не согласуясь с ними. Главное же, появляется возможность всестороннее и полнее представить себе

боспорские поселения, их историю и место в хозяйственно-административной системе государства, что позволит лучше узнать характер производственных отношений и построить новые модели социально-экономического развития Боспора в различные эпохи.

Важно разработать типологию поселений. За ней собственно и скрываются многие вопросы истории и территориального устройства боспорской хоры, а также терминологические споры и разногласия в интерпретации некоторых памятников.

Берясь за данную проблему, автор в полной мере представляет ее сложность, неизбежность субъективности некоторых оценок и наблюдений, неполноту наших знаний и другие трудности. Все это делает некоторые выводы достаточно гипотетичными и даже спорными. Другой, не менее существенный момент состоит в том, что не все поселения за всю их историю оставались, так сказать, в пределах одного типа или вида. Так, из усадьбы могла вырасти крепость, а на ее месте — городище и т. п. При этом далеко не всегда точно удается восстановить облик и тип поселения на каждом этапе его существования. Чаще всего обнаруживается и более или менее надежно интерпретируется лишь то, чем было данное поселение к моменту его гибели.

Что же дает разработка типологии поселений? Она систематизирует наши знания на определенном этапе исследований, определяет направление дальнейших работ, фиксируя внимание на слабо изученных вопросах и категориях памятников. Это позволяет сконцентрировать усилия на раскопках принципиально важных и новых типов и видов поселений, на прочих можно вести работы в масштабах и объемах, необходимых для точного определения типовой принадлежности и охранных зон. В большинстве случаев для этого достаточно топографической и геофизической съемки, проб на палеоботанический анализ и шурфовки. Именно всем этим мы и руководствуемся при осуществлении и планировании раскопок в Восточном Крыму.

Было бы неверным считать, что вопрос о типологии поселений прежде не ставился. Еще В. Ф. Гайдукевич ввел определение «малые города Боспора», отнеся к ним ряд городищ (Китей, Киммерик, Акра, Илурат, Тиритака). Но первая типология самих поселений была предложена И. Т. Кругликовой [1, с. 63; 2, с. 145—149] Отметим также типологию поселений херсонесской хоры А. Н. Щеглова [3, с. 53] и хоры Ольвии [4, с. 41 сл; 5, с. 3 сл; 6, с. 17 сл.]. Некоторые уточнения в отношении Боспора сделаны С. Д. Крыжицким [4, с. 70—72, 108]

Термин «поселение», естественно, используется здесь в широком, общеархеологическом смысле, как всякий объект, скрывающий остатки человеческого жилья на определенной площади. Конкретно это могут быть и селища и городища. Именно такое деление, дополненное «усадьбами», принято И. Т. Кругликовой и А. Н. Щегловым (неукрепленные деревни, укрепленные поселения, неукрепленные усадьбы на клерах, укрепленные виллы крупных землевладельцев). При всей простоте и стройности в этой схеме есть недостатки. Во-первых, она, как нам кажется, уже не охватывает всего разнообразия археологических памятников. Во-вторых, в ней смешаны функциональные и чисто внешние признаки: с одной стороны, наличие укреплений, с другой — недостаточно ясный вопрос о боспорских виллах, их признаках, да и вообще наличии крупной земельной собственности на Боспоре. В модели А. Н. Щеглова явно даже генетически разные типы поселений (Панское I и селища IV—III вв. до н. э., по-видимому, негреческого населения) попали в одну группу [3, с. 40, 41] Между тем укрепленный, хотя и особым образом, характер первого поселения заложен в его планировке — замкнутое пространство.

Столкнувшись с многообразием боспорских поселений, исследователи в первую очередь обратились к терминологии письменных источников [1, с. 63—67; 2, с. 145—147] Кратко напомним, что применительно к Боспору античные авторы приводят следующие названия: ἡ πολίχνη (маленький город, форт);

τόπολίχνίον (городок); ἡκώμη (деревня, а также неукрепленная деревня в противоположность укрепленному городу и административный район или даже квартал в городе); τό κώμjον (деревушка) и, наконец, τό χωρίον (местечко, поселок) [1] Однако дифференциация боспорских поселений, исходя только из этих названий, практически невоможна из-за неоднозначности их применения к одним и тем же пунктам разными авторами, хотя за этим подчас и скрываются перемены в их облике и статусе на протяжении нескольких веков [2, с. 146] Кроме того, нам не известны и субъективные причины выбора авторами того или иного обозначения. Причем до нас дошла лишь незначительная часть названий населенных пунктов Боспора, да и то лишь крупнейших и, как правило, прибрежных.

Весьма осторожно можно привлекать аналогии с терминологией из других районов античного мира. Принесенная греками, она на каждой конкретной территории приобретала свои особенности и в содержании, и в употреблении. То, что в Малой Азии считалось городком, для Боспора — город и т. п. Таким образом, этот источник имеет вспомогательное значение и сам требует археологической конкретизации.

Возвращаясь к проблеме типологии, подчеркнем, что в ней надо четко выделять два хотя и взаимосвязанных, но самостоятельных вопроса: первый — какие были поселения на боспорской хоре в VI в. до — VI в. н. э.; второй — чем были эти поселения, их функциональное значение. Ответить на второй вопрос много труднее, чем на первый, и не всегда это можно сделать с полной уверенностью. Впрочем, он не случайно поставлен вторым, как следующий, более высокий и сложный этап и уровень исследования, суть которого — качественная характеристика и новая ступень обобщения.

В данной статье рассматривается только группировка поселений по внешним признакам, сознательно оставляются в стороне многие напрашивающиеся выводы, аналогии и предположения.

В прежних типологиях за основу брался, как уже говорилось, признак наличия укреплений либо функциональной принадлежности поселений. Первый важен, но не абсолютен, второй во многом субъективен, сложен и на начальном этапе исследования непригоден. Нужен единый для всех поселений критерий. Им является такой универсальный, общий признак, как занимаемая поселением территория. Он объективен, так как материален сам объект, не случаен, ибо площадь поселения в каждом конкретном случае обусловливается суммой разных факторов. Однако чисто внешнее сходство по территории может оказаться обманчивым. Например, в одну группу могут попасть город и селище с площадью в несколько десятков гектаров. Необходим второй равнозначный признак, характеризующий не только общее, но и то особенное, специфическое, что отличает структуру одних поселений от других. Иными словами, показатель того, как эта площадь реализуется, т. е. характер застройки, принцип планировки. Он также зависит от ряда факторов: правового статуса, имущественного и социального положения населения, демографической структуры, строительных традиций, природных условий, основного рода хозяйственной деятельности, степени внешней опасности и т. д.

Если признак площади в классификации ясен, то «характер застройки и планировки» нуждается в пояснении. Речь идет здесь не о типах домов (хотя это и важно), а о принципе их расположения на поселении. Они либо разбросаны относительно хаотично и не соприкасаются непосредственно (рассеянная застройка), либо сгруппированы в едином комплексе (сплошная застройка). В первом случае могут граничить хозяйственные дворы вне помещений или вообще нет прямого соседства, во втором — дома различной конструкции объединены в кварталы и жилые блоки. И здесь в зависимости от принципа группировки помещений и домов возможны варианты. Сплошная застройка предполагает наличие укреплений, да и обусловлена ими. На практике, вероятно, встречаются сочетания того и другого характера застройки (город и при-

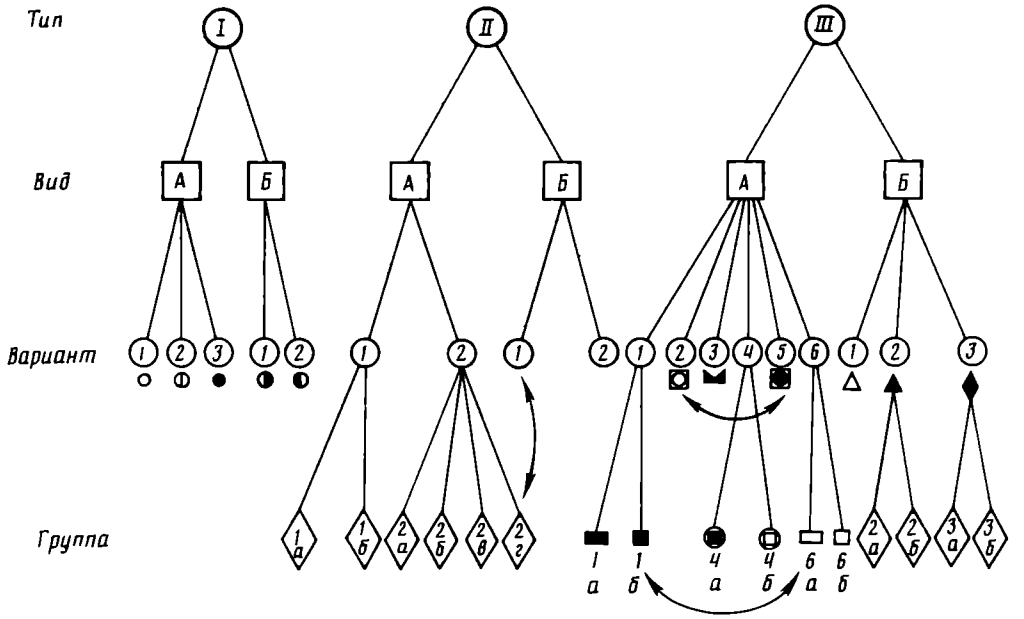


Рис. 1. Типы боспорских поселений. Тип *I* — поселения из одной автономной жилищно-хозяйственной постройки; вид *А* — сторожевые посты: *1* — в районе юго-восточной части азиатского Боспора, *2* — поселения типа «Юбилейное», *3* — сторожевые посты европейского Боспора; вид *Б* — дома башенного типа: *1* — на азиатском Боспоре, *2* — на европейском Боспоре. Тип *II* — поселения с рассеянной планировкой (застройкой); вид *А* — варварские селища: *1* — азиатского Боспора (*1а* — прибрежной части, *1б* — «глубинки»), *2* — Восточного Крыма (*2а* — прибрежной части, *2б* — «глубинки», *2в* — IV—VI вв. н. э., *2г* — типа Куль-Тепе Восточное); вид *Б* — деревни боспорских греков: *1* — азиатского Боспора, *2* — европейского Боспора. Тип *III* — поселения со сплошной, регулярной застройкой; вид *А* — поселения с концентрированной застройкой: *1* — крепости, укрепленные усадьбы Восточного Крыма (группа *1а* — площадью 550—850 м^2, группа *1б* — около 1500—1800 м^2, *2* — храмовый комплекс (Таманский Толос), *3* — архаический Торик, *4* — усадьбы (группа *4а* — сельские, группа *4б* — пригородные), *5* — комплекс Генеральское Западное (фактория?), *6* — «батарейки» Фанталовского полуострова (группа *6а* — площадью менее 2000 м^2, группа *6б* — большей площади); вид *Б* — поселения с линейной застройкой (городища европейского Боспора): *1* — городища площадью 0,12—0,18 га, *2* — городища площадью около 0,5 га (группа *2а* — прибрежные, группа *2б* — «глубинки»), *3* — городища площадью 1 га и более (группа *3а* — прибрежные, *3б* — «глубинки»).

город). Но последние изучены плохо, и в данной статье эта система не рассматривается.

Правда, в большинстве случаев характер застройки и планировка очень трудно определимы до раскопок. Но в том-то и дело, что оба признака (площадь и планировка) состоят в определенной взаимосвязи, а наши знания достигли такого уровня, когда мы уже имеем дело с понятием «множества» и срабатывает фактор аналогий. Там, где нет или недостаточно данных одного компонента, помогают аналогии с более или менее изученными памятниками с той же внешней характеристикой. Анализ боспорских поселений убеждает нас, что особенности планировки и застройки (пространственно-структурная характеристика поселения) не случайны, а повторяются в некоторых однотипных по площади поселениях. И наоборот, у внешне схожих по площади и плану поселений — одинаковое внутреннее планировочное решение. Кроме того, в рамках государственных образований можно говорить об известной стандартизации поселений по рассматриваемым признакам.

На этих выводах и основывается предлагаемая типология. В ней поселения рассматриваются не в хронологической последовательности, а как историческое явление в их общем развитии от простого к более сложному на протяжении тысячелетнего периода. Это позволяет избежать повторений и показывает динамику всего процесса. Из этого конечно, не следует, что на Боспоре типы

52
66
53
35
10
48
59
9
50
49
51
58
57
56
15-16
47
67
41
21
60
22
11
36
39
12
71
13
46
44
45
38
65
37
61
40
62
55
20
63
64
42
70
43
69
54
72
68
23
24
25
26
27
28
29
30
31
14
32
17
18
33
19
1
2
3
4
5
6
7
8
34

поселений последовательно сменялись от очень простых в раннее время к сложным и большим в позднее. Греческие поселенцы, как известно, прибыли сюда с богатым опытом традиций и навыков строительного дела, а не начинали в этом отношении с «нуля».

И еще два предварительных замечания. При всей общности типов и видов поселений, безусловно, существовали определенные отличия не только на двух основных частях государства (Керченский и Таманский полуострова), но и по отдельным регионам, зонам внутри этих территорий. Например, поселения степной части Восточного Крыма даже внешне отличаются от одновременных им в Приазовье; подробнее об этом будет сказано ниже. Добавим также, что одни поселения лучше изучены на азиатском Боспоре, другие — на европейском.

Наконец, с определенного времени, но, по всей видимости, не сразу на Боспоре сосуществуют параллельно два направления в домостроении: греческое — античное и местное — варварское [4, с. 147]

Итак, предлагаем группировку поселений по основным типам, внутри которых по ряду признаков выделяются виды и варианты поселений, как правило, соответствующие конкретным археологическим памятникам (рис. 1, 2)

К первому типу относятся самые простые поселения, представляющие собой совершенно обособленные, автономные жилищно-хозяйственные комплексы. Это частный, но не редкий случай поселений — поселение из одной постройки (тип I, вид А). Они открыты и изучены сравнительно недавно в основном в районе между Анапой (Горгиппия) и Новороссийском (Баты). Это поселения у ст-цы Анапской [2], хут. Рассвет [7, с. 213—219], ст-цы Владимирской и пос. Цемдолина [8, с. 114], у ст-цы Натухаевской [9, с. 105], недалеко от ст-цы Раевской [8, с. 117] и в верховьях Широкой балки [3]. Скорее всего их было больше, но многие или еще не найдены, или уже исчезли. Все это идентичные по планировке, двухкамерные, довольно мощные дома общей площадью от 110 до 210 м^2, с примыкающими хозяйственными дворами, ямами, какой-то оградой. К ним, видимо, следует отнести и поселение Юбилейное I [10, с. 58, 59] Все они возникают на рубеже II—I вв. до н. э. или немного позднее и гибнут приблизительно столетие спустя [8, с. 117] Как было условлено, подробная характеристика и возможная интерпретация этих и других поселений в задачу данной статьи не входят.

На европейском Боспоре этот тип поселений пока не исследовался, хотя к нему, быть может, относятся постройки под курганообразными насыпями вблизи Узунларского вала, а также еще по крайней мере в шести пунктах.

Одно сооружение размером приблизительно 12×12 м находится на вершине большого холма в 1,4 км к северо-востоку от дороги Керчь — Курортное. Другое (10×11 м), по-видимому башня, сохранилось на скалистом мысу, над

Рис. 2. Основные поселения типов I и III. Условные обозначения соответствуют рис. 1. *1* — Натухаевское; *2* — Анапское; *3* — Рассвет; *4* — Раевское; *5* — к юго-востоку от ст-цы Раевской; *6* — Владимировка; *7* — Цемдолина; *8* — в верховьях Широкой балки; *9* — Салачик; *10* — к западу от Крутого Берега; *11* — «Высокое»; *12* — Осовины; *13* — Бондаренково Южное; *14* — Юбилейное; *15—16* — Новоотрадное; *17—18* — в районе пос. «За Родину»; *19* — Семибратнее; *20* — Михайловское; *21* — Багерово Северное; *22* — Придорожное; *23* — Ильичевка; *24* — Батарейка I; *25* — Батарейка II; *26* — Красноармейская; *27* — Запорожское; *28* — Каменная батарейка; *29* — предполагаемая батарейка; *30* — Патреи Восточное; *31* — Татарская; *32* — Кучугуры; *33* — Ахтанизовская (юго-западное), *34* — Торик; *35* — Генеральское Западное; *36* — усадьба у Мирмекия; *37* — Андреевка Южная; *38* — Каменка; *39* — Бондаренково Северное; *40* — Куль-Оба Восточная; *41* — Кезы; *42* — Чурубашский маяк; *43* — Атаманская; *44* — Глазовка; *45* — Порфмий; *46* — Темир-Гора; *47* — Артезиан; *48* — «Полянка»; *49* — Зеленый Мыс; *50* — Сиреневая бухта; *51* — Куль-Тепе Западное; *52* — Афанасьевка; *53* — Семеновка; *54* — Опук-цитадель; *55* — Тасуново; *56* — Золотое; *57* — Золотое Восточное; *58* — Генеральское Восточное; *59* — мыс Зюк; *60* — Туркмен; *61* — Андреевка Северная; *62* — Белинское; *63* — Савроматий; *64* — Илурат; *65* — Либкнехтовка; *66* — Мысовое; *67* — Чокракский мыс; *68* — Кыз-Аул; *69* — Костырино; *70* — Тамарино; *71* — Войково Северное; *72* — Кояшское Западное

поселением Золотое Восточное в бухте. Правда, она скорее составляла часть этого поселения.

На небольшом скалистом холме на северо-восточной окраине пос. Бондаренково, к востоку от глубокого оврага с ручьем, на площади примерно 11 × 15 м отчетливо видны остатки еще одной прямоугольной постройки. Находки датируются I в. до н. э.— I в. н. э.

Нечто подобное, но значительно худшей сохранности выявлено на крутом скалистом берегу, приблизительно в 5,5—6 км восточнее Генеральской бухты.

Наконец, в районе находки надписи Юлия Эрота от 225 г. н. э. после неоднократных обследований на одиноком холме юго-западнее мыса Варзовка (восточная окраина с. Осовины) выявлены следы какой-то башни или здания.

Все они до проведения раскопок могут рассматриваться как вариант (европейский) поселений первого типа (вид А, вариант 3).

Следующий вид (Б) поселений первого типа — как бы прямое развитие вышеописанного посредством усложнения его планировки и увеличения площади. Это так называемые укрепленные дома башенного типа, известные по раскопкам на Таманском полуострове: здание на Семибратнем городище [11, с. 258] и крепость I—II вв. н. э. на месте дома Хрисалиска [12, с. 32—38, 111—114] Нужно оговориться, что собственно поселением была вторая постройка. Дом на Семибратнем городище хотя и явно обособленное, но строение внутри более крупного комплекса (поселения). Лишь его сходство с «домом Хрисалиска» позволяет говорить о «множественности» и типичности таких сооружений.

Оба они имели почти одинаковую четкую прямоугольную планировку и разбивку на местности, размещение помещений, вход с юга, ориентацию по частям света, не менее двух этажей. Площадь их соответственно 440 и 364 м^2, впервые появляются внутренние дворики. Насколько эти здания были характерны для азиатского Боспора, не ясно. На Керченском полуострове, возможно, вариантом этого вида поселений была постройка второго строительного периода на Новоотрадненском городище [2, с. 113]

Ранжирование поселений идет, как уже говорилось, далее по двум направлениям. Первое —поселения с рассеянной застройкой (тип II), второе — со сплошной застройкой (тип III). К первому типу относятся селища и деревни. Название «селища», вероятно, уместно сохранить за поселениями, где обитали предположительно варвары, «деревня» — где жили в основном греки Боспора. Таким образом, выделяются два вида (А и В) внутри данного типа поселений.

Их известно в настоящее время очень много в обеих частях государства, но ни одно основательно не исследовалось. Более или менее значительные раскопки велись на селищах Марьевка, Марфовка, Золотое плато и в окрестностях Горгиппии [2, с. 31, сл., 58 сл.; 13, с. 18 сл.]

Работы на них требуют вскрытия очень больших площадей, сохранность же слоя и строительных остатков, как правило, очень плохая. Границы селищ и деревень весьма расплывчаты, но в целом их площадь колеблется от нескольких гектаров до более чем 20 га. Разница в площади тех и других, как и иные различия, надо думать, была, но судить о ней пока трудно. Отчетливых следов укреплений как будто бы нет, хотя наличие валов и рвов в некоторых случаях допустимо (вокруг деревень?).

Греческие деревни возникают уже на рубеже VI—V вв. до н. э. и тяготеют к побережью [2, с. 31—45]

Селища появляются не ранее конца V в. до н. э. или даже немного позже.

Дома деревень невелики, просты, но довольно правильны в планировке и отстоят друг от друга на расстоянии 30—100 м. Чаще их развалы вытянуты в линию или расположены в шахматном порядке, что говорит об определенном порядке застройки, улицах, клерной системе.

Относительно варварских селищ этого выявить пока не удалось. В деревнях были колодцы, зерновые ямы, техника строительства выше, находки разнообразнее и многочисленнее (например, Героевское поселение и Джемете).

Селища лучше исследованы в Восточном Крыму. Они расположены на южных, реже северных склонах пологих холмов или на ровных плато в районах у побережья. Дома состояли из нескольких помещений, кладка основания стен повсеместно грубая из необработанных камней, планировка не всегда прямолинейная и правильная. Полы с зольной подсыпкой, имелись очаги. Хозяйственных ям много, но они невелики. Находок немного, и они довольно бедны и однообразны. Иногда вблизи домов маленькие зольники — до 1 м высотой, обложенные оградкой из камней [2, с. 53, 127] Примечательно отсутствие больших зерновых ям и колодцев и преобладание лепной посуды. Принято считать обитателями этих селищ осевших на землю скифов [2, с. 58, 63] Но не исключено, что этнос жителей селищ Приазовской зоны был сложнее [14, с. 24] Учитывая это и некоторые другие различия, можно предположить, что одни из селищ были кошами в основном скотоводов, другие — поселениями главным образом землепашцев (варианты и группы внутри вида). Кроме того, селища на азиатской части Боспора существовали дольше [2, с. 137 сл.], в то время как на Керченском полуострове они гибнут или забрасываются к концу III в. до н. э.

Особую группу поселений этого типа (вид А, вариант 2, группа 2в) представляют своеобразные селища первых веков нашей эры на Азовском побережье Восточного Крыма. Одно из них известно с конца XIX в. [15, с. 126] Это Куль-Тепе Восточное. Оно состоит из нескольких относительно небольших, разбросанных на невысоких скалистых холмах недалеко друг от друга построек. Между скалами большие зольники. Возможно, поселение существовало до III в. н. э. Сюда же, видимо, относится и поселение Золотое Восточное в бухте [1, с. 80]. Небольшие раскопки выявили облик одного из домов. Он невелик, обособлен и в плане схож с сельскими домами раннесредневекового времени в этом же районе. Датировка поселения I—IV (или VI) вв. н. э. А. А. Дирин отмечал наличие здесь больших зерновых ям, зольников, цистерн для воды (?) [15, с. 126 сл.]

Нечто подобное обнаружено и в 0,6—0,7 км к востоку от поселения первых веков нашей эры у восточного основания мыса Казантип. Примечательно, что всегда эти поселения прибрежные и находятся вблизи одновременных им городищ. Вместе с тем они сильно отличаются от селищ эллинистической эпохи.

Впрочем, селища, внешне схожие с ними, вновь появляются в Восточном Крыму в VI—VIII вв. н. э., причем часто на тех же самых местах, что и в IV—III вв. до н. э. [2, с. 137, 138] Это, по-видимому, говорит о близости хозяйственных укладов их обитателей. Раскопкам они почти не подвергались (тип II, вид А, вариант 2, группа 2в).

Третий тип поселений — поселения со сплошной застройкой — распадается на два основных вида. В первом (А) помещения группируются (концентрируются) вокруг одного большого двора, реже двух дворов, образуя, таким образом, замкнутое пространство. В нем, естественно, нет улиц, господствует равнозначно-параллельная планировка внутри многокамерных помещений. Это своего рода дом-поселение. Общие стены одновременно выполняли защитные функции. Еще не так давно этот тип поселений был почти неизвестен на Боспоре. В настоящий момент можно говорить уже о нескольких его вариантах и группах, различающихся площадью, датировкой и функциональным назначением.

Самым ранним (вариант 3) является поселение, отождествленное Н. А. Онайко с архаическим Ториком. Площадь уцелевшей застойки — 1540 м^2 (примерно половина четырехугольного в плане здания), датировка — вторая половина VI — начало V в. до н. э. [16, с. 10, 60] Замкнутое положение помещений создает минимальную защиту и от врагов, и от сильных ветров. Не исключено, что при определенных внешних условиях такие поселения были наиболее целесообразны для греческих первопоселенцев и некоторые впоследствии известные города изначально выглядели именно так.

Еще более своеобразен комплекс культовых и жилых строений III—I вв. до н. э. известный как Таманский Толос и Резиденция Хрисалиска (вариант 2)

Это большая, трапециевидная в плане постройка с перистильным двором, окруженным рядами одно-двухкамерных помещений, занимала площадь около 3850 м^2 В ней особое место отведено собственно Толосу, а позднее — дому Хрисалиска. В конце II в. до н. э. поселение становится чем-то вроде укрепленной усадьбы [12, с. 108] В эпоху до Хрисалиска это был скорее всего храмовый комплекс [17, с. 374—378]

К варианту 4 принадлежат сельскохозяйственные усадьбы эллинистического времени, в свою очередь делящиеся на пригородные (4б — villa urbica) и сельские (4а — villa rustica). Пример первой — усадьба близ Мирмекия. Здесь жилые и хозяйственные строения имеют внешнюю ограду и центральный двор. Общая площадь усадьбы — около 3000 м^2, датировка — III—I вв. до н. э. [18, с. 55, 56]

О второй группе, видимо, можно судить по поселению Андреевка Южная (конец IV—III в. до н. э.) площадью примерно 1137 м^2 [2, с. 84] Ее реконструкция не бесспорна, но все же можно допустить, что разного рода помещения группировались вокруг двух небольших дворов. Жилище хозяина по внешним признакам не выделяется.

Тот же основной принцип планировки лежит и в основе большинства строений интересного большого поселения того же времени на берегу Азовского моря — Генеральское Западное (вариант 5). Оно состоит из четырех близко расположенных, взаимосвязанных функционально, но отдельных построек с общей системой обороны: две линии рвов и валов и «форт»-крепостца на вершине близлежащего холма. Одна из построек, по-видимому хозяйственного назначения (pars rustica),— квадрат площадью 560 м^2 из трех рядов однотипных помещений и стены вокруг общего двора, на краю которого имелась огромная зерновая яма вместимостью не менее 200 т. Внешне эта постройка близка усадьбам в окрестностях Ольвии [19, с. 32—36] и Херсонеса [3, с. 80—82; 20, с. 111].

Северный комплекс сложнее и монументальнее (рустованная стена, перистильный, культовый двор, алтари, винодельни, башни, обилие черепицы и т. п.), но в его общей планировке те же приемы. В целом это поселение можно рассматривать и как храмовый комплекс, и как очень богатую усадьбу, и как факторию. Более точное и однозначное определение мы пока дать затрудняемся.

Следующий вариант 1 поселений данного вида связан уже с эпохой первых веков нашей эры и территорией Керченского полуострова. Их функциональное назначение и, следовательно, название требует особого рассмотрения. Ограничимся лишь общей характеристикой. Этим поселениям присуща четкая, прямоугольная, с ориентацией по частям света разбивка на местности, прекрасно «читающаяся» и до раскопок, и расположение на вершинах холмов. Датировка — I в. до н. э.— III в. н. э. Помещения также группируются вокруг двора в два, три и четыре ряда. От предшествовавших усадеб их отличает большая компактность, мощность стен и некоторые другие показатели. В сущности, это были «цитадели», вокруг которых располагались другие строения (об их планировке мы ничего не знаем), в свою очередь окруженные еще одной, также прямоугольной в плане, линией обороны — стеной или валом. Оба компонента одновременны, что наряду с планировкой и, видимо, другими особенностями отличает всю эту систему от «батареек» и селищ Таманского полуострова [21]

Размеры центральных укреплений — ядра поселений различны, но они выявляются легче и поэтому взяты за основу классификации.

Минимальную площадь имели поселения у сел Новоотрадное (III строительный период) — 552 м^2 [2, с. 113—116], Михайловское — 850 м^2, Придорожное — 800—850 м^2, Багерово Северное — 700—850 м^2 (все группа 1а).

Следующая группа поселений этого вида (1б) — с «цитаделью» площадью более 1500 м^2 Их известно немного. Одно в урочище «Артезиан» (площадь 1800 м^2), видимо, в основном с земляными укреплениями. Относительно второго нужны уточнения. Мы склоняемся к мнению, что им можно считать так называе-

мую усадьбу на Темир-горе. В этом убеждают неоднократные посещения и обмеры памятника, а также анализ текста статьи В. Ф. Гайдукевича [22, с. 45—59] Обращает на себя внимание правильная квадратная форма поселения (площадь 1812 м^2), расположенного у вершины горы, уже знакомая концентрическая планировка помещений, толстые стены. На плане в статье, правда, нет четкого двора, но не будем забывать, что он не только не совсем точен, но и вообще сделан по памяти и записям. Смысл раскопанного был во многом не понят А. Люценко и его рисовальщиком. Иначе трудно и сейчас объяснить странную систему размещения помещений — сплошная, в три ряда, без проходов. Наличие винодельни ничего не меняет, а упоминание башен делает общую картину еще более загадочной. Судя по описанию находок, датировка построек — III в. до н. э. — II в. н. э. Следы башен и «внешнего» вала как будто бы видны и сейчас. Впрочем, сам А. Люценко справедливо считал это поселение укреплением [22, с. 58]

Об известных «батарейках» писалось немало, хотя ни одна из них не раскопана полностью. Это скорее всего «родственный» и синхронный вышеописанному вариант поселений (6). В большинстве это квадратные в плане крепости на неукрепленных селищах, как правило, более долговременных. Площадь их от 1600 до 10 тыс. м^2 [21, с. 20 сл.; 23, с. 128; 24, с. 183—190; 25, с. 111—114; 26, с. 27—29], специфика — сырцовая кладка и наличие башен. Планировка помещений — по периметру стен. Появляются «батарейки» в конце II — первой половине I в. до н. э., гибнут в большинстве на рубеже I—II вв. н. э. [27, с. 88]

К поселениям второго вида (Б) третьего типа относятся те, планировка которых строится по линейному принципу. Дома различной конструкции объединяются последовательно в ряды кварталов или линий. Эта планировка предполагает наличие улиц, переулков, площадей и часто усложнена террасами. Поселения данного вида, по-видимому, характерны для Восточного Крыма и достаточно хорошо изучены. Многие из них возникают еще во второй половине III в. до н. э. Впрочем, не исключено, что такая система планировки была впервые применена на поселении V—III вв. до н. э. у горы Опук («холм А»). Судя по раскопкам тех из них, которые прекратили свое существование на рубеже II—I вв. до н. э. или несколько позднее (Золотое Восточное, Крутой берег, «Полянка»), основные отмеченные планировочные принципы складывались уже в это время. В середине — второй половине I в. до н. э. происходит их капитальная перестройка и укрепление, в результате они получают облик, сохраняющийся почти без перемен вплоть до гибели поселений: частью в 70-х годах III в. н. э. (Семеновка, Тасуново, Золотое), частью в начале VI в. н. э. (Генеральское Восточное, Зеленый Мыс, Куль-Тепе, мыс Зюк, Салачик).

Естественное укрепленное положение на высоких холмах и мысах дополняли искусственные оборонительные сооружения, причем характерна тесная зависимость расположения линии обороны от рельефа местности. В результате планы городищ имеют неправильную, многоугольную форму. В силу указанных причин внутренней планировке присущ элемент криволинейности, непрямоугольности в разбивке на местности как домов, так и целых кварталов. Дома в основном мегаронного типа, господствует последовательно иерархическая система размещения небольших помещений [2, с. 104, 105; 4, с. 132, 133] Теснота, скученность, единообразие — специфические черты их облика. Некоторое исключение представляет лишь Илурат — самое большое из поселений данного вида.

Различия же прежде всего касаются площади городищ. И здесь при внешне кажущейся случайности легко подметить известную кратность, что позволяет выделить три варианта внутри вида. Рассмотрим их в порядке возрастания площади.

К первому варианту относятся маленькие поселения площадью 0,12—0,18 га (Бондаренково Северное, Каменка, Кезы, Чурубашский маяк, Куль-Оба Западная, Салачик). За исключением последнего ни одно из них не раскапывалось. Время их возникновения или перестройки определяется I в. до н. э.— I в. н. э.

Второй вариант составляют городища типа Семеновки, средней площадью около 0,5 га (Тасуново — 0,55 га; Куль-Тепе Западное — 0,45 га; Семеновка — 0,52 га; Зеленый Мыс — 0,58 га; Сиреневая бухта — 0,5 га; видимо, «Полянка» — уцелело 0,28—0,3 га), цитадель на горе Опук — 0,53 га, Глазовка — не менее 0,55 га, а также Порфмий — 0,45 га. Раскопки Семеновки и Порфмия во многом определили характеристику всего вида поселений. Порфмий хотя и основан раньше всех прочих, но в III в. до н. э. полностью перестроен.

Третий вариант — городища площадью около и более 1 га. Золотое Восточное — 2 га [27, с. 130 сл.], Золотое — 1,2 га, Генеральское Восточное — не менее 1 га, Туркмен (Кора-Оба) — 0,89—0,9 га, Андреевка Северная — 0,9 га, Савроматий — 2 га, Белинское — 4,5 га, Зенонов-Херсонес — 0,9 га, Илурат — 2,5 га. В некотором отношении они стояли как бы между городами и поселениями вообще.

Сравнительный анализ городищ второго и третьего вариантов, в той степени, в какой он сейчас возможен, говорит об определенных различиях поселений в Приазовской и «степной» зонах. Внутри полуострова площадь застройки каждого сконцентрирована в одном месте. На побережье же большинство городищ состоят как бы из нескольких основных частей — двух-трех. Это сильно укрепленная «цитадель», наиболее заметная, расположенная на холме, над морем. Перед ней, как правило, находится относительно небольшая долина (полянка), окруженная со всех сторон скалистыми кряжами и холмами. На ней вблизи «цитадели» также имеется более или менее большой участок застройки («пригород»). Судя по имеющимся данным, характер застройки здесь в принципе тот же, что на «цитадели», хотя и с отличиями (меньшая или большая скученность, иное направление планировки).

Наконец, на плоских вершинах скалистых холмов, над краем долины, фланкируя проходы в нее со стороны степи, располагались своего рода «предградья», «форты», передовые укрепления. Впрочем, назначение их было различным.

Оговоримся, что не всегда в наличии все описанные компоненты. По разным причинам что-то пока не выявлено, что-то не сохранилось либо не существовало. На поселении Золотое нет ни «форта», ни «цитадели». На Золотом Восточном нет застройки перед укрепленной частью. На поселении «Полянка» почти вся скала, где была «цитадель» и «форт», обрушилась в море.

Не все эти составные части существовали синхронно. «Форт» на Генеральском Восточном был заброшен не позднее III в. н. э. или даже ранее, в то время как на поселении жизнь продолжалась до VI в. н. э. На многие вопросы пока трудно ответить, но совершенно очевидно, что почти каждое из крупных поселений на побережье — это своеобразный укрепленный район, система отдельных, но взаимосвязанных построек. Например, крупнейшие из них — район горы Опук и район горы Сюрташ. Судя по наличию «форта» уже на поселении Генеральское Западное, возникновение этой системы относится к эллинистической эпохе, но в I в. до н. э., по всей видимости, она была возобновлена и дополнена.

Примечательно также отсутствие на многих, но не на всех приазовских поселениях зольников, столь характерных для городищ степной глубинки. Прочие различия городищ двух зон менее заметны, но они есть (облик построек, находки).

Завершая обзор типов поселений, упомянем о недавних раскопках пятиугольной в плане крепости (площадью в 2400 м ^{2}) с мощными стенами и башнями, помещениями «казарменного типа» и находками I в. н. э. на высоком берегу Черного моря у с. Веселое, западнее Судака [28, с. 288] Сходство в планировке с некоторыми «батарейками» очевидно, а столь большая удаленность не должна смущать. Влияние и сила Боспора в это время были значительными, и мощный форпост далеко на западе вполне реален. Разумеется, этот объект еще ждет своего объяснения.

Наконец, есть поселения, в силу недостаточной изученности пока трудно соотносимые с каким-либо типом или видом (поселение у Широкой балки, Раевское, Чокракский мыс и некоторые другие).

Итак, по возможности кратко, мы попытались дать новую типологию боспорских поселений. Естественно, она далеко не бесспорна, но, при всех возможных возражениях, небесполезна, ибо, надеемся, привлечет внимание к этому разнообразному, сложному и информативному археологическому источнику.

---

[1] Соответствующие ссылки на авторов, использовавших эти термины, и примеры их употребления см. в работах И. Т. Кругликовой и в словаре Liddell H. G.—Scott R.

[2] Доклад М. В. Калашникова на заседании Отдела античной археологии ИА АН СССР 18 февраля 1986 г.

[3] Информация А. В. Дмитриева.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кругликова И. Т.* Боспор в позднеантичное время. М.: Наука, 1966.
2. *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975.
3. *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: Наука, 1978.
4. *Крыжицкий С. Д.* Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев: Наук. думка, 1982.
5. *Крыжицкий С. Д., Отрешко В. М.* К проблеме формирования Ольвийского полиса // Ольвия и ее хора. Киев: Наук. думка, 1986.
6. *Буйских С. Б.* Некоторые вопросы пространственно-структурного развития Ольвийской хоры // Ольвия и ее хора. Киев: Наук. думка, 1986.
7. *Крушкол Ю. С.* Античное здание в районе Горгиппии // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.: Наука, 1967.
8. *Онайко Н. А., Дмитриев А. В.* Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже нашей эры // ВДИ. 1982. № 2.
9. *Сизов В. И.* Восточное побережье Черного моря // МАК. 1889. Вып. 2.
10. *Савостина Е. А.* Античное поселение Юбилейное 1 на Тамани // СА. 1987. № 1.
11. *Анфимов Н. В.* Новые данные к истории Азиатского Боспора // СА. 1941. № 7.
12. *Сокольский Н. И.* Таманский Толос и резиденция Хрисолиска. М.: Наука, 1976.
13. *Алексеева Е. М.* К изучению сельских поселений вокруг Горгиппии // Горгиппия. Ч. 1. Краснодар, 1980.
14. *Масленников А. А.* Население боспорского государства в VI—II вв. до н. э. М.: Наука, 1981.
15. *Дирин А. А.* Мыс Зюк и сделанные на нем археологические находки // ЗООИД. 1986. Т. XIX.
16. *Онайко Н. А.* Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М.: Наука, 1980.
17. *Сорокина Н. П.* Новые данные по истории архитектурного ансамбля эпохи эллинизма на азиатском Боспоре // Причерноморье в эпоху эллинизма. Цхалтубо, 1982. Тбилиси: Мецниереба, 1985.
18. *Гайдукевич В. Ф.* Загородная сельская усадьба эллинистической эпохи в районе Мирмекия // Боспорские города. Ч. II. Л.: Наука, 1981.
19. *Рубан В. В.* Комплекс памятников античного времени в урочище Дидова хата на берегу Бугского лимана // КСИА. 1978. Вып. 156.
20. *Стрежелецкий С. Ф.* Клеры Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму // ХСб. 1961. № 6.
21. *Сокольский Н. И.* К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху // VI Conférence Internationale d'etates classique des pays socialistes. София, 1963.
22. *Гайдукевич В. Ф.* Укрепление villa rustica на Темир-Горе // СА. 1941. Т. VII.
23. *Сокольский Н. И.* Ильичевское городище // СА. 1966. № 4.
24. *Сокольский Н. И.* Крепость на городище у хутора Батарейка 1 // СА. 1963. № 1.
25. *Сокольский Н. И.* Крепость на поселении Батарейка II // КСИА. 1967 Вып. 109.
26. *Сокольский Н. И.* Крепость аспургиан на Боспоре // КСИА. 1975. Вып. 143.
27. *Кругликова И. Т.* Поселение Золотое Восточное // КСИИМК. 1957. Вып. 70.
28. *Паршина Е. А.* Раскопки на берегу Куклакской бухты // АО—1984. М., 1986.

A. A. Maslennikov

ON THE TYPOLOCY OF RURAL SETTLEMENTS IN BOSPORUS

Summary

The archaeological material which has been collected over the last two decades throw new light on the typology of the Bosporan rural settlements. They can be divided into three major types (according to their sizes and lay-outs) which, in their turn, can be subdivided into variants and groups. Each of them embraces existing archaeological sites (Fig. 1). The author also discusses the distinctive features of some of the settlements and fortified settlements in the two main parts of the Bosporan Kingdom and inside smaller zones. The typology offered in the article makes it possible to place any settlements in the Bosporan administrative and economic system.

Н. А. КРЕНКЕ

ГЛИНЯНАЯ ПЛАСТИКА И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЗДНЕДЬЯКОВСКИХ ГОРОДИЩ ПОДМОСКОВЬЯ

Неоднократно отмечалось, что для понимания особенностей развития археологических культур большое значение имеет изучение тех областей материальной культуры (керамики, украшений, глиняной пластики и т. д.), которые не столь жестко детерминированы потребностями производства, уровнем развития производительных сил [1, с. 6] Настоящая работа посвящена рассмотрению глиняной пластики и некоторых видов бронзовых украшений, найденных на городищах Подмосковья. До сих пор бóльшим вниманием исследователей пользовалась керамика дьяковской культуры, по которой была написана обобщающая работа [2] Такие же категории, как глиняные антропоморфные и зооморфные статуэтки, орнаментированные таблички, бронзовые украшения и изделия с символическими изображениями, если и изучались, то в отрыве друг от друга [3, 4] Безусловно, серьезным препятствием в изучении этих категорий находок являлась их часто неопределенная датировка. Например, для такой существенной категории находок, как антропоморфные статуэтки, оставалось неясным, к раннему или позднему этапу дьяковской культуры они относятся или же характерны для всего периода развития культуры.

Полевые работы последних лет, среди которых в первую очередь следует отметить раскопки городища Луковня [5—10], содержащего сравнительно чистый позднедьяковский комплекс, и хорошо стратифицированного Дьякова городища [11—13], дали большую серию находок, возраст которых устанавливается по стратиграфическим данным и на основании радиоуглеродных датировок, что позволяет по-новому оценить материалы других городищ.

При раскопках Дьякова городища 1981—1985 гг. обнаружены глиняные антропоморфные статуэтки, фигурка животного, орнаментированные и неорнаментированные таблички и целый ряд других глиняных изделий (рис. 1) Изучение распределения перечисленных находок в культурном слое показало, что глиняные бусы, грузики, погремушки, рогатые кирпичи встречаются и в нижнем, и в верхнем слое. Причем в верхнем слое сильно возрастает частота встречаемости этих находок (табл. 1). Другие же категории находок: антропоморфные статуэтки, глиняные таблички, биконусы и шары — встречены исключительно в верхнем слое. Напомним, что нижний слой Дьякова городища, судя по набору костяных изделий, наличию стеклянных синих глазчатых бусин и радиоуглеродным датировкам, относится к V—III вв. до н. э. [14, с. 41] Начало отложения верхнего слоя, видимо, относится ко II в. до н. э. [14, с. 41] Глиняным изделиям, найденным в верхнем слое, сопутствовали лунницы с эмалью мощинского типа (5 экз.), двучленная фибула с расширенной ножкой, датируемая А. К. Амброзом IV в. н. э. [15, с. 69] По образцам из верхнего слоя получены радиоуглеродные даты, большинство из которых при пересчете на календарные указывают на I—III вв. н. э. [14, с. 43; 16, с. 58]

Остановимся подробнее на антропоморфных статуэтках и глиняных табличках. Все статуэтки относятся к одному, уже описанному в литературе типу [17, с. 65] Различия наблюдаются лишь в размерах, наличии или отсутствии точечной орнаментации, в форме и степени проработки головы и ног. Признаков пола у статуэток нет, но исследователи обычно определяли их как женские фигур-

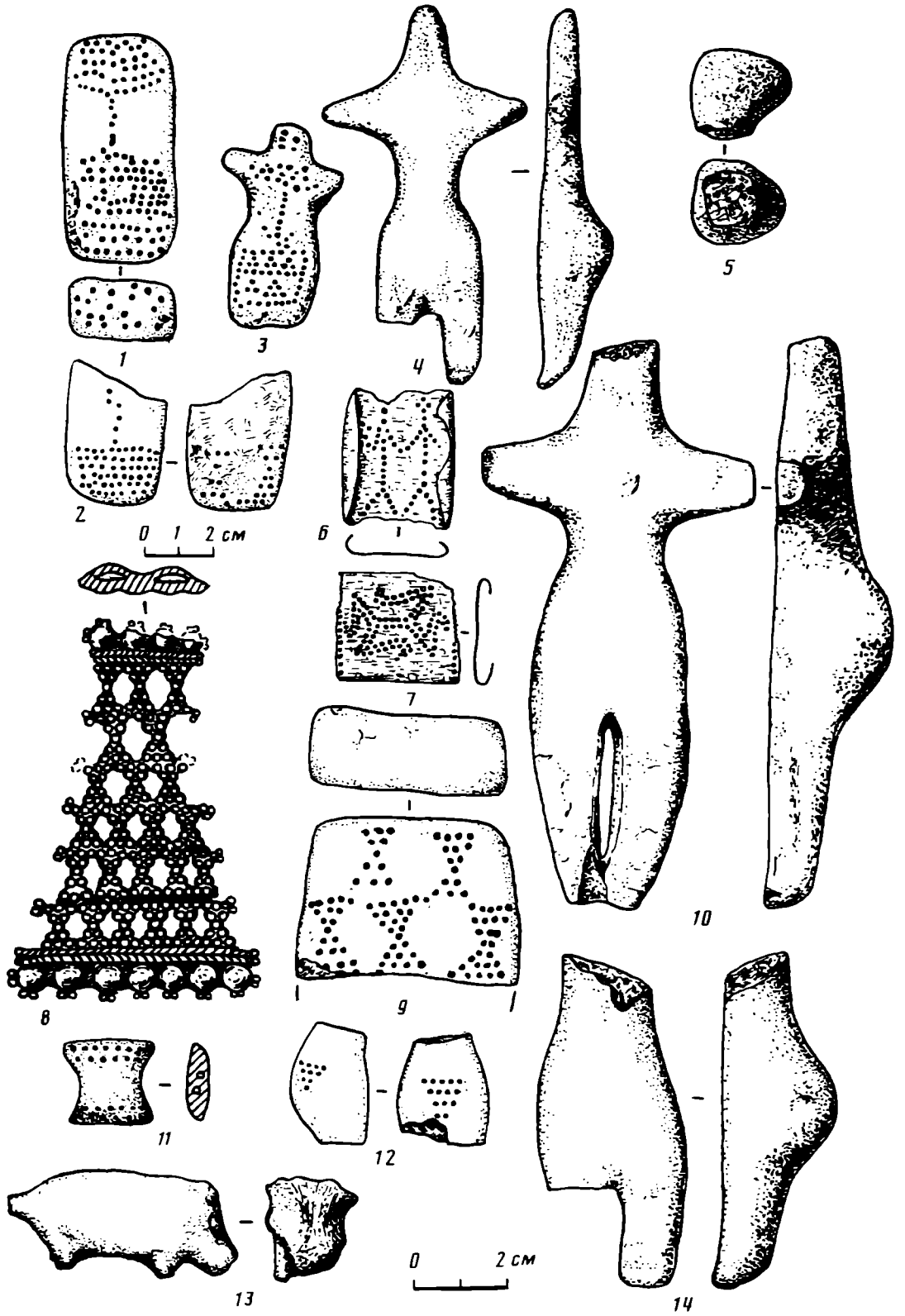


Рис. 1. Предметы глиняной пластики и бронзовые изделия с дьяковских городищ Подмосковья. *1, 2, 9* — орнаментированные таблички; *3—5, 10, 12, 14* — антропоморфные статуэтки (*5* — голова статуэтки); *6, 7* — накладки с изображениями; *8* — нашивное украшение; *11* — бусина разделитель; *13* — фигурка животного. *1—5, 9—14* — глина; *6—8* — бронза. *1* — Дьяково городище, раскопки 1935 г., Государственный музей-заповедник «Коломенское»; *2* — Успенское городище; *3* — городище Отмичи; *4—11, 13, 14* — Дьяково городище, раскопки 1982—1984 гг.; *12* — городище Кузнечики

Таблица 1

Распределение глиняных и некоторых видов бронзовых изделий в культурном слое Дьякова городища (раскопки 1981—1985 гг.)

Категория	Верхний слой		Нижний слой
	в рхний горизонт	верхний горизонт	
Антропоморфные статуэтки	14		
Зооморфные статуэтки			1
Орнаментированные таблички	7	1	
Рогатые кирпичи	4	8	5
Модели рогатых кирпичей			2
Глиняные бусы	54	39	17
Глиняные биконусы	7	1	
Глиняные шары	55	8	
Глиняные бусы-разделители			2
Глиняные погремушки	7	7	1
Грузики «дьякова типа»	32	56	16
Бронзовые накладки с антропоморфным изображением		1*	
Бантиковидные накладки	3	1	
Накладки с тамгаобразным знаком	1		
Украшения с эмалью	5		
Серьги с треугольными подвесками	5	1	

* На границе верхнего и нижнего горизонтов верхнего слоя.

ки, что, вероятно, правильно. В доказательство можно привести статуэтку с городища Кузнечики, бедра и живот которой орнаментированы трехугольниками с опущенными вниз вершинами [18, рис. 3] Такую орнаментацию обычно считают признаком женского пола [1, с. 75]. Культовый характер статуэток не вызывал сомнения у исследователей [4, с. 107; 19, с. 119; 20, с. 272] Очень важен для интерпретации статуэток тот факт, что они однотипны на всех городищах. Эта однотипность, возможно, является отражением общности представлений, связанных с глиняными антропоморфными статуэтками у жителей всех подмосковных городищ, и, видимо, свидетельствует о сложившейся иконографии образа.

Другой категорией глиняных предметов, культовый характер которых также признавался большинством исследователей [17, с. 66; 21, с. 248; 22, с. 111], являются глиняные орнаментированные таблички. Они несколько различаются по размерам и нанесенным узорам. Наиболее распространена комбинация наколов, как на табличке, изображенной на рис. 1, *1*. Из 20 известных нам табличек, орнаментацию которых можно восстановить, таблички, подобные этой, составляют 13 экз. Этот же орнамент встречен на антропоморфных статуэтках с городищ Отмичи [23, рис. 222] и Луковня [24, фото 59], что позволяет выдвинуть гипотезу о частичной семантической совмещаемости статуэток и табличек.

Важной для нашей темы является табличка, обнаруженная на Дьяковом городище (рис. 1, *9*), узор которой составляет комбинацию соединенных вершинами треугольников. Табличка с аналогичной орнаментацией была найдена на Успенском городище [25, с. 121], она приведена на рис. 1, *2*.

Картографирование статуэток и табличек показывает, что они концентрируются на памятниках среднего течения Москвы-реки и городищах, расположенных на Пахре и Протве (рис. 2). Здесь обнаружено 100 статуэток и более 80 табличек (табл. 2). За пределами этого ограниченного ареала на памятниках I тыс. н. э. нам известны лишь три подобные статуэтки: на городищах Отмичи (Калининская обл.), Шуклинское и Лысая гора в Курской обл. [26, с. 69]

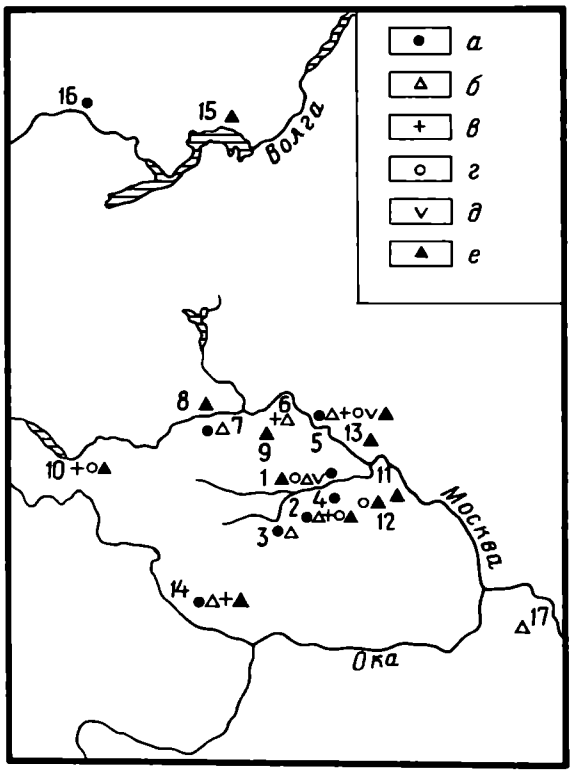


Рис. 2. Позднедьяковские памятники, содержащие предметы «культового комплекса» и «племенные» украшения. *а* — глиняные антропоморфные статуэтки; *б* — глиняные таблички; *в* — бронзовые наконечники поясов, накладки и пластины с антропоморфными фигурками; *г* — бантиковидные накладки; *д* — накладки с тамгообразным знаком; *е* — серьги с треугольными подвесками. *1—12, 14—17* — городище; *13* — селище (*1* — Луковня; *2* — Щербинское; *3* — Кузнечики; *4* — Борисоглебское; *5* — Дьяково; *6* — Кунцевское; *7* — Успенское; *8* — Саввино-Сторожевское; *9* — Барвиха; *10* — Троицкое; *11* — Круглица; *12* — Боровский курган; *13* — Кривое озеро; *14* — Огубское; *15* — Санниковское; *16* — Отмичи; *17* — Полецкое)

Антропоморфные статуэтки с именьковских городищ редки и отличаются по форме от дьяковских [27, с. 21] Факт концентрации находок статуэток и табличек на дьяковских памятниках Подмосковья нельзя, на наш взгляд, объяснить лишь лучшей изученностью этого региона. Так, к настоящему времени на дьяковских памятниках Верхней Волги вскрыто более 8 тыс. м^2, что вполне сопоставимо с раскопками дьяковских городищ в Подмосковье [28, с. 41—43; 29, с. 50]

Среди позднедьяковских бронзовых украшений выделяется группа изделий с изображениями, обычно трактуемыми исследователями как ритуальные [3] Это накладки и наконечники поясов со стилизованными человеческими фигурками. Иногда изображения нанесены на внутреннюю сторону предмета, так что при ношении их почти не было видно. До сих пор было известно восемь таких накладок. Аналогичный предмет был найден в верхнем слое Дьякова городища в пределах постройки (рис. 1, *6*). В технике, аналогичной «накладкам с человечками», изготовлена найденная в верхнем слое Дьякова городища накладка с тамгообразным знаком (рис. 1, *7*). Вероятно, нанесенный на накладку знак имел какое-то вполне определенное значение. Подтверждение этому мы видим в сложности и специфичности его формы и в том, что накладка с Дьякова не единична. Накладка с тождественным изображением найдена на городище Луковня [30, рис. 73]

Большой интерес представляют также так называемые бантиковидные накладки. Единичные находки этих украшений есть на довольно удаленных от Москвы-реки территориях (Эстония, Финляндия, Горьковская обл.), исследователи единодушно считают их импортом с территории дьяковской культуры [31, с. 80; 32, с. 101, 102] Чаще всего эти украшения встречаются на москворецких городищах и памятниках, расположенных по Пахре (табл. 2). Важно отметить, что именно в этом регионе встречены сложные украшения, состоящие из комбинации бантиковидных накладок. Они найдены на Борисоглебском городище [33], в кладе Троицкого городища [34, с. 19], на Дьяковском городище (рис. 1, *8*). Очевидное сходство между изображениями на глиняных табличках с городищ Дьяково и Успенское с украшениями, состоящими из соединенных бантиковидных накладок, позволяет, на наш взгляд, выдвинуть предположение о том, что фигура в виде соединенных вершинами треугольников являлась для жителей позднедьяковских городищ Подмосковья не просто орнаментальным мотивом, а каким-то символом, который наносился на предметы культового назначения (таблички), повторялся в бронзовых украшениях. Этот же символ соседствует с антропоморфным изображением на изделии из кости, найденом на Щербинском городище [21, табл. XXV]

На основании анализа вышеперечисленных глиняных и бронзовых изделий в культурном слое Дьякова городища можно утверждать, что все они встречаются совместно, преимущественно в верхнем горизонте верхнего слоя (табл. 1) С этим же горизонтом связаны находки серег с треугольными подвесками, вещей с эмалью и появление в массовом количестве лощеной керамики. Надежность этих стратиграфических наблюдений базируется на исключительной мощности культурного слоя Дьякова городища (3 м), наличии в нем стерильных прослоек (в том числе и глиняных), препятствующих перемещению находок из слоя в слой. Подтверждение стратиграфическим наблюдениям, сделанным при раскопках Дьякова городища, мы находим в составе вещевого комплекса городища Луковня. Клад Троицкого городища также свидетельствует о том, что такие вещи, как привески, состоящие из комбинации бантиковидных накладок, бронзовые пластины с антропоморфными изображениями, бытовали синхронно с вещами круга выемчатых эмалей.

Картографирование показывает совпадение ареалов глиняных статуэток и табличек с территорией наибольшей концентрации бантиковидных накладок, наконечников поясов и накладок с антропоморфными изображениями и тамгаобразными знаками (рис. 2, табл. 2). Тот факт, что вышеперечисленные категории предметов встречаются на памятниках одной и той же территории в одно и то же время, представляется нам не случайным. Можно отметить мотивы, связующие эти предметы в единый комплекс: схематические глиняные антропоморфные статуэтки и схематические антропоморфные изображения на бронзовых накладках, одинаковые орнаменты на глиняных статуэтках и табличках. Фигура в виде состоящих из точек соединенных вершинами треугольников изображена на глиняных табличках и легла в основу бронзовых бантиковидных нашивок. Таким образом, можно говорить, что важным отличительным признаком культуры населения, оставившего позднедьяковские слои на городищах Подмосковья, являлись присущие этому населению представления, требовавшие изготовления антропоморфных статуэток, табличек, нанесения специфических знаков и антропоморфных изображений на бронзовые пластины и некоторые другие предметы. Для обозначения этих элементов материальной культуры позднедьяковских городищ мы предлагаем условный термин «позднедьяковский культовый комплекс». Вполне вероятно, что его носителем являлась какая-то единая этническах группа. В литературе уже высказывалось мнение о племенном характере серег с треугольными привесками [35, с. 53], ареал которых совпадает с ареалом предметов «позднедьяковского культового комплекса».

В связи с изучением дьяковской глиняной пластики необходимо затронуть еще ряд вопросов. Загадочным остается уникальный для культур железного

Распределение некоторых глиняных и бронзовых

Категория	Луковня	Щербинское	Кузнечики	Борисоглебское	Дьяково	Кунцевское	Успенское	Савино-Сторожевское
Антропоморфные статуэтки	~ 30	1	19	14	36		1	
Глиняные таблички	~ 30	7	15		22	1	3	
Бронзовые накладки с антропоморфными фигурками		3			1	1		
Бантиковидные накладки и комбинированные из них украшения	3	1		2	8			
Серьги с треугольными подвесками	8	5			12	2		2

Примечание. При составлении таблицы использовались сводки К. А. Смирнова, И. Г Розенфельдт,

века лесной полосы европейской части СССР феномен широкого распространения глиняных антропоморфных статуэток у населения Подмосковья. Особенно актуальным поэтому является вопрос об их семантике. А. Ф. Дубынин считал, что статуэтки связаны с культом женского божества, являвшегося одновременно и матерью всего сущего, и богиней плодородия [20, с. 272, 273]. В специальной работе о дьяковских статуэтках К. А. Смирнов ставит под сомнение этот тезис [4, с. 107]. Однако эти работы были написаны до получения данных о стратиграфических условиях залегания статуэток. Теперь же, когда выяснилось их присутствие именно в верхнем слое Дьякова городища, гипотеза о связи статуэток с земледельческим культом получила сильную поддержку. На основании анализа археологических находок, связанных с земледелием [36], и по данным палинологических и карпологических исследований, проведенных на Дьяковом городище [16], стало ясно, что период отложения верхнего культурного слоя, к которому приурочены статуэтки, совпадает с расцветом земледелия у дьяковцев.

Хочется также отметить, что, несмотря на общую стилистическую близость, схема глиняных статуэток и схема антропоморфных изображений на бронзовых накладках разная. У глиняных статуэток руки перпендикулярны к телу, подчеркнуты ягодицы и сомкнуты ноги. У фигурок на накладках руки согнуты в локтях и подняты вверх, иногда выделены пальцы, ноги широко расставлены. По-видимому, здесь мы имеем дело в двумя разными иконографическими типами, возможно, изображениями разных существ.

Возникает вопрос: имеет ли позднедьяковская пластика более древние местные корни? Окончательно решить эту проблему сейчас не представляется возможным, однако считаем необходимым высказать следующие соображения. Глиняная пластика в раннедьяковское время была распространена на городищах бассейна Москвы-реки и Верхней Волги. Об этом свидетельствует замечательный комплекс находок, обнаруженных Ю. Г Гендуне на городище Топорок [37], и находки из нижнего слоя Дьякова городища, которые находят полные аналогии в комплексе из городища Топорок (рис. 1, *10, 11*). Это зооморфные фигурки, многоканальные бусы-разделители с точечным орнаментом, вытянутые и закругленные предметы с точечным орнаментом. Если сравнивать ранне- и

Таблица 2

изделий на дьяковских памятниках

Бар-виха	Троиц-кое	Круг-лица	Боровский курган	Кривое озеро	Огуб-ское	Санни-ковское	Отми-чи	Полец-кое	Медве-девское	Орлов-городок	Всего
					2		1				104
					6			1			85
	3				1						9
	2		1						1	1	19
1	3	2	5	1	1	1				2	45

отчеты А. Г Векслера, А. Д. Максимова, материалы известных автору частных коллекций.

позднедьяковскую пластику, то можно найти некоторые черты сходства: наличие точечной орнаментации, присутствие некоторых видов глиняных изделий (грузиков, погремушек, бус) и в ранних, и в поздних комплексах. Однако отличия также весьма существенны. В ранних слоях известны лишь зооморфные фигурки, нет антропоморфных статуэток и орнаментированных табличек. Поэтому, на наш взгляд, говорить об эволюционной преемственности ранней и поздней пластики пока нет достаточных оснований.

Говоря о глиняных изделиях дьяковцев, нельзя обойти вопрос о грузиках. Материалы Дьякова городища подтверждают мысль К. А. Смирнова о том, что грузики существуют и в раннее, и в позднедьяковское время [17, с. 65] Сравнение ареала грузиков с ареалом статуэток и табличек показывает, что эти ареалы не совпадают. Грузики распространены гораздо шире и во времени, и в пространстве. Следовательно, можно предполагать, что грузики не входили в набор изделий «культового комплекса», специфичного лишь для позднедьяковских городищ Подмосковья. При этом не исключена возможность, что грузикам, которые скорее всего являлись приспособлениями для какого-то производственного процесса [38, с. 79, 80], придавался и некоторый сакральный смысл. Об этом свидетельствуют встречающиеся на них антропоморфные изображения и другие знаки.

Выводы. 1. Изучение позднедьяковской глиняной пластики и сопутствующего набора бронзовых украшений позволяет выделить набор изделий «культового позднедьяковского комплекса», в который входили антропоморфные статуэтки, глиняные таблички, бронзовые наконечники поясов, накладки, пластины с антропоморфными изображениями и тамгаобразными знаками. К этому же комплексу, вероятно, относятся антропоморфные изображения на грузиках и других предметах, знак в виде соединенных вершинами треугольников, воспроизводившийся на глиняных табличках и бронзовых украшениях.

2. Концентрация вышеперечисленных изделий и изображений на позднедьяковских городищах среднего течения Москвы-реки, Пахры, Протвы позволяет говорить о значительной культурной обособленности населения, оставившего эти памятники.

3. Сравнительный анализ ранне- и позднедьяковской глиняной пластики показал, что, несмотря на наличие сходных технологических признаков, наборы изделий, характерных для ранне- и позднедьяковских слоев, сильно отличаются друг от друга.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антонова Е. В.* Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней Азии. М.: Наука, 1977
2. *Розенфельдт И. Г* Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М.: Наука, 1974.
3. *Розенфельдт И. Г* Детали ритуальных поясов с позднедьяковских городищ // СА. 1980. № 1.
4. *Смирнов К. А.* О назначении керамических фигурок с дьяковских городищ // КСИА. 1975. Вып. 142.
5. *Векслер А. Г* Исследование городищ в Москве и Подмосковье // АО — 1986. М., 1969.
6. *Векслер А. Г* Работы в Москве и Подмосковье // АО — 1969. М., 1970.
7. *Векслер А. Г* Исследование городищ в Москве и Подмосковье // АО — 1973. М., 1974.
8. *Векслер А. Г., Данилова О. М., Розенфельдт О. Р.* Раскопки Луковнинского городища в Подмосковье // АО — 1975. М., 1976.
9. *Векслер А. Г., Данилова О. М., Дукельский В. Ю., Розенфельдт О. Р.* Раскопки городища Луковня в Подмосковье // АО – 1976. М., 1977.
10. *Векслер А. Г* Раскопки Луковнинского городища в Подмосковье // АО — 1982. М., 1984.
11. *Кренке Н. А.* Работы на территории охранной зоны заповедника «Коломенское» // АО — 1981. М., 1983.
12. *Кренке Н. А.* Раскопки Дьякова городища и селище Чертов-городок // АО — 1982. М., 1984.
13. *Кренке Н. А.* Раскопки на территории музея-заповедника «Коломенское» // АО — 1983. М., 1985.
14. *Кренке Н. А., Сулержицкий Л. Д.* Радиоуглеродная и археологическая хронология Дьякова городища // КСИА. 1988. Вып. 194.
15. *Амброз А. К.* Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. 1966. Вып. Д1-30.
16. *Гунова В. С., Кренке Н. А.* Археолого-палеогеографические исследования в среднем течении Москвы-реки // Вестн. МГУ Сер. 5. География. 1985. № 1.
17. *Смирнов К. А.* Дьяковская культура // Дьяковская культура. М.: Наука, 1974.
18. *Дубынин А. Ф.* Городище Кузнечики в Подмосковье // СА. 1970. № 1.
19. *Городцов В. А.* Болотное Огубское городище // Тр. ГИМ. 1926. Вып. 1.
20. *Дубынин А. Ф.* Об орнаменте грузиков Троицкого городища // СА. 1966. № 1.
21. *Дубынин А. Ф.* Щербинское городище // Дьяковская культура. М.: Наука, 1974.
22. *Розенфельдт Р. Л.* Археологические разведки в Подмосковье в 1964—1965 гг. // КСИА. 1967. Вып. 112.
23. *Бухтеева М. В.* Альбом к отчету Верхневолжской экспедиции за 1968 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 3706, в.
24. *Векслер А. Г* Альбом к отчету об археологических раскопках Кунцевского городища в г. Москве и Луковнинского городища в Московской области в 1973 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 5089а.
25. *Успенская А. В.* Успенское городище // КСИИМК. 1957. Вып. 68.
26. *Никольская Т Н.* Шуклинское городище // КСИИМК. 1958. Вып. 72.
27. *Старостин П. Н.* Памятники именьковской культуры // САИ. 1967. Вып. Д1-32.
28. *Максимов А. Д.* К истории изучения памятников раннего железного века Верхнего Поволжья и Подвинья // Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин, 1983.
29. *Станкевич И. П.* Городище дьяковской культуры Кубринское I // Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин, 1983.
30. *Векслер А. Г* Альбом к отчету о раскопках городищ в Москве и Московской обл. в 1970 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 4196а.
31. *Третьяков П. Н.* К истории племен Верхнего Поволжья в I тыс. н. э. // МИА. 1941. № 5.
32. *Шмидехельм М. Х.* Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955.
33. *Розенфельдт Р. Л.* Новые находки на городищах железного века у г. Подольска // СА. 1972. № 2.
34. *Дубынин А. Ф.* Троицкое городище // Древнее поселение в Подмосковье. М.: Наука, 1970.

35. *Розенфельдт И. Г* Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI—IX вв. М.: Наука, 1982.
36. *Краснов Ю. А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы // МИА. 1971. № 174.
37. *Гендуне Ю. Г* Городище Топорок. Тверь, 1906.
38. *Чернай И. Л.* Выработка текстиля у племен дьяковской культуры // СА. 1981. № 4.

N A. Krenke

CLAY FIGURINES AND THE SPECIFIC FEATURES OF THE LATE DYAKOVO FORTIFIED SETTLEMENTS NEAR MOSCOW

Summary

The author pays particular attention to the stratified collection gathered in 1981—1985 in Dyakovo Gorodishche, which has permitted a conclusion that there existed a set of religious objects typical of the late Dyakovo settlements outside Moscow. This shows that the people who lived there in the first millennium A. D. were separated from their neighbours where their culture was concerned.

Т. Д. ПАНОВА

О НАЗНАЧЕНИИ МЕЛКОЙ ДЕРЕВЯННОЙ АНТРОПОМОРФНОЙ СКУЛЬПТУРЫ X—XIV ВВ.

Все большее значение в изучении вопросов религиозных представлений средневековой Руси приобретают археологические материалы. Отдельные свидетельства языческой обрядности, зафиксированные в культурном слое древнего Новгорода и его округи, уже введены в научный оборот [1—11]. Но среди значительного числа вещей, связываемых с языческими культами, интересна группа деревянных антропоморфных скульптур, датируемых X—XIV вв. В Новгороде их известно уже более 20. Почти все они опубликованы Б. А. Колчиным [9]

В исторической литературе существуют несколько гипотез о назначении этих находок. А. В. Арциховский предположительно отнес человеческие личины на стержнях к изображениям духа низшей мифологии домового [6, с. 33] Б. А. Колчин поддержал эту гипотезу о культовом назначении резных фигурок. Группа аналогичных изделий XII—XIII вв. из культурного слоя Риги опубликована А. Цауне [12], которая также относит их к разряду культовых.

Иное объяснение предложила М. В. Фехнер. Деревянные скульптуры, по ее мнению, являются ручками от походных шахматных досок [13, с. 271] Б. А. Рыбаков относит мелкую деревянную антропоморфную скульптуру к реквизиту языческих праздников, выделяя ритуальные жезлы и изображения домовых, к которым причисляет только статуэтки бородатых мужичков [14, с. 683] Прежде чем перейти к вопросу о назначении изучаемой категории археологических находок, необходимо остановиться на классификации антропоморфных изображений.

Среди новгородских антропоморфных изображений выделяются три типа: стержень с навершием в виде головы человека, небольшая скульптура с четко выраженным постаментом или плоским основанием и фигурка на двух ножках. Длина срежней достигает 42 см, высота фигурок на постаментах колеблется от 4,5 до 12 см. Скульптура на двух ножках имеет высоту 20 см (рис. 1, 2). По времени эти типы распространяются следующим образом. В слое X в. найдены три стержня с навершием-личиной и две фигурки на постаментах. В слое XI в. увеличивается число скульптур на стоянах (или постаментах) — четыре находки. Стержень с навершием-личиной встречен один раз и однажды зафиксирована фигурка человека на двух ножках. В отложениях XII—XIV вв. обнаружены только шесть стержней с навершиями в виде головы человека. Еще три находки сильно повреждены, что затрудняет определение их типа.

Прежде всего обращает на себя внимание, что все изображения сделаны примерно по одному канону. Главное внимание, как отмечал Б. А. Колчин, уделено моделировке лица. Среди изделий этой категории выделяются изображения гладкого лица (половина всех находок), лица с усами и бородой и лица с усами. Изредка показаны прически и головные уборы. Аналогичные признаки отмечены и при исследовании скульптур, найденных в других центрах.

В поисках решения вопроса о назначении этой категории находок мы неизбежно придем к письменным источникам, в которых упоминаются деревянные

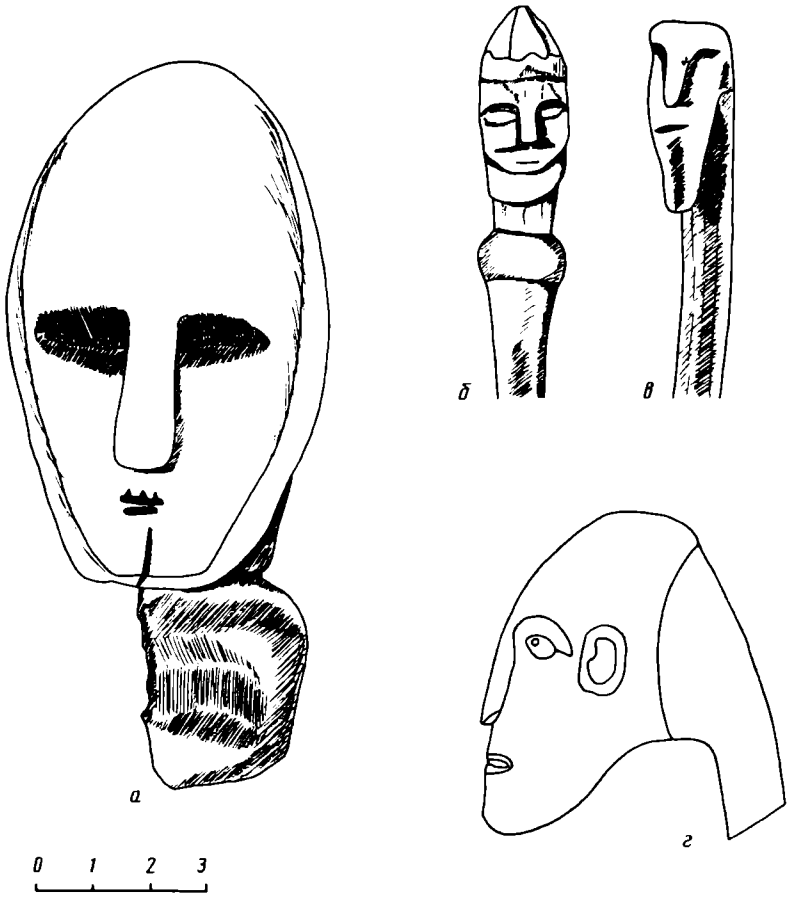


Рис. 1. Антропоморфные фигурки из Новгорода. *а, б* — середина — вторая половина X в.; *в, г* — первая половина XI в.

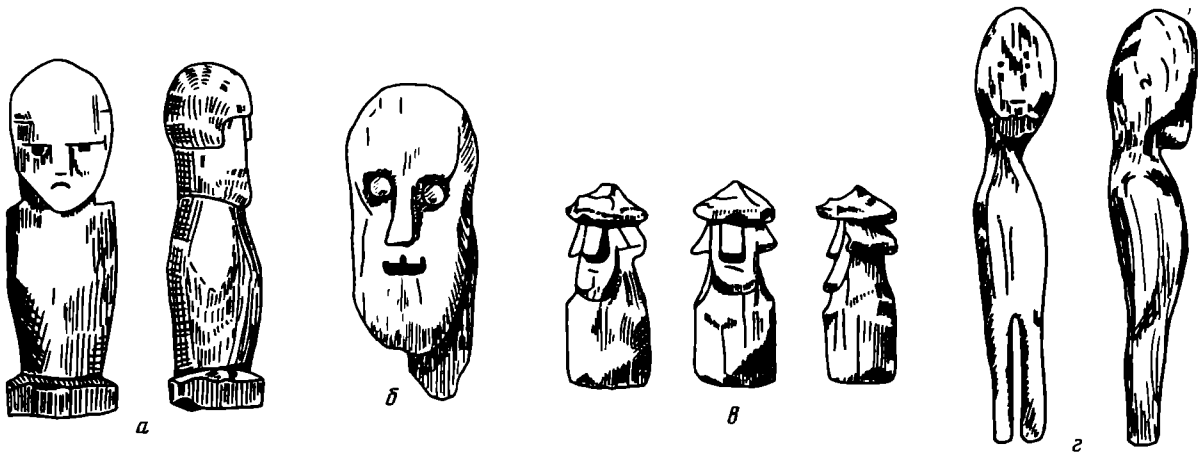


Рис. 2. Антропоморфные фигурки из Новгорода. *а* — XI в.; *б, в* — вторая половина XII в.; *г* — XIII в.

идолы восточных славян. Их краткое описание дано, например, в записках арабского путешественника Ибн-Фадлана, побывавшего на Волге в 922 г. Оно хорошо известно и неоднократно приводилось в исследованиях, посвященных изучению языческих верований населения древней Руси. Ибн-Фадлан так описывает совершение ритуала жертвоприношения русскими купцами: «... каждый

из них выходит к высокой воткнутой деревяшке, у которой имеется лицо, похожее на лицо человека, а вокруг нее маленькие изображения...» [15, с. 79, 80]. Заметки Ибн-Фадлана рисуют нам общинный культовый центр с группой антропоморфных деревянных идолов, один из которых был центральным по отношению к другим. Этому святилищу близко в общих чертах и киевское, созданное в 980 г князем Владимиром, где среди шести кумиров выделяется деревянная статуя Перуна: «... постави... Перуна древяна, а главоу его сребряноу, а оус злат...» [16, с. 56] В том же году было увенчано статуей Перуна и святилище в Перыни под Новгородом. Необходимо отметить, что практически на всех исследованных на сегодня общинных культовых центрах восточных славян фиксируются ямы от стоявших когда-то здесь деревянных или каменных идолов, уничтоженных повсеместно в начальный период христианизации Руси.

Учитывая данные письменных и археологических источников, можно предположить, что деревянные идолы святилищ и мелкие деревянные скульптуры, найденные в жилом слое древнего Новгорода и других городов, несли одну и ту же смысловую нагрузку. Тогда по этим мелким изваяниям возможно составить представление о существовавших у восточных славян деревянных кумирах — изображениях основных языческих богов, пантеон которых известен по письменным источникам. Для подтверждения этого предположения необходимы данные, доказывающие культовое назначение мелких антропоморфных фигурок.

Такие данные, пока малочисленные, есть в археологическом материале. Если новгородские фигурки нельзя связать с каким-либо культовым сооружением, то иная картина складывается в Старой Ладоге. Здесь найдены только три антропоморфные фигурки из дерева, но они представляют все известные нам типы скульптур, выделенные по новгородским материалам.

Первая фигурка уже автором раскопок была определена как изображение какого-то языческого божества [17, с. 33] На длинном стержне вырезана голова мужчины с усами и бородой. Даны прическа и подобие головного убора. Стержень украшен валиком с нарезкой (рис. 3, *б*). Сруб X в., в котором сделана находка, отличался от других жилых построек тем, что кроме обычной печки-каменки имел еще в специально выделенном помещении очаг-жертвенник и специфический набор вещей. Антропоморфная фигурка зафиксирована возле очага, огороженного с трех сторон каменными плитами, поставленными на ребро. При разборке его заполнения были найдены роговой молоток, кости крупного рогатого скота, рыб, домашних и диких птиц. Видимо, ритуальными моделями жерновков служили в данном случае обнаруженные в срубе глиняные диски с отверстием в центре, украшенные ромбо-точечным орнаментом (их найдено около 30 экз.). Культовая роль жерновка (зернотерок) отражена в восточнославянском и занимает значительное место в финском фольклоре [18, с. 257] Как известно, ромбо-точечный узор также связан с магией плодородия земли [18, с. 42—48] Все эти признаки свидетельствуют о культовом назначении данной части сруба, являвшейся небольшим святилищем X в., в котором находилась деревянная скульптура-идол и остатки жертвоприношений.

К X в. относится и «Большая постройка», при изучении которой обнаружена резная деревянная фигурка на постаменте, видимо женская. Прямоугольное в плане здание площадью 120 м^2 со стенами своеобразной конструкции носило следы преднамеренного разрушения. Его обгоревшие стены подрублены и завалены внутрь. Пол земляной, кровли, очевидно, не было. Внутри постройки зафиксировано большое число черепов и костей животных, чаще всего располагавшихся вдоль стен, деревянные чаши, ковши, миски. Здесь же были найдены бронзовая подвеска-амулет с рунической надписью и деревянная скульптура [19, с. 9], символизирующая какое-то божество, возможно Макошь, в честь которого в культовом здании совершались обрядовые действия с принесением жертв и распитием ритуальных напитков. Скульптура представляет собой полную человеческую фигуру, практически единственную в этой категории вещей. Четко показаны голова, согнутые в локтях расположенные на груди руки. Сла-

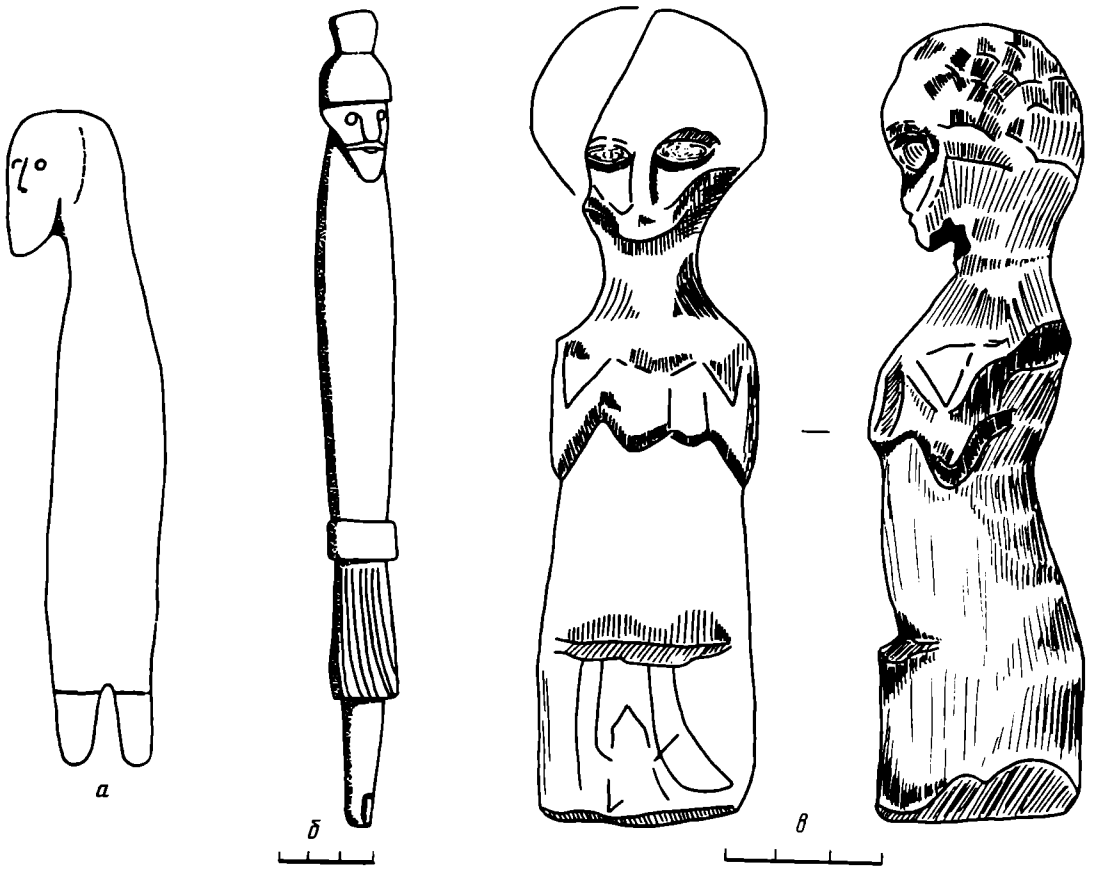


Рис. 3. Антропоморфные фигурки из Старой Ладоги. *а* — вторая четверть IX в.; *б*, *в* — X в.

бо, но намечены на стояне ноги с повернутыми вправо ступнями (рис. 3, *в*). Среди новгородских находок у одной стержневидной фигурки аналогично расположены руки [9, № 231] Датируется она рубежом X—XI в. Третья из староладожских деревянных скульптур зафиксирована в слое E_2 (вторая четверть IX в.) Но обстоятельства находки и ее размеры в отчете не отражены [20, с. 164] Фигурка довольно плоская, на двух ножках, с четко профилированным лицом с бородой (рис. 3, *а*). Этот тип изваяний выделен и по новгородским материалам, где представлен только одной вещью середины XI в. [9, № 238]

Таким образом, вещи из Старой Ладоги говорят о том, что в период полного господства языческих верований мелкие антропоморфные скульптуры из дерева были изваяниями богов, святилища которых располагались в специальных постройках непосредственно среди жилой застройки. Интересно и показательно сходство типов фигурок из слоя Новгорода и Старой Ладоги. Эти же данные позволяют говорить о двух типах культовых мест. Если в первом случае это небольшое (16 м^2) святилище, рассчитанное на одну или несколько семей, то во втором случае это крупное культовое сооружение, своего рода языческий храм, обслуживавший население прилегающего к нему района Старой Ладоги.

На сегодняшний день небольшие антропоморфные скульптуры обнаружены на обширной территории от Польши до Новгорода. Несмотря на некоторые региональные отличия в типах этих вещей, основную массу составляют одноглавые. Они зафиксированы, например, в Смоленске, Пскове, где отмечены единичные находки, в Риге, где обнаружены пять фигурок в виде длинных жезлов или коротких постаментов, завершающихся изображением человеческой головы [12, рис. 5]

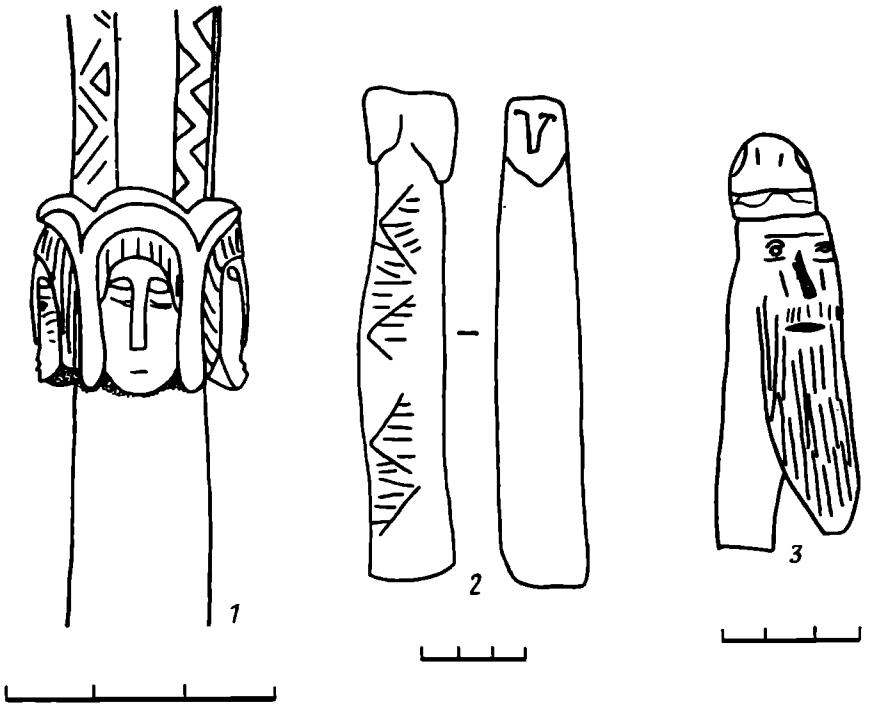


Рис. 4. Антропоморфные навершия из Риги XII—XIII вв.

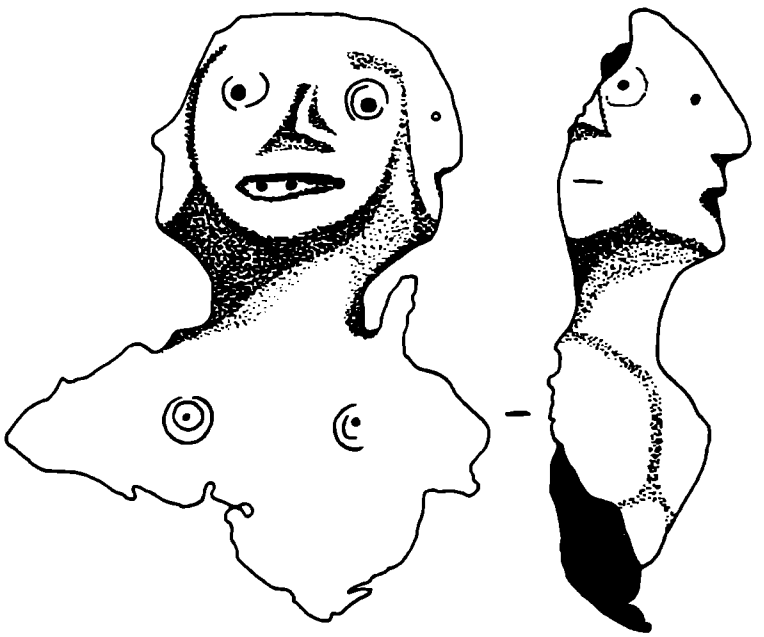


Рис. 5. Скульптура четырехликого идола из Старой Рязани

Среди рижских находок, датируемых XII—XIII вв., есть и многоглавые скульптуры — две четырехглавые [12, рис. 3] и одна двухглавая [12, рис. 4], встречающиеся на территориях, заселенных прибалтийскими славянами (рис. 4.). Это доказывает, что в изделиях мелких форм повторялись и крупные многоглавые культовые изваяния. Доказательством использования в одних и тех же целях больших идолов общинных святилищ, таких, например, как Збручский, и мелких антропоморфных фигурок из жилого слоя древнерусских городов служит и находка из Старой Рязани. Здесь в конце XIX в. была найдена половина полой составной небольшой литой бронзовой фигурки четырехликого

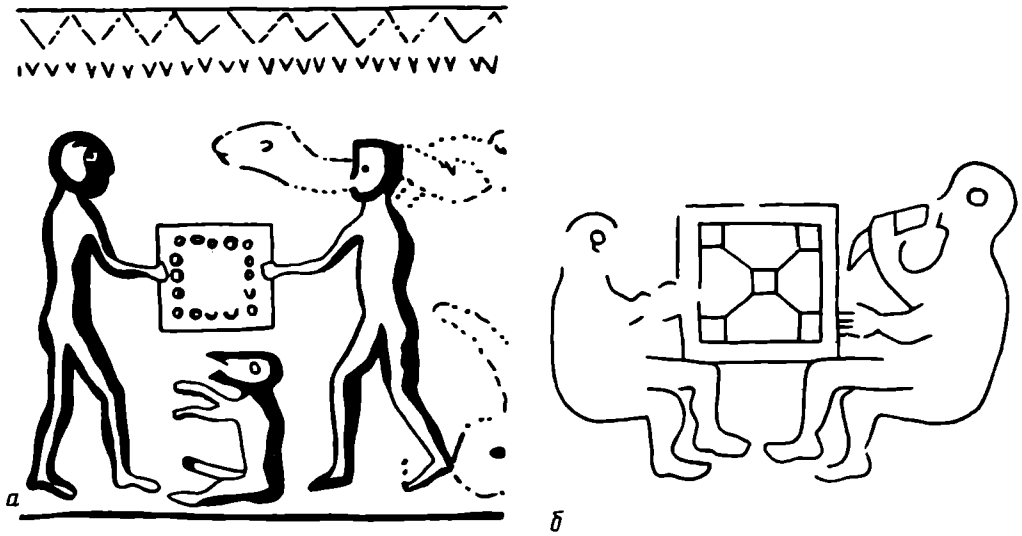


Рис. 6. Игральные доски. *а* — Галлехус (Дания); *б* — Оскельбо (Швеция)

идола (рис. 5), прикрепленной к деревянному столбику и помещенной в землянку [21, с. 131] У ее основания зафиксированы и остатки жертвоприношений. Святилище, существовавшее в довольно позднее время, еще раз доказывает, что процесс христианизации земли вятичей проходил долго и сложно; находка здесь следов древних языческих культов для XII в. неудивительна.

Таким образом, приведенные выше материалы позволяют четко определить культовое назначение деревянных антропоморфных изваяний, найденных на широкой территории в жилых слоях IX—XIV вв. и являющихся не чем иным, как изображениями высших языческих богов.

Вряд ли они были фигурками домовых. Этот дух—покровитель дома, занимавший одно из главных мест в системе мер, оберегавших жилище человека, хорошо известен по этнографическому материалу XVIII—XX вв. Однако в ранних письменных источниках сведений о домовом нет. Только в «Слове святого отца Василия о посте» XIV в. отмечено смутное упоминание беса-хороможителя [22, с. 292] Можно предположить, что оно связано с культом этого духа, защитника семьи от злых сил. Однако стереотипный образ домового значительно отличается от разнообразных по характеру антропоморфных изображений древних языческих богов.

Версию М. В. Фехнер об использовании деревянных скульптур в качестве ручек походных шахматных досок пока аргументировать нечем. Эта гипотеза базируется только на одной находке игральной доски X в., обнаруженной в захоронении на территории Северной Ирландии. К доске прикреплены две деревянные ручки в виде коротких стержней со скульптурными изображениями мужской головы и головы зверя. В археологическом материале древнерусских городов аналогичных находок нет. Игральные доски для исследуемого периода вообще редки. Одна —X в. происходит из Старой Ладоги и сделана из детали корабля, фрагмент второй обнаружен в слое XIV в. в Новгороде. Следов крепления каких-либо рукоятей к доскам при этом отмечено не было. В качестве доказательства своей версии М. В. Фехнер привлекает рисунок на золотом роге V в. с территории Дании (рис. 6, *а*). Но на прориси изображения ручки у игральной доски отсутствуют — люди просто держат ее руками [13, с. 92, рис. 4] Аналогично изображение на руническом камне из Оскельбо (Швеция), где нарисованы два человека за игрой и питьем [13, с. 91, рис. 1] Никаких приспособлений и у этой игральной доски нет (рис. 6, *б*). Видимо, скульптурные рукояти не являются обязательным атрибутом игральных досок. К тому же ни одна из найденных антропоморфных фигурок не имеет следов

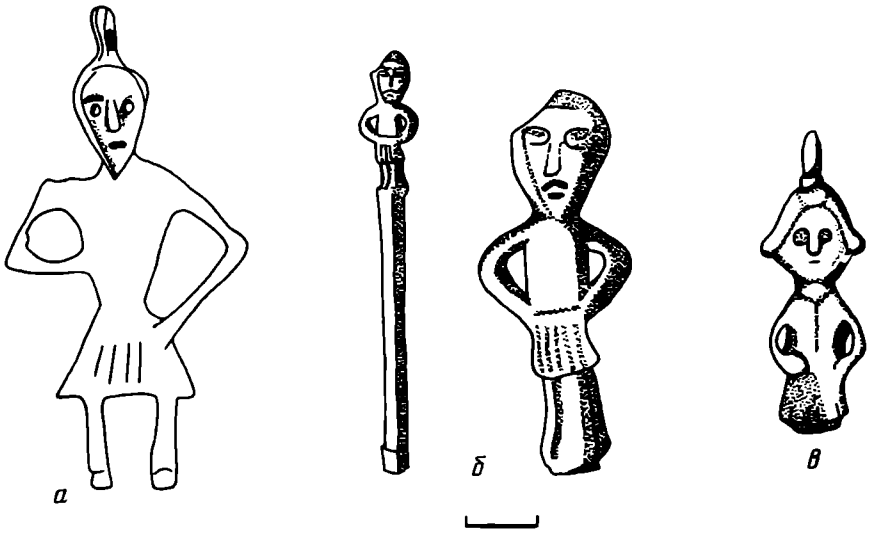


Рис. 7 Металлические антропоморфные фигурки XII в.

крепления к какой-либо поверхности, хотя значительная часть этих вещей сохранилась полностью. И по своей форме навершия с человеческими личинами, скульптуры на постаментах или фигурки на двух ножках мало приспособлены служить рукоятями чего-либо. Необходимо сказать, что нет ни одной парной находки этих изделий. Игральная доска из Северной Ирландии, при отсутствии аналогичных на территории древней Руси, вряд ли может служить доказательством назначения категории вещей, культовый характер которой обоснован выше.

Новгородские антропоморфные фигурки X—XIV вв. являются на сегодняшний день самой большой группой находок, анализ которых позволил выделить отдельные типы изображений, нашедшие аналогии в материалах других центров. Столь длительное существование этих вещей больше нигде не прослежено. Необходимо отметить большое разнообразие типов культовых изваяний в слоях X—XII вв. и постепенное исчезновение некоторых из них впоследствии. Так, в XIII—XIV вв. в новгородских материалах представлены в основном только навершия с человеческой личиной. Интересно, что к XV в. археологических данных о языческих культах становится меньше. Это четко прослеживается по находкам в Новгороде, где следы пережитков языческого мировоззрения многочисленны как ни в одном другом древнерусском городе.

После принятия христианства, повлекшего за собой уничтожение святилищ со статуями языческих богов, мелкие скульптуры, скрываемые в жилых постройках, сохранялись в качестве объектов поклонения еще на протяжении долгого времени. Именно в слоях периода развитого языческого мировоззрения и в первые века «двоеверия» отмечены самые многочисленные находки небольших культовых изваяний.

Пока трудно персонифицировать выделенные типы изображений, так как они достаточно схематичны. Известные по другим материалам атрибуты, присущие некоторым языческим богам, у мелких изделий отсутствуют.

Находки в нескольких центрах мелких деревянных антропоморфных фигурок и типологически, и хронологически подтверждают их культовое назначение. Однотипность рассматриваемых изделий на широкой территории Северо-Западной Руси говорит как о сходстве религиозных представлений, так и об определенных изобразительных канонах при создании изваяний высших языческих богов, как крупных, так и мелких. Выработанные и строго соблюдаемые в эпоху господства язычества, эти каноны сохраняются и в период «двоеверия», сви-

детельством чего служат пока еще немногочисленные находки небольших культовых антропоморфных скульптур в жилом слое ряда древнерусских городов.

Несомненно, что к культовым относятся и металлические изделия антропоморфной формы из культурного слоя Новгорода. Это фигурки подбоченившегося мужчины. Одна из них найдена на Неревском раскопе в отложениях XII в. Она сделана из свинца и вместе со стержнем-основанием имеет высоту 5,6 см. Столбик квадратной формы, фигура объемная (рис. 7, *б*). Узкое лицо человека украшают усы и борода, его руки уперты в бока, показаны складки длинной рубахи и ноги. Высота фигурки всего 2,5 см. А. В. Арциховский отнес скульптуру к изображениям языческого божества, возможно Перуна [6, с. 35] Вторая аналогичная находка середины XII в. сделана в виде подвески (рис. 7, *а*), с ушком на голове [23, рис. 53] Она подробно рассмотрена в заметке П. М. Алешковского [24] Полностью соглашаясь с выводами публикации о культовом назначении таких изделий, дополним только приведенные в ней материалы указанием на еще одну находку. Аналогичный амулет-оберег (обнаружен случайно) происходит с территории Тверского княжества [25, с. 74] Как и новгородский, он сделан в виде подвески (рис. 7, *в*).

Изучение мелкой деревянной антропоморфной скульптуры из культурного слоя Новгорода и некоторых других центров доказывает ее связь с пережитками язычества в мировоззрении городского населения средневековья. Анализ отдельных свидетельств языческой обрядности позволит в дальнейшем составить полную картину древних верований, сохранявшихся в начальный период христианизации Руси.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Седов В. В.* Древнерусское языческое святилище в Перыни // КСИИМК. 1954. Вып. 50.
2. *Седов В. В.* Новые данные о языческом святилище Перуна // КСИИМК. 1954. Вып. 53.
3. *Седов В. В.* К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде // КСИИМК. 1957. Вып. 68.
4. *Миронова В. Г* Языческие жертвоприношения в Новгороде // СА. 1967 № 1.
5. *Седов В. В.* Языческая братина в древнем Новгороде // КСИИМК. 1956. Вып. 65.
6. *Арциховский А. В.* Археологическое изучение Новгорода // МИА. 1956. № 55.
7. *Седова М. В.* Амулет из древнего Новгорода // СА. 1957. № 4.
8. *Седова М. В.* Новгородские амулеты-змеевики // Культура древней Руси. М.: Наука, 1966.
9. *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Резное дерево // САИ. 1971. Вып. Е1-55. Т. II.
10. *Янин В. Л.* Свинцовая крышка с тайнописью из Новгорода // КСИИМК. 1954. Вып. 54.
11. *Орлов С. Н.* Крышка с тайнописью из Новгорода // СА. 1969. № 4.
12. *Цауне А.* Рижские антропоморфные деревянные навершия XII—XIII вв. // Изв. АН Латв.ССР. 1981. № 6.
13. *Фехнер М. В.* Одна из маленьких загадок археологии // МИА. 1969. № 169.
14. *Рыбаков Б. А.* Язычество древней Руси. М.: Наука, 1987.
15. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Ред. Крачковского И. Ю. Изд-во АН СССР, 1939.
16. Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. 1915. Т. IV. Вып. 1.
17. *Равдоникас В. И.* Раскопки в Старой Ладоге в 1958 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 1765.
18. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.
19. *Петренко В. П.* Отчет о работе Княщинского отряда Староладожской экспедиции в 1975 г // Архив ИА АН СССР Р-1. № 5955.
20. *Равдоникас В. И.* Отчет об археологических раскопках в Старой Ладоге в 1950 г // Архив ИА АН СССР. Р-1, № 574.
21. *Монгайт А. Л.* Археологические заметки // КСИИМК. 1951. Вып. XLI.
22. *Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. 2. Харьков. 1916.
23. *Арциховский А. А.* Отчет о работе Новгородской археологической экспедиции за 1975 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 5572.
24. *Алешковский П. М.* Языческий амулет-подвеска из Новгорода // СА. 1980. № 4.
25. *Рикман Э. А.* Обследование городов Тверского княжества // КСИИМК. 1951. Вып. XLI.

T D. Panova

ON THE USE OF SMALL WOODEN ANTHROPOMORPHIC SCULPTURE IN THE 10th — 14th CC.

Summary

The author classifies and attributes small anthropomorphic sculpture obtained from the cultural layer of Novgorod and some other Russian cities. Three types among them have analogies over the vast territory between Poland and Novgorod. They were clearly used for religious purposes, especially those found in 9th-11th-century sanctuaries in Staraya Ladoga. Upon Christianisation, these sanctuaries and statues of pagan gods were destroyed. Small wooden anthropomorphic sculptures survived for a long time in dwellings where they were used for religious purposes. The greater number of small anthropomorphic sculptures are related to the period of "two creeds" when paganism was being replaced with Christianity.

Публикации

С. Н. САНЖАРОВ

ОХРА В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЛЕМЕН ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ ДОНЕТЧИНЫ

Территорию Донецкого Приазовья и среднего течения Северского Донца в период средней бронзы занимали племена катакомбной культурно-исторической общности. Наиболее ранние катакомбные памятники датируются концом III тыс. до н. э. [1, с. 206] Позднейшие относятся к XVII в. до н. э. [2, с. 156]. В период расцвета сравнительно высокий уровень материальной и духовной культуры нашел свое выражение в характере искусства, прослеживаемом по пышным орнаментам на керамике, орнаментированным парадным топорам-молоткам (Баратовка, Широкое, Старобешево, Николаевка и т. д.) и изделиям из цветных металлов. Ограниченная категория декорированных памятников долгое время значительно сужала возможность изучения изобразительного искусства племен эпохи бронзы, в частности катакомбной культуры [3, с. 198] Новые материалы из раскопок в Донбассе позволяют рассмотреть употребление охры в изобразительной деятельности племен катакомбной общности, что несколько расширяет источниковедческую базу исследований развития изобразительного искусства эпохи средней бронзы степной полосы юга Восточной Европы.

Обычно при изучении погребального обряда исследователи отмечают две фракции крупности охры: в виде посыпки порошком или же в виде комков (изделий). На присутствие красной краски в рядовых захоронениях на юге России обратили внимание еще на заре отечественной археологии, что впоследствии нашло выражение в выделении серии погребений со скорченными и окрашенными костяками. В. А. Городцов одним из первых предпринял попытку определить смысловое значение охры в погребальном ритуале, связав его совместно с золой и древесным углем с очистительным символом огня [4, с. 182] Особую культовую роль охры в жизни древнего населения отмечали многие исследователи [5, с. 15; 6, с. 229; 7, с. 123] Обычай посыпать охрой тела умерших в ритуалах древних народов, где красная краска олицетворяла кровь и жизнь и бытовали представления о смерти как продолжении жизни в потустороннем мире, В. П. Шилов связывает с заботой о продолжении своего рода, потомстве [8, с. 59] Проанализировав наличие охры в ряде катакомбных погребений Нижнего Дона, В. И. Балабина пришла к выводу об отсутствии закономерной взаимосвязи между охрой и элементами погребального обряда. По ее мнению, последняя занимала обособленное место в обряде погребения катакомбных племен [9, с. 196]

В настоящей работе мы рассмотрим некоторые изображения из охры, которые первоначально имелись на погребальных саванах и ввиду разрушения последних частично сохранились лишь на утрамбованном дне катакомб, а также инструменты для нанесения подобных изображений. В Донбассе обнаружено два погребения катакомбной культуры со сложной системой орнаментальных композиций.

С. Новониколаевка, курганная группа 2, кург 2, погр. 1 [10] Высота кургана —0,65, диаметр —20 м. В нем исследовано четыре катакомбных погребения. Погребение 1 (впускное) обнаружено на расстоянии 2,8 м на юго-восток — восток от центра, на глубине 0,39 м. Входная шахта в плане под-

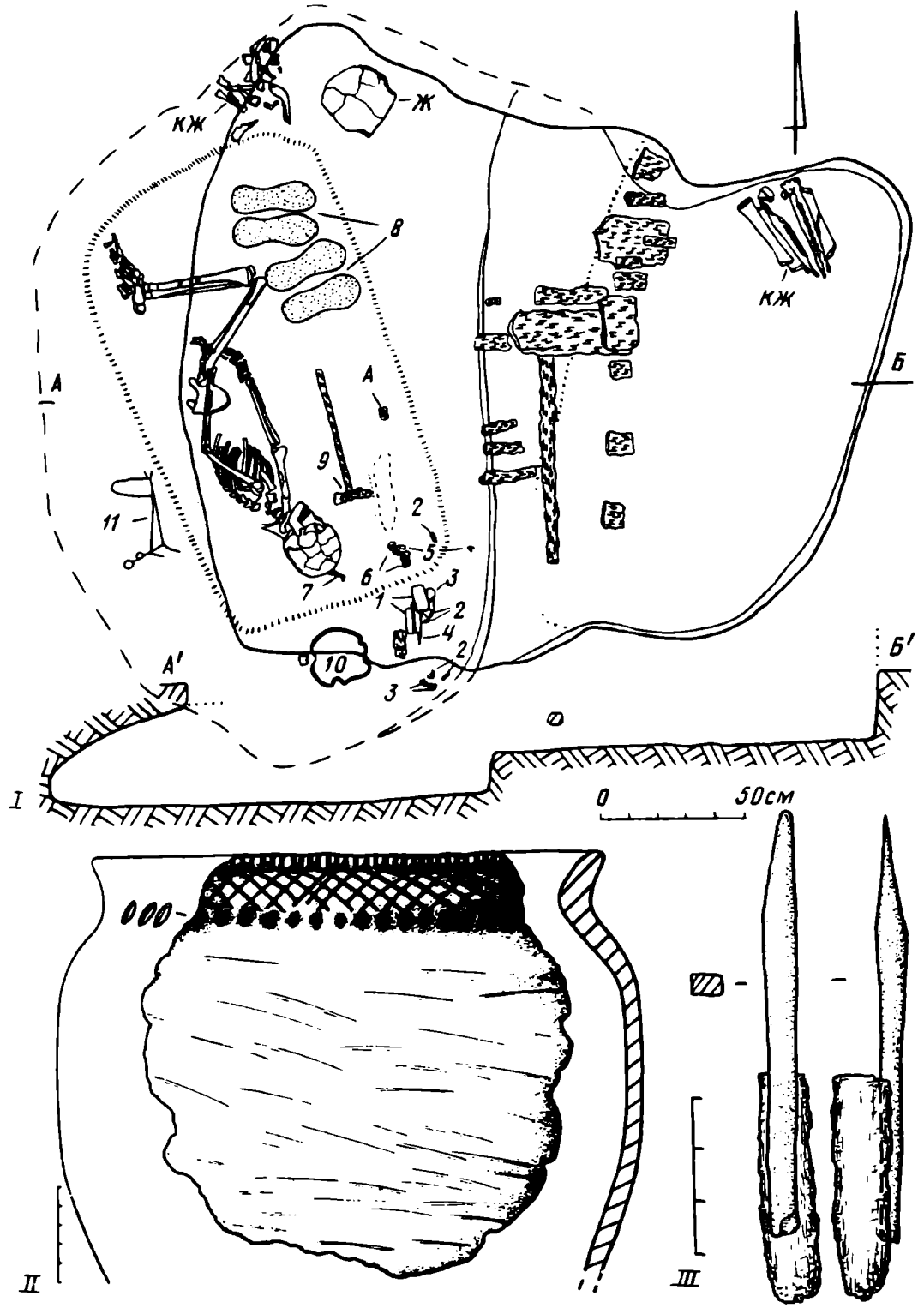


Рис. 1. План, разрез (*I*) и инвентарь (*II*, *III*) погр. 1, кург 2 курганной группы 2 у с. Новониколаевка. *1* — «выпрямители» древков стрел; *2* — кремневые изделия; *3* — раковины; *4* — бронзовой резец; *5* — кремневые наконечники; *6* — мел; *7* — кости крыла птицы; *8* — изображение стоп человека из охры; *9* — каменный топор-молоток; *10* — деревянная миска; *11* — рисунов из охры, А — астрагал, Ж — жаровня, КЖ — кости животного

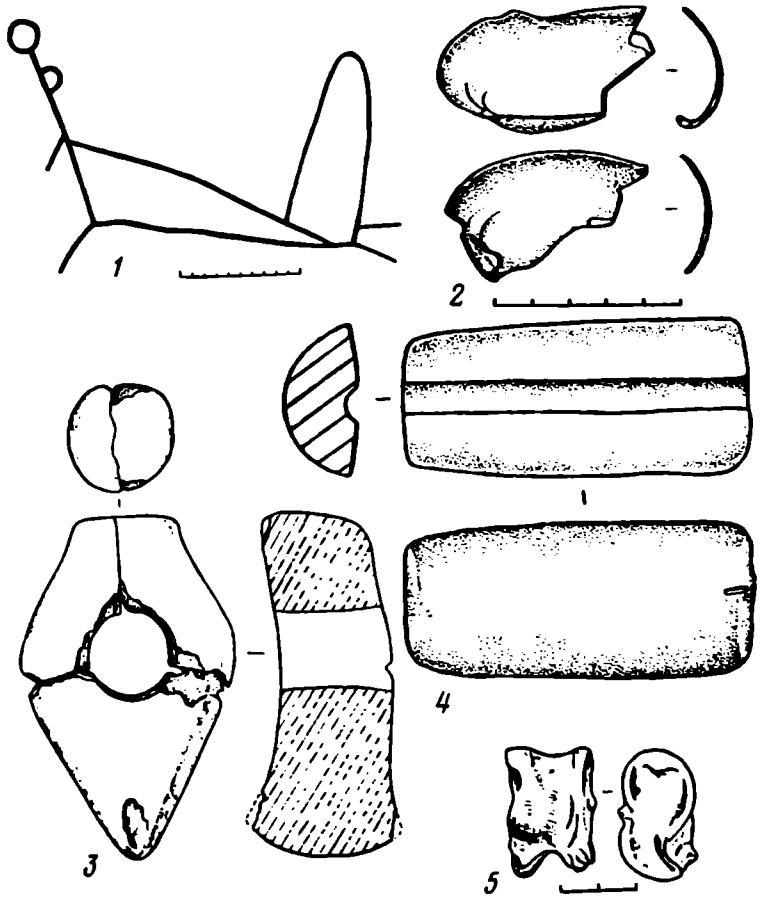


Рис. 2. Рисунок, выполненный охрой и инвентарь из погр. 1, кург. 2 курганной группы 2 у с. Новониколаевка

прямоугольной формы с округленными углами, размером 1,63×1 м, ориентирована по линии ССВ—ЮЮЗ. Дно — на глубине 1,43—1,45 м. Под северной стенкой выявлены череп быка и кости конечностей под ним. Вход в камеру находился в западной части шахты. Он закрывался плахами, средние размеры которых 0,5×15×0,08 м. Свод катакомбы не сохранился. В плане камера неправильной овальной формы (2,6×1,55 м), ориентирована по линии С—Ю. На стенках имелись вертикальные и горизонтальные следы плоских орудий, шириной 2 и длиной до 10 см. В центральной части дна на подстилке из коричневого и белого тлена лежал костяк взрослого человека в скорченном положении на правом боку, ориентирован головой на юго-восток. Угол скорченности тупой, угол в коленях острый. Руки вытянуты вдоль туловища, кисти — между бедренными костями в области тазобедренного сустава. Под черепной крышкой найдены кости крыла птицы, южнее стояла деревянная миска. Ее диаметр —25, диаметр дна —17, высота — около 11, толщина стенок —0,7 см. В юго-восточной части камеры выявлен производственный комплекс из двух «выпрямителей», двух кремневых наконечников, разнообразных кремневых изделий, двух раковин двухстворки, бронзового резца и кусков мела. Перед грудью обнаружен каменный топор-молоток с остатками деревянной рукояти, длина которой —46, толщина —2,5 см, астрагал и линия из алой охры — шириной 0,3 см. У северной стенки камеры лежали череп и кости конечностей козы, жаровня с угольками. Перед коленями имелись две пары изображений стоп человека из красной охры. Их длина —28, ширина — около 10 см (рис. 1, *1*)

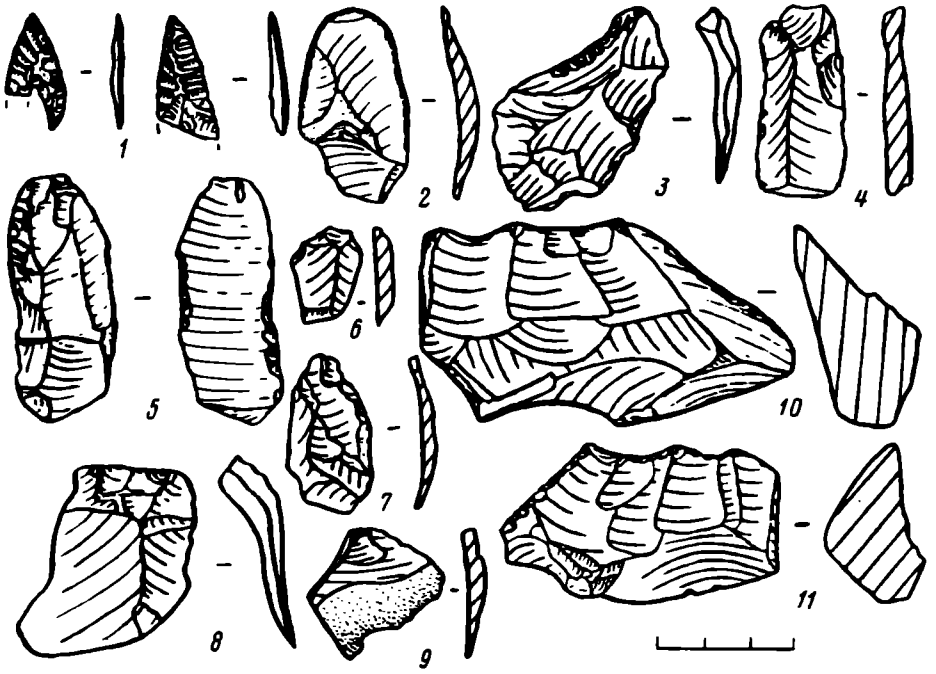


Рис. 3. Кремневые изделия из погр. 1, кург 2 курганной группы 2 у с. Новониколаевка

За костяком на дне камеры полосами из алой охры выполнен схематичный рисунок (рис. 2, *1*). Ширина полос — около 0,3 см. На охристых линиях прослежена структура ткани, по всей видимости от савана. Отдельные полоски охры фиксировались и на костях погребенного.

1. Жаровня из боковины сосуда. Бока высоко поставлены, шейка отогнута. Под венчиком нанесены вертикальные насечки, шейка орнаментирована зубчатым штампом в виде косой сетки. В основании шейка украшена круговым пояском от ногтевых вдавлений. Внешняя поверхность покрыта расчесами серого цвета с черными пятнами (рис. 1, *II*).

2. Резец из бронзового четырехгранного стержня с раскованной по бокам рабочей частью. На черешке сохранились остатки деревянной рукояти (рис. 1, *III*)

3. Каменный топор-молоток из магматической породы типа граносиенита, усеченно-ромбической формы, с коротким обушком (рис. 2, *3*).

4. «Выпрямители» из двух песчаниковых брусков с продольным желобком на плоской грани. На внешней, выпуклой поверхности имеются насечки для симметричного накладывания (рис. 2, *4*).

5. Пара фрагментированных раковин двухстворки и таранная кость козы (астрагал) (рис. 2, *2, 5*)

6. Два кремневых наконечника стрел. Один треугольной формы, второй — сердцевидной с глубокой выемкой в основании, с тонкими усиками (один усик обломан) (рис. 3, *1*)

7 Изделия из кремня представлены ножом на пластине (рис. 3, *2*), пилочкой на отщепе (рис. 3, *3*), двумя реберчатыми пластинами (рис. 3, *4, 5*), двумя нуклеусами (рис. 3, *10, 11*) и четырьмя отщепами (рис. 3, *6—9*).

С. Белояровка, кург 5, погр. 10 [1] Высота кургана —3,8, диаметр — около 48 м. В нем исследовано 12 погребений эпохи бронзы — раннего средневековья. Погребение 10 (основное) выявлено в центре кургана, с уровня древнего горизонта. Было окружено с запада, юга и востока материковым дугообразным выкидом, лежащим на погребенной почве. Ширина выкида —

[1] Раскопки автора в 1984 г. в Донецкой области.

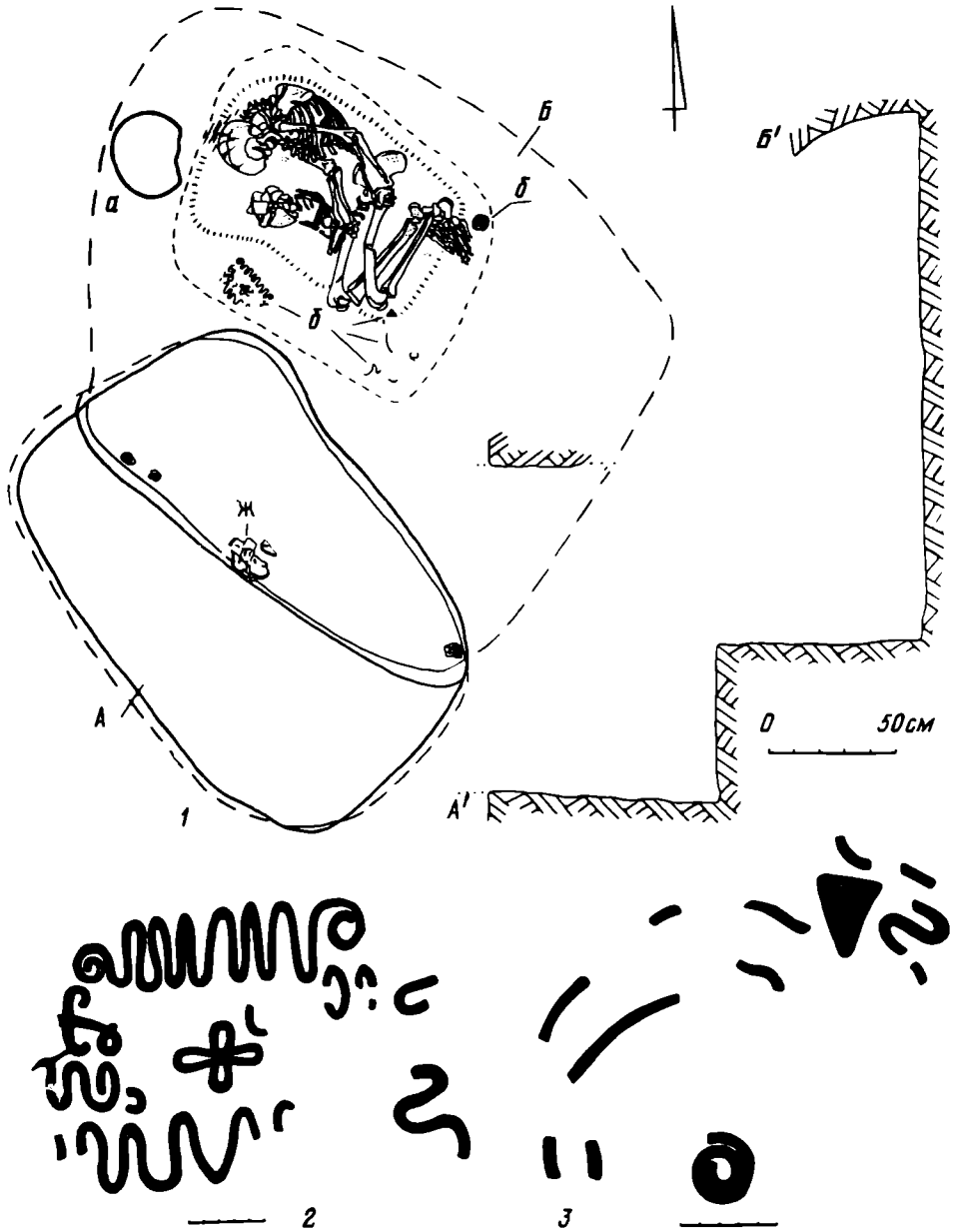


Рис. 4. План, разрез (*1*) и рисунки, выполненные охрой (*2, 3*), погр. 10, кург. 5, близ с. Белояровка. *а* — деревянная миска, *б* — рисунки из охры; Ж — жаровня

около 4, мощность — около 0,7 м. Над погребением была возведена из кусков дерна первичная насыпь кургана диаметром 24,2 м, высотой — около 2,2 м. Входная шахта (1,9×1,23 м) в плане подпрямоугольной формы, ориентирована по линии ЮВ—СЗ. На стенках погребального сооружения прослежены вертикальные и косые желобчатые следы орудий шириной 3—3,5, длиной до 30 см. Под юго-западной стенкой на глубине 2,18 м от древнего горизонта устроена ступенька-уступ (ширина — около 0,7 м). Под центральной частью ступеньки найдена жаровня из боковины крупного сосуда, содержащая пепел и древесные угольки. Широкий вход в погребальную камеру находился под северо-восточной стенкой входной шахты. Его длина —1,83, высота — около 0,9 м. Первоначально он закрывался бревнышками, которые сохранились в вертикальном положении по бокам устья. Их диаметр — около 8 см.

В плане входная шахта «накладывается» на дно камеры подпрямоугольной формы с округленными углами, размером 2,3×2,03 м. Длинная ось камеры ориентирована по линии ЮВ—СЗ. Свод обрушился в древности.

Дно — на глубине 2,52 см от уровня древнего горизонта. В северо-западной части камеры на слое белого и коричневого тлена находился костяк взрослого человека на правом боку в скорченном положении. Угол скорченности тупой, в коленях — острый. Руки вытянуты к бедрам. Костяк ориентирован головой на СЗ—З, череп смещен к югу. У изголовья стояла деревянная миска диаметром 33, высотой — около 7 см, толщина стенок —1 см.

Перед костяком взрослого человека находился костяк ребенка в скорченном положении на правом боку, ориентирован головой на запад. Угол скорченности тупой, в коленях — острый. Кости правой руки вытянуты вдоль туловища, левой — согнуты в локтевом сгибе под прямым углом. Перед берцовыми костями взрослого человека прослежено пятно красной охры (рис. 4, *1*).

Погребенные, вероятно, были покрыты саваном с орнаментом из полосок (их ширина —0,5 см) алой охры, прослежена структура ткани на охре. В ногах зафиксирован спиралевидный узор. Перед умершими на дне камеры сохранился значительный фрагмент орнамента площадью 500 см ^{2} Он представлен двумя параллельными горизонтальными зигзагообразными линиями. Верхний зигзаг хорошо сохранился, концы его переходят в спирали. Окончания нижнего зигзага фрагментированы. Между ними по центру заключен крест из двух перекрещивающихся восьмерковидных знаков. Слева от него (также между зигзагами) выведены друг под другом две фигуры. Верхняя схематично изображает знак типа букрания, нижняя — волнистую линию. Справа от крестовидного знака сохранились фрагментированные овалы — части более сложного рисунка (рис. 4, *2*).

Еще один фрагмент общей композиции выявлен у колен. Частично сохранились зигзаги, спирали и треугольник (рис. 4, *3*). Полоски алой охры имелись и на костях погребенных. Под умершими прослежено прямоугольное пятно коричневого тлена.

Жаровня из боковины сосуда с высоко поставленными боками и прямой короткой шейкой. В основании шейки имеется круговое углубление. На боках нанесены горизонтальные и косые расчесы. Внешняя поверхность коричневого цвета с черными пятнами, внутренняя — черного цвета со следами нагара (рис. 5, *1*).

Характер погребальных сооружений и обряда погребения описанных захоронений свидетельствует об их принадлежности к донецкой катакомбной культуре [2, с. 31—34] Однако форма сосудов, из которых изготовлены жаровни, стиль и техника выполнения орнамента сближаются с керамикой позднекатакомбных групп населения [2, с. 63] Все вместе дает основание отнести погребения из Новониколаевки и Белояровки к позднему этапу донецкой катакомбной культуры и датировать их XVIII—XVII вв. до н. э.

Рисунки из охры в погребении у с. Новониколаевка представляют собой детали фрагментарно сохранившейся сложной композиции, по всей видимости, космологического характера. Часть рисунков прослежена за костяком, а часть (в виде длинной дугообразной полосы) — перед умершим, на коричневом тлене. Рисунок, сохранившийся на полу камеры за спиной погребенного, напоминает профильное изображение запряженной волокуши (или саней) с кибиткой. Однако ввиду схематизма изображения и отсутствия дополнительных данных по рисункам такого рода среди древностей катакомбной культуры в настоящее время не беремся утверждать этого. Отметим лишь, что с присутствием в погребальном обряде средств передвижения связана определенная культовая символика, отражающая характерные особенности представлений о загробной жизни [11, с. 85]

Обильный инвентарь погребения, в сочетании с культовым изображением, дает основание видеть в умершем представителя социальных верхов общества [12, с. 136—137; 13, с. 17—18]

Сравнительно неплохая сохранность рисунка, выявленного перед костя-

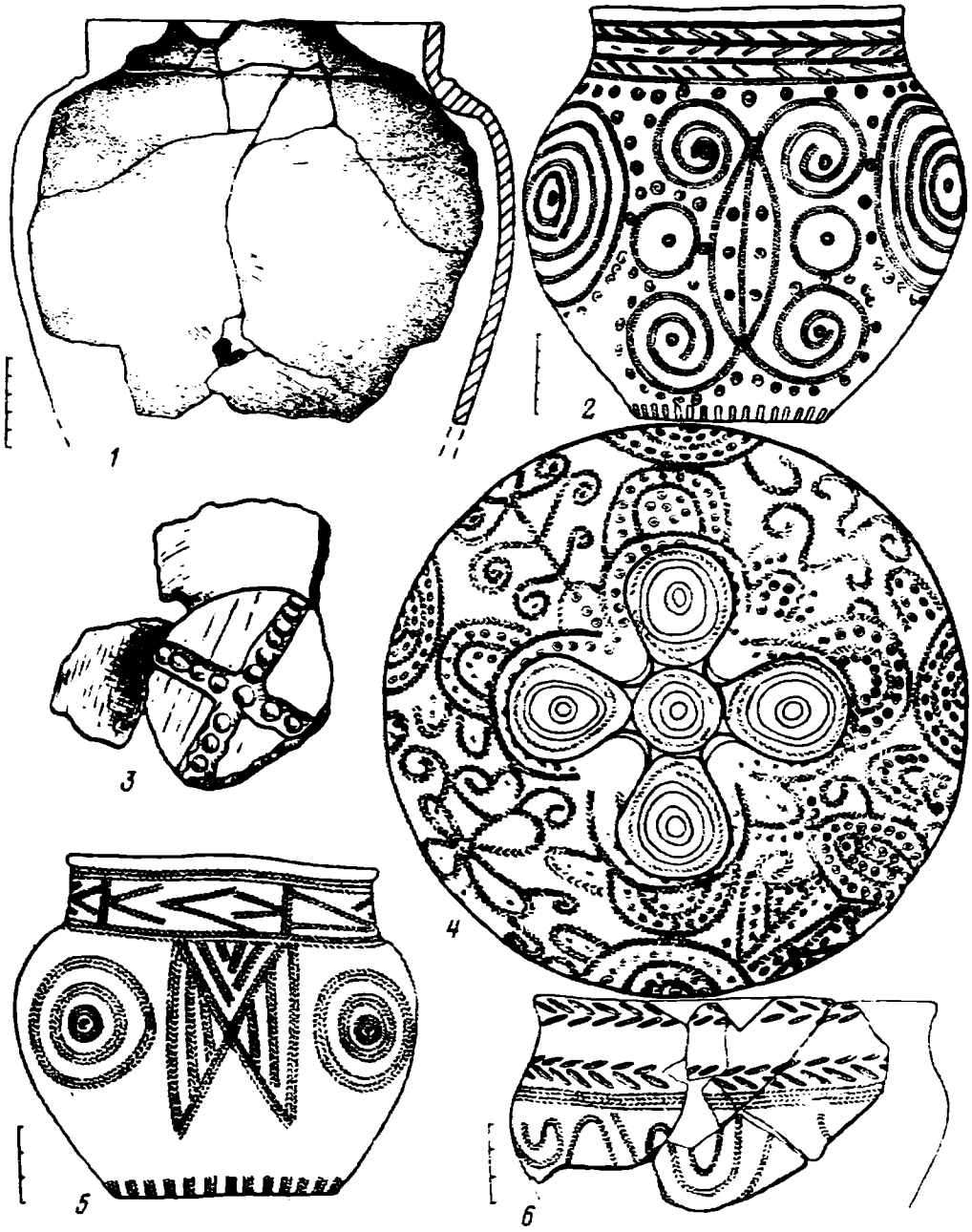


Рис. 5. Керамика катакомбных погребений из разных мест. 1 — с. Белояровка, кург. 5, погр. 10; *2, 6* — с. Райгородок, разрушенный курган; *3* — г. Луганск, кург. ?, погр. ?; *4* — с. Чограй II, кург. 10, погр. 3, вид на курильницу снизу; *5* — с. Новолуганское, кург. 3, погр. 1

ками в погребении у с. Белояровка, позволяет рассмотреть его элементы. Центральное место в рисунке занимает крестообразная фигура. Еще с энеолита четырехконечный крест отождествляется с символом солнца, его изображения непосредственно вписывались в солнечные диски [14, с. 32] Кресты из налепных валиков нередки на позднекатакомбных реповидных горшках (рис. 5, *3*) [2, с. 83] Ритуальные чаши катакомбной культуры в подавляющем большинстве снабжены крестообразной подставкой (рис. 5, *4*) [15, с. 156—163] Косыми крестами украшались донецкие кубки (рис. 5, *5*) и амфорки ингульского типа [16, с. 98, рис. 54, *1*; 17, с. 62, рис. 3, *1а*] Посредством охры кресты, ограниченные кругом, наносились на плиты кеми-обинских гробниц [18, с. 227]

Семантика данного знака непосредственно связана с идеей четырехсторонности света [14, с. 32, 33], а его размещение в круге позволяет идентифицировать крест с солярной символикой. К тому же слияние круга и креста как определенных символов в единый сюжет может означать и их смысловую равнозначность. Близок к этому вывод В. В. Отрощенко, что «крест в круге — солярный знак, символизирующий движение солнца по небосводу подобно колесу» [19, с. 75]. Спиралевидный орнамент, получивший распространение на катакомбной керамике (рис. 5, *2*), также отражает поклонение солнцу [14, с. 43] С древнейших времен главной идеей зигзагообразных линий была вода и змея [14, с. 37; 20, с. 216]. Имеются они и на сосудах (рис. 5, *6*).

В целом сохранившаяся часть композиции на дне катакомбного погребения у с. Белояровка отражает, на наш взгляд, определенную часть схемы космологических взаимосвязанных представлений носителей катакомбной культурно-исторической общности.

Использование красной охры в нанесении характерной символики было распространенным явлением в погребальных обычаях эпохи энеолита — бронзы степных культур юга Восточной Европы. Рисунки из охры обнаружены в Крыму, на кеми-обинских каменных ящиках у сел Долинное [18, с. 227], Тургеневка [21, с. 229] и Вилино [22, с. 317], в ряде других пунктов. Орнаментальные мотивы из врезных линий и охры имели место в дольменных сооружениях Западного Кавказа [20, с. 215—222]. Интересен и тот факт, что в Северном Причерноморье зафиксировано употребление орнамента из полосок черной краски на ткани из ямного погребения [23, с. 33], а также из полосок черной и красной краски в катакомбном погребении [24, с. 63] Отмечали исследователи использования охристого орнамента и в катакомбных погребениях Нижнего Дона [12, с. 21]

На Донетчине в погребениях катакомбной культуры орнаменты из охры встречались неоднократно. Впервые они описаны на основании раскопок в Донецке («Текстильщик», кург. 4, погр. 4); концентрические окружности из красной охры и сажи на дне камеры) [2] Несколько случаев зафиксировано Новостроечной экспедицией Донецкого университета: у с. Шевченко (курганная группа I, кург. 13, погр. 4, отпечатки повязки на черепе женского костяка с параллельными полосами из охры и сажи) [25] и у пос. Николаевка (кург. 2, погр. 1, окантовка прямоугольной подстилки из коричневого тлена, выполненная алой охрой в виде треугольников) [10]

В последние годы выделены еще две сферы использования охры в эпоху средней бронзы. Это прежде всего изображения стоп человека — явно культового характера [1, с. 205, 206; 26, с. 64—69], а также покрытие красной краской глиняных моделировок лицевого покрова погребенных позднекатакомбной культурной принадлежности (так называемые «маски»), что, на наш взгляд, не совсем верно, так как глина наносилась непосредственно на лицевую часть черепа (реставрировались нос, глаза, губы и щеки) после преднамеренного удаления мягких тканей [27, с. 293; 28, с. 300] Возможно, это связано со стремлением древнего человека изолировать голову умершего соплеменника как вместилище души. В пользу этого свидетельствуют глиняные пробки, вставленные в ушные отверстия черепов.

Подводя итоги, остановимся на анализе средств изобразительной деятельности, представленных единственным в своем роде производственным набором инструментов из катакомбного погребения у с. Набережное в Донецком Приазовье [29].

С. Набережное, кург 1, погр. 8. Высота кургана 1 м, диаметр — около 36 м. В нем исследовано 10 погребений энеолита — раннего железного века. Погребение 8 выявлено на расстоянии 9,3 м к северо-востоку—востоку от

[2] Раскопки В. Н. Даниленко в 1975 г. (любезное сообщение зам. начальника экспедиции А. П. Рудакова, за что автор ему искренне признателен).

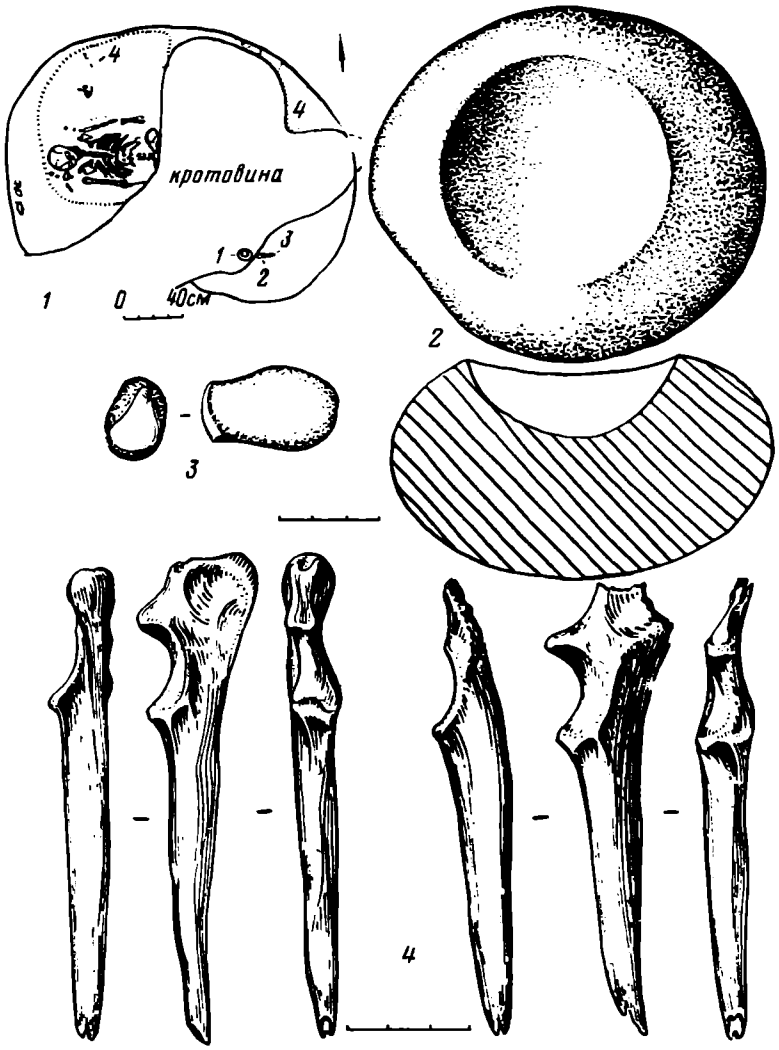


Рис. 6. План (*1*) и инвентарь погр. 8, кург. 1 близ с. Набережное. *2* — каменная ступка; *3* — каменный пестик; *4* — костяные писала.

центра, на глубине 1,5 м. Погребальная конструкция представляла нижнюю часть катакомбы. Входной колодец и стенки камеры сильно разрушены большой кротовиной, прорезавшей погребение с юго-запада по диагонали (рис. 6, *1*). Контуры могилы частично прослежены по дну катакомбы, устроенному на глубине 2,1 м. Камера в плане подовальной (2,3×1) формы, ориентирована по линии В—З. Костяк взрослого человека лежал на спине (нижняя часть костяка уничтожена кротовиной), руки вытянуты вдоль туловища. Погребенный ориентирован на запад. В западной части дна встречены кости черепа человека (второй погребенный?). На дне прослежены остатки коричневой подстилки со следами раскраски полосами ярко-красной охры. Вдоль плечевой кости левой руки погребенного имелось широкое пятно малиново-красной охры. В юго-восточной части камеры найдены каменная ступка, пестик и костяные инструменты.

Ступка из гранита, округлой формы, слегка уплощена. Посредине сделана полусферическая выемка, внутри которой сохранилась красная охра (рис. 6, *2*).

Пестик из продолговатой гальки розового цвета. Рабочий конец заужен, имеет сточенную выпуклую поверхность (рис. 6, *3*).

Костяные инструменты (назовем их писалами) изготовлены из локтевых костей мелкого рогатого скота (2 шт.). Рабочая часть заужена, уплощена и раздвоена неглубокой прорезью со скошенной выемкой. Между раздвоенными концами и внутри кости имелась охра (рис. 6, *4*).

Состав функционального набора инструментов из погребения дает возможность представить технику производства краски и способы ее нанесения на поверхности. Употребление каменных ступок для растирания охры известно еще с палеолита [6, с. 298, рис. 129] и, как видим, доживает до эпохи бронзы. Производство готовой к употреблению краски завершалось смешиванием растертой охры со связующим веществом определенной консистенции. Инструменты типа писал встречены среди памятников материальной культуры катакомбных племен впервые, однако сами локтевые кости мелкого рогатого скота находили применение в качестве проколок [1, с. 205, рис. 4, *1, 5, 7*; 30, с. 24, табл. II, *4*] Раздвоенный конец писал позволял, по-видимому, древним мастерам наносить слой краски требуемой ширины.

Материалы погребения у с. Набережное позволяют предполагать существование специализации художественного дела в среде носителей культур катакомбной общности, а само погребение рассматривать как захоронение художника.

В заключение отметим: в развитый период катакомбной культуры чрезвычайно усложнилась смысловая нагрузка орнаментальных композиций, что фиксируется погребальным обрядом. Глубокое содержание конкретных рисунков позволяло носителям катакомбных традиций выражать свое отношение «к миру и объединять людей для выполнения тех или иных действий» [31, с. 210] Особая роль смысловых изображений в реальной жизни привела, по всей видимости, к обособлению художественного дела.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Санжаров С. Н.* Катакомбное погребение близ г. Северска // СА. 1983. № 3.
2. *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наук. думка, 1976.
3. *Формозов А. А.* Искусство эпохи мезолита и неолита // МИА. 1970. № 166.
4. *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии // Тр. XII АС. 1905. Т. 1.
5 *Макаренко М. Е.* Маріюпільський могильник. Киев, 1933.
6. *Ефименко П. П.* Первобытное общество. Киев: Изд-во АН УССР, 1953.
7 *Монгайт А. Л.* Археология в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
8. *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975.
9. *Балабина В. И.* К вопросу об использовании охры в катакомбных погребениях // Древности Дона. М.: Наука, 1983.
10. *Моруженко А. А., Зарайская Н. П., Санжаров С. Н., Посредников В. А.* Отчет об археологических раскопках курганов в зоне строительства мелиоративных систем на территории Амвросиевского, Марьинского, Першотравневого и Славянского районов Донецкой области в 1983 г. // Научный архив ИА АН УССР. Ф-э 1983/50.
11. *Кузьмина Е. Е.* Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей // ВДИ. 1974. № 4.
12. *Кузьмина Е. Е.* Находки колес в ямных погребениях и вопрос об этногенезе индоиранцев, их религиозных представлениях и социальной структуре общества // Тези пленарних і секційних доповідей «Результати польових археологічних досліджень 1970—1971 років на території України». Одеса, 1972.
13. *Санжаров С. Н.* О социальной значимости одной группы катакомбных погребений // Тез. докл. конф. «Археология и краеведение — школе». Донецк, 1985.
14. *Рыбаков Б. А.* Космология и мифология земледельцев энеолита // СА. 1965. № 1.
15. *Егоров В. Г* Классификация курильниц катакомбной культуры // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970.
16. *Ковпаненко Г Т., Бунятян Е. П.* Скифские курганы у с. Ковалевка Николаевской области // Курганы на Южном Буге. Киев: Наук. думка, 1978.
17. *Шарафутдинова І. М* Орнаментовані сокири-молотки з катакомбних поховань на Інгулі // Археологія. 1980. № 33.
18. *Щепинский А. А.* Солярные изображения эпохи бронзы из Крыма // СА. 1961. № 2.

19. *Отрощенко В. В.* Элементы изобразительности в искусстве племен срубной культуры // СА. 1974. № 4.
20. *Марковин В. И.* Долмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978.
21. *Белый А. В.* Работы Бахчисарайского музея // АО — 1980. М., 1981.
22. *Храпунов И. Н.* Работы в Крымской области // АО — 1980. М., 1981.
23. *Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А.* Раскопки курганов у с. Ковалевка // Курганы на Южном Буге. Киев: Наук. думка, 1978.
24. *Вязьмітіна М. І., Іллінська В. А., Покровська Э. Ф., Тереножкін О. І., Ковпаненко Г Т* Кургани біля с. Ново-Пилипивки і радгоспу «Аккермень» // АП. 1960. Т. VIII.
25. *Моруженко А. А., Посредников В. А., Привалов А. И., Зарайская Н. П., Гриб В. К.* Отчет об археологических раскопках курганов в зоне строительства мелиоративных систем на территории Володарского и Тельмановского районов Донецкой области // Научный архив ИА АН УССР. Ф-э 1980/98«а».
26. *Ричков М. О.* Про зображення «ступнів ніг» на антропоморфних стелах доби раннього металу // Археологія. 1982. № 38.
27. *Кубышев А. И.* Работы Херсонской экспедиции // АО — 1979. М., 1980.
28. *Отрощенко В. В.* Раскопки курганов в Запорожской области // АО — 1981. М., 1982.
29. *Моруженко А. А., Посредников В. А., Зарайская Н. П., Привалов А. И.* Отчет о раскопках курганов в зоне новостроек Донецкой области, проведенных экспедицией Донецкого университета в 1979 г. // Научный архив ИА АН УССР. Ф-э 1979/89.
30. *Мошкова М. Г., Федорова-Давыдова Э. А.* Работы Цымлянской экспедиции 1970 года // Археологические памятники Нижнего Подонья. Вып. 1. М.: Наука, 1974.
31. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.

S. N. Sanzharov

OHRE IN DRAWINGS OF THE TRIBES OF THE MIDDLE BRONZE AGE IN THE DON

Summary

Recent archaeological studies in the Don area revealed several burials of the catacomb historical entity with ohre drawings on the bottom of burial chambers. The drawings were spirals, lozenges, crosses and other patterns. There are numerous analogies for the most of them in the pottery ornaments and grave goods related to the early metal age in the south of Eastern Europe. An analysis has led the author to conclude that they related to the ancient population's cosmological ideas. An artist's complex found in a catacomb burial (at the village of Naberezhnoe, on the Azov coast) testifies to a wide use of ohre among the catacomb culture population in the drawings of religious symbols.

В. И. ПОГОРЕЛОВ

ЯМНО-КАТАКОМБНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ СРЕДНЕГО ДОНА

В поле зрения исследователей эпохи бронзы Восточно-Европейской степи и лесостепи уже давно находятся погребения так называемого ямно-катакомбного типа, впервые выделенные в начале нынешнего века В. А. Городцовым по результатам раскопок на Северском Донце. Первоначально В. А. Городцов назвал их «сомнительными» [1, с. 179—180], а несколько позже «ямными — катакомбного типа» [2, с. 278] Впоследствии погребения подобного рода были выявлены на Нижнем Дону [3, с. 61; 4, с. 21—124; 5, с. 81—136], в Волго-Донском междуречье [6, с. 181—184], северо-западном Прикаспии [7, с. 58—66], Поднепровье [8, с. 3—14; 9, с. 16—18; 10, с. 46—50] и ряде других территорий. Изучение этих погребений приводило к противоречивым оценкам: они рассматривались либо как переходные от ямной культуры к катакомбной (Б. А. Латынин [11], А. П. Круглов и Г В. Подгаецкий [12, с. 33, 34], О. А. Кривцова-Гракова [13, с. 33—38], Т. Б. Попова [14, с. 50—67], Г Л. Евдокимов [15, с. 46] и др.), либо как результат смешения погребальных традиций этих культур (М. И. Артамонов [16, с. 42], С. С. Березанская и О. Г Шапошникова [17, с. 273—275], Л. С. Клейн [18, с. 49—65], В. А. Фисенко [7, с. 62, 63; 19], Н. Я. Мерперт [20, с. 76] и др.). В последние годы появились мнения о том, что ямная культура определенной частью вошла в катакомбные культуры [9, с. 16—18; 15, с. 45, 46], а дальнейшие исследования [21, с. 41—43; 22, с. 48—50; 23, с. 55, 66] показали наличие на Нижнем Дону, Донце, в Нижнем Поднепровье и Прикубанье горизонта погребений, предшествующего классическим донецким катакомбам, которые до этого определялись древнейшими в круге катакомбных культур [24, с. 79; 25, с. 130—137] Этот горизонт недавно предложено выделить в отдельную приазовскую культуру [26, с. 4—26]

Накопление источников позволило вычленить погребения, сочетающие в себе признаки ямной и катакомбной культур и на Среднем Дону [1]

При отборе ямно-катакомбных погребений в качестве основных критериев учитывались форма могильного сооружения, положение умерших и облик сопутствующего инвентаря.

Анализу подвергнуты 234 учтенных погребений 40 могильников среднедонской катакомбной культуры [2] Ямно-катакомбные признаки сочетают 39 погребений (в это число включены только те погребения, которые поддаются обрядовой классификации) из 17 могильников. Их основные данные отражены в таблице 1.

В целом ямно-катакомбные погребения распространены на всей территории местной катакомбной культуры (рис. 1). Самым северным из них является погребение у с. Новосильское [29, с. 89, 90, 111], самыми южными — у с. Переездная [2, табл. 7, 5] и п. Заканальный [30] На востоке они выявлены в курганах у ст. Петров Вал [6, с. 181—184], западнее могильника у с. Сасовка [31, с. 90—108] курганы исследованы мало.

По форме могильного сооружения погребения ямно-катакомбного типа составляют две группы: захоронения в ямах и катакомбах, которые по положению умерших и облику инвентаря разделены на подгруппы.

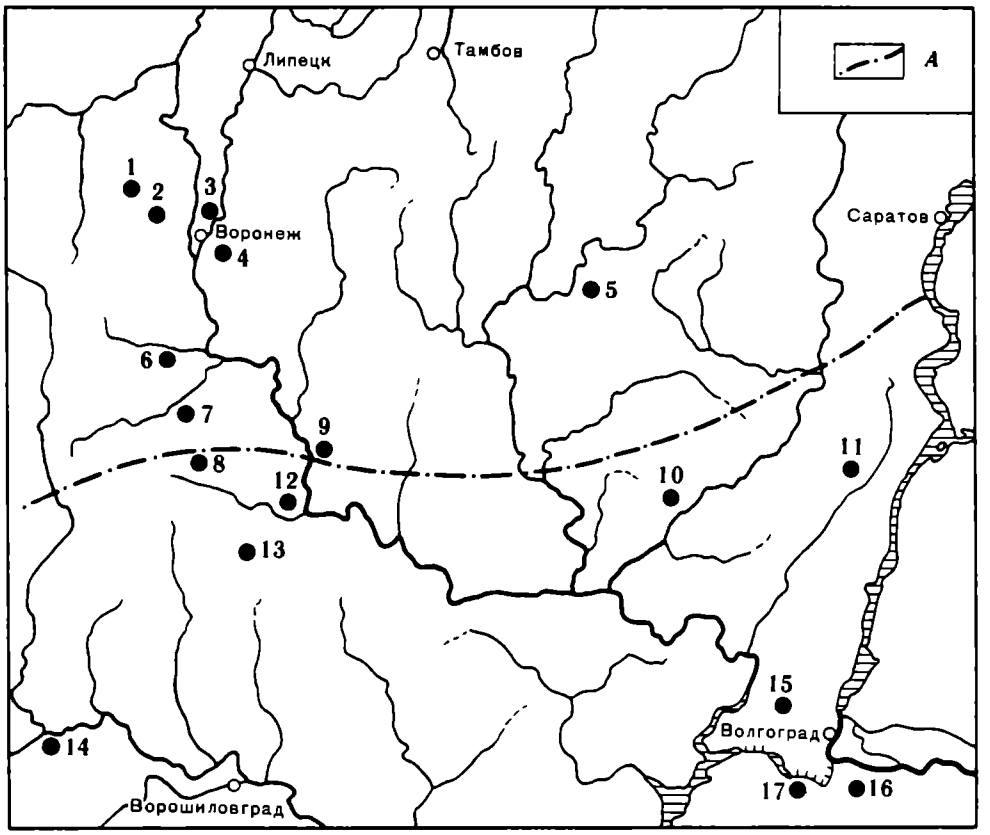


Рис. 1. Карта распространений ямно-катакомбных погребений Среднего Дона. *1* — Новосильское; *2* — Нижняя Ведуга; *3* — Чертовицкое; *4* — Новая Усмань; *5* — Ильмень; *6* — Сасовка; *7* — Стояново; *8* — Караяшник; *9* — Павловск; *10* — Сидоры; *11* — Петров Вал; *12* — Ясиновка; *13* — Пасеково; *14* — Переездная; *15* — Ильевка; *16* — Цаца; *17* — Заканальный. *А* — южная граница лесостепи

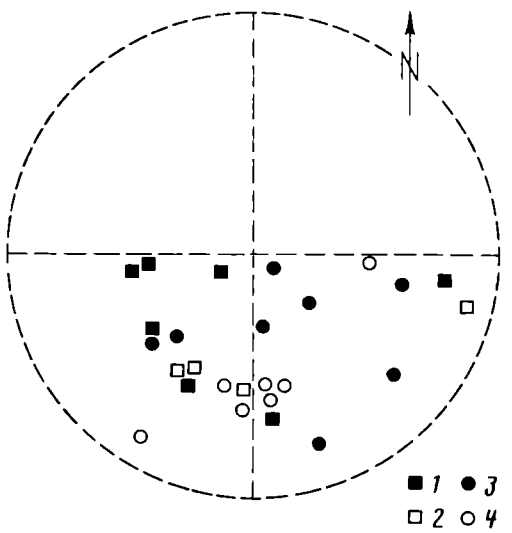


Рис. 2. Совмещенный план местоположения ямно-катакомбных погребений в курганах Среднего Дона. *1* — группа IA; *2* — IБ; *3* — IIA; *4* — IIБ

Основные данные ямно-катакомбных

	Могильник	Исследователь, год	Курган, погребение	Погребальная конструкция		
				основная	яма	
					размеры, м	глубина, м
1	Новосильское	П. М. Еременко, XIX в.	3/1	?	?	?
2	Нижняя Ведуга	М. П. Юргенсон, 1912	2/2	?	3,9×3,7	1,5
3	Чертовицкое	А. П. Медведев, 1978	25		1,9×1,6	0,2
4	Новая Усмань	Ю. П. Матвеев, 1977	1/4	+	4,6×3,0	
5	Ильмень	Н. К. Качалова,	1/2		?	
6		1965—1966	1/7		3,5×3,4	1,2
7			2/3	+		
8			8/2			
9			8/3			
10	Сасовка	А. Т. Синюк, 1973	2/1		4,0×2,5	0,4
11			2/2		1,4×0,9	0,7
12			2/3		1,1×1,0	0,6
13			2/4	+	2,7×1,6	1,0
14	Стоянова	В. И. Погорелов,	1/12	+		
15		1983	2/3		2,6×2,3	0,7
16	Павловск	А. Т. Синюк, 1975—1978	7/1		1,6×0,8	0,2
17			7/3			
18			14/1			
19			14/2			
20	Павловск	А. Т. Синюк 1975—1978	24/3		1,9×1,6	0,7
21			29/1	+		
22			29/2			
23			29/3			
24			29/4			
25			35/3			
26			40/1		1,7×1,3	0,7
27	Караяшник	Ю. П. Матвеев, 1973	1/1	+	2,1×1,5	1,7
28	Ясиновка	Д. О. Шеппинг, XIX в.	1/1	?	?	?
29	Сидоры	В. И. Мамонтов, 1971	21/2		?	?
30	Петров Вал	В. А. Фисенко, 1960	2/2	+		
31			2/3			
32	Пасеково	А. Т. Синюк, 1978	4/2	+	2,2×1,6	1,2
33			4/3			
34	Переездная	В. А. Городцов, 1906	1/6	?		
35	Ильевка	В. И. Мамонтов, 1970	10/9			
36			10/10	+		
37	Цаца	В. П. Шилов, 1962	3/1	+	1,6×0,9	0,8
38			3/2			
39	Заканальный	В. И. Мамонтов, 1967	3/1	+	2,5×1,8	1,5

Группа I. Захоронения в прямоугольных ямах (20 погребений);
подгруппа «А» —положение умерших скорченно на спине, катакомбный инвентарь (14 погребений);
подгруппа «Б» —положение умерших скорченно на правом боку, инвентарь с сохранением ямных черт (6 погребений).

Группа II. Захоронения в катакомбах (19 погребений);
подгруппа «А» —положение умерших скорченно на спине (12 погребений);
подгруппа «Б» —положение умерших скорченно на правом боку, инвентарь с сохранением ямных черт (7 погребений).

Процентное соотношение основных обрядовых признаков групп погребений отражено в таблице 2.

Погребения подгруппы «А» группы I являлись основными в пяти случаях (35,7%). Планиграфически (рис. 2) они локализуются в юго-западном секторе

Таблица 1

погребений Среднего Дона

Погребальная конструкция						
яма	катакомба					
перекрытие	шахта		камера			
	размеры, м	глубина, м	размеры, м	глубина, м	сочленение	закр. устье
?						
+						
+						
+						
	2,3×1,5	2,5	1,8×1,4	2,7	Н	+
	1,4×0,8	0,6	1,3×0,6	0,7	≫	+
	1,8×1,4	0,3	1,6×0,9	0,5	≫	+
	2,1×1,3	1,7	2,5×2,1	2,4	Н	+
+						
	?		2,0×1,3	0,8	?	
	?		1,9×1,6	0,7	?	
	1,3×1,0	0,3	1,6×1,5	0,6	Г	+
	2,0×1,6	1,8	2,8×2,5	2,2	Н	+
	1,5×0,9	1,4	2,0×1,7	2,6	≫	+
	1,7×1,0	1,2	1,9×1,5	1,8	≫	+
	1,5×0,7	1,5	1,7×1,6	2,1	≫	+
	1,1×0,9	0,6	2,2×1,7	0,8	≫	+
+						
+						
?						
?						
	1,6×0,8	1,6	?	?	Н	
	?	?	1,7×1,5	0,5	≫	
	2,3×1,7	1,3	2,6×2,0	2,0	Г	+
	?	?	?	?	?	?
	?	?	?	?	?	?
	?	?	?	?	?	?
	1,8×0,6	1,5	1,7×1,5	1,6	Н	

кургана (пять случаев против двух в юго-восточном). Характерны прямоугольные ямы больших размеров (до 4,0×2,5 м) с четко выделенными углами и большой глубиной (до 1,5 м). Шесть ям имели деревянные перекрытия. Преобладают индивидуальные захоронения, но именно в этой группе более всего парных (35,7%). Умершие положены на спину скорченно. Угол между направлениями позвоночника и бедренных костей всегда более 90°. Ориентировка неустойчивая (рис. 3, *2*), но преобладают западная (31,6%) и северная (21,1%). Для 57% погребений зафиксирована подсыпка охры, для 42,9% — наличие органических подстилок. В четырех случаях в могилы помещены кости жертвенных животных. Инвентарь погребений довольно беден: глиняные сосуды и жаровни, украшенные оттисками гребенчатого штампа, шнура (рис. 3, *3—8*); бронзовый листовидный нож с узким лезвием (рис. 3, *13*); бусы — медные (рис. 3, *11*), пастовые (рис. 3, *9*) и перламутровые (рис. 3, *12*); кремневые наконечники стрел с выемкой в основании (рис. 3, *10*).

Окончание таблицы 1

	Обряд							Инвентарь				
положение	ориентировка	угол скорч.	подстилка	охра	мел	следы огня	кости животных	керамика	металл	кость	камень	астрагалы
1 Сп.	ЮЗ	Т	+	+				1				
2 »	ЮВ	»	+	+		+	+	3			+	
»	»	»										
3 Пр.	Ю	»						1				
4 Сп.	С	»					+		+	+	+	
5 »	»	»						2				
6 »	СВ	»	+	+				1		+	+	
7 »	ЮВ	»	+	+				1	+		+	
8 »	СВ	»		+					+			
9 »	ЮВ	»	+					1				
10 »	ЮЗ	»					+	1				
»	З	Т										
11 Пр.	Ю	П		+		+		1				
12 »	СВ	»		+		+		1				
13 »	ЮВ	»						1				
»	ЮВ	»										
14 Сп.	С	Т	+	+				1			+	
15 »	З	»	+	+				2			+	
Пр.	З											
16 »	Ю	П		+				1				+
17 »	ЮЗ	»	+	+				1				
18 »	ЮЗ	Т		+				1				
19 »	Ю	П	+	+				2	+			
20 Сп.	Ю	Т	+	+				1	+			
Пр.	С	»										
21 Сп.	В	»	+	+	+					+	+	
22 Пр.	Ю	»		+				1				
23 »	Ю	»	+	+				2	+			+
»	Ю	»										
24 Сп.	С	»	+	+				1				
25 Пр.	З			+	+			2				
26 Сп.	ЮВ	Т		+			+	2				
27 »	З	»						2				+
28 »	С	?						1				
29 Пр.	ЮВ	?	+	+	+		+	1		+	+	+
30 Сп.	Ю	П	+									
»	Ю	»										
31 »	СВ	Т	+					2				
32 »	З	»	+	+				1				
»	З	»										
33 Пр.	В	»	+	+				2				
34 Сп.	С	?		+				1				
35 »	В	?					+	1	+			+
36 »	»	?						1				
37 »	»	Т		+				2	+		+	
38 »	»	»					+	1				
39 »	»	»						2				

Примечание. Размеры и глубина погребений даны с точностью до 0,1 м. Н — длинные оси шахты и камеры параллельны, Г — длинные оси шахты и камеры перпендикулярны; Сп — спина, Пр — правый бок; Т — тупой, П — прямой.

Из погребений подгруппы «Б» группы I основным являлось лишь одно. Планиграфически они также занимают в основном юго-западный сектор кургана (рис. 2). По сравнению с погребениями подгруппы «А» ямы имеют меньшие размеры (до 2,7×1,6 м) и глубину в материке (до 1,0 м). Одно из них безкурганное (Чертовицкое [32, с. 98, 99]). Умершие положены скорченно на правом боку. Преобладает прямой угол скорченности (83%). Ориентировка (рис. 4, *2*) преимущественно южная (43%) и юго-восточная (43%). За одним исключением захоронения индивидуальны. Характерно присутствие охры. Еди-

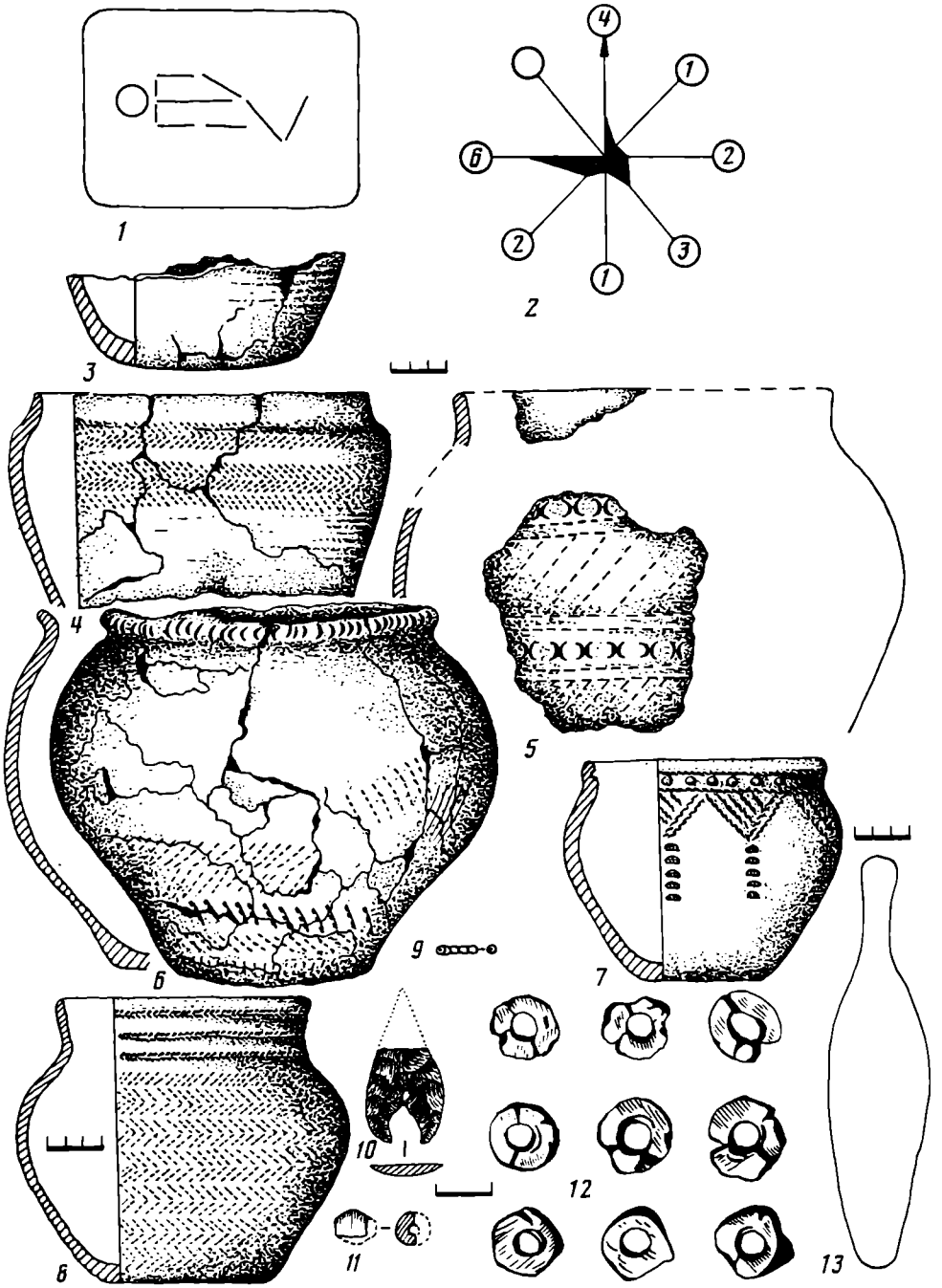


Рис. 3. Обрядовые признаки и инвентарь ямно-катакомбных погребений Среднего Дона. Группа IA. *1, 2* — обряд; *3—8* — керамика; *9* — паста; *10* — кремень; *11* — медь; *12* — раковина; *13* — бронза (*3, 10, 12* — Ильмень-1/7; *4, 9, 11* — Павловск-24/3; *5* — Пасеково-4/2; *6* — Сасовка-2/1; *7* — Ильмень-1/2; *8* — Новосильское-3/1; *13* — Цаца-3/1)

ничны органические подстилки, подсыпка мела, кости жертвенных животных. Инвентарь также беден: глиняные сосуды, орнаментированные оттисками гребенчатого штампа и шнура (рис. 4, *3—6*); в двух погребениях найдены астрагалы, в одном — обломок клыка кабана и абразивный камень.

Погребения подгруппы «А» группы II основными являлись в пяти случаях (41, 7%). Преимущественно они располагаются в юго-восточном секторе кургана (шесть раз) и лишь дважды в юго-западном (рис. 2). Катакомбы имеют совершенные формы, длинные оси входных шахт и камер параллельны («Н»-образное сочленение). Пол камеры всегда ниже пола шахты, тем самым

Таблица 2

Группа	Подгруппа	кол-во погр.	Основные	Яма	Катакомба	Перекрытие	Закр. устья	Парные	Полож.		Ориентировка							Угол скорч.		Подстилка	Охра	Мел	Следы огня	кости жив-х	Инвентарь				
									спина	Пр. бок	С	СВ	В	ЮВ	Ю	ЮЗ	З	Тупой	Прямой						керамика	металл	Кость	камень	Астрагалы
I	А	14	5 / 35,7	14 / 70	—	6 / 42,9	—	5 / 35,7	—	—	4 / 21,1	1 / 5,3	2 / 10,5	3 / 15,7	1 / 5,3	2 / 10,5	6 / 31,6	17 / 100	—	6 / 42,9	8 / 57,1	—	1 / 7,1	4 / 28,6	14 / 100	3 / 21,4	2 / 14,3	6 / 42,9	—
	Б	6	1 / 16,7	6 / 30	—	—	—	1 / 16,7	—	—	—	1 / 14,2	—	3 / 42,9	3 / 42,9	—	—	1 / 16,7	5 / 83,3	1 / 16,7	4 / 66,7	1 / 16,7	2 / 33,3	1 / 16,7	6 / 100	—	1 / 16,7	1 / 16,7	2 / 33,3
	Всего	20	6 / 30	20 / 100	—	6 / 30	—	6 / 30	17 / 65,4	9 / 34,6	4 / 15,4	2 / 7,7	2 / 7,7	6 / 23,1	4 / 15,4	2 / 7,7	6 / 23,1	18 / 78,3	5 / 21,7	7 / 35	12 / 60	1 / 5	3 / 15	5 / 25	20 / 100	3 / 15	3 / 15	7 / 35	2 / 10
II	А	12	5 / 41,7	—	12 / 63,2	—	6 / 50	1 / 8,3	—	—	3 / 23,1	2 / 15,4	4 / 30,7	2 / 15,4	2 / 15,4	—	—	8 / 80	2 / 20	7 / 58,3	6 / 50	1 / 8,3	—	2 / 16,7	9 / 75	3 / 25	1 / 8,3	3 / 25	1 / 8,3
	Б	7	—	—	7 / 36,8	—	5 / 71,4	1 / 14,3	—	—	—	—	1 / 12,5	—	4 / 50	2 / 25	1 / 12,5	5 / 71,4	2 / 28,6	4 / 52,1	7 / 100	1 / 14,3	—	—	7 / 100	2 / 28,6	—	—	1 / 14,3
	Всего	19	5 / 26,3	—	19 / 100	—	11 / 57,9	2 / 10,5	13 / 61,9	8 / 38,1	3 / 14,3	2 / 9,5	5 / 23,8	2 / 9,5	6 / 28,6	2 / 9,5	1 / 4,8	13 / 76,5	4 / 23,5	11 / 57,9	13 / 68,4	2 / 10,5	—	2 / 10,5	16 / 84,2	5 / 26,3	1 / 5,3	3 / 15,8	2 / 10,5
Итого		39	11 / 28,2	20 / 51,3	19 / 48,7	6 / 15,4	11 / 28,2	8 / 20,5	30 / 63,8	17 / 36,2	7 / 14,9	4 / 8,5	7 / 14,9	8 / 17	10 / 21,3	4 / 8,5	7 / 14,9	31 / 77,5	9 / 22,5	18 / 46,2	25 / 64,1	3 / 7,7	3 / 7,7	7 / 17,9	36 / 92,6	8 / 20,5	4 / 10,3	10 / 25,6	4 / 10,3

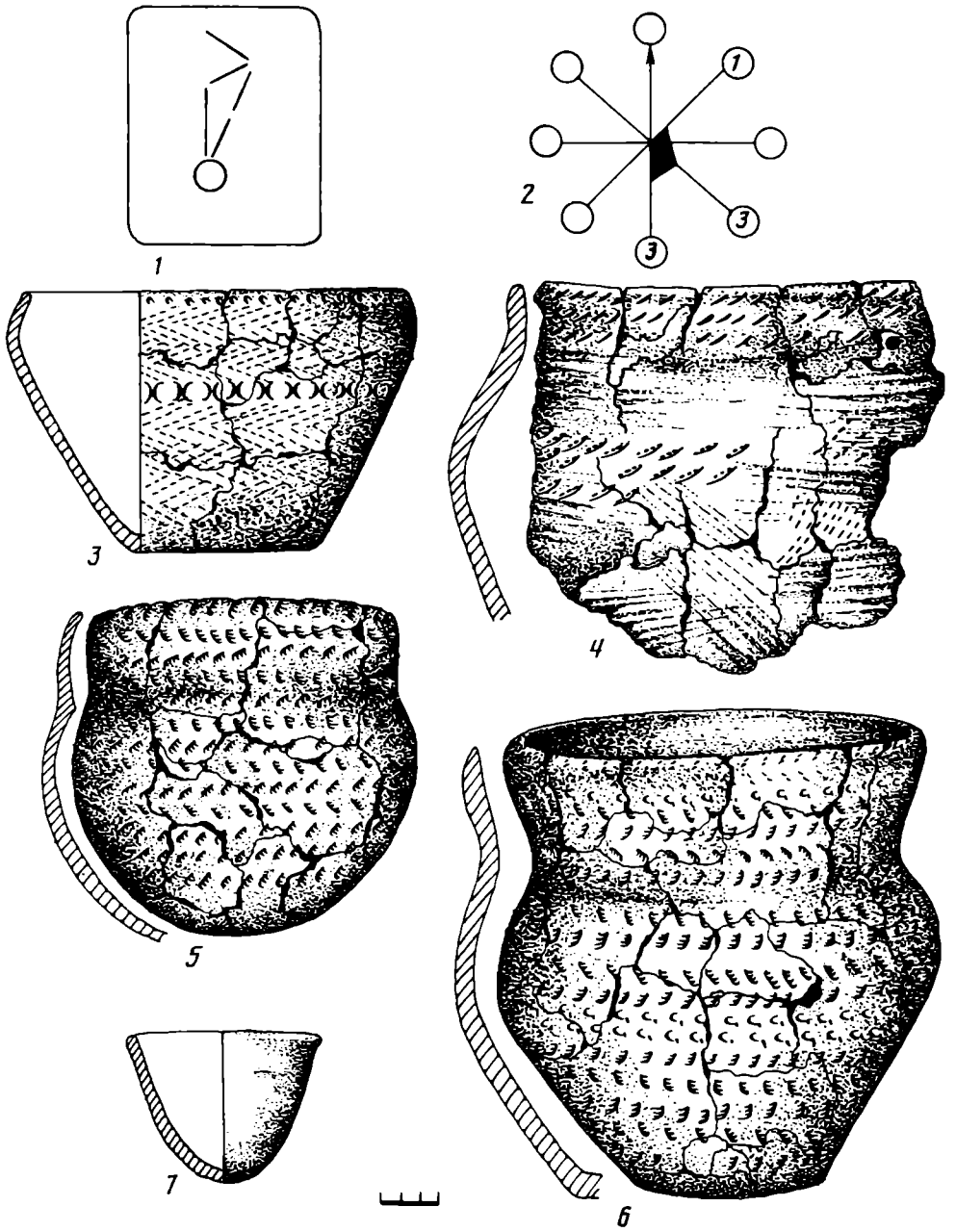


Рис. 4. Обрядовые признаки и инвентарь ямно-катакомбных погребений Среднего Дона. Группа IБ. *1, 2* — обряд, *3—7* — керамика (*3* — Павловск-7/1; *4* — Сасовка-2/2; *5* — Сасовка-2/4; *6* — Сасовка-2/3; *7* — Чертовицкое)

образуется ступенька. В половине их отмечено закрытие устья камеры вертикально поставленными или уложенными горизонтально, что встречается значительно реже (Ильмень-8 / 2)[3] [33, с. 27], Стоянoво-1 / 12 [34]), деревянными столбиками. Парным было лишь одно погребение, все остальные — индивидуальны. Умершие положены скорченно на спине, преобладает тупой угол скорченности (80%). Ориентированы они преимущественно на восток (4 раза) и север (3 раза), по два раза на северо-восток, юго-восток и юг (рис. 5, *2*). Присутствие охры выявлено в половине погребений. Органические подстилки имели 58,3% погребений, в двух случаях отмечено присутствие жертвенной пищи, в одном — мела. Два погребения были безынвентарны, остальные имели довольно бедный набор сопровождавших вещей: глиняные сосуды и жаровни,

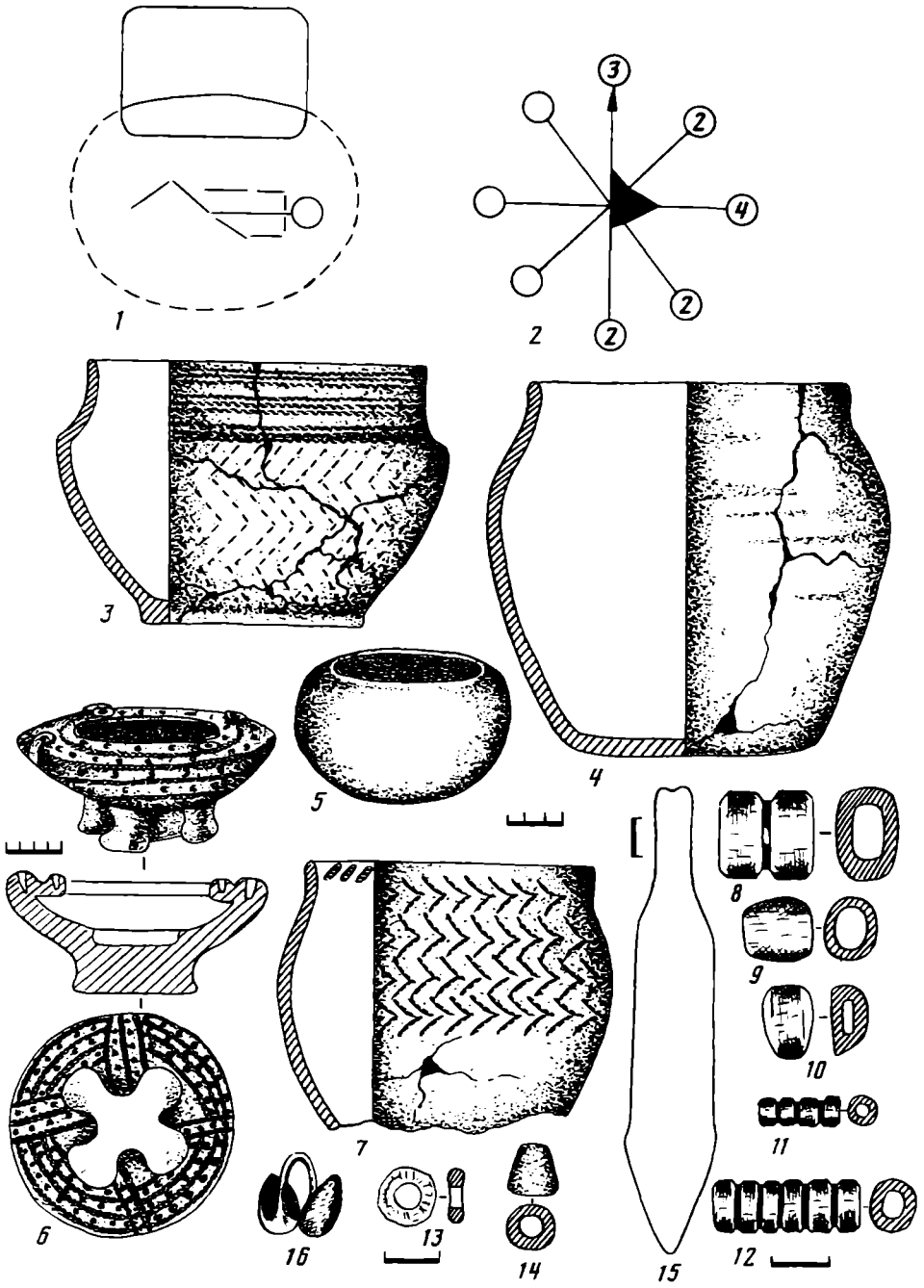


Рис. 5. Обрядовые признаки и инвентарь ямно-катакомбных погребений Среднего Дона. Группа IIA. *1, 2* — обряд; *3—7* — керамика; *8—13* — кость; *14* — камень; *15, 16* — бронза (*3* — Павловск-29/4; *4* — Стояново-1/12; *5* — Цаца-3/2; *6* — Ильмень-8/3; *7, 15* — Ильмень-2/3; *8—12, 13, 14* — Павловск-29/1; *16* — Ильмень-8/2)

украшенные оттисками гребенчатого и шнурового штампов (рис. 5, *3—7*); костяные пронизи с нарезками (рис. 5, *8—12*); бронзовые нож (рис. 5, *15*) и подвески (рис. 5, *16*).

Все погребения подгруппы «Б» группы II впускные. Концентрируются они в южном поле кургана (рис. 2). Преобладает параллельное сочленение длинных осей камер и входных шахт, но дважды встречено и перпендикулярное («Т»-образное). Катакомбы имеют ступеньку, образующуюся в результате того, что пол камеры всегда ниже пола шахты. Характерно закрытие устья камеры

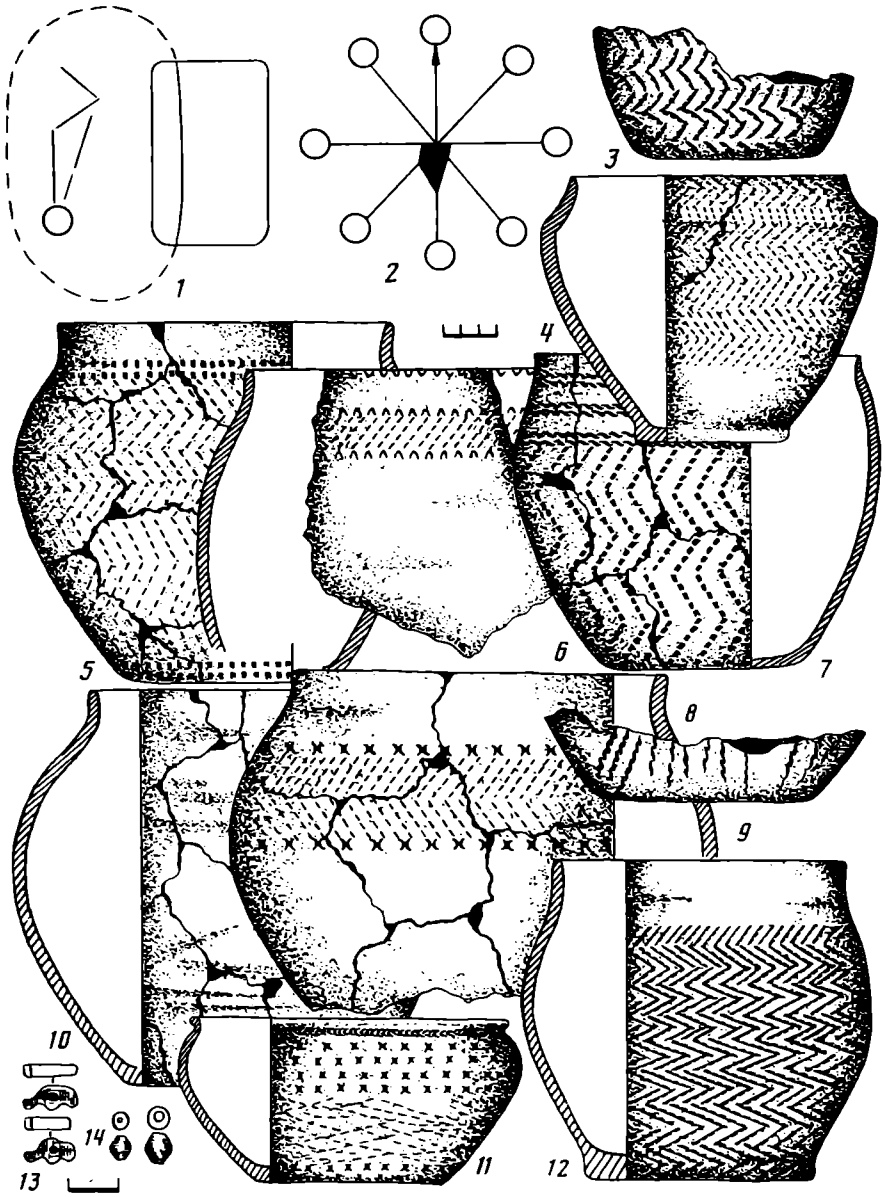
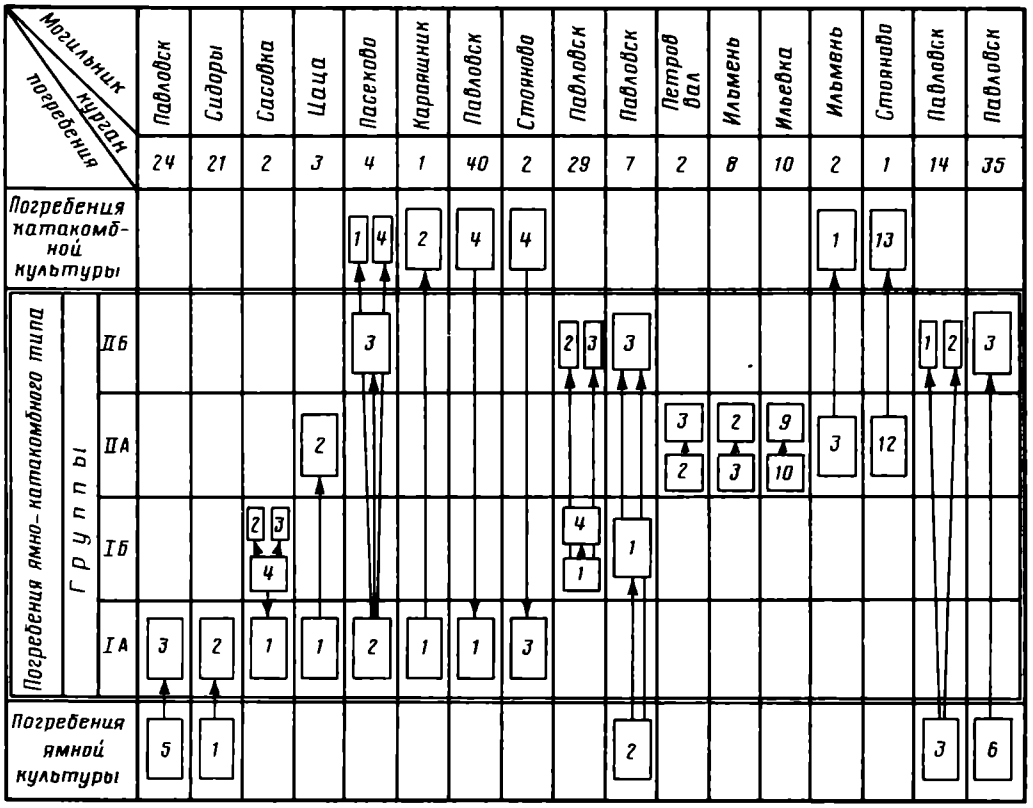


Рис. 6. Обрядовые признаки и инвентарь ямно-катакомбных погребений Среднего Дона. Группа IIБ. *1, 2* — обряд; *3—12* — керамика; *13, 14* — бронза (*3, 13* — Павловск-14/2; *4, 7, 14* — Павловск-29/3; *5, 6* — Павловск-35/3; *8, 9* — Пасеково-4/3; *10* — Павловск-7/3; *11* — Павловск-14/1; *12* — Павловск-29/2)

вертикально поставленными деревянными столбиками. Почти все погребения индивидуальны, парное — лишь одно (Павловск-29 / 3 [35, с. 63]). Умершие располагаются скорченно на правом боку. Угол между столбом позвоночника и бедренными костями чаще тупой (71%), но встречается и прямой. Половина умерших ориентированы на юг, два — на юго-запад, по одному — на запад и восток (рис. 6, *2*). Во всех погребениях зафиксирована охра, в четырех — органические подстилки, в одном — подсыпка мела. Захоронения сопровождались глиняными сосудами, орнаментированными оттисками гребенчатого штампа (рис. 6, *3—12*), бронзовыми бусами (рис. 6, *13, 14*) и астрагалами.

В суммарном виде погребения ямно-катакомбного типа являлись основными в курганах в 11 случаях, что составляет 28% от их общего числа. В преобладающем большинстве это скорченные на спине захоронения в ямах (группа IA) и катакомбах (группа IIA). Размеры насыпей над ними соответствуют опреде-

Таблица 3



ленному «стандарту» ямных курганов — 17—20 м [35, с. 121] В основной же массе ямно-катакомбные погребения впущены в курганы более раннего времени. Случаи стратификации их в целом немногочисленные (таблица 3), но позволяют сделать некоторые выводы. Погребения следуют за собственно ямными захоронениями (Павловск, кург 7, 14, 24, 35 [35]; Сидоры, кург. 21 [36]) и большей частью предшествуют погребениям развитого и позднего этапов среднедонской катакомбной культуры (Пасеково, кург. 4 [37]; Ильмень, кург. 2 [33]; Стояново, кург. 1 [34]) Стратиграфический приоритет погребений развитого этапа местной катакомбной культуры над ямно-катакомбными погребениями отмечен дважды (Павловск, кург 40; Стояново, кург 2), но в обоих случаях, судя по облику инвентаря, впускные погребения характеризуют развитый и поздний этап культуры, а скорченное на спине положение умерших отражает определенную реминисценцию ямных погребальных традиций, о чем будет сказано ниже. Кроме того, обратная стратификация ямно-катакомбных и собственно катакомбных погребений лишь подтверждает вывод о довольно длительном сохранении в погребальном обряде местной катакомбной культуры ямных традиций [35, с. 133—160]

Строгой выдержанности в планиграфическом размещении ямно-катакомбных погребений Среднего Дона нет, как, например, на Нижнем Дону и Северском Донце, где самые ранние катакомбные погребения занимают северо-восточный сектор кургана [25, с. 18] Но необходимо отметить, что все погребения этого типа выявлены в южной половине кургана и для захоронений группы IА преимущественно избирался юго-западный, а для группы IIА — юго-восточный сектор кургана (рис. 2).

Ориентировка умерших в целом неустойчива. Зависимость ее от местоположения погребения в кургане, устанавливаемая для раннекатакомбных захоронений Нижнего Дона [25, с. 21], не прослеживается, равно как и ее взаимосвязь с половозрастными особенностями погребенных.

Признаки группы погребений IA более всего близки погребальным традициям местной ямной культуры. Так, наличие обширных могильных ям прямоугольной формы с деревянными перекрытиями, присутствие в них органических подстилок, охры, положение умерших скорченно на спине с преимущественной ориентировкой в западном и южном направлениях находят соответствие в первой, а в большей степени во второй и третьей обрядовых группах погребений местной ямной культуры [35, с. 100] Поэтому преобладающая их часть (Сасовка-2/1, Пасеково-4/2, Павловск-24/3, Ильмень-1/2, 1/7, Цаца-3/1 [38, с. 236—239], Заканальный-3/1, Новосильское) могут быть отнесены к ее позднему (второму) этапу [35, с. 129] В самой ямной культуре Среднего Дона А. Т. Синюк отмечает бытование двух близких этнографических групп населения [35, с. 129—130] Обрядовые признаки первой из них (захоронения с восточной ориентировкой) более близки древнеямным погребениям первой — третьей обрядовых групп Нижневолжского региона [39, с. 45], а обрядовые признаки второй (захоронения с западной ориентировкой) — третьей группе древнеямных погребений Донского варианта по классификации Н. Я. Мерперта [39] или седьмой группе погребений Нижнего Подонья по классификации В. Я. Кияшко [40, с. 13, 14] Ямные погребения с западной ориентировкой (вторая обрядовая группа ямных погребений Среднего Дона по классификации А. Т Синюка) отражают южный импульс продвижения ямных групп в донскую лесостепь. Исследования последних лет позволяют конкретизировать представления об исходном регионе этого проникновения, так как ямные погребения с западной ориентировкой локализуются в основном к западу от реки Сал [4, с. 77, 78] По мнению А. Т. Синюка, на втором этапе местной ямной культуры (широкое распространение погребений с западной и южной ориентировкой) в процесс взаимодействия групп ямного населения включаются носители катакомбных традиций [35, с. 131] Наиболее ярко это и отражают ямно-катакомбные погребения группы IA.

Захоронение умерших скорченно на спине в катакомбах (группа IIA) тоже должно рассматриваться как продолжение обрядовых традиций ямных племен, так как для основной массы погребений местной катакомбной культуры характерно положение на правом и в некоторых случаях на левом боку [35; 41]

Инвентарь этих погребений (рис. 3; 5) также сохраняет ямные черты: яйцевидность корпуса сосудов, наличие невысоких слабо профилированных венчиков, иногда образующих при переходе в тулово уступ, орнаментация их оттисками гребенчатого и шнурового штампов в виде горизонтальной елочки. Раковинные бусы (Ильмень-1/7) распространены в энеолитическую эпоху [42, с. 106; 43, с. 32, 33] и практически не характерны для катакомбных культур. Широко представлены в ямных и раннекатакомбных погребениях других территорий нарезные пронизи из трубчатых костей [25, с. 52; 39, рис. 5, *4*; 44, с. 15, 21; 45, с. 8; 46, с. 99], аналогичные которым найдены в погребении группы IIA (Павловск-29/1) Встреченная в одном из погребений этой же группы курильница (Ильмень-8/3) представляет собой, по классификации В. Г Егорова [47, с. 156—163], ранний тип, но в целом традиция помещать в могилы курильницы не характерна для местной катакомбной культуры. Видимо, функционально их заменяют «жаровни» из нижних частей и боковин сосудов, получившие в погребальном обряде этой культуры широкое распространение [35] Жаровни известны и в ранних донецких погребениях [25] Бронзовый нож из погребения группы IA (Цаца-3/1) сопоставляется с ножами четвертой группы, по классификации С. Н. Кореневского, которые были самыми распространенными у ямных племен [48, с. 45] Бронзовый нож из погребения группы IIA (Ильмень-2/3) изготовлен из кавказской мышьяковистой меди [49, с. 137, 140], отнесен С. Н. Кореневским ко второй группе ножей, более всего характерной для катакомбных культур Калмыкии и Нижнего Дона и датирующейся первой половиной II тыс. до н. э. [48, с. 46].

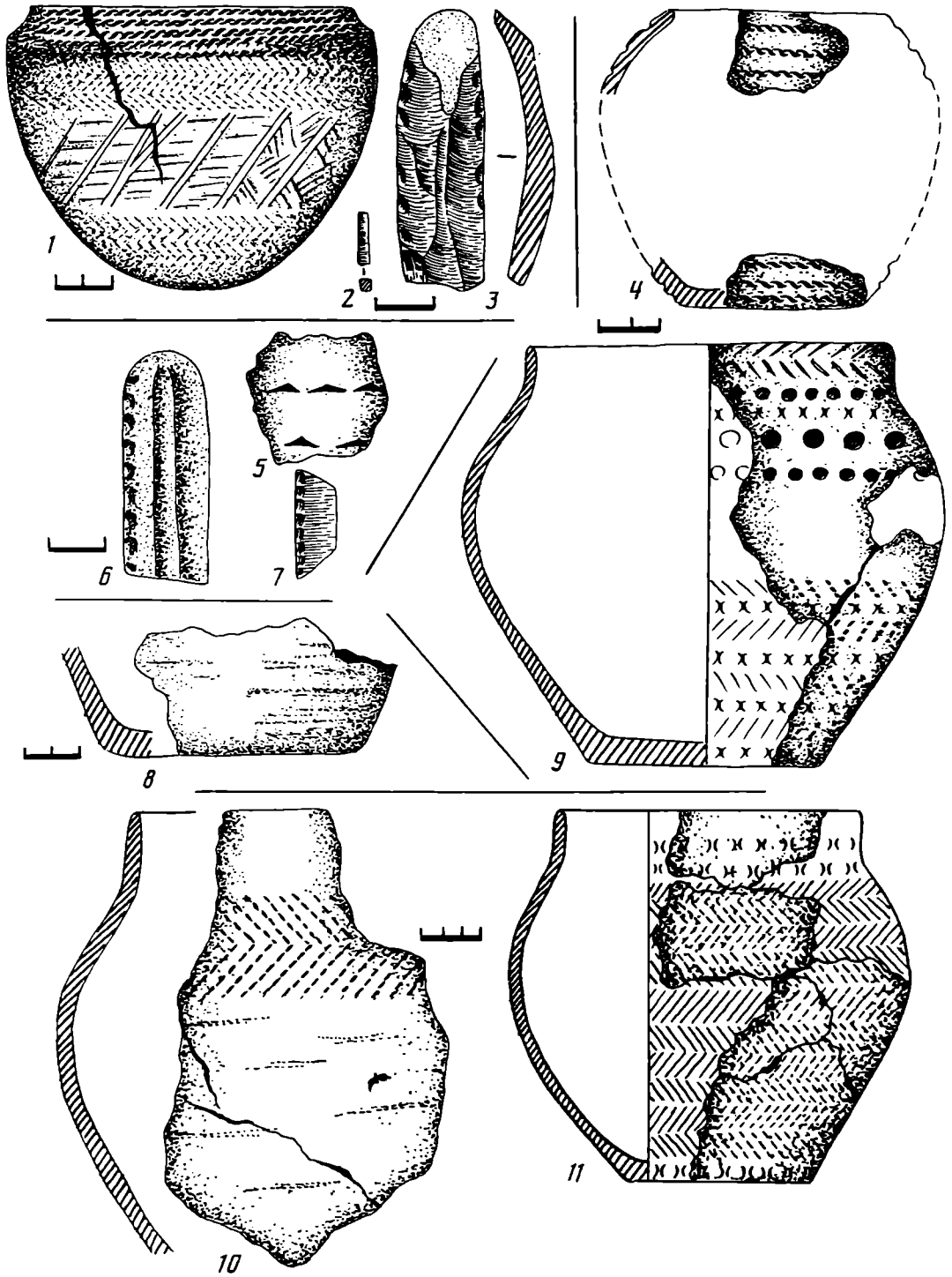


Рис. 7 Инвентарь ямно-катакомбного типа из погребений Среднего Дона. *1, 4, 5, 8—11* — керамика; *2* — медь; *3, 7* — кремень; *6* — кварцит (*1—3* — Павловск-35/3; *4* — Павловск-1/2; *5—7* — Павловск-5/2; *8* — Павловск-5/1; *9* — Павловск-54/3; *10, 11* — Павловск-35/4)

Круг материалов ямно-катакомбного облика можно расширить, если обратиться к данным некоторых погребений Среднего Дона, не определяющихся по обряду. Так, сюда могут быть отнесены комплексы вещей из ям с уступами (рис. 7, *1—8*), если следовать мнению о том, что наличие уступов и ступенек в могилах ямной общности признак поздний, одновременный с появлением катакомбных культур [39; 50, с. 11; 51, с. 11—12; 52, с. 44; и др.] Кроме того, некоторые сосуды (рис. 7, *9—11*) сопоставляются типологически.

Сохранение в инвентаре черт ямной культуры явилось определяющим при выделении групп погребений IБ и IIБ, которые по обряду (положение на правом боку скорченно с явно преобладающей южной ориентировкой) характеризуют уже специфику местной катакомбной культуры и включаются в выделенный недавно А. Т. Синюком ее ранний (павловский) этап [35] Традиции ямных племен проявляются прежде всего в облике сосудов: невысокий венчик, плавно выходящий из яйцевидного тулова, иногда образующий уступ, орнаментация оттисками гребенки или перевитого шнура в виде горизонтальной елочки. Количество погребений этих групп также может быть увеличено, если сюда привлечь захоронения на правом боку скорченно с южной ориентировкой в прямоугольных ямах (IV обрядовая группа погребений, по классификации А. Т. Синюка, занимающая в среднедонской катакомбной культуре нижний стратиграфический горизонт [35, с. 113]), которые не сопровождались инвентарем, и захоронения в катакомбах, которые стратиграфически предшествуют погребениям четвертой обрядовой группы, что на Среднем Дону зафиксировано дважды (Павловск, кург. 55; Лофицкое, кург. 1 [53])[4] Это возможно в том случае, если безынвентарность признавать характерной чертой погребального обряда ямных племен. Но пока для отнесения этих погребений к кругу ямно-катакомбных только одного основания, видимо, недостаточно. Необходимы дальнейшие наблюдения.

Сохранение обычая захоронений в прямоугольных ямах, как продолжение погребальных традиций ямного населения, наблюдается на протяжении всей истории среднедонской катакомбной культуры. В курганах полностью изученного Павловского могильника захоронения катакомбной культуры в ямах совершены 62 раза, а в катакомбах — 38 раз [35] В связи с этим вывод Ю. П. Матвеева о том, что обряд захоронений в катакомбах являлся преобладающим в местной культуре [41], представляется мало убедительным. Именно в двойственном характере погребальных конструкций генерируется ее важнейшее своеобразие. Положение умерших скорченно на спине зафиксировано в погребениях, которые на основании облика сопутствующего инвентаря (рис. 8) несомненно сопоставляются с развитым (Павловск-40 / 1; Ясиновка [54, с. 62—66]; Петров Вал-2 / 3; Стояново-2 / 3) и даже поздним (Караяшник-1 / 1 [55, с. 145]; Новая Усмань-1 / 4 [56, с. 72, 73]) этапами среднедонской катакомбной культуры[5], отражая периодические реминисценции или прямую резервацию ямных традиций.

Ямно-катакомбные погребения отражают сложный процесс становления местной катакомбной культуры. Ранее был сделан вывод о пришлом ее характере [32, с. 79, 80; 41; 55, с. 146, 147; 60] В опубликованной недавно книге А. Т. Синюка обоснован вывод о ямной основе среднедонской катакомбной культуры [35, с. 133—150] Дальнейшее изучение донских погребений и поселений позволило признать определенное участие в ее сложении пережиточных среднестоговских традиций (Сасовка, кург 2 [31]) и ямно-репнинского субстрата (поселение «Терновое» [61]). Таким образом, несомненен факт, что некоторые энеолитические, а в большей степени ямные этнокультурные традиции вошли компонентом в местную культуру средней бронзы.

Обширные размеры, совершенство форм ранних катакомбных конструкций Среднего Дона (группа II) заставляют признать их привнесенность извне в уже сложившемся виде. «Н»-образный облик катакомб не находит аналогий в самых ранних погребениях донецкой группы, для которых характерны «Т»-видные формы [25, с. 31] Более близкими по пропорциям оказываются погребальные конструкции племен предкавказского катакомбного мира [19, 62 и др.], которые могли быть заимствованы ямным населением Среднего Дона практикой экзогамного брака. Небезынтересно в связи с этим отметить, правда с определенной оговоркой на единичность выборки, что в двух определяемых для второй группы случаях (Павловск-7 / 3, 35 / 3) погребенные были женщинами [63, с. 183—191] В двух погребениях первой группы (Павловск-24 / 3, Стояново-2 / 3)

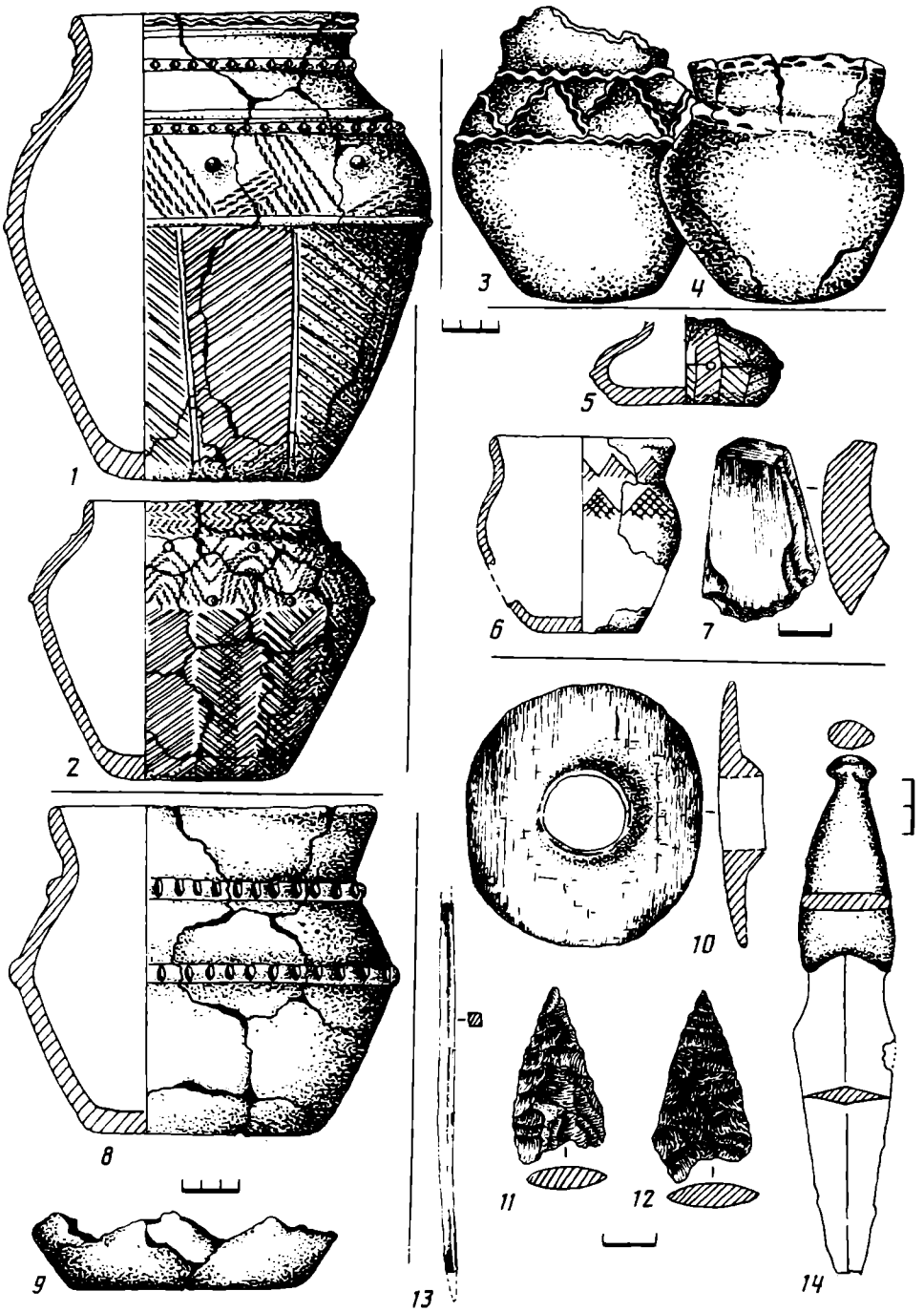


Рис. 8. Инвентарь катакомбного типа из погребений Среднего Дона. *1—6, 8, 9* — керамика; *7 11, 12* — кремень; *10* — кость; *13, 14* — бронза (*1, 2* — Стояново-2/3; *3, 4* — Петров Вал-2/3; *5—7* — Караяшник-1/1; *8, 9* — Павловск-40/1; *10—14* — Новая Усмань-1/4)

мужчины были захоронены по ямному обряду, а женские скелеты располагались при них явно в подчиненной позе и на правом боку в соответствии с погребальными традициями катакомбных племен.

Определенное значение для решения этого вопроса имеют и данные палеоантропологии, хотя среди специалистов по ряду положений нет единого мнения. Так, коренные отличия серий черепов ямного и катакомбного населения степей Восточной Европы отмечали ранее Г Ф. Дебец [64, с. 104] и М. М. Герасимов [65, с. 464], что служило им основанием для вывода о резкой смене антропологи-

ческого типа при переходе древнеямного этапа в катакомбный. Ныне отсутствие прямой генетической преемственности между древнеямными и катакомбными племенами подчеркивают С. И. Круц [66, с. 170] и А. В. Шевченко [67]. Другие исследователи отмечают близость антропологических типов носителей ямной и катакомбной культур вплоть до признания возможности участия ямного населения в этногенезе катакомбного (Т С. Кондукторова [68, с. 33—35; 69, с. 79], Г П. Зиневич [70], Б. В. Фирштейн [71, с. 122], Л. А. Мельник [72, с. 80] и др.). Для территории Среднего Дона В. П. Алексеев отмечает значительные различия в морфологическом облике черепов ямной и катакомбной культур [63, с. 188] Важно, что проанализированные им краниологические серии происходят из погребений собственно ямных и развитого позднего этапов местной катакомбной культуры, что предполагает значительный хронологический разрыв между ними. Инородной традицией в катакомбной культуре Среднего Дона является и распространение обычая искусственной деформации черепов (около 64% [63, с. 190]). Интересно отметить, что в четырех определяемых для ямно-катакомбных захоронений случаях черепа имели признаки искусственной деформации и среди них один из погребения группы IA (Пасеково-4 / 2). Все это также свидетельствует о включении в местную культуру средней бронзы пришлого этнического компонента.

Вопрос об исходном регионе катакомбного воздействия на местную культуру ранней бронзы не может быть решен однозначно, так как оно проявляет себя многопланово. Не затрагивая деталей, обратим внимание только на распространение обычая хоронить умерших скорченно на правом боку, характерно для донецкой группы, и в то же время недонецкой традиции «Н»-образного сочленения камер и шахт катакомбных конструкций. Как уже отмечено А. Т Синюком [35], именно множественность импульсов воздействия и позволила местному пережиточно-энеолитическому и ямному населению произвести отбор культурных традиций, которые определили затем специфику среднедонской катакомбной культуры. Для окончательного решения этого вопроса данных только погребального обряда недостаточно.

Датировка ямно-катакомбных погребений Среднего Дона должна определяться в соответствии с хронологией местных ямной и катакомбной культур, которая разработана исследователями достаточно хорошо, начиная с Г В. Подгаецкого [28] и П. Д. Либерова [60], а особенно в работах последних лет [35, 41, 55] Занимая основной своей частью промежуточное положение между ямными и катакомбными развитого этапа погребениями, наиболее ранние из них (группы IA и IIA) могут быть датированы концом III — началом II тыс. до н. э. [6], а более поздние (группы IБ и IIБ) — первой четвертью II тыс. до н. э. Не противоречат таким датировкам и линии сопоставления основных категорий сопровождавшего инвентаря с материалами других территорий.

Таким образом, ямно-катакомбные погребения Среднего Дона отражают процесс смешивания местных ямных и пришлых катакомбных традиций, равно как и длительное сохранение в погребальном обряде среднедонской катакомбной культуры ямного компонента. Абсолютно все их нельзя рассматривать древнейшими в местной катакомбной культуре. Поэтому при определении хронологического приоритета той или иной группы погребений недостаточно, видимо, учитывать только сохранение старых традиций, поскольку хронологический и территориальный контакт культур предполагает собой наличие и «чистых» комплексов, предшествующих «смешанным». В погребениях ямно-катакомбного типа отчетливо проявляется специфика среднедонской катакомбной культуры, заключающаяся, с одной стороны, в синкретизме различных по своему характеру инокультурных традиций, а с другой, в довольно длительном, а в некоторых случаях и обособленном существовании местных этнокультурных линий.

[1] Территориально бассейн Среднего Дона определяется от устья р. Воронеж до впадения в Дон р. Иловли, а географически он в основном соответствует лесостепной зоне, и только южные районы его входят в северную Степь [27].

[2] Термин «среднедонской вариант катакомбной культуры» впервые был введен Г. В. Подгаецким [28]. Значительно позже Т. Б. Поповой для определения донских материалов применено название «харьковско-воронежский вариант» культуры [14], которое также получило распространение в литературе. Во избежание путаницы и в связи с установившимся мнением о рассмотрении вариантов одной культуры в качестве самостоятельных культур области, считаем более правомерным термин «среднедонская катакомбная культура».

[3] Здесь и далее числителем обозначен номер кургана, знаменателем — номер погребения.

[4] Оба погребения не имели сопровождавшего инвентаря.

[5] Инвентарь двух последних из них (рис. 8, *5—7, 10—14*) типологически ближе уже материалам культуры многоваликовой керамики [57, с. 4; 58] или бабинской [59, с. 21—42].

[6] Не совсем ясными в связи с этим остаются основания, которые позволили недавно А. Д. Прялхину изменить хронологические пределы раннего этапа среднедонской катакомбной культуры и датировать его «...в пределах первой — начала второй четверти II тыс. до н. э., с возможной конкретизацией его ранней даты (исключение из этапа самого начала II тыс. до н. э.)...» [32, с. 81].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года // Тр. XII АС. Т. I. М., 1905.
2. *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года // Тр. XIII АС. Т. I. М., 1907.
3. *Иессен А. А.* Раскопки курганов на Дону в 1951 году // КСИИМК. 1954. Вып. 53.
4. *Мошкова М. Г., Федорова-Давыдова Э. А.* Работы Цимлянской экспедиции 1970 года // Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. I. М.: Наука, 1974.
5. *Федорова-Давыдова Э. А., Горбенко А. А.* Раскопки Шахаевской курганной группы в 1971 году // Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. 1. М.: Наука, 1974.
6. *Фисенко В. А.* Памятники катакомбной культуры у станции Петров Вал // СА. 1964. № 4.
7. *Фисенко В. А.* Погребения ямно-катакомбного типа Калмыкии и их место среди памятников бронзовой эпохи северо-западного Прикаспия // СА. 1970. № 1.
8. *Васильченко С. А.* К вопросу о взаимоотношении ямной и катакомбной культур в Поорелье // Некоторые вопросы археологии Украины. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1977.
9. *Шилов Ю. А.* Исторический процесс в Нижнем Поднепровье середины III — середины II тыс. до н. э. // Тез. докл. конф. «Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы». Донецк, 1979.
10. *Марина З. П.* О погребениях так называемого ямно-катакомбного типа // Древности степного Поднепровья. Днепропетровск: Изд-во Днепропетровск. ун-та, 1982.
11. *Латынин Б. А.* К вопросу о памятниках с так называемой многоваликовой керамикой // АСГЭ. 1964. Вып. 6.
12. *Круглов А. П., Подгаецкий Г. В.* Родовое общество степей Восточной Европы // Изв. ГАИМК. 1935. Вып. 119.
13. *Кривцова-Гракова О. А.* Генетическая связь ямной и катакомбной культуры // Тр. ГИМ. 1938. Вып. VIII.
14. *Попова Т. Б.* Племена катакомбной культуры. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
15. *Евдокимов Г. Л.* О раннем этапе катакомбной культуры в Северном Причерноморье // Тез. докл. конф. «Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы». Донецк, 1979.
16. *Артамонов М. И.* К вопросу о происхождении скифов // ВДИ. 1950. № 2.
17. *Березанская С. С., Шапошникова О. Г.* // СА. 1957 № 2. Рец. на кн.: Попова Т. Б. Племена катакомбной культуры. М., 1955.
18. *Клейн Л. С.* О так называемых ямных погребениях катакомбного типа // СА. 1961. № 2.
19. *Фисенко В. А.* О происхождении и хронологии катакомбной культуры. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1966.
20. *Мерперт Н. Я.* Из истории древнеямных племен // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.: Наука, 1977.
21. *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Происхождение катакомбного обряда в Восточной Европе // Тез. докл. конф. «Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы». Донецк, 1979.
22. *Евдокимов Г. Л.* О культурно-хронологических различиях катакомбных памятников Нижнего Поднепровья, Приазовья и Крыма // Тез. докл. конф. «Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг.». Днепропетровск, 1980.
23. *Шилов Ю. А.* Памятники старосельского типа // Тез. докл. конф. «Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг.». Днепропетровск, 1980.
24. *Клейн Л. С.* О хронологических и генетических взаимоотношениях локальных вариантов катакомбной культуры // Исследования по археологии СССР. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961.
25. *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наук. думка, 1976.
26. *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Древнейшая катакомбная культура Северного Кавказа

и проблема появления катакомбного обряда в Восточной Европе // Катакомбные памятники Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981.
27. *Мильков Ф. Н.* Природные зоны СССР. М.: Наука, 1977.
28. *Подгаецкий Г. В.* Предскифский (доскифский) период на Среднем Дону: Дис. канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1961 // Архив ЛОИА АН СССР. Ф. 47, д. 23.
29. *Шульгин А.* Археологические исследования в Орловском крае // Тр. Орловской УАК. 1906.
30. *Мамонтов В. И.* Отчет об археологических раскопках за 1967 год // Архив ИА АН СССР. Р.-1. № 3472.
31. *Синюк А. Т.* Сасовские курганы на реке Потудани // Древние памятники на территории Восточной Европы. Воронеж, 1983.
32. *Пряхин А. Д.* Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1982.
33. *Качалова Н. К.* Ильменские курганы // АСГЭ. 1970. Вып. 12.
34. *Погорелов В. И.* Отчет об археологических исследованиях на территории Среднего Дона в 1983 году // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 9730.
35. *Синюк А. Т.* Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1983.
36. *Мамонтов В. И.* Отчет об археологических раскопках в 1971 году // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 4456.
37. *Синюк А. Т.* Отчет о раскопках курганов в Павловском и Кантемировском районах Воронежской области в 1978 году // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 7286.
38. *Мамонтов В. И.* Курган эпохи бронзы у с. Цацы близ Волгограда // СА. 1967. № 1.
39. *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974.
40. *Кияшко В. Я.* Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1974.
41. *Матвеев Ю. П.* История населения среднедонской катакомбной культуры: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1982.
42. *Телегін Д. Я.* Середньо-стогівська культура епохи міді. Київ: Наук. думка, 1973.
43. *Васильев И. Б.* Энеолит Поволжья. Куйбышев, 1981.
44. *Латынин Б. А.* Молоточковидные булавки, их культурная атрибутация и датировка // АСГЭ. 1967. Вып. 9.
45. *Телегин Д. Я.* Об абсолютном возрасте ямной культуры и некоторые вопросы хронологии энеолита Украины // СА, 1977. № 2.
46. *Шапошникова О. Г* Катакомбная культурно-историческая область // Origini. Roma, 1969.
47. *Егоров В. Г* Классификация курильниц катакомбной культуры // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970.
48. *Кореневский С. Н.* О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур // СА. 1978. № 2.
49. *Черных Е. Н., Барцева Т. Б.* Исследования металлического инвентаря из материалов Воронежской экспедиции // Население Среднего Дона в скифское время. М.: Наука, 1969.
50. *Телегин Д. Я., Братченко С. Н.* Материалы раннего энеолита, погребения ямной и катакомбной культур // Вильнянские курганы в Днепропетровском Надпорожье. Киев: Наук. думка, 1977.
51. *Шапошникова О. Г., Бочкарев В. С., Шарафутдинова И. Н.* О памятниках эпохи меди-бронзы в бассейне реки Ингула // Древности Поингунья. Киев: Наук. думка, 1977.
52. *Васильев И. Б.* Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979.
53. *Погорелов В. И.* Отчет к Открытому листу № 80 о работах Толучеевского отряда экспедиции Воронежского пединститута в 1982 году // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 9112.
54. *Шеппинг Д. О.* Известие о раскопках двух майданов Воронежской губернии // Древности. 1868. Т. I.
55. *Матвеев Ю. П., Синюк А. Т.* Новые материалы к изучению бронзового века на Среднем Дону // СА. 1977 № 1.
56. *Пряхин А. Д., Матвеев Ю. П.* Новоусманский могильник эпохи бронзы в Воронежской области // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979.
57. *Березанская С. С.* Основные результаты изучения культуры многоваликовой керамики // Тез. докл. конф. «Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы». Донецк, 1979.
58. *Ковалева И. Ф.* Север степного Поднепровья в среднем бронзовом веке. Днепропетровск: Изд-во Днепропетровск. ун-та, 1981.
59. *Братченко С. Н.* К вопросу о сложении бабинской культуры (многоваликовой керамики) // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев: Наук. думка, 1977
60. *Либеров П. Д.* Древняя история населения Подонья: Автореф. дис. докт. ист. наук: 07.00.06. М., 1971.
61. *Погорелов В. И.* Поселение Терновое в лесостепном Подонье // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев, 1984.
62. *Синицын И. В.* Древние памятники Восточного Маныча. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1978.
63. *Алексеев В. П.* Население эпохи бронзы на Среднем Дону (краниология) // *Синюк А. Т* Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1983.

64. *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР // Тр. ИЭ АН СССР (новая серия). 1948. Т. IV
65. *Герасимов М. М.* Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). М., 1955.
66. *Круц С. И.* Население территории Украины эпохи меди-бронзы. Киев: Наук. думка, 1972.
67. *Шевченко А. В.* Палеоантропология северо-западного Прикаспия в эпоху бронзы: Автореф. дис. ...канд. ист. наук: 03.00.14. М.: ИЭ АН СССР, 1980.
68. *Кондукторова Т. С.* Антроплогічний склад племен території України в епоху бронзи // Матеріали з антропології України. Вып. 4. Київ: Наук. думка, 1969.
69. *Кондукторова Т. С.* Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М.: Наука, 1973.
70. *Зиневич Г. П.* Очерки палеоантропологии Украины. Киев: Наук. думка, 1967.
71. *Фирштейн Б. В.* Материалы к антропологии населения эпохи бронзы Нижнего Подонья // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. Л.: Наука, 1974.
72. *Мельник Л. А.* Антропологическая характеристика населения Орельско-самарского междуречья в эпоху бронзы // Древности степного Поднепровья. Днепропетровск: Изд-во Днепропетровск. ун-та, 1982.

V. I. Pogorelov

THE PIT-CATACOMB BURIALS OF THE MIDDLE DON

Summary

The burials in which the rituals of the pit- and catacomb-grave cultures are intertwined invariably attract the attention of those who study the steppe and the forest-steppe zones of Eastern Europe. The author identifies the burials of this type found in the middle reaches of the Don River. Thirty-nine burials from 17 burial grounds exhibit the combination of the pit- and catacomb-grave cultures. Classified according to the shape of the burial construction the burials fall into two groups: I — burials in rectangular pits; II — burials in catacombs. The laying of the body and the grave goods divide the groups into two sub-groups: A — supine contracted burials, and B — contracted burials on the right side. The grave goods mainly retained the traits of the pit-grave culture. Stratigraphically, the pit-catacomb burials mostly belong to the period between the pit-grave culture proper and the developed and later stages of the catacomb-grave culture in the middle Don. They are found, usually, in the southern side of mounds. The contracted supine burials in pits and catacombs (Groups IA and IIA) are closer to the traditions of the local pit-grave culture where the rite and grave goods are concerned. The contracted burials on the right side (Groups IB and IIB) are close to the earlier stage of the catacomb-grave culture of the middle Don.

Л. А. НОВИКОВА, Ю. А. ШИЛОВ

ПОГРЕБЕНИЯ С ЛИЦЕВЫМИ НАКЛАДКАМИ ЭПОХИ БРОНЗЫ
(Херсонская область)

Летом 1984 г Присивашский отряд Херсонской экспедиции ИА АН УССР исследовал курганную группу из четырех курганов у с. Сергеевка Новотроицкого р-на Херсонской обл.

В северной части группы находился основной курган 3. Высота его от древнего горизонта 2,8, диаметр 55 м. При раскопках обнаружено 15 погребений эпохи энеолита и бронзы, две культовые ямы и ров средневекового времени.

Мы остановимся на двух катакомбных погребениях — 11 и 15, которые отличаются от аналогичных однокультурных захоронений наличием накладок на лицевом отделе черепов погребенных. Эти могилы связаны с последней (пятой) досыпкой кургана.

Погребение 11 (рис. 1) располагалось в 21,5 м южнее репера. Входная яма округлых очертаний, длина 1,35, ширина 1,2 м, дно на глубине 3,4 м от нулевой отметки. Пространство перед входным отверстием в камеру было забито лёссом. Ширина входного отверстия, находившегося под северной стенкой,— 0,8, длина 0,4 м. Камера в плане полусферическая, длина 2,65, ширина 1,95, дно на глубине 3,8 м. В камере у северной стенки находился скелет мужчины средних лет. Скелет располагался строго по линии запад — восток, вытянуто на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на запад. Череп лежал у правого локтя лицом к груди. Шейные позвонки не соприкасались отростками, как обычно, с грудными позвонками, а были смещены к правой ключице. Это обстоятельство, а также местоположение черепа позволяет предположить, что череп был отчленен. В глазницы вставлены шарики охры, на которых прочерчены смеженные веки. Носовые отверстия залеплены смесью сажи и измельченных раковин. Из такой же массы была изготовлена плошка диаметром около 15 см, стоявшая справа от ступней погребенного. У правого плеча пятно охры. Охрой окрашены фаланги левой руки и пространство под ступнями. У левого локтя найден фрагмент сосуда с расчесами, а справа от черепа — обломок плохо сохранившегося деревянного предмета с бронзовыми округлыми пластинами. Диаметры бляшек 0,5; 0,4 и 0,1 см.

Погребение 15 (рис. 2) располагалось в 16 м северо-восточнее нулевого репера. Круглая входная яма (диаметр 1,3 м, глубина от нулевой отметки 4,20 м) была заполнена лёссом. Входная яма соединена с погребальной камерой ступенькой, опущенной на 0,15 м ниже дна входной ямы (длина ступеньки 0,35, ширина 0,8, высота 0,45 м) На ступеньке лежала бычья лопатка и обломок деревянного колеса (рис. 2, *1, 2*). Колесо составное из трех досок. Две доски сохранились в небольших фрагментах. Длина третьей крайней не полностью сохранившейся доски 0,54 м. Диаметр колеса около 60 см. Погребальная камера имела бобовидную форму. Длина камеры 2,65, ширина 1,65 м, дно на глубине 5,05 м, высота свода до 1,1 м. На дне камеры находились скелеты младенца, ребенка около двух лет и молодой женщины, уложенные вытянуто на спине, головами на восток. Скелет младенца слабо скорчен, левая рука немного согнута, кистью положена на таз, правая рука не прослежена. Фаланги рук и ног не сохранились. Череп ребенка находился в северо-восточном углу камеры,

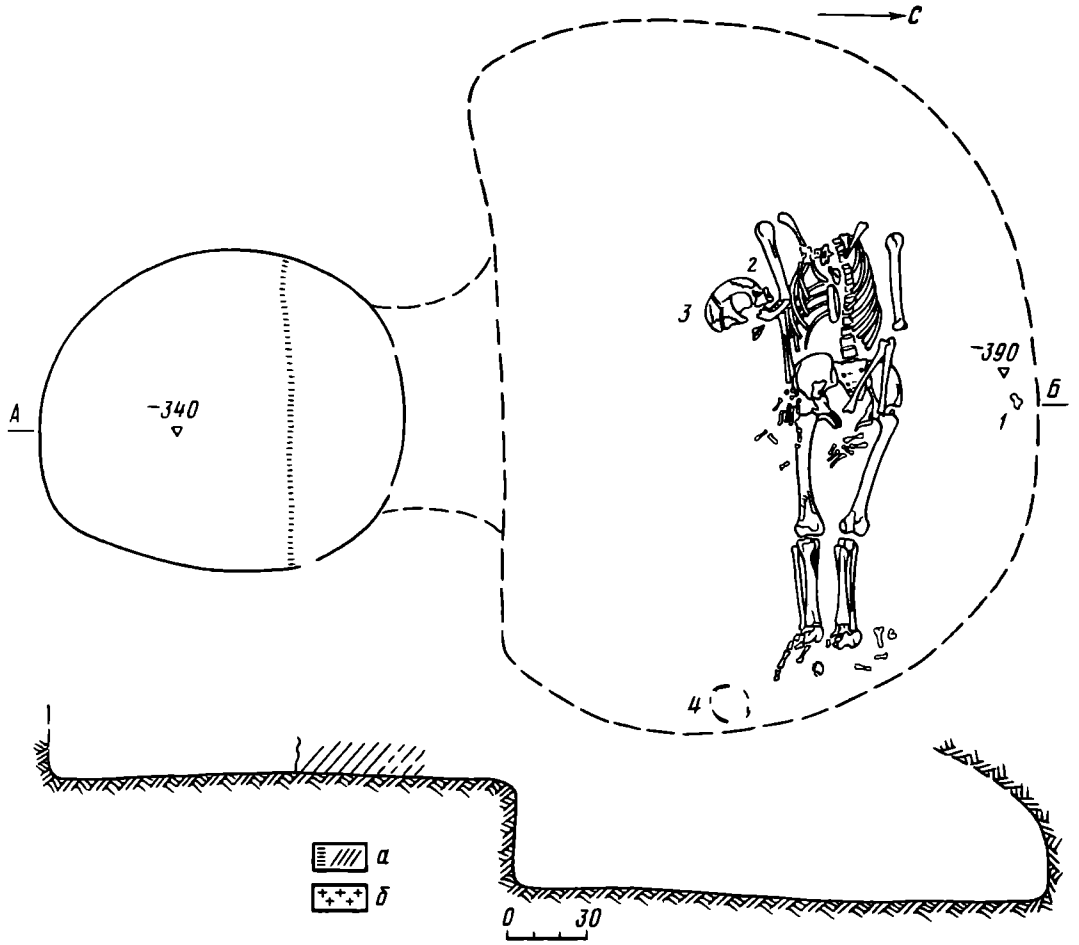


Рис. 1. Сергеевка, кург. 3, погр. 11. *1* — фрагмент керамики; *2* — глазничные вставки; *3* — предмет из дерева с бронзовыми бляшками; *4* — сосуд из золистой массы *а* — лёссовая забутовка; *б* — охра

под норой грызуна. Детские черепа плохой сохранности, накладок на лицевой части черепа не прослежено. Череп женщины лежал на правом плече, теменем к локтю, лицевыми костями к груди. Как и в погр. 11, шейные позвонки располагались по отношению к грудным позвонкам не в анатомическом порядке. Положение черепа дает основания предполагать, что и в данном случае имел место ритуал отчленения головы. В глазничные углубления вставлены шарики из смеси глины и чернозема. На одной из пробок защипом показано смеженное веко. Рот залеплен черноземом, носовая полость заполнена сажей. Дно камеры посыпано мелом, поверх которого прослежены пятна сажи (такое пятно встречено под тазовыми костями женщины) и охры. Наиболее обильная посыпка охрой наблюдалась под грудной клеткой женского скелета. Поверх мела дно было выстлано камкой — морскими водорослями. Толщина этой растительной подстилки достигала 3—4 см. Сверху камки под скелетами пятна сажи и следы одежды из кожи и войлока. Погребенные были посыпаны охрой. Яркие пятна красной охры особенно выделялись на скелете младенца, на берцовых костях ребенка, на черепе и ступнях женщины.

Раскопанные погребения относятся к группе захоронений, характерных для Нижнего Поднепровья и распространенных от р. Молочной на востоке до Днестра на западе [1, 2] Они известны также в курганах Южного Побужья [3] и в степном Крыму [4, с. 163—170] Эта группа определяется вытянутым положением погребенных, своеобразной керамикой и округлыми входными

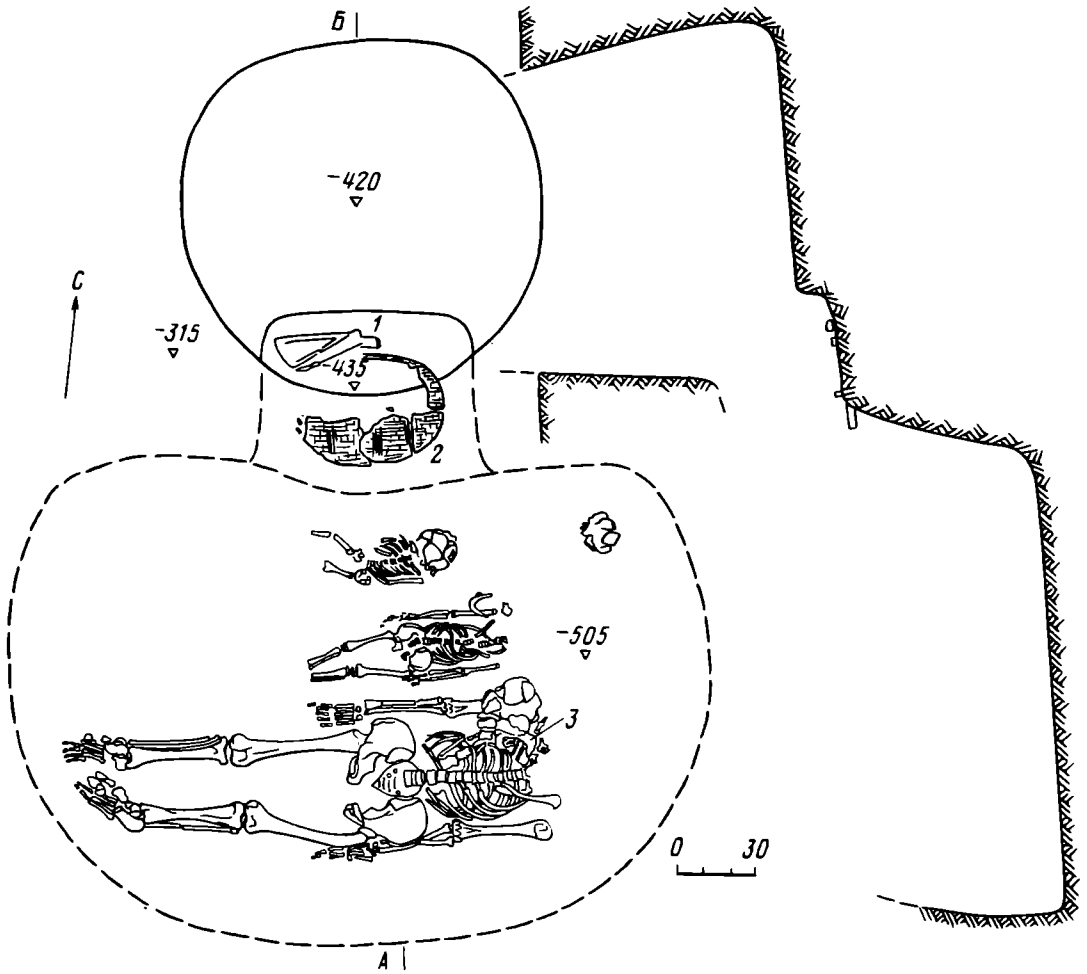


Рис. 2. Сергеевка, кург. 3, погр. 15. *1* — лопатка быка; *2* — колесо; *3* — глазничные вставки

ямами катакомб. Еще О. А. Кривцова-Гракова, исследуя курганы под Никополем, отметила специфику подобных захоронений и назвала их «не только локальным, но и временным вариантом катакомбной культуры» [5]. Сходные погребения, обнаруженные в Поингулье, О. Г Шапошникова выделила в «ингульскую культуру» [6, с. 337] В Нижнем Поднепровье аналогичные погребальные комплексы были названы Ю. А Шиловым «погребениями ингульского типа» [7, с. 9]

Одной из особенностей погребального обряда этой культурной группы можно считать наличие на черепах погребенных глинистой массы с чертами моделировки лица. Подобное покрытие авторы раскопок — А. И. Кубышев, В. В. Отрощенко, С. Ж. Пустовалов, Ю. Я. Рассамакин — называют масками [8, с. 270; 9, с. 300; 10, с. 322] [1] В данном случае этот термин представляется условным, если исходить из представления о более поздней собственно маске, маске-вещи. Нельзя не признать, однако, что всякое моделирование лица человека имеет с антропоморфной маской общую идею — идею создания облика человека. В узком смысле антропоморфная маска являет собой личину, воспроизво-

[1] После подготовки статьи нам стали известны тезисы доклада С. Н. Санжарова, который предлагает отказаться от употребления слов «маска» и «портрет» и использовать термин «моделировка лица». Удобство последнего видится в том, что предлагаемый термин «указывает на направленное действие в отношении лица умершего» и «не содержит готовой идеи» [11, с. 21] На наш взгляд, в данном случае слово «маска» не противоречит дальнейшей линии развития этого феномена культуры, в то время как термин «портретная маска», действительно, неудачен по отношению к рассматриваемой группе погребений ввиду схематичности и условности подобных накладок. Самым реалистично выполненным элементом является, как правило, нос маски.

дящую черты лица человека. В широком смысле под маской подразумевается и любая накладка на лицевой отдел головы человека. Пространный диапазон широкого смысла стремится охватить все многообразие накопленного в настоящее время материала, хоть как-то связанного с лицом человека. Материалы эпохи средней бронзы из катакомбных погребений ингульского типа возвращают нас к одной из ранних стадий формирования идеи маски, где сама идея выступает еще в археморфном, недифференцированном виде. Поэтому в целях дальнейших семантических разысканий мы предлагаем называть налепленную на черепа глину накладкой. Подобные накладки четко распадаются на две группы: антропоморфные и неантропоморфные. Встречено как простое покрытие лицевого отдела черепа охро-глиняной массой (курган 1 у с. Целинное Джанкойского р-на Крымской обл.) [4], так и накладки, моделирующие лица захороненных (курганы на реках Чингул и Молочной — раскопки В. В. Отрощенко и С. Ж. Пустовалова в 1981 г.) [9; 12, с. 20—23; 13] [2]

В рассмотренных погребениях 11 и 15 кургана 3 у с. Сергеевка мы встретились с неантропоморфными накладками, закрывающими основные отверстия лицевого отдела черепа погребенных. Заслуживают внимания и другие элементы обряда, отмеченные в указанных погребениях.

Важен факт наличия в погребении 11 сосуда из раковинно-золотистой массы. Подобной массой был залеплен нос погребенного. Сосуды из золотистой массы с примесью толченых костей черепа человека известны в аналогичных захоронениях Поингулья [6, с. 33; 15, с. 9]

Такая деталь обряда, как закладка обломков деревянных колес во входной яме, уже известна в катакомбных погребениях ингульского типа. У с. Первоконстантиновка в Чаплинском р-не Херсонской обл. в погребении 21 кургана 1 в восточной части входной ямы стояло колесо, от которого сохранилась крайняя доска и часть средней [16, с. 54, рис. 1, *II*] Использование в заслонах камер деревянных колес зафиксировано в курганах у с. Заможное в Запорожской обл. [9, с. 300; 12, с. 22] Комплекс, включающий семь цельных колес и две бычьих лопатки, известен в ямном погребении кургана 1 у с. Староселье Великоалександровского р-на Херсонской обл. [16, рис. 1, *V*]

Необходимо подчеркнуть, что самые близкие раскопанным погребениям особенности обряда: отчленение черепа, наложение неантропоморфной накладки (сплошной, в отличие от наших материалов) на лицевой отдел черепа, толстый слой растительной подстилки — мы находим в катакомбе 25 кургана 1 у с. Целинное Крымской обл. [4, с. 163—170] Авторы публикации Е. И. Данилова и В. Н. Корпусова, основываясь на данных тщательного антропологического анализа, проведенного антропологом Е. И. Даниловой, предложили два варианта объяснения характера захоронения. Первое толкование: «... был погребен частично разложившийся (скелетированный труп)» [4, с. 167] Авторы склоняются в пользу второй версии: было совершено «захоронение, сопровождавшееся особым ритуалом, с последующим перезахоронением неполностью отмацерированного скелета» [4, с. 167 168]

Если принять второй вариант объяснения, то возникают следующие вопросы. Первый — по каким признакам была определена отмацерированность скелета (первая версия не содержит этого важного наблюдения)? Второй вопрос — что значит последующее перезахоронение в этом случае? Сознавая некоторую противоречивость второго варианта объяснения, сами авторы отмечают, что «охро-глиняная маска» на лице погребенного имела «следы негативных отпечатков многих мягких частей: носа, наружных отделов глазниц... наружных

---

[2] В. В. Отрощенко и С. Ж. Пустовалов различают полное и неполное моделирование лица по черепу. Первая группа включает три типа, вторая — пять. К сожалению, авторы пока не представили научной публикации своих материалов, а эта классификация была изложена в тезисах докладов на конференции «Религиозные представления в первобытном обществе» [14], которая проходила уже после принятия в печать данной статьи.

слуховых отверстий» [4, с. 167] Все эти моменты еще предстоит уточнить, чтобы правильно понять характер захоронения и восстановить последовательность ритуальных действий, совершаемых над телом умершего.

Сочетание всех элементов погребальной ситуации в описанных погребениях вводит нас в круг древних представлений о мире и человеке. Прежде всего важно понять смысловое назначение лицевых накладок. Наши материалы дают возможность предварить будущее, более всестороннее исследование постановкой вопроса о функции накладок на лицевом отделе черепов погребенных. Смысловая соотнесенность накладок с элементами моделирования лица (и позднее собственно масок) прослеживается уже в погребальном обряде племен ингульского варианта катакомбной культуры [3] В катакомбе кургана 6 у с. Заможное под Токмаком в Запорожской обл. в глазницы черепа погребенного мужчины были вставлены глиняные конусы с нанесенными линиями сомкнутых век, зубы прикрыты пластиной черного вещества. Моделированной частью был только нос, сделанный из смеси глины и охры [12, с. 21] Этот случай интересен тем, что здесь нет полностью моделированного глиняного лица, как на известном черепе из Иерихона (докерамический неолит В) [19, рис. 18], а представлена как бы тенденция поиска, «нащупывающего» возможности воссоздания черт человеческого лица.

Мы пока что касаемся древнейшей традиции погребального ритуала, связанной с закрытием лица умершего человека. В нашем случае это отдельные накладки на отверстия лицевого отдела черепов погребенных. Отвлекаясь сейчас от более поздних толкований обряда закрытия лица покойных, мы попробуем обратиться к наиболее ранним письменным свидетельствам, имеющим отношение к нашей теме. Мы отдаем себе отчет в том, что привлечение письменных источников требует известной осторожности. Существующий хронологический разрыв между материальными и письменными источниками продолжает останавливать исследователей в их естественном стремлении обратиться к словесному оформлению мысли, зафиксированному в памятниках письменности. Не исключено, однако, что временной разрыв в некоторых случаях может оказаться фикцией, порожденной состоянием самих хронологических изысканий. Наряду со страхом «переступить» хронологический порог есть и боязнь этнических ассоциаций. Ведь, как правило, письменные источники уже имеют некую культурную окраску, в то время как этническая атрибуция археологических культур является предметом споров. Тем не менее оправданное желание археологов вдохнуть жизнь и смысл в археологический источник заставляет прибегать к этнографическим материалам, по времени совсем уже поздним даже по отношению к древним письменным источникам. В основе всех попыток, связанных с возвращением утерянного смысла археологически известных погребальных обрядов, лежит вполне обоснованная вера в сохранение письменной и устной традициями древнейших общечеловеческих пластов памяти, относящихся к такому глобальному феномену, как смерть человека. Поэтому все-таки мы считаем целесообразным обращаться к письменным источникам, но с учетом всех названных «подводных рифов». Особое внимание мы акцентируем на необходимости комплексного сопоставления деталей обряда, известного по археологическим данным, и смысловых рефлексий, сохраненных письменной традицией.

Рассмотрим некоторые ведийские тексты и сравним их общее значение с материалами описанных погребений.

---

[3] Сочетание накладок на глазницы с чертами моделировки отдельных деталей лица встречено в погребении эпохи бронзы в Калмыкии (могильник Кермен-Толга в Ики-Бурульском р-не, кург 43, погр. 3). Материал не опубликован, хранится в ГИМе. Авторы выражают благодарность Н. И. Шишлиной за предоставленную возможность ознакомиться с сохранившимися фрагментами лицевой накладки из Керментолгинского погребения. Общую характеристику материалов погребения см. в книге У Э. Эрдниева [17], см. также тезисы доклада Н. И. Шишлиной [18]

Как нам представляется, наиболее точно разъясняет смысл указанных лицевых накладок текст из Айтарея-араньяки (ААР, II, 1, 4), примыкающей к Ригведе [20, с. 76] В Айтарея-араньяке приводится спор речи, зрения, слуха, мысли и дыхания о значении каждой из этих пяти субстанций для поддержания жизни тела человека. «Песней», победителем состязания признается дыхание, потому что только, «когда дыхание вышло из тела, тело упало», а когда вернулось обратно, тело «восстало». Уход из тела и возвращение других участников спора не повлияло кардинальным образом на жизнь тела.

В описанных захоронениях у погребенных оказались залепленными глазничные углубления, ротовая и носовая полости (а в катакомбе 25 кургана 1 у с. Целинное и оба слуховых отверстия погребенного), т. е. отверстия, фиксирующие жизненно важные органы восприятия человека. Лицо как бы «запечатали». На основании приведенного текста позволительно считать, что подобные лицевые накладки могли символически констатировать физическую смерть человека, тот момент, «когда тело стало телом» — оболочкой, которая при жизни человека была хранительницей дыхания (души).

Вставные шарики в глазницах погребенных несут, по-видимому, двойную смысловую нагрузку. С одной стороны, они элемент всего ритуала закрытия лица и согласуются с его назначением в целом. С другой стороны, глазничные вставки благодаря характеру выделки, использованию различного материала при изготовлении (в погребении 15 — чернозем с глиной, в погребении 11 — охра) приобретают самостоятельное звучание. Они напоминают о значении глаз, зрения у всех древних народов. При помощи видения человек мог общаться с богами [21, с. 16] Вставки из охры подчеркивают огненную сущность внутреннего зрения-видения и символизируют, по всей вероятности, наиболее полное проявление этого вида зрения с наступлением смерти человека (или приобретение нового зрения в иных условиях).

Датировка араньяк серединой I тысячелетия до н. э. [21, с. 13] не должна нас смущать. Исследователи отмечают длительную протяженность складывания (не менее полутора тысяч лет) ведийского канона и условность традиционной хронологии [21, с. 13; 22, с. 9—19; 23, с. 267] Пристальное внимание, которое уделялось дыханию, зрению, слуху, речи и мысли, ощущается в разновременных ведийских памятниках — Ригведе (РВ, X, 125) [22, с. 252], брахманах (Шатапатха-брахмана — ШБр I, 3, 1; I, 4, 5; II, 2, 2; III, 2, 2; III, 2, 4) [20, с. 48—52], араньяках (ААр, II, 1, 4) и упанишадах (Чхандогья — ЧхУп, V, 5; Брихадараньяка — БрУп I, 5; Айтарея — АУп I, 2; Каушитаки — КУп, II, 14) [20, с. 114, 115, 142, 143, 191, 202] Все эти трактаты связаны общей доминантой мышления. Дыхание всегда занимало верхнюю ступень на иерархической лестнице жизненно важных принципов и именовалось «высшим божеством».

Применение в рассмотренных катакомбах толстого слоя растений, по своему происхождению связанных с водной стихией (тростник, камка), тоже не случайно. В мировых религиях вода считается главным элементом, участвующим в зарождении жизни. В Шатапатха-брахмане (ШБр XI, 1, 6) [20, с. 67, 68] водам придается значение первоначала. Важность воды для жизни человека видится в том, что «тонкая часть вод, когда их выпьют, поднимается вверх и становится дыханием» (ЧхУп VI, 5, 4) [20, с. 114] Нет сомнения, что водные растения и красная охра в погребальном обряде являются символами воды и огня (крови) — элементов, которые служат субстанциональной основой всего сущего.

В Ригведе в «Гимне о сотворении мира» (РВ, X, 129) вода как изначальная субстанциональная стихия сопоставлена с изначальной тьмой, мраком:

> «Мрак был сокрыт мраком вначале.
> Неразличимая пучина все это» [22, с. 263].

Параллелизм вода — тьма наблюдается и в погребальном обряде. «Печати», наложенные на лица погребенных,— из черноземной грязи; пятна сажи под скелетами (погр. 15); смесью сажи и толченых раковин (напоминание о воде) залеплены носовые отверстия у погребенного в катакомбе 11 и, наконец, сосуд из такой же массы в этом погребении. Зола (сажа), являясь аналогом космической тьмы,— одновременно знак скрытого огня (жара), который может разгореться и своей силой породить жизнедеятельность, а при угасании последней вновь стать золой (тьмой). Тьма не противопоставлена свету и по данным погребального обряда. В погребении 15 пятна сажи расположены на меловой посыпке. Меловая посыпка выступает, скорее всего, в роли символа «того света». Понятие «тот свет» широко встречается в фольклоре как пространство, определяющее потусторонний мир [24, с. 266] В понимании позднего пантеизма это Абсолютный свет, из которого вышла изначальная тьма и весь видимый физический мир.

Колесо на ступеньке входной ямы ассоциируется с солярным символом, а в сочетании с бычьей лопаткой (погребение 15) улавливается какой-то намек на колесницу (хотя ощущение это в высшей степени предположительное и скорее достраивается на основании общего смысла обряда). Завершение человеком земного пути издавна сравнивалось с путем солнца на небе. Колесо традиционно сопоставляется с солнцем у всех славянских народов [25, с. 412, 413; 26, с. 73] В Ригведе колесница — постоянный атрибут небесных светил-богов. Примечательно, что богиня утренней и вечерней зари Ушас, тесно связанная с солнцем (появление ее утром предваряет восход солнца), тоже сравнивается с колесом (РВ, III, 61) [22, с. 162] Участие богини Ушас в «свертывании темноты» и порождении света («На границах неба утренние зори окрашивают ночи» — (РВ, VII, 79) [22, с. 164]) наводит на мысль о космогоническом происхождении идеи обмазывания, окрашивания, нашедшей отражение в древних лицевых накладках. Постоянно наблюдая величественную картину смены покровов света и тьмы (дня и ночи), картину космического «маскарада», человек стал рассматривать свою собственную жизнь и смерть как смену ипостасей одного и того же феномена, основой которого является дыхание. Процесс осознания этой ассоциации и привел, по всей видимости, к появлению в погребальном обряде накладок на лицах погребенных.

Сама форма погребального сооружения — катакомба достойна внимательного рассмотрения. Пока нет специальной работы, посвященной семантике этой конструкции. Возможно, символика катакомбы сродни символике пещеры, рассматриваемой как «своего рода чрево земли» [27, с. 38] Форма пещеры не исключает также подхода к ней и как к сектору небесной сферы. Можно заметить, что в основе устройства катакомбы — входная яма, соединенная разными способами с погребальной камерой (ступенька, коридор),— лежит идея «входа» и «выхода». Тем самым катакомба включается в ритуал погребального обряда как один из основных элементов космогонического мышления. Овальная или полусферическая погребальная камера — это новое пространство, куда попадает умерший. Не являясь сама по себе этническим показателем [28, с. 17], катакомба принадлежит к кругу образов структуры мира, выработанных мыслью древних народов. Идея катакомбы в несколько трансформированном виде повторяется в античных склепах. Исследователи рассматривают склепы как архитектурную форму, несущую определенную идеологическую нагрузку, как воплощенную часть мировоззрения общества [29, с. 16], отражающую представления о смерти и бессмертии. Анализ росписи склепов помогает (хотя и косвенным образом) понять характер погребальной камеры катакомбы. Солярный сюжет в декоре склепа 1 Неаполя Скифского [30, с. 18] не оставляет сомнений в осмыслении погребальной камеры как космоса, где есть те же светила.

Итак, взаимная согласованность характерных черт погребального ритуала описанных погребений (его «технологическая» сторона, которую В. Н. Топо-

ров предлагает отличать от «идеологической» [31, с. 89]) наиболее полно соотносится с руслом ведийского мышления. Становится понятным смысл обряда в целом. Обряд отражает представления о жизненном цикле человека, тесно увязываемом с космическими явлениями. Пока нет данных для определения этнической принадлежности катакомбных погребений ингульского типа. Для этого необходимо изучить весь культурный комплекс данной группы памятников. Такое изучение выявит дополнительные смысловые оттенки обряда, поможет обоснованно ответить на незатронутый здесь вопрос о социальном статусе погребенных с лицевыми накладками.

В заключение хочется подчеркнуть, что сам ведийский канон не должен рассматриваться узкоэтнически. Следы «ведийского мышления» можно встретить и в других степных культурах эпохи бронзы — ямной, срубной (характер подсыпок, наличие охры в погребении). Это сходство объясняется традиционной преемственностью общечеловеческих представлений о жизни и смерти. Задача заключается в том, чтобы проследить накопление и пути развития отличительных черт в погребальном обряде, которые образуют «фонд мутаций» [31] культуры, что сигналит о появлении новых идей и новых смыслов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тереножкін О. І.* Кургани в долині р. Молочної // АП. 1960. Т. VIII.
2. *Шмаглий Н. М., Черняков И. Т* Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра // МАСП. 1970. Вып. 6.
3. *Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А.* Раскопки курганов у с. Ковалевка // Курганы на Южном Буге. Киев: Наук. думка, 1978.
4. *Данилова Е. И., Корпусова В. Н.* Катакомбное погребение с трепанированным черепом в Крыму // СА. 1981. № 1.
5. *Кривцова-Гракова О. А.* Погребения бронзового века и предскифского времени на Никопольском курганном поле // МИА. 1962. № 115.
6. *Шапошникова О. Г., Бочкарев В. С., Шарафутдинова И. Н.* О памятниках эпохи меди — ранней бронзы в бассейне р. Ингула // Древности Поингулья. Киев: Наук. думка, 1977
7. *Шилов Ю. А.* Нижнее Поднепровье в середине III — середине II тыс. до н. э. (исследование культурно-исторического процесса): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. 07. 00. 07. Киев, 1982.
8. *Кубышев А. И.* Раскопки курганов в Присивашье // АО — 1980. М., 1981.
9. *Отрощенко В. В.* Раскопки курганов в Запорожской области // АО — 1881. М., 1982.
10. *Рассамакин Ю. Я.* Исследования на р. Молочной // АО — 1982. М., 1983.
11. *Санжаров С. Н.* Некоторые аспекты исследования катакомбных комплексов с моделировкой лица из Донецкого Приазовья // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Научно-практический семинар. Тез. докл. (10—11 апреля 1986 г.). Донецк, 1986.
12. *Отрощенко В., Пустовалов С.* Портреты прошлого // Знание — сила. 1982. № 10.
13. *Отрощенко В., Пустовалов С.* Портреты прошлого (продолжение рассказа) // Знание — сила. 1983. № 8.
14. *Отрощенко В. В., Пустовалов С. Ж.* Моделирование лица по черепу у племен катакомбной общности // Религиозные представления в первобытном обществе. Тез. конф. М., 1987
15. *Шарафутдинова И. Н.* Курган у с. Пелагеевка // Древности Поингулья. Киев: Наук. думка, 1977
16. *Шилов Ю. О.* Залишки возів у курганах ямної культуры Нижнього Подніпров'я // Археологія. 1975. № 17.
17. *Эрдниев У Э.* Археологические памятники южных Ергиней. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982.
18. *Шишлина Н. И.* Кермен-толгинская маска эпохи бронзы // Религиозные представления в первобытном обществе. Тез. докл. конф. М., 1987.
19. *Brentjes B.* Von Schanidar bis Akkad. Urania Verlag. Leipzig; Jena; Berlin, 1968.
20. Древнеиндийская философия. Начальный период / Пер. с санскрита. Подготовка текстов, вступ. статья и коммент. Бродова В. В. М.: Мысль, 1972.
21. *Семенцов В. С.* Проблемы интерпретации брахманической прозы. М.: Наука, 1981.
22. Ригведа. Избранные гимны / Пер., коммент. и вступ. статья Елизаренковой Т Я. М.: Наука, 1972.
23. *Вигасин А. А.* Южная Азия до середины I тысячелетия до н. э. // Источниковедение истории древнего Востока. М.: Высш. школа, 1984.
24. *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1946.
25. *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. 3. М., 1869.
26. *Афанасьев А. Н.* Древо жизни. Избранные статьи. М.: Современник, 1983.

27 *Кожин П. М.* Общечеловеческие особенности и этническая специфика духовной культуры (к диагностике палеогенеза языковых общностей) // Конференция «Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока» (тезисы и доклады). Ч. 1. М., 1984.
28. *Абрамова М. П.* Катакомбные и склеповые сооружения юга Восточной Европы (середина I тысячелетия до н. э.— первые века н. э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Ч. 2. (Тр. ГИМ. Вып. 54). М., 1982.
29. *Савостина Е. А.* Боспорские склепы (типология, эволюция, историческая интерпретация): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 06. М., 1984.
30. *Попова Е. А.* Монументальное изобразительное искусство в истории и культуре Малой Скифии: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07. 00. 06. М., 1984.
31. *Топоров В. Н.* К проблеме реконструкции индоевропейского похоронного обряда // Конференция «Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд». Тез. докл. М., 1985.

L. A Novikova, Y A. Shilov

BURIALS OF PEOPLE WITH COVERED FACES IN THE BRONZE AGE

Summary

The article discusses two mound burials of the Middle Bronze Age (Sergeevka village, Novotroitskoe District, Kherson Region) that yielded a valuable material on the earliest tradition of burials with covered faces. The dead were buried in catacomb graves, their faces covered with masks. Their eyes were covered with small balls of ohre, clay and black soil, mouths were stopped with black soil while nostrils with soot and powdered shells. In this way, all the openings that corresponded to the main preception organs were closed. On the whole, the rite reflects the idea of the life-cycle intertwined with cosmic phenomena.

В. И. НИКИТИН

МАТВЕЕВКА I — ПОСЕЛЕНИЕ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЮЖНОМ БУГЕ

Поселения катакомбной культурно-исторической общности в отличие от погребальных памятников в отечественной археологии изучены значительно слабее, хотя они имеют первостепенное значение для выяснения многих важнейших проблем в истории носителей этой культуры. Поселения катакомбной культуры известны на Нижнем [1, с. 34] и Верхнем Дону [2, с. 6, рис. 1], в Крыму [3, с. 10, рис. 11; 4, с. 19—49; 5, с. 253, 254], в степном Поднепровье [6, с. 79—94; 7, с. 326] Изучение катакомбных памятников в последние годы показало не только наличие многих локальных вариантов или даже культур, но и более широкое распространение их в степной зоне в западном ареале вплоть до Нижнего Дуная и Прута [8, с. 60—65; 9, с. 7; 10, с. 44]

Открытие большого количества погребений катакомбной культуры западнее Днепра, особенно в Поингулье и Побужье, несколько отличающихся по своим культурным признакам от более восточных катакомбных памятников, поставило на очередь выделение особой «ингульской катакомбной культуры» [11, с. 6—8] В отличие от других районов распространения этой культуры в Нижнем Побужье исследования значительного количества погребальных комплексов были дополнены открытием и исследованиями большого количества поселений, значительно превосходящих по численности все остальные районы распространения катакомбной культуры [12—17] В настоящее время в Нижнем Побужье известно 63 поселения катакомбной культуры, открытых археологическими разведками (рис. 1). Стационарные раскопки велись только на трех (Матвеевка I, Малая Корениха, Константиновка II).

Поселение Матвеевка I [18—20] выявлено в 1969 г А. М. Балушкиным. Оно расположено в 6 км от северной окраины г. Николаева (с. Матвеевка) на склоне третьей террасы левого берега р. Южный Буг, на мысу балки, впадающей с востока в реку (рис. 2). С трех сторон (запада, севера и юга) территория поселения ограничена обрывами берега реки и балки. Лишь с востока оно не имеет естественной защиты. Площадь поселения составляет 1,5—2 га. Часть территории поселения разрушена карьером для добычи известняка и обрывом берега реки. В течение 1975—1982 гг раскопками исследована территория поселения на площади около 3000 м^2 К моменту раскопок часть поселения была задернована, вторая (южная) распахана.

Установлена следующая стратиграфия поселения: верхний слой — чернозем, задернованный на нераспаханных участках, смешанный с культурным слоем на распаханных участках. Его толщина достигает 0,2—0,4 м; культурный слой поселения светло-серого цвета в местах строительных остатков и коричневато-черного цвета между ними. Толщина культурного слоя на поселении неравномерна: в местах хозяйственно-строительных остатков она достигает 0,5 м, а между ними составляет около 0,2 м; под культурным слоем поселения слабо прослеживается слой погребенной почвы коричневатого цвета, толщиной от 0,15 до 0,3 м; материковый слой представляет собой отложения супесчаника, смешанного со щебенкой из подстилающего его мощного пласта понтийского известняка.

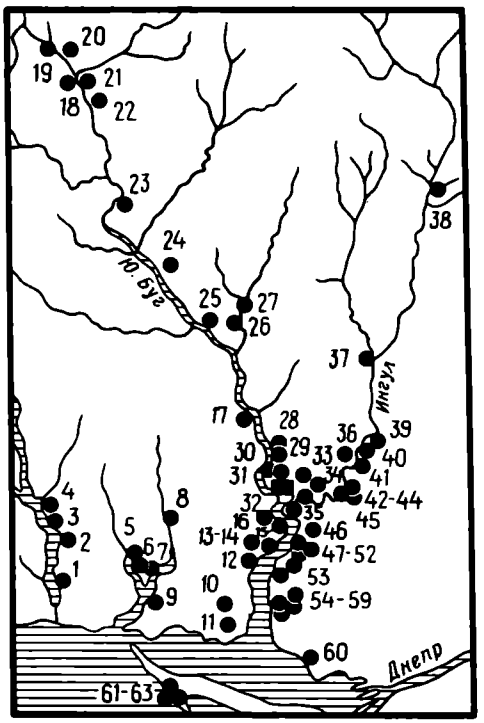


Рис. 1. Карта поселений катакомбной культуры в Южном Побужье. *1* — Червона Украинка; *2* — Атаманка; *3* — Ташино; *4* — Прогрессовка; *5* — Матиясово I; *6* — Матиясово IV; *7* — мыс между Сосицким и Березанским лиманами; *8* — Нечаянное; *9* — Каборга; *10* — Аджигольская балка I; *11* — Аджигольская балка XIV; *12* — Козырка IX; *13* — Новая Богдановка II; *14* — Новая Богдановка VIII; *15* — Малая Корениха; *16* — Большая Корениха; *17* — Терноватое; *18* — Ивановка (Первомайского р-на); *19* — Грушевка; *20* — Курипчино; *21* — Семеновка; *22* — Ивановка (Арбузинского р-на); *23* — Абузова Балка, *24* — Новогригорьевка; *25* — Михайловка; *26* — Новопавловка III; *27* — Малиновка I; *28* — Константиновка I; *29* — Константиновка II; *30* — Баловное; *31* — Матвеевка II; *32* — Матвеевка I; 33 — Терновка; *34* — совхоз Коларово III; *35* — совхоз Коларово II; *36* — Пересадовка; *37* — Кашперо-Николаевка; *38* — Затуровка; *39* — Марьевка II; *40* — Марьевка I; *41* — Михайло-Ларино; *42* — Калиновка I; *43* — Калиновка II; *44* — Калиновка III; *45* — Обсерватория (г Николаев); *46* — Водоканал; *47* — Жовтневое II; *48* — Жовтневое I; *49* — Балабановка II; *50* — Балабановка VI; *51* — Балабановка VII; *52* — Галициновка II; *53* — Лиманы IX; *54* — Лиманы X; *55* — Лесхоз IV, *56* — Лесхоз V; *57* — Лесхоз VI; *58* — Лиманы XI; *59* — Лиманы XIII; *60* — Александровка II; *61*—*63* — Кинбурнская коса (Зеленые Кучугуры)

В процессе раскопок в северной и южной частях поселения обнаружены каменные основания трех построек, восьми хозяйственных ям, семи остатков дренажных канав, восьми разновременных погребений и остатки котлована полуземлянки эллинистического времени.

Постройка I находилась в северной части раскопа (рис. 3). Она представляла собой остатки наземного каменного основания овально-вытянутой формы, длиной 20 м по линии север — юг и максимальной шириной 12 м по линии восток — запад. Внутренняя ее площадь около 220 м ^{2} Рваные плиты известняка больших и малых размеров (от 0,4×0,3 до 0,1×0,15 м) установлены с заглублением на 0,2—0,3 м в слое погребенного чернозема и материка на ребре примерно двумя параллельными рядами, составляющими внутренние и наружные кладки фундамента стен. Пространство между ними шириной 1—2 м заполнено мелкими камнями и щебенкой, смешанной с глиняным раствором, в котором иногда попадаются кости животных и мелкие обломки керамики. Высота сохранившейся кладки фундамента стен составляет 0,3 м. Вдоль нижней кладки стен из камней, щебенки и глиняного раствора по всему периметру с внутренней и наружной стороны на расстоянии 2—3 м прослежены глинистые расплывы толщиной 0,1—0,3 м, по-видимому, остатки глиняных стен. В северной внутренней и южной частях постройки прослежены два пятна серого ила с ракушками (размеры — 3,5×4,7; 8×12 м; толщина 0,6—0,7 м)

Уровень пола постройки совпадал с уровнем древней дневной поверхности поселения и понижался сообразно рельефу местности на запад. В северной части постройки на уровне пола расчищен развал крупного сосуда (рис. 4, *2*)

В юго-западной части раскопа исследован развал наземного каменного основания постройки II (рис. 3) Длина постройки по оси юг — север 33 м, ширина 17 м, внутренняя площадь около 320 м ^{2} Кладка фундамента стен этой постройки в целом аналогична постройке I. Она выложена по трехслойной регулярной системе с выкладкой внешних и внутренних сторон рваными известняковыми плитами крупных, средних и малых размеров и забутовкой средней части мелкими камнями, щебенкой, реже костями животных, обломками кера-

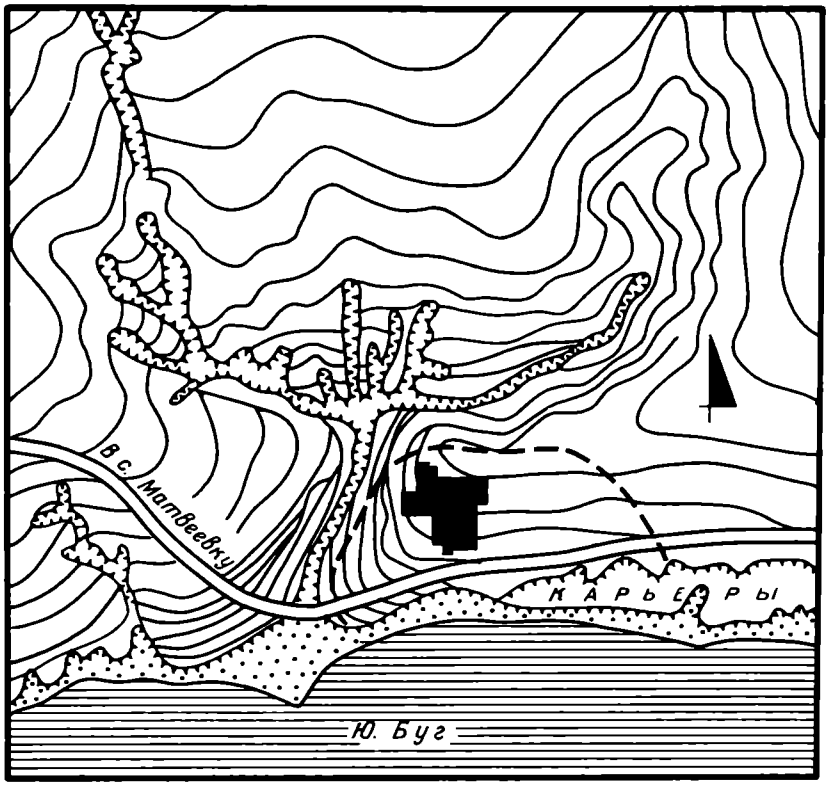


Рис. 2. План поселения Матвеевка I. Пунктирной линией обозначены границы поселения

мики на глиняном растворе. Заглубление кладки фундамента произведено на 0,35 м от уровня древней дневной поверхности. Высота сохранившегося основания кладки стен — 0,33 м от древней поверхности. Как и в постройке I, по всему периметру стен с внутренней и внешней стороны прослежены глинистые заплывы шириной 2—3 м. Более четкий характер, чем в постройке I, носят илистые наплывы шириной до 4 м, расположенные поверх развалов глиняных стен по всему их периметру с внешней стороны. В данном случае особенности расположения илистых заплывов явно указывают на то, что глиняные стены были обмазаны с внешней стороны речным илом, перемешанным с ракушками.

В южной половине постройки II прослежена перпендикулярная кладка из камней, шириной 0,8 м, разделявшая, по-видимому, всю внутреннюю часть постройки на две части и, возможно, служившая опорой крыши. С устройством столбов-опор для крыши, вероятно, связаны и прослеженные внутри постройки восемь групп каменных выкладок, представляющих собой своеобразные каменные платформы.

У центральной платформы на полу найден каменный растиральник, каменный молоток, у восточной стенки — целый глиняный сосуд (рис. 4, *1*).

По овальному внешнему периметру стены с северо-восточной стороны на расстоянии почти 2 м от нее прослежены остатки каменной оградки, состоящей из установленных вертикально в ряд известняковых плит длиной 0,6—0,9 м, углубленных в слой погребенной почвы на 0,18—0,26 м. Очевидно, каменная оградка представляла собой своеобразный контрфорс, пространство между которым и стеной было заполнено землей, дополнительно укреплявшей устойчивость стены. Сразу за оградкой, также по периметру, повторяющему контуры стены, прослежена в плане и разрезе древняя траншея шириной от 1,8 до 2,6 м, глубиной около 0,2—0,22 м.

В 4 м северо-западнее древней траншеи обнаружены остатки очага, представляющего собой круглое скопление обожженных ракушек диаметром 0,7

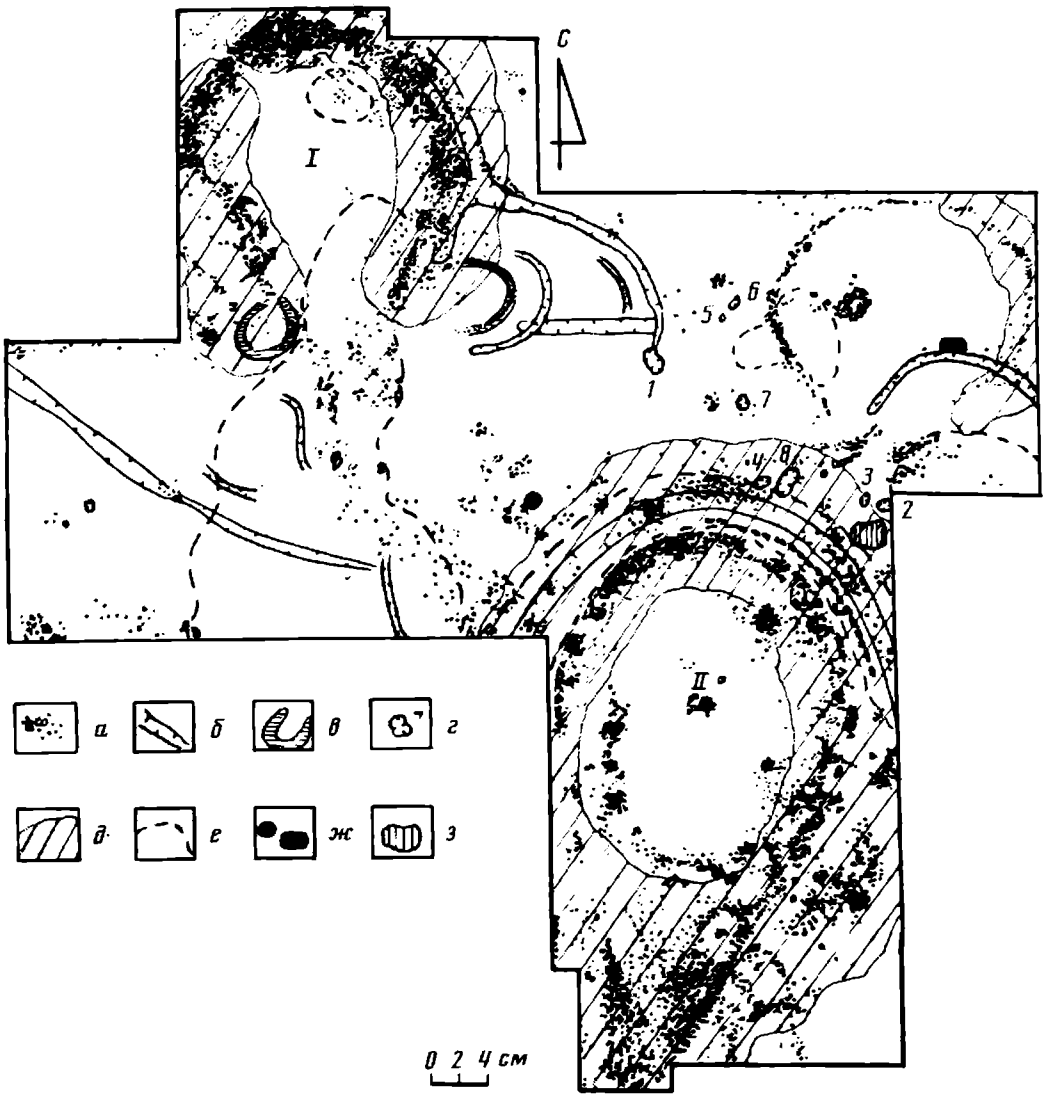


Рис. 3. План строительных комплексов центральной части поселения Матвеевка I. *а* — камни кладок; *б* — ровики дренажных систем; *в* — основание глиняных стен пристроек; *г* — хозяйственные ямы; *д* — расплывы глиняных стен; *е* — границы распространения ила с ракушкой; *ж* — очаги; *з* — полуземлянка эллинистического времени. Римскими цифрами обозначены номера построек, арабскими — номера хозяйственных ям

и толщиной 0,1 м. Возле него найдены каменный пестик и растиральник (рис. 3).

Остатки каменного фундамента постройки III выявлены в 20 м восточнее постройки I и в 4—5 м северо-восточнее постройки II (рис. 3). Ее основание сильно разрушено современными земляными работами и выборкой камня местными жителями. Судя по остаткам каменных кладок основания стен, постройка III, как и предыдущие две, имела овально-вытянутую форму, сориентированную длинной осью почти по линии север — юг Ее длина 16,2, ширина 12,6 м, внутренняя площадь 215 м ^{2} Развал каменных оснований стен имеет различную ширину — от 1,9 до 3,4 м. Почти в центре постройки на уровне пола выявлена группа уложенных плашмя камней разных размеров, служивших, по-видимому, платформой для поддержания центрального столба, на который опиралась каркасно-столбовая конструкция постройки. В юго-восточной части постройки обнаружены остатки очага в виде пятна горелой земли (1 × 1,2 м) У края очага

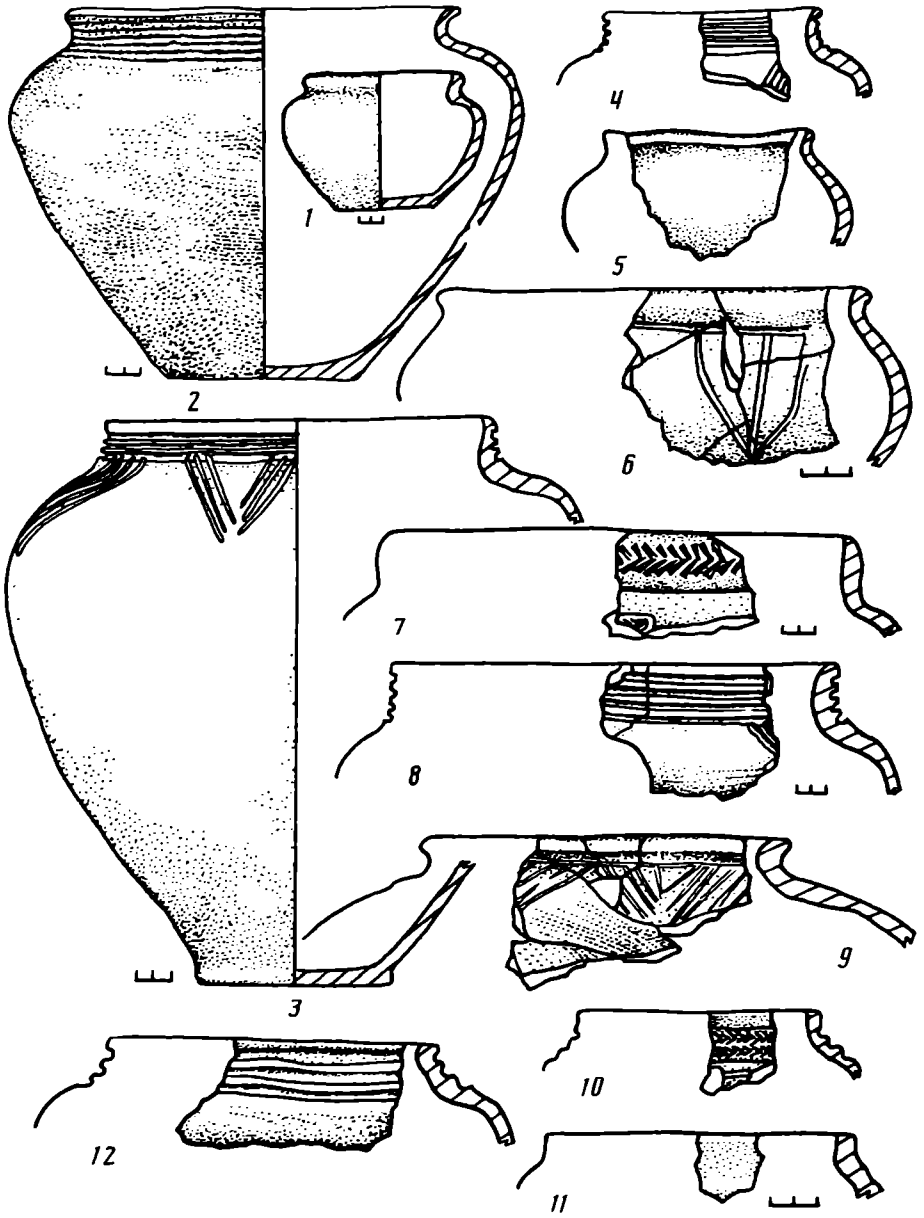


Рис. 4. Поселение Матвеевка I. Керамика катакомбной культуры

в полу жилища прослежена дугообразная в плане траншея, уходящая под восточную стенку за пределами жилища. Ее ширина 0,55—0,65, глубина от 0,1 до 0,16, прослеженная длина 13,1 м. На дне ее найдены обгорелые камни, угольки и кости животных.

Древние канавы, окаймляющие постройки, а также идущие в направлении юго-восток — северо-запад параллельно склону, на котором расположено поселение, служили, по всей видимости, для отвода дождевых потоков. В дренажную систему, вероятно, также входили и выявленные древние дуговидные глиняные выкладки (постройка I). Их можно интерпретировать как хозяйственные пристройки или как особые приспособления, связанные с системой канав.

Целый комплекс хозяйственных ям обнаружен севернее постройки II и западнее постройки III (рис. 3) Размеры их различны — от 0,6×0,7 до 3,1×1,95 м. Глубина почти всегда одинакова — около 0,3—0,4 м. Большинство ям заполнено культурным слоем с небольшим количеством камней, костями животных и обломками керамики.

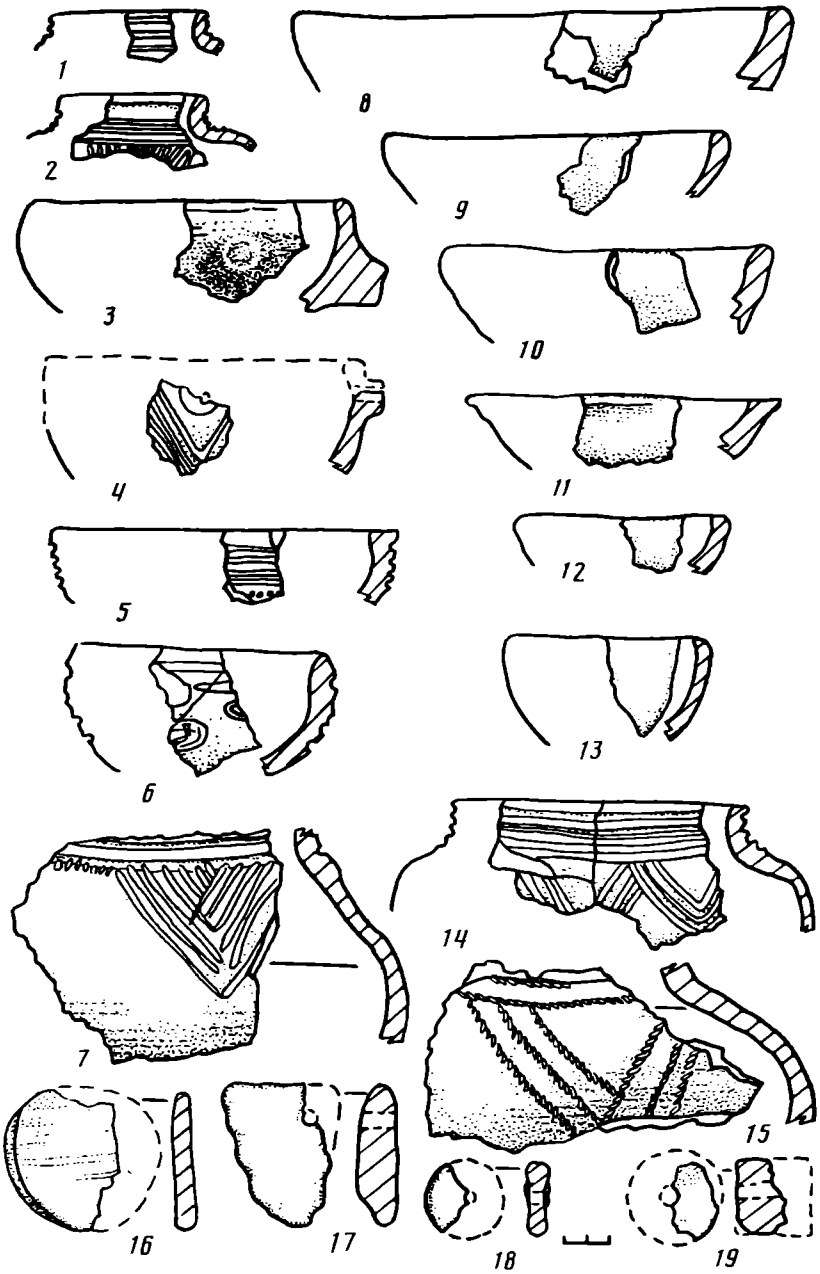


Рис. 5. Поселение Матвеевка I. Керамика катакомбной культуры

В целом в результате многолетних раскопок на раскопанной площади поселения обнаружена довольно значительная коллекция костей животных (около 20 000), керамики (около 5 000 фрагментов), каменных и кремневых орудий труда (около 600), костяных поделок (около 200). Большая часть находок была сосредоточена вне жилищ, на территории, примыкающей к ним.

Коллекция посуды с Матвеевского поселения четко разделяется на две группы: керамика катакомбной культуры и культуры многоваликовой керамики. Керамика катакомбной культуры обнаружена повсеместно, в том числе и во внутренней части построек. Посуда культуры многоваликовой керамики открыта только в культурном слое вне жилищ, но совместно с керамикой катакомбной культуры.

Керамика катакомбной культуры представлена немногочисленными формами. Среди них высокие и низкие горшки, миниатюрные сосуды, чаши и миски. Высокие горшки, напоминающие корчаги, имеют стройные пропорции с наиболь-

шим расширением тулова в верхней части (рис. 4, *3*). Венчик короткий и непосредственно переходит резко в тулово. При этом высота сосудов и их наибольший диаметр примерно равны. Зауженное дно в 2 раза по диаметру меньше горловины. Диаметр венчиков от 25 до 30 см, высота сосудов 20—33 см. Низкие горшки с выпуклым туловом и короткой шейкой (рис. 4, *1, 2, 4—8, 10—12*; рис. 5, *1, 2, 14, 15*). Высота их меньше наибольшего диаметра тулова, смещенного к верхней части. Соотношение высоты сосуда к диаметру тулова в основном выражается как 2:3. Широкое горло и более узкое дно по своим диаметрам соотносятся как 1:2. Среди серии горшков высотой от 11 до 19 см имеются миниатюрные экземпляры с диаметром венчика 6—8 см, высота их 6—7 см (рис. 5, *1, 2*). Все указанные сосуды горшковидной формы имеют несколько разновидностей в оформлении венчика: закругленные сверху и отогнутые наружу (рис. 4, *4, 8*), заостренные и отогнутые внутрь (рис 4, *1, 3, 7*), с горизонтально срезанным краем и нависающим наружу небольшим карнизом (рис. 4, *10, 12*).

Чаши имеют сферическое тулово и немного загнутый внутрь горизонтально срезанный венчик (рис. 5, *3—6*). Их высота 13—15 см, диаметр венчика 14—22 см. Ниже венчика на некоторых экземплярах сделаны круглые налепы-ручки, в которых бывают сквозные отверстия. В коллекции керамики поселения имеется и серия глубоких усеченно-конусовидных мисок высотой от 5 до 8 см, диаметр венчика от 15 до 21 см. Небольшое количество экземпляров обломков керамики относится к глубоким усеченно-коническим чашкам и плошкам малых размеров (рис. 5, *12, 13*). Их высота от 4 до 7 см, диаметр венчика от 9 до 13 см.

Тесто всей посуды катакомбного облика очень плотное, с примесями крупного песка, толченого шамота, известняка и добавкой органических веществ. Поверхность посуды почти всегда сглажена гребенчатым штампом с внутренней и внешней стороны. Иногда (например, на чашах, мисках) следы гребенчатого сглаживания на поверхности затирались. На некоторых сосудах в верхней части отмечены следы слабого лощения. Обжиг неравномерный, с пятнами желтых и серых тонов.

В орнаментации катакомбной керамики Матвеевского поселения применяются такие технологические приемы, как отпечатки шнура, насечки и резной орнамент Композиции орнамента довольно просты: резной «елочный» орнамент по венчику сосуда (рис. 4, *7*), орнаментация шейки горшков тремя — пятью горизонтальными параллельными оттисками веревочки (рис. 4, *2*), резных полос (рис. 4, *3, 4, 8, 12*; рис. 5, *1, 2, 14*). На некоторых сосудах горизонтальный орнамент шейки продолжен на плечики сосуда в виде опущенных вершинами вниз треугольников, заполненных внутри резными линиями или отпечатками веревочки (рис. 4, *3, 4, 6, 9*; рис. 5, *2, 4, 7, 14, 15*). Некоторые типы посуды (миски, чашки, плошки) вообще не орнаментированы. Одна из чаш украшена горизонтально вытянутыми фестонами (рис. 5, *6*). Кроме того, на поселении встречены фрагменты керамики с орнаментом, выполненным оттисками конца полой тростинки, гусеничного штампа, налепными валиками и др.

Ведущее место принадлежит горшкам средних размеров (80%), на втором месте сосуды горшковидных форм, по своим размерам приближающиеся к корчагам (10%). Остальные типы глиняной посуды найдены в небольшом количестве: чаши (4%), миски (4%), чашки и плошки (2%).

На поселении найдены кружки́, сделанные из стенки сосудов (рис. 5, *16*), намотки (рис. 5, *17*), пряслица (рис. 5, *18, 19*).

Глиняная посуда Матвеевского поселения, которая может быть идентифицирована с культурой многоваликовой керамики, представлена горшками и мисками (рис. 6). Она отличается не только по форме, орнаментации, но по тесту со значительными примесями мелкого песка, более слабому обжигу, отсутствию аккуратного гребенчатого сглаживания стенок. Горшки — разных размеров,

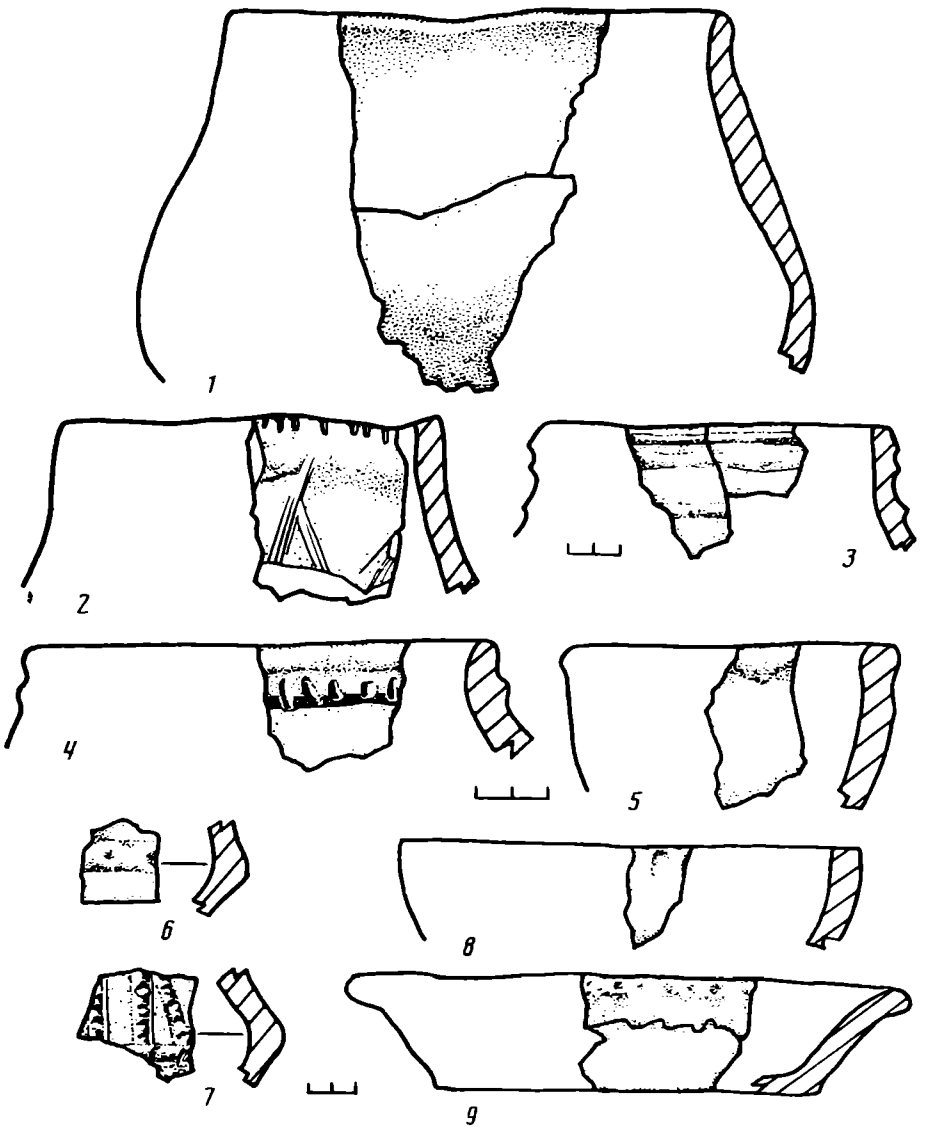


Рис. 6. Поселение Матвеевка I. Посуда культуры многоваликовой керамики

вытянутых пропорций, с высоким прямым или отогнутым немного наружу венчиком (рис. 6, *1—4*). В верхней части тулова имеется резкий прогиб, часто украшенный налепным валиком с пальцевыми вдавлениями или насечками (рис. 6, *6, 7*) Глубокие конические миски имеют диаметр венчика 14—16 см. Найдено несколько обломков маленьких чашек высотой 6,5 см, диаметр венчика 8—9 см. В керамике, связанной по своему происхождению с культурой многоваликовой керамики, основную массу составляют находки обломков горшков (до 90%).

Коллекция кремневых изделий насчитывает около 500 находок, среди которых орудия труда, предметы вооружения и отходы производства. Среди кремневых орудий довольно значительное количество скребков, которые по форме и наличию рабочих лезвий делятся на концевые, подокруглые, округлые, скребки на отщепах; нуклеусы-скребки и двойные скребки на отщепах с противоположными лезвиями (рис. 7, *1—6*) Рабочие края их оформлены высокой ретушью, чаще всего с притупленным краем, что может свидетельствовать о работе такими орудиями с твердыми материалами (кость, дерево). Следующими в количественном отношении являются скобели, для которых использовались отщепы и осколки разных форм (рис. 7, *10, 11*). Рабочие сработанные

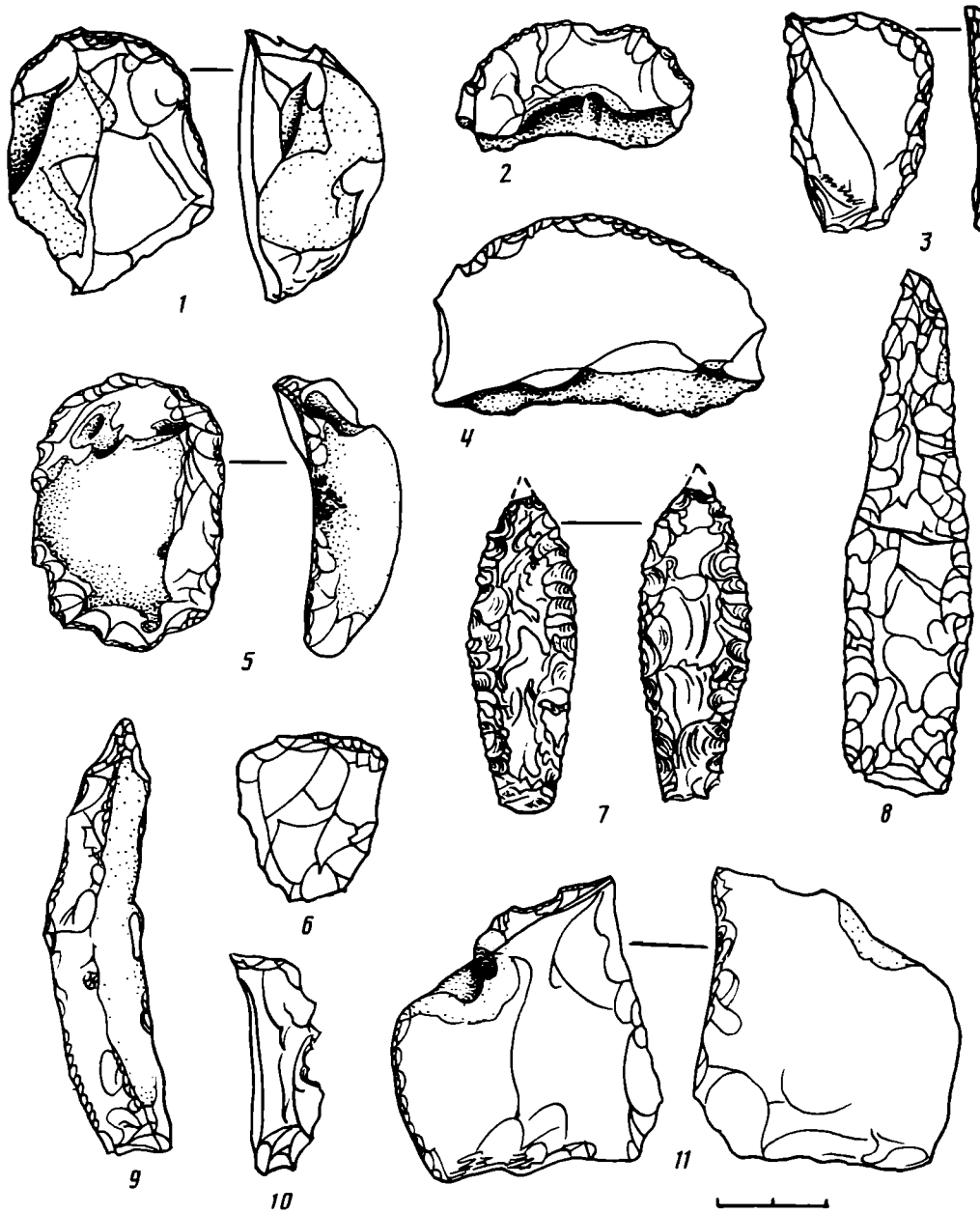


Рис. 7 Поселение Матвеевка I. Кремневые изделия

края не имеют стабильной формы. Некоторые имеют глубокую выемку, образовавшуюся в процессе обработки твердых материалов. Единичными экземплярами представлены угловые резцы (рис. 7, *11*). Одна из реберчатых пластин носит следы использования в качестве скобеля и скребковидного орудия. Острый конец имеет следы сработанности, характерные для развертки (рис. *7, 9*).

Среди кремневых изделий два наконечника дротиков: один небольшой (длина 6 см), лавролистной формы (рис. 7, *7*), второй удлиненно-ромбической формы (длина 9,5 см), с обломанным черешком для крепления к древку (рис. 7, 8).

Каменные орудия труда, найденные на поселении, довольно разнообразны: каменные зернотерки, растиральники, шлифовальные плитки (рис. 8, *2, 3, 14*),

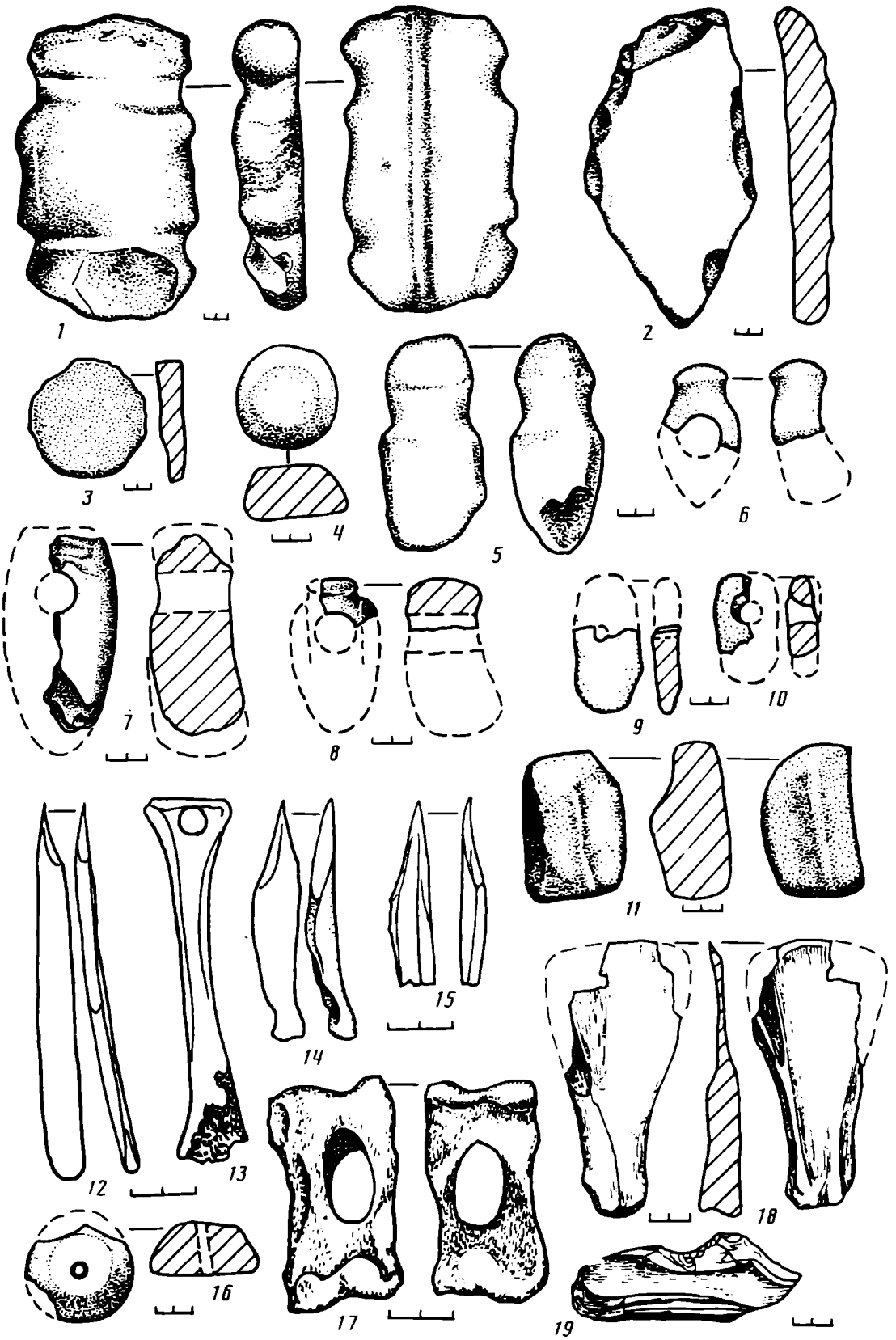


Рис. 8. Каменные (*1—11*) и костяные (*12—19*) изделия поселения Матвеевка I

песты (рис. 8, *4*), топоры или молотки (рис. 8, *1, 5—10*) разных размеров и сохранности. Один из них с углублениями по краям, вероятно, относится к разделу маховиков-утяжелителей стержня для сверления (рис. 8, *1*), некоторые по своей функции, наверное, были связаны с работой в качестве колунов или молотов (рис. 8, *5, 7*), другие могли относиться к разряду боевого оружия (рис. 8, *6, 8*). Часть каменных орудий использована после их поломки вторично в качестве растиральников.

В культурном слое поселения в значительном количестве найдены обломки камней разных пород, использовавшиеся в качестве сырья для изготовления каменных орудий труда. Интересна находка кусков железной руды, возможно, предназначавшихся для приготовления красок.

Костяные орудия труда немногочисленны. Среди них имеются находки проколок-шильев (рис. 8, *12, 14, 15*), лощило для обработки кож, изготовленное из лопатки (рис. 8, *18*), скобели (рис. 8, *19*), астрагал с отверстием (рис. 8, *17*), использовавшийся в качестве зажима при лучковом способе добывания огня. Из кости сделаны и пряслица (рис. 8, *16*). Довольно многочисленны находки скребков-лощил для обработки шкур животных. Из берцовой кости сделана рукоятка-держатель для зажима скребков при мездрении шкур (рис. 8, *13*).

Керамический комплекс поселения Матвеевка I находит соответствие как в материалах синхронных поселений, так и погребений, особенно наиболее близких районов распространения катакомбной культуры. Сравнение с керамикой катакомбных поселений Поднепровья (Перун, Стрильча Скеля, Дурна Скеля, Алешкинские Кучугуры) затруднено из-за немногочисленности коллекций и малой исследованности поселений [6, с. 79—94] Зато керамические коллекции крымских поселений катакомбной культуры (нижний слой Кирово, Каменка) находят почти полное соответствие комплексу глиняной посуды катакомбной культуры Матвеевского поселения [3, с. 10, рис. 11; 4, с. 19—49] Интересно, что в ранних слоях поселения Каменка прослежены остатки помещений с каменными основаниями овальной формы, аналогичные во многом постройкам на поселении Матвеевка I. Как и в Матвеевке, в Каменском поселении керамический комплекс катакомбного облика дополнен значительным количеством керамики культуры многоваликовой керамики. Этот факт не единичен. Подобное явление характерно для Ливенцовской крепости [1, с. 119—129], поселений катакомбного времени лесостепного Подонья [2, с. 32, 38, 52] Вряд ли это случайный факт, подобная взаимосвязь катакомбной керамики и керамики культуры многоваликовой керамики, ранее включавшейся вообще в катакомбную культуру [21], является объективным отражением определенного хронологического пласта существования катакомбной культуры на ее конечном этапе, а также неопровержимым пока доказательством участия катакомбных племен в генезисе культуры многоваликовой керамики.

Исследование курганных погребений катакомбной культуры в Поингулье показало, что проникновение этих племен в район Южного Побужья произошло относительно рано, а само существование культуры в указанном регионе имеет относительно продолжительный промежуток времени, в течение которого она прошла два культурно-хронологических этапа. О. Г. Шапошникова выделила в составе курганных катакомбных погребений Поингулья две культурно-хронологические группы: раннюю — погребения с прямоугольными колодцами и скорченным положением скелетов на боку; позднюю — погребения в катакомбах с круглыми колодцами и вытянутым положением скелетов [11, с. 6—8; 22, с. 29, 30] При этом речь идет не только о различных хронологических группах одной культуры или ее варианта, но о разных культурно-хронологических группах [22, с. 29] Представляется следующая культурно-историческая картина этнического процесса в Нижнем Побужье. Донецкие катакомбные племена, проникнув на территорию Южного Побужья, занятую ранее племенами ямной культуры, вероятно, частично ассимилировали их, а сама катакомбная культура трансформировалась в отдельную катакомбную ингульскую культуру

[11] Сравнение катакомбной керамики Матвеевского поселения с керамикой второй культурно-хронологической группы («ингульской культуры») катакомбной культуры Южного Побужья указывает на их соответствие. В отличие от других регионов и более ранних хронологических групп катакомбной культуры, где пропорции глиняных горшков оказываются иными (более округлые, высота сосудов меньше их наибольшего диаметра тулова), керамика ингульских погребений вполне тождественна коллекции керамики Матвеевского поселения. Это, например, горшки из погребения 2 кургана 1, погребения 8 кургана 4 у с. Привольное [23, с. 20, рис. 2, *2*, с. 62, рис. 24, *2*], погребения 14 кургана 2 у с. Соколовка [24, с. 102, рис. 14, *2*], погребения 14 кургана 2 [25, с. 75, рис. 6, *1*] у с. Новорозановка, погребения 24 кургана 2 у с. Старогрожено [26, с. 134, рис. 18, *1*], погребения 17 кургана 4 у с. Ковалевка [27, с. 41, рис. 21, *6*], погребения 14—16 кургана 3 могильника Ковалевка-III [27, с. 98, рис. 54, *1*] и др. Совершенно своеобразными являются чаши катакомбной культуры Южного Побужья, которые также находят аналогии в материалах Матвеевского поселения: погребение 16 кургана 1 у с. Привольное [23, с. 29, рис. 6, 1*а*), погребение 22 кургана 2 у с. Старогорожено [26, с. 133, рис. 17, *3*], погребение 13 кургана 6 у с. Ковалевка [27, с. 74,рис. 41, *5*]

Кремневые орудия труда, обнаруженные на Матвеевском поселении, характерны и для других памятников катакомбной культуры. Подборку кремневых изделий катакомбной культуры для левобережья Днепра произвела И. Ф. Ковалева [28, с. 39—41] Среди них имеются скребки, сверла-развертки и наконечники дротиков. Последние известны также по находкам в погребениях катакомбной культуры в курганах Аккермень I [7, с. 327, рис. 91, *10*], в погребении 5 кургана 7 у с. Новочерноморье Херсонской обл. [29, с. 75, рис. 9, *7*] и др.

Каменные топоры вообще наиболее типичная принадлежность курганных погребений катакомбной культуры во всем ее ареале. Полный свод таких находок, как и их классификация, пока не сделаны. Но можно отметить, что типы топоров с перехватным креплением рукояти, топоров с отверстиями и зауженными обушками, найденных на Матвеевском поселении, характерны для катакомбной культуры.

О развитии строительной техники свидетельствуют открытые на поселении каменные основания овальных в плане громадных по площади трех построек. Прежде всего необходимо отметить единую четкую планировку построек на территории поселения. Постройки размещены компактно, гнездом, все они ориентированы в одном направлении (вход в виде коридора — с южной стороны). Обращает на себя внимание их форма, конструкция и монументальность. Строительным материалом служили камень-известняк, глина, песок, речной ил с ракушкой (своеобразный цементирующий материал), вероятно, дерево и камыш. Если судить в целом о выявленных постройках, то апсидная форма и некоторые приемы строительства с применением камня находят аналогии в широком хронологическо-территориальном диапазоне от Балкан, Малой Азии до Закавказья. Известные по Михайловскому ямному поселению наземные жилища с каменными основаниями стен по форме иные, они имеют прямоугольную форму [30, с. 61—78] Археологические данные об апсидных постройках на поселении Матвеевка I допускают использование их в качестве жилищ (находки сосудов, каменных растиральников). Большие размеры построек, вероятно, связаны с их приспособлением для содержания скота в неблагоприятный для него период (снег, гололед, отел и т. д.).

Интереснейшие данные о хозяйстве и составе стада у жителей Матвеевского поселения получены при исследовании остеологических материалов [1] Остеологическая коллекция этого поселения после Михайловки является одной из самых значительных среди памятников бронзового века степной зоны Восточной Ев-

[1] Остеологические материалы поселения Матвеевка I обработаны О. П. Журавлевым и Л. В. Сычевой (предварительные результаты исследований см. в настоящем номере журнала).

ропы (Матвеевка I — около 20 000, Михайловка — около 50 000). Абсолютное большинство костей принадлежит домашним животным. По количеству особей в составе стада Матвеевского поселения господствующее положение занимает крупный рогатый скот (61,29%), на втором месте мелкий рогатый скот (28,32%), на третьем — лошадь (6,45%), доля свиней незначительна (1,29%). Подобный состав стада отмечен О. П. Журавлевым и Л. В. Сычевой для катакомбных поселений Кирово в Крыму и Ливенцовка на Нижнем Дону. Сходное положение в составе стада характерно и для поселений среднедонской катакомбной культуры [2, с. 146, 147] На более близких территориях Северного Причерноморья, в частности в составе стада верхнего культурного слоя Михайловского поселения, также наблюдается аналогичная ситуация [31, с. 207] В его составе крупный рогатый скот занимает 44,2% мелкий рогатый скот — 32,7%, свинья — 2,2%, лошадь — 17,8%. По данным В. И. Цалкина, преобладание крупного рогатого скота в стаде весьма характерно для поселений дотрипольского времени [32, с. 230, 252] Стадо развитых оседлоземледельческих трипольских поселений претерпевает существенные изменения за счет сокращения поголовья крупного рогатого скота и увеличения свиней, мелкого рогатого скота [32, с. 236] В этом можно видеть общую тенденцию увеличения количества рогатого скота в стаде на начальных этапах перехода к оседлости, к ведению земледельческо-скотоводческого хозяйства, что характерно для различных культур среднего и позднего этапов бронзового века Восточной Европы [32, с. 253] Поэтому при определении хозяйства жителей Матвеевского поселения, где обнаружены стационарные постройки, совместное залегание катакомбной и многоваликовой керамики, следует обратить на это особое внимание. По мнению С. Н. Братченко [33, с. 35], изменение хозяйственного уклада и культурной интеграции степных племен Северного Причерноморья происходит за счет продвижения на эту территорию лесостепных и задонских племен. Между тем остеологические материалы верхнего слоя Михайловки уже указывают на начало определенного процесса, прослеженного на материалах позднекатакомбного поселения в Южном Побужье Матвеевка I. Об изменении хозяйственного уклада катакомбных племен и появлении оседлых поселений, увеличении роли земледельческого уклада свидетельствуют такие археологические данные, как находки в катакомбных погребениях остатков деревянных прямогрядильных рал у с. Балки Запорожской обл. [34, с. 146—152; 35, с. 45—46], у с. Верхняя Маевка Днепропетровской обл. [36, с. 21—22; 37, с. 51—53], изображении колосьев на каменных топорах [38, с. 63, рис. 4, *1*], целого мешка пшеницы в Крыму [28, с. 58, 59] Следующий за позднекатакомбными поселениями культурно-хронологический пласт в Южном Побужье представлен значительным количеством поселений культуры многоваликовой керамики [39, с. 63, 64], часто расположенных на тех же местах, что и катакомбные поселения. Все это вместе взятое в итоге позволяет определить культурно-хронологическое место поселения Матвеевка I среди древностей степной зоны Восточной Европы как финальный этап катакомбной культуры, в недрах которого уже началось развитие нового культурно-исторического явления — культуры многоваликовой керамики.

Установление даты поселения Матвеевка I, таким образом, заключается в определении хронологии финала катакомбной культуры и начала культуры многоваликовой керамики в Северном Причерноморье. Для донецкой катакомбной культуры верхним рубежом С. Н. Братченко на основании анализа всех материалов и их синхронизации с памятниками соседних территорий устанавливается граница около 1700 г до н. э. [1, с. 142], а для памятников манычского и бахмутского типов — 1600 г. до н. э. [1, с. 148] Им же на основании классификации находок каменных топоров, псалий, кремневых наконечников стрел, булав, пастовых бус и др. нижняя дата для памятников культуры многоваликовой керамики определяется XVI в. [1, с. 153] С. С. Березанская относит

начало существования культуры многоваликовой керамики к концу XVII в. до н. э. [40, с. 5; 41, с. 26]. Предложенная С. С. Березанской дата (конец XVII в. до н. э.), вероятно, как нельзя лучше подходит для датировки позднекатакомбного поселения Матвеевка I, в котором появляются определенные элементы в керамическом комплексе, присущие памятникам культуры многоваликовой керамики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наук. думка, 1976.
2. *Пряхин А. Д.* Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1982.
3. *Лесков А. М.* Кировское поселение // Древности Восточного Крыма. Киев: Наук. думка, 1970.
4. *Рыбалова В. Д.* Поселение Каменка в Восточном Крыму // АСГЭ. 1974. Вып. 16.
5. *Кислый А. Е.* Продолжение раскопок поселения Каменка // АО — 1980. М., 1981.
6. *Шапошнікова О. Г.* Про пам'ятки часу катакомбної культури в Степовому Придніпров'ї // Археологія. 1968. Т. 21.
7. *Шапошникова О. Г.* Катакомбна культурна область // Археологія Української РСР. Київ: Наук. думка, 1971.
8. *Шмаглий М. М., Черняков І. Т.* Про проникнення катакомбних племен в Північне-Західне Причорномор'я // Археологія. 1971. № 4.
9. *Тощев Г. Н.* Средний период бронзового века Северо-Западного Причерноморья: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06 Киев, 1982.
10. *Дергачев В. А.* Раскопки в Данченах и некоторые вопросы изучения памятников позднего Триполья и катакомбной культуры // Археологические исследования в Молдавии (1974—1976 гг.) Кишинев: Штиинца, 1981.
11. *Шапошникова О. Г.* Ингульская культура // Тез. докл. XVII конференции Института археологии АН УССР. Ужгород, 1978.
12. *Елагина Н. Г., Погребова Н. Н.* Археологическая разведка по берегам Ингула // КСИИМК. 1959. Вып. 77.
13. *Шапошникова О. Г., Шарафутдинова И. Н., Никитин В. И., Ребедайло Г. П.* Работы Ингульской экспедиции // АИУ — 1968. Киев, 1971.
14. *Граков Б. Н., Елагина Н. Г.* Отчет скифской степной экспедиции истфака МГУ за 1957 г. // Архив ИА АН УССР. № 57/1.
15. *Клюшинцев В. Н.* Новые памятники бронзы Нижнего Побужья // Открытия молодых археологов Украины. Вып. 1. Киев: Наук. думка, 1976.
16. *Никитин В. И.* Поселение катакомбного времени у с. Малая Корениха // 150 лет Одесскому археологическому музею АН СССР. Тез. докл. Киев: Наук. думка, 1975.
17. *Русяева А. С.* Разведка в районе Березанского лимана // АИУ — 1965—1966. Киев, 1967.
18. *Никитин В. И.* Работы на поселении эпохи средней бронзы у с. Матвеевка // АО — 1976. М., 1977.
19. *Никитин В. И.* Поселение эпохи средней бронзы у с. Матвеевка // АО — 1975. М., 1976.
20. *Никитин В. И.* Поселение эпохи средней бронзы у с. Матвеевка // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тез. докл. Донецк, 1979.
21. *Попова Т. Б.* Племена катакомбной культуры // Тр. ГИМ. 1955. Вып. 24.
22. *Шапошникова О. Г., Бочкарев В. С., Шарафутдинова И. Н.* О памятниках эпохи меди — ранней бронзы в бассейне р. Ингула // Древности Поингулья. Киев: Наук. думка, 1977.
23. *Шапошникова О. Г., Бочкарев В. С., Корпусова В. Н.* Курганная группа у с. Привольное // Археологические памятники Поингулья. Киев: Наук. думка, 1980.
24. *Шарафутдинова И. Н.* Северная курганная группа у с. Соколовка // Археологические памятники Поингулья. Киев: Наук. думка, 1980.
25. *Шапошникова О. Г., Ребедайло Г. П.* Курганная группа у с. Новорозановки // Древности Поингулья. Киев: Наук. думка, 1977.
26. *Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Балушкин А. М.* Курганная группа близ с. Старогорожена // Древности Поингулья. Киев: Наук. думка, 1977
27. *Ковпаненко Г. Т. Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А.* Раскопки курганов у с. Ковалевка // Курганы на Южном Буге. Киев: Наук. думка, 1978.
28. *Ковалева И. Ф.* Погребальный обряд и идеология ранних скотоводов. Днепропетровск: Изд-во Днепропетровск. ун-та, 1983.
29. *Ковпаненко Г. Т., Качалова Н. К., Шарафутдинова И. Н.* Курганы у с. Новочерноморье Херсонской области // Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев: Наук. думка, 1967.
30. *Лагодовська О. Ф., Шапошнікова О. Г. Макаревич М. Л.* Михайлівське поселення. Київ: Вид-во АН УРСР, 1962.
31. *Бібікова В. І., Шевченко А. І.* Фауна Михаіловського поселення // *Лагодовська О. Ф., Шапошнікова О. Г., Макаревич М. Л.* Михаіловське поселення. Київ: Вид-во АН УРСР, 1962.

32. *Цалкин В. И.* Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.: Наука, 1970.
33. *Братченко С. Н.* К вопросу о сложении бабинской культуры (многоваликовой керамики) // Вильнянские курганы в Днепровском Надпорожье. Киев: Наук. думка, 1977
34. *Бидзиля В. Н., Яковенко Э. В.* Рало из позднеямного погребения конца III — начала II тыс. до н. э. // СА. 1973. № 3.
35. *Никитенко М. М.* О датировке балкинского рала // Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев: Наук. думка, 1977
36. *Ковалева И. Ф., Волкобой С. С., Марина З. П. и др.* Исследование курганных могильников у с. В. Маевка в степном междуречье рек Орели и Самары // Курганные древности Степного Поднепровья (III—I тыс. до н. э.). Днепропетровск: Изд-во Днепропетровск. ун-та, 1977.
37 *Лихачев В. А.* Рало из погребения у с. Верхняя Маевка // Древности Степного Поднепровья (III—I тыс. до н. э.). Днепропетровск: Изд-во Днепропетровск. ун-та, 1982.
38. *Шарафутдінова І. М.* Орнаментовані сокири-молотки з катакомбних поховань на інгулі // Археологія. 1980. № 33.
39. *Клюшинцев В. Н.* Памятники культуры многоваликовой керамики Степного Побужья // Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. Тез. докл. Днепропетровск, 1980.
40. *Березанская С. С.* Основные результаты изучения культуры многоваликовой керамики // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тез. докл. Донецк, 1979.
41. *Березанская С. С.* Северная Украина в эпоху бронзы. Киев: Наук. думка, 1982.

V I. Nikitin

MATVEEVKA I, A CATACOMB-BURIAL CULTURE SETTLEMENT ON THE SOUTHERN BUG

Summary

Three oval constructions, the clay walls of which rested on stone foundations (Fig. 3) have been studied between 1975 and 1982 on the eastern bank of the Southern Bug River (at Nikolaev). They belong to Matveevka I, one of the numerous settlements of the catacomb culture (Figs. 1, 2). (The area studied by archaeologists is 3000 sq m.) The dwellings were 220 sq m, 320 sq m and 215 sq m. People entered them by a narrow corridor (4 m long and 2 m wide) in the southern wall. Eight household pits and 7 small drain ditches were discovered. The pottery belong to two cultural entities: the catacomb culture (Figs. 4, 5) and the multiroller pottery (Fig. 6). The settlement also produced flint implements (Fig. 7) and stone and bone tools (Fig. 8). These materials are dated to the period when the catacomb culture in the Northern Pontic Area was ceding its place to the culture of multiroller pottery in the late 17th c. B. C. An analysis of the bone remains show that the steppe nomadic tribes were gradually shifting to settled agricultural—cattlebreeding economy in which horned cattle predominated.

О. П. Журавлев, Л. В. Сычева

ПАЛЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ МАТВЕЕВКА I

В течение целого ряда лет авторами определялся остеологический материал, находимый при раскопках поселения катакомбной культуры близ с. Матвеевка Николаевской обл. Всего определено около 17 тыс. фрагментов: млекопитающие — 16 930 костей, птицы — 10 костей и рыбы —33 кости; кроме того, найдено 6 створок двустворчатых моллюсков. В связи с абсолютным преобладанием млекопитающих здесь будет рассмотрена именно эта группа животных.

Из 16 930 костей млекопитающих на долю домашних животных при-

ходилось 13 105, диких —33, не удалось определить 3792 кости. Таким образом, домашним принадлежало 77,4% костей, диким —0,2%, на долю неопределимых пришлось 22,4%. Из домашних животных найдены кости быка (10 320, или 78,75% общего количества костей домашних животных), овцы (277, или 2,11%), козы 71, или 0,54%), мелкого рогатого скота, не определимого до вида (2066, или 15,77%), свиньи (5, или 0,04%), лошади (283, или 2,16%) и собаки (82, или 0,63%). По числу особей на долю быка пришлось 95 (из них 13 молодых и 22 полувзрослых), или 61,29% общего числа особей домашних животных; овцы — 25 (из них 5 полувзрослых), или 16,13%; козы — 6, или 3,87%; мелкого рогатого скота — 13 (из них 8 молодых и 2 полувзрослых), свиньи — 2 (из них 1 молодая), или 1,29%; лошади — 10 (из них 1 молодая и 1 полувзрослая), или 6,45%; собаки — 4 (из них 1 молодая), или 2,58%. Кости диких животных распределились следующим образом. На долю зайца русака — 18, или 54,55% общего количества костей диких млекопитающих; лисицы — 9, или 27, 27%; волка — 2, или 6,06%; дельфина (до вида не определимы) — 3, или 9,09%; сайгака — 1, или 3,03%. Число особей было следующим: заяц русак — 5 (из них 2 молодые), или 50% общего числа особей диких животных; лисица — 2, или 20%, волк, дельфин и сайгак — по 1, или по 10%.

В настоящий момент мы располагаем, кроме Матвеевки, данными всего по двум поселениям эпохи средней бронзы Северного Причерноморья. Первое — это поселение у с. Кирово в Крыму, где было найдено в слое катакомбной культуры костей быка — 60 (55,56% общего количества костей домашних животных) от 8 особей (42, 11% общего числа особей домашних животных), мелкого рогатого скота — 8 костей (7,40%) от 3 особей (15,79%), свиньи — 1 кость (0,93%) от 1 особи (5,26%), лошади — 27 костей (25,00%) от 6 особей и собаки — 12 костей (11,11%) от 1 особи (5,26%). Кроме того, были найдены 2 кости от 1 особи кулана [1, с. 97] Второе — Ливенцовская крепость в Нижнем Подонье, принадлежавшая племенам северокавказской культуры, где было найдено быка — 1187 костей (54,04% общего количества костей домашних животных) от 19 особей (52,78% общего числа особей домашних животных), мелкого рогатого скота — 754 кости (36,23%) от 12 особей (13,33%), лошади — 124 кости (5,96%) от 4 особей (11,11%) и собаки — 16 костей (0,77%) от 1 особи (2,79%). Из диких было найдено: 1 кость (9,09% общего количества костей диких животных) от 1 особи (20% общего числа особей диких животных) лесного кота, 6 костей (54,55%) от 2 особей (40%) кабана, 3 кости (27,27%) от 1 особи (20%) тура и 1 кость (9,09) от 1 особи (20%) сайгака [2, с. 22).

Таким образом, на всех перечисленных поселениях эпохи средней бронзы по числу особей преобладал бык домашний, за ним следовали мелкий рогатый скот и лошадь. Обращает на себя внимание наличие домашней свиньи в Матвеевке и Кирово и отсутствие ее в Ливенцовской крепости. Возможно, что в данном случае играют роль особенности хозяйства различных культур — ведь Матвеевка и Кирово относятся к катакомбной, а Ливенцовская крепость к северокавказской культуре. Наличие свиней обычно рассматривают как одно из доказательств оседлости населения, поскольку кочевые или полукочевые племена этих животных не разводят. Если исходить из этого, то племена катакомбной культуры надо признать перешедшими к оседлой жизни ранее, чем северокавказской. Малочисленность свиней может быть объяснена двумя причинами: это малое количество сочных кормов в степных районах и необычность или непривычность разведения этих животных для племен, перешедших от кочевого к оседлому образу жизни.

Возрастной состав домашних животных из Матвеевки указывает на то, что в пищу употреблялись в основном взрослые (старше 2 лет) животные. Следовательно, животноводство располагало достаточным количеством кормов для содержания не только основного поголовья стада, но и подраставшего молодняка — приплода этого года.

Половой состав стада крупного рогатого скота по графикам корреляции В. И. Цалкина [3, с. 109—126] был следующим: из 5 целых пястей и плюсен 2 (или 40%) принадлежали коровам и 3 (60%) — волам. Высота в холке коров составляла от 103 до 114,5 см, в среднем 108,75; волов — от 127,5 до 135,5 см, в среднем 131,17 см. Следовательно, по имеющимся данным в стаде было значительное количество волов, между коровами и волами наблюдался четко выраженный половой диморфизм. Конечно, имеющиеся данные ни в коем случае не претендуют на окончательность и завершенность из-за малой выборки, но наличие на поселении волов и хорошей кормовой базы животноводства скорее всего указывает на развитое сельское хозяйство, в котором волы выполняли функции тягловых животных. Обращает на себя внимание и то, что на поселении были найдены первые фаланги крупного рогатого скота с патологическими изменениями. Такие изменения при прочих причинах могли возникнуть и от того, что животные подвергались сильным физическим нагрузкам, например при пахоте.

При разведении мелкого рогатого скота преимущество отдавалось овцеводству. Такое явление характерно для большинства поселений эпохи поздней бронзы, теперь аналогичные данные получены и для поселения эпохи средней бронзы. Исходя из нашего материала, в стаде преобладали самки. Следовательно, можно говорить о преимущественно молочном направлении в разведении овец и коз.

Из пяти целых трубчатых костей лошадей четыре принадлежали малорослым лошадям и одна — рослой (определение по методу В. О. Витта [4, с 172, 173]). По относительной ширине диафиза (согласно А. Браунеру [5, с. 105—108]) одну из этих костей следует отнести к тонконогим, одну — к полутонконогим и две — средненогим. Одна определению не поддается.

Незначительное количество костей диких животных указывает на слабое развитие охоты у племен эпохи средней бронзы. Видовой состав диких млекопитающих позволяет установить наличие в районе Матвеевки солоноватого лимана (поселение расположено на левом берегу Южного Буга несколько севернее г. Николаева), поскольку в пресные воды дельфины заходят, как правило, на незначительные расстояния, а от поселения до Черного моря по Бугскому и Днепро-Бугскому лиманам около 70 км; а также широких степных пространств — мест обитания сайгаков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бибикова В. И.* Фауна и поселения у с. Кирово // Древности Восточного Крыма (предскифский период и скифы). Киев: Наук. думка, 1970.
2. *Журавлев О. П.* Дикие млекопитающие эпохи бронзы Нижнего Дона // Эколого-морфологические особенности животных и среда их обитания. Сб. науч. тр. Киев: Наук. думка, 1981.
3. *Цалкин В. И.* Изменчивость метаподий и ее значение для изучения крупного рогатого скота в древности // Бюл. Моск. о-ва испыт. природы. Отд. биол. 1960. Т. 65. Вып. 1.
4. *Витт В. О.* Лошади Пазырыкских курганов // СА. 1952. Т. XVI.
5. *Браунер А.* Материалы к познанию домашних лошадей России. I. Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда Херсонской губ. Equus Goschkewitschi mini // Зап. Импер. о-ва сельск. хоз-ва Южной России. Т. 86. Кн. 1. Одесса, 1916.

В. Г. ЖИТНИКОВ

О БРОНЗОЛИТЕЙНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО ГОРОДИЩА НА ДОНУ

Крупнейшее поселение Юго-Восточной Скифии V — первой половины III в. до н. э. — Елизаветовское городище в дельте Дона — обычно характеризуется как важный центр греко-варварского и межплеменного торгового обмена. Не располагая необходимыми материалами, исследователи довольно редко обращались к вопросам, связанным с развитием различного рода ремесел на поселении, в частности бронзолитейного производства. Так, еще в 30-е годы Т. Н. Книпович, опираясь на немногочисленные находки из раскопок А. А. Миллера, пришла к выводу о возможном существовании на Елизаветовском поселении производства металлических ювелирных изделий; однако она не исключала и возможности ввоза этих украшений из области Боспора [1, с. 176, 177, 181] Е. О. Прушевская допускала, что определенная часть украшений, найденных в курганах Елизаветовского могильника, может являться продукцией местных мастеров [2, с. 344]. К заключению о существовании ювелирного дела на поселении пришел и Д. Б. Шелов [3, с. 51] На развитие производства бронзовых и медных изделий неоднократно указывали И. Б. Брашинский и К. К. Марченко [4, с. 104; 5, с. 214] Следует, однако, отметить, что все высказывавшиеся на этот счет суждения либо основывались на крайне узкой источниковедческой базе, либо имели декларативный характер.

В последние десятилетия положение существенным образом изменилось. Широкие исследования Елизаветовского городища, проведенные в 60-х — начале 80-х годов Южно-Донской экспедицией ЛОИА АН СССР, позволяют более обоснованно и полно осветить многие аспекты обработки цветных металлов на поселении. Как представляется, публикуемые материалы имеют большое значение и для правильного понимания роли Елизаветовского поселения в хозяйственной жизни населения Северо-Восточного Приазовья в указанный период.

При раскопках в культурном слое городища постоянно встречаются многочисленные медные шлаки и окислившиеся сплески меди, обломки тиглей и сопел печей, готовые брозовые изделия и полуфабрикаты, фрагменты литейных форм и т. д. Необходимо отметить, что нет ни одного района городища, ни одного квадрата, которые не давали бы подобных находок. Неоднократно фиксировались единовременные сбросы медных шлаков и других отходов медеплавильного производства. Так, например, при исследовании заполнения строительного комплекса 17 (раскоп XIV) был обнаружен сброс остатков литейного производства, включавший более сотни шлаков, свыше 20 обломков тиглей и трубчатых сопел [6, с. 16, рис. 38] Аналогичный сброс был выявлен и на раскопе XV, в ходе работ 1981 г Многочисленность подобных находок может говорить о широком развитии литейного дела на поселении.

Как указывалось выше, в слоях городища часто встречаются фрагменты глиняных трубчатых сопел, которые использовались для подачи воздуха в медеплавильную печь. (рис. 1, *1—4*). Оптическое изучение обломков сопел показало, что они изготовлены из глины с примесью кварца и незначительными включениями слюды. Фиксируются и следы выгоревшей органической примеси. Наружная

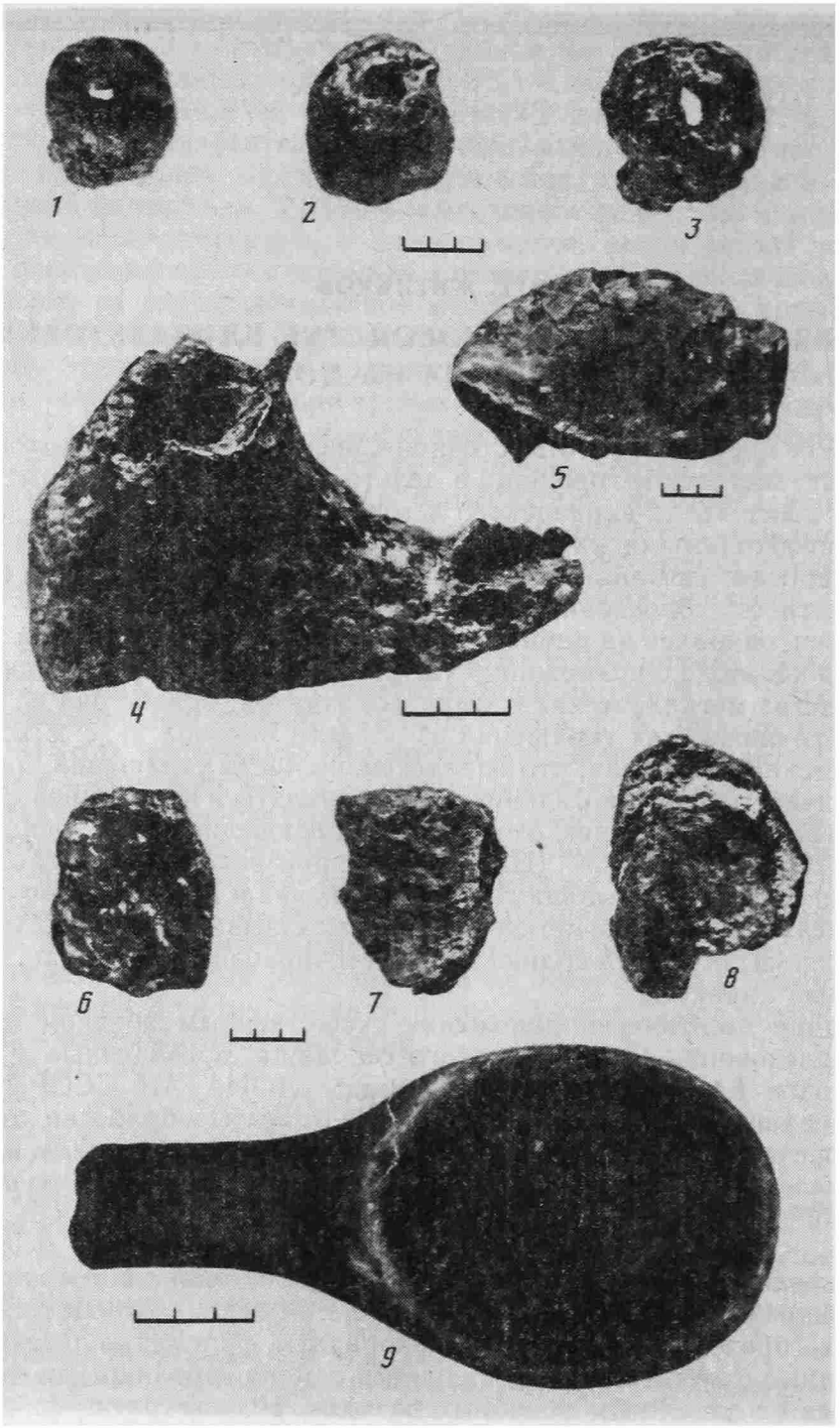


Рис. 1. Остатки медеплавильного производства из раскопок Елизаветовского городища. *1—4* — глиняные сопла; *5—8* — фрагменты тиглей; *9* — керамическая льячка

поверхность сопел ошлакована, а их узкие концы, которые вставлялись в плавильню, покрыты черным стекловидным шлаком и каплями окислившейся меди. Диаметр дутьевого канала сопел составляет 11—15 мм, толщина стенки — от 9 до 15 мм. Одно из сопел (рис. 1, *4*) имеет несколько необычную, неправильно-коническую форму и крупные размеры. Дутьевой канал сопла сужается к устью и имеет диаметр от 42 до 22 мм. Исследование фрагментов трубчатых сопел позво-

ляет прийти к выводу, что они формировались на конических деревянных стержнях.

Следует заметить, что в типологическом отношении указанные сопла вполне обычны. Аналогичные сопла использовались в медеплавильном деле в скифское время на широкой территории — от Северного Причерноморья до Тувы, известны они, в частности, и на Каменском городище [7, табл. XIV, *6—8*; 8, с. 304] По-видимому, повсеместно применялась и подобная технология изготовления сопел [9, с. 75, 91]

Плавка и, очевидно, легирование меди проводились в глиняных тиглях, обломки которых с ошлакованной внутренней поверхностью и следами медных окислов и шлаков часто встречаются в ходе раскопок (рис. 1, *6—8*). К сожалению, большинство тиглей представлены лишь невыразительными фрагментами стенок, не позволяющими реконструировать форму сосудов. Несомненный интерес представляет обломок плоскодонного тигля, имеющего форму миски и довольно толстые (до 3 см в придонной части) стенки (рис. 1, *5*). По внутренней поверхности тигля, как бы деля его на две части, проходит желобок для переливания расплавленной меди. Внутри тигля зафиксированы остатки шлака.

Среди находок, явно связанных с бронзолитейным делом, следует отметить глиняную ложкообразную льячку без слива, с частично отбитой ручкой (рис. 1, *9*). Объем льячки — около 0,2 л. На внутренней поверхности льячки отмечены следы медного окисла. Как известно, в Скифии были распространены льячки с носиками, однако имелись и аналогичные нашей [10, рис. 4, *к*)

Одной из важнейших категорий орудий труда, используемых для изготовления медно-бронзовых изделий, являются литейные формы. В настоящее время известны обломки пяти литейных форм, происходящих из раскопок Елизаветовского городища. Первая из них была найдена в 1928 г., в ходе работ экспедиции ГАИМК под руководством А. А. Миллера. Это фрагмент керамической формы, предназначенной для отливки, по всей видимости, плоских подвесок с шариками на концах [1, с. 176, рис. 55]

Исследования городища, проведенные Южно-Донской экспедицией ЛОИА АН СССР, пополнили коллекцию литейных форм. Раскопками В. П. Шилова в 1958 г. в слое IV — начала III в. до н. э. обнаружен фрагмент створки двухсоставной литейной формы, изготовленной из мелкозернистого известняка (рис. 2, *1*, 3, *1*). Размеры обломка — 4,7×1,8 см при толщине 2,2 см. Внешняя поверхность формы и ее рабочая плоскость тщательно отшлифованы. На рабочей плоскости фрагмента сохранился ряд из четырех воронкообразных выемок диаметром 3,5 мм, переходящих в конусообразные углубления глубиной 8 мм. Расстояние между воронками-выемками составляет 4,5—6 мм. Поверхность воронок украшена радиальными насечками. От литниковой системы сохранились лишь небольшие каналы, соединявшие углубления-воронки с основным каналом, по которому поступал расплавленный металл. Литейная форма, безусловно, служила для отливки небольших биконических бусин, орнаментированных насечками. Отметим, что очень похожая литейная форма была найдена при раскопках Мирмекия [11, с. 104, рис. 37,*4—6*]

Несомненный интерес представляют фрагменты двухстворчатой литейной формы, предназначенной для одновременного изготовления большого количества псевдовитых пронизок (рис. 2, *2*; 3, *2*). Форма выполнена из пластичной глины; размеры обломков — 8,1×6,7 см и 5,4×3,9 см при толщине 1,8 см. Поверхность формы хорошо отшлифована. На рабочей плоскости одного из фрагментов сохранилось сквозное отверстие для одного из штифтов, скреплявших створки. Расплавленный металл через воронкообразные углубления, расположенные на торце одного из обломков формы, заливался в два основных канала литниковой системы; далее по вспомогательным каналам он поступал непосредственно к негативам пронизок. Негативы, расположенные в одном ряду, разделяются небольшими желобообразными углублениями, которые на 1 мм возвышаются над их поверхностью. В эти углубления плотно укладывался какой-либо стер-

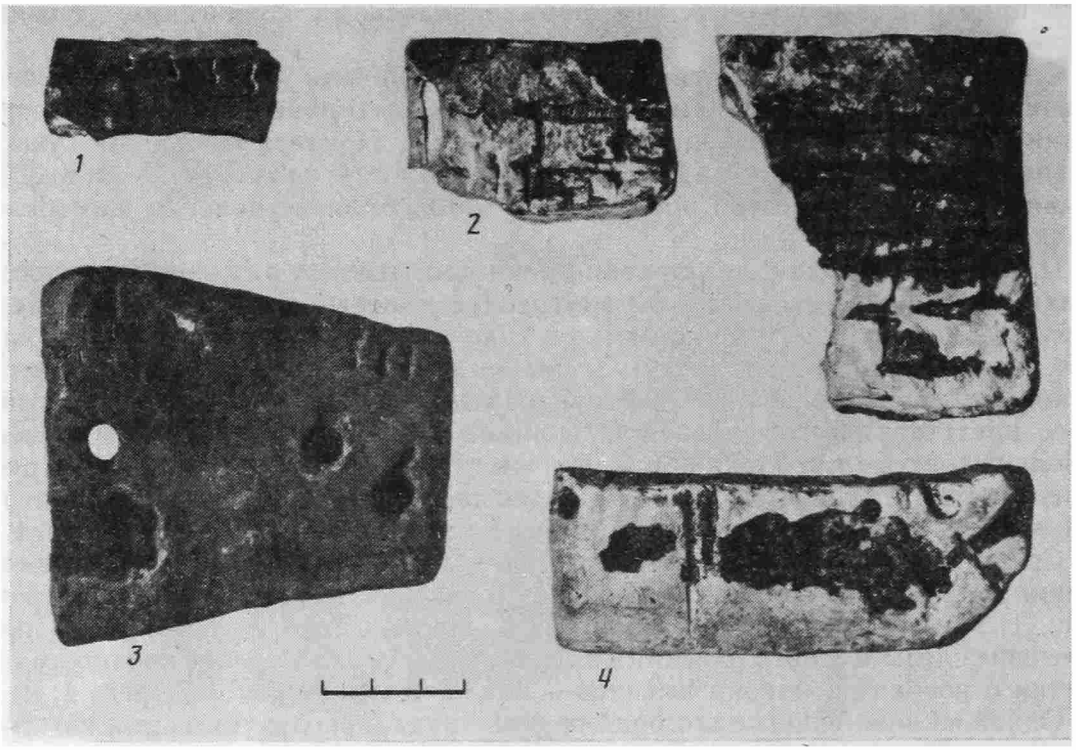


Рис. 2. Литейные формы Елизаветовского городища

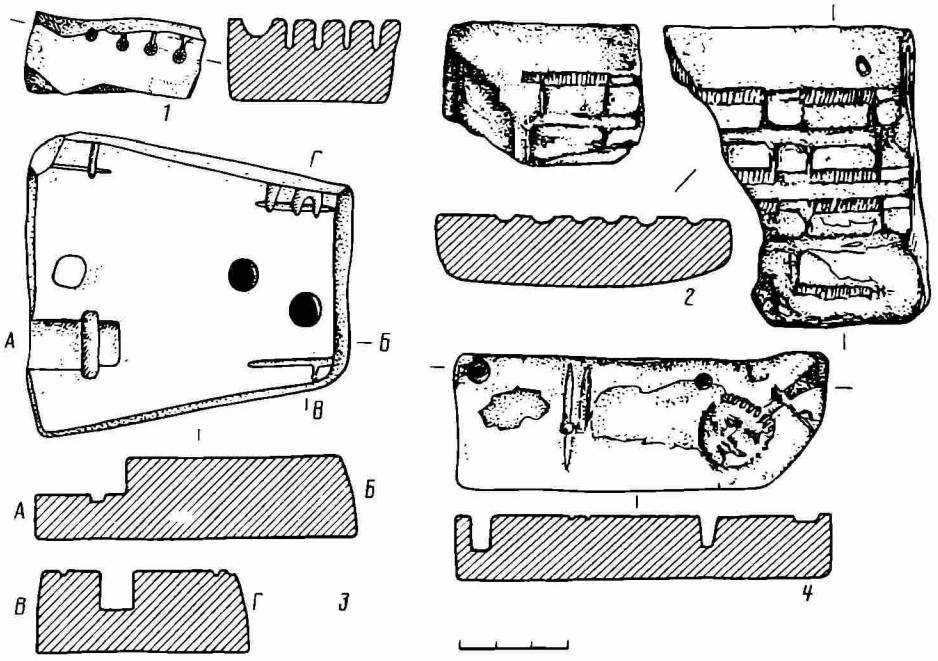


Рис. 3. Литейные формы Елизаветовского городища

жень, возможно керамический, препятствовавший поступлению металла от одного негатива к другому и одновременно образовывавший внутреннюю полость пронизок. В результате отливки в литейной форме получались пронизки длиной 19 мм и диаметром 4,5 мм.

В ходе работ 1964 г. была найдена заготовка створки литейной формы, изготовленная из обломка красноглиняной боспорской черепицы (рис. 2, *3*; 3, *3*). Она имеет трапециевидную форму и размеры 8,8×8,1 — 5,5×2,2 см. На тщательно отшлифованной рабочей плоскости заготовки имеется три отверстия диаметром 0,8 — 0,9 см, предназначавшихся для штифтов, которые должны были скреплять створки формы. Одно из них сквозное, два других имеют глубину 1,1 и 1,25 см. Несомненно, первоначально мастер рассчитывал изготовить несколько негативов для одновременной отливки различных предметов. Так, в одном из углов формы имеется прекрасно выполненный негатив цилиндрической втулки высотой 2,45 см и диаметром 1,35 см с кольцевым ободком шириной 0,2 см. Помимо этого на рабочей плоскости формы сохранились и небрежно выполненные каналы литниковой системы, и неглубокие конусообразные выемки диаметром 1—3 мм. Можно только предполагать, почему изготовление формы не было доведено до конца.

В 1977 г была обнаружена створка литейной формы, предназначенной для отливки бляшек с изображением женского лица (Горгонейон?) (рис. 2, *4*; 3, *4*). Форма изготовлена из пластичной глины; она имеет прямоугольную форму и размеры 10,2×3,6 см при толщине 1,7 см. Рабочая поверхность формы покрыта темной коркой, образовавшейся под воздействием высокой температуры расплавленного металла. Корка частично отслоилась, поэтому сохранилась лишь часть негативов. Возможно, помимо бляшек в форме отливались и другие изделия. Расплавленный металл поступал к негативу по довольно широкому каналу литниковой системы. На рабочей поверхности формы имеются два глубоких отверстия для штифтов, скреплявших створки. Необходимо отметить, что при раскопках курганов Елизаветовского могильника в 1908 г А. А. Миллером были найдены бляшки, очень похожие на отливавшиеся в описанной форме [12, рис. 5, *1*]

Представление о продукции, производимой мастерами-литейщиками Елизаветовского поселения, дает коллекция из 172 медных и бронзовых предметов, происходящих из раскопок одноименного городища и его курганного могильника в 1977 г и исследованных в лаборатории спектрального анализа Института археологии АН СССР [1] Разумеется, изученная коллекция, ограниченная кругом находок только одного года раскопок, ни в коей мере не исчерпывает всего разнообразия металлических предметов, бытовавших в донской дельте в V — первой половине III в. до н. э.

Коллекция состоит преимущественно из наконечников стрел (124 экз.), большинство которых было найдено в погребениях Елизаветовского могильника. В связи с этим уместно напомнить, что Елизаветовский курганный могильник составляет с поселением единый культурно-исторический и археологический комплекс [5, с. 217], поэтому совместное рассмотрение материалов обоих памятников представляется правомерным. Среди спектрально изученных изделий имеются и различные украшения — прежде всего браслеты, височные подвески, булавки и т. д. (всего 28 экз.), а также фрагмент зеркала, бляшка в зверином стиле, обломки панцирных пластин, крючок, фрагменты неопределимых предметов. Отметим, что значительная часть этой группы изделий (несколько браслетов, булавки, вышеупомянутая бляшка и др.) происходит из раскопок городища. Там же были обнаружены и явно импортные вещи, включенные в коллекцию: монета плохой сохранности (по-видимому, пантикапейская, IV в. до н. э.) и дужка сосуда типа ситулы.

Предметы коллекции, найденные при раскопках Елизаветовского городища, так же как и многочисленные остатки медеплавильного производства, рассмотренные выше, происходят из слоев IV — начала III в. до н. э. Большинство по-

---

[1] Пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность Т. Б. Барцевой, которая провела спектроаналитические исследования и предоставила их результаты в распоряжение Южно-Донской экспедиции.

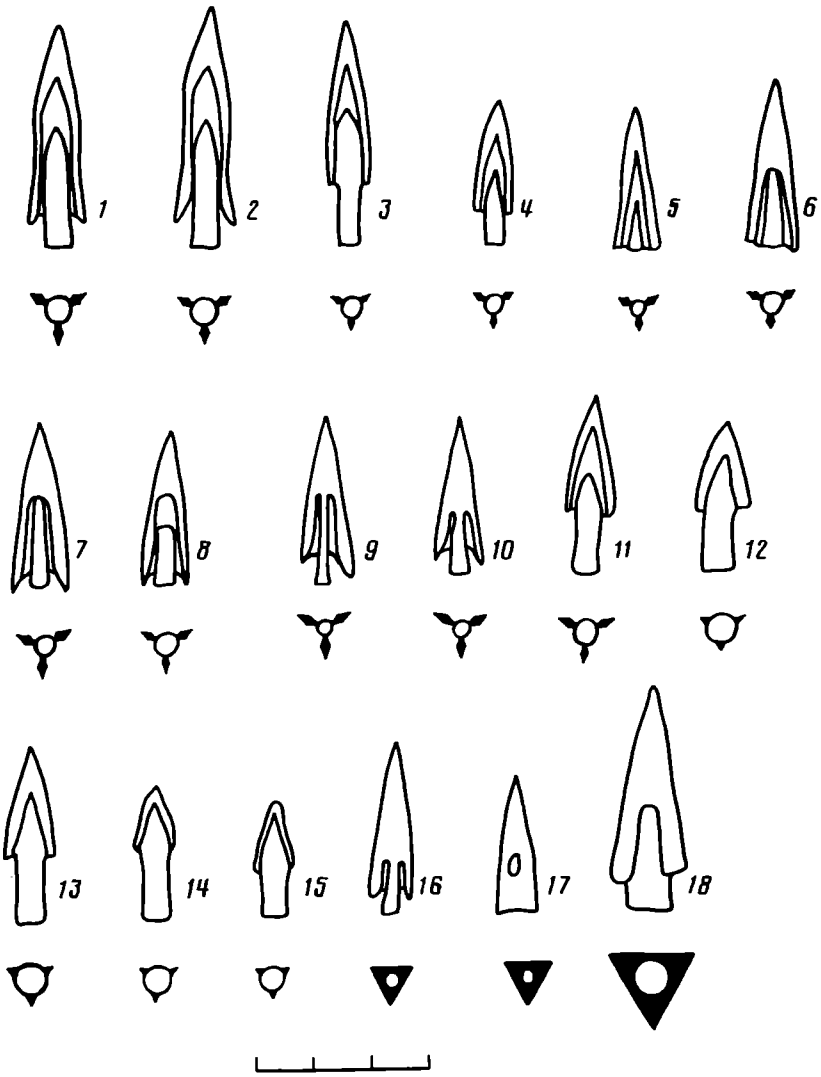


Рис. 4. Основные типы наконечников стрел Елизаветовского городища и могильника (раскопки 1977 г.)

гребений могильника, металлический инвентарь которых изучался спектрально, надежно датируется греческой импортной керамикой различными периодами IV в. до н. э. Лишь два погребения с незначительным количеством бронзовых предметов относятся к середине — второй половине V в. до н. э. Типологических различий между ранними и более поздними изделиями не установлено.

Как указывалось выше, наибольшую часть коллекции составляют наконечники стрел (первая группа изделий), которые подразделяются на трехлопастные и трехгранные.

Трехлопастные наконечники представлены следующими типами.

1. С башнеобразным очертанием головки и выступающей втулкой. Головка вытянута вверх, грани слегка вогнуты (рис. 4, *1, 2*).

2. Наконечники с узкой и слегка сводчатой головкой и длинной, выступающей на 1 см втулкой. Концы лопастей либо несколько заострены, либо обрезаны под прямым углом (рис. 4, *3*). Имеются стрелы с небольшой сводчатой головкой и более короткой втулкой (рис. 4, *4*).

3. Так называемые «базисные» наконечники, концы лопастей у которых срезаны вровень с основанием скрытой втулки. В плане головка имеет форму треугольника с довольно широким основанием (рис. 4, *5*).

4. Стрелы со слегка сводчатой головкой и скрытой втулкой. Концы всех трех или только одной лопасти свисают вниз и заострены в виде шипа. Втулка подчеркивается по бокам узкими ложками, иногда она отделена от головки более или менее широким углублением (рис. 4, *6—8*).

5. Наконечники с пирамидальной или слегка сводчатой головкой, выступающей втулкой и заостренными и свисающими вниз концами лопастей. Втулка подчеркнута узкими ложками и не отделена от головки (рис. 4, *9—10*)

6. Стрелы с довольно массивной сводчатой головкой и длинной выступающей втулкой. Концы лопастей обрезаны под прямым углом (рис. 4, *11*).

7 Наконечники стрел с массивной сводчатой головкой и длинной втулкой (1—1,2 см), сразу переходящей в небольшие лопасти. Концы лопастей срезаны либо под прямым, либо под тупым углом (рис. 4, *12—15*).

Трехгранные наконечники в основном представлены следующими типами.

1. Наконечники со слабодуговидными ребрами, косо срезанными концами граней и выступающей втулкой. Втулка подчеркивается небольшими узкими ложками (рис. 4, *16*).

2. Стрелы со слабодуговидными ребрами, обрезной втулкой и несколько свисающими концами граней (рис. 4, *17*).

3. В единственном экземпляре найден массивный трехгранный наконечник стрелы с пирамидальной головкой и слегка выступающей втулкой, отделенной от головки высоким арочным вырезом (рис. 4, *18*)

Все указанные типы наконечников стрел хорошо представлены в комплексах степной и лесостепной Скифии второй половины V—IV в. до н. э. [13, рис. 1, табл. 8, 9; 14, табл. 34, 35]

Во вторую группу спектрально изученных бронзовых и медных изделий нами объединены различные украшения и немногочисленные единичные вещи. Сюда же включены и предметы плохой сохранности, не представленные на рисунках (монета, панцирные пластины, обломок зеркала), а также фрагменты изделий неясного назначения.

Наиболее многочисленную категорию в этой группе составляют браслеты и их фрагменты — всего 16 экз. Их можно разделить на несколько типов.

1. Гладкие браслеты, изготовленные из толстого, круглого в сечении стержня диаметром 0,5—0,6 см, обрубленного с обоих концов. Концы браслетов обычно разомкнуты (рис. 5, *1—4*). Как вариант этого типа следует рассматривать браслет с заходящими друг за друга и тупо обрезанными концами (рис. 5, 5) Один из фрагментов браслетов (рис. 5, *13*) отнесен к этой группе условно, ибо имеет только один обрубленный конец.

2. К следующему типу отнесены браслеты из округлого в сечении стержня, утончающегося к обоим концам. Концы браслетов либо разомкнуты (рис. 5, *7—9*), либо заходят друг за друга (рис. 5, *10*) К этому же типу отнесены три обломка браслетов (рис. 5, *12, 14, 15*).

3. Лишь одним экземпляром представлен в коллекции тип округлых в сечении браслетов, у которых один из концов обрезан, а второй имеет утолщение (рис. 5, *6*).

4. Пластинчатые браслеты, вошедшие в коллекцию, выполнены из пластины шириной 0,5 см и имеют разомкнутые и прямо обрубленные концы (рис. 5, *11, 16*).

Все перечисленные типы браслетов были широко распространены у населения степной и лесостепной Скифии в V—III вв. до н. э. [15, с. 53—57, табл. 40, 42, 43]

Следующая группа украшений — височные подвески. Они изготовлены из круглой в сечении тонкой проволоки и делятся на два типа: 1) спирально изогнутые подвески, концы которых поднимаются вверх в разных плоскостях и имеют форму кегли с двумя кольцеобразными валиками под ней (рис. 5, *17, 18*); 2) подвески аналогичной формы, но с заостренными концами (рис. 5, *19*).

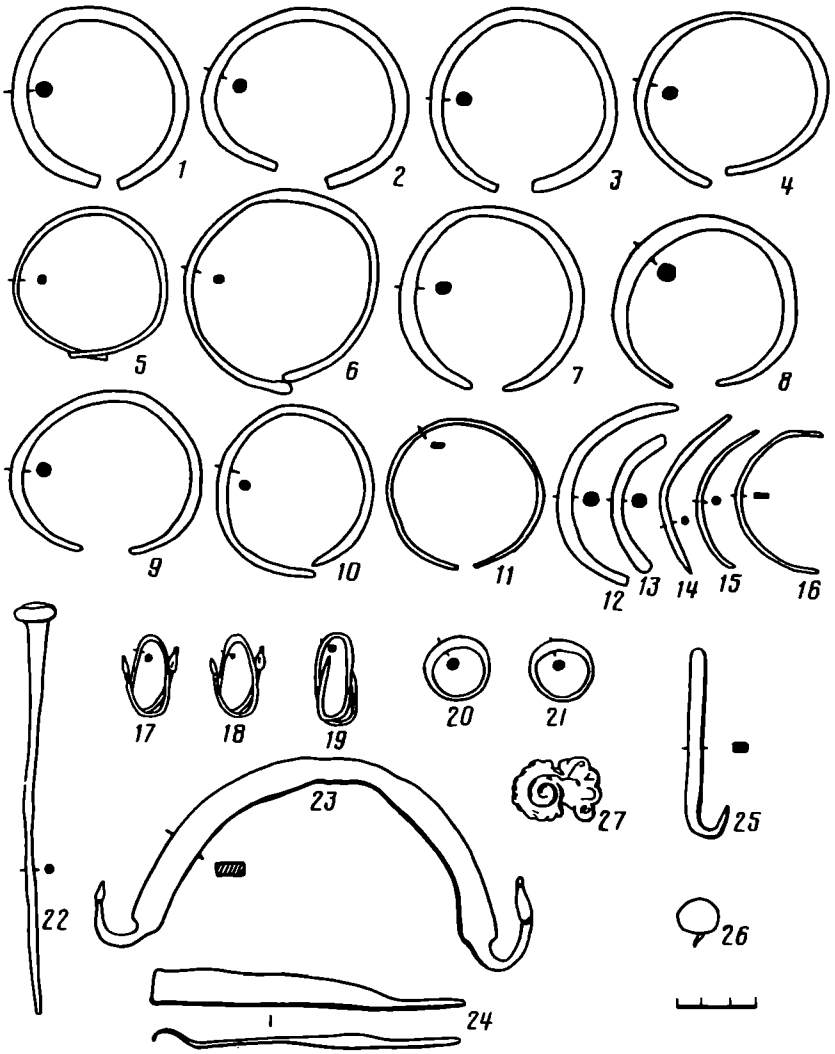


Рис. 5. Бронзовые украшения и иные изделия из Елизаветовского городища и могильника (раскопки 1977 г.)

Отметим, что подобные подвески хорошо известны в памятниках Скифии V—IV вв. до н. э. [15, с. 35, табл. 22]

Среди изученных предметов имеется и пара колец-подвесок в форме литого калачика диаметром 2,4 см с расширением в одной из половин (рис. 5, *20, 21*).

Гвоздевидные булавки представлены в коллекции одним целым экземпляром с массивной цилиндрической головкой, слабовыпуклой шляпкой и гладким и прямым стержнем, округлым в сечении. Длина булавки — 15,6 см (рис. 5, *22*). Кроме того, имеется обломок плоской шляпки булавки (рис. 5, *26*).

Особый интерес среди изделий второй группы вызывает бронзовая ременная бляшка, выполненная в зверином стиле и обнаруженная при раскопках городища (рис. 5, *27*). На обратной стороне бляшки имеется петля. Аналогичные бляшки хорошо представлены в скифских древностях IV в. до н. э. (см., например, [14, с. 40, табл. 30, *1, 2*; 16, с. 264, рис. 2, *22*; 17, рис. 43, *11*]).

К этой же группе отнесены бронзовый крючок (рис. 5, *25*), дужка сосуда типа ситулы (рис. 5, *23*) и изогнутая с одного края плоская пластинка неопределенного назначения (рис. 5, *24*).

Таким образом, бронзовые изделия и остатки металлургического производства занимают видное место среди находок, происходящих из раскопок Елизаветовского городища. Многочисленный металлический инвентарь содержит и погребения курганного могильника. Эти материалы, безусловно, свидетельствуют

о достаточно высоком уровне и большой роли обработки цветных металлов в экономической жизни поселения в IV — начале III в. до н. э., в период его экономического расцвета.

Разумеется, мы далеки от мысли рассматривать все бронзовые изделия, бытовавшие на Елизаветовском поселении и в донской дельте в указанное время, в качестве продукции местных мастеров-литейщиков. Учитывая широкие торговые связи поселения, следует предполагать и возможность ввоза некоторой части готовых металлических изделий из городов Боспора, может быть, определенных категорий вещей, например предметов торевтики и некоторых украшений. В этой связи напомним, что в одном из курганов группы «Пять братьев», входящей в структуру Елизаветовского могильника, в 1959 г. В. П. Шилов раскопал богатое «царское» погребение IV в до н. э., содержавшее огромное количество золотых и бронзовых предметов, среди которых имеются выдающиеся образцы античной торевтики [18, с. 157—163; 19, с. 67, 68] Тем не менее несомненным представляется факт местного производства значительной части медных и бронзовых изделий. На развитие елизаветовской металлообработки прямо указывают прежде всего многочисленные и разнообразные остатки бронзолитейного производства, рассмотренные выше. Следует заметить, что имеющиеся в настоящее время археологические данные позволяют говорить о развитии литейного дела на поселении лишь с начала IV в. до н. э.

Материалы по металлообработке представляют интерес и с другой точки зрения. Как известно, к настоящему времени в дельте Дона и Северо-Восточном Приазовье открыто около двух десятков небольших поселений, существовавших в IV — первой половине III в. до н. э. (см., например, [3, с. 51; 20, с. 46; 21, с. 81 сл.]). Судя по материальной культуре, это были поселки скотоводов и рыболовов. Все они находились в полной экономической и, по-видимому, политической зависимости от Елизаветовского поселения [5, с. 214; 21, с. 87] Исследователями уже обращалось внимание на тот факт, что на этих поселениях не зафиксировано никаких следов деятельности ремесленников, в частности мастеров-литейщиков, хотя готовые металлические изделия и встречаются здесь при раскопках [5, с. 214] Многочисленные остатки цветной металлургии найдены только на Елизаветовском городище. Поэтому вряд ли можно сомневаться в том, что Елизаветовское поселение являлось единственным центром металлообрабатывающего ремесла на Нижнем Дону в IV — начале III в. до н. э., в период, предшествовавший возникновению Танаиса. Можно также предположить, что продукцией этого производства снабжались не только близлежащие поселки, но в определенной мере и кочевое и полукочевое население степей, окружавших донскую дельту.

Данные спектрального анализа были обработаны методами математической статистики. В результате исследования установлено, что в меди изученных предметов все элементы-примеси содержатся в самых разнообразных концентрациях. Так, примеси олова отмечены главным образом в целых и десятых долях процента (от 0,1 до 18%), однако некоторое количество изделий содержит олово в незначительных концентрациях — в пределах сотых — десятитысячных долей процента. Содержания свинца также зафиксированы преимущественно в целых — десятых долях процента (от 0,3 до 10% и более). Изредка в целых долях процента выявлены мышьяк (от 1,2 до 1,8%) и сурьма (от 2 до 5%), однако в основном они встречаются в пределах сотых — десятых долей процента. В сотых — тысячных долях обнаружены висмут, серебро, никель, кобальт, цинк.

Гистограммы распределения концентраций основных примесей к меди (рис. 6) показывают неоднородность меди как с металлургической, так, по-видимому, и с химической точки зрения. Большинство фигур распределения двух- или многовершинно.

Олово — выделяется пик с интервалом содержаний 3—10%.

Свинец — гистограмма отчетливо многовершинна. Резко выделяется пик с интервалом концентраций 3—10%.

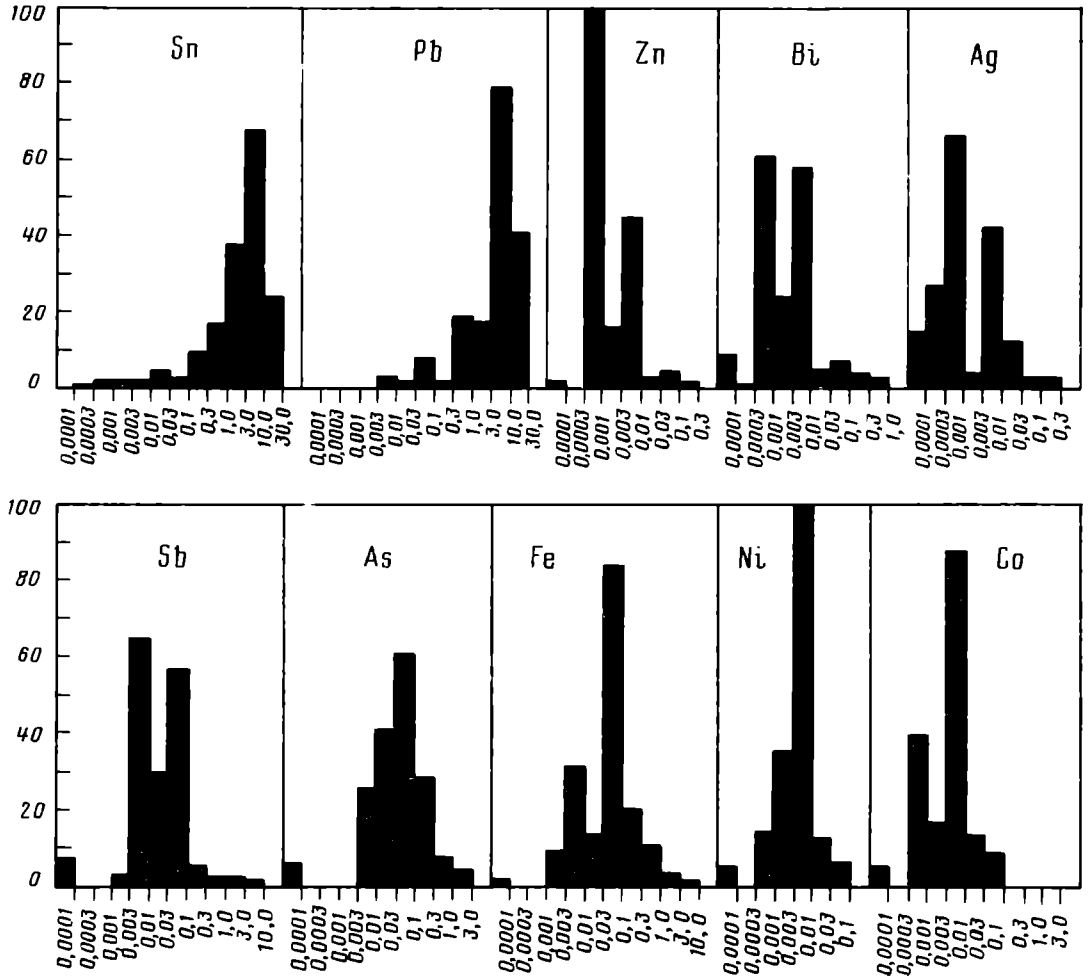


Рис. 6 Гистограммы распределения концентраций основных элементов-примесей в изделиях из Елизоветовского городища и могильника

Цинк — многовершинная фигура. Выделяются два пика с интервалами 0,0003—0,001 и 0,003—0,01%.

Сурьма — также многовершинная фигура. Выделяются два больших пика с интервалами концентраций 0,003—0,01 и 0,03—0,1%, а также группа изделий, в которых примесь сурьмы отсутствует.

Мышьяк — имеется отчетливый пик с интервалом содержаний 0,03—0,1%; также выделяется небольшая группа предметов, не содержащих мышьяка.

Серебро — фигура распределения двухвершинна.

Таким образом, частотная обработка данных спектрального анализа показала, что в качестве легирующих компонентов к меди Елизаветовского поселения использовались преимущественно олово и свинец. Мышьяк, сурьма, серебро и цинк не играли в сплавах ведущей роли. Незначительные, за редким исключением, концентрации этих элементов дают основания рассматривать их в качестве естественных примесей; аномалии в распределении их концентраций являются, по всей видимости, следствием того, что металл выплавлялся из руд различных источников. Железо, содержание которого в меди иногда достигает нескольких процентов, также, очевидно, является естественной примесью.

В результате изучения корреляционных графиков таких пар элементов, как олово — свинец, сурьма — мышьяк и др. (рис. 7, 8), выделены следующие группы сплавов на медной основе.

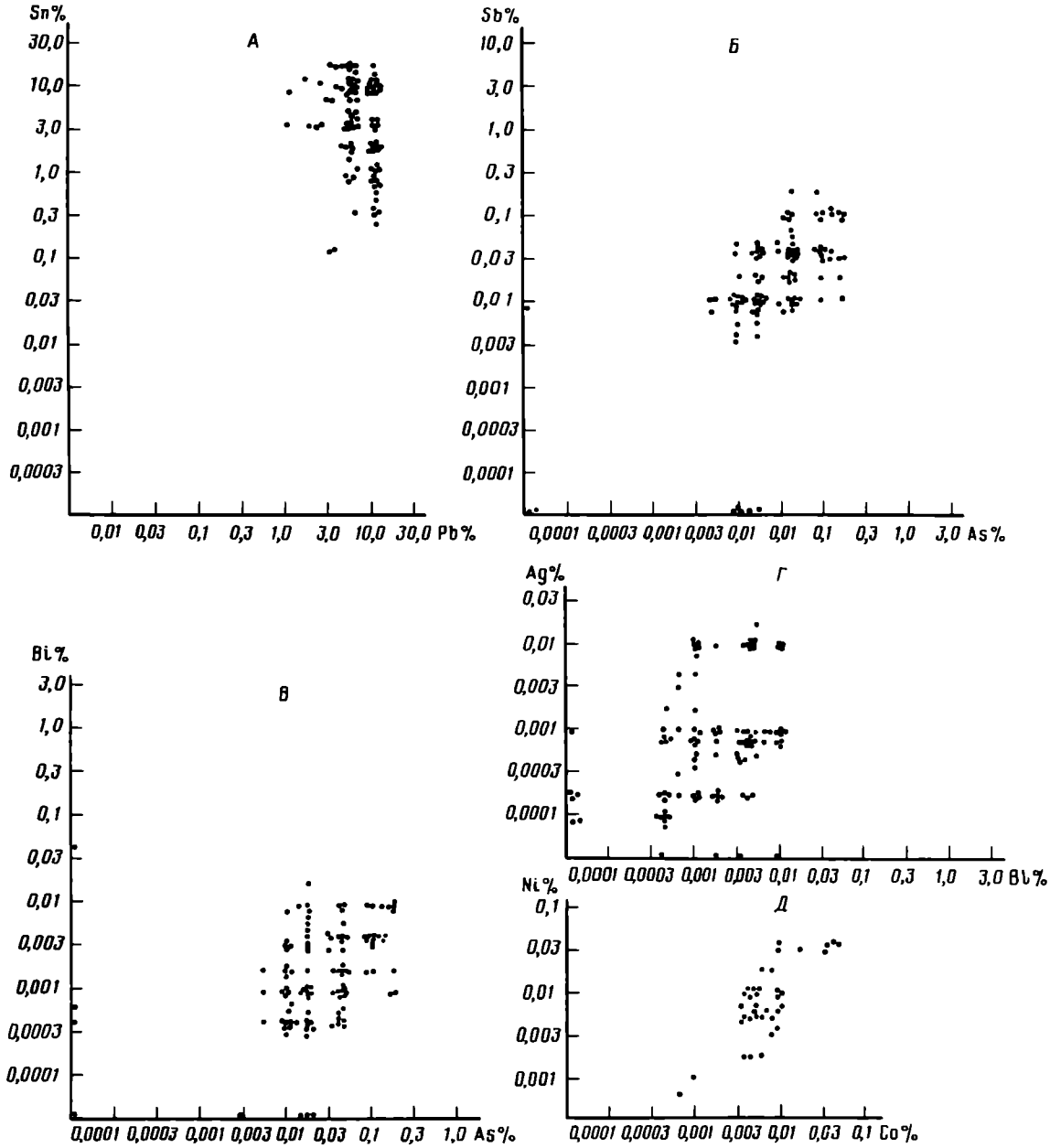


Рис. 7 Корреляционные графики взаимозависимости концентраций некоторых элементов в меди наконечников стрел (первая группа изделий)

I. Из 172 проанализированных изделий 137 (79,7%) изготовлены из оловянисто-свинцовистой бронзы. Анализ гистограмм (рис. 6) и корреляционных графиков взаимозависимостей концентраций олова и свинца (рис. 7, *а*, 8 *а*) показывает, что граница введения олова в медь устанавливается не вполне четко. По-видимому, можно говорить о его искусственной концентрации в меди начиная с границы 0,3—0,5%. Более отчетливо определяется граница искусственного легирования свинцом: концентрация 0,5% являлась рубежом естественной и искусственной лигатуры. Следовательно, в первом типе сплавов — оловянисто-свинцовистых бронзах — примеси олова представлены в концентрациях от 0,3—0,5 до 18%, а свинца — от 0,5 до 10% и более. Отметим, что в 68 случаях содержание олова преобладало над концентрацией свинца, но в 69 случаях зафиксировано противоположное явление.

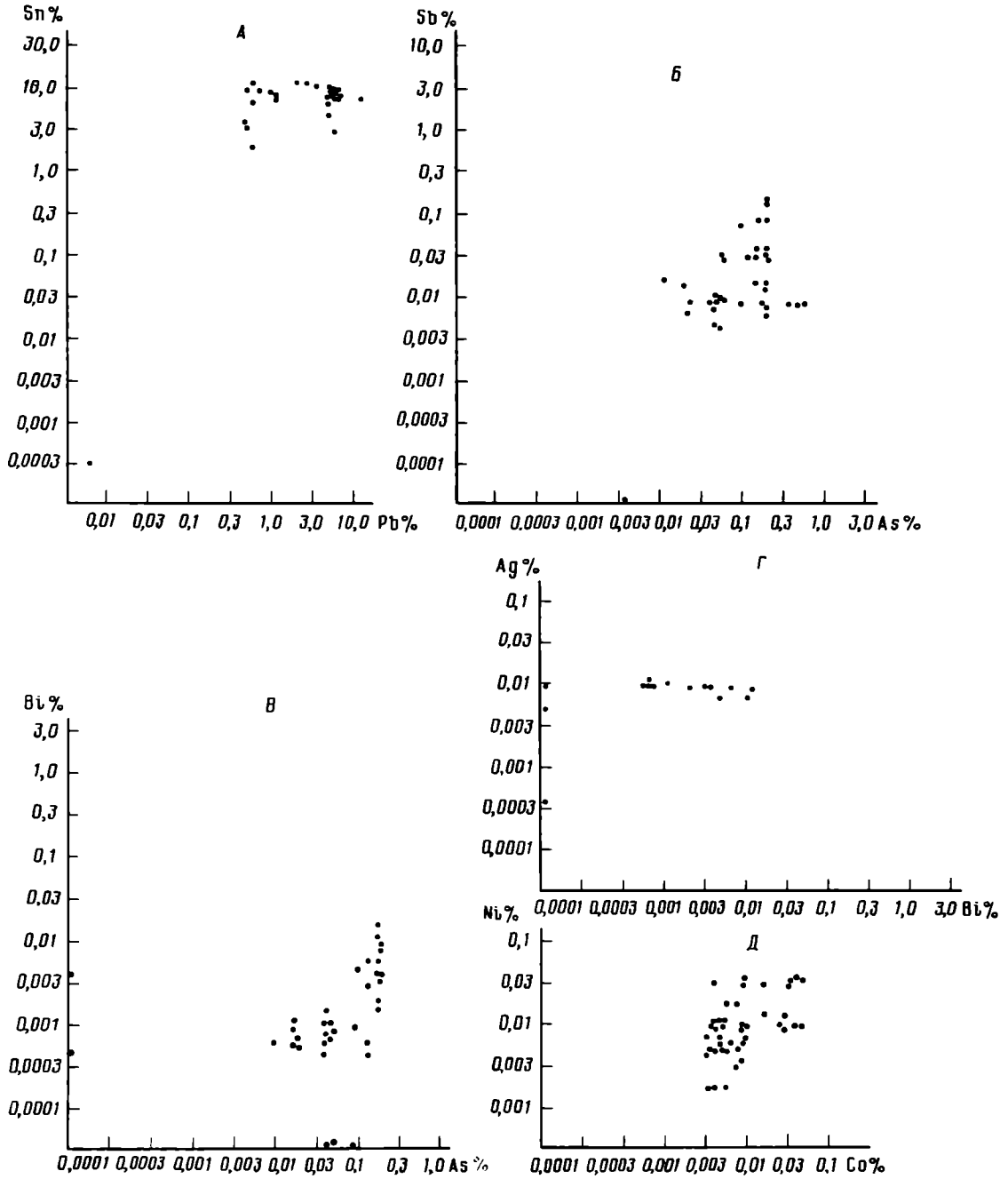


Рис. 8. Корреляционные графики взаимозависимости концентраций некоторых элементов в меди украшений (вторая группа изделий)

II. 10 предметов (5,8%) изготовлены из свинцовистой бронзы с содержанием свинца более 0,5%, а олова — менее 0,3%.

III. Лишь 7 изделий (4%) можно отнести к группе оловянистых бронз, где содержание олова представлено в концентрациях более 0,3—0,5%, а примеси всех прочих элементов не превышают тысячных — сотых долей процента.

IV 8 вещей (4,7%) отлиты из многокомпонентного сплава, в котором кроме олова и свинца в целых долях процента выявлен мышьяк.

Помимо перечисленных в единичных случаях отмечены и другие сложные и бинарные сплавы.

V На корреляционном графике взаимозависимости концентраций сурьмы и

мышьяка в меди наконечников стрел (рис. 7, *б*) показаны два наконечника с содержанием этих компонентов свыше 1%. Все прочие примеси зафиксированы в концентрациях ниже границы 0,3%. Здесь мы имеем дело с сурьмяно-мышьяковистым сплавом.

VI. Один из предметов коллекции отлит из многокомпонентного сплава, в котором помимо олова и свинца в качестве искусственной лигатуры зафиксирована примесь сурьмы в концентрации более 1%.

VII. Лишь одно из изделий можно отнести к группе бронз с повышенными концентрациями мышьяка (здесь все примеси представлены в концентрациях ниже 0,3%, а содержание мышьяка составляет 0,9%).

VIII. Наконец, в последнюю группу сплавов на медной основе выделяются 6 изделий, отлитых из металлургически «чистой» меди, в которой содержание всех микропримесей не превышает 0,3%.

Таким образом, среди выделенных металлургических рецептов, применявшихся мастерами-литейщиками Елизаветовского поселения, полностью доминировали оловянисто-свинцовистые сплавы. Соотношение между отдельными типами сплавов показаны на рис. 9. Как известно, именно оловянисто-свинцовистые бронзы играли ведущую роль в металлообработке IV в. до н. э. в степной и лесостепной зонах Украины, на Среднем Дону, в Нижнем Поволжье и некоторых других районах [22, с. 140; 23, с. 13 сл.; 24, с. 88; 25, с. 90 сл.] Данные о типах сплавов Елизаветовского поселения и их сравнение с металлом окружающих регионов, безусловно, подтверждают вывод Т Б. Барцевой об определенной нивелировке металлообрабатывающего производства в указанное время на различных территориях, обусловленной развитием торговли [25, с. 93; 26, с. 31]

Подавляющее большинство наконечников стрел (108 экз.) отлито по рецептуре оловянисто-свинцовистых бронз (рис. 7, *а*). Отметим, что в 66 из них содержание свинца преобладает над содержанием олова. 8 наконечников содержат свинец в концентрациях свыше 0,5% при содержании олова менее 0,3% и поэтому относятся к группе свинцовистых бронз.

В отдельную группу выделяются 2 наконечника стрел с искусственным добавлением сурьмы (3 и 5%) и мышьяка (1,8 и 1,2%) (рис. 7, *б*) С другой стороны, они содержат крайне незначительное количество олова (соответственно 0,08 и 0,1%) и других элементов-примесей. Следовательно, эти стрелы отлиты по рецептуре сурьмяно-мышьяковистых сплавов.

Лишь единичные экземпляры наконечников стрел изготовлены из оловянистых, оловянисто-свинцовисто-мышьяковистых бронз и так называемой «чистой» меди.

Необходимо отметить, что, несмотря на некоторое разнообразие рецептуры, по которой отлиты наконечники стрел, типологических различий между стрелами, относящимися к различным металлургическим группам, не зафиксировано.

Большинство браслетов, как и наконечников стрел, относится к группе оловянисто-свинцовистых бронз. Лишь два браслета (рис. 5, *1, 7*; 8, *б*) изготовлены из многокомпонентного сплава с добавками олова, свинца и мышьяка.

Височные спиралевидные подвески (рис. 5, *17—19*; 8, *а*) отлиты преимущественно по рецептуре высокооловянистых бронз с содержанием олова от 2 до 15%. Концентрации свинца в них не превышают сотых долей процента. Еще две подвески с кеглеобразными утолщениями на концах, аналогичные изображенным на рис. 5, *17, 18,* относятся к группе оловянисто-свинцовистых бронз. Однако и здесь содержание свинца не столь велико (0,7—1,3%).

Одно из колец-подвесок (рис. 5, *20*; 8 *б*) сделано из многокомпонентного сплава с добавками олова, свинца и сурьмы, а другое (рис. 5, *21*) — из оловянисто-свинцовистой бронзы.

Среди единичных предметов к группе оловянисто-свинцовистых сплавов относятся бляшка, выполненная в зверином стиле (рис. 5, *27*), обломок зеркала, а также предметы импорта: дужка сосуда типа ситулы (рис. 5, *23*) и монета. Содержание свинца в сплавах, из которых отлиты заведомо импортные вещи, невелико и не превышает 0,6%. Крючок (рис. 5, *25*) изготовлен из оловянистой бронзы, а булавка и фрагмент шляпки булавки (рис. 5, *22, 26*) — из металлургически «чистой» меди.

Таким образом, на материале коллекции бронзовых изделий Елизаветовского городища и могильника в определенной мере можно проследить зависимость типа сплава от функционального назначения предмета. Так, подавляющее большинство наконечников стрел и браслетов отлито из оловянисто-свинцовистого сплава. Височные подвески изготовлены преимущественно из высокооловянистой бронзы и т. д.

Сложнее решается вопрос о сырьевых базах металлообработки Елизаветовского поселения. В Скифии, как известно, почти полностью отсутствовали собственные источники сырья для получения меди и других цветных металлов [10, с. 42; 27, с. 55]. Отсутствовали они и на Нижнем Дону. Следовательно, бронзолитейное производство в дельте Дона могло нормально функционировать только при условии регулярного импорта сырья. Однако попытки выделения исходных рудных районов раннего железного века связаны с известными трудностями. Усложнение искусственных сплавов, постоянные переплавки и произвольное смешивание металла существенно искажали первичную картину набора примесей к меди. В эту эпоху изменяется и характер металлургических связей между отдельными культурно-историческими регионами [28, с. 53] Наконец, развитие торговли связывало между собой отдаленные территории и центры. А торговая активность Елизаветовского поселения, его важная посредническая роль в греко-варварской и межплеменной торговле хорошо известны [3, с. 57 сл.; 21, с. 101 сл.] Поэтому литейщики поселения могли получать сырье для изготовления сплавов на медной основе из самых разнообразных и удаленных районов.

Указанные факторы крайне затрудняют определение исходных химических групп в металле изученной коллекции. Тем не менее данные спектроаналитического исследования говорят о некоторых различиях в металле Елизаветовского поселения. Как уже отмечалось, большинство гистрограмм распределения концентраций основных элементов-примесей асимметрично и многовершинно (рис. 6), что указывает на явную неоднородность меди с геохимической точки зрения. Это заключение подтверждается корреляцией основных пар элементов.

На корреляционных графиках взаимозависимости концентраций серебра и

висмута в изделиях как первой, так и второй группы (рис. 7, *г*; 8, *г*) отчетливо выделяются две химические группы соответственно с низким (тысячные — десятитысячные доли процента) и высоким (сотые) содержанием серебра. Отметим, что наконечники стрел преимущественно относятся к первой химической группе, с низкими концентрациями серебра. Украшения примерно поровну представлены как в группе с более высоким содержанием серебра, так и в первой группе.

Определенная разница между металлом предметов коллекции прослеживается и по содержанию висмута (рис. 7, *в, г*; 8 *в, г*). Большинство изделий отлито из металла, обедненного микропримесями этого элемента (тысячные — десятитысячные доли процента), т. е. относится к первой химической группе. В меди лишь немногих наконечников стрел и украшений зафиксированы более высокие концентрации висмута — в пределах сотых долей процента.

Столь же показательной оказалась и взаимосвязь между концентрациями никеля и кобальта. На корреляционных графиках взаимозависимости этих элементов (рис. 7, *д*; 8, *д*) также выделяется ведущая в количественном отношении группа вещей с низкими (тысячные доли процента) концентрациями этих примесей. Лишь некоторое количество изделий попадает в группу с относительно высоким (0,01—0,04%) содержанием никеля и кобальта.

Таким образом, проведенные исследования позволяют прийти к выводу, что в коллекции бронзовых изделий Елизаветовского городища и могильника представлены предметы, отлитые из металла двух химических групп — с низким и относительно высоким содержанием основных элементов-микропримесей. Количественно преобладают изделия, в металле которых фиксируются низкие концентрации элементов. По-видимому, Елизаветовское поселение снабжалось сырьем, как минимум, из двух источников. Первая химическая группа, объединяющая предметы с низкими концентрациями всех элементов-примесей, очень близка к группе типа ЕУ, которая была выделена для Волго-Уральского района [29, с. 17, 22] (ср. [25, с. 21]). Использование в металлообрабатывающем производстве Елизаветовского поселения главным образом металла первой химической группы объясняется, вероятно, преимущественно восточной и северо-восточной направленностью межплеменных торговых контактов Елизаветовского поселения (см. например, [21, с. 101, 102]) Как представляется, на данном этапе исследования гораздо сложнее конкретизировать источники, связанные с металлом второй химической группы, объединяющей изделия с повышенным содержанием ряда элементов.

Рассмотренные данные по цветной металлообработке свидетельствуют о развитии на Елизаветовском городище в IV — начале III в. до н. э. собственного бронзолитейного производства, базировавшегося на привозном сырье. Эти материалы существенно расширяют наши представления об экономической жизни крупнейшего поселения Нижнего Дона скифского времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Книпович Т. Н.* Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1928 г // Изв. ГАИМК. 1935. Вып. 104.
2. *Прушевская Е. О.* Художественная обработка металла // Античные города Северного Причерноморья. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР 1955.
3. *Шелов Д. Б.* Танаис и нижний Дон в III—I вв. до н. э. М.: Наука, 1970.
4. *Брашинский И. Б.* Раскопки Елизаветовского городища // АО-1969. М., 1970.
5. *Брашинский И. Б., Марченко К. К.* Елизаветовское городище на Дону — поселение городского типа // СА. 1980. № 1.
6. *Брашинский И. Б., Марченко К. К., Житников В. Г* Отчет о работе Южно-Донской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1979 г.// Архив ИА АН СССР Р-1. № 7919.
7. *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре // МИА. 1954. № 36.
8. *Сунчугашев Я. И.* Памятники горного дела и металлургии позднего этапа уюкской культуры // СА. 1964. № 3.
9. *Сунчугашев Я. И.* Горное дело и выплавка металлов в древней Туве. М.: Наука, 1969.
10. *Петриченко А. М., Шрамко Б. А.* Литье в Скифии // Литейное производство. 1968. № 11.

11. *Пругло В. П.* Литейная форма из Мирмекия // КСИА. 1965. Вып. 103
12. *Миллер А. А.* Раскопки в районе древнего Танаиса // ИАК. 1910. Вып. 35.
13. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов // САИ. 1964. Вып. Д1-4.
14. *Петренко В. Г* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. // САИ. 1967 Вып. Д1-4.
15. *Петренко В. Г* Украшения Скифии в VII — III вв. до н. э. // САИ. 1978. Вып. Д4-5.
16. *Ковпаненко Г Т., Яковенко Э. В.* Скифские курганы на юге Херсонщины // Скифские древности. Киев: Наук. думка, 1973.
17 *Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н.* Скифский курганный могильник Гайманово Поле (раскопки 1968 г.) // Скифы и сарматы. Киев: Наук. думка, 1977
18. *Шилов В. П.* Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г.// СА. 1961. № 1.
19. *Шилов В. П.* Золотой клад скифского кургана // Археологические раскопки на Дону. Ростов н / Д; Изд-во Рост. ун-та, 1962.
20. *Шелов Д. Б.* К этнической истории Нижнего Подонья // Изв. СКНЦВШ. Сер. обществ. наук. 1974. № 3.
21. *Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л.: Наука, 1980.
22. *Черных Е. Н., Барцева Т. Б.* Исследования металлического инвентаря из материалов Воронежской экспедиции // МИА. 1969. № 151.
23. *Барцева Т Б.* Цветная металлообработка на Северном Кавказе в раннем железном веке: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1974.
24. *Барцева Т. Б.* О химическом составе металла наверший скифского времени // СА. 1980. № 3.
25. *Барцева Т. Б.* Цветная металлообработка скифского времени. Лесостепное днепровское левобережье. М.: Наука, 1981.
26. *Барцева Т Б.* О химическом составе уздечных наборов, найденных в Посульских курганах // КСИА. 1980. Вып. 162.
27. *Шрамко Б. А.* Господарство лісостепових племен на територіі Украіни (VII—III ст. до н. е.) // УІЖ. 1971. № 1.
28. *Черных Е. Н., Барцева Т. Б.* Сплавы цветных металлов // МИА. 1972. № 187.
29. *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. 1970. № 172.

V G. Zhitnikov

ON BRONZE MAKING IN THE ELIZAVETOVSKOE FORTIFIED SITTLEMENT ON THE DON

Summary

The author looks at some aspects of bronze-making in the Elizavetovskoe fortified settlement, that existed in the Don delta between the 5th and the first half of the 3rd cc. B. C. It was one of the largest in the steppe belt of the Northern Pontic area. Numerous finds (such as slags, air nozzles, parts of moulds and crucibles) point to an independent bronze and copper making in the 4th and early 3rd cc. B. C. The article contains a typological analysis of some bronze objects used by the local people. A spectral analysis and methods of mathematical statistics have identified eight types of man-made copper-based alloys. The most frequent of them were the tin-lead bronzes. The objects were made of metal belonging to two chemical groups: with a low and a relatively high content of the basic elements, that is, they came from two different sources.

Д. Н. КОЗАК

ПОСЕЛЕНИЕ ВЕЛЬБАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ БОРАТЫН I НА ВОЛЫНИ

Поселение расположено в 1 км на восток от села в урочище Могилки. Оно занимает высокий левый берег р. Стырь. Площадь поселения составляет около 0,7 га. Часть памятника размыта рекой. Исследованная площадь — 1750 м^2 Поселение трехслойное: кроме объектов вельбарской культуры здесь расположены селища волыно-подольской культурной группы (I—II вв. н. э.) и периода Киевской Руси (XI в). Наиболее многочисленными являются материалы вельбарской культуры: 11 жилых сооружений, 16 хозяйственных ям, большое количество фрагментов посуды, других глиняных изделий, предметов из металла, кости.

Жилище 3 [1] — четырехугольная полуземлянка с округленными углами, ориентированная длинными стенками по линии восток — запад (рис. 1, *1*). Стенки вертикальные, пол ровный, хорошо утрамбованный. Размеры жилища 3×3,5 м, высота земляных стенок 0,2—0,35 м от уровня пола. В полу шесть ямок от столбов диаметром 0,3—0,4 м, расположенных по углам и посредине западной и северной стенок. В центре располагалась подвальная яма круглой формы, диаметром 1,2 м и глубиной 0,35 м от уровня пола.

Жилище 5 — полуземлянка неправильной формы, ориентированная углами по сторонам света (рис. 1, *7*). Стенки несколько сужены книзу, пол сильно утоптан, ровный. Размеры жилища 3,7×5,4 м, высота земляных стенок 0,3—0,4 м от уровня пола. Вдоль северо-западной стенки расположен материковый выступ шириной 0,5—0,6 м и высотой 0,1—0,15 м от уровня пола. По периметру стен, возле ступеньки и посредине пола большое количество ямок от столбов, служивших основой стен и крыши жилища.

В юго-восточную стенку жилища врезана хозяйственная яма 1. В 1,2 м южнее находилась еще одна хозяйственная яма 3, синхронная с жилищем.

Жилище 6 — четырехугольная землянка с закругленными углами, ориентированная углами по сторонам света. Юго-западная часть сооружения несколько сужена. Стенки прямые, пол ровный, утрамбованный. Размеры жилища 3×4,3 м, высота земляных стенок 0,4—0,45 м от уровня пола. Возле юго-западной короткой стенки, приблизительно посредине, материковое возвышение, служившее ступенькой для входа. Его размеры 0,4×1,3 м, высота 0,2 м от уровня пола. С противоположной стороны расположен материковый выступ шириной 1 и высотой 0,26 м от уровня пола. Посредине коротких стенок ямки от столбов диаметром 0,2 м. В северном углу подвальная яма круглой формы, диаметром 1,1 м и глубиной 0,25 м от уровня пола.

Жилище 9 — неправильной формы с округленными углами полуземлянка, ориентированная углами по сторонам света (рис. 1, *16*). Южный угол несколько вытянут. Стенки прямые, пол ровный, хорошо утрамбованный. Размеры жилища 3,6×4,6 м, высота земляных стенок 0,3—0,4 м от уровня пола. В северо-западной стенке, приблизительно посредине, на материковом останце располо-

[1] Нумерация объектов производилась в порядке их выявления без разделения на культурные слои.

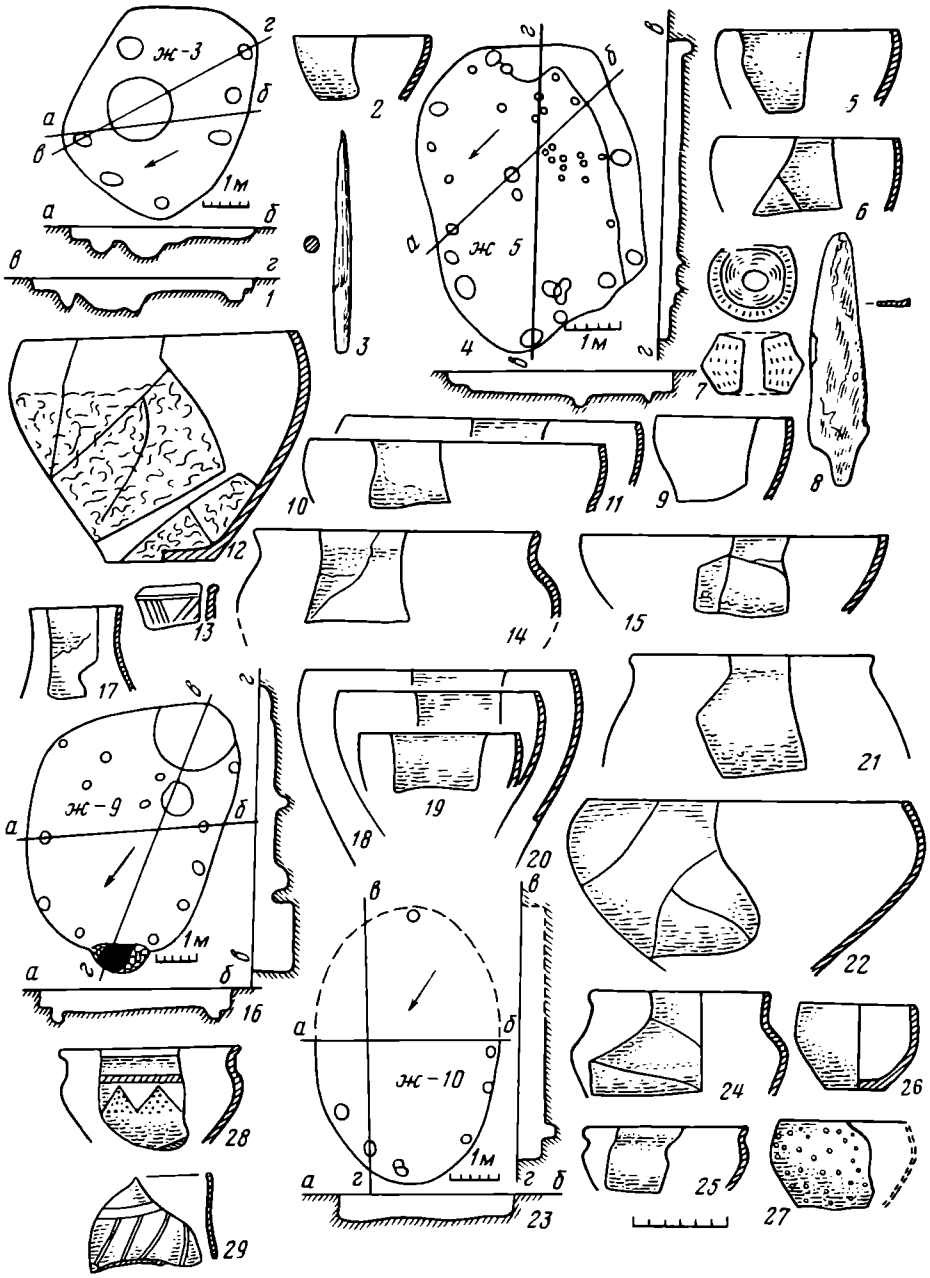


Рис. 1. Поселение у с. Боратын (фаза I). *1—3* — жилище 3; *4—15* — жилище 5; *16—21* — жилище 9; *22—25* — жилище 10; *26—29* — культурный слой

жены остатки отопительного сооружения (печи ?), построенной из глиняных вальков. Размеры завала глины 0,6×0,7 м. Глиняный пол сохранился частично в центре завала. Вдоль стенок 10 ямок от столбов диаметром 0,2—0,3 м. В южном вытянутом углу располагались рядом две подвальные ямы круглой формы, диаметром 1,5 и 0,6 м и глубиной 0,38—0,4 м от уровня пола.

В восточный угол жилища врезана более поздняя хозяйственная яма 6.

Жилище 10 перекрыло более глубокую полуземлянку I—II вв. н. э. Это овальная в плане полуземлянка, ориентированная углами по сторонам света (рис. 1, *23*). Пол в сохранившейся части ровный, сильно утрамбованный. Размеры жилища 3×3,8 м, высота земляных стенок 0,4 м от уровня пола. Вдоль стенок уцелевшей части сооружения семь ямок от столбов диаметром

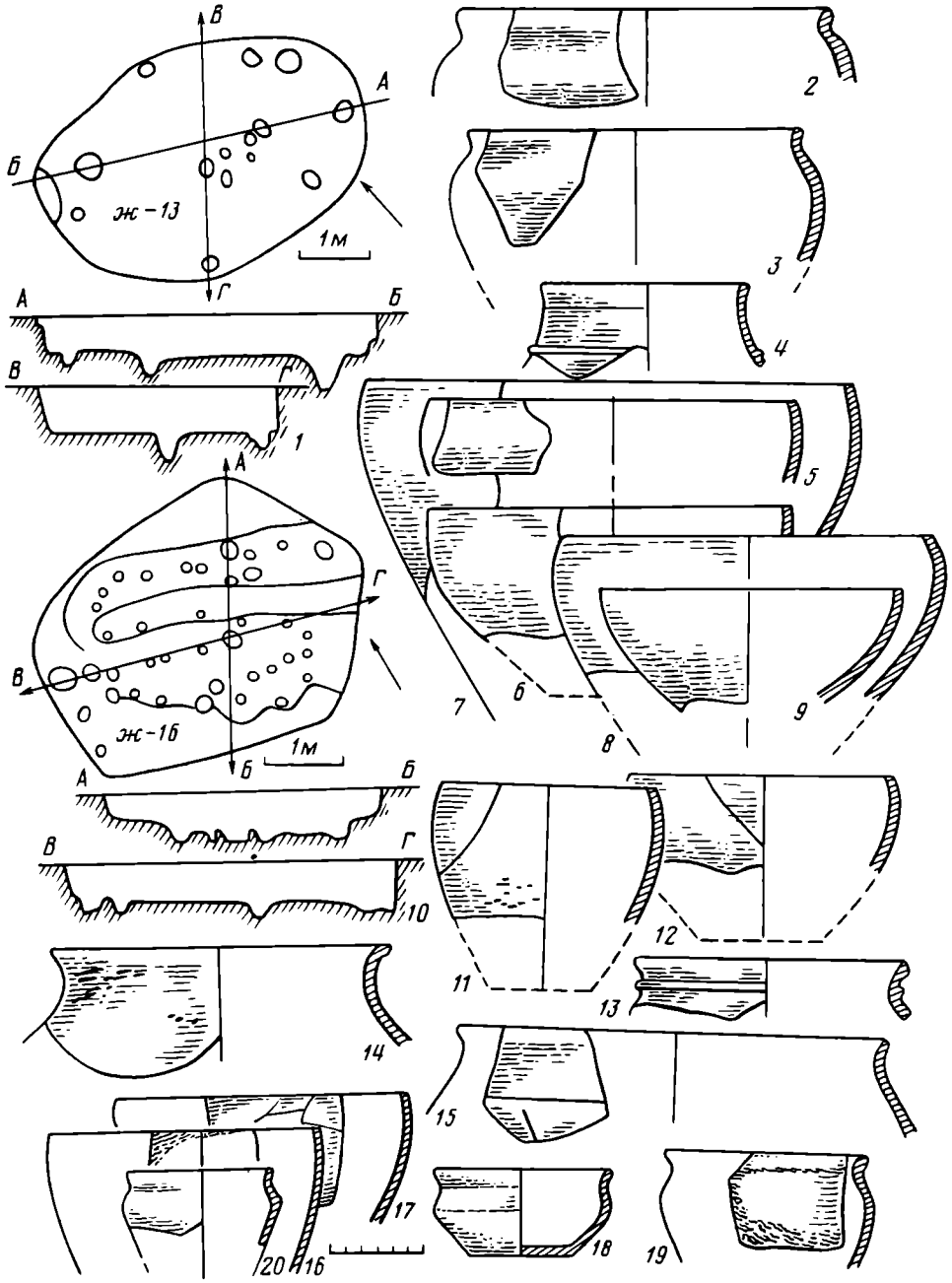


Рис. 2. Поселение у с. Боратын (фаза II). *1—9* — жилище 13; *10—15* — жилище 16; *16—20* — жилище 6. *4, 13* — гончарная керамика

0,2—0,3 м. На расстоянии 5—10 м южнее жилищ 9 и 10 находились четыре хозяйственные ямы (8, 11, 12, 15).

Жилище 13 — близкая к овальной в плане полуземлянка, ориентированная длинными стенками по линии восток — запад (рис. 2, *1*). Стенки вертикальные, пол ровный, хорошо утрамбованный. В полу большое количество ям от столбов. Восемь из них диаметром 0,3—0,36 м располагались по углам и посредине противоположных стенок. Шесть ямок диаметром 0,12—0,15 м сконцентрировано посредине пола. Первые определяли положение столбов, несущих основу стен и крыш жилища, вторые — следы от предметов интерьера. Посредине западной стенки материковый выступ шириной 0,5 и длиной 0,63 м. Он поднимался на 0,3 м от уровня пола. Останец служил, очевидно, ступенькой, опре-

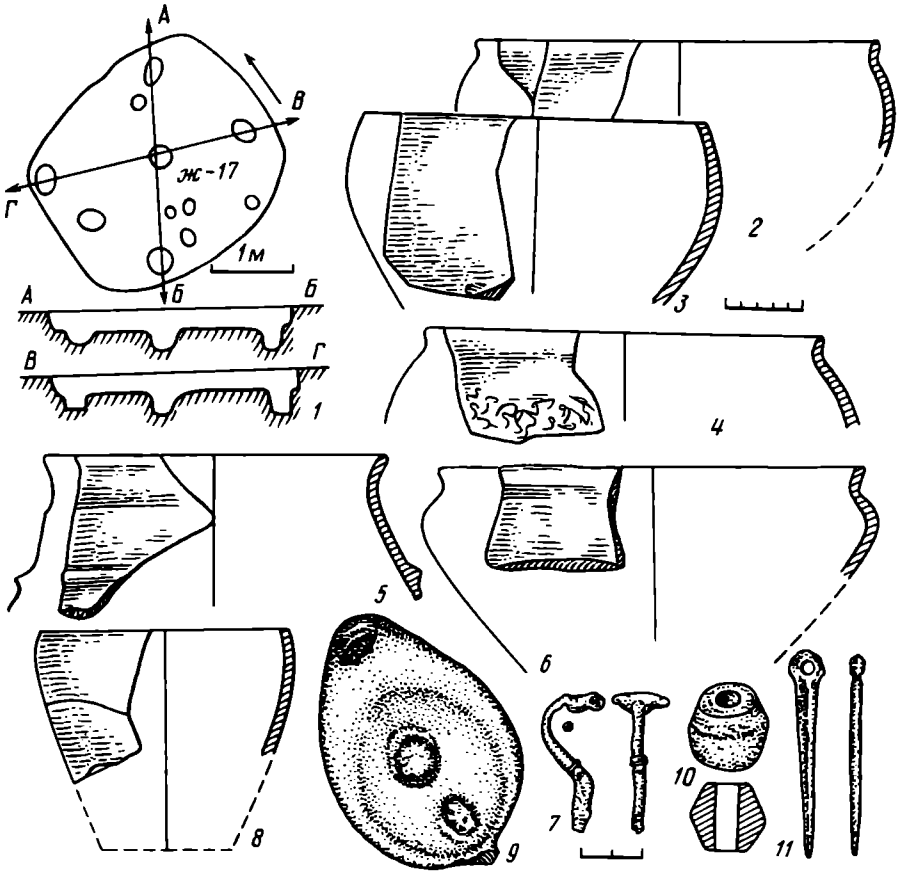


Рис. 3. Поселение у с. Боратын (фаза I). *1—4* — жилище 17; *5—7* — яма 17; *8—11* — культурный слой

делявшей вход в жилище. Размеры сооружения 2,9×4,3 м, высота земляных стенок 0,5 м от уровня пола.

Жилище 16 представлено четырехугольной в плане полуземлянкой, ориентированной длинными стенками по линии восток — запад (рис. 2, *10*). Восточная часть жилища несколько расширена. Стенки сужены книзу, пол неровный, с большим количеством вмятин, очень сильно утрамбованный. Размеры жилища 3,2×4,2 м, высота земляных стенок 0,5—0,6 м от уровня пола. Вдоль северной стенки материковый останец шириной 0,3—0,8 и длиной 3 м. Еще один материковый останец (длина 3,2, ширина 0,9 м) расположен вдоль южной стенки жилища. Останцы поднимались на 0,2 м от уровня пола и служили, очевидно, лежанками. В полу жилища 42 ямки от столбов. Самые большие из них (диаметр 0,2—0,25 м) располагались по углам и вдоль стенок. Столбы, находившиеся здесь, служили основой стен и крыши сооружения. Другие столбы, диаметром 0,1—0,15 м, были в разное время основой интерьера жилища.

Жилище 17 — незначительно углубленное в материк сооружение четырехугольной формы, ориентированное стенками по сторонам света (рис. 3, *1*). Размеры жилища 2,6×3 м, высота земляных стенок 0,25 м от уровня пола. В полу 11 ямок от столбов диаметром 0,28—0,32 м.

Жилище 18 — сооружение наземного типа, контуры которого определены по скоплению глиняной обмазки, золы и угля. Жилище подпрямоугольной формы, размерами 3,6×4,2 м, ориентировано углами по сторонам света. Наиболее мощный завал глиняной обмазки возле юго-западной стенки. Пол земляной, сильно утоптанный. В центре жилища очаг овальной формы (0,73× ×1,2 м, толщина пода 5—6 см).

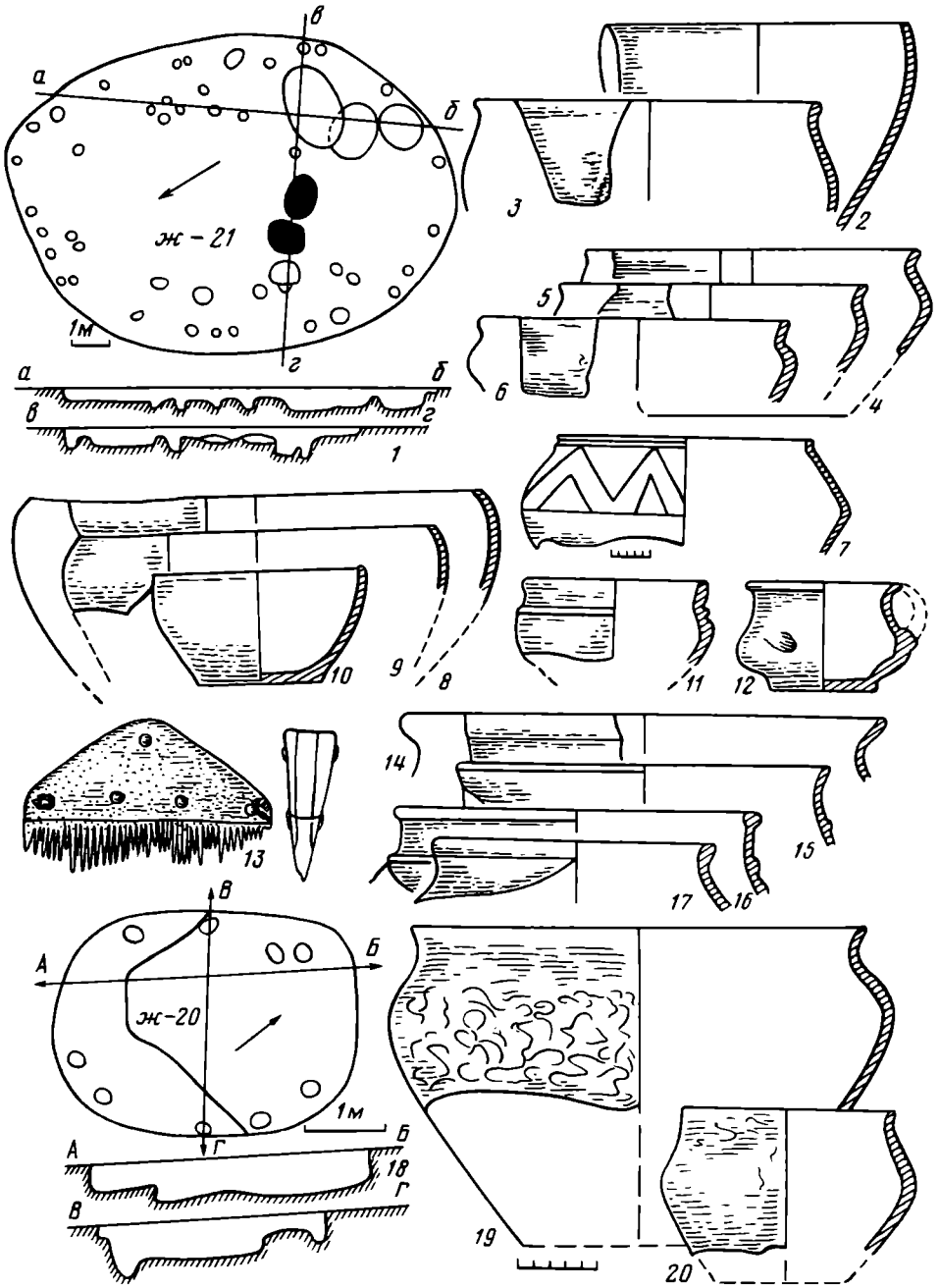


Рис. 4. Поселение у с. Боратын (фаза II). *1—17* — жилище 21; *18—20* — жилище 20. *12, 14—17* — гончарная керамика

Западный угол жилища 18 перекрыл восточную часть *жилища 20*. Это прямоугольная полуземлянка, ориентированная углами по сторонам света. Стенки жилища прямые, пол ровный, хорошо утрамбованный (рис. 4, *18*). Углы округлены. Размеры жилища 3×3,8 м, высота земляных стенок 0,5 м от уровня пола. Юго-восточная часть жилища занята материковым останцом размерами 0,8×3 м, высотой 0,23 м от уровня пола. В полу девять ямок от столбов диаметром 0,19—0,25 м, расположенных вдоль длинных стенок.

Жилище 21 своей южной стенкой примыкает к жилищам 13 и 16. Это большое по размерам сооружение овальной формы ориентировано углами по сторонам света (рис. 4, *1*) Стенки прослеживались слабо. Пол жилища земляной, сильно утоптанный. Над полом залегал слой мелкой глиняной обмазки тол-

Таблица

Виды сосудов	Количество	Тип				
		I	II	III	IV	V
Горшки	31	10	11	2	5	3
Миски	25	16	9			
Вазовидные	14	9	3	2		
Кружки	8	8				
Кувшины	3	3				
Стопки	12	7	5			
Дуршлаги	1	1				
Всего	94	54	28	4	5	3

щиной 0,25—0,3 м, перемешанный с углями и золой. Размеры сооружения 7,8×10,9 м (85,02 м ^{2}). В полу 49 ямок от столбов диаметром 0,1—0,4 м. Они располагались двумя рядами вдоль стенок на расстоянии 0,6—1,2 м одна от другой. Учитывая характер расположения столбовых ям, большое количество глиняной обмазки в жилище, следует предположить, что оно имело столбово-плетневую конструкцию стен. Стены обмазывались глиной. Посредине пола два очага, вылепленных из глины. Один из них округлой формы, диаметром 1 м, второй овальный, размерами 0,8×1 м. Под первого очага был на уровне пола, второго — на глиняной подсыпке толщиной 10 см. Толщина пода соответственно 8 и 10 см. В юго-западной части жилища пять хозяйственных ям округлой и овальной формы (диаметр от 0,8 до 1,5 м), глубина от уровня пола 0,3—0,6 м.

Заполнение жилищ составлял темно-серый гумус с большим количеством примесей глиняной обмазки, золы, углей. В заполнении большое количество фрагментов посуды, костей животных, в некоторых случаях прясла, шилья, ножи, гребень и другие изделия хозяйственно-бытового назначения.

Хозяйственные ямы, обнаруженные на поселении вне объектов, были, как правило, круглой или овальной формы, диаметром от 0,8 до 1,6 и глубиной от 0,5 до 1,4 м. Заполнение ям не отличалось от заполнения жилых объектов.

Преобладающее количество керамики, собранной на поселении, фрагментировано. Почти все сосуды лепные. Графически удалось реставрировать 94 лепных сосуда. Анализируются лишь те формы, которые сохранились до линии залома бочков. В основу анализа положены такие признаки, как степень отогнутости венчиков, высота и характер (пологие, крутые) плечиков.

Лепная керамика изготовлена из глины, имеющей примеси дресвы, иногда шамота и органических остатков. В простых кухонных горшках примеси более крупные, их больше. Столовая посуда изготовлена более тщательно: глина очищена, поверхность старательно сглажена или лощеная. Ряд сосудов имеет специально ошершавленную поверхность. Шейка и плечики таких сосудов, как правило, лощеные.

Лепные сосуды изредка орнаментированы. Наиболее распространенным был орнамент в виде налепного валика или прорезных лощеных линий под венчиком или под шейкой, косых каннелюр на плечиках, ломаных линий. Последние составляли узоры в виде треугольников, заполненных проколами, комбинации треугольников и горизонтальных линий, спаренных линий, расчлененных продольными насечками, сетки и т. д. (рис. 1, *13, 28, 29;* 3, *5;* 4, *7*). Один горшок был украшен под шейкой пальцевыми вдавлениями. Цвет сосудов в основном темно-коричневый. Есть также серые и черные черепки. Характерной особенностью всех сосудов является их приземистость и низко расположенный перелом плечиков в бочка. По форме лепная посуда делится на горшки, миски, мисковидные сосуды, кружки и стопки (таблица).

Наибольшим количеством представлены горшки, которые делятся на несколько типов.

I. Приземистые широкогорлые сосуды с небольшими отогнутыми венчиками и круглым туловом. Несколько экземпляров имеют незначительно поднятые и четче выраженные плечики (рис. 1, *21;* 2, *15;* 3, *4, 5*).

II. Яйцевидные сосуды с загнутыми внутрь венчиками. Некоторые из них более приземистые, другие несколько вытянутые в высоту (рис. 1, *10;* 2, *5, 7, 13;* 3, *3, 8;* 4, *2*).

Такие горшки отвечают группе I в системе, разработанной для керамики Нижнего Повисленья и Поморья Р Шиндлером [1, табл. 1, *4,* 2, *1, 24*] Они довольно широко распространены на вельбарских памятниках Польши [2, табл. 14, *46, 53;* 3, рис. 64; 4, рис. 43] Второй тип получил широкое распространение на памятниках германских племен в бассейне р. Эльбы в I—IV вв., и поэтому в польской литературе такие горшки часто называют «„эльбскими"». Подобные горшки, но более вытянутых пропорций, с хорошо выраженным дном известны на памятниках пшеворской культуры [5, рис. 290, *2*] Здесь они известны с позднелатенского времени [6, рис. 27, *6*; 7, табл. XX, *17*] Много горшков первого и второго типов найдено на вельбарских памятниках в Брест-Тришин, Лепесовке, Ромоше [8, табл. 6, *16, а,* XIII, 37, *9;* 9, рич. 18, *1*; 10, рис. 2, *6*]

III. Широкогорлые сосуды с хорошо выраженными разогнутыми венчиками, круглыми высокими плечиками и конической придонной частью (рис. 2, *19*) Плечики одного экземпляра украшены пальцевыми вдавлениями. Подобные сосуды не характерны для памятников вельбарской культуры, хотя встречаются там, как и на нашем поселении, в единичных экземплярах [8, табл. IX, *17а*] Основные аналогии они имеют среди керамики пшеворской культуры римского времени [11, рис. 46, *X*]

IV Небольшие сосуды с высокими, несколько разогнутыми венчиками, отделенными от них острым заломом плечиками и бочками и конической придонной частью (рис. 1, *24*; 2, *20*). Как и предыдущий тип, эти горшки характерны для керамического комплекса пшеворской культуры [12, табл. I, *1,* XIV, *1,* XV, *1*] В единичных экземплярах они встречаются на памятниках вельбарской культуры [8, табл. XII, *9*]

V Большие горшки с сильно разогнутыми венчиками и крутыми плечиками. На плечиках расположен иногда налепной валик. Сохранены очень фрагментарно (рис. 2, *14*). Судя по верхней части, эти сосуды могли принадлежать к группе V и VI по классификации Р Шиндлера [1, табл. 8, *3, 5, 7*] Известны на ряде памятников вельбарской культуры на территории Волыни и Повисленья [3, рис. 49, *3,* 59, *1*; 8, табл. XIV, *45б,* XIX, *65в;* 13, рис. 5, *5*]

Вторую по количеству группу составляют миски. По форме они разделяются на два типа.

I. Конусовидные. Широкооткрытые миски с невыделенными плечиками и легко загнутыми внутрь или прямыми венчиками (рис. 1, *9, 11, 15;* 2, *6, 9, 16, 17;* 4, *8, 9*). Эти сосуды отвечают группе XI по классификации Р Шиндлера [1, с. 80, рис. 50, табл. 22] Они хорошо известны по находкам на памятниках Нижнего Повисленья и Поморья и более западных областей [14, табл. XXVIII, *2;* 15, с. 15] На территории Волыни такие миски найдены на могильниках в Датиничах, Брест-Тришин [8, табл. XIII, *34а,* XVI, *45д;* 13, рис. 7, *7*]

II. Глубокие сосуды S-видного профиля с хорошо выраженными отогнутыми венчиками [рис. 1, *25*; 2, *18*; 4, *4—6*] Между собой сосуды отличаются способом заломов плечиков и венчиков. Часть из них характеризуется остроребернностью, часть имеет закругленный профиль. Такие сосуды часто встречаются на вельбарских памятниках [1, табл. 17, *3*; 8, табл. XIV, *36а,* XVIII, *35д*] Однако они более характерны для пшеворской культуры [16, табл. LIX, *11*]

Вазовидные сосуды. По форме верхней части разделяются на три типа.

I. Широкогорлые низкие округлобокие сосуды с разогнутыми венчиками, высокими, крутыми плечиками и сильно суженной придонной частью (рис. 1, *14*;

2, *2, 3;* 3, *2, 6;* 4, *19*] Аналогичные сосуды выявлены на могильниках в Дитиничах, Брест-Тришин [8, табл. XIX, *62б*; 13, рис. 2, *11*]

II. Широкогорлые биконические сосуды со слабо выделенными разогнутыми венчиками, расширенными книзу плечиками и сильно суженной придонной частью. Перелом плечиков в бочка обозначен, как правило, острым заломом и расположен посредине сосуда (рис. 4, *7*). Один из них был украшен на плечиках широкими лощеными линиями, которые образовывали треугольники.

Такие сосуды хорошо известны на памятниках вельбарской культуры, в частности на могильнике в Брест-Тришин, Дитиничах [8, табл. XX, *74*] Они отвечают группе VI по классификации Р Шиндлера [1, табл. 21, *VI*]

III. Небольшие сосуды с отогнутыми утолщенными венчиками, вертикально поставленной горловиной и округлыми плечиками. Придонная часть закруглена. Основа шейки одного сосуда украшена двумя лощеными линиями, расчлененными продольными насечками. На плечиках расположен геометрический орнамент в виде треугольников, заполненных лощеными ямками (рис. 1, *28*). Как и предыдущий тип, эти сосуды отвечают группе VI по классификации Р. Шиндлера. Подобный сосуд выявлен на могильнике в Брест-Тришин [8, табл. XVI, *45е*]

Кру́жки представлены лишь конусовидной формой. Этот вид посуды близок к мискам типа I, но значительно меньших размеров (рис. 1, *2, 5, 6, 8*; 4, *10*). Некоторые из них имели ручки. Аналогичные сосуды известны из могильников в Брест-Тришин, Любомля [8, табл. XXVIII, *в, г,* XVII, *47а*]

Стопки — это миниатюрные сосуды, которые, как и кру́жки, использовались для питья. Разделяются на два типа.

I. Сосуды яйцевидной формы с загнутыми внутрь венчиками (рис. 1, *26*). Подобные стопки довольно часто встречаются на могильниках и поселениях вельбарской культуры Нижнего Повисленья, Поморья и Мазовии [2, табл. XIII, *129д*; 3, рис. 36, *1;* 17, рис. 31, *X*] На территории Волыни такие сосуды обнаружены в Ромоше, Брест-Тришин [8, табл. VIII, *11г*; XX, *72ж*; 10, рис. 2, *20*]

II. Сосуды с хорошо разогнутыми венчиками и раздутыми бочками (рис. 4, *12*). Стопки этой формы отвечают группе XIV по классификации Р Шиндлера [1, табл. 22, *XIV*] Они довольно широко распространены на памятниках вельбарской культуры в бассейне Нижней Вислы и более западных районов [2, табл. IV, *38, 44*; 17, рис. 11е] На Волыни такие сосуды известны из могильников в Деревяном, Любомле, Брест-Тришин [8, табл. XXXIX, *9, 11,* XXVIII, *8г*]

Кувшины сохранены фрагментарно. Имеют высокую узкую шейку со слабо отогнутыми венчиками (рис. 1, *17*). Поверхность лощеная. Они близки к сосудам группе IX по классификации Р Шиндлера [1, табл. 16, *II*, с. 72] На Волыни подобные сосуды известны по материалам могильников в Дитиничах, Брест-Тришино [8, табл. XVI, *45а;* 13, рис. 2, *10*] Одним экземпляром в керамическом комплексе поселения представлен дуршлаг (рис. 1, *27*). Он имеет форму полусферической кружки. Стенки покрыты дырочками. Такие изделия встречаются в основном на поселениях. Наиболее близкой аналогией нашему дуршлагу является сосуд из поселения вельбарской культуры в Ромоше [10, рис. 2, *15*]

Кроме лепной керамики на поселении найдено небольшое количество керамики, изготовленной при помощи гончарного круга. Основная ее часть собрана в жилище 21, где она составляет 14,5% керамического комплекса. В других объектах и культурном слое поселения такая керамика встречена в единичных экземплярах.

По способу изготовления гончарная керамика делится на две группы: с примесями песка в тесте и без примесей. В первую группу входят горшки. Они имеют утолщенные разогнутые венчики и, судя по обломкам, округлые бочки. У большинства сосудов под венчиком расположен валик (рис. 2, *4, 13;* 4, *14—17*)

Вторая группа представлена мисками S-видной формы. Одна из мисок имела под венчиком валик (рис. 4, *11*). Гончарные сосуды обеих групп имеют широкие аналогии на смежных памятниках черняховской культуры [18, табл. XII, XIII, XVI, XIX, XX] Идентичны технология изготовления, формы, орнаментация сосудов. Учитывая небольшое количество гончарной керамики на поселении, следует предположить, что она была предметом обмена между вельбарским населением и племенами черняховской культуры.

Другие изделия из глины представлены пряслица, светильником, «хлебцами».

Пряслица имеют лощеную поверхность темно-серого цвета. Форма биконическая с ребристым переломом бочков. Один экземпляр украшен четырьмя горизонтальными рядами насечек (рис. 1, *7*; 3, *11*).

Светильник лепной, темно-коричневого цвета, поверхность лощеная. Он имеет яйцевидную форму и плоское дно (рис. 3, *9*). Рожок округлый, закопченный. С противоположной от рожка стороны расположена петлевидная округлая в разрезе ручка. Щиток светильника углубленный, плечики покатые. В центре щитка расположено отверстие для масла диаметром 2 см. Длина светильника 9, ширина 5 см. Изделие является лепной имитацией так называемых рубчатых ламп провинциально-римского типа позднеантичного времени [19, с. 43—49]

В культурном слое поселения во многих объектах часто встречались так называемые «хлебцы». Они имеют плоскую основу и полукруглую верхнюю часть. Диаметр изделий 0,16—0,25 м, высота 8—15 см. Аналогичные «хлебцы» известны из вельбарских поселений в Лепесовке, Пряжеве, поселений с вельбарскими элементами в Слободище, Маркушах, Голодьках и др. [20, с. 180, 181; 21, с. 118, 119] Такие же изделия найдены на некоторых памятниках черняховской культуры [21, с. 119]

На поселении найдены также орудия труда, украшения, шилья, проколки, иглы, ножи, костяной гребень, фибула (рис. 1, *8;* 3, *7, 11;* 4, *13*).

Хронология поселения определяется железной фибулой, найденной в хозяйственной яме 17, и костяным гребнем из жилища 21.

Фибула относится к типу подвязных. Спинка проволочная, круглая в сечении, приемник образован из загнутой ножки, край которой расклепан и обернут вокруг спинки в месте ее перехода в ножку (рис. 3, *7*). Фибула принадлежит к группе 16 серии II по классификации А. К. Амброза и отвечает группе VI по классификации О. Альмгрена [22, с. 61—63, табл. XII, *1*; 23, с. 71, 186] А. Амброз помещает этот тип фибул в промежуток между концом II—IV в. [22, с. 61—63] Р Ямка, рассматривая их на территории распространения пшеворской культуры, пришел к выводу, что они появились здесь во второй четверти III в. и существовали лишь на протяжении этого века [24, с. 144, 145] Большинство исследователей датируют такие фибулы временем с конца II до начала IV в. [23, с. 71—89; 25, с. 37—39] Наиболее ранними в этом типе являются фибулы простой формы с гладкой дуговидной спинкой, к которым принадлежит и наш экземпляр. На памятниках вельбарской культуры подобные фибулы известны уже во второй половине II в. и встречаются вместе с гребенчатыми фибулами типа А-II-41, А-V-96 [8, с. 46; 26, с. 154] Наиболее распространенными они были в первой половине III в. [3, с. 66—140; 17, с. 349; 27, с. 98]

Гребень изготовлен из роговой кости и состоит из трех полукруглых пластин, соединенных пятью железными заклепками (рис. 4, *13*) Он принадлежит к типу I по классификации С. Томас [28, с. 62, 120] и датируется ею III — серединой IV в. Однако наибольшее распространение, по мнению С. Томас, такие гребни получают во второй половине III в. Такого же мнения придерживаются и другие исследователи [29, с. 54, 97; 30, с. 156]

Таким образом, на основании датирующихся предметов рамки существования поселения можно определить концом II — первой половиной IV в. Сравнительный анализ керамических комплексов из жилых и хозяйственных сооружений, скоррелированный датирующими находками, позволяет разделить

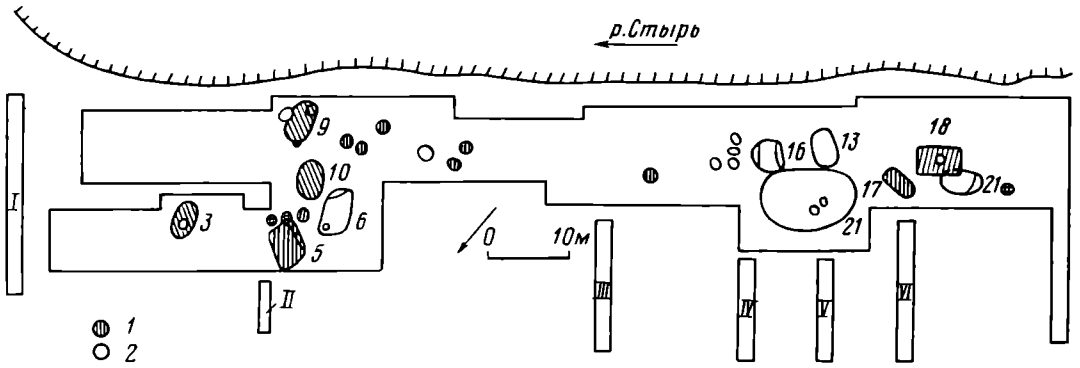


Рис. 5. Поселение у с. Боратын. Общий план раскопа. *1* — постройки фазы I; *2* — постройка фазы II

этот хронологический диапазон на две фазы, отвечающие двум периодам непрерывного существования поселения. Время существования костяных гребней типа I по С. Томас более позднее в сравнении с наиболее ранним вариантом подвязных фибул группы VI по О. Альмгрену. На нашем поселении такой гребень найден на полу жилища 21 вместе с большим количеством керамики, перекрытой слоем глиняной обмазки. Среди керамики находилась и гончарная посуда, составляющая 14,5%. Фрагменты гончарной керамики найдены также в жилищах 6, 13, 16, 20 и шести хозяйственных ямах. В остальных жилищах и большинстве хозяйственных ям такой керамики не обнаружено. Отсутствует она и в хозяйственной яме 17, где найдена рассмотренная выше фибула. На этом основании можно предположить, что объекты без гончарной керамики являются более ранними, чем объекты, где такая керамика найдена. Первые следует датировать, очевидно, временем существования простых подвязных фибул, т. е. концом II — первой половиной III в., вторые — наиболее вероятным временем существования костяных гребней типа I по С. Томас — второй половиной III — первой половиной IV в. Дополнительным подтверждением сделанных выводов служат стратиграфические данные. Так, в двух случаях объекты без гончарной керамики перекрывались объектами с гончарной керамикой (жилище 9 — фаза I и хозяйственная яма 6 — фаза II, жилище 18 — фаза I и жилище 20 — фаза II). Не менее важными являются также случаи перекрытия объектов в рамках каждой из фаз (жилище 5 и хозяйственная яма 1 — фаза I, жилища 13, 16 и жилище 21 — фаза II). Это свидетельствует о довольно длительном времени существования поселения и наличии в каждой из фаз по два строительных горизонта. Последнее обстоятельство показывает, в частности, что период существования поселения, когда его жителям еще не была известна гончарная керамика, является не менее продолжительным, чем период, когда они уже пользовались такой керамикой.

Подведем некоторые итоги исследований в Боратыне.

Из открытых на поселении построек шесть жилищ и восемь хозяйственных ям принадлежат к фазе I, пять жилищ и шесть хозяйственных ям — к фазе II существования поселения. Объекты фазы I сконцентрированы в основном в восточной части селища, объекты фазы II — в западной его части (рис. 5) Жилища размещались без видимого порядка, в 2—10 м одно от другого. Недалеко от них располагались хозяйственные ямы, составляя, по-видимому, вместе с синхронными жилыми постройками определенные хозяйственные единицы. Так, ямы 2,3 расположены рядом с жилищем 5, яма 1 — с жилищем 10, ямы 7, 8, 15 — с жилищем 9. Четыре хозяйственные ямы (18—21) размещались рядом с жилищем 16, а яма 22 — около жилища 18. Объекты и керамический лепной материал фазы I не отличаются от жилых построек и лепной керамики фазы II (рис. 1—4).

Основным типом жилища была полуземлянка, углубленная в материк на 0,15—0,25—0,6 м (9 жилищ из 11). Она имела четырехугольную, овальную или неправильную форму и ориентировалась стенками либо углами по сторонам света. В трех жилищах (5, 6, 20) вдоль одной из стенок оставлялся материковый останец, который облицовывался деревом и использовался в качестве лежанки или прилавка для хозяйственных потребностей. Еще в двух жилищах в полу находились подвальные ямы (6, 9). Характерной чертой всех полуземляночных жилищ является наличие большого количества ям от столбов, расположенных по периметру стен. Это свидетельствует о столбово-плетневой конструкции стен. Судя по остаткам в котлованах большого количества глиняной обмазки, деревянный каркас стен обмазывался глиной. Жилища отапливались, очевидно, в большинстве случаев открытыми очагами без каких-либо конструкций. Их остатки периодически выбрасывались на улицу. Лишь в одном жилище (9) прослежены следы примитивного отапливаемого сооружения из глиняных вальков.

Из двух наземных жилищ одно (18) принадлежит к фазе I, второе (21) — к фазе II. Они представлены мощными завалами глиняной обмазки подпрямоугольной (18) или овальной (21) формы. В центре пола находился глинобитный очаг. Особенного внимания заслуживает жилище 21 площадью 85,02 м^2 Его конструкция, размеры имеют аналогии среди так называемых «больших домов», известных на памятниках германских племен Северо-Западной Европы и характерных для вельбарской культуры.

От других жилищ такого типа, исследованных на территории УССР (Лепесовка, Великая Слободка), боратынское отличается овальной формой. Не отмечено в боратынском жилище разделения на хозяйственную и жилую части. Что касается полуземляночных жилищ, то их форма, внутренняя конструкция близки к жилым сооружениям пшеворской культуры. Однако по конструкции стен эти жилища близки к «большим домам» вельбарской культуры.

Смешение пшеворских и вельбарских черт наблюдается и в такой важной категории материальной культуры, как керамика. Как видно из анализа керамического материала, из пяти выделенных на поселении типов горшков три принадлежат к вельбарской культуре и два к пшеворской. В количественном отношении пшеворские горшки составляют около 22%. Что касается мисок, в частности мисок типа I, то они в пшеворской и вельбарской культурах близки по форме. Иные виды керамики имеют аналогии лишь в вельбарской культуре. Определяющей чертой керамического комплекса поселения является наличие широкогорлых сосудов с загнутыми внутрь или прямыми венчиками и невыделенной шейкой. Они составляют значительную часть среди горшков (30%), мисок (55%), мисковидных сосудов (50%) В целом сосуды такой формы составляют в керамическом комплексе поселения 45%. Еще одной характерной чертой боратынского поселения в сравнении с вельбарскими памятниками на территории Польши является наличие гончарной посуды черняховской культуры (от 2 до 14,5%). Ее небольшое количество позволяет предположить, что такая керамика не изготовлялась вельбарцами, а поступала к ним путем обмена с соседними группами населения черняховской культуры.

Поселение Боратын I — одно из наиболее полно исследованных в настоящее время селищ вельбарской культуры на территории УССР По материалу оно аналогично таким поселениям, как Ромош на Западном Буге, Лепесовка, Борсуки на Горыни, Пряжев на Тетереве [10, с. 75—86; 20, с. 178—190; 31, с. 24—41], и синхронно вельбарским могильникам Брест-Тришин, Деревянное, Любомль, погребениям в Могилянах Хмельнике, Горькой Полонке [8; 32, с. 173, 174; 33, с. 161]. На территории Польши наиболее близки боратынскому и аналогичны ему в культурном отношении селище в Гродку Надбужном, могильники в Брулино-Коски, Клочеве, Варшаве-Кавенчине, Дрогичев-Казарувке, Цецелях и др. [4, с. 409—450; 17, с. 317—363; 34, с. 378—382; 35, с. 330—358; 36, с. 338—386]

Судя по материалам селища в Боратыне I, оно возникло в период, когда на территории лесостепи еще не существовало черняховской культуры. Дочерняховский период был продолжительным (фаза I). Контакты с черняховскими племенами установились в фазе II, т. е. не раньше второй половины III в. Этот период совпадает со временем оформления черняховской культуры [37, с. 60] Черняховско-вельбарские контакты нашли свое отражение в появлении на вельбарском селище гончарной керамики, других изделий, характерных для черняховской культуры.

Боратынское селище не является единичным памятником, возникшим в конце II — начале III в. Это также могильники в Брест-Тришин, Любомле, поселение в Лепесовке. Начальный период их существования определяется фибулами типа 41 и 129 по О. Альмгрену, однопластинчатыми гребнями типа В-П по классификации С. Томас. Однако появление вельбарских племен на восток от Западного Буга в конце II — начале III в., не следует, очевидно, рассматривать как одно из доказательств гипотезы о доминирующей роли этих племен в создании черняховской культуры и тем более рассматривать черняховскую культуру как завершающую стадию развития вельбарской культуры [8, с. 75; 38, с. 158] Материалы боратынского селища довольно убедительно показывают, что во второй половине III в., т. е. тогда, когда в лесостепных районах Украины начала функционировать черняховская культура, культура жителей селища не изменилась. Она сохраняет все черты предыдущего времени. Новым элементом является лишь наличие небольшого количества гончарной керамики черняховской культуры.

В более южных районах Волыни отмечено чересполосное существование памятников обеих культур. Имеются в виду исследования В. Д. Барана и В. К. Воляника в верховьях р. Горыни. Раскопанное им и поселение вельбарской культуры в Борсуках, а также поселение и могильник черняховской культуры в Бережанке расположены на расстоянии 6 км друг от друга [39, с. 56, 57] Подобная картина наблюдается и на территории Среднего Днестра. Это иллюстрируют материалы поселения в Великой Слободке [40, с. 62—71], имеющие выразительные черты вельбарской и пшеворской культур и четко отличающиеся от синхронных черняховских древностей в Бакоте, Теремцах, Соколе и др. Древности, имеющие преобладающие черты вельбарской культуры и датирующиеся III и IV вв., открыты в последнее время на Южном Буге (Шершни) [41, с. 289], Среднем Поднепровье (Глеваха, Цыбли) [42, с. 333]

Таким образом, памятники вельбарской культуры или ее элементы выделяются среди черняховских древностей не только в Южной Волыни, но и в других районах их распространения и на всем протяжении их существования

ЛИТЕРАТУРА

1. *Schindler R.* Die Besidlungsgeschihte der Goten und Gepiden im Weichselraum auf Grund der Tangefässe. Leipzig, 1940.
2. *Kmiecinski J.* Odry — cmentarzysko kurhanove z okresu rzymskiego w pow. Chojnockim // Akta archeologia Lodzinsia. 1968. № 15.
3. *Przewoźna K.* Osada i cmentarzysko z okresu rzymskiego w Slopanowie pow. Szamoluty // FAP. 1955. T. V
4. *Kempisty A.* Birytualne cmentarzysko z póznego okresu rzymskiego w miejscowosci Brulino — Koski pow. Ostrow-Mazowiecki // WA. 1966—1967. T 33. Z. 3—4.
5. *Dymaczewski A.* Cmentarzysko z okresu rzymskiego w Mlodzikowie pow. Sroda // FAP. 1958. T. VIII—IX.
6. *Kostrzewski B.* Cmentarzysko z okresu poznolatenskiego i rzymskiego w Domaradzicach pow. Rawicz // FAP. 1954. T. IV
7. *Dabrowska T* Cmentarzysko kultury przeworskiej m Karczewcu pow. Wegrow // MSW 1963. T. II.
8. *Кухаренко Ю. В.* Могильник Брест-Тришин. М.: Наука, 1980.
9. *Тихонова М. А.* Днестро-Волынская экспедиция в 1960—1961 гг. // КСИА 1964. Вып. 102.
10. *Коцшельницька Л., Оприск В. Г.* Поселения східнопоморсько-мазовецької культури у верхів"ях Західного Бугу // Археологія. 1976. Вип. 18.
11. *Maczyńska M.* Cmentarzysko i osada z okresu rzymskiego w Krapkowicach // MSW. 1971. T 1.

12. *Dabrowscy I i K.* Osada latenska i rzymska we wsi Piwonice pow. Kalisz // MS. 1968. T. X.
13. *Смішко М. Ю., Свешніков І. К.* Могильник III—IV ст. н. е. у с. Дитиничі // МДАПВ. 1961. Вип. 3.
14. *Kempisty A.* Ciałopalne cmentarzysko z póznego okresu rzymskiego w miejscovosci Koźenz pow. Gostynin // MS. 1968. T. XI.
15. *Asmus W. D.* Tonwarengruppen und Stammesgrencen in Macklenburg während der ersten leidenjahrbunderte nach der Zeitwende // Neumunster. 1938. Abb. 31.
16. *Kozlowska R.* Cmentarzysko z okresu póznolatenskiego i wcześnorzymskiego w Niecieplinie pow. Gostynin // MS. 1958. T. IV.
17. *Balke B.* Żenskie (?) cmentarzysko w miejscowosci Kłoczew pow. Ryki // MSW 1971. т. I.
18. *Баран В. Д.* Черняхівська культура. Київ: Наук. думка, 1981.
19. *Сорочак С. Б.* По так звані рубчасті світильники з Херсонеса // Археологія. 1982. Вип. 38.
20. *Тихонова М. А.* Раскопки поселения III—IV вв. у с. Лепесовка в 1957—1959 гг. // СА. 1963. № 2.
21. *Винокур І. С.* Історія та культура черняхівських племен. Київ: Наук. думка, 1977.
22. *Амброз А. К.* Фибулы Юга европейской части СССР // САИ. 1966. Вып. Д1-30.
23. *Almgren O.* Studien über Nordeuropäische Fibelformen. Leipzig, 1923.
24. *Jamka R.* Ciałopalne cmentarzysko kultury przeworskiej àw Ciosnach pow. Lodz // PrA. 1962. Z 3.
25. *Codłowski K.* Chronologia okresu rzymskiego i wczesnego okresu wedrowek ludu w Polsce północno-wschodniej // RB. 1974. T. XII.
26. *Eggers H. J.* Das Kaiserzeitliche Gräberfeld von Pollwitten Kreis, Mohrungen, Ostpreussen // Jahrbuch des Römisch-Germanische Zentralmuseums Mainz. Mainz, 1966.
27. *Jaskanis J.* Badania cmentarzyska z okresu rzymskiego w Cecelach pow. Siemiatycze preprowadzonych w latach 1969—1970. // RB. 1974. T. XXII.
28. *Thomas S.* Studien zu den Germanischen kömmen der römischen Kaiserzeit // Arbeits und Forschungsberichte zur Sächsischen Bodendenkmalpflege. B. 8. Leipzig, 1960.
29. *Chmelowska A.* Grzebienie starorzytne i sredniowieczne z ziem Polskich. Lodz, 1971.
30. *Никитина Г. Ф.* Гребни черняховской культуры // СА. 1969. № 1.
31. *Винокур І. С.* Старожитності Східної Волині. Чернівці, 1960.
32. *Брайчевський М. Ю.* Погребение в Горькой Полонке на Волыни // МИА. 1969. № 116.
33. *Каспарова К. В., Щукин М. Б.* Могильник Могиляны-Хмельник в Ровенской области // Тр. ГЭ. 1979. Т. 20.
34. *Liana T., Pietka-Dabrowska T* Osada z okresu wpływow rzymskich w Grodku Nadburznym pow. Grubieszow // WA. 1958. T. XXV.
35. *Jankowska B.* Cmentarzysko z poznego okresu rzymskiego w Warszawie — Kaweczynie // WA. 1962. T. XXXVIII. Z. 4.
36. *Jaskanis J* Sprawozdanie z badan na cmentarzysku z okresu rzymskiego w Cecelach pow. Siemiatycze // RB. 1970. T. IX.
37. *Щукин М. Б.* О некоторых проблемах черняховской культуры и происхождения славян // СА. 1974. № 4.
38. *Szcukin M.* Zabytki welbarskie a kultura czerniachowska // Problemy kultury welbarskiej. Słupsk, 1981.
39. *Баран В. Д.* До підгрунтя черняхівської культури // Дослідження з слов'яно-руської археології. Київ: Наукова думка, 1976.
40. *Козак Д. Н., Журко О. І.* Поселення поблизу с. Велика Слобідка пізньоримского часу в Середньому Подністров'ї // Археологія. 1983. Вип. 43.
41. *Магомедов Б. В.* Исследования в Винницкой области // АО — 1982. М., 1983.
42. *Терпиловский Р. В.* Поселение III—IV вв. близ Глевахи // АО — 1982. М., 1983.

D. N. Kozak

BORATYN I IN VOLHINIA, A SETTLEMENT OF THE WELBAR CULTURE

Summary

The author publishes the materials from the settlement of Boratyn I on the Styr River All in all, 1750 sq m have been investigated. The area contained 11 dwellings and 16 household pits and yielded a vast collection of pottery and metal and bone artefacts. A fibula (Fig. 3, 7) which belong to Group 16 of Series II according to A. Ambroz or to Group VI, according to O. Almgren) date the site to the late 2nd-4th cc. This date is supported by a bone comb (Type I according to S. Thomas) (Fig. 4, *13*) related to the period between the 3rd and the middle of the 4th cc. The pottery and dwellings exhibit mixed Przeworsk and Welbar traits. Contacts between the Chernyakhovo and Welbar cultures are evident from wheeled pottery and other objects typical of the Chernyakhovo culture. In the second half of the 3rd c. Boratyn I coexisted with the newly emergent Chernyakhovo sites in the forest-steppe belt. In the southern regions of Volhinia this coexistence extended into the 4th c.

В. Г. КОТИГОРОШКО

РЕМЕСЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО НА ДАКИЙСКОМ ГОРОДИЩЕ МАЛАЯ КОПАНЯ

В конце XIX в. венгерским краеведом Й. Мигаликом [1] у с. Малая Копаня Виноградовского р-на Закарпатской обл. УССР было открыто городище, которое только в 50-х годах нашего столетия привлекло внимание археологов. На основании проведенных шурфовочных работ оно вошло в научный обиход как гальштатский памятник IX—VIII вв. до н. э. [2] В результате систематических раскопок, предпринятых экспедицией Ужгородского университета с 1977 г., были устранены неточности в культурно-хронологическом определении городища и установлено, что Малая Копаня относится к дакийским укрепленным пунктам типа «дава», датируемым 60-ми годами до н. э. — 106 г. н. э. [3]

В Верхнем Потисье наше городище является наиболее северным форпостом даков, который характеризует этнополитические и социально-экономические процессы, проходившие в регионе после гибели латенской культуры в середине I в. до н. э.

Городище занимает вершину горы (высота — 80 м), восточная подошва которой омывается водами Тисы. Общая площадь памятника — 5 га. Оборонительная система кроме хорошей естественной защиты состояла из трех валов, экскарпов, палисада. Заселенной была территория, ограниченная первым валом (3,5 га) Культурный слой на поселении прослежен повсеместно и залегает сразу же под дерном. Его мощность, не считая углубленных в материк объектов, — 0,2—1,2 м.

За истекшие 8 лет раскопочных работ на площади 0,5 га исследовано 17 жилищ, 45 бытовых и производственных построек, десятки хозяйственных и сотни столбовых ям от неоднократных перестроек. В культурном слое, особенно в его верхней части, и заполнении объектов обнаружено большое количество изделий из металла, камня, стекла, десятки тысяч фрагментов керамики и более сотни целых сосудов.

Огромная вещевая коллекция, остатки мастерских позволяют говорить о городище как о крупнейшем ремесленном центре Верхнетисского региона рубежа нашей эры. Здесь работали кузнецы, гончары, мастера по камню и стеклу.

Всего в 7 км к востоку от Малой Копани расположен Затисянский Микрорайон, специализировавшийся с позднего латена в производстве железа [4, с. 21] Между селами Вовчанское — Дяково — Новоклиново — Юльевцы — Хыжа — Черна на площади примерно 30 м^2 нами выявлены десятки пунктов с остатками черной металлургии, функционировавших в последних веках до нашей эры — первых веках нашей эры. По-видимому, именно Затисянщина служила сырьевой базой городища в Малой Копане. Распределение специализации поселений по железодобыче и железообработке в Закарпатье отмечается с конца I тыс. до н. эш [5, с. 79]

О характере металлообработки в Малой Копане можно судить по наличию остатков кузницы, инструментария и кузнечной продукции.

Кузнечная мастерская (постройка 1) находилась в северо-восточной части городища, возле вала, имела наземную конструкцию (8×3,4 м). Стенки каркас-

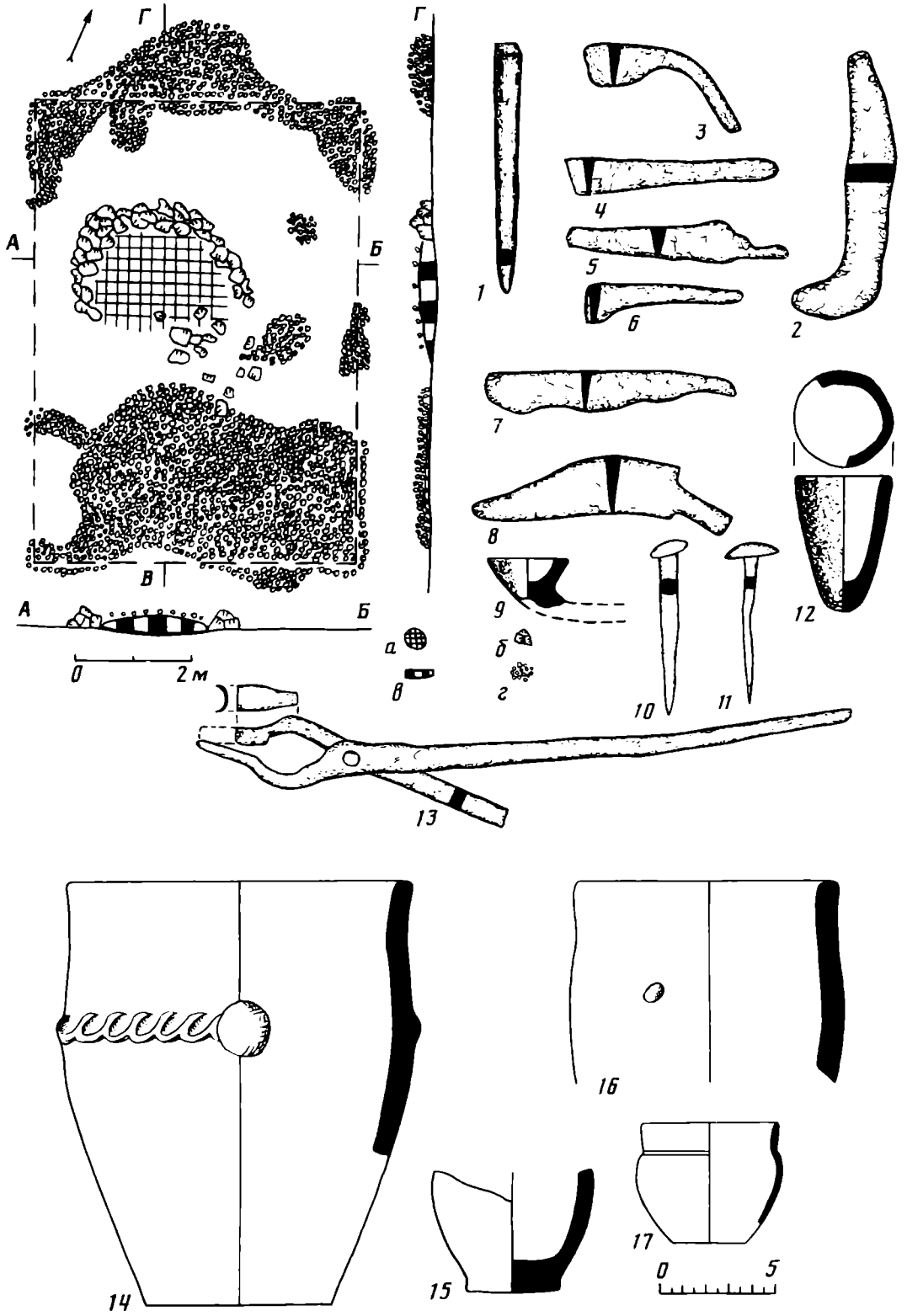


Рис. 1. План и разрезы кузнечной мастерской (*а* — очаг; *б* — камни; *в* — слой угля; *г* — обмазка), инвентарь

но-глинобитные. Центральную часть мастерской занимал овальный в плане горн (1,5×1,1 м), выложенный крупными камнями. Под горна на 0,1 м углублен в пол и был покрыт сплошным слоем угля, перемешанного с железными шлаками. Находки концентрировались в юго-восточной части постройки, под

завалом ее стенок. Это кузнечные клещи, пробойник, пять ножей, костыль, гвозди, тигли и льячка (рис. *1,1—13*) Фрагменты керамики от горшков и два миниатюрных сосуда обнаружены ближе к южному углу постройки (рис. *1,14—17*)

Кузницы на территории Дакии, как правило, были наземного типа, строились из дерева, реже — из камня. Так, одна из кузниц Грэдиштя Мунчелулуй представляла собой деревянный барак с широкими воротами и горном внутри. Рядом располагались складские помещения, в которых хранились полуфабрикаты железа (крицы весом по 9—10 кг, общий вес — 1 т) [6, с. 40—42]

Комплект кузнечного инструмента из кузницы дополняется находками с других участков городища (зубила, пробойник). Клещи состоят из двух частей, соединенных шарниром. Губы вытянуты. Одна имеет паз, в который заходила вторая губа, круглая в сечении. Длина клещей — 29 см (рис. 1, *13*).

Пробойники представляют собой стержни длиной 8—11 см с квадратной ударной площадкой. Рабочая часть в сечении круглая, заостренная (рис. 1, *1*; 2, *8*). Зубила — стержни длиной 8,5—11 см с круглой или квадратной ударной площадкой. Рабочая часть плоская, заостренная (рис. 2, *5—7*).

Судя по набору кузнечных инструментов из других синхронных городищ Трансильвании, в малокопаньский комплект должны были входить малые и большие молотки, молоты, наковальни, напильники [6, рис. 8—20]

Кузнецы городища изготовляли орудия труда, бытовые предметы, оружие, шпоры. К орудиям труда относятся серпы с дуговидным или слабоизогнутым клинком, который заканчивается невыраженным черенком или овальной пяткой. Ширина клинка 2—3 см, длина серпов 19—23 см (рис. 2, *9—11*).

Из других сельскохозяйственных орудий отметим наральники и косы. Их присутствие подтверждается обломком наральника и кольцом, с помощью которого коса крепилась к держаку (рис. 2, *15—16*).

Деревообрабатывающие инструменты представлены топорами — кельтами (рис. 2, *1—3*) и стамеской (рис. 2, *4*). Топоры — с узким или секировидным лезвием. Втулка расположена со стороны обуха. Длина целых экземпляров — 6,5 и 13,5 см. Стамеска с узким черенком и уплощенной острой рабочей частью. Длина ее — 12 см.

Из орудий по обработке камня и для каменного строительства найдены молоток и мастерок. Молоток вытянутой ромбовидной формы, с заостренными ударными краями. Отверстие для рукоятки круглое, длина молотка — 12,7 см (рис. 2, *13*). Мастерок с коленчато выгнутой ручкой и трапециевидной расширяющейся рабочей частью.

Для стрижки овец кузнецы изготовляли пружинные ножницы с узкими, треугольной формы лезвиями и пластинчатой пружиной (рис. 2, *17, 18*).

Предметы вооружения представлены наконечниками стрел, дротиков, копий, втоками (рис. 3, *1—16*). Можно предполагать, что на Малой Копане, так же как и на других городищах даков, изготовляли боевые топоры, сабли, мечи, боевые ножи [6, с. 129—142]

К экипировке всадников относятся шпоры. Все они одного типа — небольшие, с узким шипом и маленькими дужками, заканчивающимися кнопковидными утолщениями. Отковывались они из железной проволоки сечением 0,5—0,6 см с последующей наваркой «кнопок» (рис. 3, *17—21*). Этот тип шпор имеет широкий диапазон существования на памятниках доримской Дакии, где датируется I в. до н. э.— I в. н. э. [6, с. 126—127].

Значительную группу находок составляют бытовые вещи: ножи, ключи, крючки, запоры, дужки и петли от ведер, гвозди, костыли, скобы, а также рыболовные крючки (рис. 2, *19—67, 69*). Особенно многочисленны ножи разных типов и размеров. Спинка у них прямая или горбатая, черенок чаще всего отделен от клинка. Длина ножей 11—30 см.

Интересной находкой на городище является виноградарский нож — свидетельство культивации винограда в Закарпатье на рубеже нашей эры (рис. 2, *43*)

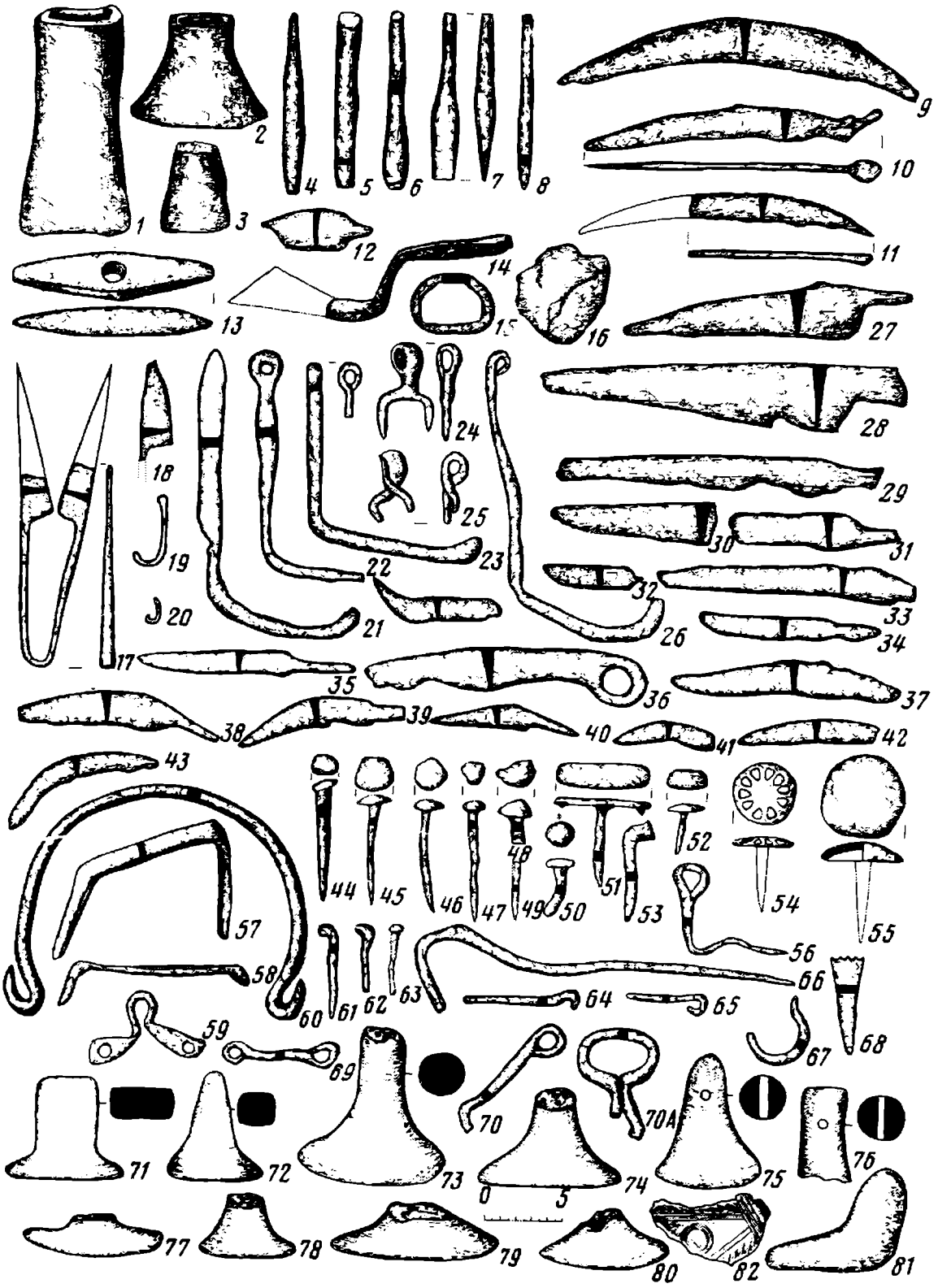


Рис. 2. Орудия труда и бытовые вещи

Лесной дикий виноград, бывший, по мнению селекционеров, предком культурных сортов, обнаружен возле г. Виноградово [7, с. 73] На широкое распространение в Карпатской котловине виноградарства указывает и Страбон (Strabo. II,

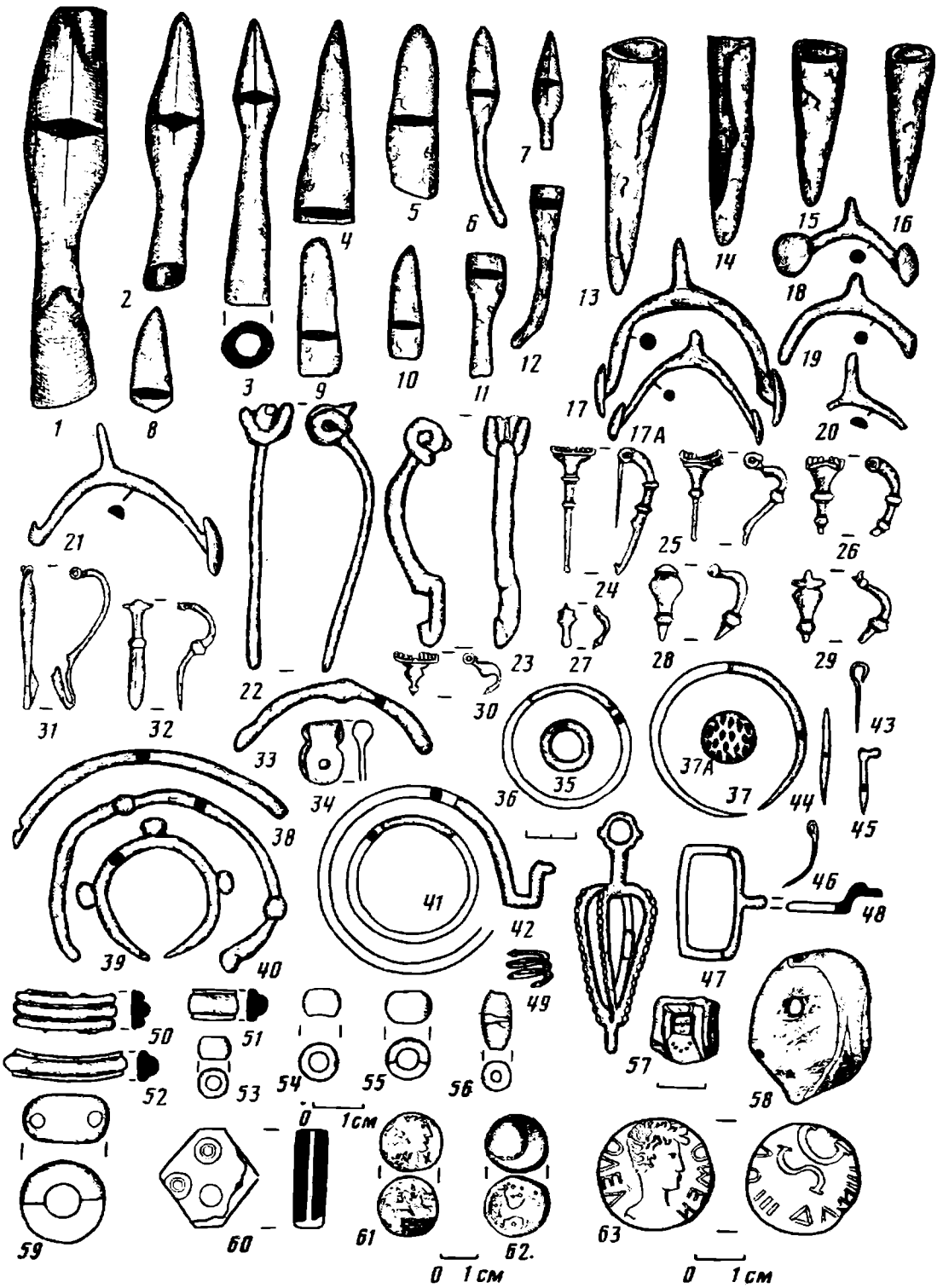


Рис. 3. Оружие, шпоры, фибулы, украшения, монеты. *1—23* — железо; *24—32, 34—37 38, 39, 41—48, 63* — бронза; *37*А, *49, 61—62* — серебро; *50—57 59—60* — стекло; *58* — камень

III, VI) Согласно античному географу, гето-дакийский вождь Буребиста убедил даков вырубить лозу и жить без вина.

Широкий ассортимент железных изделий Малой Копани говорит о профессионализме местных кузнецов. Уровень металлообработки на городище опреде-

ляется морфологическими и технологическими данными. Основным технологическим приемом при изготовлении изделий была горячая ковка. Осуществлялись такие кузнечные операции, как вытяжка и рубка заготовок, пробивка отверстий, скручивание, сварка отдельных деталей. К сложным операциям, которыми владели малокопаньские кузнецы, можно отнести покрытие поверхности железных предметов слоем бронзы. Так, на одном из обломков сосуда, украшенного гравировкой, в углублениях декора сохранились остатки бронзы (рис. 2, *82*).

Металлографическим изучением ряда изделий [1] установлено, что ножи ковали из неравномерно науглероженной сырцовой стали и подвергали закалке (микроструктура закаленных сталей — мартенсит) Из кричного железа и мягкой сырцовой стали ковали топоры и втоки копий.

Микроструктурный анализ железных предметов показал высокое качество ковки и незначительное содержание шлака.

Последнее обстоятельство не только свидетельствует о высоком мастерстве кузнецов в технологии изготовления изделий, но и характеризует процесс обработки горновой крицы [5, с. 87]

Развитость кузнечного дела в Дакии отмечают румынские исследователи И. Глодариу и Е. Ярославски, подчеркивая, что все орудия доримской Дакии подвергались закалке [6, с. 45]

Продукция и инструментарий малокопаньских кузнецов имеют прямые аналогии в коллекциях дакийских памятников Трансильвании I в. до н. э. — I в. н. э. [6, рис. 15—73; 8] Проводя морфологический и структурный анализ железных изделий, румынские исследователи обращают внимание на значительные кельтские традиции, сохранившиеся в кузнечном производстве Дакии. В первую очередь это относится к сельскохозяйственным и ремесленным орудиям труда [9, с. 392—404] Выводы подтверждаются и материалами крупнейшего позднелатенского ремесленного поселка Верхнетисского региона Галиш-Ловачки (г. Мукачево), где имеется ряд аналогий для вещевой коллекции Малой Копани [4, с. 48—74] Это клещи, зубила, пробойники, топоры-кельты, ножницы для стрижки овец, виноградарский нож и ряд бытовых предметов. По позднелатенской схеме изготовлялись и шпоры, имеющие прямые аналогии на кельтских оппидумах [10, рис. 200]

Обнаруженные в кузнице тигель и льячка позволяют говорить о производстве здесь ювелирных изделий. Ими могли быть украшения и принадлежности одежды, найденные на городище. Это железные (рис. 3, *22, 23*) и бронзовые фибулы (рис. 3, *24—32*), бронзовые пряжки (рис. 3, *48*), подвеска (рис. 3, *47*), иглы (рис. 3. *43—46*), кольца (рис. 3, *35, 36, 39*), браслеты (рис. 3, *37, 42*), гривна (рис. 3, *38*), серебряное спиральное кольцо (рис. 3, *49*), декоративные гвозди (рис. 3. *37*А). Найден гвоздь, шляпка которого украшена напаянными золотыми пластинками (рис. 2, *54*).

Редким типом производственных построек является стеклоделательная мастерская, выявленная на городище. На территории СССР известно всего три стеклоделательные мастерские, относящиеся к позднеримскому времени [11, с. 140—157] Из них две находятся в Крыму (Алма-Кермень, Херсонес) и одна — на дальней периферии римского лимеса, в с. Комарово Черновицкой обл. УССР

Стеклоделательная мастерская (постройка 34) Малой Копани находилась в 180 м к юго-западу от кузницы, на склоне южной возвышенности городища. Основная часть постройки имела подпрямоугольную форму (2,8×2,4 м) и была углублена в материк до 0,3 м. Ее центральную часть занимала прямоугольная печь (1,6×1,2 м), сооруженная из крупных булыжников и андезитовых плит.

---

[1] Выражаем благодарность старшему научному сотруднику ИА АН УССР Г А. Вознесенской, которой проведен металлографический анализ предметов.

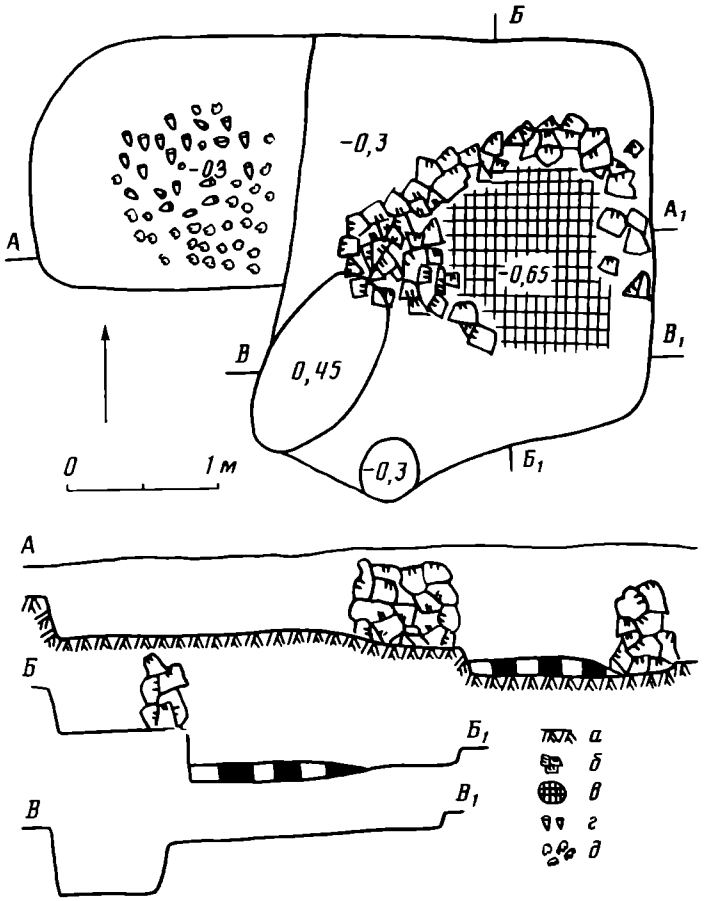


Рис. 4. План и разрезы стеклоделательной мастерской. (а — материк; *б* — камни; *в* — очаг; *г* — тигли; *д* — шлак)

Высота каменных стенок — 0,5 м, под на 0,35 м ниже уровня пола. В юго-западном углу мастерской находилась яма овальной формы (1,3×0,7 м), глубиной 0,35 м. Рядом с ней отмечена столбовая ямка диаметром 0,4 м и глубиной 0,2 м. К западной стене постройки примыкала прямоугольная площадка размером 1,8×1,7 м (рис. 4). На ее поверхности обнаружены 25 тиглей, целых и разбитых (рис. 5, *10—34*), стеклянные шлаки.

В заполнении мастерской находились керамика (рис. 5, *1—8*), обломки лезвия стилетовидного предмета (рис. 5, *9*) и стеклянной полихромной бусины (рис. 5, *36*). В верхнем слое обнаружен фрагмент наконечника стрелы (рис. 5, *35*).

Керамика представлена коническими чашками (рис. 5, *1, 2,4 — 5*), лепным (рис. 5, *8*) и гончарными черпаками (рис. 5, *3,7*), обломком кувшина (рис. 5, *6*), относящимися к наиболее распространенным формам посуды Малокопаньского городища.

Тигли в своем большинстве ошлакованы и деформированы. В некоторых из них на дне и стенках (внешних и внутренних) сохранилась накипь стекла. Изготовлены тигли из глиняного теста с очень большой примесью мелкозернистого песка, что придавало им огнеупорность. По форме делятся на два типа. К первому относятся 18 экз. конической формы. Высота 4,5—6,5 см, диаметр отверстия 3,5—4,7 см (рис. 5, *10—29*). Два подобных экземпляра найдены на городище в 1979 г причем на одном из них прослеживаются явные следы накипи стекла.

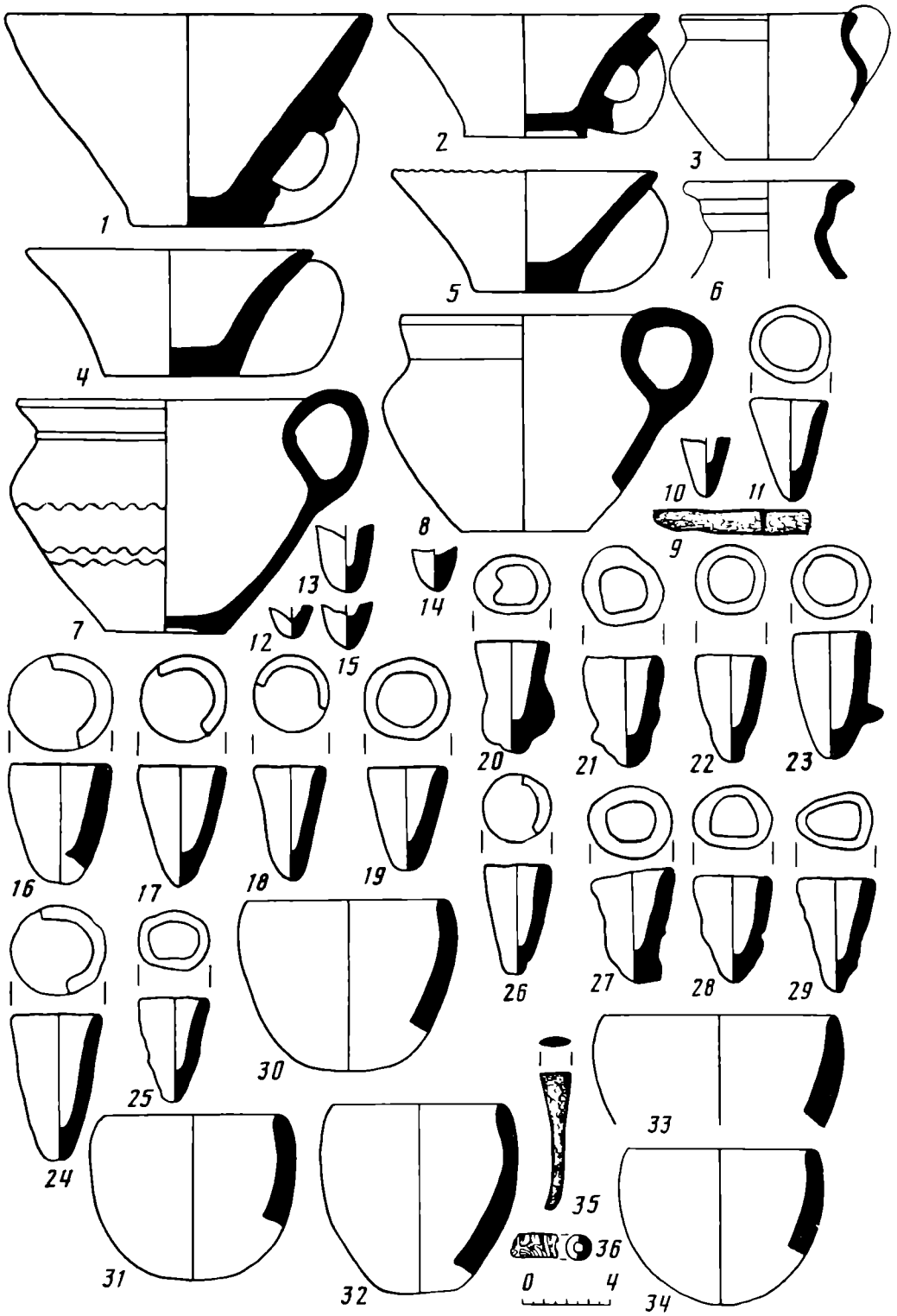


Рис. 5. Инвентарь стеклоделательной мастерской

Второй тип представлен семью тиглями с округлыми или овальными стенками и широким отверстием, диаметром 8—10,5 см. Высота 7—8,5 см. Дно округлое (рис. 5, *30—34*) Все они найдены во фрагментарном состоянии.

Тигли аналогичных типов хорошо известны в комплексах дакийских памятников I в. до н. э. — I в. н. э. [8, рис. 30, *5*, 49, *6*, 91, *1*; 12, с. 73, 81] В Закарпатье тигель конической формы обнаружен в кузнечной мастерской на поселе-

нии II—III вв. н. э. в с. Матиево. В стеклоделии тигли появляются в результате приспособления технологии обработки цветных металлов к новому неметаллическому материалу [11, с. 64]

Бусина, найденная в мастерской, отлита из грязно-фиолетового стекла. Поверхность ее украшена напаянными желтыми и бирюзовыми нитями. Форма цилиндрическая. Длина бусины — 20 мм, диаметр — 10 мм, диаметр отверстия — 4 мм (рис. 5, *36*). Стилетовидный предмет длиной 7,5 см, шириной 1,0 см, вероятно, служил для резания стеклянных заготовок (рис. 5, *9*). Наконечник стрелы с линзовидным сечением пера относился к типу втульчатых (рис. 5, *35*).

На городище найдено восемь бусин и фрагменты от трех стеклянных браслетов. Есть основание считать, что все они малокопаньского производства. Можно выделить три типа.

I тип — бусины округлой приплюснутой формы. Изготовлены из белого или голубого заглушенного стекла, зеленого, прозрачного. Диаметр 6—17 мм, высота 5—10 мм (рис. 3, *53—55*). Голубая бусина украшена белыми «глазками» (рис. 3, *59*).

II тип — бусина вытянутой бочонковидной формы, имеет черный цвет, посредине поперечный поясок из белой нити неодинаковой толщины. Диаметр — 6 мм, длина — 12 мм (рис. 3, *56*).

III тип — бусина ромбовидной формы. Изготовлена из темно-красного заглушенного стекла, украшена желтыми «глазками» в белой и синей окантовке. Размер 16×16×6 мм (рис. 3, *60*)

Большая часть бусин I типа изготовлена в излюбленном кельтами молочно-белом цвете, что достигалось благодаря примеси в стеклянную массу костной муки [13, с. 255] Типично кельтской является и орнаментация бусин «глазками». Подобная бусина была найдена в позднелатенском жилище на поселении у с. Мужиево Береговского р-на.

Представляет интерес уникальная для региона находка мозаичной прямоугольной бусины с двухсторонним изображением женщины (рис. 3, *57*). Подобные плакетки зарубежные исследователи и Е. М. Алексеева связывают с производством александрийских мастерских I в. до н. э. — I в. н. э. [14, с. 183]

Браслеты однотипные, представлены несколькими экземплярами. Имеют гладкую внутреннюю и украшенную продольными рубцами внешнюю поверхность. Отлиты из стекла голубого (рис. 3, *51*), синего (рис. 3, *52*) и светло-зеленого цвета (рис. 3, *50*). Типологически близки кельтским. На территории Чехии, где кельты известны уже в V в. до н. э. [15, с. 480], подобные браслеты включены Н. Венкловой в тип 6ав, отнесенный к периоду LT C1 [16, с. 82] Более широкую датировку браслетов с продольными рубцами рекомендует Я. Филип [15, с. 489], принимая во внимание их встречаемость в грунтовых могильниках и горизонте кельтских оппидумов (125—50 гг до н. э.). Датировка Я. Филипа более приемлема для Верхнего Потисья, где кельты появляются в начале III в. до н. э., но только во II в. до н. э. массово оседают на землях региона [17, с. 194] Таким образом, этот тип браслетов можно отнести к вещам, принадлежащим начальному периоду существования городища. Не исключено их изготовление на Малой Копане по кельтским образцам.

Присутствие стеклянных шлаков, обожженной глины с наваренным стеклом и тиглей указывает на изготовление в мастерской и стеклянной массы, и изделий. Судя по находкам на городище, это были бусы, браслеты и небольшие тонкостенные сосуды. По цвету они подобны стеклу, найденному со шлаками и в тиглях. В качестве красителей использовались окиси меди, марганца, кобальта и железа, а глушителей — медь, окись сурьмы с кальцием [11, с. 34—35, 39]

На территории доримской Дакии неизвестны стеклоделательные мастерские, но имеются данные, подтверждающие их существование. На это указывают трубка стеклодува, найденная в кузнице Грэдиштя Мунчелулуй, обломки сосуда для варки стекла и куски стекла из Клужа-Напоки [18, с. 169—172]

Е. Ярославски, исходя из анализа стеклянных изделий (около 200 предметов) с поселений Мунтении, Трансильвании и Молдовы, пришел к выводу, что в основном это продукция мастеров Дакии. По сравнению с римскими она более низкого качества и без штампов мастерских [18]

Изготовление стекла относится к одной из сложных форм производства и является важным показателем уровня развития верхнетисского общества на рубеже нашей эры.

О существовании керамического производства на Малокопаньском городище свидетельствуют массовые находки посуды (целой и битой), обломки стенок гончарных горнов, а также орудия гончара (лощила, инструмент для нанесения узоров).

Лощила изготовлены из глины с примесью мелкозернистого песка, хорошо обожжены, желтого, сероватого, черного цвета. Они имеют эллипсовидную основу и цилиндрическую или коническую ручку. В отдельных случаях ручки с отверстием (рис. 2, *71—80*). Встречаются каменные лощила со ступневидным основанием (рис. 2, *81*)

Инструмент для нанесения узоров представляет собой железный предмет с зубчатой рабочей частью, суживающейся к черенку. Длина его — 6,5 см (рис. 2, *68*)

До сих пор керамические горны в Малой Копане не обнаружены. Но они известны на синхронном Земплинском городище в Восточной Словакии [19, с. 72] Это глинобитные сооружения двухъярусной конструкции. Нижняя, топочная камера вырезалась в материке, ее диаметр — 1,8 м. Под камеры обжига опирался на центральную опорную стенку, расположенную в топке, и был снабжен продухами. Устье топки выводилось в предпечную яму. Свод горна глинобитный. Подобные горны венгерские исследователи относят к бей-кештедерскому типу, хорошо известному по кельтским гончарным мастерским I в. до н. э. — I в. н. э. в Будапеште [20, с. 33, 34] В Верхнем Потисье горны сохраняют свою конструкцию и в более позднее время, что подтверждается данными гончарной мастерской конца II—IV в. н. э. в Медиешул Аурит [21, с. 20—31].

По технологии изготовления и морфологическим качествам посуда Малой Копани делится на четко разграниченные группы и подгруппы. Вся керамика состоит из двух больших групп: лепной и гончарной.

Лепная посуда представлена двумя подгруппами (А, Б), различающимися между собой по технике изготовления и формам. Эта посуда в заполнении жилищ и построек составляет от 60 до 90% общего количества керамики.

Посуда подгруппы А формовалась из хорошо отмученного глиняного теста с добавлением шамота, реже — дресвы. Зачастую отмечается наличие в глиняном тесте двух компонентов: песка и шамота. Эти примеси предотвращали деформацию, усушку и усадку сосудов, повышали их огнеупорность [22, с. 105—108] Поверхность сосудов заглажена или несколько бугриста от выступающих зерен шамота. Цвет — коричневый, бурый, желтый, с неравномерной окраской стенок.

В ассортименте подгруппы А преобладают горшки, корчаги и чашки, реже встречаются сковородки, кубки, кружки. Наиболее многочисленны горшки. Это сосуды разнообразных размеров и форм: бочонковидные, тюльпановидные, мешковидные, округлобокие, биконические и др. (рис. 6, *1—19*).

Корчаги довольно грубой формовки, с шероховатой поверхностью от выступающих зерен крупнозернистого песка или дресвы. Широкогорлые, с коротким отогнутым или резко выраженным венчиком и овальным туловом. Высота сосудов 39—46 см (рис. 6, *52, 53*).

Чашки конической формы, с одной или двумя ручками. Самых различных размеров — от миниатюрных до больших массивных. Различия наблюдаются в степени изогнутости стенок и месте крепления ручек (рис. 6, *30—51*). Относятся к так называемым дакийским чашам, получившим широкое распрост-

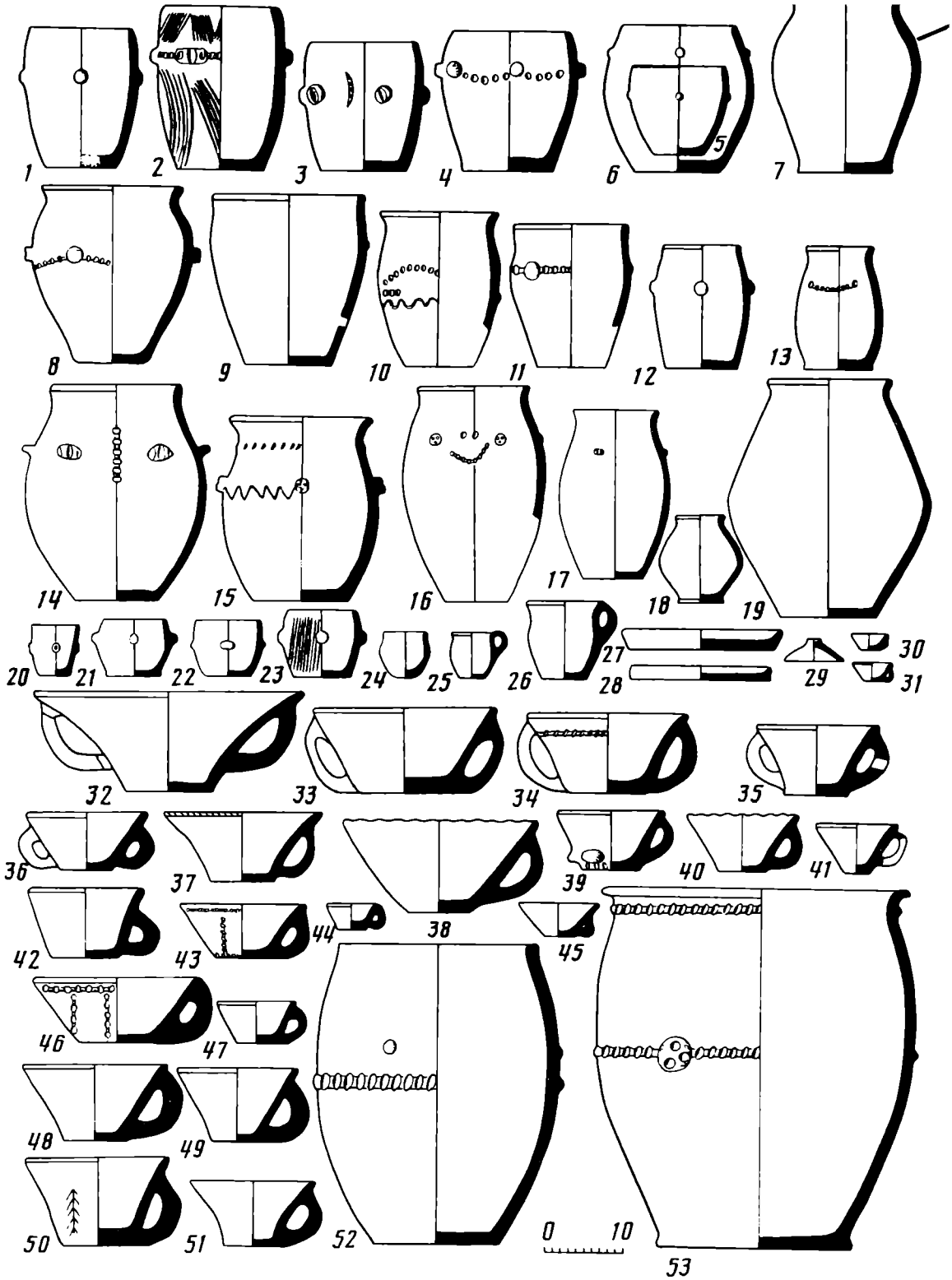


Рис. 6. Лепная керамика подгруппы А

ранение на рубеже нашей эры, в комплексах гето-дакийских памятников [23, с. 127, 128] В Верхнем Потисье появляются не раньше I в. до н. э. [24, с. 458—461] Следы копоти и жира на отдельных экземплярах дали основание Р Вульпе считать их светильниками [25, с. 200] Закопченность внутренних стенок наблюдается и на малокопаньских чашках.

Малораспространенными формами лепной посуды являются сковородки, кубки, кружки и крышки (рис. 6, *20—29*).

Большая часть керамики подгруппы А украшена разнообразнейшим декором. Чаще употреблялся пластический орнамент: вертикальные и горизонтальные валики, гирлянды, подковки (с защипами или насечками), шишковидные и сосцевидные налепы, уступы. Использовались для украшения и врезные волнистые линии, расчесы, елочный декор, пальцевые вдавления. Из этих орнаментационных мотивов создавались различные комбинации. По венчику чаш наносились насечки или делались защипы, реже украшались стенки.

Керамика подгруппы Б. по функциональному назначению относится к столовой посуде. Она изготавливалась из плотного, отлично промешанного глиняного теста с примесью очень мелкого шамота, реже — мелкозернистого речного песка. Применялось добавление в тесто и обоих этих компонентов. Внутренняя и внешняя поверхность покрывалась черным лощением, иногда коричневым (миски, крышки). В изломе черепок бордово-желтого цвета. Обжиг хороший, сквозной. Основные формы составляют «вазы для фруктов», миски, кувшины, черпаки и крышки (рис. 7).

Основу вазы составляет миска открытого типа с широким горизонтальным венчиком, обычно резко выделенными плечиками и коническим туловом, переходящим в высокий поддон. Диаметр венчика (Д) 22—40 см, дна (д) 8—16 см, высота (Н) 16—25 см (рис. 7, *1—10*). Появляются подобные вазы в гето-дакийской среде V—IV вв. до н. э. [26, с. 82, 83], а в регион Верхнего Потисья они начинают проникать с I в. до н. э. [27, с. 480, 482] Сюда же следует отнести вазы на низком поддоне (рис. 7, *11, 12*), классифицированные И. Г Кришаном как чаши с короткой ножкой [26, с 170]

Черпаки — небольшие биконические сосуды с плавно отогнутым высоким венчиком. Горло открыто. Снабжены петлевидной ручкой, идущей от венчика до перелома корпуса. Д — 8—13,5, д — 4,5—8, Н — 6—14 см (рис. 7, *22—25*).

Гончарная посуда по технике изготовления делится на четыре подгруппы (А—Г). Для всей этой группы, за исключением подгруппы Г, характерны тщательность обработки глиняной массы и небольшая примесь мелкозернистого песка, очень мелкого шамота (преобладает) или добавление обоих этих компонентов. В некоторых случаях примесь не просматривается.

Подгруппа А представлена сероглиняной керамикой. Обжиг равномерный, сквозной. Поверхность покрывалась серым лощением, а в отдельных случаях и черным. Основные формы составляют миски, вазы, кувшины. В единичных экземплярах встречались дуршлаги и кубки.

Миски, доминирующая форма этой подгруппы, различаются размерами и профилировкой. По форме выделяются два типа.

I т и п — открытые миски с сильно отогнутым и закругленным венчиком, четким переломом высоко приподнятых плечиков и коническим туловом (Д — 16—31, д — 5—8, Н — 6—10 см), (рис. 8, *36—41*).

II т и п — небольшие мисочки с коротким закругленным венчиком. Плечики покатые. Тулово выпуклое, наибольшее расширение в центральной части сосуда. Дно на плитчатом или кольцевом поддоне. Д — 13—15, д — 5,6—6, Н — 7—9 см ((рис. 8, *30—35*).

«Вазы для фруктов» по форме аналогичны лепным чернолощеным (Д — 23—36, д — 8—12, Н — 15—22 см), (рис. 8, *20—26*).

Двуручные вазы — приземистые, выпуклобокие. Горло раскрыто. Венчик короткий, слегка выделен. Наибольшее расширение приходится на центральную часть корпуса. Ручки петлевидные. Их верхний край обычно крепился к венчику, а нижний чуть выше перегиба тулова. Д — 11—20, д — 6,6—12, Н — 12—24 см (рис 8, *17—19*).

Кувшины — сосуды с более или менее узким горлом. Венчик плавно отогнут. К нему и чуть выше перелома тулова крепилась петлевидная ручка. Тулово

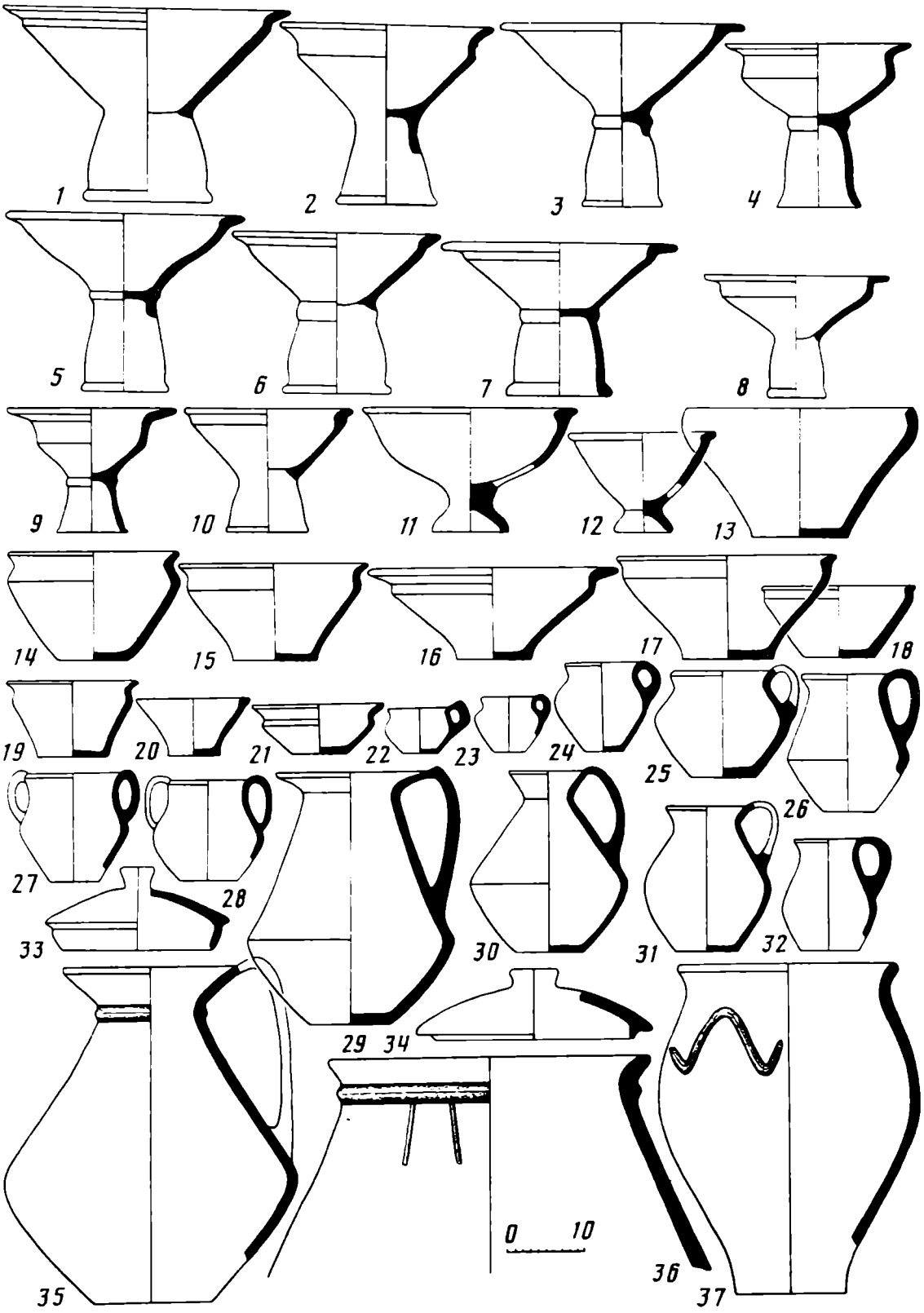


Рис. 7. Лепная керамика подгруппы Б

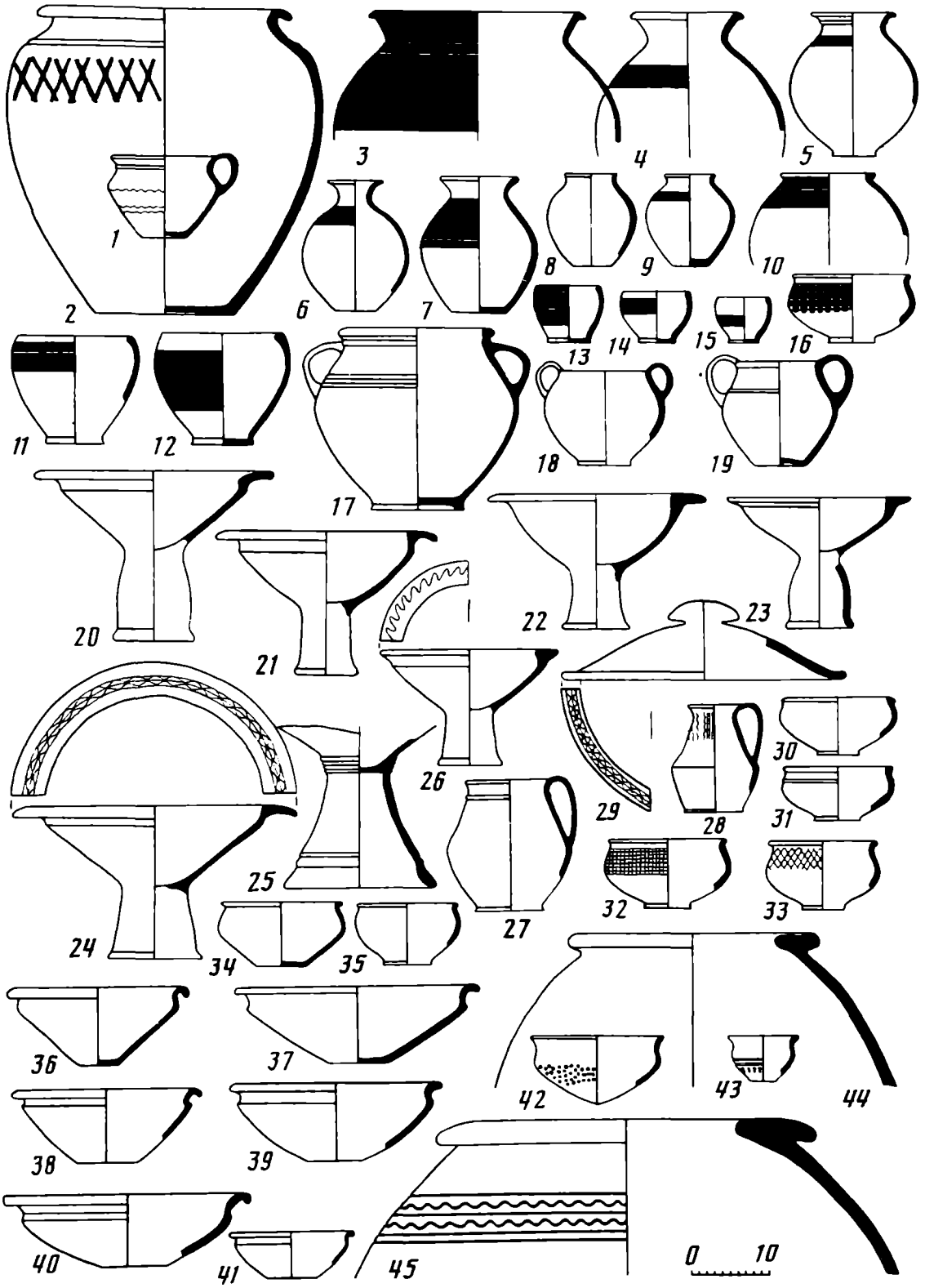


Рис. 8. Гончарная керамика

биконическое, опущено к днищу. Д — 7—11, д — 8—9, Н — 14—17 см (рис. 8, *27 28*)

Крышки имеют конической формы корпус, венчик вертикальный, ручка грибовидная или трапециевидная. Д — 28—37 см (рис. 8, *29*)

К редким формам посуды относятся *дуршлаги* и *кубки*. Дуршлаги имеют длинный, плавно отогнутый венчик, четко выраженные плечики и конически сужающееся книзу тулово. Д — 17—19 см (рис. 8, *42*). Кубки — миниатюрные сосудики (Д — 6—7 см) с высоким, чуть отогнутым венчиком, резко выраженными плечиками и коническим туловом (рис. 1, *17*).

Сероглиняная посуда украшалась только пролощенным декором. Орнаментационные мотивы составляют сетки, волнистые и прямые линии, нанесенные на тулово мисок, кувшинов и венчики ваз, крышек.

Подгруппа Б включает расписную керамику, широко распространенную на городище. В большинстве случаев она фрагментарна, что связано с ее хрупкостью. Обжиг равномерный, в некоторых случаях недостаточный. Цвет излома красный или желтоватый. Поверхность покрывалась белой или красноватой краской, реже — черной, на которую наносились широкие и узкие коричневые полосы. Употреблялся зигзаговидный и сетчатый декор, оформляемый путем нанесения коричневой краски на белый фон Основные формы расписной посуды представлены кувшинами, вазами, мисками и шаровидными сосудами.

Вазы — широкогорлые сосуды. Венчик утолщен, загнут внутрь, корпус овальный с наибольшим расширением в верхней трети. Д — 10—13, д — 4—8, Н — 6—14,5 см (рис. 8, *11—15*).

Миски закрытого типа, с коротким отогнутым венчиком и выпуклым туловом. Диаметр венчика 14—17 см. (рис. 8, *16*).

Шаровидные сосуды имеют сферический или близкий к сферическому корпус. Шейка высокая, венчик хорошо отогнут. Различаются размерами и шириной горла (Д — 7—28 см). Размеры реконструированных экземпляров: Д — 7—11, д — 5—7, Н — 17—19 см (рис. 8, *3—7*). К шаровидным сосудам относится экземпляр с короткой шейкой и широким горизонтальным венчиком, Д — 12 см (рис. 8, *10*).

Горшки — небольшие сосуды с коротким плавно отогнутым венчиком и овальным туловом. Наибольшее расширение приходится на центральную часть сосуда. Д — 6, 5—7, д — 4, 5—5, Н — 12 см (рис. 8, *8, 9*).

В **подгруппу В** входят коричневолощеные сосуды. В изломе — коричневого или желтого цвета. Это в основном черпаки, а также крупные горшковидные сосуды и кувшины. Последние известны в очень фрагментарном состоянии (рис. 3, *6*). Поверхность украшалась пролощенной сеткой и волнистыми горизонтальными линиями.

Черпаки по своим пропорциям аналогичны лепным. Размеры средние. Д — 8—13, д — 4—5,5, Н — 6, 5—11 см (рис. 8, *1*)

Горшковидные сосуды имеют сильно отогнутый закругленный венчик и широко открытое горло. Плечики четко выражены и высоко приподняты, тулово овальное с наибольшим расширением в верхней трети. Размеры реконструированного экземпляра: Д — 32, д — 17,5, Н — 39,5 см (рис. 8, *2*).

Подгруппа Г состоит из пифосовидных сосудов, широко встречающихся на городище. Формовались из плотного глиняного теста со значительной примесью крупнозернистого кварцевого песка. Цвет желтый, иногда розовый от употребления розовой глины, выходы которой прослежены на склоне городищенской горы. Обжиг равномерный, но не всегда сквозной. Форма сосудов выдержана. Они имеют широкий массивный венчик с закругленными краями. Ширина 5—9 см. Тулово яйцевидной формы с наибольшим расширением в верхней трети. Дно узкое. Некоторые сосуды орнаментированы врезными чередующимися прямыми и волнистыми линиями. Д — 40—54, д — 25—33 см. Приблизительная высота — до 1 м (рис. 8, *44, 45*). Встречаются экземпляры, поверхность которых покрыта коричневым или черным ангобом. Тесто с примесью шамота.

Керамика Малокопаньского городища на основании классификации И. Г Кришана [26, с. 152—153] относится к классической гето-дакийской

посуде и соответствует III фазе ее развития, датируемой 100 г. до н. э. — 106 г. н. э. Отмечается сохранение местных традиций эпохи фракийского гальштата в изготовлении посуды лепной формовки (йоршки, черпаки, корчаги, вазы). Производство гончарной керамики развивалось под воздействием чужеродных культур. Так, имитациями кельтских типов керамики являются миски обоих типов, а римской — сосуды с двумя ручками, крышки [26, с. 179, 183, 196]. Под влиянием эллинистического и кельтского гончарства в гето-дакийской среде возникает производство расписной керамики [26, с. 201] С греческими сосудами типа dolea или pythoi связывает происхождение пифосовидных сосудов В. Пырван [28, с. 587—588] Римское влияние, по мнению И. Г Кришана, проявляется главным образом в I в. н. э. [26, с. 214] Именно в это время, время усиления контактов с Империей, различные формы римской керамики перерабатываются дакийскими гончарами.

Разнообразие технологических приемов, стандартность, связанная с массовым выпуском посуды, являются свидетельством развитого гончарного производства на Малокопаньском городище.

Ремесленный характер, вероятно, носило и изготовление ручных ротационных мельниц, использовавшихся для помола зерна. На это указывают сравнительно большое количество жерновых камней (47 штук) и стандартность их форм. Они изготовлялись из губчатого.андезита, который добывался в 0,7 км от городища, на склоне соседней горы, где до сих пор сохранилась шахта со следами древней выработки. Малокопаньские жернова характеризуются концентричностью абриса и тщательностью обработки всей поверхности. Их диаметр 32—38 см, лишь отдельные экземпляры несколько большего размера (44—48 см). В зависимости от своего рабочего положения жернова делятся на лежаки — нижние камни и бегуны — верхние камни. Бегун — конической формы, с вогнутой рабочей и внешней поверхностью, в углубление которой засыпалось зерно. Сбоку сверлилась лунка для рычага. В центре жернова — фигурное или квадратное отверстие для порхлицы, на которую крепилась цапфа-ось. Высота бегуна в основном 12—14 см (рис. 9, *1—13*). Лежак — с коническими стенками, выгнутой рабочей поверхностью и плоским основанием. В центре лунка глубиной 5—6 см или сквозное отверстие. Сквозное отверстие для цапфы позволяло регулировать зазор между жерновами. Высота лежаков 10—12 см, диаметр отверстия — обычно 2—4 см (рис. 9, *14—20*).

По мнению Р С. Минасяна, жернова ручных мельниц всегда изготовлялись с плоскими поверхностями. Только износ придавал им конусность [29, с. 102] В таком случае мы имеем дело исключительно с изношенными ручными поставами. Это, следовательно, касается и массы кельтских жерновов с памятников Чехии, аналогичных малокопаньским [30] На наш взгляд, малокопаньские ручные мельницы были предназначены для крупного помола, так как конусность поверхностей способствовала быстрому выходу размельченного зерна. Более мелкую муку получали с помощью дополнительных помолов. В типологической схеме Ю. Вальдхаузера [30, с. 183, 210, рис. 14] жернова городища соответствуют типам B3 (бегуны) и L3, L6 (лежаки). Датируются концом I в. до н. э. — началом I в. н. э.

В Закарпатье ручные поставы появляются с проникновением кельтов в конце I тыс. до н. э. [4, рис. 16, 22]. Их эволюция связана с уменьшением конусности рабочей поверхности. Обнаруженные на закарпатских поселениях III—IV вв. жерновые камни, как правило, с плоской или слегка конической рабочей поверхностью (рис. 9, *21—25*).

Развитое товарное производство, рассчитанное на широкий рынок сбыта, предполагает наличие в среде жителей городища прослойки торговцев. На это указывают и находки монет в Малой Копане. Следует отметить, что Верхнее Потисье — регион с древними традициями в сфере товарно-денежных отношений. Монеты кельтской и дакийской чеканки появляются здесь еще в III—II вв. до н. э. [4, с. 85, 86; 9, с. 275] Они не только проникают из других регионов,

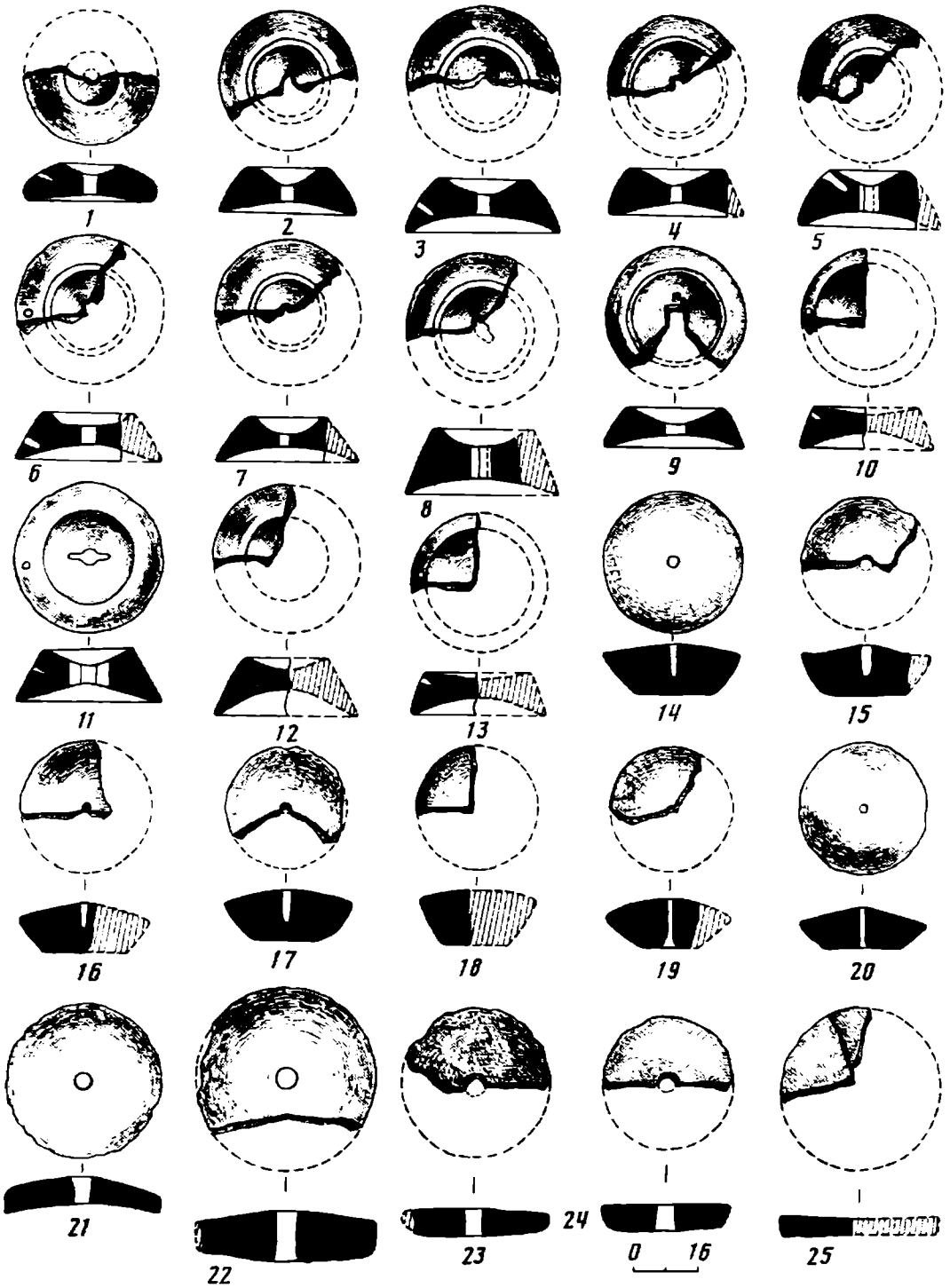


Рис. 9. Жернова. *1—20* — Малокопаньского городища; *21—25* — с закарпатских поселений III—IV вв.

но и чеканятся на месте, в ремесленном поселке Галиш Ловачка [4, с. 140] В Дакии времен Буребисты распространяются римские республиканские денарии, заменяющие монеты собственной чеканки [9, с. 427] Это положение подтверждается данными Малой Копани (рис. 3, *61, 63*), Солотвина и Земплина [19, с. 81, 87], а также значительными единичными находками римских монет

рубежа нашей эры наряду с монетами местной чеканки [31, с. 176; 32] Восприятие римской денежной системы было связано с торговыми контактами с Римом, в которых не могли участвовать монеты собственной чеканки. Последние сохраняются в местном обиходе до I в. н. э.

Важную роль во внешней торговле играла крупнейшая водная артерия региона — Тиса, названная Иорданом «великой и славной рекой» (Iord., 34). Топографическое положение городища позволяло держать под контролем этот основной коммуникационный путь, ведущий с востока, от карпатских перевалов и соляных копий Солотвина, на юг — к подунайским землям.

Специализированное ремесленное производство, наличие товарно-денежных отношений — свидетельство значительной стратификации населения Малокопаньского городища. Мы можем полагать, опираясь на данные этого класса памятников [9, с. 290—339], что кроме ремесленников и купцов на городище проживали племенная верхушка, жречество и находился постоянный военный контингент.

Исследования, проведенные в Малой Копани, характеризуют городище как крупнейший ремесленный центр Верхнего Потисья. Основанный в 60—50-х годах до н. э., в период гето-дакийской экспансии, он являлся доминирующим военным форпостом и носителем дакийской культуры региона.

В I в. до н. э.— I в. н. э. гето-дакийская культура, вобрав и переработав достижения ряда культур, приобретает унифицированный облик на большой территории. Бурный подъем переживали ремесла, среди которых ведущее место занимали металлургия, металлообработка и гончарное производство.

Развитию металлургии способствовали мощные рудные месторождения (железо, медь, золото) Карпатских гор, обеспечивавшие сырьем кузнечные и ювелирные мастерские. Особенно поражает многочисленный и разнообразный ассортимент железных изделий. Это сельскохозяйственные и ремесленные орудия, оружие, предметы быта.

На высоком профессиональном уровне находилось гончарство, чему в немалой мере способствовали контакты с высокоразвитыми культурами: греческой, кельтской и римской. Более всего влияние сказалось на технологии производства, чем на заимствовании форм посуды. Последние оставались в основном дакийского вида, с глубокими местными генетическими корнями. Особо сильным было влияние кельтской цивилизации, которое проявилось во всех основных отраслях экономики населения Верхнего Потисья конца I тыс. до н. э. — начала I тыс. н. э.

Центром дакийской культуры в I в. до н. э. — I в. н. э. становится район в горах Орэштие, на юго-западе Трансильвании, где создается комплекс крепостей, городищ и поселений с многочисленным населением. Строятся укрепленные пункты и в других частях Дакии, в том числе и на окраинах. В Верхнем Потисье в середине I в. до н. э. возводятся городища в Земплине, Малой Копане, Солотвино. Крупнейшим среди них было Малокопаньское городище, которое по своим размерам равнялось или даже превосходило Грэдиште Мунчелулуй — столицу даков.

Анализ памятников рубежа нашей эры и I—IV вв. указывает на значительный вклад даков в развитие экономики и социальных отношений населения Верхнего Потисья римского времени. Во II в. в результате симбиоза местных северофракийских племен и родственных им даков в регионе формируется культура карпатских курганов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Mihalik J.* Őskori emlékek Ugocsa-vármegyében // AÉ. 1981. XI.
2. *Смирнова Г. И.* Гальштатские городища в Закарпатье // SA. 1966. XIV, 2.
3. *Котигорошко В. Г.* Малокопаньское городище рубежа нашей эры в Закарпатье // СА, 1984. № 1.
4. *Бідзіля В. І.* Історія культури Закарпаття на рубежі нашої ери. Київ: Наук. думка, 1971.
5. *Бидзиля В. И., Вознесенская Г. А., Недопако Д. П., Паньков С. В.* История черной металлургии и металлообработки на территории УССР (III в. до н. э. — III в. н. э.). Киев: Наук. думка, 1983.
6. *Glodariu I., Iaroslavschi E.* Civilizaţia fierului la daci (sec. II. i. e. n. — I. e. n.). Gluj; Napoca, 1979.
7. *Лазаренко Э. А.* По вулканическим Карпатам. Ужгород: Карпаты, 1979.
8. *Berciu D.* Buridava dacică. Bucureşti, 1981.
9. *Crişan I. H.* Burebistasi epoca sa. Bucureşti, 1977.
10. *Šimek E.* Velka Germanie Klaudia Ptolemaia. Brno, 1953.
11. *Щапова Ю. Л.* Очерки истории древнего стеклоделия. М.: Изд-во МГУ, 1983.
12. *Turcu M.* Cultura materială a geto-dacilor din Cimpia Munteniei // Studii dacine. Cluj; Napoca, 1981.
13. *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. Бронзовый и железный век. М.: Наука, 1974.
14. *Алексеева Е. М.* Миниатюрная мозаика в стеклянных украшениях I в. до н. э. — II в. н. э. // СА. 1971. № 4.
15. *Филип Я.* Кельты в Средней Европе. Прага, 1956.
16. *Venclová N.* Nástin chronologie laténskych sklenených náramku v Cechách // PA. 1980. R. LXXI. C. 1.
17. *Benadik B.* Dota latenska // SA. 1980. XXVIII-1.
18. *Iaroslavschi E.* Au prelucrat dacii sticla? // Studii dacice. Cluj; Napoca, 1981.
19. *Benadik B.* Die spatlaténezeitliche Siedleung von Zemplin in der Ostslowakei // Germanis. 1965.43.1.
20. *Pető M.* La-Téne D — koracsászárkori fazekastelep a Gellérthegytől délre elterülő sikságon // Industrial Archaeology Kilns and Furnaces. Sopron, 1980.
21. *Dumitraşcu S., Bader T.* Asezarea dacilor liberi de la Mediesul Aurit. Satu Mare, 1967.
22. *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978.
23. *Вязьмитина М. И.* Фракийские элементы в культуре населения городищ Нижнего Днепра // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1969.
24. *Lamiová-Schmiedlová M.* Römerzeitliche Siedlungskeramik in der Südostslowakei // SA. 1969. XVII-2.
25. *Vulpe B., Vulpe Ec.* Activatatea santierului archeologica Poiana-Tecuci. 1950 // SCIV 1951. An. II. N 1.
26. *Crişan I. H.* Ceramica daco-getică. Bucureşti, 1969.
27. *Benadik B.* Obraz doby laténskej na Slovensku // SA. 1971. XIX-2.
28. *Pârvan V.* Getica. O protoistoria a Daciei. Bucureşti, 1926.
29. *Минасян Р. С.* Классификация ручного жернового постава // СА. 1978. № 3.
30. *Waldhauser J.* Keltské rotační mlýny v Čechách // PA. 1981. LXXII-I.
31. *Kolniková E.* Ku konfrontácii nálezov minci s vysledkami bádania o dobe rimskej na Slovensku // SA. 1973. XI-1.
32. *Ondruch V.* Nálézy keltských, antickych a bizantských minci na Slovensku. Bratislava, 1964.

V. G. Kotigoroshko

HANDICRAFTS AT THE DACIAN SITE OF MALAYA KOPAN

Summary

The settlement functioned between the 60s B. C. and A. D. 106 in the Transcarpathianarea. This Dacian northernmost settlement illustrates the socio-economic and ethnopolitical processes evident in the upper Tissa region after the La Tène culture disintegrated in the middle of the 1st c. B. C. Smiths, potters, stone carvers, glass makers worked in the settlement during this period. The nature and the development level of metal making became evident through an analysis of what remained of a smithery, smith's implements and forged products (Figs. 1-3) and also a metallographic analysis of some of the metal objects. A glass making shop is of great interest (Fig. 4) with its 25 slay crucibles (Fig. 5) and glass slag. The shop produced beads, bangles and goblets. A wide range of technologies, and selection of standardised articles produced indicate that pottery making was fairly developed in Malaya Kopan. An analysis of handicrafts indicates that the Celtic traditions were preserved in metal-making, pottery and in the production of hand-operated mills. Besides, pottery shows clear Hellenic and Roman influences. The vast collection of objects and remains of shops testify that the settlements was the largest centre of handicrafts in the Upper Tissa region.

О. В. ОВСЯННИКОВ, Е. А. РЯБИНИН

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГРУНТОВЫЕ МОГИЛЬНИКИ ТЕРСКОГО БЕРЕГА

Южный берег Кольского полуострова (так называемый Терский берег) географически занимает как бы промежуточное положение между Карельскими землями на западе и Двинской землей на юго-востоке и остальной частью Кольского полуострова вплоть до его океанского побережья (рис. 1). Не случайно в русских письменных источниках район «Тре», «Тер», «Три» упоминается с 60-х годов XIII в. [1, с. 9, 17, 27, 47] Уже в грамоте 1294—1304 гг великого князя Андрея Александровича регламентируется право промысловых походов на Терскую сторону [1, с. 142] В документах второй половины XV в. упоминается «лопский рубеж» [1, с. 246], который сохранился и в XVI в. по р. Пялице [2, с. 170—172] Существенно, что на протяжении всего XVI в. Терский берег продолжал играть важную роль в жизни Двинской земли: еще в 1560 г черносошные двинские волости (кроме Пинеги и Мезени) платили «морской оброк с Терские стороны» [3, с. 518] То, что именно жители Двинской земли платили «морской оброк с Терские стороны», свидетельствует, на наш взгляд, об очень давних и традиционных связях этих территорий. К сожалению, письменные источники XIII—XIV вв. не дают сведений о характере местного населения ни на Терском берегу вообще, ни в волости Варзуге в частности; в конце XV в. известно лишь о существовании «лопского рубежа», разграничавшего основной массив русских и лопарских владений. Конечно, существенную помощь в решении этого вопроса могли бы оказать археологические материалы, но их до недавнего времени вообще не удавалось обнаружить. Лишь в последние годы началось накопление источниковедческой базы, документирующей культуру средневекового населения Терского берега. Полученные данные пока невелики по объему, но по своей информативной значимости они заслуживают специального рассмотрения.

В 1969—1979 гг. на левом берегу р. Варзуги, напротив д. Кузомень, сотрудникам Кольской экспедиции ЛОИА АН СССР были собраны бронзовые украшения из разрушенного могильника средневековой эпохи [4, с. 6, 7; 5, с. 13—16] В 1982 г. Северодвинская экспедиция ЛОИА АН СССР также обследовала этот памятник и обнаружила серию металлических и стеклянных изделий, происходящих из уничтоженных грунтовых погребений. Кроме того, в 1 км от местонахождения древних предметов (недалеко от впадения р. Кицы в Варзугу) открыт неизвестный ранее сохранившийся грунтовый некрополь [6, с. 25, 26; 7] Учитывая топографическую близость обоих археологических объектов, разрушенное кладбище получило условное наименование Кузомень I, могильник, выявленный в 1982 г.— Кузомень II (рис. 2).

Могильник Кузомень I. Находки из сборов 1982 г. представлены серией украшений, типичных для культуры средневековых финно-угорских племен. Среди них выделяются два литых бронзовых звена с орнаментом, имитирующем косоплетку (рис. 3, *1*, *2*). Полные аналогии одному из них известны в курганах XII—XIII вв. Костромского Поволжья (Покров, Гоменки, Раменье [1]), Юго-Восточного Приладожья [2] и на памятниках бассейна р. Чепцы [8, табл. XV, *8*] По мнению Е. И. Горюновой, изделия из наборных литых звеньев представляли собой мужские пояса, символизирующие особое социальное положение их владельцев [9, с. 115, 243, рис. 54, *1*, *2*] Однако в некоторых случаях зафиксировано исполь-

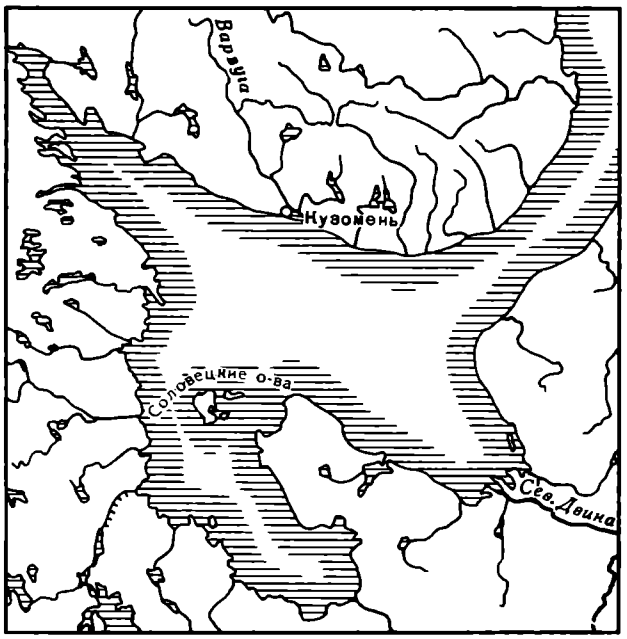


Рис. 1. Терский берег и Двинская земля

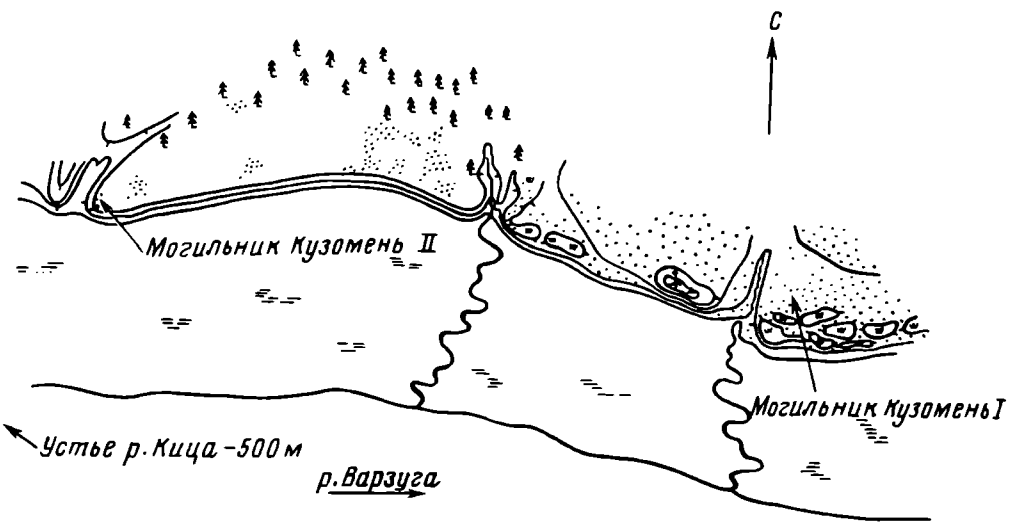


Рис. 2. Ситуационный план погребальных памятников у д. Кузомень на р. Варзуге

зование таких находок в качестве цепей для подвешивания горизонтальных игольников, широко бытовавших у чудского населения Костромского Поволжья и Юго-Восточного Приладожья.

К древностям, типичным для ареала приладожской курганской культуры, относится бронзовый литой ключик, имевший декоративное назначение (рис. 3, *3*). Подобные изделия происходят преимущественно из женских погребений второй половины XI — начала XII в. [10, с. 31, 32] В последние годы аналогичная находка обнаружена в грунтовом чудском могильнике того же времени, исследованном у д. Корбала на р. Ваге (бассейн Северной Двины) [11, с. 203, 204, рис. 5, *5*]

Зооморфная подвеска в виде двуглавого пластинчатого конька (рис. 3. *4*) принадлежит к серии украшений, бытовавших в широкой полосе финно-угорского расселения и славяно-чудского пограничья в XII в. [12, с. 44, 45, табл. 18, *11*,

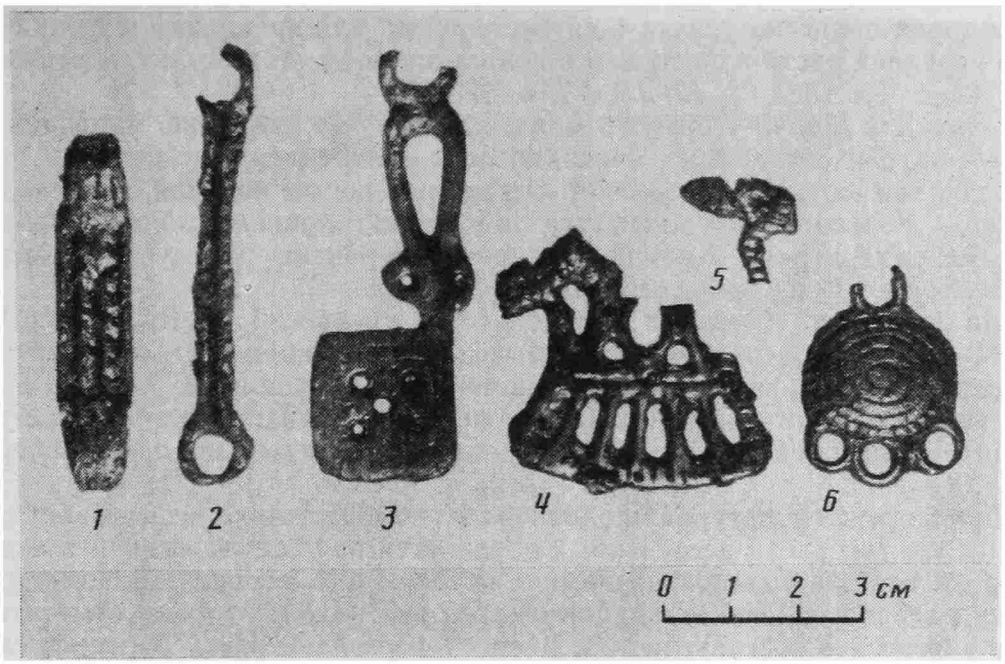


Рис. 3. Бронзовые украшения из разрушенных погребений могильника Кузомень I. *1—2* — литые орнаментированные звенья; *3* — подвеска-ключик; *4* — коньковая подвеска; *5* — фрагмент бронзового изделия; *6* — умбоновидная бляшка

14; 13, с. 21, 22 табл. VII, *4*] Основная часть изделий данной формы происходит из северо-восточных районов Руси, в западном направлении они проникали вплоть до Финляндии. Значительное число коньковых амулетов рассматриваемого варианта обнаружено также в Северодвинском бассейне, на территории Заволочья.

Умбоновидная бляшка со спиралевитым узором (рис. 3, *6*) — форма украшений, известная в ареале финно-угорского расселения от Прикамья до Юго-Восточного Приладожья. Однако для подавляющей части таких изделий, нередко используемых в качестве декоративного элемента женской обуви, типично расположение ушка с оборотной стороны бляшки. В данном же случае наличие петли для подвешивания в верхней части диска свидетельствует о его принадлежности к числу нагрудных или поясных украшений. Наиболее близки по характеру исполнения умбоновидные подвески из курганов XI — начала XIII в. Ярославского Поволжья (Жуковка) [14, с. 223—228][3] и Волго-Клязьминского междуречья (Давыдовское) [15, с. 127, 160, рис. 438] Остальные находки из сборов 1982 г представлены бронзовыми поясными кольцами и фрагментом колечковой цепочки, обломком дужки от бронзового котла и единичными стеклянными бусами.

Дополнительную информацию о культуре населения, оставившего могильник Кузомень I, содержат материалы, добытые Кольской экспедицией ЛОИА АН СССР [5, с. 13—15, рис. 3] Среди них прорезное изображение гуся или утки, наиболее характерное для угро-финского населения Юго-Восточного Приладожья второй половины X — начала XII в. [13, с. 12, 14, 15, табл. I, *1—10*] Из Приладожья такие изделия проникали на север Швеции, а в восточном направлении — в бассейн Северной Двины и Прикамья. Аналогии зооморфному амулету «конь на змее», являвшемуся поздней переработкой пермских подвесок — «всадниц», известны в памятниках XI—XII вв. от Приладожья до Прикамья, встречены они и в Северодвинском бассейне [13, с. 26, 27] Четвероногий пластинчатый конек принадлежит к серии культовых изделий, производство которых было налажено в XII—XIII вв. в Костромском Поволжье [12, с. 38, 39, рис. 16, *4—6*; 13, с. 27, 28, табл. XI, *2—4*] Костромское происхождение имеет, по-види-

мому, и полая подвеска-уточка с двумя петлями для крепления шумящих привесок в передней части и загнутым в кольцо хвостом; дата таких украшений — XII в. [12, с. 19, табл. 3, *13*, *15*; 13, с. 37, 38]

Типичны для финно-угорского мира и бронзовые пронизки, нанизанные на кожаный шнур и служившие, очевидно, для прикрепления к женском одежде шумящих и зооморфных украшений. Остальные формы изделий, происходящие из сборов,— подковообразная фибула с плоскими головками, поясная пряжка— в средневековый период были широко распространены как у чудского, так и древнерусского населения северных территорий.

Среди находок из Кузоменя I представлены древности как X—начала XII в., так и XII—XIII вв. В целом же период бытования основной части изделий из разрушенного некрополя может быть ограничен XII или концом XI—XII в. Для определения даты памятника важное значение имеет также находка на его площади западноевропейской серебряной монеты, чеканенной при Альберте II (1018—1064 гг)[4]

Финно-угорская культурная подоснова этого могильника не вызывает сомнений. Вместе с тем среди встреченных древностей не удается выделить изделия, которые бы отражали этнографические особенности местного населения. При изучении распространения различных категорий находок можно отметить следующее интересное обстоятельство. В могильнике на Терском береге представлены импортные украшения, типичные для двух крупных областей чудского расселения: Приладожско-Белозерского (по некоторым культурным элементам и Прикамского) и Поволжского. Прикосновение таких разнородных форм древностей происходило, очевидно, через район, характеризующийся смешением прибалтийско-финских, волжско-финских и пермских традиций. Судя по имеющимся данным, такой областью могла являться Двинская земля, традиционная связь которой с Терским берегом подтверждается и письменными источниками.

Могильник Кузомень II. Памятник расположен на террасе, возвышающейся над поймой почти на 15 м, занимая мыс, образованный коренным берегом и лощиной с ручьем. Могилы на поверхности были выражены тремя мелкими углублениями (рис. 4).

М о г и л а 1 до начала раскопок прослеживалась по западине глубиной 0,3, длиной 1,2, шириной 0,5 м. Контуры ямы выявлены на глубине 0,45 м (здесь и далее отметки даны от дневной поверхности); на глубине 0,65 м четко обозначилось пятно истлевшей деревянной гробовины, основание которой зафиксировано на глубине 0,8 м. Заполнение конструкции представляло собой плотный, но тонкий, не превышающий 2—3 см слой органических остатков. При зачистке верхней части заполнения прослежены пластины луба, волокна которых ориентированы поперек гробовины. Это позволяет заключить, что погребенный был завернут в луб и уже после этого помещен в деревянную конструкцию. Небольшая глубина могилы обусловила насыщенность ямы водой на уровне захоронения, что привело к разрушению костей и некоторых металлических вещей из нестойких сплавов. Несомненно, этому способствовал и другой немаловажный факт: судя по стратиграфически выраженному процессу постепенного осыпания стенок могилы, последняя длительное время оставалась открытой. Под тяжестью осыпавшегося в яму грунта внутренняя часть гробовины оказалась вогнутой — еще одно доказательство того, что заполнение ямы землей началось через определенный период после помещения в нее умершего (по крайней мере уже тогда, когда костяк подвергся частичному разрушению). Упавший на гробовину и покрытие из луба слой грунта способствовал рельефной пропечатке черепа и крупных костей; на большинстве же участков верхняя и нижняя пластины луба оказались плотно спрессованными друг с другом. Размеры деревянной конструкции, представлявшей скорее всего сруб с легким перекрытием,— 2,0·0,7 м.

В могиле расчищены остатки костяка в вытянутом положении на спине, головой к северо-востоку. На затылочной части черепа сохранился небольшой фраг-

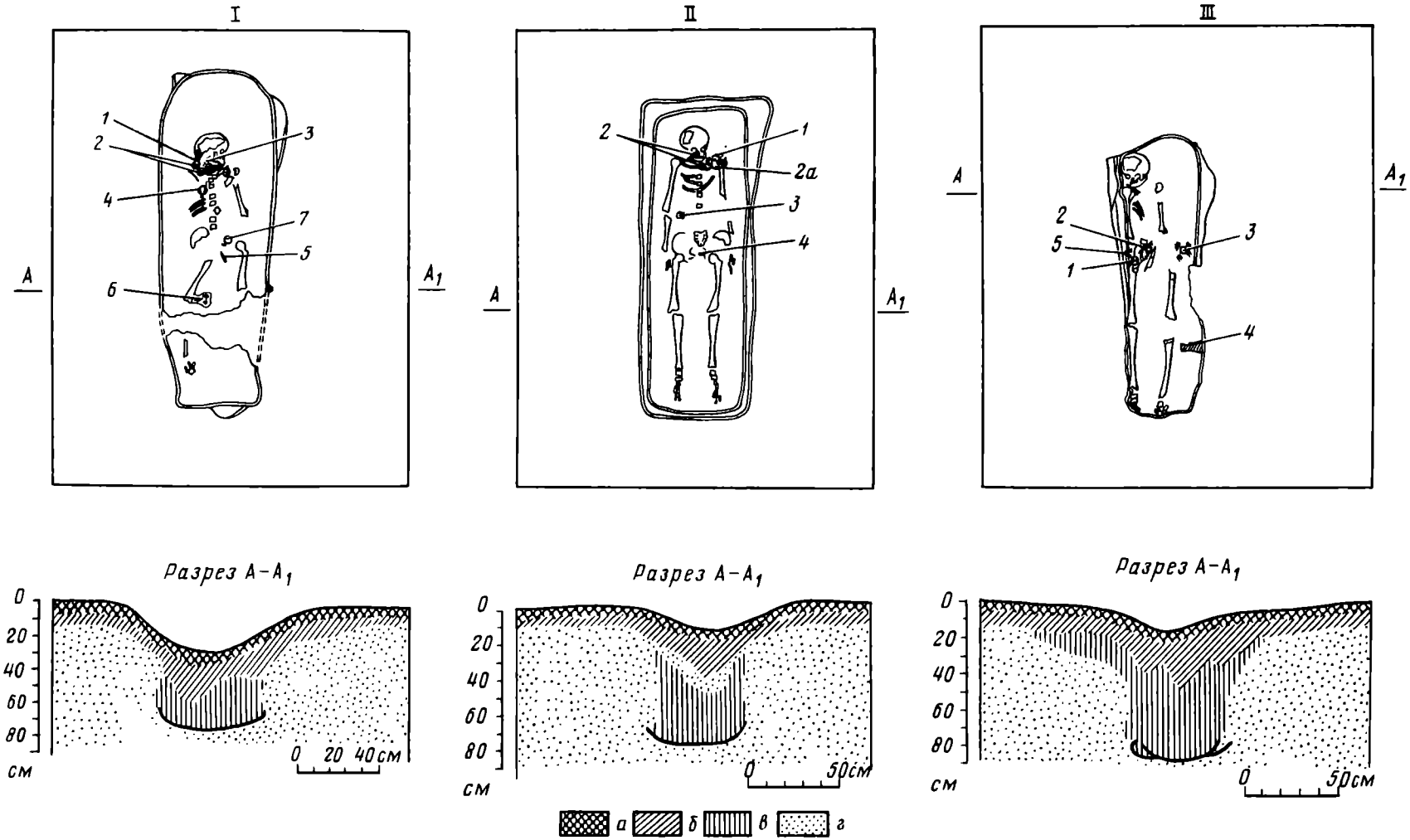


Рис. 4. Планы и разрезы погребений могильника Кузомень II. I — мог. 1 (*1* — проволочная серьга; *2* — монетовидные подвески; *3* — бусы; *4* — фибула; *5* — нож; *6* — поясное кольцо; *7* — остатки ткани); II — мог. 2 (*1* — бусы; *2*, *2а* — монетовидные и круглые прорезные подвески; *3* — поясное кольцо; *4* — лапчатая подвеска); III — мог. 3 (*1*, *3* — ременные разделители; *2* — кольцо; *5* — лировидная пряжка; *4* — топор). *а* — дерн; *б* — мешаный грунт; *в* — заполнение могилы; *г* — материк

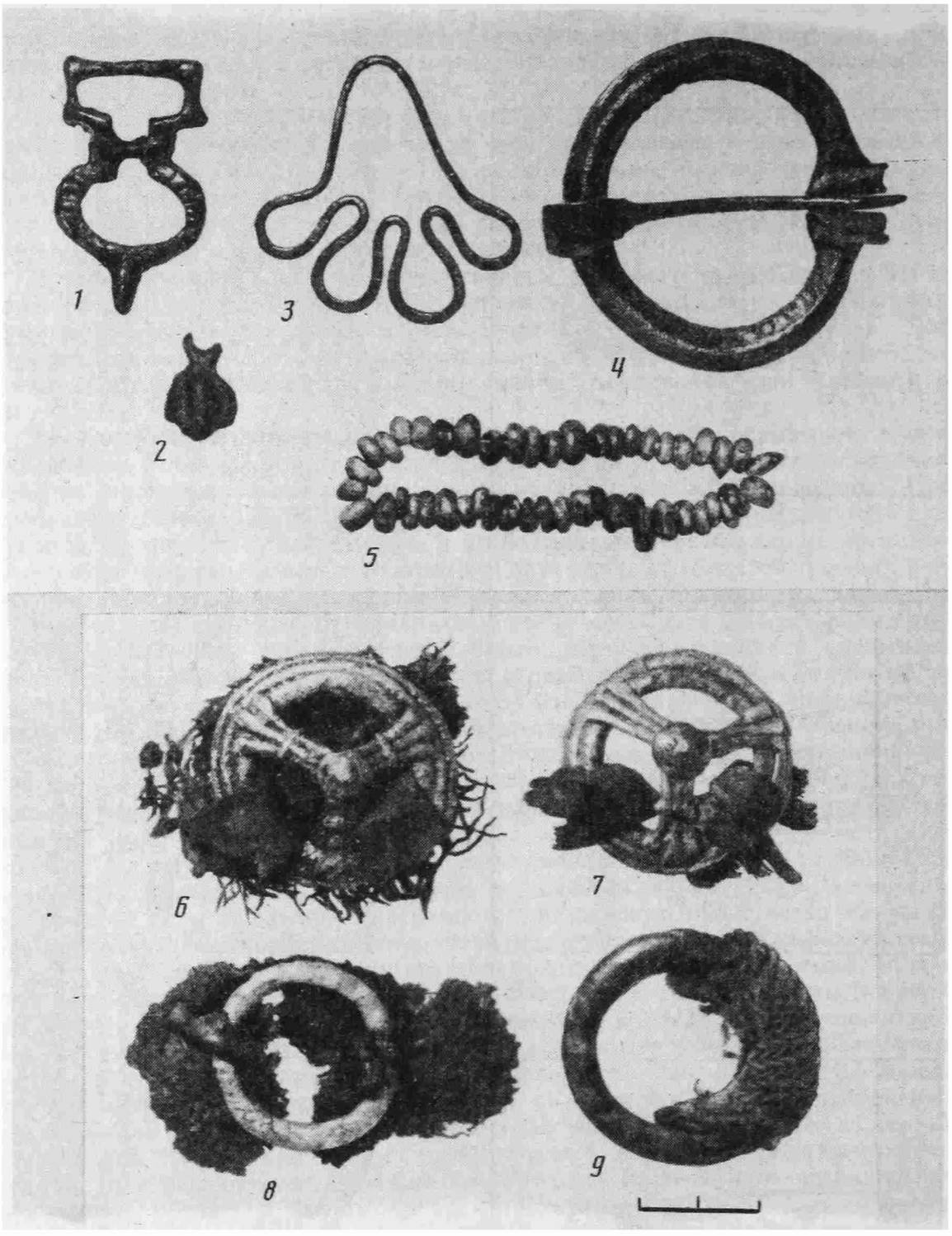


Рис. 5. Инвентарь погребений могильника Кузомень II. *1* — лировидная пряжка; *2* — подвеска-лапка; *3* — височная привеска; *5* — стеклянные бусы; *6, 7* — разделители ремня; *8, 9* — поясные кольца. *1, 6, 7* — погр. 1; *2, 9* — погр. 2; *3—5, 8* — погр. 3

мент меха лося или оленя, рядом с которым располагалась проволочная бронзовая подвеска подтреугольной формы с петельными изгибами в нижней части (рис. 5, *3*); не исключено, что ею стягивался головной меховой убор. Под нижней челюстью прослежены остатки восьми распавшихся круглых подвесок, образовывавших в сочетании со стеклянными бусами шейное ожерелье. На правой

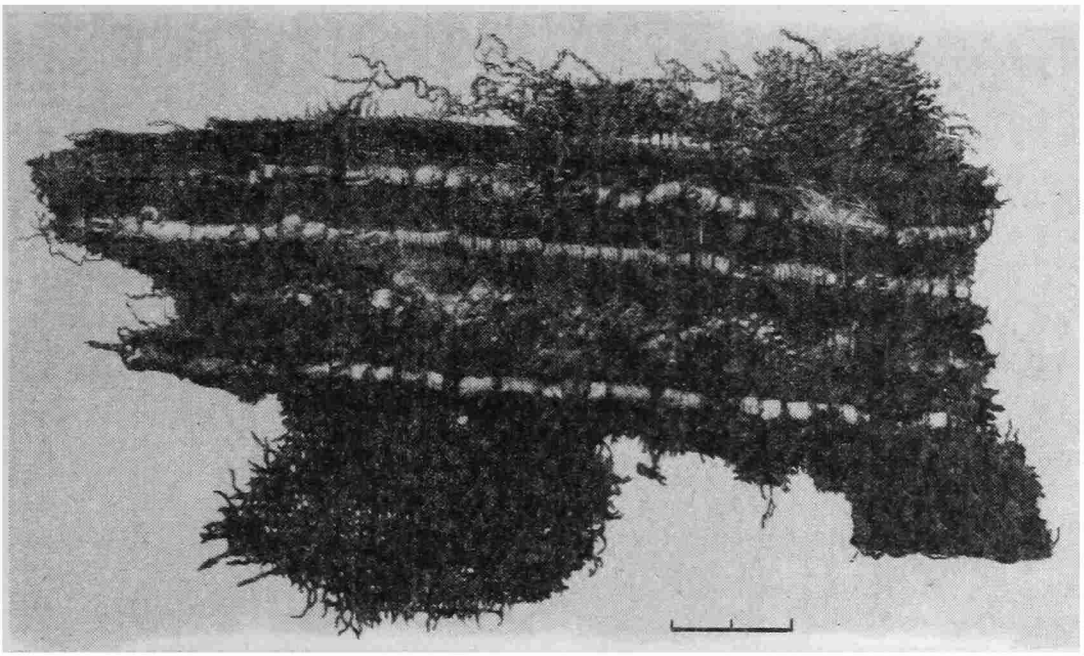


Рис. 6. Фрагмент ткани с бронзовыми спиральками из могилы 1

стороне груди располагалась подковообразная фибула (рис. 5, *4*), у пояса встречены нож и железное кольцо с остатками тканого пояса (рис. 5, *8*), изготовленного на 16 дощечках (плетение «елочка»)[5] Еще один довольно значительный кусок ткани — саржевый с диагональным рубчиком в четыре ремизки — сохранился под поясным кольцом; из могилы происходит также фрагмент материи полотняного плетения в две ремизки.

На уровне колен выявлено несколько кусков ткани с нашитыми бронзовыми спиральками, образующими геометрический орнамент; очевидно, это окаймление подола одежды (рис. 6). О самой одежде можно судить по остаткам грубой шерстяной материи, сотканной на дощечках, с бранным, по-видимому, выполненным зелеными и красными нитками, узором.

М о г и л а 2 выражена западиной глубиной 0,14, длиной около 1 и шириной 0,7 м. Контуры могильной ямы выявлены на глубине 0,3 м, остатки деревянной конструкции прослежены с уровня 0,65—0,7 м. Погребение также было завернуто в луб, на верхней пластине которого сохранились отпечатки крупных костей. Исследованное захоронение — женское, обращено головой к северо-востоку, руки вытянуты вдоль тела. У левой ключицы обнаружены остатки ожерелья из стеклянных бус, одной или двух больших круглых привесок (тип последних установить не удалось из-за плохой сохранности), четырех монетовидных орнаментированных и одной круглой прорезной подвесок (рис. 7). У пояса найдено бронзовое изображение гусиной лапки (рис. 5, *2*), у таза располагалось бронзовое поясное кольцо (рис. 5, *9*).

М о г и л а 3 выражена западиной глубиной 0,11, длиной 0,6 и шириной 0,5 м. Контуры могильной ямы прослежены на глубине 0,20—0,25 м. Встреченный в ней мужской костяк был завернут в луб. Ориентировка северо-восточная, руки умершего вытянуты вдоль тела. У пояса обнаружены изготовленные из бронзы два ременных разделителя (рис. 5, *6*, *7*), кольцо и лировидная пряжка с остатками кожаного ремня (рис. 5, *1*). У левого колена был положен топор.

Хронология могильника может быть установлена прежде всего по находкам вещей, имеющих аналогии в слоях средневекового Новгорода. Так, подковообразная спиралеконечная фибула с треугольным сечением дуги (могила 1) датируется по новгородской стратиграфии временем до 1224 г [16, с. 136] Орнамент в виде процветшего креста, представленный на круглых прорезных подвес-

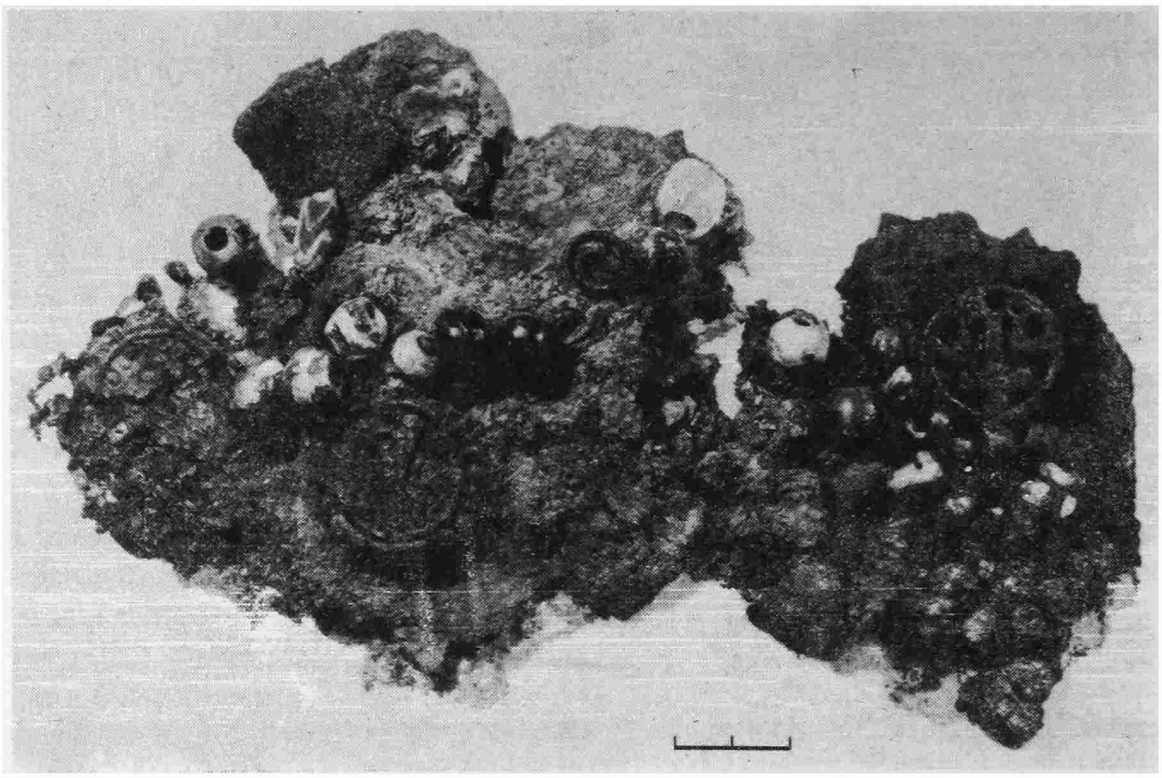


Рис. 7 Остатки шейного ожерелья из могилы 2

ках погребения 2, нередко украшал металлические изделия из слоев 1116 — 1369 гг. [16, с. 137][6] Наконец, из могилы 3 происходят лировидная пряжка (1006—1197 гг.) [16, с. 137; 17, с. 144, 145, рис. 56, *1*, *2*] и рабочий топор переходного вида 1, по Б. А. Колчину (1134—1281 гг.) [16, с. 138] Таким образом, наиболее вероятная дата исследованных погребений, верхняя граница которой устанавливается по находке из могилы 1, а нижняя — по составу инвентаря погребения 3,— вторая треть XII — первая четверть XIII в. Радиоуглеродное датирование образцов из двух могил позволяет отнести сооружение последних к 1200—1210 гг (740 ± 10, 750 ± 10)[7]

Характер иследованных комплексов прямым образом свидетельствует о принадлежности населения, оставившего могильник Кузомень II, к финно-угорскому этническому массиву. На это указывает грунтовый обряд погребения и такие яркие его элементы, как наличие срубных конструкций с поверхностными перекрытиями в могилах, заворачивание умерших в луб и, наконец, необычная для славянского мира северо-восточная ориентировка захоронений. Такая «промежуточная», северо-восточная или юго-восточная ориентировка трупоположений довольно часто встречается в ареале угро-финского и славяно-чудского расселения, отражая наличие межэтнических контактных зон или являясь индикатором микроструктур в более крупных финно-угорских образованиях [18, с. 95, 96]

Примечателен набор инвентаря женских погребений, сочетающий в себе элементы чудского происхождения и древности, не имеющие четкого этнического «паспорта». Окаймление одежды бронзовыми спиральками, зафиксированное в могиле 1, указывает на определенное сходство женского убора обитателей Терского берега с западнофинскими племенными группировками — сумью, емью, эстами, ливами, корелой, ижорой и водью. Происходящее из этого же комплекса проволочное изделие с петлевидными выступами внизу полностью аналогично серьгам, бытовавшим в конце I — начале II тыс. н. э. в восточных районах угро-финского расселения и почти не проникавшим на запад; единственное исключе-

ние составляет находка такого украшения в Корбальском чудском могильнике конца XI — первой половины XII в. на р. Ваге в Северодвинском бассейне [11, с. 203, рис. 5, *13*]. Встреченная в могиле 2 бронзовая привеска в виде гусиной лапки также относится к кругу типичных чудских изделий, связанных с широко распространенным на Севере культом водоплавающей птицы.

Признание финно-угорской, в широком понимании термина, принадлежности памятников Кузомень I и Кузомень II еще не снимает вопроса о том, с какой именно конкретной иноязычной группировкой было связано население бассейна р. Варзуги. В этом отношении большой интерес представляют результаты палеоантропологического анализа погребений 2 и 3, проведенного сотрудником ИЭ АН СССР А. В. Шевченко [8] Согласно полученным данным, в могиле 2 было совершено захоронение женщины в возрасте около 35 лет. Череп умершей характеризуется крайне малой высотой лица и довольно крупными при такой грациальности зубами. В могиле 3 погребен мужчина 30—40 лет, череп которого также отличается редкостно малой высотой лица и довольно высокой (как абсолютной, так и относительной) орбитой. По заключению А. В. Шевченко, отмеченные признаки складываются в комбинацию, совершенно не свойственную русским, но вполне возможную для лопарей.

Таким образом, краниологические материалы не противоречат историческим свидетельствам о наличии на Терском береге групп саамского населения — «лопи» русских лотописей. Вряд ли, однако, эти данные достаточны для бесспорной этнической атрибуции памятников на р. Варзуге. Следует учитывать сложность этнокультурной ситуации в Фенноскандии и на севере Восточной Европы в рассматриваемый период и особенно крайне слабую степень изученности саамских средневековых памятников.

Сложность выявления саамских древностей обусловлена особенностями быта этого населения, занимавшегося охотой и рыболовством, а в I тыс. н. э. перешедшего также к оленеводству [19, с. 143—151] Подвижная жизнь саамских общин определила отсутствие у них постоянных мест обитания и лишь так называемые зимние селения, возникшие в центрах меховой торговли, использовались в качестве стоянок. Кроме того, эпоха средневековья у саамов ряда территорий ознаменована полным исчезновением местного керамического и металлургического производства, что крайне затрудняет выявление поселенческих комплексов.

Проблематичным остается вопрос и о характере погребальных памятников лопарей. На территории Финляндии известны бесформенные нагромождения надмогильных камней, традиционно слывущие у местного населения под названием «лаппинраунио» (саамские камни), лишь в некоторых из них обнаружены изделия западного происхождения, относящиеся к римскому времени (I—IV вв.) [19, с. 148] В последние годы высказано мнение о связи с саамскими погребальными памятниками загадочных каменных сооружений в виде оградок и насыпей из валунов, обнаруженных на Соловецких островах [20, с. 98—106] Рекогносцировочные раскопки последних не принесли, однако, положительных результатов, поэтому сама атрибуция каменных конструкций в качестве древних лопарских могил нуждается в дополнительной аргументации.

Определенный интерес для нашей темы представляет погребение, открытое на селище Муромское VI в Юго-Восточном Прионежье. Захоронение с юго-восточной ориентировкой совершено в неглубокой (около 30 см) могильной яме, по сопровождающему инвентарю оно датировано XI в. По мнению П. Э. Песонен, серия поселений на Муромском озере со своеобразной раннесредневековой керамикой, встреченной и в самой могиле, оставлена лопью, исторически засвидетельствованной в этом районе с XIV в. [21, с. 100—102] С таким заключением, однако, не согласен М. Г Космен ко, связывающий указанные селища с приладожской чудью [22, с. 149—157]

Все вышесказанное достаточно ясно характеризует сложность выделения саамских погребений на основе каких-либо археологических аналогий. Более

того, отсутствие грунтовых могильников в ареале расселения саамов, казалось бы, полностью противоречит устанавливаемой по историческим и отчасти по антропологическим данным связи с лопью рядовых кладбищ Терского берега.

Полагаем, однако, что реальная ситуация в этом регионе могла быть более сложной. Прежде всего следует отметить наблюдаемую синхронность в появлении двух близкорасположенных могильников, датируемых XII — началом XIII в. Не вызвано ли это явление определенными историко-культурными изменениями в жизни местного населения?

По заключению К. Карпелана, в процессе становления саамов выделяются раннесаамский период, в течение которого возрастает зависимость прасаамской общности от соседних территорий, ведущая к коренным экономическим, политическим сдвигам (300—1200 гг.), и последующий саамский период, в который и формируется исторически известная нам саамская общность [23, с. 47]. Разумеется, указанные хронологические границы весьма относительны и вряд ли могут быть в равной степени приложимы ко всему ареалу расселения лопарей. Тем не менее эти наблюдения весьма показательны, ибо они фиксируют происходившее в первых веках II тыс. н. э. расхождение исторических судеб отдельных группировок, составлявших раннесаамскую общность. Имеется достаточно обоснованное мнение о том, что саамский народ сформировался лишь на основе протосаамов крайнего севера Карелии и Финляндии, избежавших ассимиляции финнами и карелами; потомки же финнизированных протосаамов, испытавшие в культурном отношении значительное воздействие верхневолжских и прибалтийских финнов, и являются «лопью» русских летописей [24, с. 157, 159]

Но именно таким явно финнизированным населением и оставлены памятники на р. Варзуге, очевидно действительно принадлежащие летописной лопи. Не исключено, что благодаря резко усилившемуся этнокультурному взаимодействию с более южными угро-финскими группировками местные саамские коллективы в XII в. и перешли к новому для них грунтовому обряду погребения. Состав находок из могильников Кузомень I и Кузомень II указывает на направление культурного влияния, шедшего в область «Тре» преимущественно из Двинской земли.

Некоторые затронутые в данной работе сюжеты могут пока претендовать лишь на роль рабочих гипотез. Надеемся, однако, что последующее изучение средневековых древностей Кольского полуострова позволит уточнить и более ясно представить характер этнокультурных процессов, протекавших на «лопском рубеже» русских владений.

Костромской музей, инв. 15467, хр. XCIV, XCV; Гос. Эрмитаж, ОИПК, инв. 1043/203.

[2] Гос. Эрмитаж, ОИПК, инв. 702.

[3] ГИМ, инв. 78605, хр. Р 12/86.

[4] Авторы выражают признательность за определение монетной находки сотруднику Института истории АН ЭССР А. Н. Молвыгину.

[5] Все определения тканей любезно проведены сотрудником ЛОИА АН СССР Н. В. Хвощинской.

[6] На монетовидных подвесках, функционально и типологически близких круглым прорезным, подобный орнамент представлен с начала XIII до начала XIV в. [17, с. 38, 40, 41, рис. 12, *11, 15,* 14, *5—7*].

[7] Анализ проведен радиоуглеродной лабораторией ЛОИА АН СССР.

[8] Выражаем признательность А. В. Шевченко за предоставленные данные.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М; Л.: Наука, 1949.
2. Сборник грамот Коллегии экономии. Т. I. Грамоты Двинского уезда. Пг., 1922.
3. *Копанев А. И.* Платежная книга Двинского уезда 1560 г // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1970.
4. *Гурина Н. Н.* Работа Кольской экспедиции // АО—1979. М., 1980.
5. *Гурина Н. Н.* Памятники эпохи раннего металла и раннего средневековья на Кольском полуострове // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.: Наука, 1984.
6. *Овсянников О. В.* Разведки в Архангельской и Мурманской областях // АО—1982. М., 1984.
7. *Овсянников О. В.* Средневековый грунтовый могильник на Терском берегу // Новое в археологии Северо-Запада СССР Л.: Наука, 1985.
8. *Первухин Н. Г* Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии // МАВГР, 1896. Т. II.
9. *Горюнова Е. И.* Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. 1961. № 94.
10. *Кочуркина С. И.* Юго-Восточное Приладожье в X—XIII вв. М.: Наука, 1973.
11. *Назаренко В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А.* Средневековые памятники Чуди Заволочской // СА. 1984. № 4.
12. *Голубева Л. А.* Зооморфные украшения финно-угров // САИ. 1979. Вып. Е1-59.
13. *Рябинин Е. А.* Зооморфные украшения Древней Руси X—XIV вв. // САИ. 1981. Вып. Е1-60.
14. *Ушаков Я. Я.* Отчет о раскопках в Угличском уезде, произведенных в 1878 году // ИОЛЕАЭ. 1879. Т. XXXI.
15. *Спицын А. А.* Владимирские курганы // ИАК. 1905. Вып. 15.
16. *Лесман Ю. М.* Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984.
17. *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М.: Наука, 1981.
18. *Рябинин Е. А.* Чудские племена Древней Руси по археологическим данным // Финно-угры и славяне. Л.: Наука, 1979.
19. *Карпелан К.* Финские саамы в железном веке // Финно-угры и славяне. Л.: Наука, 1979.
20. *Гохман И. И., Лукьянченко Т В.* О предшественниках русских на Соловецких островах // СЭ. 1979. № 4.
21. *Песонен П. Э.* Памятники раннего средневековья на Муромском озере // Археологические исследования в Карелии. Л.: Наука, 1972.
22. *Косменко М. Г* Двуслойное поселение в устье р. Суны // Средневековые поселения Приладожья и Карелии. Петрозаводск, 1978.
23. *Карпелан К.* Ранняя этническая история саамов // Финно-угорский сборник. М.: Наука, 1982.
24. *Панкрушев Г А.* Происхождение карел (по археологическим данным) // Новые археологические памятники Карелии и Кольского полуострова. Петрозаводск, 1980.

O. V Ovsyannikov, E. A. Ryabinin

MEDIAEVAL GROUND BURIALS ALONG THE TERSK COAST

Summary

The first sites of the local mediaeval population came to light in the 1970s-1980s on the Kola Peninsula's south coast. They were two ground cemeteries at the village of Kuzomen on the Varzuga River (Figs. 1, 2). Three burials have been studied on the Kuzomen II site where the dead were orientated to the northeast (Figs. 4. 5). Both burial grounds are dated to the 12th and early 13th cc. The grave goods include objects typical of the Baltic, Volga and Perm Finno-Ugrians, and also Old Russian articles (Figs. 3, *6-8*). All of them point to the cultural ties with the Dvina basin. The archaeological material and certain historical and anthropological facts relate the population to the Lop of Russian chronicles who were Southern Saams assimilated by Western Finns.

Дискуссии

Н. К. КАЧАЛОВА, И. Б. ВАСИЛЬЕВ

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ЭПОХИ БРОНЗЫ ПОВОЛЖЬЯ

Географическое положение Поволжья, центральной части европейских степей и лесостепей, явилось фактором, в значительной мере обусловившим специфику материальной культуры местных племен в бронзовом веке. Поволжье оказывается своеобразной пограничной территорией, связывающей восточный казахстанско-среднеазиатский мир с западным — причерноморским. Культуры, складывающиеся в Волго-Уральском междуречье и затем распространявшиеся на запад, в Причерноморье, как это было, например, в древнеямную и срубную эпоху, своими истоками были связаны с аналогичными образованиями восточных областей. Тем самым через Поволжье элементы восточных культур проникали далеко на запад. Наблюдается и обратное явление, когда через поволжские земли, как в полтавкинско-катакомбное время, импульсы культур западного мира достигали глубин восточных территорий. Это обстоятельство создает дополнительную сложность при археологическом изучении памятников эпохи бронзы Поволжья. Они требуют не только самостоятельного регионального исследования, но и широкого привлечения материалов сопредельных областей на каждом конкретном историческом отрезке времени.

Последние два десятилетия ознаменовались резкой активизацией изучения памятников эпохи бронзы в этом регионе. Интенсивные археологические раскопки проводятся в районах, ранее почти не исследованных: в лесостепном Заволжье, аридной зоне степей, полупустыне и пустыне Северного Прикаспия и др. Меняется и характер полевых работ: курганные могильники раскапываются по возможности полностью, поселения — большими площадями. В результате не только многократно возросла источниковедческая база, но произошли и ее качественные изменения. Появилась значительная серия комплексов, ранее совершенно неизвестных, культурная характеристика которых уже не соответствует прежним представлениям. Неуклонно возрастающий поток новых материалов потребовал усовершенствования методики их обработки, поскольку прежние, часто визуальные наблюдения стали явно недостаточными для исследования массовых памятников. В сумме это привело к тому, что изучение поволжских культур бронзового века сейчас выводится на качественно новый уровень, с позиций которого появилась возможность постановки и решения проблем, ранее недоступных. Современные исследователи Поволжья, опираясь на работы и опыт своих предшественников и развивая их положения, углубляют анализ древностей эпохи бронзы. Археологические культуры рассматриваются при этом не только изолированно в пределах своих ареалов, но и в их взаимосвязи, что способствует лучшему пониманию исторических процессов, протекавших в степях и лесостепях Евразии в эпоху бронзы.

Пересмотр прежних представлений по ряду кардинальных вопросов, касающихся характеристики культурных групп, их соотношения между собой и с памятниками сопредельных территорий, потребовал приведения полученных сведений в единую систему. Наиболее остро это обнаружилось при анализе материа-

лов культуры срубных племен, в связи с ее грандиозной источниковедческой базой и разнообразием категорий источников. Вновь становится первоочередной разработка периодизации срубных памятников. Появляются работы, посвященные как изложению методического подхода [1, с. 28—38; 2, с. 60—81], так и итогам исследований [3, с. 28—59; 4, с. 60—94] Принципиально важным оказалось выявление раннего (бережновского) хронологического пласта срубных комплексов Степного Поволжья [1, 3] и раннесрубного этапа в лесостепи [4]. Это повлекло за собой поиски новых решений в установлении источников формирования культуры срубных племен Поволжья, ее соотношения с местными памятниками эпохи средней бронзы, а также с миром абашевских, андроновских и протоандроновских древностей [5, с. 10—27]

Естественно, что ни одна из современных концепций в проблематике бронзового века Поволжья не может считаться конечной. Они лишь отражают уровень знаний на сегодняшний день, что вполне закономерно для развития любой науки, в том числе и археологии. Но в процессе их исследования есть строгая закономерность: новые концепции являются логическим продолжением предыдущих. Никакие современные разработки не были бы возможны без работ П. С. Рыкова, П. Д. Рау, В. В. Гольмстен, И. В. Синицына, В. П. Шилова, К. Ф. Смирнова, Н. Я. Мерперта и др. Если проанализировать работы поволжских археологов последних десятилетий, то обнаруживается, что все они следуют по основному пути, намеченному их предшественниками. Поэтому главная задача будущих исследований заключается не только в поисках новых направлений в решении проблем бронзового века Поволжья, но и в максимальной осторожности во избежание тупиковых отклонений или поворотов назад. К сожалению, приходится признать, что в поволжской археологии эпохи бронзы появились в настоящее время работы, выводы которых чреваты именно этими последствиями. Речь идет об исследованиях В. И. Мельника [6—11] и Г Г Пятых [12, 13] Они взаимосвязаны тематически (В. И. Мельник изучает отдельные вопросы эпохи средней бронзы Поволжья, а Г Г Пятых — переходные от эпохи средней к поздней бронзе Поволжья) и близки по общей направленности. Однако авторы данной статьи ни в коей мере не ставят знак равенства между работами этих исследователей. Они различны по характеру содержания и по их выражению, что отнюдь немаловажно. Разработки В. И. Мельника базируются на определенной концепции, интересной и перспективной по первичной цели, хотя и ошибочной, на наш взгляд, в своих итогах. Г Г Пятых же пока не предъявил какой-либо позитивной концепции и ограничивается лишь критическими положениями, весьма расплывчатыми, построенными в основном по принципу «все не так» («как» — теряется в неизвестности). Казалось бы, критику устоявшихся научных взглядов можно приветствовать, поскольку она является одним из факторов развития науки и часто способствует ее прогрессу. Но критика бывает разной, в зависимости от задач, которые она преследует, и формы, в которой она выражена. Позитивной она может быть только тогда, когда содержит серьезную научную аргументацию, использует максимальное количество объективных, а не выборочных (и не вырванных из контекста) фактов и при этом не искажает сути критикуемых положений. В противном случае критика превращается в критиканство, т. е. в дискуссию ради дискуссии. Именно такое впечатление остается после прочтения работ Г Г Пятых.

Исследования В. И. Мельника и Г Г Пятых взаимосвязаны еще и потому, что каждый из них опирается на выводы другого, что в результате образует замкнутый круг. Учитывая тематику их научных интересов, работы этих авторов следует рассмотреть в хронологической последовательности и прежде всего определить обоснованность их выводов применительно к эпохе средней бронзы. Наиболее полно точка зрения В. И. Мельника отражена в его кандидатской диссертации [11] Основную задачу его исследования — выявление сложного вопроса взаимодействия различных групп населения эпохи средней бронзы на территории Поволжья — можно только всячески поддерживать. Практически

же это сведено автором к взаимодействию в данном регионе полтавкинских и катакомбных племен. Вычленению катакомбных элементов в культуре местного полтавкинского населения было посвящено уже много работ, начиная с публикаций первых исследователей Поволжья. Эта проблема остается актуальной и по сей день, особенно в силу резко возросшей источниковедческой базы.

Методический подход, который предлагает В. И. Мельник для изучения этих памятников, представлен им в автореферате [11, с. 9, 10] Предполагается, что он многоступенчат, в соответствии с последовательно углубляемыми исследовательскими уровнями, в целях извлечения максимальной информации из археологических источников. Теоретически такая методика вполне соответствует современным требованиям — важно, как она применена на практике. В действительности же оказывается, что теоретические положения декларируемого системного подхода к анализу материалов никак не подтверждены его практическими результатами. Нельзя найти в тексте автореферата итоговых данных классификации погребального обряда выделенных автором катакомбных, полтавкинских, полтавкинско-катакомбных, катакомбно-полтавкинских групп (о различии двух последних вообще можно лишь догадываться). Отсутствуют прямые свидетельства классификации керамики и другого инвентаря. Говорится, что проделана корреляция ведущих культурных показателей (погребального обряда и керамики), но ее важнейшие конечные итоги совершенно не показаны. Вообще в тексте автореферата полностью отсутствуют какие-либо статистические характеристики материалов. Удивляет и то обстоятельство, что автор нигде не указывает эталонных комплексов для каждой из выделенных им групп, в автореферате нет ни одного (!) названия конкретного памятника. В автореферате и в других опубликованных работах В. И. Мельника, в которых идет речь об анализе материалов, он никак не показан. Это создает впечатление известной шаткости методических позиций и приводит к размытости интерпретационной части, в ней также отсутствуют четкие определения. Остается полностью неясным, почему скорченное на боку положение погребенных с руками, протянутыми к коленям, определяется как исключительно катакомбное и на этом основании они отделяются от полтавкинских. Эти черты погребального обряда вообще характерны для эпохи средней бронзы широкой территории, включающей Западную и Восточную Европу, Кавказ, Зауралье, Казахстан, Западную и Южную Сибирь. Так в чем же тогда специфика обряда выделенной В. И. Мельником катакомбной группы и присущая только ей? Может быть, в этих погребениях обнаружена катакомбная керамика? Но в ее оценке автором еще больше неясного. Если можно догадаться, хотя и с трудом, что скрывается за словами «с керамикой, как известной в рамках выделенных культур», то уже совсем невозможно понять конец фразы: «... так и обнаруживающей отклонения от них» (какие? в чем?) [11, с. 10] Тем более, что автор сам подчеркивает крайне важный момент, что керамика, встреченная в Поволжье в этих комплексах, не вписывается в рамки ни одной из известных катакомбных культур [11, с. 13], не говоря уже о том, что данное высказывание находится в противоречии с вышеупомянутым. По мнению В. И. Мельника, эта керамика ближе всего донецкой, хотя и отлична от нее (то и другое показано только на визуальном уровне). Частота взаимовстречаемости других показателей катакомбной культуры как в количественном, так и в качественном отношении также никак не продемонстрирована. Слово «нередко» в этом случае ничего не проясняет. К тому же нигде не указано, использует ли автор в своих исследованиях выделенные им самим признаки, характеризующие катакомбную общность, или применяет те, что были введены в научный оборот Л. С. Клейном [14, с. 36—38] В результате специфика катакомбной группы памятников на территории Поволжья и ее отличие от инокультурных, и прежде всего полтавкинских, никак не обоснована, во всяком случае, система доказательств наличия таковой отсутствует.

Поволжская катакомбная группа определяется В. И. Мельником как до-

но-волжский вариант катакомбной общности. Терминологические градации, которые применены им для оценки археологических памятников, необычайно многоплановы: круг, общность-область, провинция, культура, культура-дериват, культурно-генетическая общность, вариант общности. Поскольку он никак не объясняет, какой смысл вкладывается в каждое понятие, какое существует между ними соподчинение, какие критерии являются оценочными, то практически невозможно понять, в чем отличие (если таковое вообще имеется) между ними. К тому же в этом многообразии терминологических определений совершенно очевидна авторская методическая неточность, поскольку в ряде случаев он просто сам себе противоречит. Так, например, он включает поволжскую группу выделенных им (о сомнительности выделения уже говорилось выше) катакомбных памятников в доно-волжский вариант катакомбной общности и объединяет их с донецкими в донецко-волжскую провинцию также катакомбной общности [11, с. 14] Но на предыдущей странице он сам отмечает отличия поволжских материалов от донецких. Тогда какие имеются основания для объединения, не говоря уже о том, что неясно, в чем заключается принципиальная разница варианта и провинции одной и той же общности? В какие провинции включаются, в таком случае, предкавказские и среднедонские катакомбные комплексы, присутствие которых в степном Поволжье фиксируется автором [11, с. 13] ? Хотелось бы также конкретнее знать, как представляет себе автор «миграцию диффузионного типа носителей донецкой катакомбной культуры в Поволжье» [11, с. 16]

Считая доказанным основное отправное положение своей концепции, а именно существование самостоятельной катакомбной культурной группы на территории степного Поволжья, В. И. Мельник в дальнейших своих построениях поступает предельно просто. Он механически отчленяет позднеполтавкинские памятники, объявляя их все катакомбными, а раннеполтавкинские называет культурой-дериватом (культура-отвод, культура-отросток), объединяет с ямными в некую ямно-полтавкинскую культурно-генетическую общность [11, с. 12] При этом его не смущает то обстоятельство, что в данном случае происходит произвольное смешение двух различных культурно-хронологических пластов — эпохи ранней и средней бронзы. Отдельные части препарированной таким образом полтавкинской культуры повисают во времени и пространстве. Не удивительно, что в одной из своих статей В. И. Мельник допускает явную неточность, говоря о том, что поздний период эпохи средней бронзы степного Поволжья представлен погребениями с деформированными черепами, ориентированными в южном секторе позой погребенного в виде «скачущего всадника», катакомбой-подбоем [8, с. 24]. И только, больше ничего нет? Это уже не только упрощение, но и искажение характеристики археологических памятников, тем более что взаимосочетание этих черт вовсе не обязательно и они встречены на различных памятниках, не отличающихся по другим элементам от остальных полтавкинских погребений.

Изложенное показывает, что очень позитивная предпосылка разработок В. И. Мельника, несмотря на несомненно большой труд, вложенный в работу, к сожалению не увенчалась успехом. Как основное его положение, так и логически вытекающие из него последующие выводы никак нельзя считать доказанными. В результате весь круг проблем взаимодействия катакомбного населения с местными племенами эпохи бронзы в культурном, хронологическом и историческом плане оказался не конкретизированным, а следовательно, не получил должного освещения. В интерпретационной части В. И. Мельник фактически вернулся к позиции исследователей конца 20-х и начала 50-х годов, за тем исключением, что они не дробили полтавкинскую культуру, а причисляли ее всю к числу катакомбных. Ошибочность подобной трактовки уже была в свое время продемонстрирована Л. С. Клейном [14, с. 26—38; 15, с. 165—179] и не требует повторного доказательства. В качестве исторической перспективы В. И. Мельник предполагает участие катакомбного компонента в сложении

культуры срубных племен. Мысль интересная, но вряд ли ее можно доказать простым уничтожением полтавкинской культуры.

Весь комплекс проблем, связанных с происхождением срубной культуры, является объектом научных интересов Г Г Пятых. Но самостоятельного анализа археологических источников и соответственной их интерпретации он пока не предъявил, поэтому какая-либо позитивная концепция у него отсутствует. Основное содержание его работ составляет негативная часть, критика существующих точек зрения по этим вопросам. Надо сказать, что построена она очень нечетко, иногда даже сумбурно, следить за логическим ходом его мыслей крайне сложно. В пределах статьи [13] он неоднократно переходит с одной темы на другую, затем возвращается к первой и так далее. Огромное место в тексте занимают общие фразы, голая декларация, поданная дидактическим тоном. Что касается сути критических выступлений Г Г Пятых, их направленности, то они оставляют читателя в полном недоумении. Создается впечатление, что он обращается к критике не реальных высказываний того или иного автора, а того, какими он создает их в своем воображении. Более всего он опровергает положение о том, что полтавкинский субстрат является единственным источником сложения срубной культуры Поволжья. А кто в настоящее время это утверждает? Сомнения по данному поводу высказывались уже давно [16, с. 21] Минимум лет 10 ведутся конкретные поиски различных (помимо полтавкинских) компонентов формирования культуры срубных племен в этом регионе, что стало возможным по мере накопления новых археологических материалов. Результаты такой работы, отражающей современное состояние проблемы, были изложены в совместном докладе Н. Я. Мерперта, Н. К. Качаловой, И. Б. Васильева на Всесоюзном совещании 1982 г. в Куйбышеве и нашли отражение в печати [5, с. 10—27] В частности, удалось выявить и роль абашевского населения в этом процессе, на что указывает Г Г Пятых как на свое принципиально новое решение проблемы [12, с. 82, 83]. Следует отметить, что исследование и обсуждение этой проблемы ленинградскими, куйбышевскими, саратовскими и другими археологами ведется уже по крайней мере с середины 70-х годов. Особая роль в ее исследовании принадлежит О. В. Кузьминой [17].

Подобный стиль историографического разбора вообще свойственен Г Г Пятых, что можно легко продемонстрировать на ряде примеров. Так, он заключает, что из наличия полтавкинской культурной общности делается вывод о территориальной ограниченности области сложения срубной культуры в Поволжье [13, с. 57, 58] В действительности же было сделано диаметрально противоположное заключение — о возможном расширении этой зоны [5, с. 16—19] Если речь идет о поисках слагающих компонентов, на базе которых формируется поволжская срубная культура, и только она, что оговаривается специально [17, с. 11], то у него это звучит как попытка найти единый центр происхождения всей срубной общности [13, с. 58]

Иногда Г Г Пятых допускает не смещение, а прямое искажение критикуемых положений. Например, он утверждает, что при выделении полтавкинской культурной общности были высказаны сомнения в существовании единства между ее локальными группами [13, с. 63] На самом же деле говорилось о том, что сейчас еще неясно, какие причины породили культурную близость между собственно полтавкинскими памятниками и их аналогами на сопредельных восточных территориях, т. е. какие конкретные исторические формы ее отражают [18, с. 17] Количество примеров можно увеличивать и дальше, но вряд ли в этом есть необходимость, они и так показательны. Такие авторские контаминации нельзя объяснить даже полемическим задором, поскольку повороты получаются почему-то всегда в благоприятную для него сторону.

Там, где Г Г Пятых пытается не критиковать, а высказать свои предположения, присутствуют явные противоречия. То вслед за В. И. Мельником он признает правомерность объединения позднеполтавкинских памятников и ката-

комбной области, то говорит о самостоятельной позднеполтавкинской культуре [13, с. 87]. С одной стороны, повторяя того же В. И. Мельника, пишет, что на позднеполтавкинском этапе преобладали катакомбные элементы, следовательно, надо понимать, собственно полтавкинские были снивелированы и погашены. С другой стороны, он тут же предполагает участие позднеполтавкинской культуры в сложении срубной, признавая тем самым ее существование [12, с. 87] Увязать эти предположения просто невозможно, они взаимоисключающие. Кстати, желательно, чтобы Г Г Пятых объяснил свое понимание такого определения, как «посткатакомбные образования» [12, с. 88], и почему он относит к ним не только многоваликовую, но и абашевскую культуру. Очень удивляет, что в вопросе контактов поволжского населения с носителями культуры многоваликовой керамики и роли последней в формировании срубной [12, с. 88—92] им полностью проигнорировано заключение Н М. Малова [1], базирующееся на тщательном анализе источников, который показал распространение памятников данной культуры в поволжском правобережье и отсутствие их в Заволжье.

Противоречит себе Г Г Пятых и в суждениях о соотношении полтавкинских и срубных памятников Поволжья. В одной статье он говорит об участии полтавкинской культуры в сложении срубной [12, с. 87, 89], в другой — берет это положение под сомнение, сводя до минимума, если не окончательно снимая тезис о генетической преемственности между ними [13, с. 60, 61]

Что же касается вопроса о территориальном соотношении в лесостепном Поволжье и Приуралье полтавкинских и абашевских памятников, которого также касается Г Г. Пятых [13, с. 59], то хорошо известно, что их ареалы в целом не совпадают. Абашевские памятники занимают лесные и север лесостепных районов, а полтавкинские — степные и юг лесостепных. В лесостепи, например в бассейне р. Самары, известны как полтавкинские памятники разных этапов, так и абашевские, т. е. вполне естественно, что ареалы синхронных и в целом близких культур соприкасаются. Взаимодействие полтавкинского и абашевского населения и привело, при участии и отдельных других групп населения, к сложению срубной культуры лесостепного Поволжья. Процессы, происходившие в южных районах лесостепного Поволжья и Приуралья, были близкими, что выявляется работами в Оренбуржье и на юге Башкирии (исследования Н. Л. Моргуновой, В. С. Горбунова, Ю. А. Морозова). Мы уже излагали эту концепцию, и Г Г Пятых ее знает. Так к чему же схоластические разговоры о вклинивании абашевской культуры между полтавкинской и срубной и невозможности на этом основании их связи [13, с. 59], что, кстати, противоречит высказываниям самого Г Г Пятых, помещенным чуть ниже в этой же статье [13, с. 63] При этом опять попутно искажается мнение критикуемого автора. О. В. Кузьмина специально изучала лесостепное Заволжье, но при этом вовсе не ограничивала влияние абашевской культуры на сложение срубной культуры лесостепным Поволжьем [17, с. 18, 19], говоря, кстати, не только о влиянии, а о прямом участии в ее сложении [17, с. 1—19]

Перечисление подобных примеров и приемов критики Г Г Пятых можно продолжить — ими насыщена каждая страница его статей, однако едва ли это необходимо.

Хочется надеяться, что в дальнейших своих исследованиях призывы к тщательному, доказательному и строгому анализу источников Г Г Пятых обратит в собственный адрес.

И уж, конечно, нельзя согласиться с критикой Г Г Пятых концепции полтавкинской культурно-исторической общности и его заключением о том, что материалов даже для гипотезы о ее существовании недостаточно [13, с. 63]

---

[1] Доклад «Многоваликовая керамика на археологических памятниках Поволжья», прочитанный Н. М. Маловым на Втором всесоюзном совещании по проблемам срубной культурно-исторической общности. Куйбышев, 1982.

Хочется думать, что данное утверждение основано прежде всего на том, что Г. Г Пятых не знаком с новыми данными, полученными при исследованиях в Волго-Уральском междуречье в последние годы. Каждый полевой сезон приносит новые полтавкинские материалы с территории Куйбышевской, Оренбургской, Уральской, Саратовской, Волгоградской, Гурьевской, Астраханской областей, т. е. везде, где ведутся работы, и чтобы их не видеть, нужно этого просто не хотеть, что довольно странно для автора, специально занимающегося данной эпохой и проблемой. Во-вторых, вызывает удивление сам странный для исследователя, начинающего свою творческую деятельность, подход к полтавкинской проблеме как «взгляд назад». Его можно было бы понять, если бы автор вернулся к какой-то оригинальной, но незаслуженно забытой старой концепции, обосновал ее, развил, доказал конкретным материалом и тем самым опроверг существующую ныне. Но этого нет. Есть набор отдельных, часто выхваченных из контекста мыслей Б. А. Латынина, О. А. Кривцовой-Граковой, Н. Я. Мерперта, В. П. Шилова и других исследователей. Основной же оригинальный вывод Г Г Пятых, что формирование срубной культуры — это «достаточно сложный процесс» [13, с. 62], сейчас, кроме автора этой гипотезы, едва ли устроит кого-то из серьезных исследователей. Нужно пожелать автору попробовать четко и доказательно, изложить свою концепцию эпохи средней бронзы Поволжья (если он берет на себя смелость пытаться разрушить существующую), только в этом случае возможна настоящая и плодотворная научная дискуссия. В противном же случае продолжение ее теряет смысл.

Изложенное показывает, что пересмотр прежних представлений по кругу проблем эпохи средней и поздней бронзы Поволжья, которые попытались предпринять В. И. Мельник и Г Г Пятых, пока не дали должных результатов, хотя и по разным причинам. Более того, следует с сожалением констатировать, что на страницах археологической печати появились работы указанных авторов, показывающие в неверном свете само современное состояние научных представлений о среднем бронзовом веке Поволжья. Последнее крайне существенно, поскольку значительная часть археологических материалов по этой эпохе еще не опубликована и доступна только специалистам, а у широкого круга читателей в результате знакомства с работами В. И. Мельника и Г Г Пятых может создаться совершенно превратное впечатление и о эпохе средней бронзы Поволжья, и об основных направлениях ее исследования. Между тем изучение всех имеющихся к настоящему времени материалов эпохи бронзы показывает, что историческая ситуация, сложившаяся в Поволжье в бронзовом веке, была много интереснее, сложнее и разнообразнее, чем вырисовывается по работам вышеупомянутых авторов. Коротко остановимся на основных проблемах эпохи средней бронзы степного и лесостепного Поволжья.

Анализ археологических источников, по совокупности всех их характеристик, включая погребальный обряд, инвентарь, данные стратиграфии и др., устанавливает, что на смену ямной культуре степного и юга лесостепного Поволжья и позднеэнеолитических культурных групп лесостепного Поволжья приходит культура полтавкинских племен. Авторы настоящей статьи уже высказывали в печати свое мнение по этому вопросу, выделив ряд самостоятельных культурных объединений в рамках единой полтавкинской культурно-исторической общности. Работы последних лет в Северном Прикаспии [19], на Узенях [2], в Оренбуржье [20], в Среднем Поволжье [21] резко увеличили количество полтавкинских материалов и еще раз подтвердили правомерность высказанных ранее предположений. В свете имеющихся сейчас материалов становятся еще более очевидными как культурные различия между выделенными группами полтавкинских памятников (средневолжской, нижневолжской, прикаспийской

[2] Отчет о работе Куйбышевской археологической экспедиции за 1985—1986 гг. Материал не опубликован, хранится в археологической лаборатории КГПИ.

и приуральской), так и общие черты, объединяющие их в единую общность. В настоящее время благодаря значительно возросшей источниковедческой базе на новом уровне удалось рассмотреть и сопоставить полтавкинские материалы различных территорий. Эта работа завершается П. Ф. Кузнецовым, и здесь нет смысла на ней останавливаться. Следует лишь отметить, что, несмотря на ряд естественных и важных дополнений, уточнений и корректировок, концепция полтавкинской общности остается в силе и подтверждается новыми доказательствами.

Кроме полтавкинских в Поволжье выявлены абашевские памятники, которые, по имеющимся данным, в целом датируются предсрубным временем и лишь на своем заключительном этапе могут сосуществовать с раннесрубным. Абашевские материалы данного региона достаточно полно опубликованы [17, 22, 23], поэтому здесь нет необходимости на них подробно останавливаться. Авторы уже высказывали свое мнение об участии абашевской культуры в формировании срубной [5, с. 19—21]. Здесь лишь отметим, что степень этого участия была различной — бóльшая в лесостепных районах и меньшая в степных. Это наблюдение, сделанное на основе изучения абашевских и срубно-абашевских материалов, хорошо объясняется географическими причинами: абашевские культуры занимали юг лесной и лесостепную зону Поволжья и Приуралья, и вполне естественно, что гораздо более значительным абашевский компонент был в сложении срубных племен именно лесостепи.

Кроме полтавкинских и абашевских в Поволжье в предсрубное время существуют памятники так называемого вольско-лбищенского типа [24; 25; 26, с. 66—70] Основная зона их распространения, насколько можно судить по современным данным, охватывает территорию Волжского лесостепного правобережья от Самарской Луки на севере до г. Саратова на юге, однако отдельные находки керамики этого типа широко известны и в Заволжье, где они, как правило, встречаются на полтавкинских стоянках [19] Судя по полученным материалам, население памятников вольско-лбищенского типа является потомками местных энеолитических племен, которые существовали в Волжском лесостепном правобережье параллельно полтавкинским в Заволжье, абашевским и балановским на севере и северо-востоке. В дальнейшем население вольско-лбищенского типа включается в процесс формирования срубных племен, что хорошо прослеживается в раннесрубной керамике лесостепного Поволжья. Кроме вольско-лбищенской в лесостепном Заволжье недавно выявлена еще одна группа материалов эпохи средней бронзы, названная гундоровской, которая также, видимо, была поглощена массивом раннесрубного населения в процессе его формирования. Вопрос о памятниках вольско-лбищенского и гундоровского типов еще только исследуется, однако уже его постановка свидетельствует о различных конкретных компонентах, участвовавших в сложении раннесрубной культуры лесостепного Поволжья.

Кроме показанных выше в лесостепном и на севере степного Поволжья в настоящее время выявлены также материалы, имеющие в погребальном инвентаре и главным образом в керамике в большей или меньшей мере петровские черты [4, с. 72, 73] Следует отметить, что это лишь отдельные штрихи, свидетельствующие об усилившихся взаимодействиях полтавкинского и петровского населения, возможно, о близкой подоснове, но не о значительных передвижениях петровских племен на Волгу.

В степных и полупустынных районах Поволжья обнаружены и катакомбные памятники. По своему составу они подразделяются на несколько типов. Первый — отдельные собственно катакомбные погребения, культурная принадлежность которых устанавливается по обряду и инвентарю. Второй — погребения смешанного облика, соединяющие в одном комплексе черты катакомбного обряда с полтавкинской керамикой либо полтавкинского обряда с катакомбными сосудами. Третий — находки катакомбной керамики на поселениях

эпохи средней бронзы. В процентном отношении первая категория памятников самая малочисленная (1—3% от общего количества погребений эпохи средней бронзы); вторая — несколько большая (5—8%). Третья — находки собственно катакомбной керамики — характерна главным образом для Правобережья р. Волги. В Заволжье ее практически нет. Картографирование этих катакомбных элементов показывает, что они не образуют компактную группу, которую можно локализовать на какой-либо территории. Однако наибольшее их количество происходит из районов юга Саратовской и севера Волгоградской областей. Исходя из фактов курганной стратиграфии, а также существующих разработок [27—32] общехронологических позиций катакомбных культур в системе их общности, можно заключить, что проникновение катакомбных племен в Поволжье было не одноразовым явлением. Об этом свидетельствуют находки донецкой (наиболее ранней), среднедонецкой, нижнедонской и предкавказской керамики. Как установлено исследователями, хронологически существование вышеперечисленных культур практически охватывает весь период бытования катакомбной общности. Это свидетельствует о том, что взаимодействие полтавкинского населения с катакомбным продолжалось в течение всей их истории. Зафиксированы и явления обратного порядка, когда отдельные группы полтавкинских племен проникали и оседали в катакомбной среде. Свидетельством тому являются полтавкинские комплексы, обнаруженные на правобережье Волги и в Волго-Донском междуречье [33, с. 3—15]

Основное же население эпохи средней бронзы лесостепного и степного Заволжья, Прикаспия и Приуралья составлял массив полтавкинских племен. На территории Среднего и Нижнего Поволжья, согласно раскопочным данным, плотность полтавкинского населения была значительно большей по сравнению с племенами предшествующей древнеямной культуры. Отдельные районы полтавкинского ареала (Оренбургская, Уральская, Гурьевская области) меньше изучены стационарными археологическими раскопками. Но уже результаты первых раскопок и разведок дают основания полагать, что заселенность этих территорий полтавкинскими племенами была такой же, как в изученных многолетними раскопками нижневолжских и средневолжских районах.

Восточнее, на будущей территории сложения алакульской общности, пока не известны памятники, которые можно синхронизировать с раннеполтавкинскими или сопоставлять с ними в культурном отношении. Однако в петровских комплексах хорошо видны полтавкинские черты. Кроме общего сходства погребального обряда, которое может объясняться стадиальной близостью, наиболее ярко эти черты проявляются в керамике [34, с. 32, 33]. Петровские сосуды в целом по форме и орнаментации близки полтавкинским, хотя несколько отличны от них по технологии изготовления. В петровских комплексах встречены сосуды, которые по форме, элементам и композиционным решениям орнамента имеют аналогии в полтавкинских памятниках [35, с. 179, рис. 74, *3, 8, 10*] либо сочетают в себе черты обеих культурных групп [35, с. 184, рис. 77, *9—11*] Вероятно, в основе сложения петровских памятников лежит компонент, близкий в культурном отношении раннеполтавкинскому.

При разработке проблемы формирования и взаимодействия полтавкинской и синхронных ей культур восточных регионов нельзя не учитывать такой крайне важный фактор, как сходные экологические условия и аналогичность их изменений, реконструируемая по данным палеогеографии [36—38].

Как установлено специалистами, в III тыс. до н. э. начинаются серьезные климатические изменения, приведшие к аридизации климата и наиболее резко отразившиеся на восточных регионах евразийской степи. В Причерноморье, где климат мягче, значительно развита гидрографическая сеть, эти изменения сказались не столь резко. Если на западе степей Евразии происходит в это время постепенный процесс становления земледельческо-скотоводческих форм хозяйства, то на востоке в результате довольно резких природных изменений такой плавный процесс был невозможен. Здесь складываются ранние формы подвиж-

ного скотоводческого хозяйства, приспособленные к условиям аридной зоны. Степные и полупустынные районы Волго-Уральского междуречья хотя и были ее западной окраиной, но аридизация проявлялась здесь не столь жестко, как на востоке. В Поволжье в формах хозяйства и материальной культуре археологически прослеживается непрерывная линия развития от энеолитического времени к эпохе ранней и средней бронзы. На востоке же, в Казахстане, Зауралье, подобная линия не представлена. Не исключено, что резкие изменения климата вызвали отход населения из этих районов в более северные, менее засушливые. В условиях изменения климата, сложения подвижных форм хозяйства происходит усиление перемещений племенных групп. Следует также учитывать, что эпоха средней бронзы в целом явилась временем качественного скачка постепенно накапливающихся в предшествующий период перемен в жизни общества: имущественная и социальная дифференциация, новая ступень развития металлургии и металлообработки, совершенствование средств передвижения, появление нового оружия и т. д. Не исключено, что эта историческая ситуация вызвала передвижение на восток групп раннеполтавкинского или позднеямного населения, которые и приняли участие в сложении петровской культуры. Результат этого процесса хорошо прослеживается на более поздних памятниках типа Синташты.

Изложенное показывает, что западному катакомбному миру на востоке противостоял мощный массив полтавкинского населения, не уступающий ему по своему культурному уровню и социально-экономическому потенциалу. Эти причины, а также существующий экологический барьер привели к тому, что катакомбные племена не распространились в Заволжье. Те катакомбные элементы, которые прослеживаются в полтавкинской культуре, явились итогом естественного контакта двух соседствующих групп если не родственного, то и не враждебного населения. Такой контакт не привел и не мог привести к трансформации культуры полтавкинских племен (она для этого была слишком сильна во всех отношениях), но отразился в позднеполтавкинских материалах, придав им черты близости с катакомбными. Однако при детальном анализе обнаруживается, что сходство прослеживается только по отдельным чертам, а не по сумме признаков. Так, например, елочный узор гребенчатого штампа в сочетании с веревочным представлен как в катакомбной, так и в полтавкинской керамике, но сходная орнаментация встречается на сосудах различной формы. Лишь полтавкинским сосудам, в отличие от катакомбных, присущ плавный изгиб венчика (у катакомбных — прямой). И тогда внешне сходные орнаментальные композиции решаются в различной стилистической манере. Тщательность, как бы «тканность» узоров характерна для катакомбных сосудов, размашистое нанесение штампа, часто неглубокое, небрежное — для полтавкинских. Кроме того, для позднеполтавкинской керамики типичны такие детали орнаментации как в элементах (оттиски «шагающей гребенки»), так и сюжетах (вертикальная зональность), которые не свойственны катакомбным. Поэтому если выделить памятники с катакомбными чертами из позднеполтавкинских, даже при самом свободном их отборе, то при этом остается значительно большая часть комплексов, в которых подобные черты отсутствуют. Последние ни по типологическим, ни по стратиграфическим данным не могут быть включены в число раннеполтавкинских, продолжением которых они являются и органически связаны в рамках единой культуры. Все это показывает, что вопрос взаимодействия катакомбного и полтавкинского населения не может быть решен однозначно и прямолинейно, как это делает В. И. Мельник.

Таким образом, исходя из современных археологических материалов, можно наметить ту историческую обстановку, которая складывается на заключительном этапе эпохи средней бронзы в Поволжье. В основной массив полтавкинских племен с севера, востока и запада проникают отдельные группы различного и культурного населения и со временем активизируется процесс контактов и взаимодействия с ними. Степень влияния их на культуру полтавкинских

племен была неодинакова. Наиболее активными и существенными были взаимодействия позднеполтавкинских и абашевских племен, существовавших на сопредельной и частично, возможно, на одной территории в южных районах лесостепи. Усиливается активность самого полтавкинского населения. В результате всего этого образуется сложный и многоликий субстрат, основу которого составляет полтавкинская культура и в значительной степени абашевская. На этой основе, при участии ряда других, отмеченных выше компонентов происходит формирование срубной культуры. Авторы настоящей статьи совместно с Н. Я. Мерпертом уже высказывали в печати свою точку зрения на ход этого процесса [5] Естественно, что по мере накопления знаний будут выявляться все новые компоненты и детали, но как бы вновь полученные материалы ни вынуждали дополнять и конкретизировать прежние разработки и увеличивать количество выявленных новыми полевыми исследованиями компонентов, хотя и этот процесс не бесконечен, роль полтавкинской культуры в формировании поволжской срубной будет всегда оказываться преобладающей. Отрицать это, как в равной мере считать ее единственным источником, бессмысленно.

Сложность решения проблемы происхождения любой культуры или тем более культурной общности заключается в другом. Безусловно правы исследователи, утверждающие, что этот процесс в какой-то степени остается непознаваемым, так как археологически можно определить его лишь на грани качественного скачка, подготовленного постепенными изменениями в жизни общества. Несомненно, что археология в состоянии обнаруживать только ограниченное их количество, которое спроецировано в памятниках материальной культуры, какая-то часть остается недоступной для реконструкции. Но это не означает, что нужно отказаться от решения таких задач ввиду их безнадежности. Современная археологическая методика такова, что ей доступно исследование источников на разных уровнях, тем более что ей на помощь все шире приходят отрасли других наук, особенно естественных. Следовательно, вопрос заключается в тщательности и четкости работы самих археологов, научные построения которых должны базироваться не на одной идее, какой бы оригинальной она ни была, а являться итогами детального анализа всего имеющегося материала.

Ярчайшим примером тому могут служить научные разработки по срубной тематике, которые проводятся в последние годы. Исследователи Поволжья, Подонья, Украины, занимающиеся изучением срубных древностей, вывели его на принципиально новый рубеж. Разработки региональных периодизаций, предельно фундированные в своей основе, использовали все новейшие данные. Итогам их посвящен специальный научный сборник статей [39].

Сопоставление региональных периодизационных схем обнаружило, что поволжская срубная культура является наиболее ранней в системе всей общности. По данным курганной стратиграфии и другим наблюдениям синхронным раннему этапу культуры срубных племен Поволжья на западе являются поздние памятники катакомбной предкавказской и культуры многоваликовой керамики, что отрицает возможность участия их носителей в формировании срубной, хотя и не снимает вероятность разного рода контактов. Самые ранние срубные памятники Причерноморья соответствуют по времени поволжским конца первого — начала второго этапа. Эти обстоятельства необходимо учитывать при разработке проблемы появления и оформления культуры срубных племен в каждом конкретном регионе ее общности. Проникновение раннесрубных групп в Волго-Донском междуречье и далее в Причерноморье было одним из существенных факторов в формировании на этой территории огромной срубной культурно-исторической общности и входящих в нее конкретных культур. Еще одним фактором, который способствовал сложению общности, было включение в этот процесс родственных населению Поволжья потомков древнеямных племен Подонья, Приазовья, Причерноморья. Формирование же здесь культур срубной культурно-исторической общности отличалось не меньшей сложностью, чем показанный выше процесс сложения поволжских срубных культур (это и характер местной

основы, и характер его взаимодействия с пришлым элементом, и основная направленность и интенсивность внешних связей, и многие другие причины).

Сегодняшний уровень археологических знаний таков, что объяснить сложение всей срубной общности только миграцией племен из Поволжья уже невозможно, так же как и отрицать ее полностью. Однако считать, что срубная культура является порождением лишь местных факторов и только их, совершенно не учитывая восточных импульсов, значит значительно упрощать сложность и многообразие процессов, которые совершались в пределах срубной культурно-исторической общности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Качалова Н. К.* Стратиграфические горизонты Бережновских могильников // АСГЭ. 1979. Вып. 21.
2. *Семенова А. П.* Погребальный обряд срубных племен лесостепного Заволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1983.
3. *Качалова Н. К.* Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1985.
4. *Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семенова А. П.* Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1985.
5. *Мерперт Н. Я., Качалова Н. К., Васильев И Б.* О формировании срубных племен Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1985.
6. *Мельник В. И.* Об основании гипотезы о генетической связи полтавкинской и срубной культур (критико-историографический анализ) // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1978.
7. *Мельник В. И.* К вопросу о культурно-типологическом соотношении катакомбных и полтавкинских комлексов // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: Тез. докл. конф. Донецк, 1979.
8. *Мельник В. И.* К вопросу о происхождении срубной культуры // КСИА. 1982. Вып. 169.
9. *Мельник В. И.* Погребения Доно-Волжского междуречья с сочетанием ямных и катакомбных черт и их соотношение с полтавкинскими памятниками // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1983.
10. *Мельник В. И.* Памятники эпохи средней бронзы Степного Поволжья и проблемы их связи с восточными культурами // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во Башкир. ун-та, 1984.
11. *Мельник В. И.* Степное Поволжье в эпоху средней бронзы (преемственность и взаимодействие культур): Автореф. дис. канд. ист. наук. 07.00.06. М., 1985.
12. *Пятых Г Г* К проблеме сложения срубной культуры в Поволжье // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1983.
13. *Пятых Г Г.* Некоторые вопросы историографии проблемы происхождения срубной культуры // СА. 1985. № 3.
14. *Клейн Л. С.* Катакомбные памятники эпохи бронзы и проблема выделения археологических культур // СА. 1962. № 2.
15. *Клейн Л. С.* Катакомбная культура или катакомбные культуры? // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970.
16. *Качалова Н. К.* О выделении полтавкинской культуры // КСИА. 1967 Вып. 112.
17. *Кузьмина О. В.* Взаимоотношения абашевских и срубных племен в лесостепном Поволжье: Автореф. дис. канд. ист. наук. 07.00.06. М., 1983.
18. *Качалова Н. К.* О локальных различиях полтавкинской культурно-исторической общности // АСГЭ. 1983. Вып. 24.
19. *Васильев И. Б., Колев Ю. И., Кузнецов П. Ф.* Новые материалы бронзового века Северного Прикаспия // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1986.
20. *Моргунова Н. Л.* Раскопки курганов в Западном Оренбуржье // АО—1984. М., 1986.
21. *Васильев И. Б.* Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы (ямные и полтавкинские племена) // Древняя история Поволжья. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1979.
22. *Кузьмина О. В.* Классификация абашевских и срубно-абашевских погребений лесостепного Заволжья // Древняя история Поволжья. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1979.
23. *Васильев И. Б., Кузьмина О. В.* Абашевские поселения лесостепного Заволжья // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1981.
24. *Васильев И. Б.* Загадочная керамика // Самарская Лука в древности. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1975.
25. *Малов Н. М.* О «загадочной» керамике вольского типа // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы (Тез. докл. конф.). Донецк, 1979.
26. *Васильев И. Б.,* Синюк А. Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев, 1985.

27. *Клейн Л. С.* О хронологическом генетическом взаимоотношении локальных вариантов катакомбной культуры // Исследования по археологии СССР: Сб. статей в честь М. И. Артамонова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962.
28. *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наук. думка, 1976.
29. *Фисенко В. А.* Погребальный обряд племени катакомбной культуры юго-востока // Археологический сборник. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1966.
30. *Фисенко В. А.* О происхождении и хронологии катакомбной культуры. Учебное пособие. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1966.
31. *Синюк А. Т.* Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1983.
32. *Шилов В. П.* Курган 6 урочища Бичкин-Булук и проблемы хронологии начала средней бронзы Калмыкии // СА. 1985. № 2.
33. *Мамонтов В. И.* Племена эпохи бронзы степной части Волго-Донского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1986.
34. *Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977
35. *Потемкина Т. М.* Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985.
36. *Иванов И. В.* Изменение природных условий степной зоны в голоцене // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1983. № 2.
37. *Демкин В. А., Лукашов А. В.* Почвенно-археологические исследования в Заволжье // Почвоведение. 1985. № 4.
38. *Хабдулина М. К., Зданович Г. Б.* Ландшафтно-климатические колебания голоцена и вопросы культурно-исторической ситуации в Северном Казахстане // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Изд-во Челябинск. ун-та, 1984.
39. Срубная культурно-историческая общность (Проблемы формирования и периодизации) Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1985.

N. K. Kachalova, I. B. Vasiliev

SOME OF THE PROBLEMS OF THE BRONZE AGE IN THE VOLGA AREA

Summary

The last two decades have seen a dramatic increase in the interest in the Volga Bronze sites. Field investigations have come to embrace less-studied areas, as a result the source basis becoming extended and is undergoing qualitative changes. The ideas about the Bronze Age in the Volga area have been re-assessed. This is especially true of the framework-grave cultures and the related problem range. Regrettably, certain recent writings offer a revision of the questions related to the origins of the framework-grave culture and its historical context. The objective data point to the following facts: the Poltavkino culture served the main element of the framework—grave cultures in the Volga basin. Other cultural groups—Volsk-Lbishchenskaya, catacomb-grave, Abashevo and Gundurovskaya cultures—coexisted with it. To a certain degree they also contributed to the framework-grave culture.

Н. Л. ЧЛЕНОВА

ВОЛГА И ЮЖНЫЙ УРАЛ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ДРЕВНИХ ИРАНЦЕВ И ФИННО-УГРОВ ВО II — НАЧАЛЕ I ТЫС. ДО Н. Э.

(Доклад на VI Международном конгрессе финно-угроведов. Сыктывкар, 1985)

Исследованиями лингвистов (В. Томашек, Г Якобсон, А. Йоки, В. И. Абаев) установлено, что индоиранцы и древнейшие иранцы находились в контакте с финно-уграми [1—5] Работами лингвистов и антропологов выявлено, что финно-угры с древнейших времен обитали в Среднем Поволжье и Приуралье [6—17] Со своей стороны археологи установили, что во II — начале I тыс. до н. э. территория Среднего Поволжья и Приуралья была густо заселена племенами срубной культуры [18—21], в восточной части этого ареала (в Башкирии и Куйбышевском Поволжье) обитали и люди андроновской культуры [22, карта 5; 23, с. 75; 24, с. 65; 25, с. 119—120, 124, 130, рис. 12] [1] Северная граница срубной культуры шла по средней Мокше, средней Суре, Ульяновскому Поволжью, левому берегу Нижней Камы, р. Белая и верхнему течению р. Урал (рис. 1) [27, с. 212, рис. 48] В настоящее время есть веские основания предполагать, что люди срубной и андроновской культур были иранцами и индоиранцами по языку. Кроме приведенных ранее доводов в пользу этого отождествления, таких, как установленное антропологами генетическое родство ираноязычных скифов с носителями срубной культуры, а савроматов — с носителями андроновской культуры, заставляющее предполагать их родство и по языку; как совпадение дат андроновской и срубной культур и времени появления ариев в Индии и иранцев в Иране; как соответствие уровня развития и типа хозяйства носителей срубной и андроновской культур с тем, какое рисуют письменные источники, Веды и древнейшие части Авесты, к настоящему времени появились еще новые. Из них наиболее важные: совпадение ареала срубной и андроновской культур с ареалом древнеиранских и индоиранских гидронимов, проникновение памятников андроновской культуры далеко на юг, в Туркмению, на пути в Иран и в Афганистан, на пути в Индию; срубно-андроновских памятников — далеко на север, от Мокши и Камы до верховьев Урала [21, с. 93—100] [2] В таком случае, весьма вероятно, северная граница распространения этих культур и есть граница индоиранцев с финно-уграми. Исследователи (А. Х. Халиков, А. П. Смирнов, К. Ф. Мейнандер) уже высказывали обоснованное предположение о том, что именно носители срубной и андроновской культур оказали большое влияние на древних финно-угров, особенно в зоне контакта, в области материальной культуры (сказавшееся прежде всего в появлении элементов производящего хозяйства) и в области языка (к срубно-андроновской эпохе относятся многочисленные индоиранские и иранские лексические заимствования, относящиеся к скотоводству, земледелию, обозначению некоторых металлов и др.) [27, с. 237, 347, 352—353, 376—377; 28, с. 185, 190; 29, с. 27]

В настоящей статье хотелось бы остановиться на таких проявлениях контактов индоиранцев с финно-уграми, как наименование и почитание теми и другими р. Волга и горы Иремель на Южном Урале. Известно, что название

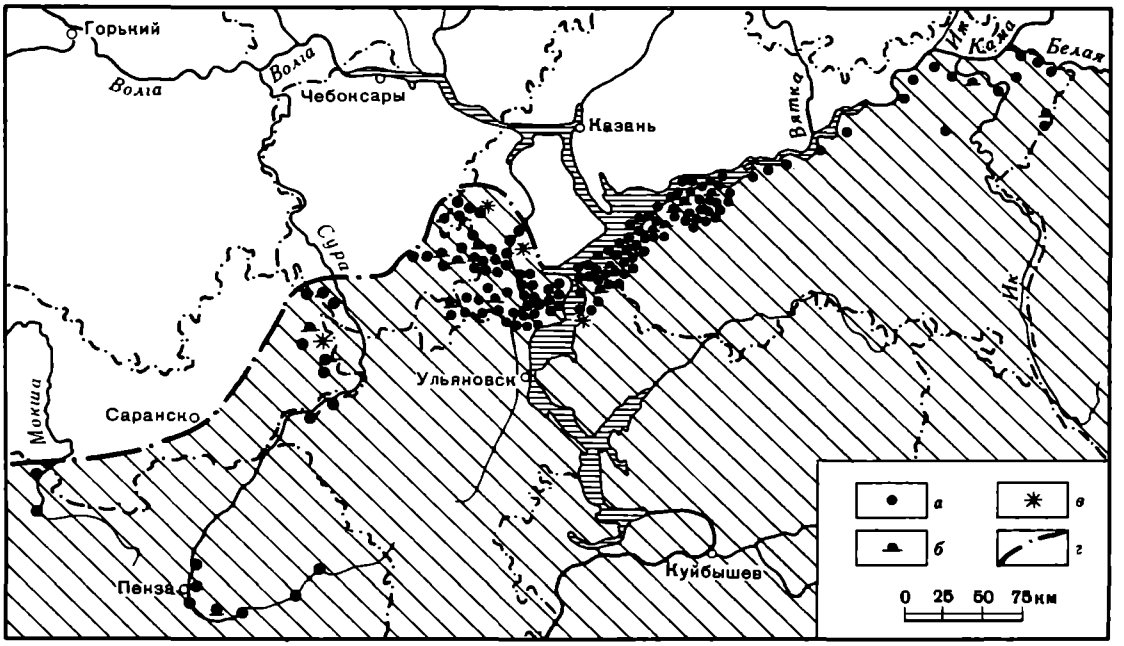


Рис. 1. Северная граница срубных памятников в Поволжье (по А. Х. Халикову): *а* — поселение; *б* — курганный могильник; *в* — клад; *г* — территория массового распространения срубных памятников

Волги в мордовских языках — Рав, Рава, Раво [30, с. 125—128; 31, с. 126], и его связывают с названиями реки Рангха в Авесте и Раса в Ригведе [2, с. 238—242, 336—338; 3, с. 307; 4, с. 30; 32, с. 174; 33, с. 133—136; 34; 35, с. 307]; промежуточным по времени является Rhā — название Волги на карте Птолемея. Предполагается, что название это было заимствовано из арийского в древние финно-угорские языки. Раса в Ригведе является уже мифической небесной рекой, хотя была известна и реальная река с тем же названием, приток Синдху (Инда) (РВ X, 75) [36, с. 239, и комментарий Т Я. Елизаренковой, с.383] Предполагают, однако, что это имя носила первоначально какая-то другая река на северо-востоке (от Инда) [37, с. 194—206; 38, с. 43, 96, 123; 39, с. 52, 56] и что ведийская Раса первоначально была идентична авестийской Рангхе [39, с. 52, 56] Что же касается Рангхи, то в тексте Авесты не так уж много данных для отождествления ее с какой-то реальной рекой. Известно лишь, что она «широкая» [Yt V, 63; Yt V, 81) [3], что в ней водится рыба кара (Yt XIV, 29) которую считают осетром [40; 41; 45, с. 188], и, наконец, что у ее истоков (или, по другому толкованию, на ее берегах) находится 16-я страна, созданная Ахура Маздой, и бичом этой страны являются морозы (Vd I, 20). Некоторые авторы отождествляют Рангху с Сырдарьей [44, № 6, с. 57; 46, с. 251; 47, с. 689; 48, с. 100, 101] и даже с р. Кабул в Афганистане [39, с. 52], но в таком случае трудно объяснить, откуда в этих южных странах морозы (разве что высоко в горах, если принять толкование «у истоков Рангхи», а не «у вод Рангхи»). Представляется, что при идентификации Рангхи следует исходить из двух положений: 1) это название прилагалось индоиранцами и иранцами к Волге на их первоначальной прародине, а впоследствии, когда они мигрировали на юг,— к другим рекам (в Средней Азии и других странах; гипотеза Й. Маркварта) [45]; 2) Рангха идентична реке Ардви Сура Анахита (гипотеза Х. Нюрберга) [46, с. 260—261) [4]

Считая, что первоначально Рангхой называли Волгу, Й. Маркварт следовал за Лагардом и Куном, отождествлявшими авестийскую Рангху с р. Ра, которой на карте Птолемея обозначена Волга [47, с. 688] Х. Нюберг отождествил Рангху с Ардви Сурой, установив, что жертвоприношения большинства героев, мо-

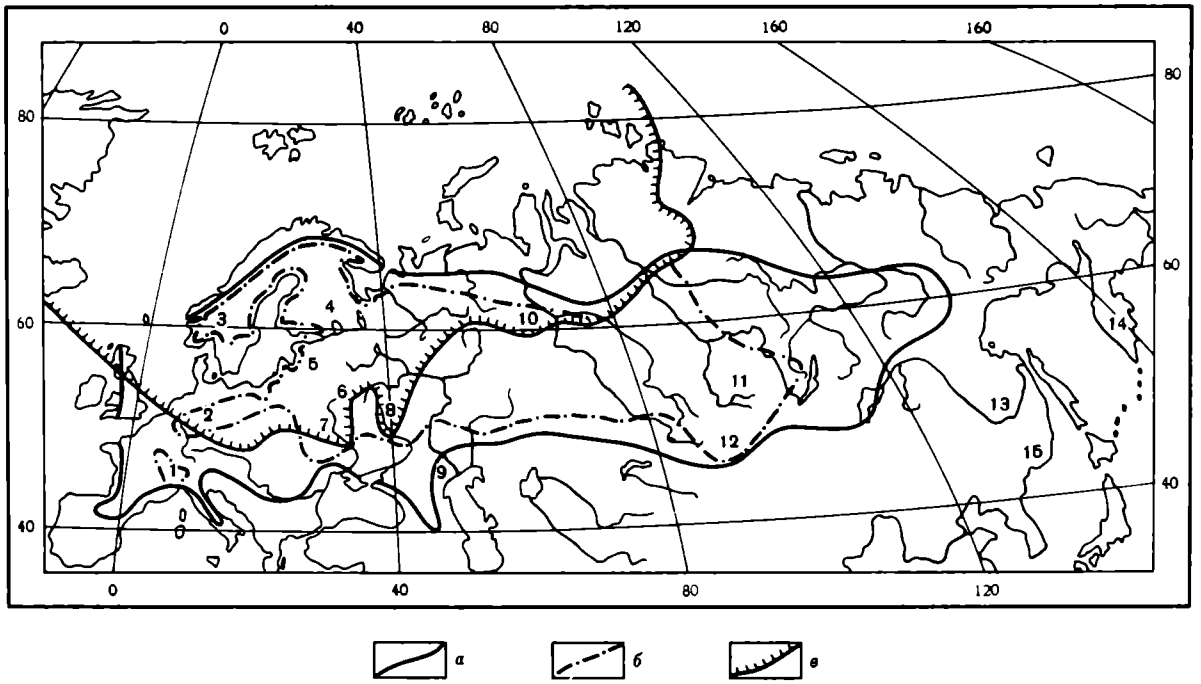


Рис. 2. Современный и былой ареал бобра (по Л. С. Лаврову) *а* — граница былого ареала бобра; *б* — граница современного ареала; *в* — граница максимального оледенения; *1* — колония бобров на р. Рона; *2* — на р. Эльба; *3* — на юге Норвегии; *4* — колония бобров, переселившихся из Финляндии; *5* — на р. Березина; *6* — на р. Сож; *7* — на Днепре; *8* — на р. Воронеж; *9* — колония бобров, акклиматизированных в 1946 г. в дельте Волги; *10* — колония бобров на притоках Иртыша и Оби (Тобольский Север); *11* — колония бобров на р. Азас (Тува, верховья Енисея); *12* — на р. Булган (МНР); *13* — колония канадских бобров, акклиматизированных в 1977 г на р. Амур; *14* — колония бобров, акклиматизированных на Камчатке; *15* — место на р. Фыньхэ (КНР), где обнаружены остатки бобра рода Castor

лившихся Ардви Суре и упомянутых в Яште V, локализованы на Рангхе или на море Ворукаша [46, с. 260—216]

Объединив эти две гипотезы, получим много доказательств в пользу отождествления Рангхи и Ардви Суры с Волгой. Ардви Суру Анахиту, как это видно из посвященного ей Яшта V, Ардвисур-Яшта или Абан-Яшта (т. е. Водного Яшта), древние иранцы представляли одновременно в виде женщины и мощной реки, «равной всем водам, что здесь по земле текут». Она стекает с золотой вершины Хукарья, «высота которой равна росту тысячи мужей», высочайшей из гор Хара Березайти («Высокой Хары»), и впадает в море Ворукаша «тысячью протоков и тысячью озер», т. е. образует дельту (Yt V, 13, 4, 15, 96, 101, 121; Ср. Yt XII, 24—40, с. 174). Согласно XXI фаргарду Видевдада, море Ворукаша расположено к югу от гор Хара (Vd I, 5; 39, с. 148, 149). Многие исследователи Авесты считали, что море Ворукаши — это либо Каспийское, либо Аральское море [44, № 5; 46, с. 251, 258, 402; 47, с. 143; 50, с. 1429] [5]

Но Ардви Сура Анахита описана в том же Яште V не только как река, но и как женщина, одетая в роскошную шубу из шкур 300 бобрих (Yt V, 129); у нее есть четыре коня — Дождь, Ветер, Облако и Град, которые поят ее влагой, сыплют ей град и снег (Yt V, 120).

Итак, Рангха-Ардви Сура — это река, которая берет начало с золотой горы Хукарья, высочайшей (в рост 1000 мужей) вершины гор Хара Березайти; у истоков (или на берегах ее) — сильные морозы; ее питают дождь, град и снег; это необычайно широкая и полноводная река, обилием равная всем водам, что текут по земле; она впадает в море Ворукаша, которое находится к югу от гор Хара Березайти, и при впадении образует обширную дельту. Наконец, эта река богата бобрами (ибо не может же богиня, воплощающая эту реку, быть одета в

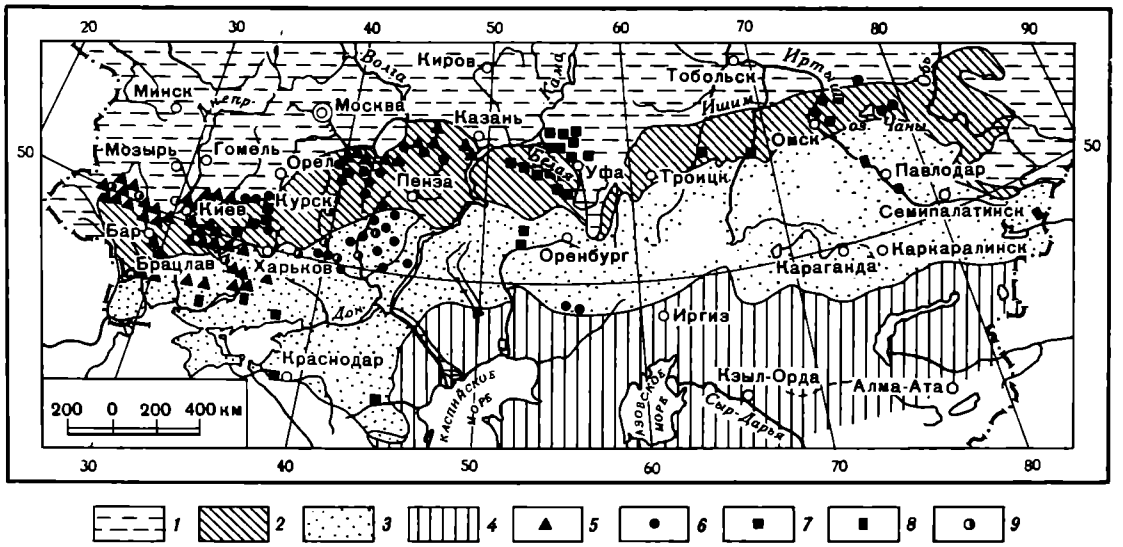


Рис. 3. Распространение бобра в степи и лесостепи в XV—XX вв.: *1* — лес; *2* — лесостепь; *3* — степь; *4* — полупустыня и пустыня; *5* — места нахождения бобра в XV—XVI вв.; *6* — в XVII в.; *7* — в XVIII в.; *8* — в XIX в.; *9* — в 1900—1940 гг. (*Кириков С. В.* Человек и природа восточно-европейской лесостепи в X — начале XIX в. М: Наука, 1979)

импортные меха; как увидим далее, бобры играют в культе этой богини большую роль). Всем этим условиям лучше всего отвечает Волга: необычайно широкая и полноводная; истоки ее и значительная часть течения находятся в тех широтах, где обычны морозы и снег; впадает она в Каспийское море, которое находится южнее ее истоков; при впадении образует обширную дельту; наконец, на ней и ее притоках еще в недавнее время водилось множество бобров (см. рис. 2—4)

Именно бобровая одежда Ардви Суры послужила основным аргументом для Р. Гиршмана, также отождествлявшего ее с Волгой [51, с. 41; 52, с. 75—77; 53, с. 143] Действительно, ни в Сырдарье, ни в Амударье, ни в реках Афганистана бобры никогда не водились (рис. 2) [54, с. 252, 253, карта], и, кроме того, там не бывает сильных морозов. Сторонники отождествления Рангхи-Ардвисуры с Сырьдарьей обычно умалчивают об этих обстоятельствах. Но как быть с истоком этой реки, ведь у истока Волги нет никаких высоких гор? Дело, однако, в том, что в древности за исток Волги принимали либо Каму (на карте Птолемея II в. до н. э. у р. Ра, т. е. Волги, показаны два истока, видимо Кама и Вятка, и крупный левый приток, видимо р. Белая,— рис. 5), либо р. Белая (на карте Птолемея она обозначена текущей с Риммийских гор (Южный Урал) [55, с. 62, рис. 7] На карте Идриси XII в., которая во многом основана на карте Птолемея, в качестве истока р. Атиль (Волги) показана р. Белая, текущая с гор Оскаска (Южный Урал) — см. рис. 6 [56] Сведения же Птолемея о Волге и Южном Урале, судя по его карте, очень точные, восходят к скифской эпохе, когда существовал так называемый «торговый путь», описанный Геродотом, из Северного Причерноморья к Волге и далее — на Южный Урал, и к еще более ранней, интересующей нас срубно-андроновской эпохе, когда он был «исторической дорогой» носителей срубной культуры, путем их расселения (в западной части) и путем в Южное Зауралье за медью и золотом (в восточной части). Подробнее об этом автору настоящей статьи уже приходилось писать [55] Представление о том, что исток Волги — это р. Белая, пережиточно сохранилось и до сих пор, в ее русском названии «Белая», первоначально, в XV в.,— «Белая Воложка» (т. е. Белая Волга) [56, с. 27; 57, с. 153, 156], что является калькой тюркского Ак Идель [58, с. 179] Тюркское же Ак Идель, как блестяще доказал В. И. Лыткин, является калькой старого финно-угорского слова jónga (где jòng — «белый,

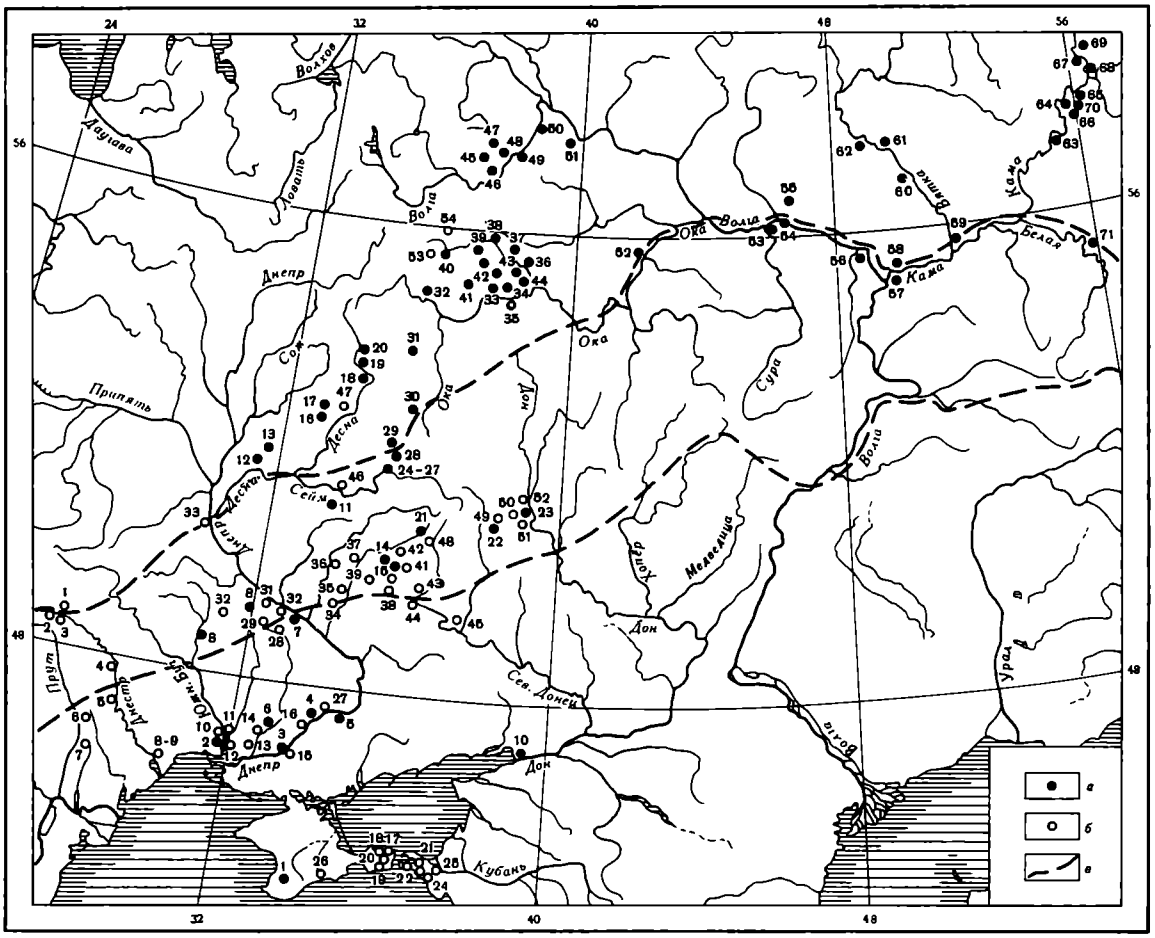


Рис. 4. Находки костей бобра в поселениях раннего железного века в европейской части СССР (составлена Н. Л. Членовой по данным В. И. Цалкина, В. И. Громовой, А. Г Петренко, Е. Г Андреевой и В. П. Данильченко): *а* — поселения, где найдены кости бобра; *б* — поселения, где не найдены кости бобра; *в* — границы лесостепи; *1* — Неаполь Скифский; *2* — Ольвия; *3* — Берислав; *4* — Гавриловское поселение; *5* — Каменское городище; *6* — Афанасьевка; *7* — Ново-Георгиевка; *8* — Тарасова гора; *9* — Собковка; *10* — Танаис; *11* — Басовское городище; *12* — Юхновское городище; *13* — Песочный ров; *14* — Люботин; *15* — Пересечное; *16* — Южное Долбатово; *17* — Северное Долбатово; *18* — Красное; *19* — Благовещенская гора; *20* — Овстуг; *21* — Кировское; *22* — Волошинское; *23* — Большое Сторожевое; *24* — Кудеярова гора; *25* — Кузина гора; *26* — Лысая гора; *27* — Плаксинское городище; *28* — Марица; *29* — Моисеевское; *30* — Лужки; *31* — Дешовки; *32* — Свинуховское городище; *33* — Поленово; *34* — Подмоклово; *35* — Старшее Каширское городище; *36* — Круглица; *37* — Соколовая гора; *38* — Мамоновское городище; *39* — Барвиха; *40* — Троицкое; *41* — Огубское городище; *42* — Щербинка; *43* — Селецкое городище; *44* — Боршева; *45* — Топорок; *46* — Бабенское городище; *47* — Городня; *48* — Пекуновское городище; *49* — Городненское; *50* — Грехов ручей; *51* — Красный холм; *52* — Кондраковское; *53* — Васильсурское городище; *54* — Малахайское селище; *55* — Ардинское; *56* — Антоновское; *57* — поселение Курган; *58* — Гремячий ключ; *59* — Свиногорское; *60* — Ройский шихан; *61* — Буйское городище; *62* — Пижемское городище; *63* — Гремяченское поселение; *64* — Первое Половинное селище; *65* — Калиновское городище; *66* — Субботинское городище; *67* — Скородум; *68* — Галкинское городище; *69* — Конецгорское селище; *70* — Алтын-Тау; *71* — Биктимировское городище

светлый», га — река) [59, с. 205, 206] Очень вероятно, последнее название, судя по гидрониму «га», восходит к древнеиранской эпохе, когда и индоиранцы называли Волгу тем же именем.

Итак, если исток Волги (Рангхи, Ардви Суры) — это р. Белая, то она действительно берет начало у горы Иремель, одной из двух высочайших вершин Южного Урала (еще в конце XIX в. она считалась самой высокой горой Южного Урала [60, с. 47], и лишь позже установили, что самая высокая гора — Яман-тау), и тогда гору Иремель закономерно отождествить с авестийской горой Ху-

Рис. 5. Поволжье и Южный Урал по карте Птолемея

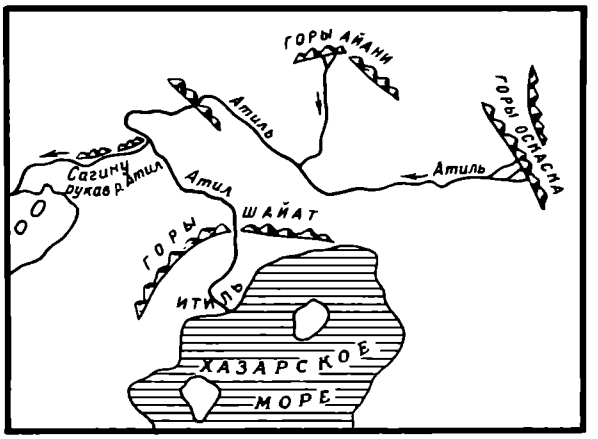


Рис. 6. Волга по карте Идриси XII в. (прорисовка Б. А. Рыбакова)

карья, высочайшей вершиной гор Хара Березайти, т. е. Южного Урала; даже ее высота, обозначенная в Авесте как «высота тысячи мужей», — это не какое-то круглое число, означающее «очень высокая», а вполне соизмеримое с реальной высотой этой горы — 1586 м над ур. м., около 1300 м над уровнем окружающей местности. О территории «у истоков Рангхи» (т. е. р. Белая), действительно, можно сказать, что «бичом ее являются морозы», так как даже на крайнем юге Уральских гор последние весенние заморозки приходятся на конец мая, а первые осенние — на начало сентября [61, с. 286], а зимой морозы достигают 40—50° [62, с. 339]

Не является обычным сказочным и эпитет горы Хукарья — «золотая»: близ нее известны месторождения золота; еще в конце XIX в. в 60 верстах от горы Иремель находились Каратабыно-Баратабынские золотые прииски [60, с. 48], а вообще добыча золота в этом районе восходит к андроновской эпохе — известны золотые изделия из андроновского могильника Спасское III и даже древний андроновский золотой рудник на горе Тукан [55, с. 50, рис. 3, с. 56, 57]; несомненно, андроновцы добывали здесь и россыпное золото. В окрестностях горы Иремель обнаружено также баснословное число древних «чудских» медных рудников (как сообщает Д. Н. Мамин-Сибиряк, около 7 тыс. [60, с. 49]). Большая часть их, по всей вероятности, оставлена людьми бронзового века, прежде всего андроновцами. Андроновские и срубные памятники зафиксированы в верховьях р. Белая, всего в 80 км ниже истока, и далее — по всему Южному Зауралью и Приуралью и Башкирии (рис. 7) [55, с. 54, рис. 4; с. 58] Следовательно, срубно-андроновское население, древние иранцы, сказания которых вошли

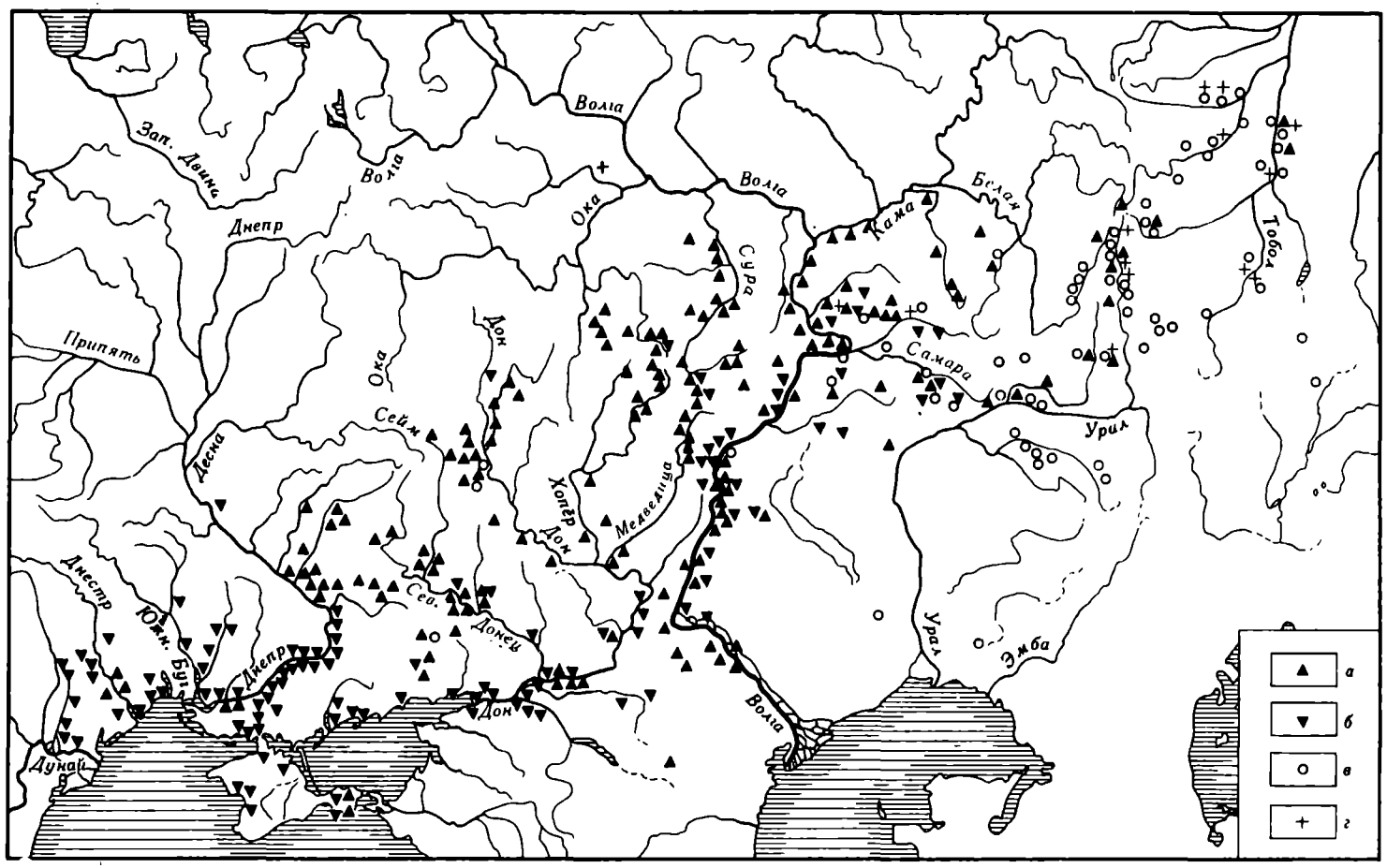


Рис. 7 Карта срубных и андроновских памятников (по Н. Л. Членовой); *а* — раннесрубные памятники; *б* — позднесрубные; *в* — андроновско-алакульские; *г* — андроновско-федоровские памятники

в Авесту в качестве древнейшего пласта, отлично знали Волгу, Нижнюю Каму, р. Белая (т. е. Рангху, Ардви Суру) и ее исток — гору Иремель (Хукарью).

Если Рангха — Белая, Нижняя Кама и Волга, то она протекала и по территории Приуралья, что значительно лучше объясняет и многочисленные лексические заимствования из индоиранского и иранского в финно-угорские языки, зафиксированные лингвистами, а, как справедливо сказал В. И. Абаев, «Никакое исследование по доистории индоиранских народов не может претендовать на научное значение, если оно не учитывает во всей полноте и широте... ариоуральские связи» [5, с. 84].

Итак, индоиранцы и финно-угры в древности называли Волгу одним и тем же именем. Можно попытаться показать, что они и почитали ее в одном и том же образе. Древние иранцы почитали ее в образе Ардви Суры — одновременно реки и женщины. Это отчетливо видно по тексту Абан (Ардвисур) Яшта, где описание ее как женщины переходит в описание реки и наоборот:

«Воистину прекрасны ее руки,
Белые, более мощные, чем бедра коней,
Величием своим она красуется,
Прелестная, текущая потоком вышиной больше сажени...»
(Yt V, 7) [Цит. по: 42, с. 57].

«Молись могучей, светлой,
Высокой и красивой,
Чьи воды день и ночь
Несутся, ниспадая,
Все воды превышая,
Что по земле текут»
(Yt V, 15) [Цит. по: 44, № 5, с. 70].

«И стекла к нему Ардвисура Анахита
В образе прекрасной девушки,
Сильной, стройной,
Прямой, высоко подпоясанной,
Знатного рода, именитого,
До самых лодыжек была она
Обута в сияющие сандалии,
Золотыми лентами схваченные»
(Yt V, 64) [Цит. по: 43, с. 23].

Имя богини вполне соответствует этому образу: *Ардви* — значит «влажная», *сура* — сильная [47, с. 516; 49, с. 412; 63, с. 355] [6] Бартоломэ приводит и другое значение слова *Сура*: название озера, пруда или заводи [50, с. 1585] Отметим, кстати, что это иранское слово и первоначальное имя древнеиранской богини очень близко к финно-угорским названиям различных водоемов: *шур* — река (удм.), *шор* — ручей (коми), *сара, сор* — заболоченное место (фин., карел., эст.), гидронимы *Сара* часты в бассейне р. Сура, а топонимы *Сураш, Сура* и др. широко распространены в бассейне р. Самара, Сакмара и Сим [65, с. 101; 66, с. 45; 67; 68, с. 239]. Р. Г Азнагулов [68] пишет, что это финно-угорские слова и связывать их с иранским словом «сура» ошибочно. Думается, явление это — одинаково звучащие названия рек и водоемов (как *ра, рава,* так и *сура, шур*) в древнеиранском и финно-угорских языках, особенно в зоне их контакта (Волга, Сурра, Самара, Сакмара, Сим) — гораздо более сложное и интересное и отражает те самые контакты в области лексики, которые столь успешно изучают лингвисты. Есть ли эти гидронимы по происхождению индоиранскими или финно-угорскими, покажут дальнейшие исследования лингвистов.

Возвращаясь к Ардви Суре как персонифицированной реке, заметим, что это качество в ее образе — первичное, что неоднократно отмечали исследователи, древнее, до-зороастрийское, вошедшее впоследствии в зороастризм [39, с. 56;

46, с. 260—263, 291, 292; 47, с. 516, 518; 49, с. 405, 406; 64, с. 18, 19] Представление о женской природе рек вообще очень характерно для индоиранцев. Так, в ведийской мифологии (в Ригведе и Атхарваведе) персонифицированные воды — Апас — богини, матери, они целительны и охраняют здоровье [69, с. 91]. Все конкретные реки, упоминаемые в Ригведе, также представлялись исключительно божествами женского пола, только Инд (Синдху) — то женского, то мужского пола [70, с. 384]. Ардви Сура, начиная с до-зороастрийских времен, тесно связана с двумя близнецами Нахайтья (соответствующими индийским Насатья), их имена: Хаурватат — господин вод и Амэретат — господин растений (у них также точные индийские соответствия — Сарватат и Амртат — в Ригведе) [71, с. 18, 19] Когда образ Ардви Суры антропоморфизировался, эти близнецы стали мыслиться как младенцы [7] Как богиня вод Ардви Сура была связана с лодками, покровительствовала навигации (см. Yt V, 61—66, где она приходит на помощь лодочнику Паурве). Важнейшая функция Ардви Суры как реки и женщины — плодородие:

«И сказал Ахура Мазда Спитамиду Заратуштре:
Ты можешь восславить ради меня...
Ее, Ардвисуру Анахиту,
Широко разлившуюся, целебноносную...
Ее, страсть вызывающую...
Стадам покровительствующую...
Дому и усадьбе покровительствующую,
Ее, выращивающую семена всех мужей,
Подготавливающую к родам материнское лоно всех жен,
Наполняющую в урочный час нужным молоком женскую грудь»
(Yt V, 1, 2).

«Пусть к браку готовые, усердные девушки...
Тебя о добром благополучии просят
И о могущественном домохозяине;
Пусть роженицы, молодые жены
О легких родах тебя просят:
Ты, ты будешь все это им предоставлять...
О Ардвисура Анахита!» (Yt V, 87).

«И сказала Ардвисура Анахита:
...От моего великолепия и величия
Мелкий скот и крупный скот
И двуногие люди распространились по земле.
Я, поистине, охраняю все доброе...
Подобно тому, как хлев сохраняет овец...»
(Yt V, 89) [Цит. по: 42, с. 57, 65, 66].

Эти функции Ардви Суры — Рангхи имеют достаточно точные финно-угорские параллели, сохранившиеся в мордовском фольклоре и еще недавних мордовских и марийских верованиях. Для мордвы (как и для индоиранцев) также характерно представление о персонифицированных водах женского рода, матерях вод, о собирательном образе Ведявы (*Ведь* — «вода» + *ава* — «мать») — а у марийцев — Вуд-авы — повелительнице вод, царице водного царства. Каждая река или озеро имели, по древним мордовским представлениям, свою хозяйку, которую называли именем реки или озера: Равава (*Рав* — «Волга» + *ава* — «мать»), Сурава (*Сура* — «река Сура» + *ава* — «мать»). Ведява (как и конкретная Равава) — хозяйка воды, покровительница деторождения, плодородия (бесплодные женщины на берегу реки молились о ниспослании им детей и приносили подарки), здоровья (ее просили об исцелении от

болезней), покровительница рыбаков [73; 74, с. 71—74; 75, с. 226; 76, с. 125, 126] Ее атрибут — серебряная лодочка [73, с. 187] Даже внешность ее близка к внешности Ардви Суры: она красивая девушка с длинными волосами, подпоясанная блестящим поясом [73, с. 188] (а Ардви Сура — красивая стройная девушка, «высоко подпоясанная»). Наконец, дальный отзвук представлений о двух близнецах, детях Волги-Рававы, сохранился в мордовской (мокшанской) свадебной песне, начинающейся словами: «Ой, Равась, Равась (Ой, Волга, Волга), великая река» и описывающей женщину, которая идет по берегу Волги с двумя детьми на руках, которых она ласкает и купает в Волге [77, 78] Несомненно, первоначально эта женщина сама и олицетворяла Волгу-мать, Рававу.

Возвращаясь снова к Ардви Суре, заметим, что ее эпитет «Анахита» — «незапятнанная» — некоторые исследователи считают сравнительно поздним и, может быть, вообще не иранским, а народной этимологией, адаптацией имени богини Анаитис, почитавшейся в Малой Азии, сирийской Анат [63, с. 355; 64, с. 75, 100, 101; 79, с. 94] Описание Анахиты как девушки, одетой в золотое покрывало (Yt V, 123), золотую мантию, с золотой короной, золотыми четырехгранными серьгами и ожерельем и обутой в золотые сандалии (Yt V), [80, с. 126—128], также относится к сравнительно поздней эпохе, не ранее чем ахеменидской, когда Артаксеркс II (конец V—IV в. до н. э.) воздвиг статуи Анахиты в храмах в разных частях Персидского государства; исследователи не раз высказывали предположение, что подробное описание Анахиты в виде женщины в богатой одежде навеяно одной из таких статуй [41, с. 53; 46, с. 261; 47, с. 519, 520; 70, с. 5, 6 и др.; 81] Но одна деталь в этом описании — явный анахронизм: это уже упомянутая шуба Анахиты из шкур 300 бобрих, «четырежды родивших» (Yt V, 129). Бобры, как было уже подчеркнуто раньше, не водятся ни в Средней Азии, ни тем более в Иране и других южных странах (рис. 2). Бобровая шуба Ардви Суры Анахиты в цитированном описании — реликт ее доахеменидской сущности, когда она была богиней-рекой, олицетворением Волги, и бобр был ее священным животным. На этот факт уже обращал внимание Р. Гиршман [51—53], объяснив, что бобры были священными животными Анахиты — богини плодородия, поскольку выделяли так называемую бобровую струю, которой приписывали афродитизирующие свойства. Считалось, что бобровую струю выделяют только самцы, поэтому самцов-бобров убивать было нельзя ни в коем случае, в крайнем случае можно было убивать только самок, «четырежды родивших» и тем обеспечивших продолжение рода. Ю. А. Рапопорт пошел дальше и справедливо предположил, что Ардви Сура первоначально почиталась в образе бобра (точнее, бобрихи. — *Н. Ч.*), а позже, когда этот образ антропоморфизировался, бобр стал спутником богини и материалом, из которого сшита ее одежда, подобно шкуре льва, которую носил Геракл, шкуре козы у Афины,— примеры, приведенные еще Д. Фрэзером в «Золотой ветви» [82, с. 31] Интересно отметить здесь же, что ханты вплоть до недавнего времени приносили в жертву духам меха разных зверей, в том числе и бобра, которые должны были служить одеждой или материалом для одежды этих духов [83, с. 141]

Бобры как священные животные упоминаются и в других частях Авесты. По древнеиранской классификации животных они относились к разряду собак (наряду с лисицами, ласками, ежами, выдрами и другими животными — см. Видевдад, XIII, 16), причем «водяные собаки» (бобр и выдра) считались самыми священными изо всех собак [40, с. 168] Заметим здесь, что и обычные собаки (стерегущие стадо, дом и усадьбу) также были у древних иранцев в очень большом почете. В Видевдаде упомянуты разные виды собак (пастушья, домашняя), есть специальное предписание, как их кормить (считалось, что тот, кто дает плохую пищу собаке, совершает такой же грех, как если бы он предложил плохую пищу главе знатного дома), как за ними ухаживать (в том числе и за больными собаками), предусмотрены различные наказания для тех, кто ранит или убьет собаку, очень жестокие. Так, за рану, нанесенную собаке,

стерегущей скот, виновного разрубали на куски (Видевдад XIII, 8—40) [40, с. 155—169] Но убийство «водяной собаки» (бобра) считалось еще более тяжким преступлением и для искупления его требовалось казнить убийцу и в течение трех дней и ночей молиться «святой душе собаки» (Vd. XIII, 54, 55) Бобр, по Авесте, играет важнейшую роль во всем круговороте жизни. По Видевдаду, когда умирала собака, ее душа шла в «водный источник... и там из каждой тысячи псов и каждой тысячи сук возникают две водяные собаки (т. е. бобры.— *Н. Ч.*), самец и самка» (Vd. XIII, 50, 51). Ю. А. Рапопорт так реконструировал систему взглядов на круговорот жизни и смерти по Видевдаду: душа умершего входит в тело существа, поглотившего труп (например, птицы или собаки); после смерти 2 тыс. собак из них возникает пара «водяных собак» (бобров или выдр), обитающая в реке (потоке Ардви Суры); ее воды впитывают растения; растение съедает человек (или скот, который в свою очередь съедается человеком), а человек передает воспринятую им душу своему ребенку [82, с. 32]

Совершенно очевидно, что обожествление бобра, то особое место, которое он занимал в религиозных представлениях древних иранцев, могло сложиться лишь там, где во множестве водились бобры, т. е. в тех северных районах, где обитали древние иранцы — носители срубной и андроновской культур, скорее всего в лесостепи (так как бобры водятся главным образом в лесостепи, зоне лиственных и смешанных лесов, а северная граница срубной и андроновской культур приходилась на лесостепь и границу лесов — см. рис. 3). Те реликтовые черты культа бобра, которые отражены в Авесте, находят полную параллель в религиозных представлениях финно-угорских народов, выявленных этнографами; лучше всего они сохранились у хантов и манси. Культу бобра у иранских и финно-угорских народов я собираюсь посвятить специальную статью, здесь же привожу самое короткое ее изложение. У древних финно-угров как жителей лесов в хозяйстве всегда очень большую роль играла охота; судя по находкам костей животных в археологических памятниках лесостепной и лесной полосы, почти всегда первое место среди охотничьей добычи занимал бобр (см. рис. 4). В. Н. Скалон убедительно доказал, что у древних обитателей этих районов было поставленное «охотничье хозяйство на бобра» — применялись меры против его истребления [84, с. 108—111] Именно на этой основе естественно возник культ бобра. Еще в 20-х годах нашего века у хантов на Малой Сосьве бытовали представления, что бобры — это бывшие люди и что они говорят друг с другом по-мансийски [84, с. 152] Васюганские ханты верили, что они взаимосвязаны с бобрами: исчезнут бобры — исчезнут и ханты [84, с. 37, 85, с. 172] Как известно, у хантов существует фратрия (или социальная группа сир) бобра [87, с. 238; 88, с. 111, 112, 128, 129], и соответственно они имели в XVII в. «знамена», тамги — знак бобра (рис. 8, *5, 6*) [89, рис. 83; 90, с. 133], чрезвычайно похожие на те, что изображены еще на карельских неолитических петроглифах (рис. 8, *1, 2*) [91, табл. 13, *106*; 22, *4*; 92, с. 58] и на кремневые скульптурки бобров, найденные в Поволжье (рис. 8, *3, 4*) [93, рис. 4, 9, 10, 12] Чрезвычайно интересна найденная в Мурлинском городище (Тарский р-н Омской обл., вторая половина I тыс. до н. э.) бронзовая овальная бляха, на которой изображены крупные бобр и бобриха мордами друг к другу, а между ними маленькая фигурка человека (рис. 9). Автор находки А. С. Шемякина убедительно трактует это изображение как семью бобров, детеныш которых — человек [94, с. 28—33, рис. 1]. В полном соответствии с предполагаемым первоначальным обликом Ардви Суры в виде бобрихи малососьвинские ханты считали бобриху женщиной: тело у нее дородное, широкое книзу, как у женщины, и соски на груди (а не на животе, как у собак, лисиц и др.) [84, с. 152; 95, с. 74] Очень большую роль играла в жизни хантов и манси бобровая струя: она считалась очищающей, ею окуривались от болезней, окуривали животных и различные предметы от покушения злых духов и всякой нечистоты, женщины окуривались после родов [84, с. 156—158] Наконец, чрезвычайно интересен обычай хантов тщательно собирать все кости и когти съеденного бобра и топить их в воде [84] Этот обычай

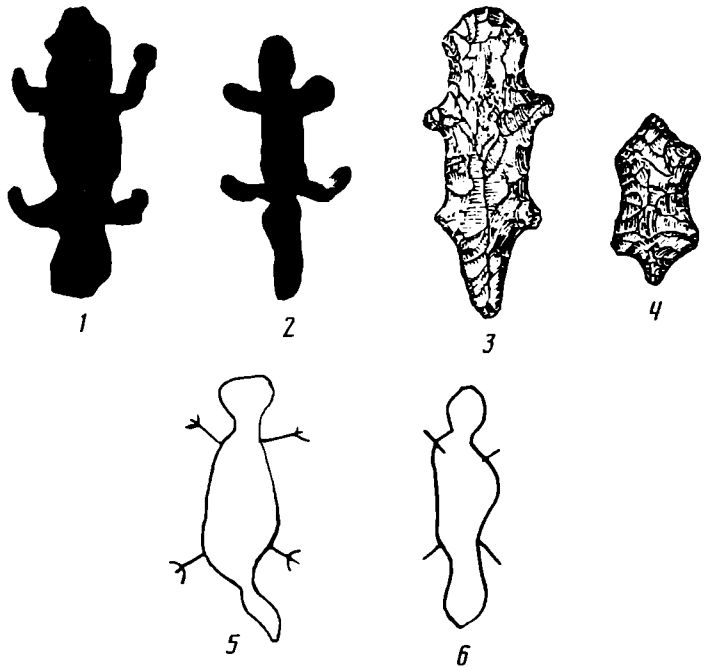


Рис. 8. Изображения бобров в разные исторические эпохи. Онежское оз., петроглифы: *1* — Бесов нос, Северный мыс; *2* — Пери-нос, мыс III (по В. И. Равдоникасу и Ю. А. Савватееву); кремневые скульптурки: *3* — Казань; *4* — Пенза (по С. Н. Замятнину), *5, 6* — «знамена» остяков XVII в. (по Н. Оглоблину)

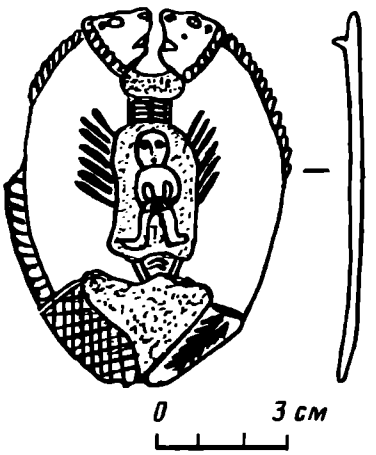


Рис. 9. Изображение семьи бобров и человека на бляхе из Мурлинского городища (по А. С. Шемякиной)

явно имеет целью магическое возрождение бобров в водной среде, с которой они неразрывно связаны, а через них — и людей, поскольку они неразрывно связаны с бобрами, и очень напоминает укороченный вариант круговорота жизни в природе, как он виделся и создателям Авесты (только в угорском круговороте отсутствуют звенья, связанные со скотоводством,— нет собак, превращающихся в бобров, и нет скота, который поедается человеком). Однако, одно из этих звеньев, видимо, существовало некогда и в угорском круговороте. Мы имеем в виду разрозненные, но не очень малочисленные сведения из этнографии угорских народов о связи собаки с водой (например, у обских угров собаку убивать было вообще нельзя, за исключением лишь того случая, когда не могли найти труп утонувшего человека) [96, с. 55], и даже такое любопытное поверье, что старая собака может превратиться в водяного духа Вэс (переводится русским словом «мамонт»), перед этим она начинает есть землю или лезть в воду [83, с. 130; 96, с. 48; 97] Представления о чудовищном звере, который ходит под землей и под водой и прочищает русла рек, широко бытуют у разных народов, особенно в Сибири, где разные народы называют его по-разному, но по-русски обычно называют словом «мамонт», так как ему же приписывают столь часто находимые в Сибири кости мамонта [97—99] Общим для всех этих представлений является то, что этот чудовищный зверь, «мамонт» — не особая порода животных, а результат видоизменения какого-то зверя в старости, приспособления его к подземной и подводной жизни. У казымских хантов такими зверями, «превращенными в мамонта», обычно считались лось, медведь и щука [98, с. 157] Но по другим данным (ханты на р. Ляпин, 30-е годы XX в.), его зовут *инк-вой* («водяной зверь»), он живет в земле и имеет большие зубы (или рога), старые люди видели его в маленьких речках [[98, с. 149], т. е. это бобр. По данным В. Н. Скалона, словом *инк-вой* ханты называли бобра [84, с. 145] Этот же чудовищный зверь представлен в пермском зверином стиле, исследователи справедливо видели в нем соединение черт разных животных, прежде всего медведя и бобра [84; 99, с. 153—154] Суммируя все сказанное, получаем, что обские угры верили в некоего подземного и подводного зверя, под которым пер-

воначально разумели, по всей очевидности, бобра; считалось, что в этого зверя могут превращаться разные животные, обычно лось, медведь и щука, но иногда и собака. В этом случае угорский круговорот жизни почти тождествен древнеиранскому. Можно думать, что собака, «превращающаяся» в водяного духа, в угорском круговороте — следствие иранского влияния, так как и в других случаях отношение к собаке у угорских народов очень напоминает отношение к собаке древних иранцев — создателей Авесты. Так, у ляпинских манси собака считалась священной. У хантов убийство собаки считалось преступлением, в одной легенде говорится о наказании богатыря, который убил собаку. У ляпинских манси собак нельзя было даже бить и ругать нехорошими словами. Ф. Белявский (1833 г.) писал, что остяки (ханты) заботятся о собаках больше, чем о женах, варят им кости, стелют оленьи шкуры, кладут с собой спать [96, с. 57]

Значительно хуже сохранился культ бобра у финно-волжских народов, здесь можно говорить лишь об отзвуках его. Уже говорилось, что мордва представляла себе Волгу-Рававу в виде красивой девушки. Однако она выступает иногда и в облике старухи со страшными большими зубами и большими глазами [75, с. 188] Кто воплощен в этом облике, гораздо лучше видно из мордовской (эрзянской) сказки «Девочка — серебряный зубок», где за девочкой гонятся старики и старухи, у которых зубы — что лучины, глаза — что ковши. Чтобы добраться до девочки, они грызут лес и подгрызают дерево, на котором она спряталась [100, с. 70—71] Подгрызать деревья, грызть лес способны только бобры, эта их способность всегда поражала воображение человека. У бобров большие длинные зубы-резцы («как лучины») и большие глаза. Можно предполагать поэтому, что у финно-волжских народов бытовали представления о Рававе в облике бобрихи, почти забытые к настоящему времени (как почти забыты были представления и о бобрихе Ардви Суре уже ко времени первой редакции V Яшта Авесты). Таким образом, Волга почиталась и древними иранцами и финно-уграми в одном и том же образе (совпадают и функции, и атрибуты, и внешность).

Кроме воззрений, обычаев и обрядов, связанных с бобром и совпадающих с авестийскими, у финно-угорских народов существовали и многие другие: почитание шкуры и хвоста бобров, а более всего — их черепов и челюстей, которые считались оберегами (ханты) [83, с. 141; 84, с. 154, 158, 159] — поверье, уходящее еще в неолитическую древность (находки челюстей и резцов бобра в Оленеостровском могильнике, в могильниках Поволжья и других местах) Это вполне естественно, если учесть, какую большую роль играл бобр в охотничьем хозяйстве лесных финно-угорских народов. У древних скотоводов иранцев бобр не мог играть столь важной роли, самыми почитаемыми животными были у них корова и собака, и есть все основания предполагать, что культ бобра, реликты которого прослеживаются в Авесте, был заимствован ими у финно-угров в эпоху бронзы в Поволжье и Приуралье, где происходили их контакты. В последующие эпохи, при миграциях индоиранцев и иранцев на юг, культ этот был забыт, оставив в Авесте лишь пережиточные следы, как бобровая шуба у раззолоченной Анахиты и непонятные уже строки из Видевдада о том, что бобры — самые священные из всех собак, и вместе с тем было забыто и местоположение реки Ардви Суры — Рангхи, которая превратилась в чисто мифическую реку, текущую на небе, среди звезд (Yt V, 85, 132)

Говоря о контактах финно-угров с древними иранцами, обычно обращают внимание на термины, относящиеся к скотоводству и земледелию, названия металлов и другие, заимствованные финно-уграми у иранцев. Но контакты эти были вероятно двусторонними. Термины, связанные с местным ландшафтом, названия местных растений и животных и связанные с ними представления, детально разработанные финно-уграми, могли заимствоваться и древними иранцами у финно-угров. Мне кажется, что почитание бобра, о котором шла речь в этой статье, является одним из примеров этих обратных связей, примером заимствования иранцами у финно-угров.

[1] Андроновское влияние зафиксировано и западнее, на Украине, от Северского Донца до Южного Буга [26].

[2] Толкование гидронимов в этой статье дано В. И. Абаевым.

[3] Ссылки даются на переводы Авесты [40—44].

[4] При этом Х. Нюберг считал, что Рангха — это Яксарт (Сырдарья) [46, с. 251] и что Ардви Сура Анахита — первоначально богиня Яксарта [46, с. 261]. Х. Ломмель в специальной статье [49, с. 405—413] убедительно показал, что у авестийской Ардви Суры Анахиты очень много общего с ведийской Сарасвати и что, видимо, первоначально подразумевалась одна и та же река; убедительно и его мнение, что все три слова — Ардви Сура Анахита — это только определения, а имя этой реки было совсем другое. Но неубедителен его вывод, что имя этой реки было Сарасвати (по-древнеиранski он реконструирует его как Харахвати), поскольку Харахвати — это имя не реки, а страны Арахозии. Думается, гораздо больше оснований предполагать, что это имя звучало как Рангха, чему есть ведийское соответствие — Раса.

[5] Gnoli [39, с. 7, 133] идентифицирует море Ворукаша с оз. Хамун-и-Гильменд в Афганистане. Согласно Видевдаду, море Ворукаша — это опоясывающий землю океан (Vd, XXI, 4; 47, с. 630—632).

[6] Г Веллер возводит слово ардви (arədvī) к древнеиранскому корню rd, а его — к корню r, первоначальное значение которого — «течь»; он сравнивает это слово также с древнеиндийскими ár — па «воды, дождь», ar — nava — «океан» и ar — dra — «влажный, мягкий» и считает, что слово arədvī означало «текущий — благословенный — щедрый» [64, с. 73]

[7] См., например, изображение Ардви Суры с двумя детьми на сасанидском кувшине [72, с. 14, рис. 9] и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Tomaschek W* Ethnologisch-linguistische Forschungen über den Osten Europas. Das Ausland, 1883.
2. *Jackobson H.* Arier und Ugrofinnen. Göttingen, 1922.
3. *Joki A. J* Uralier und Indogermanen. Helsinki, 1973.
4. *Абаев В. И.* К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Древний Восток и античный мир. М., 1972.
5. *Абаев В. И.* Доистория индоиранцев в свете арио-уральских контактов // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М.: Наука, 1981.
6. *Toivonen V H.* Zur Frage der finnisch-ugrischen Urheimat // JSFO. 1952. Т. 56. № 1.
7. *Серебренников Б. А.* Волго-окская топонимика на территории европейской части СССР // ВЯ. 1955. № 6.
8. *Аристэ П. А.* Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956.
9. *Лыткин В. И.* Историческая грамматика коми языка. Ч. 1. Сыктывкар, 1957.
10. *Itkonen E.* Die Vorgeschichte der Finnen aus der Perspective eines Linguisten. Wiesbaden, 1960.
11. *Ласло Дъ.* К вопросу о формировании финно-угров // Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972.
12. *Hajdu P.* Über die alten Siedlungsräume der uralischen Sprachfamilie // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1964.
13. *Марк К. Ю.* Происхождение финно-угорских народов с точки зрения антропологии // СФУ. 1970. № 3.
14. *Марк К. Ю.* Соматологические материалы к проблеме этногенеза финно-угорских народов // Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М.: Наука, 1974.
15. *Давыдова Г М.* Об участии древнеуральского населения в формировании западных финнов (по материалам археологии) // Вопросы финно-угроведения (Тез. докл. на XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов). Сыктывкар, 1979.
16. *Давыдова Г М.* Антропологические особенности некоторых финно-угорских народов и вопросы их этногенеза // СЭ. 1975. № 6.
17. *Зубов А. А.* Географическая изменчивость одонтологических комплексов финно-угорских народов // Финно-угорский сборник. М.: Наука, 1982.
18. *Членова Н. Л.* Распределение и пути связей древних культур Восточной Европы, Казахстана, Сибири и Средней Азии в эпоху поздней бронзы // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М.: Наука, 1981.
19. Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978.
20. Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983.
21. *Членова Н. Л.* Археологические материалы к вопросу об иранцах доскифской эпохи и индоиранцах // СА. 1984. № 1.
22. Археологическая карта Башкирии. М.: Наука, 1976.
23. *Васильев И. Б.* Памятники бронзового века в окрестностях г. Куйбышева // Самарская Лука в древности. Куйбышев, 1975.

24. *Матвеева Г. И.* Итоги работы Средневолжской археологической экспедиции 1969—1974 гг. // Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев, 1976.
25. *Агапов С. А., Васильев И. Б.* Новые поселения срубной культуры в Куйбышевском Заволжье // Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев, 1976.
26. *Березанская С. С., Гершкович Я. А.* Андроновские элементы в срубной культуре на Украине // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
27. *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969.
28. *Смирнов А. П.* Возникновение производящего хозяйства и финно-угры // Congressus internationalis fenno-ugristarum. IV. Budapest, 1975.
29. *Мейнандер К. Ф.* Проблема происхождения финно-угров по данным археологии // Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М.: Наука, 1974.
30. *Mikkola J.* Der Name Wolga // FUF. 1929. B. XX. Hf. 1—3.
31. *Гордеев Ф. И.* О происхождении гидронима Волга // Ономастика Поволжья. Вып. 1. Ульяновск, 1969.
32. Географические названия // Вопр. географии. 1962. Вып. 58.
33. *Levy E.* Some Remarks on Aryan and Mordvin Linguistic Relations // Transaction of the Philological Society — 1946. L., 1948.
34. *Георгиев В. И.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958.
35. *Vasmer M.* Russisches Ethymologisches Wörterbuch. B. II. Heidelberg, 1955.
36. Ригведа. Избранные гимны / Вступ., пер., коммент. Елизаренковой Т. Я. М., 1972.
37 *Lommel H.* Rasā // Zeitschrift für Indologie und Iranistik. 1926. IV
38. *Bhargava M. L.* The Geography of Rigvedic India. Lucknow, 1964.
39. *Gnoli Gh.* Zoroaster's Time and Homeland. Naples, 1980.
40. The Zend-Avesta / Transl. Darmesteter J. // SBE. V IV. Oxford, 1883.
41. The Zend-Avesta / Transl. Darmesteter J. // SBE. V. XXIII. Oxford, 1895.
42. Ардвисур-Яшт // *Брагинский И. С.* Из истории таджикской и персидской литератур. М., 1972.
43. Авеста. Ардвисур-Яшт / Пер. Брагинского И. С. // Литература древнего Востока. Иран, Индия, Китай. Тексты. М.: Изд-во МГУ, 1984.
44. Авеста. Гимн Ардви-Суре (Яшт 5) / Пер. с авест. и примеч. Стеблин-Каменского И. М. // Памир. 1983. № 5—7, 9.
45. *Markwart J.* Wehrot und Arang. Leiden, 1938.
46. *Nyberg H.* Die Religionen des alten Iran. Leipzig, 1938.
47. *Herzfeld E.* Zoroaster and nis World. V II. Princeton, 1947.
48. *Boyce M.* History of Zoroastrism (Handbuch der Orientalistik, I. Abteilung VIII. B. 1. Abschnitt: Lieferung 2. Hf. 2-A). Leiden; Köln, 1975.
49. *Lommel H.* Anahita — Sarasvati // Asiatica. Festschrift Friedrich Weller Leipzig, 1954.
50. *Bartolomae Ch.* Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904.
51. *Ghirshman R.* L'Iran et la migration des Indo-Ariens et des Iraniens // Comptes-rendus des séances de l'année 1976 (nov.-déc.) Académie des Inscriptions et Belles-lettres, 1976.
52. *Ghirshman R.* L'Iran et la migration des Indo-Ariens et des Iraniens. Leiden, 1977
53. *Гиршман Р.* Иран и миграции индоариев и иранцев // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М.: Наука, 1981.
54. *Лавров Л. С.* Бобры Палеоарктики. Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1981.
55. *Членова Н. Л.* Предыстория торгового пути Геродота // СА. 1983. № 1.
56. *Рыбаков Б. А.* Русские земли на карте Идриси 1154 года // КСИИМК. 1952. Вып. XLIII.
57 Продолжение летописи по Воскресенскому списку / Под ред. Бычкова А. Ф. // ПСРЛ. 1859. Т. VIII.
58. *Булатов А. В.* Топонимы и этнонимы Волго-Камья у Ибн-Фадлана, Идриси, на карте Каталонского атласа, Фра Мауро и на картах XVI—XVII вв. // Ономастика Поволжья. Вып. 1. Ульяновск, 1969.
59. *Лыткин В. И.* К этимологии слов угры и югра // Этимология-1968. М., 1971.
60. *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Гора Иремель // Землеведение. 1894. Кн. 1.
61. Урал (Уральские горы) // БСЭ. 2-е изд. 1956. Т. 44.
62. Башкирская АССР // БСЭ. 2-е изд. 1950. Т. 4.
63. *Дрезден М.* Мифология древнего Ирана // Мифологии древнего мира. М., 1977.
64. *Weller H.* Anahita. Tübingen, 1938.
65. *Тепляшина Т. И.* Основные типы топонимики юга Удмуртии // Географические названия Прикамья. Пермь, 1968.
66. *Кривощекова-Гантман А. С.* Гидронимия коми-пермяцкого происхождения // Географические названия Прикамья. Пермь, 1968.
67. *Инжеватов И. К.* О происхождении некоторых мордовских топонимов // Ономастика Поволжья. Вып. 1. Ульяновск, 1969.
68. *Азнагулов Р. Г.* Топонимы финно-угорского происхождения в бассейне рек Самара, Сакмара, Сим // Ономастика Поволжья. Вып. 2. Горький, 1971.
69. *Топоров В. Н.* Апас // МНМ. 1980. Т. 1.
70. *Widengren G.* Die Religionen Irans. Stuttgart, 1965.
71. *Елизаренкова Т. Я.* Комментарий // Ригведа. Избранные гимны. М., 1972.
72. *Ringbom L.-I.* Zur Ikonographie der Göttin Ardvi Sura Anahita. Åbo, 1957.
73. *Смирнов И. Н.* Мордва. Казань, 1895.

74. *Маскаев А. И.* Мордовская народная сказка. Саранск, 1947.
75. Ведь-ава // МНМ. 1980. Т. 1.
76. *Мокшин Н. Ф.* Этнические взаимоотношения между мордвой и марийцами (по материалам дохристианских религиозных верований) // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.
77 *Маскаев А. И.* Сказки // Мордовское народное устно-поэтическое творчество. Очерки. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1975.
78. Лирические песни. Песня № 127 // Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 2. Саранск, 1965.
79. *James E. O.* The Cult of the Mother Goddess. L., 1959.
80. *Брагинский И. Б.* Ардвисура Анахита // МНМ. 1980. Т. 1.
81. *Windischmann W* Die persische Anahita oder Anaitis // Abhandlungen Bayr. Ak. d. Wiss. 1856. VIII. 1.
82. *Рапопорт Ю. А.* Из истории религии древнего Хорезма. М.: Наука, 1971.
83. *Karjalainen K. F* Die Religion der Jugra-Völker. B. II. (FFC. V XI. № 44). Helsinki, 1922.
84. *Скалон В. Н.* Речные бобры Северной Азии. М., 1951.
85. *Кулемзин В. М., Лукина Н. В.* Васюганско-ваховские ханты. Томск, 1977.
86. *Кулемзин В. М.* Шаманство васюганско-ваховских хантов (конец XIX — начало XX в.) // Из истории шаманства. Томск, 1976.
87. *Лукина Н. В., Кулемзин В. М.* Новые данные по социальной истории восточных хантов // Из истории Сибири. Вып. 21. Томск, 1976.
88. *Соколова З. П.* Социальная организация хантов и манси в XVIII—XIX вв. М., 1983.
89. *Оглоблин Н.* Остяцкие знамена XVII в. // Исторический вестник. 1898. X.
90. *Симченко Ю. Б.* Тамги народов Сибири XVII в. М.: Наука, 1965.
91. *Равдоникас В. И.* Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Ч. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936.
92. *Савватеев Ю. А.* Наскальные рисунки Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1983.
93. *Замятнин С. Н.* Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы // СА. 1948. Т. X.
94. *Шемякина А. С.* Подвеска с изображением бобров из Прииртышья // Вопросы этнокультурной истории Сибири. Томск, 1980.
95. *Увесен А.* В бобровом лесу. М.: Мысль, 1983.
96. *Мошинская В. И., Лукина Н. В.* О некоторых особенностях в отношении к собаке у обских угров // Археология и этнография Приобья. Томск, 1982.
97 *Kannisto A* Materialen zur Mythologie der Wogulen // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 113. Helsinki, 1958.
98. *Сенкевич-Гудкова В. В.* Мамонт в фольклоре и изобразительном искусстве казымских хантов // Сб. МАЭ. 1949. Т. XI.
99. *Иванов С. В.* Мамонт в искусстве народов Сибири // Сб. МАЭ, 1949. Т. XI.
100. Эрзянские сказки (сказка № 9) // Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 2. Ч. 2. Саранск, 1967.

N. L. Chlenova

IDEAS OF THE EARLIEST IRANIANS AND FINNO-UGRIANS ABOUT THE VOLGA BASIN AND THE SOUTHERN URALS IN THE SECOND AND EARLY FIRST MILLENNIA B. C.

Summary

The author takes as her subject the image of the Volga in the earliest Iranian (the earliest parts of the "Avesta") and Finno-Ugric sources. She has studied Yasht V and the first and thirteenth farghards of the "Vivevdad" and the hypotheses forwarded by Markvart, Nuberg, Girshman and Rappoport. Her investigations led her to the conclusion that the earliest Iranians first referred to the Volga as Rangha and Ardvi Sura; the great river was presented as a beaver or, at the initial stages, as a female beaver. The sources of the Belaya River at the Iremel Mnt in the southern Urals were considered to be the Volga sources. The conclusions are supported by geographical, zoogeographical, zoological and toponymical data. The earliest Iranian ideas about the Volga have exact analogies in the folklore and ethnography of the Finno-Ugric peoples, the aborigines of the middle Volga and the Urals. In the second and the early first millennia B. C. they were the closest neighbours of the earliest Iranians.

Заметки

К. КЫНЧЕВ

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ СКРЕБКОВ

Широкое применение кремневых концевых скребков (grattoir terminal; End scraper) начинается с периода позднего палеолита и прослежено до середины бронзовой эпохи. Концевые скребки в отличие от боковых четко выявляются типологически. Чтобы их узнать, не требуется использование бинокулярного анализа. Орудия могут быть изготовлены из целых и фрагментов пластин, отщепов и осколков. Эффективность и сохранность их при работе прямо зависела от толщины и ширины заготовок. Рабочий край концевых скребков (правый, углубленный или выпуклый) оформлен с помощью затупливающей ретуши ($> 60°$). Таким путем получается острое лезвие, приспособленное для скобления и резания. Край его обычно сохраняет 5—15 негативов.

Технико-типологическая характеристика концевых скребков не была объектом научных споров. Дискуссии, развернувшиеся в печати в последние 7—8 десятилетий, связаны с их функциональным назначением. Впервые этот вопрос был поднят Г де Мортилье и Л. Пфейффером [1, с. 132], и споры продолжаются до настоящего времени. После появления первого монографического труда С. А. Семенова в 1957 г. [2, с. 107—116] и многочисленных публикаций Г Ф. Коробковой [3—6] спор временно прекратился. Убедительно было доказано, что концевые скребки в основном являлись кожеобрабатывающими орудиями [2, с. 107—116]

В 1973 г. В. В. Сидоров [7, с. 228—232], базируясь на морфологической близости концевых скребков и теслообразных орудий (тесла, долота и мотыги) и на экспериментально-трасологических наблюдениях, доказывает деревообрабатывающие функции этих орудий. Можно считать, что В. В. Сидоров присоединяется к мнению Л. Пфейффера, который относит концевые скребки к универсальным орудиям. Однако к этой точке зрения следует подходить с известной долей осторожности.

Упомянутая статья В. В. Сидорова не лишена слабых сторон, но создает впечатление солидной аргументацией и интересной мыслью. В то же время я полагаю, что его критика С. А. Семенова и Г Ф. Коробковой несправедлива. Нас смущает то обстоятельство, что В. В. Сидоров базируется прежде всего на умозрительных аргументах, а не на данных, полученных продолжительным изучением массового материала. Экспериментально-трасологические наблюдения у него не подкреплены сравнительным методом в целях доказательства. В таком случае не нужно забывать, что каждый обрабатываемый материал благодаря своему специфическому свойству оставляет на рабочем крае орудия оригинальный микрорельеф и различный по силе блеск. Идентификация последних, прослеживаемая при трасологических исследованиях изделий, использованных при обработке соломы, кожи, дерева, кости, травы и т. д., пока еще не проведена. Трудно согласиться с утверждением В. В. Сидорова, что микрорельеф и сила блеска одинаковы у дерево- и кожеобрабатывающих орудий [7, с. 230] Отмеченные признаки у этих

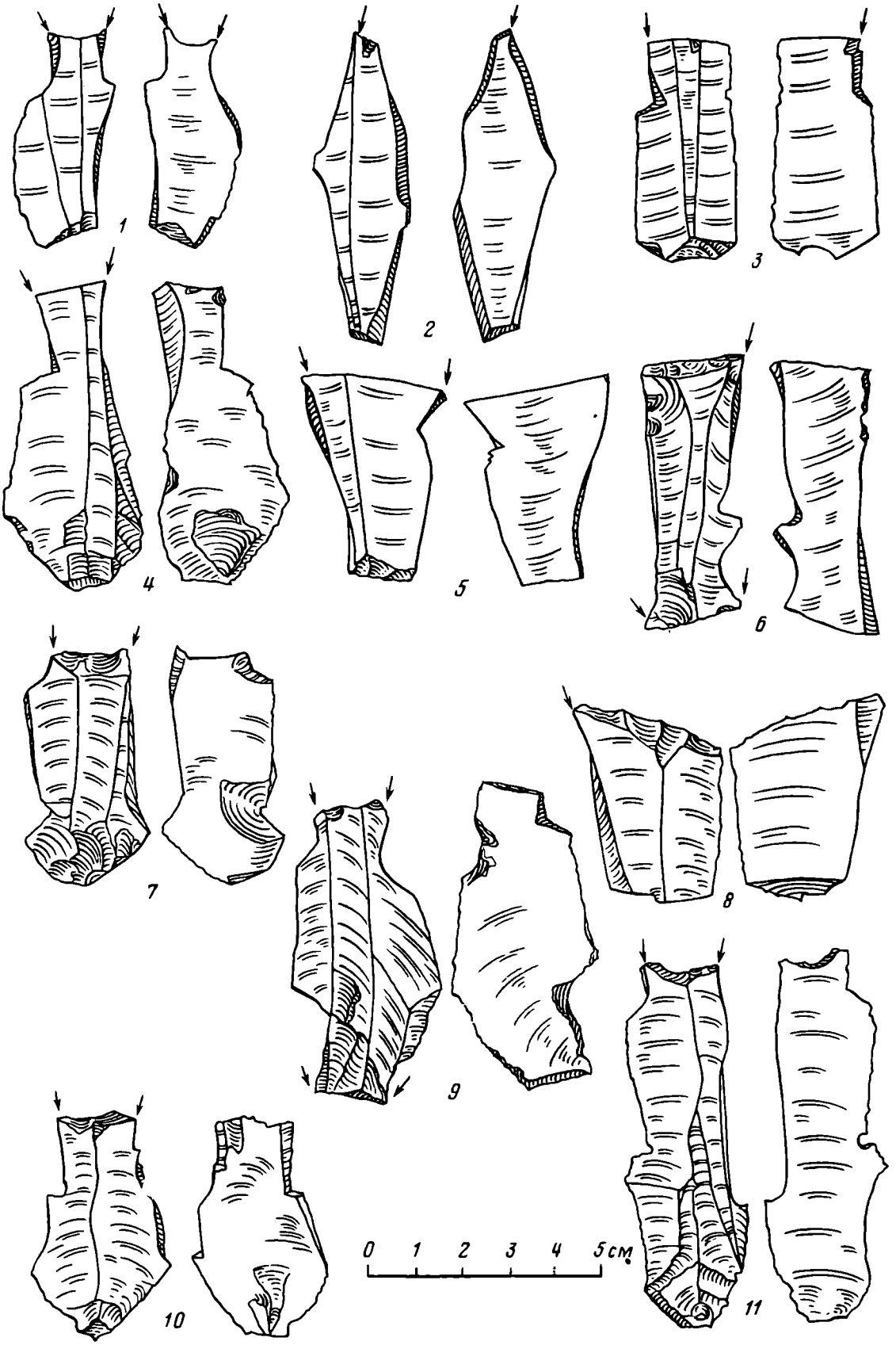


Рис. 1. Концевые скребки 1-го (XII) строительного горизонта многослойного поселения в г. Русе, переделанные в резцы (*1—11*)

двух категорий изделий различны, что хорошо показано работами трасологов. Можно считать необоснованными все сомнения по поводу функциональных определений орудий, сделанных С. А. Семеновым и Г Ф. Коробковой. Следует доверять создателям метода микроанализа, которые не обнаружили среди исследуемых ими концевых скребков изделий со следами обработки дерева, кости, рога, вообще встречающихся довольно редко. Использование концевых скребков для изготовления предметов из дерева, кости и рога связано с известными хозяйственными традициями.

После многих лет изучения орудий эпох неолита — бронзы в Болгарии только в 1986 г. удалось обнаружить концевые скребки с первичным и вторичным употреблением в производстве костно-роговых и деревянных изделий. Речь идет о кремневом материале, добытом в 1-м (XII) строительном горизонте многослойного поселения у г. Русы, где в 1986 г проводились спасательные раскопки. Большая часть культурных наслоений (I—XI) изучена Г Георгиевым и Н. Ангеловым в период 1948—1953 гг. [8, 9]

Интересны и материалы из Езеро — раннебронзового селища в Сливенском округе, где зафиксировано вторичное употребление концевых скребков, о чем будет сказано ниже.

В слое 1-го (XII) строительного горизонта на площади 2 605 м^2 многослойного халколитического селища у г. Русы найдено 405 концевых скребков. Среди них больше всего кожеобрабатывающих орудий с различной степенью употребления. Незначительная часть (107 экз., или 26,32%) использовалась как скобели и реже как строгальные ножи. При скоблении быстро изнашивается режущая кромка, в результате чего получается вогнутый край скобеля. Когда употребление скобеля с вогнутым лезвием из-за крайней степени изношенности становилось невозможным, концевые скребки были переделаны в резцы. Такое превращение осуществлялось путем вертикальных ударов по двум боковым краям рабочего лезвия (рис. 1, *1, 4, 7, 11*), в результате чего получались разнотипные резцы с хорошо прослеживаемой изношенностью от продолжительного употребления. Методом микроанализа фиксируется как рабочая сторона, так и тыльный конец концевых скребков, переделанных в ходе утилизации в разные типы резцов (рис. 1, *2, 3, 5, 6, 9*). На многих экземплярах наблюдается ряд неудачных опытов модификации каждого изношенного концевого скребка и трансформации его в резец, т. е. скребок приобретает вторичную функцию и вновь используется в деревообрабатывающей сфере. Впечатляет упорство и усилие, с какими изношенные концевые скребки превращали в резцы, а также стремление использовать до предела режущие возможности каждого орудия. Налицо экономичное использование кремневого сырья и рациональное употребление каждого орудия независимо от близости селища к богатым источникам добруджанского кремня.

Описанная модификация изношенных скребков, использованных в функции деревообрабатывающих орудий и переделанных в резцы, наблюдается впервые, что позволяет считать это явление интересным феноменом кремневой индустрии Северной Болгарии. Факт превращения изношенных скребков-скобелей в резцы свидетельствует о существовании своеобразной технической традиции. Если судить по некоторым залощенным участкам на обушковом торце ряда концевых скребков и резцов, можно предполагать, что многие из них употреблялись в рукоятках.

В 1985 г. проводилось технико-типологическое и функциональное изучение кремневых артефактов из селища Езеро, полученных в результате работ болгаро-советской экспедиции [10] Данные их микроанализа позволили проследить, как концевые скребки эпох энеолита — ранней бронзы были трансформированы во вкладыши серпов. Традиция оформления тыльной части вкладыша, крепившегося в паз оправы серпа, знакома и по нашим наблюдениям при изучении кремневого инвентаря из многих первобытных селищ Фракии. Такая

обработка рабочего края концевых скребков, переделанных в серпы, еще раз свидетельствует об использовании упомянутой традиции, обусловленной спецификой техники крепления вкладышей в рукоятке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Pfeiffer L.* Die Steinzeitliche Technik und ihr Beueihungen zur Gegenwart. Jena, 1912.
2. *Семенов С. А.* Первобытная техника // МИА. 1957. № 54.
3. *Коробкова Г Ф.* Определение функций каменных и костяных орудий с поселения Джейтун по следам работы // Тр. ЮТАКЭ. 1960.
4. *Коробкова Г Ф.* Применение метода микроанализа к изучению функций каменных и костяных орудий // Археология и естественные науки. М.: Наука, 1965.
5. *Коробкова Г. Ф.* Результаты изучения производственных функций каменных орудий из Усть-Нарыма // Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963.
6. *Коробкова Г Ф.* Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии // МИА. 1969. № 158.
7. *Сидоров В. В.* К вопросу о функциях скребков // СА. 1973. № 3.
8. *Георгиев Г Ил., Ангелов Н.* Разкопки на селищната могила до Руссе през 1948—1949 // ИАИ. 1952. Кн. XVIII.
9. *Георгиев Г Ил., Ангелов Н.* Разкопки на селищната могила до Руссе през 1950—1953 // ИАИ. 1957 Кн. XXI.
10. *Kunchev K.* Studies in Technique-Typology and Functions of Prehistoric Flint. Artifacts from Ezero, Sliven District // Филиопополски седмици на тракийската история и култура. Пловдив, 10—12 октомври 1986 г.

В. Р. ЭРЛИХ

КОРЧАГА ИЗ МАЙКОПСКОГО МУЗЕЯ

В краеведческом музее Майкопа хранится корчага из раскопанного в 1980 г. А. Д. Резепкиным [1] погребения, впущенного в курган № 24 уроч. «Клады» у ст. Новосвободная Адыгейской АО.

Лепная корчага имеет реповидное тулово, плоское дно, высокое цилиндрическое горло и отогнутый под прямым углом венчик. На плечиках расположена плоская ручка-упор. Высота сосуда 28 см, диаметр дна 8,5, максимальное расширение тулова 33, диаметр венчика 16,5 см (рис. 1, *1, 2*).

Плечики корчаги украшены шестью разными значками (рис. 1, *2*; 2). Три из них представляют собой полуокружности с отходящими лучами. Четвертый значок состоит из двух прямоугольников, заштрихованных вертикальными линиями и соединенных между собой прямой линией. Пятый значок похож на предыдущий, но вместо верхнего прямоугольника имеется завиток, напоминающий рог животного. Шестой значок состоит из двух завитков, покрытых мелкими насечками. Между завитками находится крючкообразная черточка.

Комплекс, из которого происходит корчага, дает возможность датировать ее первой половиной VII в. до н. э. Это погребение всадника с лошадью, в котором были найдены бронзовые двукольчатые удила новочеркасского типа и железный наконечник копья листовидной формы [1, с. 10—12] Инвентарь и погребальный обряд позволяют отнести это погребение к аналогичным, происходящим из грунтового могильника VIII—VII вв. до н. э. Фарс, расположенного поблизости от урочища «Клады» [2] Подобные по форме корчаги часто встречаются в этом могильнике.

Возвращаясь к значкам, нанесенным на плечики сосуда, следует отметить, что в отличие от всех видов орнаментации керамики могильника Фарс здесь отсутствует определенный ритм и симметрия. Этот факт позволяет думать, что данные рисунки выступают не как утратившие свой первоначальный смысл

[1] Выражаю признательность А. Д. Резепкину за разрешение опубликовать корчагу.

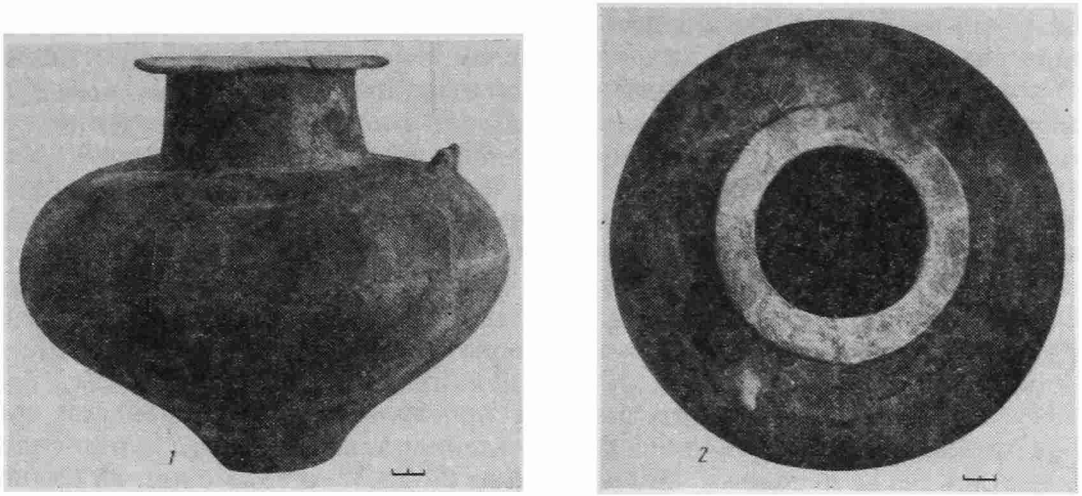


Рис. 1. Корчага из Майкопского музея (*1, 2*)

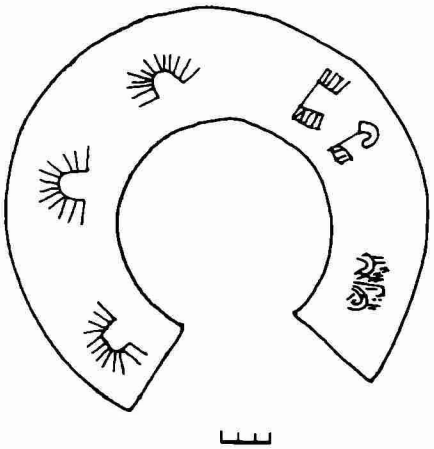


Рис. 2. Прорисовка значков на плечиках корчаги

элементы орнамента, а как пиктограмма, несущая определенную смысловую нагрузку.

В археологической литературе пиктограммы на сосудах, содержащие солярные символы, чаще всего интерпретируются как календарные системы. В. Б. Виноградовым были опубликованы пять северокавказских календарных фризов, встречающихся на сосудах второй половины VIII—VI в. до н. э., происходящих из Пятигорья [3, с. 198—203, рис. 25, с. 341] Один из этих сосудов стал предметом специального исследования Б. А. Рыбакова [4, с. 158—162] Однако пятигорские изображения не имеют ничего общего с рисунками на корчаге. Эти фризы отличаются большой ритмичностью рисунка и совершенно другой традицией в изображении солярных символов — свастик, в то время как солярные символы на нашей корчаге (полуокружности с лучами) находят аналогии в орнаментах черпаков могильника Фарс.

Как и все подобные системы, эти значки следует рассматривать по часовой стрелке или по ходу солнца. Начинать надо от ручки, ибо она служит определенной гранью, разрывающей цикл. Три солярных знака, следующих друг за другом, дают возможность предполагать, что здесь имеется в виду солнечное время года, время весенне-летнего сезона. Три остальных знака в таком случае следует отнести к осенне-зимнему времени.

Если это календарь, то прежде всего вызывает недоумение шестичастное деление года. Все известные календарные системы древнего мира состояли из 12 месяцев. Египтяне, наблюдавшие за движением Сириуса еще в глубокой древности, составили календарь, состоящий из 12 месяцев по 30 дней в каждом, к которым в конце каждого года прибавляли еще 5 дней. В Вавилоне использовался лунный календарь, состоящий из 12 лунных месяцев, а так как лунный год короче солнечного, то каждые 3 года добавлялся високосный 13-й месяц. Этот же календарь был принят в качестве государственного в Ахеменидской державе [5, с. 277, 278]

Если все-таки допустить, что это календарь, то, вероятнее всего, он связан не с каким-либо астрономическим циклом, а циклом сезонным.

Установлено, что на четыре сезона делили свой год хетты [6, с. 7, 8], шестисезонное же деление года было распространено в индоиранской среде.

Год древнеиндийского (ведического) календаря, который был лунно-солнечным, делился на 12 месяцев с числом дней от 29 до 32, а также на два больших сезона (айяны) и 6 мелких (рути), связанных с временами года по два месяца в каждом: 1 — весна (васант) — март — май; 2 — жаркий сезон (гришма) — май — июль; 3 — сезон дождей (варша) — июль — сентябрь; 4 — осень (шарат) — сентябрь — ноябрь; 5 — зима (хеманта) — ноябрь — январь; 6 — холодный сезон (шишира) — январь — март.

Древнеиндийский год начинался в день осеннего или весеннего равноденствия [7, с. 133]

Похожее деление года существовало и у древних иранцев. Реконструируя древнейший из известных иранских календарей — староавестийский, С. Такизаде указывал на его сходство с древнеиндийским ведическим календарем. В Иране, как и в Индии, год делился на две половины — летнее и зимнее время [8, с. 14] Кстати, такое двойное деление на осенне-зимнее и весенне-летнее время различимо и в рисунках рассматриваемой корчаги.

В Иране также существовало шесть более мелких сезонов. Такой сезон назывался сйария рататво или гах. Однако в отличие от индийских иранские сезоны имели неодинаковую продолжительность. Это несоответствие Такизаде объясняет разницей климатических условий, в которых оказались индоарийцы и протоиранцы в результате своих миграций на юг [8, с. 15].

Начало и конец каждого сезона в Древнем Иране знаменовали гаханбары — религиозные и земледельческие праздники, длящиеся по пять дней. По более поздним традициям — Бируни [2] и Большому Бундахишну [10, с. 22—23] — нам известен мифологический смысл гаханбаров как определенных этапов в зороастрийской космогонии.

В зороастрийских гаханбарах древнейшую часть иранского календаря видели также К. А. Иностранцев [11, с. 307, 308] и Н. П. Лобачева [12, с. 13] Однако в отличие от Такизаде Н. П. Лобачева в своем новейшем исследовании считает, что год в древнеиранском календаре начинался не со дня летнего солнцестояния, а со дня весеннего равноденствия [12, с. 13]

Вышеприведенные аналогии свидетельствуют, что древнейшей индоиранской традицией являлось деление года на два больших или шесть мелких сезонов.

---

[2] Первый гаханбар праздновался в начале весны, он назывался Мадьюзарам-гах, в это время бог якобы создал небо [9, с. 239]. Второй гаханбар — Мадьюшема-гах, по Бируни, приходился на конец весны, он связан с сотворением богом воды [9, с. 251]. Третий гаханбар приходится на лето, он назывался Пайтиша-хим-гах [99, с. 230] В это время бог создал землю. Четвертый гаханбар праздновался в последние дни лета, его название — Аятрем-гах. Он связан с созданием растений [9, с. 231]. Пятый гаханбар — Майдьярим-гах приходился на шестой месяц сасанидского календаря (конец ноября — начало декабря). Считалось, что в это время бог создал животных [9, с. 233]. Шестой гаханбар — Хамашпатмандаим-гах (время создания богом людей) — падал на зимнее время [9, с. 236].

Она и дает нам возможность предполагать, что значки на корчаге изображают времена года [3]

Объяснить появление сезонного календаря индоиранского типа в Закубанье следует скорее всего влиянием ираноязычного населения Северного Причерноморья. Контакты Закубанья со степью, имеющие давнюю историю и начинающиеся с эпохи бронзы, многократно усиливаются в VIII—VII вв. до н. э. в период киммерийско-скифских передвижек. Степное влияние, хорошо прослеживающееся в это время в материальной культуре Закубанья, в частности в его предгорной части (могильник Фарс), очевидно, наложило отпечаток и на духовную культуру местного населения. На наш взгляд, не исключена также и возможность непосредственного присутствия ираноязычных групп в этом регионе в VIII—VII вв. до н. э.

---

[3] Конечно, представляется заманчивым сопоставить мифологическое значение гаханбаров с рисунками на корчаге, однако слишком большая абстрактность последних не позволяет нам этого сделать. Исключение составляет, пожалуй, пятый гаханбар — создание богом животных, которому соответствует рисунок, имеющий завиток, напоминающий рог животного.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Резепкин А. Д.* Отчет Майкопского отряда Кубанской экспедиции ЛОИА за 1980 г.// Архив ИА АН СССР Р-1. № 8244.
2. Отчеты Кавказской экспедиции ГМИНВ за 1981, 1982, 1983 гг.// Архив ИА АН СССР. Р-1. № 8848, 8672, 9855.
3. *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.
4. *Рыбаков Б. А.* Календарный фриз северокавказского сосуда VIII—VII вв. до н. э.// Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1974.
5. *Дандамаев М. А., Луконин В. Г* Культура и экономика Древнего Ирана. М.: Наука, 1980.
6. *Ардзинба В. Г* Ритуалы и мифы Древней Анатолии. М.: Наука, 1982.
7 *Селешников С. И.* История календаря и хронология. М.: Наука, 1972.
8. *Taqizadeh S. H.* Old Iranian Callendars. L., 1938.
9. *Бируни Абурейхан.* Избранные произведения. Т. 1. Ташкент, 1957.
10. *Cristiansen A.* Lé premier homme et le premier roi dans l'histoire legendare des iraniens. Archives d'etudes orientales. V 14. Stockholm, 1918.
11. *Иностранцев К. А.* О домусульманской культуре Хивинского оазиса // ЖМНП. 1911. № 2.
12. *Лобачева Н. П.* К истории календарных обрядов у земледельцев Средней Азии // Древнейшие обряды, верования и культы народов Средней Азии. М.: Наука, 1986.

Е. А. БЕГОВАТОВ

БИМЕТАЛЛИЧЕСКИЙ КИНЖАЛ С ЗООМОРФНОЙ РУКОЯТКОЙ ИЗ МУРЗИХИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Первый Мурзихинский могильник расположен на мысу надлуговой террасы левого берега Камы (Алексеевский р-н ТАССР), недалеко от места впадения ее в Волгу. С 1966 г. на этом месте находили различные вещи ананьинского времени, а также отдельные разрушенные могилы. Раскопки 1984 г. [1], проведенные в месте наибольшего количества найденных вещей, выявили ряд полуразрушенных погребений с инвентарем, аналогичным обнаруженному в размыве. В последующие годы после весеннего разрушения берега также наблюдались остатки единичных могил с инвентарем. Среди последних находок (кельты с линзовидной и шестигранной втулкой, втульчатые двухлопастные наконечники стрел с выступающим шипом и др.) был обнаружен хорошей сохранности биметаллический двулезвийный кинжал (рис. 1)

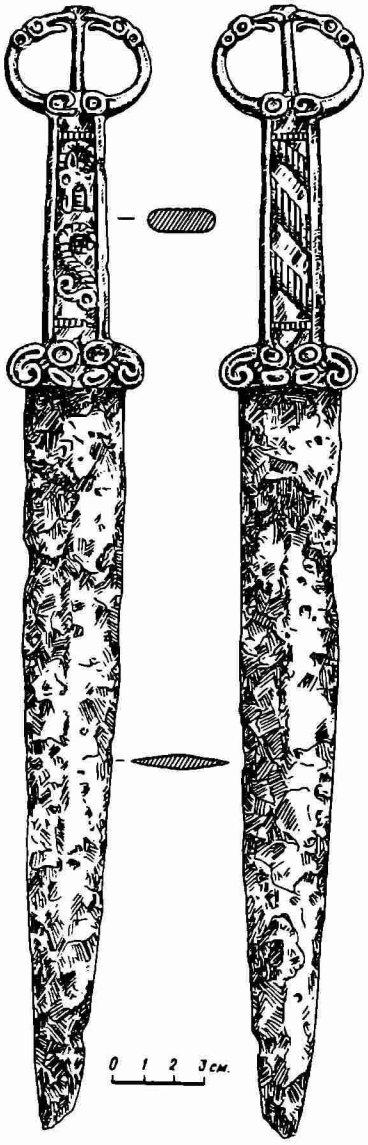


Рис. 1. Кинжал из Мурзихинского могильника (прорисовка)

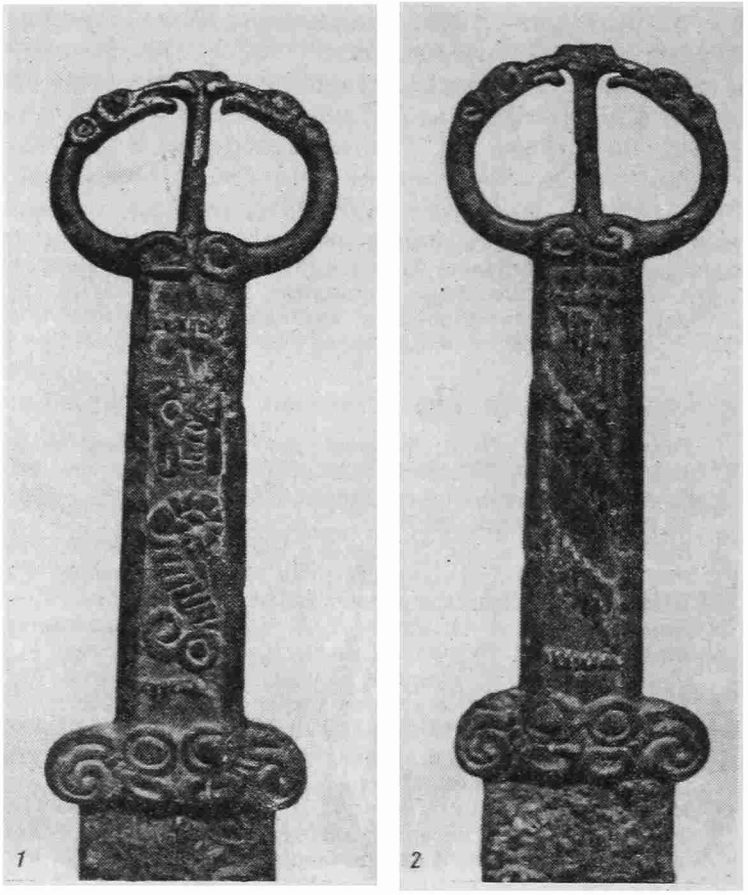


Рис. 2. Рукоятка кинжала с зооморфными изображениями (*1, 2*)

Длина кинжала 38 см, острие немного обломано (ок. 1,5 см). Железный клинок длинный, узкий (относительная ширина его: ширина у перекрестия/длина клинка = 33/380 = 0,087), ромбический в сечении (толщина у перекрестия 7 мм) со слабо сходящимися лезвиями. Бронзовая рукоятка, покрытая патиной цвета морской волны, отлита в форме, в которую был предварительно вставлен клинок с черенком. Один из концов перекрестия был недолит при заливке (или обломан в дальнейшем), поэтому он был реставрирован вторичной заливкой бронзы, цвет которой отличается от цвета рукоятки.

Перекрестие оформлено в виде симметрично повернутых в разные стороны стилизованных голов грифонов, фактически состоящих из четырех отдельных деталей: сильно изогнутых клювов, глаз в глазницах и помещенных под ними ушей и ноздрей, обозначенных двумя отдельными штрихами (рис. 2).

Овальное навершие кинжала для придания большей прочности пересекает перемычка, в верхнюю часть которой упираются длинные, слегка изогнутые клювы смотрящих друг на друга грифонов. Глаза грифонов образованы выпуклой точкой, охватываемой окружностью, а уши переданы круглой ямкой. Нижняя часть овала состоит из когтей (?) со стороны одного грифона и кружка (глаза?)

другого. Таким образом, все детали навершия и перекрестия подчеркивают силу, обоняние, зрение и слух грифонов.

Боковые стороны плоской ручки образованы для прочности небольшими валиками. Пространство между валиками с одной стороны заполнено тремя группами косых штрихов. Противоположная сторона ручки особенно примечательна — на ней два отдельных изображения: голова волкобарана и туловище дракона с головой грифона (рис. 2, *1, 2*). На голове волкобарана чешуйчатые мощные изогнутые рога, внутри которых продолговатые, такие же, как и у грифонов на перекрестии, уши. Глаза мифического зверя круглые, ноздри каплевидные, морда прямая без горбинки, широко раскрытая пасть которой заполнена длинными зубами. Чешуйчатое тело S-образного дракона образовано поперечными полосами. Голова дракона состоит из круглого глаза и сильно изогнутого клюва. Геометрический орнамент и зооморфные изображения на ручке ограничены сверху и снизу короткими штрихами.

Среди известных ананьинских кинжалов наиболее близкими к найденному являются биметаллические кинжалы с зооморфными изображениями на ручке с городища Грохань и известный ядринский кинжал [2, табл. LIII, *12, 13*]. Бронзовые антенные навершия этих кинжалов — ушастые грифоны, а на рукоятке последнего — ползущий волк. К сожалению, у этих кинжалов отсутствуют клинки. Еще одно зооморфное изображение в виде головы ушастого грифона с сильно изогнутым клювом известно на рукоятке ножа из Котловского могильника. На ней изображена нога грифона с когтями, похожими на когти грифона, помещенного на навершии нашего кинжала. Однако по стилю наиболее близким к данному является кинжал, найденный в Минусинской котловине и опубликованный Д. Клеменцем [3, табл. XIV, *7*] Для этого кинжала характерны те же пропорции, а также изображения грифонов на перекрестии и антенновидном навершии. Овальное же навершие с перемычкой посередине встречается в собрании сибирских древностей В. Радлова [4, табл. IX, *12*] Другие зооморфные изображения можно найти среди материалов раскопок Башадарского и Туэктинского курганов Центрального Алтая [5, табл. L, *4, 6,* рис. 131, *м*] Н. Л. Членова считает такие изображения характерными для Центрального Алтая. Отметим, что S-образные изображения с головами животных были найдены на подвесках из Уфимского могильника [6, табл. XXXII, *4, 5*]

Найденные вместе с кинжалом вещи, биметалличность кинжала и его оформление позволяют датировать его концом VI — началом V в. до н. э. По-видимому, указанный диапазон можно сузить до последней даты, поскольку, по мнению Н. Л. Членовой, изображение горного барана с прямой мордой и толстыми рогами, парных голов клювами друг к другу, изображение ушей грифона с помощью круглых ямок характерно для V в. до н. э. [6, с. 135].

Большое сходство найденного кинжала с сибирскими вещами еще не позволяет судить с уверенностью о его импортном происхождении, поскольку в указанное время велико было мастерство и самих ананьинских литейщиков. Свидетельство этому — большое количество изделий с разнообразными зооморфными украшениями, происходящих с территории Волго-Камья. Может быть, и анализ химического состава бронзы (интересно будет сравнить анализы с разных концов перекрестия) поможет внести ясность в данный вопрос.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беговатов Е. А., Марков В. Н., Патрушев В. С.* Исследования Мурзихинского I могильника. М.: Наука, 1986.
2. *Кузьминых С. В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М.: Наука, 1983.
3. *Клеменец Д.* Древности Минусинского музея. Томск, 1886.
4. *Радлов В. Н.* Сибирские древности. Т. 1. Вып. 2. СПб., 1896.
5. *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
6. *Членова Н. Л.* Карасукские кинжалы. М.: Наука, 1976.

Е. В. ЧЕРНЕНКО, В. М. ЗУБАРЬ, Н. А. СОН

БУТЕРОЛЬ ИЗ ТИРЫ

Античная Тира с рубежа нашей эры вплоть до третьей четверти III в. н. э. находилась в орбите внешней политики Рима и была одним из опорных пунктов римского военного присутствия в Северо-Западном Причерноморье. В настоящее время можно считать установленным, что после завоевания Дакии Траяном (101—106 гг.) в Тире размещался римский гарнизон, куда входили солдаты V Македонского, I Италийского, XI Клавдиева легионов и вспомогательных войск [1, с. 50; 2, с. 98—101; 3, с. 235—238; 4, с. 61—67] О пребывании в Тире римских военнослужащих на протяжении сравнительно длительного времени свидетельствуют памятники лапидарной и керамической эпиграфики, а также остатки некоторых сооружений на территории цитадели города, которые, по мнению исследователей, были возведены и использовались римскими солдатами [2, с. 98—101; 3, с. 229—238] Следует особо подчеркнуть, что в отличие от памятников, исследованных на собственно римских лимесах [5, с. 85—132; 6, с. 158—194], в Тире, как и в античных городах Северного Причерноморья, где зафиксировано присутствие римских гарнизонов [7, с. 138—150; 8, с. 187, 188], до настоящего времени обнаружено очень мало предметов типично римского вооружения. К таким хорошо атрибутированным находкам, пожалуй, можно отнести только несколько четырехжальных шипов-рогулек из Тиры, которые использовались римскими войсками для борьбы с конницей неприятеля [3, с. 233, рис. 8]. Римское оружие, очевидно, есть среди материалов святилища, открытого у перевала Гурзуфское седло в Крыму [9, с. 327; 10, с. 282], но утверждать что-либо до полной публикации материалов этого интереснейшего памятника пока нельзя. Исходя из того, что предметы римского вооружения (или их части) на юге нашей страны встречаются очень редко, каждая находка такого рода требует пристального внимания и заслуживает специальной публикации.

При обработке коллекции костяных предметов из раскопок Тиры за 1949—1962 гг., хранящейся в фондах Института археологии АН УССР, было обнаружено окончание ножен (бутероль) длинного римского меча, изготовленное из слоновой кости [1] Бутероль имеет прямоугольную форму с плавным сужением по бокам (рис. 1, *1*; 2). В верхней части бутероли, ближе к углам, пропилены неглубокие углубления-бороздки. В центральной части бутероли, возвышаясь на 1,5—2 мм, помещен овальный выступ, расположенный по длинной оси. Его верхняя и нижняя части несколько заострены. Между ними вдоль выступа проходит невысокий рельефный валик шириной до 2 мм. Форма овального, несколько асимметричного выступа напоминает щиты римского времени (рис. 1, *1*; 2). В верхней трети этого «щита» помещена пара сквозных вырезов в форме буквы С, симметрично расположенных по отношению к продольной оси. На оборотной стороне окончания ножен имеется вырез, повторяющий его форму (рис. 2, *2*). Вдоль боков бутероли проходят закраины шириной до 5 мм, в которых пропилены неглубокие (до 1 мм) пазы. В них, судя по сохранившимся полностью экземплярам [11, табл. 27, № 170], фиксировалась узкая тонкая пластинка-задвижка, изготовленная из того же материала.

Внешняя поверхность бутероли тщательно отполирована и залощена (рис. 2, *1*). Внутренняя обработана лишь предварительно, так как на ней хорошо заметны следы ножа и узкого резца (рис. 2, *2*). Размеры окончания ножен 6×4,4 см. Толщина в верхней части 1,7, в нижней — 0,7 см. Размеры «щита» 6×3 см. Вместе с утраченной тыльной задвижкой бутероль в разрезе имела форму овала.

---

[1] Какие-либо данные об условиях находки в дневниках и отчетах о раскопках Тиры за 1949—1962 гг. отсутствуют. Фонды ИА АН УССР, колекция находок из Тиры без номера.

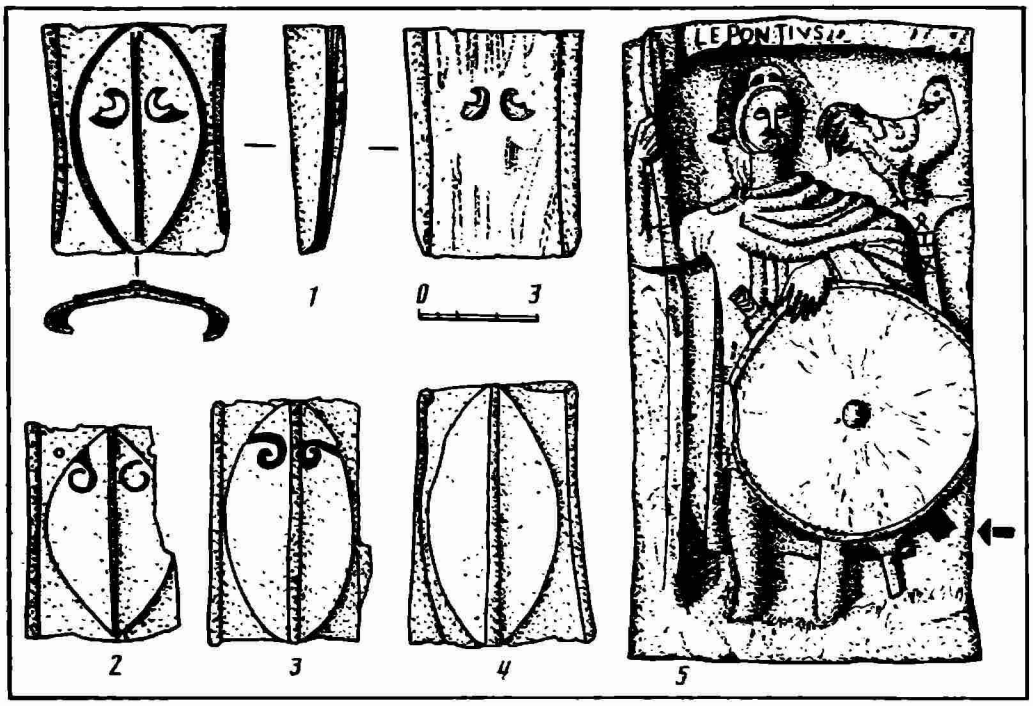


Рис. 1. Бутероли из Тиры и пограничных районов Римской империи. *1* — из Тиры; *2—4* — из римских укреплений на Рейне (по Ю. Олденштейну); *5* — надгробный рельеф из Страсбурга (по П. Конноли)

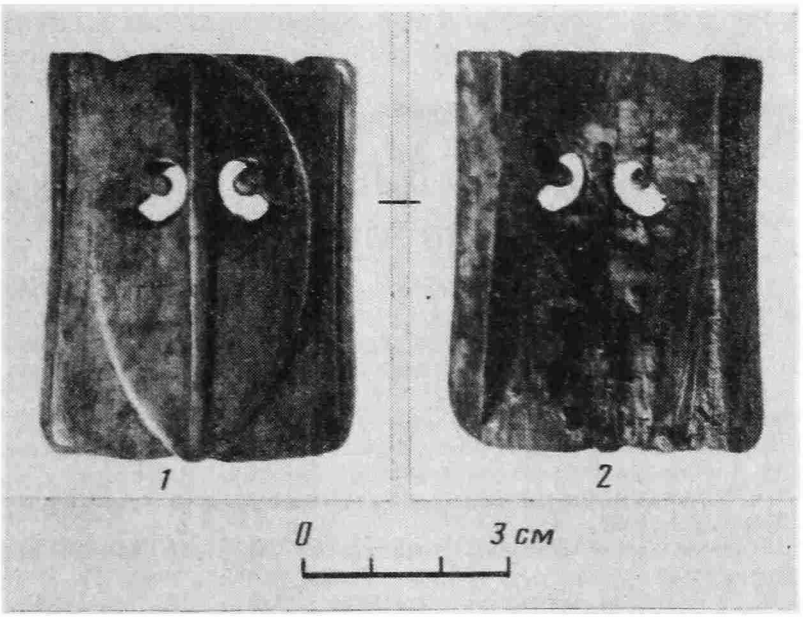


Рис. 2. Бутероль из Тиры (фотография)

Бутероль находилась на самом конце ножен и являлась их декоративным завершением, так как, судя по ее толщине, клинок меча не входил в нее. Способ соединения бутероли с остальной частью ножен не совсем ясен. По-видимому, для этого применялся клеящий состав, наносившийся на шероховатую внутреннюю поверхность, которая способствовала более надежному соединению бутероли с основной частью ножен. С-образные вырезы, очевидно, не несли функциональной нагрузки, а являлись элементами декора.

Бутероль из Тиры входит в большую группу однотипных предметов, изготовленных из слоновой кости, которые, как правило, встречаются в местах дислокации римских воинских подразделений [11, с. 123; 12, с. 73, рис. 33, *4*; 13, с. 103, рис. 37, *11, 12*; 14, с. 439, рис. 26, *10*], в частности на Рейне, где они известны в десятках экземпляров [11, с. 116—120, № 148—185, табл. 25—28] Мечи с подобными бутеролями воспроизводились и на надгробных памятниках римских солдат, о чем можно судить по рельефу из Страсбурга [15, с. 256] (рис. 1, *5*). Судя по материалам обширной подборки бутеролей, приведенной в работе Ю. Олденштейна, наиболее ранние их образцы относятся к середине II в. н. э. [11, с. 120]

Тирская бутероль относится к более поздним экземплярам, которые датируются первой половиной — серединой III в. н. э. [11, с. 120] (рис. 1, *2—4*). С такой датировкой согласился П. Конноли, который поместил абсолютно аналогичное тирскому окончание ножен среди римских военных древностей 200—250 гг [15, с. 261, рис. 6] [2] Косвенно такая датировка бутероли из Тиры подтверждается и тем, что, исходя из нумизматических материалов, римский гарнизон из города был выведен не позднее времени начала правления императора Галлиена (253—268 гг.), когда на месте так называемого здания вексилляции возводится новое сооружение, не связанное с деятельностью римских военнослужащих [2, с. 100, 101, 135; 3, с. 235; 16, с. 50]

Таким образом, рассмотренное окончание ножен длинного римского меча, ближайшие аналогии которому происходят из пограничных областей Римской империи и связаны с римским военным бытом, наряду с другими памятниками является еще одним важным археологическим свидетельством присутствия римских войск в Тире в первой половине — середине III в. н. э.

---

[2] Пользуясь случаем, выражаем благодарность П. Конноли, указавшему ближайшие аналогии окончанию ножен из Тиры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Клейман И. Б., Сон Н. А.* Западнопонтийские и провинциально-римские культурно-экономические связи Тиры // МАСП. 1983.
2. *Карышковский П. О., Клейман И. Б.* Древний город Тира. Киев: Наук. думка, 1985.
3. *Клейман И. Б.* Раскопки помещения вексилляции I Италийского легиона в Тире // МАСП. 1971. Вып. 7.
4. *Сон Н. А.* Новая латинская надпись из Тиры // ВДИ. 1986. № 4.
5. *Groller M.* Römische Waffen // RLO. 1901. Heft II.
6. *Vlădescu C. M.* Armata Romană in Dacia Inferior Bucureşti, 1983.
7. *Блаватский В. Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
8. *Петерс Б. Г.* Военное дело // Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М.: Наука, 1984.
9. *Новиченкова Н. Г* Раскопки античного святилища // АО — 1983. М., 1985.
10. *Новиченкова Н. Г.* Раскопки святилища у Гурзуфа // АО — 1984. М., 1986.
11. *Oldenstein J.* Zur Ausrüstung römischer Auxiliareinheiten. Studien zu Beschlägen und Zierat und der Ausrüstung der römischen Auxiliareinheiten des obergermanisch-raetischen Limesgebietes aus dem zweiten und dritten Jahrhundert n. Chr // Bericht der Römische-Germanischen Komission. 1976. B. 57
12. *Groller M.* Übersicht der im Jahre 1904 ausgeführten Grabungen // RLO. 1906. Heft VII.
13. *Groller M.* Die Grabung im Lager Lauriacum // RLO. 1908. Heft IX.
14. *Planck D.* Neue Forschungen zum Obergermanischen und Raetischen Limes // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. B.; N. Y., 1976.
15. *Connolly P.* Greece and Roma at War. L., 1981.
16. *Крыжицкий С. Д., Клейман И. Б.* Раскопки Тиры в 1963 и 1965—1976 гг. // Античная Тира и средневековый Белгород. Киев: Наук. думка, 1979.

А. М. БЕЛАВИН, Е. Н. НОСКОВА

СЕРЕБРЯНАЯ БЛЯХА ИЗ МОГИЛЬНИКА ТЕЛЯЧИЙ БРОД

Во время раскопок могильника Телячий Брод, расположенного на правом берегу р. Усьвы в 5 км от г. Чусового Пермской обл., в погребении 5 была найдена округлая серебряная с позолотой бляха с так называемым «охотничьим» сюжетом (рис. 1, 2).

Диаметр бляхи 5,5 см, она была снабжена бронзовым рубчатым ушком для подвешивания, рассыпавшимся при извлечении бляхи из земли. Ушко было припаяно к обратной стороне бляхи широким держателем во всю длину изделия. По краю лицевой стороны бляха украшена рубчатой проволокой (катушечная филигрань), изображения в центральной части бляхи окаймлены двумя чеканными поясками, один из которых гладкий, а другой украшен насечками, имитирующими филигрань. В углублениях этих поясков сохранились остатки позолоты. Фон композиции имеет следы зачернения, фигуры были позолочены. Детали одежды всадника, тела животных моделированы неглубокими точками и линиями. Фон композиции также прочеканен линиями.

В центре композиции расположен всадник. Конь идет вправо. Всадник лицом и туловищем повернут в фас к зрителю. Левая рука всадника согнута в локте и занесена над головой коня. Правая рука опущена на круп коня. На локте правой руки сидит ловчая птица с характерными для хищника острым загнутым клювом и когтистыми лапами. Всадник одет в распашную длинную, подпоясанную широким поясом одежду с круглым воротником. Справа от головы всадника изображен полумесяц, слева солнце. Голова всадника имеет заостренный верх — имитация шлема или островерхой шапки. Из-под правой руки всадника на всю длину крупа и хвоста коня выходит Г-образная полоса, украшенная точками, возможно, это изображение развевающегося пояса всадника или какая-либо деталь его охотничьего снаряжения.

Под мордой коня изображен зверек с изящным длинным изогнутым телом и пушистым хвостом — соболь или куница. Между передними и задними ногами коня помещено изображение птицы, судя по характерному изображению ее туловища, голоовы и шеи, относящейся к водоплавающим (утка или гусь). Ниже птицы, слева от нее, крупное животное с массивным телом, коротким хвостом, крупной головой и мощными лапами. Вероятнее всего, это изображение медведя. Справа от птицы под задними ногами коня расположен зверек с пышным приподнятым хвостом, возможно изображение лисы. У животных четко моделированы головы и когтистые лапы. Более детально изображен конь, у него хорошо прочеканены грива, голова, мышцы задних ног Узда не изображена. На груди коня имеется небольшой чеканный знак в виде неправильной перевернутой буквы Т или острого угла с разновеликими лучами. Фигуры композиции несколько непропорциональны.

Бляха несколько выпукла к середине, имеет следы сильной потертости, что можно объяснить не длительностью ее ношения, а скорее интенсивной грубой чисткой в древности. Под бляхой сохранились остатки витого из растительных волокон шнура, на котором она носилась. Бляха была расположена в грудной части захоронения по центральной осевой линии. Костяк в погребении не сохранился, поэтому более точно определить ее положение невозможно.

Бляха из могильника Телячий Брод имеет широкие аналогии, представленные находками в Прикамье, Западной Сибири и Коми АССР Наиболее полная сводка подобных изделий опубликована В. Ю. Лещенко, относящим их к бляхам с «охотничьими» сюжетами I группы (X—XI вв.) [1, с. 145] Из находок в Коми АССР [1] наиболее близкой является бляха из погребения 50 Жигановского могильника, датирующегося XII в. [2, с. 104]

[1] Э. А. Савельева ошибочно именуют такие изделия медальонами.

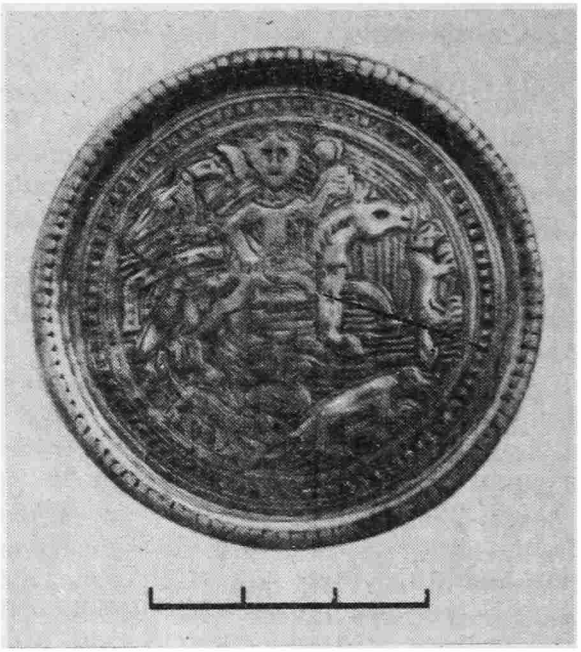


Рис. 1 Бляха из погребения 5 могильника Телячий Брод

Рис. 2. Прорисовка бляхи из погребения 5 могильника Телячий Брод

Помимо серебряной бляхи в погребении 5 могильника Телячий Брод найдены пояс с бронзовыми накладками, железные наконечники стрел, медный котелок, обломки орнаментированных накладок из серебряной фольги, украшавших какое-то меховое изделие. Пояс украшен круглыми крупными накладками с большими каплями зерни, небольшими сердцевидными бляшками, розетковидными накладками. Пряжка рамчатая, квадратная, наконечник пояса украшен орнаментом в виде двух сходящихся волн. Подобный орнамент распространен на ювелирных изделиях домонгольской Волжской Болгарии [3, с. 24, 25] Аналогичные накладки встречены в домонгольских древностях Волжской Болгарии и в поясных наборах кочевников восточноевропейских степей XII—XIII вв. [4, рис. 82, *61, 85, 86*, рис. 90, *46*] Медные котелки широко распространены на памятниках рождественского этапа родановской культуры в Прикамье XII—XIV вв., известны они и в материалах XI—XIII вв. в Волжской Болгарии и Коми АССР Железные стрелы из погребения № 5 представлены типичными наконечниками с узелками, известными для Прикамья XII—XIV вв., и срезнем с вогнутым лезвием X—XIV вв. [5, тип 54] В засыпи могилы и в межмогильном пространстве поблизости от погребения найдены овальное железное кресало XIII—XIV вв. [6, с. 163], монетовидная привеска из белого сплава, близкая к новгородской XIII в. [7, рис. 39, *4*], серебряная бочковидная бусина с позолотой и поясками скани XII—XIII вв. [4, рис. 79, *12*; 8, с. 7] Таким образом, погребение 5 могильника Телячий Брод может быть датировано первой половиной XIII в., а бляха с «охотничьим» сюжетом — соответственно XII — первой половиной XIII в.

Ранее известные бляхи этого типа (I группа, по В. Ю. Лещенко) не зафиксированы в каком-либо определенном археологическом комплексе, и даты их определены условно [1, с. 144]. Мы предлагаем датировать всю серию таких блях, в том числе и находку из Жигановского могильника, XII — первой половиной XIII в. и относить их к продукции болгарского домонгольского ювелирного ремесла.

Отметим, что на четырех бляхах этой группы из Прикамья [1, рис. 1, *1—4*] и на бляхе из Жигановского могильника [2, с. 103] на груди коня имеется чеканный знак, напоминающий неправильную букву Т или острый угол с лучами. Этот

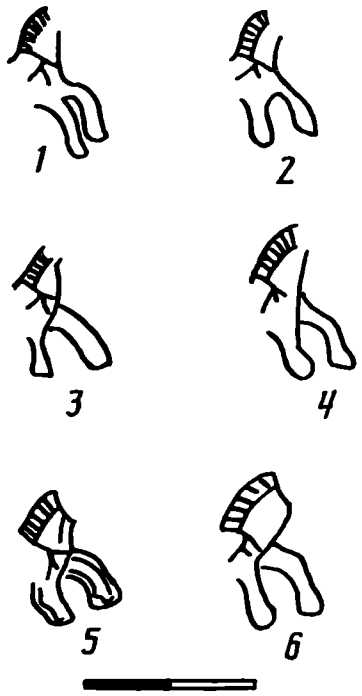


Рис. 3. Чеканные знаки на бляхах с «охотничьими» сюжетами (*1* — с. Искор, *2, 3* — Пермская губерния; *4* — д. Большое Поле, *5* — могильник Телячий Брод, *6* — Жигановский могильник)

знак аналогичен знаку на груди коня с бляхи из могильника Телячий Брод (рис. 3), адекватна и техника исполнения всех блях. В свое время В. Ю. Лещенко высказал мнение, что бляхи I группы копировались с какого-либо образца [1, с. 146] Указанный знак можно рассматривать как метку мастера или мастерской, в которой изготавливались все эти бляхи, что свидетельствует об их одновременности. Знаки известны на некоторых металлических изделиях болгарских ювелиров [9, рис. 1, *5, 13*], на изделиях костерезов [10, рис. 7, *16*], особенно полно представлены они на продукции гончаров [11] При этом наиболее близкими к нашим знакам являются некоторые клейма XII — начала XIII в. из Биляра [11, рис. 3] Возможно, что бляхи указанной группы изготовлены в одной из ювелирных мастерских Биляра.

Символика сцены на рассматриваемом изделии ясна. Астральные символы — луна и солнце, наличие изображения утки, считавшейся у пермских народов прародительницей мира, в сочетании с изображением всадника подчеркивают культовое назначение бляхи. Всадник не просто охотник, а «небесный всадник», верховное божество, покровитель охотников. Эта символика позволяет исследователям рассматривать данные изделия как часть ритуалов охотничьей магии и считать их принадлежностью шаманского костюма [2, с. 108] Безусловно, подобные бляхи являлись символами высокого социального положения их владельца и, вероятно, были принадлежностью не только служителя культа, но и родового вождя или старейшины. Символично, что погребение 5 могильника Телячий Брод, где обнаружена бляха, выделяется из прочих погребений поздней части могильника обилием и разнообразием дорогого погребального инвентаря, что связано с особым положением покойного.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лещенко В. Ю.* Бляхи с охотничьими сценами из Поволжья // СА. 1970. № 3.
2. *Савельева Э. А.* Медальоны с восточными мотивами на европейском Северо-Востоке // Материалы к этнической истории европейского Северо-Востока. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. ун-та, 1985.
3. *Валеева Д. К.* Искусство волжских булгар. Казань: Татарск. кн. изд-во, 1983.
4. Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981.

5. *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие // САИ. 1966. Вып. Е1-36.
6. *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982.
7. *Колчин Б. А., Рыбина Е. А.* Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982.
8. *Даркевич В. П., Монгайт А. Л.* Клад из старой Рязани. М., 1978.
9. *Казаков Е. П.* О характере связей волжских булгар с финнами и уграми в X—XII вв. // Древние этнические процессы Волго-Камья (АЭМК. Вып. 9). Йошкар-Ола, 1985.
10. *Хузин Ф. Ш.* Исследования в пригороде Биляра // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань: Изд-во КФ АН СССР, 1982.
11. *Кочкина А. Ф.* Гончарные клейма Билярского городища // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань: Изд-во КФ АН СССР, 1982.

В. Г. ПУЦКО

МОСКОВСКИЙ МОЩЕВИК КОНЦА XV В. ИЗ СУЗДАЛЯ

Изучение древнерусской металлопластики за истекшие десятилетия было ознаменовано не только находками, но и утратами. Немало музейных экспонатов исчезло в первые послереволюционные годы и в годы Великой Отечественной войны. К их числу следует отнести и уникальный крест-мощевик, хранившийся в г. Суздале и публикуемый нами по негативу Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А. В. Щусева (кол. 1, нег. 1542). Наши попытки уточнить местонахождение предмета, в том числе пользуясь данными литературы о ризницах суздальских храмов и монастырей, а также книги о древностях Суздальского музея [1] не привели к положительным результатам. Не удалось обнаружить и аналогичные экземпляры энколпионов, отлитые с использованием той же модели. Поэтому приходится довольствоваться тем, о чем можно судить на основании фотоснимка, к счастью, отчетливо воспроизводящего даже мелкие детали (рис. 1).

Медный литой крест-мощевик (размером 14,1×7,8 см) относится к типу наперсных. Форму изделия можно было бы определить как приближающуюся к квадрифолию, однако для этого слишком длинны округленные концы креста (особенно нижний) и слишком неопределенны контуры фигуры в средокрестии, более приближающемся к овалу, чем к квадрату. Судя по общей типологии энколпиона, его следовало бы включить в ряд известных нам крестов-мощевиков XIV в. [2, рис. 13, *45—47, 50—54*], но сделать это решительно препятствует характер рельефных изображений, покрывающих обе створки, и прежде всего иконография и стиль. Иконографические схемы требуют детального разбора.

На лицевой стороне в средокрестии помещено Распятие с предстоящими двумя скорбящими ангелами и двумя серафимами. Вверху находится изображение Ветхозаветной Троицы, в рукавах поперечной перекладины креста — полуфигуры апостолов Петра и Павла, внизу — поясной св. Никола. На оборотной стороне изображения не так плотно покрывают поверхность, и свободное пространство заполнено врезанными вглубь надписями. В средокрестии расположена фигура архангела Михаила в образе небесного воина: по сторонам — разномасштабные поясные изображения преподобного и Параскевы Пятницы, вверху — Богоматерь Знамение, внизу — стоящий в рост пророк Илья. На оглавии, соединенном со створками мощевика посредством шарнира, по обычаю изображен Нерукотворный Спас (внизу створки были скреплены винтом). Сюжетная схема каждой из створок не имеет параллелей в известных произведениях древнерусского искусства, но ее отдельные звенья находят соответствия в московской пластике XVв.

Иконография креста-мощевика разработана с учетом определенных требований, диктовавшихся функциональным назначением изделия, а также обусловленных политическими событиями и идейными течениями, характеризующими

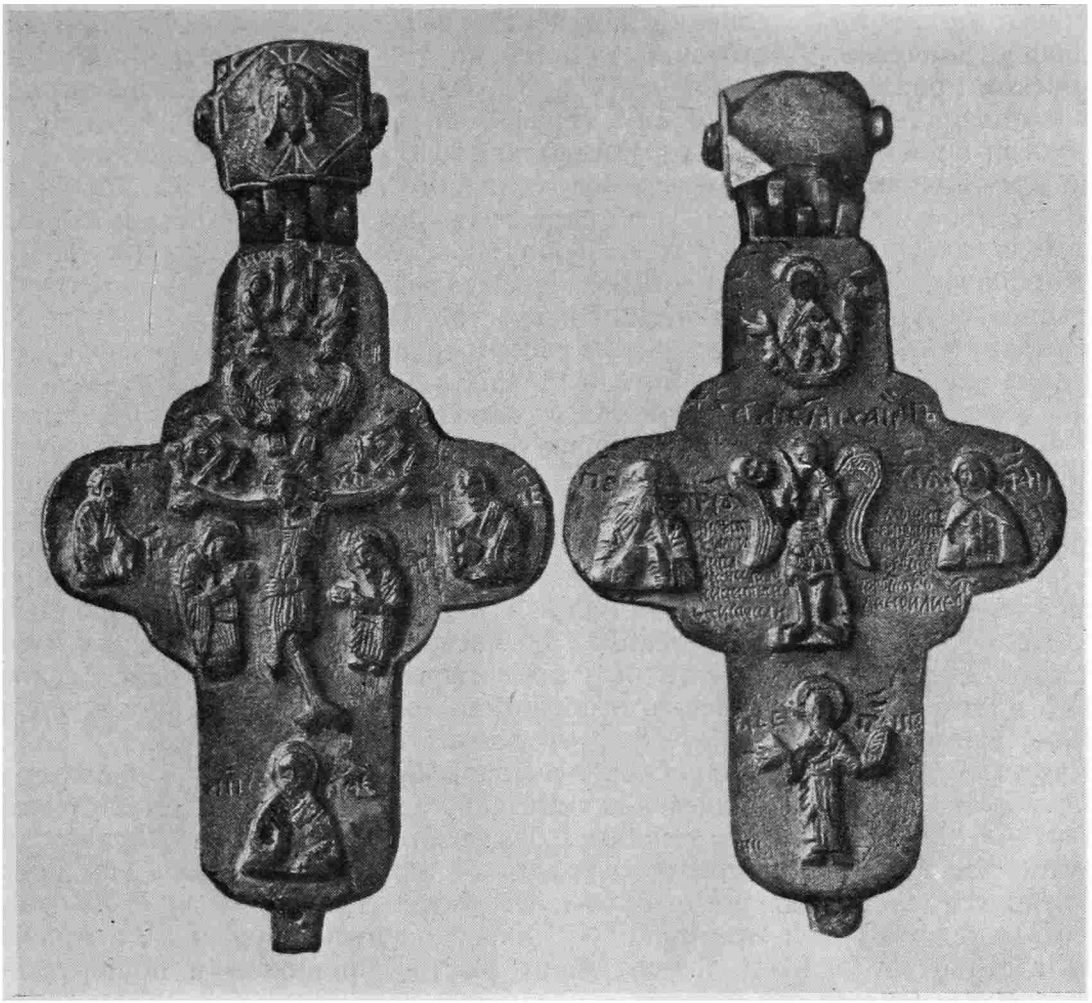


Рис. 1. Крест-мощевик из Суздаля, конец XV в. Местонахождение неизвестно

внутреннюю жизнь Московской Руси второй половины XV в. Для ее реализации мастер должен был обратиться к готовым образцам, однако использовал их в соответствии с решением стоявших перед ним задач. Именно поэтому в украшающих створки энколпиона рельефных изображениях можно установить своеобразное воспроизведение лишь отдельных моделей, приспособленных к иным формам и представленных в оригинальном сочетании, думается, исключающем элемент случайности.

Изображение на мощевике Распятия в сочетании с Троицей и полуфигурами двух апостолов позволяет сделать вывод относительно происхождения основной схемы. Изображение над Распятием Ветхозаветной Троицы характерно главным образом для памятников московского искусства, в частности для связанных своим происхождением с Троице-Сергиевым монастырем [3, № 136—139, 141] Разумеется, ограничивать бытование указанной схемы монастырскими стенами не приходится, хотя бы уже потому, что она представлена в резьбе белокаменного креста в соборе Борисоглебского монастыря в Дмитрове, датированного 1467 г. [4, с. 16, 17, табл. VIII; 5, № 79] Дмитровский крест, как и описываемый энколпион, имеет также изображения апостолов Петра и Павла на поперечной перекладине, а внизу — полуфигуры трех святителей (в центре св. Никола). Тем не менее мощевик невозможно рассматривать в качестве его реплики, прежде всего по той причине, что Распятие представлено в ином иконографическом варианте. Парящие фигуры двух скорбящих ангелов над головой распятого Христа в произведениях XIV—XV вв. встречаются в самых разнообразных позах. Поэтому положению, при котором стремительно спус-

кающиеся ангелы почти соприкасаются головами, едва ли следует придавать решающее значение. Достаточно указать на то, что эта деталь не чужда московским произведениям конца XV в. [3, № 17] Более существенно введение в композицию изображений двух серафимов (в сопроводительных надписях они иногда определены и как херувимы) как исключительно редкое и в то же время имеющее аналогии в резьбе белокаменного креста дьяка С. Бородатого (1458 г.) [6, с. 204, рис. 1, 2] и запрестольного креста с костяными вкладышами второй половины XV в. из Троице-Сергиева монастыря [3, № 157] Таким образом, буквально все звенья описываемой композиции находят соответствия в московском пластическом искусстве XV в.

Бесспорно, самым примечательным изображением на другой створке креста-мощевика является фигура архангела Михаила с мечом в правой руке, поднятым на плечо, и ножнами в левой. На архангеле поколенный доспех и сапоги, ноги опираются на продолговатую подушку, крылья широко распластаны. Примечательна одна деталь: круглый диск с рельефным крестом на уровне верхней части правого крыла — зерцало, в котором архангел может видеть господне повеление [7, с. 137, 138] По наблюдению Н. Н. Померанцева, деревянные и медные литые кресты с фигурой архангела Михаила (иногда определяемого в сопроводительной надписи как Ангел Хранитель) появляются с середины XV в., и определенная их часть могла быть связана своим происхождением с Троице-Сергиевым монастырем [8, с. 156—162] Следовательно, и эта иконографическая особенность энколпиона говорит в пользу выводов, уже наметившихся при рассмотрении лицевой створки.

Богоматерь Знамение, изображение которой находится вверху, над фигурой архангела Михаила, не выделяется какими-либо оригинальными типологическими чертами, кроме того, что младенец без медальона. Но этот вариант, как известно, был преобладающим в новгородской иконописи XV в., о чем можно судить по сохранившимся памятникам, где указанный образ нередко оказывается как бы эмблемой Новгорода. С присоединением последнего к Московскому государству в 1471 г этот образ быстро проникает в общерусскую иконографию, и в первую очередь в столичное искусство. Как свидетельство этого процесса можно рассматривать и изображение на оборотной стороне мощевика полуфигур Параскевы Пятницы и преподобного, названного в сопроводительной надписи Петром. Правда, иконографические признаки скорее позволяют видеть здесь изображение Варлаама Хутынского, почитание которого в XV в. распространилось в Новгороде в такой же мере, как и культ иконы Богоматери Знамение, поскольку этого игумена рассматривали как одного из самых знаменитых новгородцев. Как свидетельствует надпись, расположенная по сторонам фигуры архангела, в крест вложены мощи московского митрополита Петра. Однако признать его изображение в отмеченной фигуре (поясной) преподобного невозможно. Пророк Илья изображен в нижней части створки энколпиона в рост, в строго фронтальной позе, с широко распростертыми руками и с раскрытым свитком, подобно тому, как этого пророка представляли в средокрестии крестов-энколпионов XIV—XV вв. [9, табл. XXV, № 292; 10, рис. 21]

Возвращаясь к лицевой створке мощевика, следует обратить внимание на отсутствие в Распятии изображения крестного древа: фигура Христа оказывается на нейтральном фоне. Этот случай, разумеется, не является уникальным, но тем не менее он относится к числу весьма редких, характерных для отливок XIII—XIV вв. по оттискам готовых произведений пластики. Тело распятого Христа с плавно изогнутым торсом, руки, почти не согнутые в локтях, ноги плотно соединены, а их ступни заметно отведены в сторону; голова склонена к правому плечу. При кажущейся архаике художественных форм указанные черты типичны для московского искусства рубежа XV—XVI вв. Фигуры предстоящих Богоматери и Иоанна Богослова слишком короткие и большеголовые; в сущности изображения поколенные, но маленькие, робко

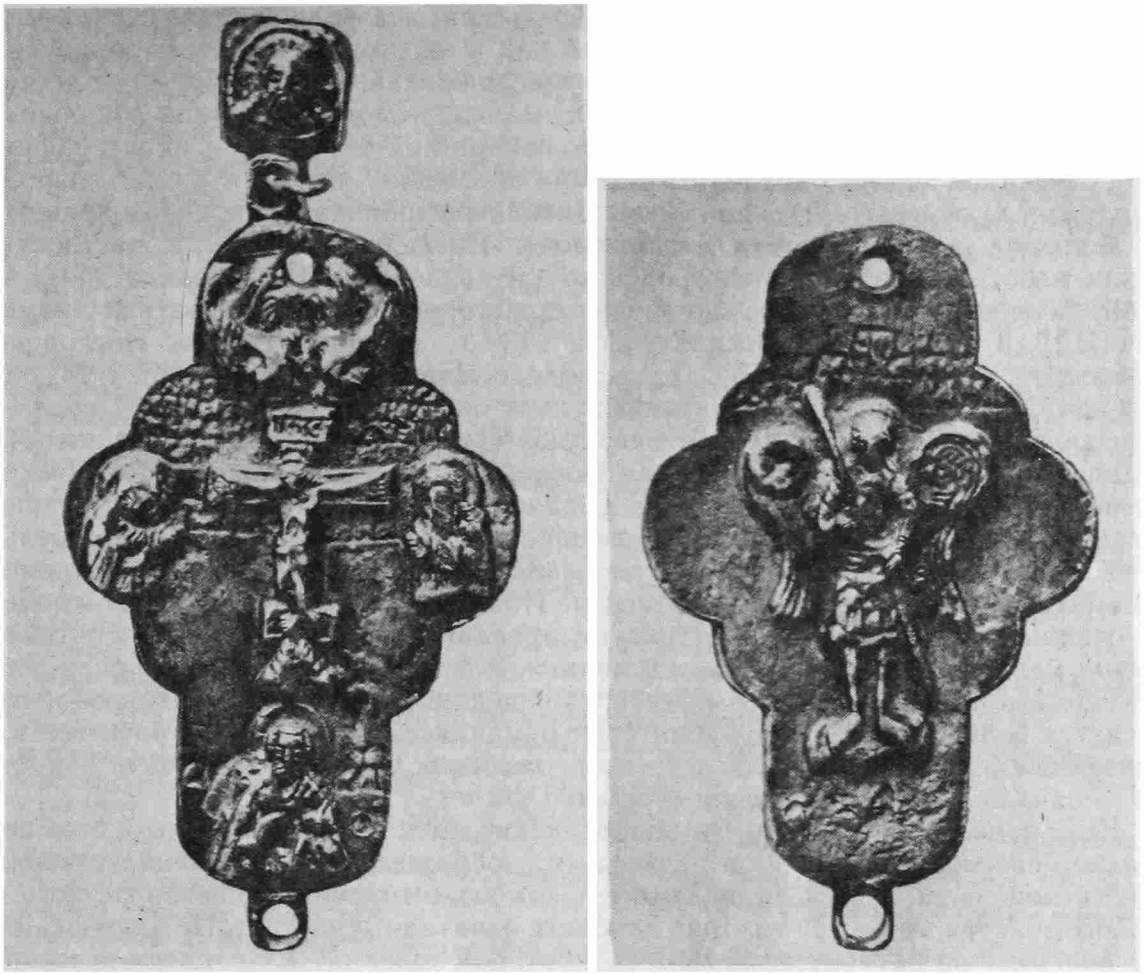


Рис. 2. Крест-энколпион, начало XVI в. Из собрания Б. И. и В. Н. Ханенко в Киеве

намеченные ступни ног придают им несколько шаржированный оттенок, особенно благодаря акцентированному жесту крупных, молитвенно простертых рук. Мастер явно воспользовался какой-то более ранней, но крайне незначительно хронологически удаленной моделью и при этом не везде одинаково удачно приспособил ее отдельные элементы. Так, например, полуфигуры апостолов Петра и Павла, даже несмотря на не совсем четко переданные отдельные детали, выделяются изяществом своих форм. Сопоставляя масштабы, пропорции и особенности рельефа различных изображений на обеих створках креста-мощевика (в том числе трактовку складок одежд), нельзя не видеть разнообразия образцов, оттиснутых в глине, служившей формой для отливок рассматриваемых створок энколпиона. Они были изготовлены явно по глиняным отпечаткам, как это типично для русского художественного литья XIII—XV вв. [11, с. 614—618] На это, в частности, указывают раковины, щербины и слияние мелких деталей, прослеживаемые почти по всей поверхности створок.

Рельефное изображение Нерукотворного Спаса на лицевой стороне массивного оглавия со скошенными краями имеет ту особенность, что оно представлено в средокрестии выполненного в технике резьбы равноконечного креста с резко расширяющимися концами. Характерно, что нимб не окружает голову с длинной клиновидной бородой и свисающими прядями волос целиком, что обычно для преобладающей части произведений русской металлопластики XV в. Таким образом, определенная оригинальность проявляется буквально во всех частях такого сравнительно небольшого по размерам изделия, как крест-мощевик из Суздаля.

Иконографические особенности изображений, а в равной степени и характеристика стиля не оставляют сомнений как в изготовлении креста-мощевика в конце XV в., так и в его московском происхождении. В то же время — достаточно заметно новгородское влияние, сказывающееся в воздействии локальных культов, выразившихся в предпочтении конкретной тематики и иконографии. Это относится как к образу Богоматери Знамение, так и к изображениям Варлаама Хутынского (?), Параскевы Пятницы и пророка Ильи, пользовавшихся большой популярностью в Новгороде. Последнего чтили, в частности, и как небесного патрона новгородского архиепископа Ильи-Иоанна (1165—1186), имя которого неразрывно связано с историей иконы Богоматери Знамение [12], а мощи были прославлены в 1439 г., в период борьбы Новгорода с Москвой [13, стб. 247—250] После похода Ивана III на Новгород в 1471 г там начинается энергичное внедрение культа московских святых, а в Москве — новгородских. Думается, рассматриваемый крест-мощевик наравне с иконой-складнем из Благовещенского собора Московского Кремля, которую Т. В. Николаева считала концентрированным выражением политической идеи величия Москвы [14, с. 172—177], является отголоском тех же событий. То обстоятельство, что в перечне заключенных в мощевик реликвий указаны мощи митрополита Петра и новгородского архиепископа Иоанна, тоже свидетельствует в пользу сделанных выводов. Мы не рискуем предлагать по фотоснимку прочтение очень мелкой и местами трудно читаемой надписи с перечнем реликвий (ее часть покрыта тенью рельефного изображения архангела Михаила). Что касается более крупных сопроводительных надписей, то по их эпиграфическим признакам и по характеру лигатур крест-мощевик следует датировать концом XV— началом XVI в. (условно — около 1500 г.).

Если попытаться ответить на вопрос, какие именно идеи вложены в этот несколько своеобразный подбор рельефных изображений, украшающих створки креста-мощевика, то нельзя не заметить как акцентированную связь Ветхого и Нового заветов, так и присутствие наиболее почитаемых святых. Не являлось ли это реакцией на распространившуюся во второй половине XV в. среди русского духовенства и высшего общества в Новгороде, Пскове и Москве ересь жидовствующих? Как известно, жидовствующие не признавали божественность Христа, отвергали Троицу и Богоматерь, учили, что еще не явился Мессия, отрицали почитание икон и святых, подвергали критике писания отцов церкви [15—17; 18, с. 489—505] Родиной ереси оказался Новгород, где секта просуществовала до 1490 г Ее последователи затем, пользуясь поддержкой в придворных кругах, укрылись в Москве, где едва не захватили власть (сын покровительствовавшей еретикам княгини Елены, невестки Ивана III, Димитрий, был венчан на великое княжение). Но в 1502 г. Елена и ее сын попали в опалу, а собор 1504 г приговорил главных последователей ереси жидовствующих к сожжению.

При малочисленности и распыленности образцов русского художественного литья рубежа XV—XVI вв. все же не может остаться незамеченной оригинальность этих произведений, равно как и отсутствие серийности. Но в то же время нельзя не признать стилистическое сходство креста-мощевика из Суздаля с уже изданной круглой иконкой из медного сплава с поясным изображением Христа-Пантократора и с фигурой Никиты, избивающего беса, а также с нагрудным крестом из Старой Рязани [19, с. 227—229, рис. 3, *3, 5*]. Если не к тому же времени, то к последующим десятилетиям относится изготовление серебряного креста-мощевика из Ново-Девичьего монастыря [20, рис. 30] и медного креста-энколпиона, хранившегося в киевском собрании Б. И. и В. Н. Ханенко [9, с. 14, табл. XXV, № 290, 291], известного в немногих экземплярах. Последнее изделие особо интересно тем, что представляет как бы упрощенный вариант публикуемого памятника, существенно переработанный в деталях. В сущности, перед нами звенья разорванной цепи, соединить которые можно, лишь установив связующее между первым (рис. 1) и вторым (рис. 2). Именно

поэтому важно ввести в научный оборот новые образцы московского художественного литья.

Выполнению этих задач отчасти должна служить предлагаемая статья. Может быть, она поможет установить местонахождение публикуемого мощевика, и тогда окажется возможным более подробно охарактеризовать его как памятник металлопластики, исключительный по своему значению.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Георгиевский В. Т.* Памятники старинного русского искусства Суздальского музея. М., 1927.
2. *Николаева Т В.* Прикладное искусство Московской Руси. М.: Наука, 1976.
3. *Николаева Т В.* Произведения мелкой пластики XIII—XVII веков в собрании Загорского музея: Каталог. Загорск, 1960.
4. *Шляпкин И. А.* Древние русские кресты. I. Кресты новгородские до XV в., неподвижные и не церковной службы. СПб., 1906.
5. *Николаева Т В.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой четверти XVI в. // САИ. 1971. Вып. Е1-49.
6. *Пуцко В. Г* Белокаменный крест 1458 года дьяка Стефана // Byzantinoslavica. 1976. Т XXXVII (2).
7. *Айналов Д. В.* Византийская живопись XIV столетия. Пг., 1917
8. *Померанцев Н. Н.* Героическая тема в древнерусской пластике // Из истории русского и западноевропейского искусства. Материалы и исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
9. Собрание Б. И. и В. Н. Ханенко. Древности русские. Вып. II. Кчев, 1900.
10. *Петров Н. И.* Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Вып. IV—V. Киев, 1915.
11. *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
12. *Frolow A.* Le Znamenie de Novgorod: évolution de la légende. Revue des études slaves. T 24. Paris, 1948.
13. *Барсуков Н.* Источники русской агиографии. СПб., 1882.
14. *Николаева Т В.* Икона-складень XV в. и поход Ивана III на Новгород // Культура средневековой Руси. Л.: Наука, 1974.
15. *Соболевский А. И.* Логика жидовствующих и Тайная тайных. СПб., 1899.
16. *Белокуров С. А.* Послание инока Саввы на жиды и на еретики // ЧОИДР. 1902. № 3.
17. *Ильинский Ф.* Русские богомилы XV в. (жидовствующие) // Богословский вестник. 1906. июль — август.
18. *Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви. Т. I. Париж, 1959.
19. *Даркевич В. П., Пуцко В. Г* Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970—1978 гг.) // СА. 1981. № 3.
20. *Овсянников Ю.* Ново-Девичий монастырь. М.: Искусство, 1968.

Критика и библиография

Jan Chochorowski. Die Vekerzug-kultur: Charakteristik der Funde. Uniwersytet Jagielloński. Państwowe wydawnictwo naukowe. Warszawa; Kraków, 1985. 162 s. 55 abb.

Большая Венгерская низменность наряду с румынской Трансильванией — место наибольшей концентрации памятников скифского типа в Карпато-Дунайском бассейне и Средней Европе в целом. Вполне понятно, что последние являлись и являются объектом пристального внимания многих зарубежных ученых. За более чем 100-летний период исследования древностей скифского времени на территории Венгрии осуществлены значительные полевые изыскания, опубликованы материалы, представляющие несомненный интерес для изучения истории населения Карпатского региона эпохи позднего гальштата — раннего латена.

Среди венгерских археологов, занимавшихся скифской тематикой, выделяются имена Н. Феттиха, А. Боттьяна и, конечно же, М. Пардуца, осуществившего раскопки и публикацию крупнейших могильников скифского времени в Потисье, таких, как Сентеш-Векерцуг, Тапиоселе, Артанд и др. М. Пардуцом были написаны первые обобщающие работы по древностям скифского времени Венгрии, подготовлена докторская диссертация «Скифский период в Венгрии». К сожалению, после смерти этого выдающегося исследователя с конца 70-х годов наблюдается резкое снижение интереса к скифской проблематике в среде венгерских археологов. В связи с этим вполне закономерным представляется тот факт, что именно в это время древности скифской эпохи Венгерской низменности становятся объектом повышенного внимания со стороны археологов других стран среднеевропейского региона.

К таковым в первую очередь относится польский исследователь Ян Хохоровский, научный сотрудник Института археологии Ягеллонского университета в Кракове, опубликовавший в 1985 г. рецензируемую монографию «Векерцугская культура: характеристика находок», подготовленную в основном на материалах скифской эпохи Венгрии [1]

Работа состоит из предисловия, трех основных глав и приложения в виде списка памятников, достаточно хорошо иллюстрирована рисунками (в том числе цветными), различными схемами и картограммами.

В первой главе, являющейся как бы прелюдией к исследованию, автор справедливо указывает на существование в научной литературе определенной путаницы в терминологическом определении памятников скифского времени Венгерской низменности (в старой литературе: «скифские древности» «скифские находки», «скифская культура», в работах современных исследователей — М. Пардуца, М. Душека — «векерцугская группа», «культура скифского времени», «скифо-гальштатская культура», «альфёльдо-тисо-словацкая группа фракийской культуры» и т. п.). Я. Хохоровский предлагает для указанных памятников наименование «векерцугская культура» (ВК), производное от уже упомянутого могильника Сентеш-Векерцуг.

Территория распространения памятников ВК, по Я. Хохоровскому, охватывает Большую Венгерскую низменность (Альфёльд) и северную часть Малой Венгерской низменности, иными словами — восточную часть современной Венгрии и Юго-Западную Словакию. Следует отметить, что включение в круг ВК памятников Юго-Западной Словакии (по М. Душеку, памятников Хотинской группы)[2], учитывая близость последних к венгерским памятникам, вполне справедливо.

В основу монографии положена диссертация Я. Хохоровского «Фрако-скифская культура на территории Венгерской низменности», над которой он работал в 1979—1981 гг. под руководством М. Гедла.

[2] От могильников в Хотине, раскопанных М. Душеком в 1952—1954, 1961—1962 гг. [1].

О чрезвычайном сходстве венгерских и словацких древностей скифской эпохи писали различные авторы, в том числе и сам М. Душек [2, с. 243, 250—253; 3, с. 401].

Относительные хронологические рамки существования ВК: начало ее фиксируется появлением на Венгерской низменности комплекса находок со скифскими элементами позднеархаического типа, конец — появлением могильников латенской культуры.

Далее, Я. Хохоровский достаточно подробно излагает историю исследования древностей скифской эпохи Венгерской низменности, дает обстоятельный очерк появления тех или иных концепций по вопросам их генезиса и исторического места в кругу памятников раннего железного века.

Вторая глава, самая представительная по объему, содержит анализ различных материалов ВК: керамики, украшений, предметов туалета, орудий труда, культовых принадлежностей, конского снаряжения, вооружения.

Последняя категория, представленная наиболее массовыми и яркими находками скифского типа на территории распространения ВК (как, впрочем, в Средней Европе в целом), заслуживает того, чтобы рассмотреть, как оценивает ее автор рецензируемой работы.

Я. Хохоровский верно отмечает, что лук и стрелы являлись ведущим видом наступательного вооружения у населения ВК, что подтверждается многочисленными находками наконечников стрел в ареале культуры. При этом автор подчеркивает, что остатки самих луков неизвестны. Правда, он упоминает два костяных предмета из Ньиредьхазы и Сегеда, которые опубликовавший их Д. Чаллань считал деталями луков скифского времени [4, с. 7—14, рис. 1—4], но полагает, что связь их с луком проблематична (с. 86). Укажем, что детально проанализировавший эти находки Е. В. Черненко, на наш взгляд, справедливо интерпретирует одну из них (пластину из трубчатой кости, найденную в погребении VI в. до н. э. в Сегеде) как накладку сложного лука скифского типа [5, с. 12].

В целом же практически полное отсутствие находок луков в памятниках ВК отнюдь не является особенностью Карпато-Дунайского бассейна. Аналогичная ситуация наблюдается в погребениях скифского времени на обширных пространствах Евразии [5, с. 17; 6, с. 75]. Вряд ли она может объясняться лишь плохой сохранностью дерева, и, вероятно, правы исследователи, допускающие, что лук, «занимавший особое место в составе скифского оружия, мог передаваться по наследству» [5, с. 17]

Трудно не согласиться с Я. Хохоровским в том, что подавляющее большинство типов наконечников стрел находит прямые аналогии в скифских древностях Восточной Европы (с. 86), хотя некоторые экземпляры из области ВК имеют «локальные проявления» (с. 88). Автор не называет их конкретно, но к таковым, например, относятся небольшие бронзовые трехлопастные наконечники с ромбовидной головкой, хорошо выделенной втулкой, нижняя часть которой — на уровне лопастей (у Я. Хохоровского это 13-, 14-й типы; с. 87, рис. 25, *13—14*). Подобные наконечники помимо Венгрии встречаются в памятниках скифского типа румынской Трансильвании [7, с. 282, рис. 22, *5*], изредка в лужицких древностях на территории Моравии (ЧССР) [2, с. 251, табл. IX, *15*], но абсолютно неизвестны в скифских памятниках Восточной Европы.

Автор не акцентирует внимание на вопросе о месте изготовления типично скифских наконечников стрел, найденных на территории распространения ВК. Понятно, что полное их тождество с экземплярами из Северного Причерноморья делает этот вопрос чрезвычайно сложным. Вместе с тем, значительная концентрация, например, бронзовых массивных башневидных трехлопастных наконечников со скрытой втулкой (не получивших распространения в Скифии) именно в памятниках скифского времени венгерского Потисья и Юго-Западной Словакии недвусмысленно указывает на их местное производство [8, с. 14] Раздел о наконечниках стрел органично дополняется хронологическими и корреляционными таблицами (рис. 26—28).

Я. Хохоровский не без оснований считает крестовидные бляхи с петлями на оборотной стороне украшениями ремней колчанов: действительно, многие из них зафиксированы в могилах в комплексе с наконечниками стрел. Говоря об экземплярах, оформленных в традициях скифского звериного стиля, он верно полагает, что часть из них (выполненных в реалистической манере) является импортными изделиями, попавшими в область ВК из Северного Причерноморья, часть — местные реплики (с. 95—99). К первым с определенной уверенностью можно отнести бляхи типа найденной в Мезолак (конец VI в. до н. э.), весьма близкие по сюжету к экземплярам в памятниках скифской эпохи Северного Причерноморья. Вполне допустимо подобные бляхи рассматривать как изделия ольвийских мастерских, предполагая существование торговых связей Ольвии с населе-

нием Карпато-Дунайского бассейна (в том числе племенами ВК) в конце VI — первой половине V в. до н. э. [9, с. 75, 76].

Рассматривая боевые топоры скифского типа, Я. Хохоровский справедливо указывает на их значительное количество на территории ВК, особенно в венгерском Потисье, по сравнению с Северным Причерноморьем. Действительно, после лука и стрел топоры (особенно дуговидные длиннообушные) являлись наиболее популярным вооружением у населения ВК, можно сказать, основным оружием ближнего боя, в такой же степени, как меч и кинжал у скифских племен Восточной Европы.

Безусловно, прав автор, говоря о местном производстве большей части боевых топоров, найденных в ареале ВК (с. 100, 101). Картографирование находок свидетельствует, что оно скорее всего было сосредоточено в Северо-Восточной Венгрии, в современных областях Боршод-Абауй-Земплен или Собольч-Сатмар, расположенных вблизи богатых железной рудой районов. Заметим, что полная тождественность ряда топоров из погребений Северо-Восточной Венгрии (экземпляры из погребений № 1, 2 в Месеше, а также топоры из могилы № 342 в Тапиоселе, Ньиршега и Тисаберцеля) наводит на мысль о существовании мастерских, производивших более или менее стандартное вооружение [8, с. 10]

Трудно возразить автору работы в том, что наконечники копий с территории ВК не относятся к разряду характерных находок скифского облика (с. 101). В отличие от иных видов вооружения, имеющих выразительные восточные черты, они весьма сходны с наконечниками копий эпохи позднего гальштата — раннего латена [8, с. 10].

Рассматривая мечи и кинжалы с территории ВК, Я. Хохоровский допускает некоторые неточности. Так, предлагая типологию этого оружия, автор рассматривает мечи и кинжалы типа найденного в Тисаберцеле (тип 1, рис. 33, *2*) как оружие с бабочковидным перекрестьем, ссылаясь на типологию А. И. Мелюковой (с. 103). Подчеркнем, что в работе этой исследовательницы мечи и кинжалы с перекрестьем, подобным тисаберцельскому (т. е. имеющим горизонтальную верхнюю часть), не приводятся [10, табл. 16—19] Бабочковидное же перекрестье имеет иную форму [10, табл. 16, *1, 2*].

В свое время один из авторов настоящей рецензии выделил группу мечей скифского типа с подобным перекрестьем (на карпато-дунайских материалах) в особый тип — оружие с лучковидным перекрестьем [11, с. 83—86], что нашло поддержку у некоторых зарубежных исследователей [12, с. 41] К слову сказать, в настоящее время мечи и кинжалы с лучковидным перекрестьем известны в памятниках скифской культуры украинской Лесостепи, Центрального Кавказа и Закавказья. Наиболее ранние образцы происходят из захоронений VII в. до н. э.

Вместе с тем Я. Хохоровский верно отмечает, что однолезвийные мечи скифского типа (тип 4, рис. 33, *4*) являются оружием специфически карпато-дунайским, изготовленным как подражание скифским образцам (с. 103, 104). Подчеркнем, что особенность однолезвийных мечей в том, что они в отличие от двулезвийных мечей и кинжалов скифского облика, выполненных на территории Карпато-Подунавья, так сказать, стереотипно, при сохранении общей формы скифского меча и лишь частичных изменениях и допущениях в орнаментике, трактовке некоторых конструктивных деталей и пропорций, являются творчески переработанной «гибридной» формой, синтезирующей скифский (рукоять) и гальштатский (однолезвийный слабо изогнутый клинок) компоненты. Эта форма развивалась и видоизменялась во времени с первой половины VI в. до н. э. до середины V в. до н. э., постепенно утрачивая скифские черты и все более приобретая облик гальштатского оружия [8, с. 6, 7].

Анализируя боевые ножи с навершием, оформленным в зверином стиле (на примере оружия из могилы № 120 в Сентеш-Векерцуге и Пенца — рис. 33, *8, 9*), автор монографии полагает, что они составляют специфику ВК. Мнение это ошибочно, поскольку подобное оружие достаточно хорошо известно в памятниках скифской культуры Восточной Европы, в частности в Днепровском лесостепном Правобережье [13, табл. 17, *3, 4*; 14, с. 8, рис. *2, 5*, с. 15, рис. 11, *5*], а также на Северном Кавказе [15, с. 361, рис. 45, *1*]. Если лесостепные находки не являются близкими аналогиями карпато-дунайским боевым ножам, то этого не скажешь о северокавказских экземплярах (например, нож из могилы № 37 Алероевского I могильника VI—V вв. до н. э. в Чечне) [15, с. 361, рис. 45, *1*] Чрезвычайное сходство последнего с боевым ножом из могилы № 120 в Сентеш-Векерцуге позволило высказать мысль о том, что моделью для подобного карпато-дунайского оружия послужили северокавказские прототипы, т. е. поставить вопрос о существовании определенных

связей этих двух регионов в скифскую эпоху. Конечно, при этом учитывались и иные материалы [16, с. 39, 40].

Количество оборонительного оружия скифского типа в области ВК по сравнению с наступательным мизерно, что справедливо отмечает Я. Хохоровский (с. 105). Аналогичная ситуация является характерной особенностью всех так называемых скифских групп памятников Карпато-Дунайского региона [17, с. 83, рис. 1] по сравнению со скифскими древностями Восточной Европы. Здесь не сложился дифференцированный контингент тяжеловооруженного воинства, подобный бытовавшему в Скифии уже в VI в. до н. э. [18, с. 38].

Ассортимент оборонительного вооружения в памятниках ВК весьма скуден: немногочисленные остатки пластинчатых панцирей и две нащитные бляхи, выполненные из драгоценных металлов. По словам автора монографии, лишь в двух случаях можно говорить о целых пластинчатых панцирях в захоронениях (могилы в Тарнободе и Чаньтелеке), но первоначальный внешний вид их не ясен. Добавим, что единственный панцирь скифского облика в Карпато-Подунавье, о типе которого можно говорить более или менее определенно, найден в богатом захоронении VI в. до. н. э. в Артанде. Реконструируется он как нагрудник [19, с. 250, 251].

Я. Хохоровский, касаясь вопроса о месте изготовления нащитных блях в виде оленей из Тапиосентмартона и Зёльдхаломпусты (рис. 34), сомневается в том, что они являются изделиями греческих торевтов или произведены в области ВК, полагая, что бляхи, так же как известная эмблема щита в виде оленя из Костромского кургана, изготовлены скифами (с. 108). Думаем, что для такого вывода серьезных оснований нет. Оригинальность трактовки ряда деталей венгерских «оленей» позволяет видеть в них изделия, выполненные как подражание скифским вещам, но в иной художественной манере. Местом изготовления подобных украшений скорее всего являлось Западное Причерноморье [17, с. 98, 99]

Таким образом, оценка анализа вооружения скифского типа из области ВК, осуществленного Я. Хохоровским, показывает, что наряду с безусловно верной общей трактовкой этой категории материальной культуры автором допущены отдельные неточности, спорные моменты, от которых, впрочем, не застрахована любая значительная работа.

Третья глава, небольшая по объему, посвящена общей характеристике ВК. В ней кратко рассматриваются следующие важные вопросы: хронология, характеристика поселений, хозяйство, погребальный обряд, происхождение ВК, локальные варианты, этническая принадлежность.

Абсолютная хронология ВК Я. Хохоровским определена в рамках второй половины VI — первой половины IV в. до н. э. При этом автор выделяет в ней две фазы (или два периода) — раннюю (вторая половина VI — первая половина V в. до н. э.) и позднюю (вторая половина V — первая половина IV в. до н. э.) (с. 128—130). Не возражая в целом против того, что даты большей части вещей скифского типа (являющихся хронологическими критериями) действительно укладываются во временные рамки, предложенные Я. Хохоровским, отметим следующее. Отдельные находки (особенно из числа вооружения), как представляется, имеют более ранние даты. В первую очередь это относится к бронзовым наконечникам стрел. На рис. 25 (с. 87) экземпляры, показанные под № 1—5, имеют весьма архаический облик. Все они двухлопастные, больших размеров, с ромбической или листовидной в плане головкой, некоторые снабжены шипом. Укажем, что подобные наконечники известны в Карпато-Подунавье на территории Трансильванской группы памятников [20, рис. 9, *4—6*], традиционно датируемой более ранним временем, чем памятники Венгерской низменности.

Дата упомянутых наконечников, на наш взгляд, никак не позже VII в. до н. э. Указанный факт хронологической неувязки требует объяснения, которое, к сожалению, отсутствует в рецензируемой работе.

Изучение материалов ВК позволило Я. Хохоровскому сделать достаточно обоснованный вывод о том, что основу хозяйства ее населения составляло скотоводство. Сказанное особенно касается территории Альфельдской низменности, богатой обширными пастбищами, где практически отсутствуют следы оседлости. Особая роль отводилась разведению лошадей, что, по Я. Хохоровскому, являлось основной предпосылкой для кочевого или полукочевого образа жизни населения.

Вместе с тем в отдельных районах распространения ВК (особенно юго-восточных) встречаются немногочисленные неукрепленные поселения оседлого населения, занимавшегося земледелием и животноводством. На поселениях открыты жилища в виде наземных каркасно-столбовых сооружений с углубленным основанием и землянок с очагом или печью внутри. Нередко к жилищам

примыкали различные хозяйственные постройки, составляя с ними хозяйственно-бытовые комплексы. По подсчетам Я. Хохоровского, на таких поселениях проживало от 60 до 150—200 человек.

Многообразие погребального обряда ВК, по Я. Хохоровскому, явление региональное. В немалой степени последнее объясняется не только основными генетическими компонентами, сыгравшими роль в сложении культуры, но и довольно мощным и долговременным влиянием на нее окружающих культур.

Начальный период сложения ВК автор связывает с продвижением в конце VI в. до н. э. в западном направлении на территорию Венгерской низменности степных скифских племен, а также населения Лесостепи. Указанное явление, по Я. Хохоровскому, тесным образом связано с событиями скифо-персидской войны. При этом автор, пожалуй, впервые помимо констатации факта прихода в Карпато-Подунавье в указанное время степного или лесостепного населения скифской культуры (это отмечалось и ранее в большинстве работ) пытается конкретизировать этот вопрос. Так, говоря о лесостепном населении, пришедшем в Карпато-Подунавье, он называет племена Посульской группы Левобережья Днепра, Западноподольской группы Поднестровья. Весьма интересной является постановка вопроса об участии в этом процессе населения куштановицкой культуры Закарпатья.

Достаточно осторожно, что, на наш взгляд, вполне справедливо, подходит Я. Хохоровский к проблеме этнической принадлежности носителей ВК — «Точное этническое определение носителей ВК едва ли возможно» (с. 154—156). Объективной представляется критика Я. Хохоровским тезиса М. Душека и некоторых других исследователей, относящих население ВК исключительно к северофракийскому этносу. Безусловно, ВК является многоэтничной.

Я. Хохоровский делает попытку выделения некоторых этнических компонентов культуры. К числу таковых, по его мнению, относится население мезечатской культуры предскифского времени на Большой Венгерской низменности, в сложении которого принимало участие восточное степное население (киммерийцы), племена Западноподольской группы и куштановицкой культуры, содержащие северофракийский субстрат, скифо-иранское степное население и пр.

В заключение отметим, что монография Я. Хохоровского, безусловно, является важным вкладом в изучение скифской проблематики Карпато-Дунайского бассейна. Отдельные (и в целом незначительные) расхождения в трактовках тех или иных материалов отнюдь не снижают ценность этой работы и объясняются в определенной степени некоторыми методическими различиями в оценке скифских материалов отечественными и зарубежными исследователями. О несомненном интересе специалистов к рассматриваемой работе свидетельствуют первые рецензии, появившиеся в европейских изданиях [21]

С. А. Скорый, Л. С. Клочко

ЛИТЕРАТУРА

1. *Dušek M.* Thrakisches Gräberfeld der Hallstattzeit in Chotin. Bratislava, 1966.
2. *Bukowski Z.* The Scythian Influence in the Area of Lusatian Culture. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1977
3. *Dušek M.* Die Thraker im Karpatenbecken // SA. 1974. № 22.
4. *Csállany D.* Szkita ijaradványok // A Nyiregyházi Josa András múzeum Evkönyve. 1961. IV—V Neiregyhaza, 1964.
5. *Черненко Е. В.* Скифские лучники. Киев: Наук. думка, 1981.
6. *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980.
7. *Horedt K.* Die Ansiedlung von Blandiana, rayon Orăştie, am ausgang des ersten Jahrtausends u. Z. // Dacia. 1966. T. X.
8. *Скорый С. А.* Вооружение скифского типа в Средней Европе (к вопросу о связях Скифии и населения Средней Европы): Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. Киев, 1983.
9. *Скорый С. А.* Крестовидные бляхи ольвийского типа в Карпато-Подунавье // Проблемы исследования Ольвии. Парутино, 1985.
10. *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов // САИ. 1964. Вып. Д1-4.
11. *Скорый С. А.* Скифские мечи с лучковидным перекрестьем // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев: Наук. думка, 1982.
12. *Kemenczei T* Skythenzeitliche Akinakes in der Prähistorischen Sammlung des Ungarischen Nationalmuseums // Folia Archaeologica. 1984. B. XXXV
13. *Петренко В. Г* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. // САИ. 1967. Вып. Д1-4.
14. *Ковпаненко Г Т* Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев: Наук. думка, 1981.

15. *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.
16. *Скорый С. А., Рахимкулова Ф. Б.* К вопросу о контактах Северного Кавказа и Карпато-Подунавья в эпоху поздней бронзы — раннего железа // Археология и краеведение — вузу и школе. Тезисы докладов и сообщений Второй региональной научно-практической конференции. Грозный, 1985.
17 *Скорый С. А.* Доспех скифского типа в Средней Европе // Вооружение скифов и сарматов. Киев: Наук. думка, 1984.
18. *Черненко Е. В.* О времени и месте появления тяжелой конницы в степях Евразии // Проблемы скифской археологии. М.: Наука, 1971.
19. *Скорый С. А.* О скифском панцире из Артанда (Венгрия) // СА. 1985. № 3.
20. *Vasiliev V* Sciţii-agâtirşi pe teritoriul României. Cluj-Napoca. 1980.
21. *Hrala J* Jan Chochorowski: Die Vekerzug-Kultur // Archeologické rozhledy. 1986. T. XXXVIII. № 6.

B. D o s t á l. Břeclav-Pohansko. Časně slovanské osídlení. III. Brno, 1985. 168 c. 48 tab.

Великоморавское городище Поганско, расположенное на нижнем течении р. Дие в Моравии около г. Бржецлав, на протяжении многих лет, с 1958 до 1978 г., с небольшими перерывами исследовалось кафедрой предыстории Университета им. Я. Э. Пуркине в Брно под руководством Ф. Колоусека и Б. Достала. Здесь раскопаны феодальная усадьба IX в., христианский храм и примыкающее к нему кладбище. Результаты этих исследований подробно опубликованы в двух книгах, вышедших в 1971 и 1975 гг. [1, 2] При раскопках в разных частях городища обнаружены и более ранние объекты — VI—VIII вв., относящиеся к так называемым раннеславянскому и раннегородищенскому периодам. Часть этих ранних материалов, связанных с поселением I, опубликована Б. Досталом в 1975 г. в книге, посвященной феодальной усадьбе [2] Материалы второго поселения, получившего название «лесная школка» (находится на месте лесопитомника), изданы Б. Досталом в специальной работе 1982 г. [3], в которой, кроме того, собраны сведения о раннеславянских памятниках низовьев р. Дие, освещены вопросы хронологии, затронуты некоторые экономические и социальные проблемы. В рецензируемой книге автор публикует материалы нескольких могильников, один из которых исследован на территории городища Поганско, другие находятся в окрестностях Бржецлава. В этой же книге рассматривается хронология памятников и повторяются основные выводы об экономической жизни и социальном развитии славянского населения в третьей четверти I тыс. н. э.

Книга начинается с раздела о заселенности района Бржецлава в VI—VIII вв. По обоим берегам р. Дие на протяжении 15 км известно четыре пункта с раннеславянскими находками. Расположены эти пункты на расстоянии от 2,5 до 5 км друг от друга. В двух из них — Поганско и Старый Бржецлав — открыты поселения и отстоящие от них на 300—500 м могильники, в одном пункте (Пошторне) находилось только поселение и в последнем пункте — Лес Трнава расположен могильник (известный по старой литературе как могильник Ланжгот), вблизи которого, как предполагает Б. Достал, должно было находиться и поселение. Таким образом, микрорегион на Нижней Дие был довольно густо заселен и на месте городища Поганско рядом с могильником находилось два поселения, а возможно, и больше, так как синхронные объекты обнаружены еще за пределами городища в северо-восточном предгрядье.

Второй раздел книги посвящен могильникам, расположенным в окрестностях Бржецлава,— полностью раскопанному могильнику на городище Поганско (вскрыто 55 трупосожжений) и частично вскрытым могильникам в Старом Бржецлаве (33 погребения) и в Лесе Трнава (15 погребений). Раскопки на двух последних могильниках были проведены в предшествующие годы, в том числе Й. Поуликом в 1947 г. и В. Подборским в 1960—1961 гг., и их материалы частично опубликованы. Б. Достал публикует полные данные о всех могильниках, описания каждого погребения даны в приложении в книге и рисунки всех находок приведены в таблицах.

Все погребения на могильниках совершены по обряду кремации на стороне. Из них от 12,5 до 17,6% безурновые, в которых остатки сожжения помещены в ямки глубиной 20—50 см, диаметром от 20 до 80 см. В большинстве случаев останки помещались в урны, установленные в ямки такой же глубины, но меньшего диаметра (20—30 см). В единичных погребениях урны были перевернуты вверх дном, иногда кости находились рядом с сосудом. Инвентарь погребений очень беден: один или

два сосуда, отдельные черепки, изредка нож, шило, стрела, пряжка, пинцет, оплавленные стеклянные бусины. В некоторых погребениях встречены кости животных и птиц.

Все три могильника, по мнению автора, вытянуты с северо-запада на юго-восток, содержали приблизительно по 60 погребений, расположенных на площади около 2 тыс. м ^{2}, что напоминает могильник в Дессау-Мозигкау. Однако такое сопоставление возможно только для раскопанного полностью могильника Поганско. Могильники в Старом Бржецлаве и Лесе Трнава исследованы в столь незначительной степени, что судить о их площади и планировке рискованно и соответственно преждевременно делать заключения об общей закономерности планировки раннеславянских могильников.

Очень важны антропологические исследования материалов из погребений в Поганско и Старом Бржецлаве, которые позволяют определить в большинстве случаев пол и возраст погребенных. Такие сведения очень редко удается получить для раннеславянских могильников. Оказалось, что число мужских, женских и детских (до 14 лет) погребений приблизительно пропорционально (около 30% от общего количества определимых). В четырех случаях в одном комплексе находились кости мужчины и, как правило, более молодой женщины, положенные в две стоящие рядом урны, или кости были смешаны и помещены в одну урну либо ямку. Автор сопоставляет такой обычай с сообщением св. Бонифация (середина VIII в.) о том, что некоторые славянские жены добровольно следуют в могилу вслед за мужем.

В этой же главе Б. Достал описывает керамику, найденную в могильниках, рассматривает их датировку и некоторые демографические моменты. Так как керамика из могильников и поселений однотипна, а принципы датировки этих памятников одинаковы и повторяются в разных главах, то на этих вопросах можно остановиться в конце рецензии.

Характеристика поселений, расположенных на городище Поганско, и разбор найденного на них инвентаря и керамики даны в разделах III и IV, которые в какой-то мере воспроизводят публикации 1975 и 1982 гг. Поселения занимали северо-западную и северо-восточную части городища и выходили за пределы укрепленной линии. Оба поселения (селища I и II) раскопаны не полностью и, вероятно, даже в меньшей своей части. Кроме того, объекты на селищах сильно повреждены позднейшими великоморавскими сооружениями — усадьбой феодала и оборонительным валом. В целом на селище I открыто 45 объектов, большинство из которых являлись ямами-хранилищами или хозяйственными постройками и лишь два сооружения могли служить жилищами (№ 75 и 120). Оба жилища сохранились плохо и представляли собой наземные постройки со стенами столбовой конструкции и сильно разрушенными печами-каменками, помещенными в центре дома. Жилища относятся к разным периодам существования поселения. На втором селище вскрыто 34 объекта, из которых шесть были жилыми, но также датирующимися разным временем. Жилища, слегка углубленные в землю (не более 40 см), имели четырехугольную форму, иногда около стен прослеживаются столбовые ямы. Печи-каменки занимали северо-западный или северо-восточный угол помещения, что обычно для раннеславянских полуземлянок. Автор делает интересное наблюдение: когда хозяева по тем или иным причинам оставляли дом, печь-каменка разбиралась, камни уносились или разбрасывались по всему помещению. То же прослеживалось и на других славянских поселениях, например, в Кодыне, и было, вероятно, связано не столько с практическими надобностями, но и с какими-то обрядами, связанными с переселением в другое место.

Утверждение Б. Достала о том, что в Поганско находилось не два, а одно большое поселение диаметром 300—400 м, кажется недостаточно обоснованным, так как между скоплениями объектов обоих селищ расстояние не менее 150 м, а если учесть, что ранние сооружения на обоих селищах занимали самые удаленные друг от друга участки, то это расстояние было еще бóльшим. Именно так близко одно от другого располагаются обычно раннеславянские поселения (Кодын, Корчак), имеющие к тому же очень небольшие размеры, соответствующие величине селищ I и II в Поганско (около 100 м^2). Занимали эти ранние поселения в Поганско, вероятно, площадь, выходящую за пределы раскопанной и простирающуюся ближе к ручьям, что также характерно для раннеславянских поселений. Другое дело, что в более позднее время селища могли разрастись, слиться между собой и образовать одно большое поселение, в пользу чего говорят находки раннегородищенского объекта в траншее, проведенной между селищами.

Самым массовым материалом, полученным при работах на могильниках и поселениях, является керамика. Лепную посуду Б. Достал относит к пражскому типу и его дериватам, а частично подправленная на круге и орнаментированная (волнистыми, горизонтальными, ломаными линиями, нанесенными часто гребнем) принадлежит к дунайскому типу. Надо заметить, что среди лепной

посуды есть горшки округлобокой формы, не имеющие отношения к пражской керамике и составляющие местную особенность раннеславянских комплексов. При подробном описании керамики автор в основном опирается на типологию, разработанную И. Плейнеровой и Ю. Земаном, отмечает детали профилировки, пропорций сосудов, состав их теста, но все эти особенности фактически не учитываются при дальнейшей работе, в частности при датировке посуды.

Хронологию памятников Б. Достал устанавливает в основном по керамическому материалу с привлечением данных о немногочисленных датирующих находках. Опираясь на разработанную Ю. Земаном последовательность распространения типов керамики, автор выделяет три горизонта: для первого из них характерна лепная неорнаментированная посуда, для третьего — орнаментированная и частично подправленная на гончарном круге, тогда как во втором, промежуточном горизонте встречается смешанный материал, содержащий как лепную, так и подправленную на круге орнаментированную посуду. Кроме того, среди орнаментированной керамики выделяется более ранняя, неумело и небрежно сделанная, и позднейшая, изготовленная тщательнее, с ровными узорами, проведенными во время обработки сосудов на круге. Данных для абсолютной датировки последовательных горизонтов немного, так как вещи, найденные на могильнике, и поселениях, имеют аналогии в славяно-аварских и германских древностях и относятся к довольно широкому хронологическому диапазону (в пределах VI—VIII вв.): трехгранный и листовидный наконечники стрел, пинцет, двусторонние костяные гребни. Часть находок датируется сравнительно поздним временем — не раньше середины VII в. (прямоугольные пряжки с прогнутыми сторонами, калачевидное кресало, железная миска силезского типа). Эти материалы и стратиграфические наблюдения (напластования великоморавского периода IX в.) позволяют датировать конец третьего горизонта рубежом VIII—IX вв., а начало этого горизонта отнести к середине — второй половине VII в., когда выходит из употребления керамика пражского типа, как считают некоторые чешские археологи, хотя Ю. Земан отмечал существование лепной посуды до рубежа VIII—IX вв. Нижнюю границу второго горизонта, т. е. время появления орнаментированной и подправленной на круге посуды, Б. Достал относит к середине VI в. на основании находки одностороннего костяного гребня в объекте 6а селища II. Но, во-первых, гребень по ряду аналогий может датироваться VI—VII вв. (с. 69) и сужение этой датировки не оправдано и, во-вторых, в яме 6а обнаружено 48 неорнаментированных и лишь один орнаментированный обломок сосуда, к тому же эта яма непосредственно примыкает к объекту 6, где есть орнаментированная посуда, и один обломок мог попасть в яму 6а случайно. Во всяком случае, нет достаточных оснований для удревнения времени появления орнаментированной керамики, и она в районе Бржецлава, как и на других территориях, вероятно, распространялась в VII в. Первый горизонт с лепной посудой, как более ранний, Б. Достал датирует первой половиной VI в. и считает возможным его возникновение даже на рубеже V и VI вв., так как в объекте 72 на селище I было найдено два обломка серой гончарной посуды поздней фазы переселения народов (с. 78). По-видимому, эта находка не может служить достаточным обоснованием столь раннего распространения славян в Южной Моравии, тем более что керамический комплекс объекта 72 состоит из сравнительно развитых вариантов лепной посуды, которые часто встречаются вместе с орнаментированной и подправленной на круге. Таким образом, для решения проблемы датировки материалы из Поганско ничего существенно нового не дали, и комплексы с лепной пражской керамикой по-прежнему следует датировать VI в.

Наибольшие трудности, как и на всех раннеславянских памятниках, вызывает датировка отдельных объектов и погребений. Выделенные горизонты достаточно условны, между ними, как совершенно правильно считает автор, не могло быть строгой хронологической границы; кроме того, комплексы с разным набором керамики могли некоторое время сосуществовать и сменять друг друга постепенно. Погребения, часто содержащие по одному сосуду, невозможно узко датировать, так как для более точной датировки необходим значительный керамический комплекс. Материалы с объектов, раскопанных на поселении, также не дают уверенности в том, что в них представлен весь комплекс посуды, которым пользовались его владельцы. К сожалению, при издании материалов Б. Достал нигде не отмечает, с какого уровня собрана керамика — с пола объекта или из его заполнения, куда могли попадать и разновременные находки. Следует также заметить, что при датировке керамических комплексов автор больше обращает внимания на технику изготовления сосудов и орнаментацию, чем на их форму. В то же время в изданных комплексах наблюдается строгая закономерность: классические сосуды пражского типа с короткой и почти прямой шейкой не встречаются вместе с подработанной на круге и орнаментированной посудой дунайского типа. Исключения составляют лишь два объекта — № 4 и 5 на поселении II, но именно эти объекты были наруше-

ны более поздними сооружениями и в их заполнение могли попасть черепки из верхних горизонтов (с. 76). По-видимому, учитывая аналогии с других раннеславянских памятников, наиболее ранними можно считать те объекты, в которых содержалась посуда классического пражского типа. В комплексах с дунайской керамикой обнаружена лепная посуда более развитых вариантов с высоким и сильно отогнутым горлом (например, на селище II объекты 3, 6а, 17, 25, 26, 28, 50). Соответственно комплексы, содержавшие такую лепную посуду развитых вариантов, могут или относиться к концу существования объектов первого горизонта, или быть синхронными второму горизонту.

Б. Достал совершенно справедливо отказывается от датировки отдельных погребений, так как каждое из них содержало слишком отрывочный материал, но пытается установить относительное соотношение по времени могильников в целом. Так, наиболее старшим он считает могильник в Старом Бржецлаве, где преобладают погребения с неорнаментированной посудой; следующим по времени оказывается могильник в Лесу Трнава, в котором число погребений с лепной и дунайской керамикой приблизительно равно; к наиболее позднему времени относит могильник в Поганско с преобладанием находок орнаментированных горшков дунайского типа. Нужно отметить, что только могильник в Поганско раскопан полностью, два же других могильника исследованы лишь в незначительной части, и процентное соотношение типов керамики вряд ли отражает их действительную хронологическую позицию. Кроме того, на всех могильниках есть погребения с ранней пражской, более развитой лепной и с подунайской посудой, и скорее всего все могильники были синхронными.

Важно обращение автора в разделе V к экономической и социальной проблематике. На основании топографии поселений, типичной для большинства аналогичных памятников, наличия ям-хранилищ, находок протвиней и жернова, отпечатков зерен пшеницы, ячменя, овса и проса Б. Достал приходит к выводу, что основой экономики было земледелие. Подсчеты количества зерна, необходимого для жизнедеятельности населения, и в связи с этим вычисления размера обрабатываемой земли имеют характер самых общих наблюдений, так как многие факторы учесть невозможно. Так, мало правдоподобными кажутся данные о количестве зерна, которое могло храниться в ямах, хотя бы из-за того, что на поселениях выявлены не все ямы (площадь селищ сильно испорчена в позднейшее время и исследована не полностью), около некоторых жилищ расположены ямы другого времени (на селище II около жилищ первого горизонта № 5 и 111 находятся ямы, относящиеся ко второму горизонту, и т. д.). Кроме того, не во всех ямах обязательно хранили именно зерно. Не вполне убедителен также вывод об изменении состава стада в поздних комплексах. Этот вывод сделан по подсчетам костей, найденных в объектах, но на многослойных поселениях кости, как правило, выбрасывали вместе с мусором в уже ненужные ямы.

Очень интересно наблюдение Б. Достала, подтверждающееся данными с других раннеславянских поселений, о существовании хозяйственных комплексов — дворов, состоящих из нескольких жилых домов и общего хозяйственного участка, что свидетельствует о совместном ведении хозяйства всеми обитателями двора, которые могли входить в состав большой семьи. Малые семьи, входившие в состав этой общности, жили уже в индивидуальных домах, что, по представлениям автора, указывает на распад большой семьи и возникновение патронимии. К сожалению, недостаточно большая вскрытая на поселениях площадь не дает надежных оснований для определения территории дворов и их количества.

В следующем разделе Б. Достал рассматривает памятники Поганско на более широком фоне всей территории Моравии, где, по его данным, насчитывается 52 раннеславянских памятника. Он считает, что славяне расселялись прежде всего на юге Моравии, на землях, не занятых лангобардами. В отношении высказанной Й. Поуликом гипотезы о наличии у славян, помимо памятников культуры пражского типа, принадлежавшей земледельцам, проникшим на территорию Моравии с севера, еще и комплексов дружинного облика, связанных с движением из Карпатской котловины, Б. Достал занимает осторожную позицию, настаивая на том, что эта проблема требует дополнительных исследований.

В заключение хочется отметить, что все высказанные замечания касаются в основном лишь спорных проблем, для решения которых пока нет достаточных данных. Важно прежде всего, что книга Б. Достала вводит в научный оборот новый богатый материал, значение которого увеличивается еще в связи с тем, что он происходит из поселений и расположенного рядом могильника. На территории Чехословакии до сих пор не было в таком масштабе исследованного и опубликованного комплекса, да и во всем славянском ареале это, пожалуй, только второй такой случай после ис-

следований в Дессау-Мозигкау. Бóльшая часть приведенных в книге материалов добыта под руководством автора в ходе многолетних раскопок, проведенных с большой тщательностью и на высоком методическом уровне.

Качество публикации безупречно: приведены описания всех погребений, даны планы могильников, комплексы находок исчерпывающе представлены в таблицах и фотографиях, что делает книгу Б. Достала вместе с предшествующими публикациями раннеславянских памятников Бржецлава-Поганско первоклассным источником для решения ряда проблем славянской истории.

И. П. Русанова, И. О. Гавритухин

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kalousek F.* Břeclav-Pohansko. Velkomoravské pohřebiště u kostela. I. Brno, 1971.
2. *Dostál B.* Breclav-Pohansko. Velkomoravský velmožský dvorec. IV. Brno, 1975.
3. *Dostál B.* K časně slovanskému osidleni Břeclavi-Pohanska // Studie Archeologického ústavu Československé Akademie Věd v Brně. Roč. X. 2. Praha, 1982.

Ю. Н. Воронов, О. Х. Бгажба. Материалы по археологии Цебельды. (Итоги исследования Цибилиума в 1978—1982 гг.). Сухуми: Мецниереба, 1985. 96 с., 113 табл.

Уникальный памятник археологии, архитектуры и истории — крепость Цибилиум исследует Цебельдинская археологическая экспедиция Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГрузССР под руководством Ю. Н. Воронова.

Планомерные раскопки крепости начались в 1977 г. и уже в 1983 г. в издательстве «Мецниереба» вышел сборник «Археологические исследования в Цебельде. Результаты раскопок 1977 г.», написанный пятью авторами, участниками экспедиции (Ю. Н. Воронов, О. Х. Бгажба, И. Л. Джалаганиа, М. М. Гунба и Л. Г. Хрушкова) [1, с. 3—131]. В 1985 г. в том же издательстве появился новый труд абхазских археологов —«Материалы по археологии Цебельды (Итоги исследований Цибилиума в 1978—1982 гг.)», авторы Ю. Н. Воронов и О. Х. Бгажба. Исчерпывающая полнота исследования памятника и оперативность, с какой он введен в науку, редкое явление в наше время, и авторы книги заслуживают большой благодарности.

Книга вышла небольшим тиражом в Тбилиси и может быть доступна ограниченному кругу археологов, поэтому стоит кратко остановиться на ее содержании. Работа состоит из предисловия, трех глав, заключения и 113 таблиц, содержащих 69 чертежей и схем, а также 2400 рисунков предметов, найденных при раскопках крепости. Приведены практически все находки, что делает работу особенно ценной. В предисловии дана краткая историография исследования памятника, начиная от упоминания его Л. М. Серебряковым в 1865 г. до начала работ Цебельдинской экспедиции в 1977 г. Кроме того, очень кратко приведены данные Прокопия Кесарийского и Агафия Миринейского о крепости Тзибила-Тибелия VI в. н. э.

Глава первая содержит отчеты о работах в Цибилиуме (с 1978 по 1982 г.). Описание ведется по объектам со ссылками на материал, представленный в многочисленных таблицах. Особенно убедительна заключительная таблица работы, в которой авторы сумели сопоставить культурные напластования, зафиксированные на профиле, и вещевой материал, соответствующий им. Четкое чередование слоев полностью соответствует сведениям византийских авторов о неоднократной смене гарнизонов в Цибилиуме на протяжении четверти века.

Крепость, построенная в 20—30-х годах VI в., принадлежала апсилам. Летом 550 г. ее хитростью захватили персы, но продержались в ней лишь до осени того же года, когда в крепость вступил византийский гарнизон. Такая точность определения времени существования слоя (менее полугода) поистине уникальна. Особенно при том положении нашей науки, когда культурные напластования на некоторых памятниках датируются слишком широко, например IV—VI, а то и IV—VII вв.

В последние годы, особенно после работ А. К. Амброза [2, с. 25—38; 3, с. 3—36], наметилась тенденция к пересмотру интерпретации ряда античных центров и их передатировки: Тиритака — В. Ф. Гайдукевич [4, № 513, *u*, *s*, *w*], А. В. Сазанов [5, с. 128, 129]; Ильичевское городище —

Н. И. Сокольский [6, с. 168, 169], Э. Я. Николаева [7, с. 110—113; 8, с. 168—174; 9, с. 173—179] и т. д. Отрадно видеть, что результаты исследований археологов, работающих на Боспоре, полностью совпадают с выводами, полученными абхазскими коллегами.

Вторая глава посвящена описанию архитектурных объектов Цибилиума — уникального комплекса построек: боевых башен (пятигранной, купольной, катапультной), протейхизмы, перибола, бассейнов-накопителей, водопровода из тонких керамических труб и каменного желоба. Общая длина водопровода составляет 354 м! Большой интерес представляет храмовый комплекс, состоящий из трех церквей и гробницы с мощами.

Необыкновенно интересна находка в крепости черепицы и кирпичей с клеймами, содержащими имя епископа Константина, вероятно первого епископа Апсилии,— имя, ранее неизвестное. Этот епископ организовал в окрестностях Цибилиума мастерские по производству кирпича и кровельной черепицы. Вероятно, здесь работали ремесленники, связанные с византийским гарнизоном,— традиция давняя. Можно вспомнить в этой связи, например, черепицу и кирпичи с клеймами римских гарнизонов в лагерях римского лимеса. Прекрасная иллюстрация этому — Харакс, римский лагерь в Северном Причерноморье, где кирпичи клеймились сначала клеймами Равенской эскадры, а затем клеймами I Италийского и XI Клавдиева легиона [10, с. 64]. В Цибилиуме во главе мастерских стоял епископ, обладающий властью не только духовной, но и экономической. И вероятно, это его мощи были обнаружены в 1983 г. в деревянном ящике в гробнице у храма. Уникальны также остатки росписи 30-х годов VI в. и купель для крещения взрослых людей.

Одного взгляда на план раскопа достаточно для того, чтобы понять, что крепостной ансамбль Цибилиума построен в лучших традициях византийской архитектуры. Четкое и подробное описание комплекса, приведение обоснованных аналогий — несомненная заслуга авторов.

Важным достижением работы является решение вопроса об облике, структуре и роли византийского лимеса юстинианов ской эпохи на территории нашей страны. Вопросы эти решаются сейчас и для Северного и Северо-Западного Причерноморья, в частности для горных районов Крыма (пещерные города). Вероятно, следует пересмотреть датировку этих памятников в свете сведений Прокопия Кесарийского. Пример Цибилиума должен вдохновить археологов на более систематические и полные исследования крепостей Крыма и Азиатской стороны Боспора, начало этим работам уже положено [11, с. 77—85; 12, с. 287]

В третьей главе приведен колоссальный по объему вещевой материал из раскопок крепости, скомпанованный в 80 таблиц. В первом разделе описаны амфоры 10 типов, главным образом привозные. Отмечу, что амфора, изображенная на рис. 20,*10*, отнесена ко второму типу цилиндрических амфор ошибочно, так как она имеет шаровидное тулово. Таких амфор довольно много найдено в крепости у пос. Ильич. Некоторые из них сохранились полностью. Амфоры типа 5 широко распространены в Северном Причерноморье, например такая амфора найдена с нефтью в Тиритаке, их много (несколько десятков) на Ильичевском городище. Опираться на выводы Шкорпана в этом случае не представляется целесообразным, так как он совершенно не учитывал находок амфор этого типа и типа I из Северного и Восточного Причерноморья. Наши материалы остались ему совершенно неизвестны. Тем более важна и своевременна публикация Ю. Н. Воронова и О. Х. Бгажбы.

Во втором разделе приведены пифосы, которые оказались местными; затем двуручные сосуды, кувшины, лутерии, чаши, миски, вазы, краснолаковые изделия, котловидные сосуды, горшки, кружки, крышки. Вызывает недоумение малое количество светильников, это заставляет задуматься об освещении крепости (лучинами, факелами, свечами?). Интересна коллекция кирпичей шести типов, в том числе круглых, а также черепицы четырех типов с клеймами. До сих пор клейменой черепицы этого времени известно не было.

Представлены также материалы, связанные с металлообработкой, пряслица, изделия из кости, камня, стекла, железа, бронзы. Отдельно рассматриваются находки античного времени, равно как и находки развитого и позднего средневековья.

В заключении даются основные выводы, полученные в результате раскопок Цибилиума: о непрерывности заселения территории памятника на протяжении более 1000 лет, о передатировке крепости и всей оборонительной системы Апсилии VI в. (прежняя дата IV в.), об основных чертах материальной культуры местного населения во второй четверти — середине VI в, что позволяет надежно датировать цебельдинские могильники этого времени, о времени и обстоятельствах христианизации апсилов, имени их первого епископа и строителя храмов и крепостных сооружений.

Великолепный комплекс оборонительных, жилых и культовых сооружений, большое количество импортного материала дают широкие возможности для изучения истории экономических и культурных связей населения Цебельды в VI в. На конкретных материалах доказана высокая точность свидетельств византийских авторов Прокопия Кесарийского и Агафия Миринейского. В последнее время вообще наблюдается пересмотр отношения к древним историкам в сторону большего к ним доверия. Яркий пример тому работы М. В. Агбунова, который убедительно доказал, что многие «ошибки» античных авторов в локализации древних населенных пунктов — результат изменения природных условий (береговой линии, рельефа местности и т. п.) [13, с. 3—158]. Все большее количество сведений древних историков находит подтверждение в результатах новых раскопок.

Наиболее важными в рецензируемой книге представляются выводы, касающиеся общих вопросов для территории всего Причерноморья юстиниановской эпохи. Почти 100 лет дискутировался в науке вопрос о клисурах. Работы Ю. Н. Воронова и О. Х. Бгажбы положили конец этой дискуссии. Установлено, что укрепления Лазики, Апсилии и Абасгии — пункты византийского лимеса, который, кстати, прослеживается по всей границе Византийской империи, включая и Северное Причерноморье, и лимес таврический, и дунайский лимес. Это единая непрерывная система, лакуны в которой все полнее закрываются благодаря раскопкам последних лет [14, с. 20]. Жаль, что публикация этих материалов значительно отстает от самих раскопок.

Передатировка Цибилиума VI в. полностью совпадает с аналогичными работами, проводимыми для территории Боспора, как Европейского [5, с. 128, 129], так и Азиатского [14, с. 14—20]. Очень интересен факт наличия аланского компонента в крепостях Цибилиума и Ильичевского городища. Абсолютное совпадение выводов археологов, работающих в разных регионах, еще раз подтвердило высокую продуктивность системы хронологии памятников эпохи великого переселения народов, предложенную А. К. Амброзом.

В сущности, каждый пункт выводов работы Ю. Н. Воронова и О. Х. Бгажбы можно развить в отдельную публикацию. Жаль, что работа написана очень сжато, прямо-таки телеграфным языком. Вероятно, из-за этого несколько поверхностно, без глубокого анализа дается описание находок. Особенно это касается импортных изделий. Относительно упомянутых уже амфор типа I можно добавить, что, хотя они по большей части относятся ко второй-третьей четверти VI в., но появляются уже в середине V в. (Египет, Карфаген) и существует до середины VII в. (Ясси-Ада). По поводу амфор типа VII наши представления, основанные на датировках А. Л. Якобсона, устарели. Теперь эти амфоры датируются не IV—VI вв., а четко VI в. и связываются с производством Сард.

Не очень внимательно изучена авторами работа «Late Roman Pottery» (J. Hays) [15], что привело к неточной датировке некоторых типов краснолаковой керамики. Так, например, тип I изделий этого вида в Цибилиуме датируется V—VII вв. вместо 450—525 гг. Подобные сосуды в большом количестве имеются в Северном Причерноморье: в Танаисе конец IV— середина V в. [16, с. 44, рис. 17], в Тиритаке конец V— вторая четверть VI в., в Ильичевке — вторая, третья четверть VI в. Датировка краснолаковой керамики поздних вариантов Т. Н. Книпович [17, с. 318], как и датировка поздних античных амфор И. Б. Зеест [18, табл. XXXVIII—XLI], ошибочны. Их даты основываются на неверной интерпретации соответствующих слоев Мирмекия и Тиритаки В. Ф. Гайдукевича, от которой он отказался в немецком издании «Боспорского царства». Вероятно, назрела необходимость в переиздании монументального труда И. Б. Зеест «Керамическая тара Боспора» с учетом достижений советской и зарубежной науки, а также в создании каталога краснолаковой керамики Северного и Восточного Причерноморья, тем более что определенные шаги в этом направлении предпринимаются.

Приведенные поправки лишь подтверждают и уточняют правильность передатировки Цибилиума и всей оборонительной системы Апсилии VI в., проделанной авторами рецензируемой работы. К сожалению, в ней совсем не дано фотографий объектов. Оставляет желать лучшего качество издания, ибо результаты работ в Цибилиуме заслуживают издания типа «Великого Питиунта».

Э. Я. Николаева

ЛИТЕРАТУРА

1 Археологические исследования в Цебельде (результаты раскопок 1977 г.). Тбилиси: Мицниереба, 1983.
2. *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 2.
3. *Амброз А. К.* Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV—VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. М.: Наука, 1980.
4. *Gaidukevič V F* Das Bosporanische Reich. B., 1971.
5. *Сазанов А. В.* Боспор в ранневизантийское время // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тез. III конф. молодых ученых ИА АН СССР. М., 1986.
6. *Сокольский Н. И.* Раскопки в северо-западной части Таманского полуострова // АО—1966. М., 1967
7 *Николаева Э. Я.* Краснолаковая керамика со штампами с Ильичевского городища // КСИА. 1978. Вып. 156.
8. *Николаева Э. Я.* Поселение у дер. Ильич // КСИА. 1981. Вып. 168.
9. *Фролова Н. А., Николаева Э. Я.* Ильичевский клад монет 1975 года // Византийский временник. 1978. Т. 39.
10. *Цветаева Г А.* Боспор и Рим. М.: Наука, 1979.
11. *Масленников А. А., Чевелев О. Д.* Новые памятники античного времени на северном побережье Керченского полуострова // КСИА. 1981. Вып. 168.
12. *Масленников А. А.* Раскопки на мысе Зюк // АО—1981. М., 1983.
13. *Агбунов М. В.* Загадки Понта Эвксинского. М.: Мысль, 1985.
14. *Николаева Э. Я.* Боспор после гуннского нашествия: Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1984.
15. *Hayes J. W* Láte Roman Pottery. A catalogue of Roman Feine Wares. The Britisch School at Rome. L., 1972.
16. *Арсеньева Т. М.* Краснолаковая керамика из Танаиса конца IV — начала V в. н. э. // КСИА. 1981. Вып. 168.
17. *Книпович Т Н.* Краснолаковая керамика первых веков н. э. // МИА. 1952. № 25.
18. *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83.

С. В. Маркин. Палеолитические памятники бассейна реки Томи. Новосибирск: Наука, 1986. 177 с.

Современный этап изучения палеолита Сибири характеризуется бурным расширением масштаба полевых исследований, стремительно заполняющих еще многочисленные «белые пятна» на археологической карте. Одной из таких лакун вплоть до последнего времени являлся и бассейн р. Томи. Открытая в конце прошлого века Томская стоянка да материалы разведок А. П. Окладникова (сборы у Старокузнецка и аильский клад) — вот и все, что мы знали о палеолите этого обширного региона. Промежуточное положение бассейна Томи между двумя давно известными областями сосредоточения палеолита — Алтаем и долиной Енисея — обуславливает особый интерес к району исследований С. В. Маркина. За короткий срок автору рецензируемой книги удалось открыть более 30 памятников и провести на некоторых из них раскопки. Известные по предварительным заметкам, эти материалы ныне в полном объеме вошли в научный оборот и позволяют наглядно представить облик палеолитической культуры бассейна Томи.

Описываемые в монографии памятники на первый взгляд малопримечательны. Культурные слои их, бедные находками, приурочены к «немым» в геологическом смысле покровным отложениям III—IV террас, остатки фауны практически отсутствуют. Возможности для датирования ограничены общей фразой о позднесартанском возрасте вмещающих пород. Интересных деталей культурного слоя (за исключением четко очерченного скопления с ямой в центре на Шорохово I) также нет. Казалось бы, подобные материалы вряд ли могут послужить основой для создания крупной работы монографического плана. Однако тщательность анализа по сути единственного наличного источника — каменного инвентаря позволила автору в известной мере компенсировать ущербность томских материалов. На методической стороне дела и хотелось бы остановиться. Рецензируемая работа представляет собой первый для палеолита Сибири опыт всестороннего анализа инвентаря на всех уровнях его описания: сырье, техника первичного раскалывания, техника вторичной обработки, типология. Не секрет, что недостаточное внимание к типологическому облику индустрий, поверхностное и сбивчивое описание изделий, подмена принятых в мировой науке критериев домороценными схемами продолжает оставаться главной бедой сибирского палеолитоведения. На этом фоне четкое, предельно подробное, с массой статистических выкладок и снабженное большим коли-

чеством иллюстраций исследование С. В. Маркина производит самое отрадное впечатление и являет собой пример для подражания.

Работа строится по хорошо продуманному плану. После краткой географической характеристики района исследований следует глава о четвертичной геологии террас Томи. Во второй главе, составляющей основу работы, делается описание как памятников, на которых производились раскопки (Бедарево II, Ильинка II, Шорохово I, Шумиха I), так и пунктов с отдельными палеолитическими артефактами. Приводятся планы и разрезы основных стоянок, сведения по планиграфии, детально рассматриваются находки.

Выскажем лишь некоторые замечания относительно используемой автором классификационной схемы.

Первичное раскалывание. При описании ядрищ С. В. Маркин не сделал фундаментального разграничения, предложенного З. А. Абрамовой, на нуклеусы I и II (микроядрища) групп. Вызывает сомнения определение ядрища из Шорохово I (рис. 39,*1*) как заготовки леваллуазского типа. Судя по рисунку его профиля, это сработанный до предела дисковидный нуклеус, снять с которого леваллуазский отщеп просто невозможно. Непонятно, почему реберчатые пластины в таблицах всюду включены в графу «пластины», а сколы оживления площадок и плоскостей ядрищ, судя по описанию, зачислены в «отщепы», в то время как боковые сколы попали в графу «ядрища». Гораздо логичнее все эти изделия объединить в особую рубрику «технические сколы» или «сколы оформления ядрищ». Процент пластин повсеместно завышен за счет включения в их число сколов с весьма далекими от параллельности краями (особенно ряд предметов на рис. 13, 25, 45—47, 66). Как видно из иллюстраций, в пластины попали многие отщепы с продольной огранкой спинки, удлиненные обломки, сколы оживления. По этой же причине в группу ретушированных пластин зачислены некоторые отщепы с ретушью и скребла.

Вторичная обработка. Эта часть представляет наибольший интерес, ибо перед нами первая монография по палеолиту Сибири, где характеристика вторичной отделки орудий вынесена в особый раздел, что соответствует современным тенденциям в палеолитоведении. Ведь данный аспект анализа каменного инвентаря содержит важную культуроразличительную информацию. К сожалению, автор не подразделил «выемчатые сколы» (анкоши) на клектонские, клектонские с дополнительной подправкой и ретушированные (одинарные), хотя в дальнейшем, при описании выемчатых изделий, эти различия и отмечаются. При характеристике ретуши нет обычного расчленения ее на несколько градаций по крутизне (упомянутое в одном случае подразделение на «крутую» и «пологую» явно недостаточно).

Типология. Описание категорий орудий в общем следует порядку, установленному З. А. Абрамовой для кокоревско-новоселовских памятников, что облегчает задачу сопоставительного анализа. Однако в группу «ножей», на наш взгляд, вошли две совершенно разные категории вещей. Первая — скребла с обушками и приостряющей ретушью (рис. 27, *1, 2*; 58, *1, 4*). Вторая группа — это сколы без вторичной обработки с обушками и противолежащим им острым режущим краем, несущим следы ретуши утилизации (рис. 15; 58, *5—8*). Включение подобных изделий в раздел орудий противоречит основному типологическому принципу («орудие — вещь с вторичной обработкой»), они должны рассматриваться отдельно, под рубрикой «сколы со следами использования».

Общее замечание по всем разделам описания — перегруженность текста цифровым материалом, часто дублирующим таблицы. Вряд ли необходимо во всех случаях вычислять процентные соотношения, особенно при малом количестве находок.

В третьей главе автор проводит скрупулезное сопоставление описанных выше памятников по всем технико-типологическим параметрам, создает тип-лист томского палеолита (используя в качестве основы известные построения З. А. Абрамовой для палеолита Енисея), определяет место памятников Томи в сибирском палеолите. С. В. Маркин убедительно демонстрирует технико-типологическое единство трех исследованных им стоянок (Бедарево II, Ильинка II, Шорохово I). Общими чертами их индустрий в области техники расщепления выступает преобладание ядрищ с параллельным скалыванием на гальках одно- и двуплощадочных форм, с небольшой примесью радиальных и торцовых нуклеусов. На ряде ядрищ прослеживается обработка тыльной стороны. Микронуклеусы представлены торцовыми и атипичными клиновидными ядрищами. В наборе орудий ведущую роль играют пластины с ретушью одного и двух краев, с ретушью поперечного края, с ретушью на брюшке. Часты резцы (угловые и срединные), концевые скребки на пластинах и отщепах короткие и укороченные, скребки с носиком. Довольно много выемчатых и зубчатых изде-

лий, встречаются скребла, чопперы, острия, отщепы с ретушью, изредка атипичные долотовидные орудия. Для обозначения выделенной им группировки памятников автор использует понятие локальной культуры и выделяет новую, бедаревскую культуру. Вместе с тем отмечается и схожесть бедаревской культуры с одновременными памятниками Алтая, Енисея и Чулыма, входящими в «южносибирский культурный пласт» (с. 159).

Несколько отличается от упомянутых стоянок инвентарь Шумихи I с четко представленными клиновидными формами микронуклеусов, более выразительными скреблами. Остальные отличия можно отнести за счет малой представительности коллекции. Автор склоняется к тому, чтобы рассматривать Шумиху как стоянку локального варианта бедаревской культуры, отмечая ее близость к кокоревской культуре. Последнее обстоятельство очень интересно. Дело в том, что поздний этап верхнего палеолита Сибири («южносибирская культурная область», по З. А. Абрамовой) не характеризуется четкой дифференциацией на замкнутые пространственно-временные группировки типа локальных культур, а скорее представлен рядом взаимоперекрещивающихся вариантов. При этом новые открытия зачастую заполняют типологические пробелы между ранее считавшимися разнокультурными памятниками. Возможно, это произойдет и при продолжении исследования палеолита как самого бассейна Томи, так и близлежащих районов. Кстати, можно указать еще одну аналогию, сближающую томские памятники и кокоревскую культуру,— своеобразные орудия на нуклеусах (наиболее выразителен экземпляр из Шорохово I — рис. 33, *3*). Пожалуй, самым спорным моментом представляется попытка автора разделить бедаревскую культуру на два этапа — ранний, без микронуклеусов, и поздний. Возникает вопрос: свидетельствуют ли отличия индустрии Бедарево II от Шорохово I и Ильинки II о более древнем возрасте первого памятника? За исключением одной пластинки с притупленным краем, на Бедарево II полностью отсутствуют следы микропластинчатой техники. Но данное обстоятельство вряд ли можно объяснить хронологическими различиями. Скорее здесь можно говорить о функциональном различии, особенно если учесть многократно зафиксированный факт неравномерности распределения инвентаря по площади поселения. Приведу пример из собственной практики. Когда в 1980 г. при раскопках Майнинской стоянки в I культурном слое клиновидные ядрища не были встречены, это отмечалось в предварительной публикации как одна из особенностей индустрии данного слоя по сравнению с нижележащими. Но при продолжении раскопок клиновидные нуклеусы в этом слое все-таки были найдены [1, с. 95]. Число подобных примеров можно было бы приумножить, но из сказанного уже ясно, сколь легковесны суждения о близости или различии памятников, основанные на отсутствии той или иной группы изделий. Остальные отличия индустрии Бедарево II сводятся в основном к разнице в процентных соотношениях (пресловутый «архаизм» высоких скребков может не приниматься во внимание). Естественно, что количественно более богатая коллекция из Шорохово I (226 экз. орудий против 93 экз. в Бедарево II) будет разнообразнее и качественно.

К сожалению, в заключительную главу работы вошли два ошибочных мнения, весьма распространенных и часто повторяемых в археологической литературе. 1. О зубчато-выемчатых изделиях в палеолите Сибири. С. В. Маркин в нескольких местах (с. 146, 159) подчеркивает, что наличие зубчатых и выемчатых орудий якобы отличает палеолит Томи от других регионов. Однако просмотр большой серии коллекций убеждает в том, что зубчато-выемчатые формы встречаются в любой сколько-нибудь представительной коллекции енисейского палеолита. Приведу данные по памятникам Верхнего Енисея: на Кантегире эти формы составляют более 10% орудий, в различных слоях Майнинской стоянки — от 3 до 7%, в Голубой I — около 7% и т. д. [2]. Другое дело, что в публикациях этим, по большей части маловыразительным изделиям не всегда находится место. 2. О месте стоянки Федяево по отношению к мальтинской культуре С. В. Маркин неоднократно (с. 164—166) повторяет мнение о том, что индустрия Федяево представляет собой дальнейшее развитие мальтинской традиции. Нужно сказать, что немногочисленная коллекция этого памятника, включающая одноплощадочные ядрища, торцовые и клиновидные микронуклеусы, скребла и долотовидные орудия на отщепах, не обладает ни единой чертой, сближающей ее с индустрией Мальты. Приведенная на с. 166 ссылка на С. Н. Астахова неверна, в его публикации [3, с. 209—214] цитируемой фразы нет. Справедливым представляется мнение иркутских исследователей, рассматривающих Федяево среди памятников бадайского круга [4, с. 50].

Высказанные соображения отнюдь не умаляют значения проделанной С. В. Маркиным работы. Напротив, рецензируемая монография позволяет ставить ключевые вопросы сибирского палеолита, а следовательно, книга С. В. Маркина представляет собой ценный вклад в исследование древнейшего прошлого Северной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильев С. А.* Палеолитическая стоянка Уй I и проблемы функциональной вариабельности в палеолите Енисея // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири. Ч. 1. Улан-Удэ, 1986.
2. *Васильев С. А.* Палеолитические памятники Западного Саяна (сравнительный анализ каменного и костяного инвентаря): Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. Л.: ЛОИА АН СССР, 1984.
3. *Астахов С. Н.* Позднепалеолитическая стоянка Федяево на Ангаре // СА. 1963. № 3.
4. *Медведев Г. И.* Новые данные о нижних слоях Усть-Белой // Сибирский археологический сборник. Новосибирск: Наука, 1966.

Е. А. Рябинин. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.: Наука, 1986. 160 с., 13 рис., 12 табл. в тексте, 9 сводных табл.

Монография Е. А. Рябинина является законченным историко-археологическим исследованием, в основу которого легли материалы костромских курганов — крупного регионального массива древнерусских памятников, отличающихся большим своеобразием. Археологическая литература о костромских курганах достаточно обширна. После первых дореволюционных публикаций раскопок их материалы были рассмотрены в обобщающих трудах П. Н. Третьякова и Е. И. Горюновой. Им же посвящены несколько статей разных авторов, вышедшие в последнее десятилетие. Среди всех отмеченных работ книга Е. А. Рябинина отличается наибольшей полнотой и глубиной разработки материалов.

Исследованию предшествовала большая источниковедческая работа, так как данные дореволюционных раскопок полнотой, как известно, не отличаются, а состояние коллекций в фондах различных музеев не всегда удовлетворительно. В результате автору удалось прривести в порядок и обработать практически весь фонд археологических источников по разработанной теме. В книге рассмотрены 1670 погребальных комплексов из 275 курганных групп, привлечены сведения письменных источников, топонимики, этнографии, антропологии.

Книга построена по классической схеме, отражающей все ступени научного исследования. Глава 1 знакомит с историей археологического изучения Костромского Поволжья. Главы 2 и 3 — источниковедческие. Эта основная часть работы отличается четким лаконичным языком и научной строгостью выводов. Здесь с исчерпывающей полнотой рассмотрены география и топографические особенности расположения курганных групп, особенности сооружения насыпей и археологически уловимые детали похоронного ритуала. Подробно охарактеризован и классифицирован вещевой материал. На основании всей совокупности материалов Е. А. Рябинин пришел к обоснованному выводу о датировке курганов XII—XIII в., допуская, что отдельные группы оставившего курганы населения могли проникать в Костромское Поволжье и в конце XI в. Таким образом, пересмотрена прежняя хронологическая схема П. Н. Третьякова, согласно которой эпоха сооружения курганов определялась более широким периодом: XII — началом XV в. Выяснено также, что курганы каждого из трех географических районов — Костромского (западного), Колдомо-Сунженского (центрального), Кинешемского (восточного) — обладают характерными особенностями погребальной обрядности и инвентаря и достаточно специфичны по сочетанию некоторых общих культурных черт.

Глава 4, подводящая итог исследованию, посвящена проблемам истории Костромского Поволжья в XII—XIII вв. Используя результаты анализа археологических данных и привлекая широкий круг других источников, Е. А. Рябинин раскрывает характер и пути древнерусского освоения Поволжья, реконструирует этапы истории субстратного финно-угорского населения. О важности решаемых проблем говорит тот факт, что в недавно вышедшей фундаментальной монографии В. А. Кучкина «Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X—XIV вв.» [1] ни один из названных сюжетов не рассмотрен. И это закономерно, так как письменные источники содержат преимущественно известия политической истории, а данные других наук могут получить конкретную интерпретацию только с помощью археологии.

Отмечая этническую неоднородность населения края, Е. А. Рябинин обоснованно полагает, что освоение центрального и восточного районов шло со стороны центральных земель Владимиро-Суздальского княжества, в то время как первопоселенцы западного района по своему происхожде-

нию связаны с окраинными землями Новгорода. Однако в конце XII в. с возникновением Костромы и Галича, ознаменовавшим установление власти владимирских князей в Заволжье, эта прежняя связь оказалась прерванной. Подобные идеи о направлениях древнерусской колонизации высказывались и ранее (П. Н. Третьяков, Е. И. Горюнова), однако только в работе Е. А. Рябинина они приобрели значимость доказанного научного факта.

Большое внимание Е. А. Рябинин уделил ключевому вопросу участия субстратного финно-угорского населения в сложении самобытной культуры эпохи костромских курганов. Этот раздел исследования предваряется методически важным положением, отражающим степень сложности поставленной задачи: «В целом на рассматриваемых материалах можно выделить не саму культуру „чудского" населения, а лишь ее реликтовое наследие в памятниках древнерусского времени». Авторская концепция, основанная на анализе отдельных элементов и региональных особенностей культуры, может быть сформулирована в следующем виде. 1. Древнерусское население было этнически неоднородным и помимо славян состояло как из групп, родственных как мерянским племенам Волго-Окского междуречья, так и предкам мари. Этноним «меря» для рассматриваемой территории скорее сравнительно позднего происхождения. 2. Выявленные локальные группировки курганов (западная, центральная, восточная) в основном соответствуют территориальным группам дорусского населения. 3. «Костромское меря — это племенное новообразование с незавершившимся (даже в эпоху распространения в Поволжье курганного обряда захоронения) этническими процессами» (с. 118).

Выводы Е. А. Рябинина обоснованы и безусловно могут быть приняты, но некоторые положения не бесспорны. Именно подчеркнутая автором специфика источников — сравнительно поздние материалы, дающие возможность уловить субстратные явления в культуре только путем реконструкции, предполагают возможность альтернативных решений, так как сама сущность ретроспекции не исключает возможность ошибочных умозаключений.

Наличие определяющих финно-угорских черт в инвентаре и обрядности курганов XII—XIII вв. очевидно, но их принадлежность субстратному населению Костромского Поволжья нельзя считать доказанной. По наблюдениям самого Е. А. Рябинина, наиболее специфические формы большинства из них не связаны с Костромским Поволжьем. Например, такие показательные изделия, как треугольные шумящие подвески костромского типа, явно продолжают развитие треугольных каркасных подвесок «мерянского типа», большинство которых происходит из памятников X—XI вв. Волго-Клязьминского междуречья [2, с. 118, 119]. Учитывая находки на памятниках IX — начала XI в. в Костромском Поволжье (Дурасовское и Поповское городища, могильник Большое Молочное, материалы разведок), к предметам, сохраняющим местные традиции, можно отнести ложновитые проволочные и, вероятно, лунничные височные кольца, некоторые формы пластинчатых браслетов, перстней и шумящих полых подвесок, колоколовидные подвески. Вместе с тем в курганных древностях отсутствуют получившие в X—XI вв. широкое распространение в марийском и Костромском Поволжье очковидные шумящие подвески, усатые перстни, горизонтальные цилиндрические пронизки с шумящими подвесками.

Столь же сложна ситуация с происхождением и развитием свойственных для костромских курганов элементов погребальной обрядности. Надмогильные насыпи вообще не характерны для восточных финно-угорских племен. Данные об ингумациях предшествующего времени отсутствуют. Судя по материалам единственного известного в Костромском Поволжье грунтового могильника рубежа X—XI вв. у д. Большое Молочное в бассейне р. Костромы, достоверно связанным с местными традициями обрядом может быть трупосожжение. Однако для XII в., как справедливо отмечает Е. А. Рябинин, кремация — явление пережиточное и нечастое.

Заставляют сомневаться в правомерности определения финно-угорских черт в культуре как субстратных и результаты археологических исследований последнего времени. Разведки показали, что на территории основных районов распространения курганов, связанных, по мнению Е. А. Рябинина, с территориальными группами местного населения, памятники ближайшей предшествующей поры отсутствуют. Даже учитывая вероятность порчи и уничтожения селищ и могильников, можно утверждать, что Костромское Поволжье X—XI вв. в ареале курганов плотностью населения не отличалось.

Большинство известных финно-угорских памятников второй половины I — начала II тыс. н. э. известны за пределами ареала курганов и тяготеют к отмеченным Е. А. Рябининым территориям волостей и станов XIV—XVI вв., сохранявших древние нерусские названия или связанные с этнонимом «меря». Группа селищ и городище Унорож расположены близ Галича Мерьского.

В районе городищ, селищ и могильника в среднем течении р. Унжи впоследствии находилась «церковь Георгиевская, что в Мерском». Есть памятники указанного времени на территории волости Ликурги (нижнее течение р. Векслы Галичской) и Мерского стана (нижнее течение р. Костромы). Наиболее поздние из них могут быть датированы X—XI вв., т. е. по времени непосредственно предшествуют возникновению курганов. Поэтому есть основания полагать, что финно-угорское население занимало эти территории и до эпохи появления курганов.

Аналогичные результаты получены при обследовании некоторых других районов Северо-Восточной Руси, где при отчетливых следах финно-угорской культуры в курганных древностях памятники местного населения предыдущих столетий не выявлены. Это участки бассейна Нерли Клязьминской, рек Улеймы и Юхоти в Угличском Поволжье. В то же время на берегах оз. Неро, где открыто мощное скопление мерянских поселений VII — началаXI в., финно-угорские элементы в курганах XI в. представлены слабо, а в последующее столетие исчезают совсем. Аналогичную, но еще более яркую картину дают муромские памятники. Между тем, например, для Ростова и его округи на оз. Неро письменные и археологические источники дают возможность предполагать присутствие мерянского населения по крайней мере вплоть до конца XI в.

Выявляемая противоречивость фактов наглядно показывает основной недостаток ретроспективного метода исследования: невозможность учесть при отсутствии многих данных динамику происходивших изменений культуры, отражавших изменение демографической ситуации в исследуемом районе.

Таким образом, роль субстрата в формировании древнерусского населения Костромского Поволжья не сможет считаться окончательно выясненной. На наш взгляд, финно-угорские черты в культуре костромских курганов не обязательно должны восходить к местной традиции. Как отмечает Е. А. Рябинин, формирование трех основных территориальных групп населения идет за счет новых переселенцев из разных районов. Этим вызван синкретизм культуры, нашедший отражение в сочетании различных по происхождению элементов в инвентаре и погребальной обрядности курганов. Возрастание количества финно-угорских черт в памятниках Колдомо-Сунженского и Кинешемского районов может быть связано с миграцией родственного населения из центральных районов Ростово-Суздальской земли и Ивановского Поволжья, на что обращает внимание сам автор (с. 102—104).

Материалы костромских курганов дают уникальную возможность проследить начальный этап сложения местной областной культуры на основе разноэтнических элементов на вновь осваиваемой территории. Прежние традиции оказались во многом изменены, а новые находились в стадии формирования. Отсюда разнообразие, иногда механическое смешение старых, а порой и появление новых, ранее неизвестных черт в погребальной обрядности и инвентаре. Отмеченные особенности ярко проявились в материалах полностью раскопанной курганной группы у д. Коряково, отразившей историю одной из групп переселенцев (большой семьи?) на протяжении трех поколений [3, с. 176—196].

Е. А. Рябинин безусловно прав, оценивая исследуемый период как эпоху незавершенного процесса формирования нового населения. Однако, на наш взгляд, рассматривать зарождающееся общество как «племенное новообразование» неверно. Речь может идти только о сложении областных групп населения со свойственными своему времени этносоциальными связями и структурой. Историческая действительность феодальной Руси XII—XIII вв. никак не могла способствовать возникновению новых племен.

Дискуссионность некоторых вопросов только подчеркивает научное значение рецензируемой работы, так как обсуждение поднятых проблем стало возможным лишь благодаря исследованиям Е. А. Рябинина. Остается сожалеть, что ограниченный объем книги (всего 10 п. л.) не позволил автору подробно рассмотреть данные отдельных курганных групп и погребальных комплексов. Может быть, стоит подумать об издании второго тома материалов костромских курганов?

А. Е. Леонтьев

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X—XIV вв. М.: Наука, 1984.
2. *Голубева Л. А.* К истории треугольной подвески // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск, 1982.
3. *Леонтьев А. Е.* Новые данные о костромских курганах // СА. 1984. № 4.

Хроника

КОНФЕРЕНЦИЯ «АРХЕОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА: ИНДОЕВРОПЕЙСКАЯ ПРОБЛЕМА»

Проблема происхождения индоевропейцев является одной из классических проблем лингвистики, в то же время она издавна привлекала историков разного профиля и представителей ряда других наук. Новые решения этой проблемы на качественно ином методическом уровне, предлагаемые современным языкознанием, вновь привлекли к ней самый широкий интерес со стороны историков и археологов, особенно специалистов по эпохе неолита — бронзы. В рамках Методологического семинара Института археологии АН СССР 18—19 декабря 1986 г. состоялась конференция «Археология и лингвистика», конкретным поводом для проведения которой послужил фундаментальный труд Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова «Индоевропейский язык и индоевропейцы» [1]

Открывая конференцию, акад. Б. А. Рыбаков сказал о сложности и разнообразии проблем, с которыми сталкивается история первобытности и которая получает должное отражение во взаимодействии целого ряда гуманитарных наук, в том числе антропологии, ретроспективной этнографии, археологии и лингвистики. Задачей конференции было обеспечить такое взаимодействие в процессе живого обмена мнениями по поводу одной из глобальных историко-лингвистических и собственно исторических проблем — проблемы формирования и ранней истории индоевропейцев.

На конференции было прочитано шесть докладов, из них четыре были сделаны лингвистами, два — археологами. Прежде всего следует отметить разницу подходов к проблеме, отмечавшую тех и других специалистов. В основе лингвистических докладов лежало стремление локализовать конкретную территорию индоевропейской прародины и определить время сложения общности, используя данные современного языкознания. В зависимости от решения этих задач точки зрения ученых-лингвистов группировались по двум основным позициям, которые можно назвать переднеазиатской (Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов) и евробалканской (О. Н. Трубачев и Л. А. Гиндин).

Археологические доклады отличались более широкой постановкой проблемы. В их задачу входило не столько определить время и место сложения индоевропейской общности, сколько охарактеризовать культурно-этническую обстановку, в которой могли или не могли происходить процессы сложения этой общности. Поэтому важнейшее место в докладах занимал не только анализ этнокультурной ситуации той обширной территории, где могло происходить формирование индоевропейцев (Передняя Азия, Кавказ, Балканы, южная зона Восточной Европы), на собственно археологическом материале, но и сопоставление данных лингвистики и археологии, тех реконструкций, которые предлагает та и другая наука. При этом существенно то, что археологами был представлен конкретный материал, поддающийся количественным оценкам и имеющий твердые датировки. Тем важнее, что решения, предлагавшиеся в докладах Н. Я. Мерперта и Е. Н. Черных, были более гибкими и не столь конкретными, как у лингвистов. Чтобы дать понятие о разнице подходов к проблеме и ее решениям, изложим кратко содержание докладов.

В докладе Т. В. Гамкрелидзе «К методике реконструкции индоевропейского языка и протокультуры» были охарактеризованы два основных аспекта исследования — лингвистический и собственно исторический. Рассматривая первый, он отметил, что ныне одна из старейших лингвистических проблем — индоевропейская — решается путем применения новой методики, разработанной синхронной лингвистикой с применением системного анализа. Это позволило пересмотреть ряд понятий, выработанных классическим индоевропейским языкознанием, в частности понятие общеиндоевропейской консонантной системы и единого набора фонемных рядов. В результате древнеиндоевропейский язык предстает сейчас перед нами не как застывший изначальный, а как сложный результат длительных преобразований. Новая картина сложения и развития древнейшего индоевропейского языка получила название глоттальной теории.

Второй аспект исследования индоевропейской проблемы может быть определен как лингвистическая палеонтология культуры, поскольку он включает анализ языка с точки зрения культуры и истории его носителей, семантики реконструируемого языка, отраженной в нем экологии,

экономики, социальной структуры и идеологии древнего населения. Естественно, что именно для второго аспекта исследования чрезвычайно важна верификация реконструируемого языка реально засвидетельствованными материальными данными этнологии и археологии. При большой сложности этнической интерпретации археологических культур вообще возможно несовпадение некоторых черт реконструкции с археологическим материалом, но полная несовместимость их недопустима.

Реконструкция праязыка предполагает и локализацию индоевропейской прародины, в зависимости от чего освещаются пути расселения и этапы истории индоевропейских племен. Предложенная теория указывает на территорию Передней Азии, где не позже начала IV, а возможно, и в V тыс. до н. э. находились области существования древнейшего единого индоевропейского языка. Именно для этого времени и территории фиксируется совпадение экологии и культуры, отражаемой единым языком. Область индоевропейской прародины рисуется как местность с горным ландшафтом и растительностью, ее население знает развитое земледелие и скотоводство (имеется ряд названий сельскохозяйственных растений и плодовых деревьев, орудий земледелия; термины, связанные с виноградарством), владеет колесным транспортом, металлургией. Привлекая ряд археологических данных по широкой территории от Балкан до Иранского плоскогорья и Кавказа, можно констатировать, что праиндоевропейский язык рисует типичный облик архаической культуры ближневосточного типа [1]

Следы лингвистических контактов с семитскими и южнокавказскими языками, заимствования из шумерского и египетского указывают на территорию Передней Азии, сужая ареал локализации. Несмотря на сформулированный выше принцип верификации реконструкции праиндоевропейского языка археологическим материалом, найти удовлетворительное соотношение конкретных археологических культур с постулируемым культурным комплексом индоевропейской прародины пока не удается. Можно лишь наметить ряд отдельных черт культур V—IV тыс. до н. э., вписывающихся в данную картину: это халафская культура, уникальный комплекс Чатал-Хюйюка, для более позднего периода III тыс. до н. э. — куро-араксинская культура.

Переднеазиатская теория происхождения индоевропейцев дает возможность нарисовать новую картину их расселения и миграций. В частности, получает объяснение общность архаической греческой культуры с малоазийской (эгейско-анатолийское культурное койнэ, по выражению Шахермайера). С появлением индоиранских племен связывается серая минийская керамика II тыс. до. н. э. Расселение в Европе — в Приволжье и Северном Причерноморье — демонстрируется материалами древнеямной культуры III тыс. до н. э. В целом локализация индоевропейской прародины в Передней Азии позволяет по-новому осветить практически все основные аспекты проблемы.

Доклад В. В. Иванова «Методы лингвистических реконструкций на материале древних индоевропейских диалектов и их вероятное соотношение с реконструкциями по данным других наук» был построен ретроспективно. Исходным тезисом доклада было положение о более позднем характере диалектов индоевропейского языка по сравнению с периодом индоевропейского единства, хотя в последнем уже содержались начатки диалектного членения.

Разделение индоиранской общности на восточно- и западноиранскую может быть интерпретировано в историческом плане следующим образом. Огромный ареал иранских языков — от Средней Азии до Северного Причерноморья — имеет различные лингвистические характеристики. Западная (европейская) его часть, включающая Северный Кавказ и Северное Причерноморье, демонстрирует языковую монолитность скифо-сарматских племен. Для восточной же, Среднеазиатской части характерно чрезвычайное диалектное разнообразие. Исходя из теории Сэпера о большей диалектной дробности языка на его первоначальной территории, следует считать среднеазиатский регион более древним для иранцев, чем европейский; таким образом, пути их расселения пролегали с востока на запад.

В течение длительного периода распространения индоиранских языков к западу имели место их контакты с финно-угорскими и уральскими языками. Последними были восприняты термины, связанные с пчеловодством и металлургией. Время выделения собственно иранской группы (до ее распада) весьма раннее, это IV—III тыс. до н. э., т. е. оно незначительно удалено от эпохи индоевропейского единства V—IV тыс. до н. э. Дробление внутри иранской группы происходит во II тыс. до н. э. При этом соотнесение археологических культур с языковыми диалектами практически не разработано; так, нет никаких материальных соответствий митаннийскому языку, дающему ключ к проблеме заселения Индии. Фиксируется, хотя и проблематично, путь заселения Греции из Малой Азии: тексты Кюльтепе II тыс. до н. э. знают название ахейцев. Этому соответствует и тот факт, что греческий до разделения на диалекты находился в контакте с картвельским и северокавказскими языками, которые были распространены к югу от Кавказского хребта.

Отметим, что подобная характеристика раннеиндоевропейского общества не является общепринятой у лингвистов. Так, в работе Н. Д. Андреева [2] это общество обрисовано как стоящее на уровне мезолита и не знакомое не только с металлургией, но также с названиями культурных растений, сельскохозяйственных орудий, стойловым или загонным содержанием скота и колесным транспортом. Вместе с тем раннеиндоевропейские языковые данные включают детально разработанную терминологию охоты, собирательства и матрилинейного счета родства. Н. Д. Андреевым предлагается локализация ранних индоевропейцев в лесной зоне между Рейном и Днепром с центром в Карпатском бассейне [2, с. 38, 39, 277].

Факт сильных различий в лексике между хаттским и лувийским языками указывает на распадение общеиндоевропейского языка уже в III тыс. до н. э. Оно засвидетельствовано и архивами Эблы. Из этого также вытекает датировка единого индоевропейского языка IV или даже V тыс. до н. э.

Для тематики данной конференции существенный интерес представляет вопрос о погребальном обряде, отраженном древнейшими индоевропейскими текстами (хеттские тексты, Гомер, Веды, Авеста). Существенно то, что в них фигурирует единый набор элементов, в частности колесница, везущая изображение покойного. Это может пролить свет на локализацию индоиранской и хеттской прародины на археологическом материале. Пока таких соответствий с текстами найти не удалось. Дополнительные трудности для поисков в этом направлении создает и не исключительно индоевропейская принадлежность названных элементов обряда: подобные изображения известны у шумеров.

Итак, проведенный порознь анализ некоторых диалектных групп в ретроспективе указывает на Переднюю Азию как древнейший очаг индоевропейцев, откуда затем происходили мощные миграции в Среднюю Азию и Северное Причерноморье (индоиранская группа) и даже в Центральную и Восточную Азию. Последняя связана с продвижением носителей тохарского языка до Дальнего Востока. Их путь фиксируется по контактам с финно-угорскими языками Сибири.

Доклад Л. А. Гиндина «Лувийцы в Трое» был посвящен анализу гомеровского текста в сопоставлении с археологическими материалами. При этом было подчеркнуто, что особенность «Илиады» как поэтического произведения состоит в том, что в ней скрыто отражен гораздо более длительный период времени, чем тот, который в ней описан. Поэтому привлекаются материалы всех семи археологических слоев Трои, начиная с древнейшего.

Особое внимание автора привлекло описание двух групп ликийцев: одной предводительствует Сарпедон, другой — Главк. Первая группа географически и социально очень близка собственно троянцам, вторая удалена географически (на берегах Ксанфа) и помещена в самом конце списка ратей. Лингвистический анализ названия лувийцев позволил установить их связь с географическим названием Ликии (ликийцы — лувийцы) и определить их и троянцев как носителей западнолувийского языка, в котором отмечается также ряд соответствий с фракийским. В Троаде лувийцы появились позже фракийцев, так как здесь уже имелся набор фракийской топонимики. Позже произошло их расселение к югу, в историческую Ликию. Само название Трои может быть возведено к лувийскому языку.

Предлагается этническая интерпретация некоторых слоев Трои (даты даны по К. Блегену [3]). Троя I (3000—2500 гг. до н. э.) основана дарданами, с этого периода фиксируется фракийская этнонимика в данном регионе. Троя II (2500—2200 гг. до н. э.) была разрушена лувийцами-ликийцами, о чем писал и Дж. Меллаарт [4] В период Трои V (ок. 1900—1800 гг. до н. э.) фиксируется историческое название фракийцев «тросес», «троес». В период Трои VI (1800—1300 гг до н. э.) известно историческое название города Трои. В это же время появляется серая минийская керамика, хотя направление ее распространения неясно. В период Трои VIIa (1240—1170 гг. до н. э.) происходят события троянской войны. В последующие периоды фракийское заселение не прерывается, оно засвидетельствовано находками керамики типа «букель».

Следующим этапом данного направления исследований в сопоставлении лингвистических и археологических материалов должны стать поиски материальных следов хетто-лувийцев в Троаде. Гипотеза Дж. Меллаарта о разрушении Трои II лувийцами сохраняет свою актуальность. Она хорошо согласуется с археологическими материалами Балкан, в частности раннебронзовой культуры Эзеро, которые, вероятно, принадлежат фракийским племенам [5].

Итак, в период раннего и среднего бронзового века носители фракийского языка локализуются на Северных Балканах, откуда продвигаются в Западную Анатолию; лувийцы, хетты и арийцы — на Нижнем Дунае и в Северном Причерноморье. Близкие территории занимает и армяно-греко-фригийская общность, которая затем начинает двигаться к юго-востоку вслед за лувийцами. Предлагаемая картина позволяет включать территорию Балкан и Северного Причерноморья в ареал индоевропейской прародины, первичной или вторичной.

Взгляды, изложенные в докладе О. Н. Трубачева «О северобалканско-дунайской прародине индоевропейцев», сближают его точку зрения с Л. А. Гиндиным; он выразил несогласие с переднеазиатской теорией происхождения индоевропейцев, предложив иную, дунайско-северобалканскую. По его мнению, в настоящее время изменился не только подход к индоевропейской проблеме, но и сама ее формулировка: на смену реконструкции индоевропейского «древа» с единым стволом пришло множественное понятие «куста». Наиболее перспективен сейчас путь исследования частных этногенезов на общем индоевропейском фоне.

Можно констатировать, что многолетние попытки однозначной атрибуции конкретной археологической культуры какому-либо этносу не увенчались успехом. Мы не можем указать бесспорную археологическую культуру, например германцев, как не в силах уловить индоевропейскую материальную культуру. Видимо, причина заключается в особенностях формирования этноса; однородность его, как и однородность материальной и духовной культуры, — поздний итог, вторичное состояние. Данное положение хорошо иллюстрируется индоевропейской гидронимией — ее наддиалектность не изначальна, а возникла в результате интеграции. Сложение крупных народов — результат слияния малых, при этом особенно значительна роль численно малых групп носителей какого-либо языка. Именно такова модель распространения индоевропейского языка в Малой Азии, по мнению О. Н. Трубачева.

Первоначальной областью индоевропейского заселения следует считать Центральную Европу,

где индоевропейские племена существовали раздельно с весьма раннего времени, возможно с V тыс. до н. э. Наиболее перспективна гипотеза пространственного континуума. Вопрос о локализации этой обширной территории сложен. Положение Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова о ближневосточном характере индоевропейской цивилизации вызывает сомнения: в индоевропейском языке распространены термины, обозначающие земляночные и полуземляночные жилища, срубы, отсутствуют названия храма.

Концепцию О. Н. Трубачева в противовес переднеазиатской можно назвать дунайско-северобалканской. Учитывая природное положение Балкан как моста между Европой и Малой Азией, исследователи получают вполне удовлетворительные объяснения переднеазиатских влияний в индоевропейском языке и сосуществования таких слов, как «береза», с терминами виноградарства. Именно Среднее Подунавье с его дубовыми лесами являлось древним центром свиноводства, совершенно не характерного для Ближнего Востока, но отраженного в древнейших пластах индоевропейского языка. Принимая тезис о множественности происхождения индоевропейцев, мы снимаем все противоречия экологически-географического и культурного плана.

Сомнения вызывает и тезис Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова о заселении Греции из Малой Азии. Греческая историческая традиция знает только обратное направление, оно же отражено и в названии Аттики — «земля отцов». Другой греческий термин — название племен данайцев — указывает на конкретную территорию их обитания Средний Дунай, конкретизируя предлагаемую нами локализацию (Нижний Дунай исключается, так как он всегда назывался иначе — «Истр», этого названия индоевропейский язык не знает вообще).

Может быть оспорено и положение о незначительных смещениях армян относительно исторической территории их обитания. Эта обособленная индоевропейская группа также сильно переместилась относительно своего древнего центра, располагавшегося также на Балканах. Об этом свидетельствуют следы их языковых контактов с фригийцами, армянские элементы в гидронимии к северу от Вардара, такие армяно-славянские изоглоссы, как арм. «гелз» (железá) — слав. «железо».

Из Карпатского бассейна индоевропейские племена распространялись по различным направлениям. Можно попытаться связать миграцию тохарцев с продвижением на восток фатьяновской культуры шнуровой керамики, находившейся в контакте с финно-угорскими племенами Волго-Камья. Локализация этих контактов у В. В. Иванова к востоку от Урала недоказательна, так как на этой территории сами финно-угры являются весьма поздними пришельцами. Миграция тохарцев — лишь один из примеров центробежного движения индоевропейцев из изначальных областей Центральной Европы.

Доклад Н. Я. Мерперта «Древнейшие индоевропейские группы и этнокультурная ситуация в V—III тыс. до н. э.» был посвящен систематизации археологического материала, позволяющего судить об особенностях этнокультурного процесса на широкой территории Юго-Восточной Европы, Северного Причерноморья, Кавказа и Малой Азии. В задачи докладчика не входило утверждать или оспаривать локализацию индоевропейской прародины, предметом рассмотрения были закономерности в дроблении больших и слиянии малых этнокультурных групп.

В ходе этого процесса несомненно имели место миграции и диффузии, различные формы ассимиляции, прежде всего взаимной, что еще раз доказывает необходимость комплексного подхода к проблеме. В связи с нею для археологов наиболее важен вопрос о крупных культурных группировках и Зонах этнокультурных контактов между ними. В лингвистическом плане он может быть сближен с вопросом о языковых союзах и зонах ареальных языковых контактов. Особо следует отметить роль подвижных коллективов как передаточного звена в процессе этнокультурных контактов: за их счет в основном возникают зоны контактной непрерывности, территориально-культурный континуум.

Такой значительной контактной зоной являлась Циркумпонтийская металлургическая провинция (далее — ЦМП). Ее границы весьма обширны — Северное Причерноморье, Юго-Восточная Европа, Балканы, Малая Азия и Кавказ. Все предлагавшиеся варианты индоевропейской прародины вписываются в ее пределы, хотя несомненно существование здесь разнородных этнических групп, и не только индоевропейских.

ЦМП существовала с периода раннего бронзового века (конец IV—III тыс. до н. э.), но система культурных контактов на этой территории сложилась гораздо раньше, начиная с мезолита. В неолите здесь развивается производящее хозяйство, причем фиксируются первичные и вторичные очаги его развития. В период неолита культурный импульс распространяется из первичного переднеазиатского очага производящей экономики на Балканы, где в VII—VI тыс. до н. э. возникает его вторичный очаг. В энеолите фиксируется обратное направление культурных воздействий — распространение расписной керамики в Анатолию.

На Кавказе ситуация в целом сходна с балканской. Здесь также фиксируется раннее появление производящего хозяйства и двусторонние контакты с Анатолией в период энеолита (V—IV тыс. до н. э.).

В степных районах Северного Причерноморья реконструируется иная модель развития. Здесь с VI—V тыс. до н. э. имеются элементы оседлого скотоводства, принимающего затем подвижные формы. В этой мобильной среде быстро распространяются культурные воздействия и достижения. Примером такой среды, передающей культурные импульсы на огромные расстояния, является мариупольская культурно-историческая общность эпохи энеолита с рядом балканских и кавказских культурных элементов [6].

При переходе от энеолита к раннему бронзовому веку в конце IV— начале III тыс. до н. э. происходят сильнейшие изменения, отмечаемые прежде всего на Балканах. Здесь система

энеолитических культур с расписной керамикой сменяется новым культурным комплексом, имеющим минимальное сходство с предшествующим (Эзеро и Баден). Сложение новой системы культур происходит и на Кавказе — майкопская и куро-араксинская. Подобная же культурная трансформация имеет место и в Анатолии в начале ранней бронзы; особо следует отметить район Восточной Анатолии, где сталкиваются культурные элементы северо-западного происхождения (типа Трои I) с восточными.

Таким образом, обширная территория ЦМП являлась на протяжении эпохи энеолита — бронзы ареной сложных культурных процессов интеграционного характера, в которых принимали участие как оседло-земледельческие племена, так и подвижные скотоводы. Именно среди этих процессов следует искать моменты становления древнейших групп индоевропейцев.

Е. Н. Черных в докладе «Индоевропейцы в системе Циркумпонтийской провинции в IV—II тыс. до н. э.» остановился на принципах сопоставления археологического материала с лингвистическими построениями [7]. Чтобы избежать ошибок, следует оперировать протяженными периодами времени и крупными блоками археологических культур. В теории Гамкрелидзе — Иванова наиболее привлекательна для археолога реконструкция праязыка, характеристика культуры, именно она дает перспективу совместной работы археологов и лингвистов.

Индоевропейская прародина практически всеми авторами помещается вблизи от Черного моря, или же в этом регионе пролегают пути расселения индоевропейцев. Необходимо рассмотреть археологический материал этой территории с точки зрения его сопоставимости с предлагаемой реконструкцией материальной культуры индоевропейцев. Лексика, отражающая развитую металлургию, ограничивает поиски эпохой раннего металла.

Для территории ЦМП, существовавшей в период ранней и средней бронзы, отмечается цикличность развития [8]; можно выделить четыре крупных периода стабилизации (наиболее ранний из них относится еще к периоду энеолита и предшествует формированию ЦМП), перемежающиеся четырьмя деструктивными периодами. Периоды стабильности характеризуются сложением крупных устойчивых блоков культур и хорошо уловимы археологически; периоды деструкции проследить гораздо сложнее, ибо они являлись эпохами распада прежних систем с одновременным зарождением новых культурных элементов. В качестве модели деструктивного периода можно привести эпоху Великого переселения народов середины I тыс. н. э.

Первый период стабильности — энеолит (V— первая половина IV тыс. до н. э.) характеризуется существованием двух блоков культур — земледельческих и скотоводческих. Последние представлены Хвалынско-Среднестоговской культурной общностью в Северном Причерноморье. Развитые земледельческие культуры существуют на Балканах, в Анатолии и в Закавказье (Шулавери-Шомутепе). Наиболее существенны для нас такие признаки, как наличие высокоразвитой металлургии на Балканах [9] и разведение лошади на юге Восточной Европы; заметные контакты фиксируются только между балканскими и степными восточноевропейскими культурами.

Второй период — ранний бронзовый век (конец IV— начало III тыс. до н. э.). В это время складываются принципиально новые курганные культуры в северной части рассматриваемого ареала. В южной части, от Балкан до Закавказья, существует серия отнотипных земледельческих культур. Граница между блоками менее четкая, кочевники (древнеямная культура) проникают далеко в глубь земледельческих территорий. Именно в этот период складывается ЦМП, всю огромную территорию объединяет общий набор типов металлических изделий и технологических приемов их изготовления.

Третий период — средний бронзовый век (вторая половина III тыс. —XVIII—XVII вв. до н. э.). Два блока культур сохраняются при значительном расширении их границ. Наиболее существенно распространение курганных культур в Закавказье. Намечается распад единой ЦМП, нарастает своеобразие культурных зон в ее пределах.

Четвертый период — поздний бронзовый век (со второй половины II тыс. до н. э.). На территории, занятой ЦМП, образуется целый ряд новых культурных зон и металлургических провинций (Евразийская, Кавказская, Европейская), слабо связанных между собой.

При проведении системного анализа предлагаемой докладчиком культурной модели с реконструкцией Гамкрелидзе — Иванова учтены четыре основные и обязательные характеристики индоевропейской культуры по языковым данным: развитая металлургия, коневодство, колесный транспорт, развитая социальная система. Сопоставляя этот комплекс с археологическим материалом, мы не получаем необходимых соответствий для периода энеолита; они отмечаются для периода раннего и в большей степени среднего бронзового века [10].

Можно считать, что в период ранней бронзы индоевропейцы дисперсно присутствуют во всей обширной зоне ЦМП, что отражено «северной» и «южной» лексикой. В этом смысле весьма плодотворен тезис О. Н. Трубачева о модели лингвистического «куста», о дезинтегрированном состоянии индоевропейских диалектов, вполне подтверждаемый археологическим материалом. Индоевропейский язык можно связывать с зоной ЦМП, для более конкретных разработок требуется совместная целенаправленная работа археологов и лингвистов.

Доклады вызвали оживленную дискуссию. Она развернулась прежде всего вокруг ключевых проблем локализации прародины индоевропейцев и датировки праиндоевропейского языка. Одним из наиболее острых вопросов оказалось обсуждение самой возможности существования праиндоевропейского языкового единства: в качестве альтернативы предлагалось дисперсное состояние индоевропейских диалектов или модель лингвистического «куста».

В ответ на возражения, высказанные в докладах О. Н. Трубачева и Е. Н. Черных, Т. В. Гамкрелидзе отверг тезис о дисперсном состоянии индоевропейских диалектов, восходящий к теории

Н. С. Трубецкого о формировании индоевропейского языка в результате схождения диалектов. Единство языка и культуры в рамках ЦМП (Е. Н. Черных), по его мнению, — результат уже совершившейся к периоду раннего бронзового века дисперсии индоевропейских племен из компактной территории. Останавливаясь вновь на расхождениях датировок ранних стадий индоевропейского языка между археологами и лингвистами, Т. В. Гамкрелидзе ссылается на мнение М. Гимбутас, датирующей постулируемую ею единую курганную культуру IV тыс. до н. э. [11]. Приняв это положение, исследователь вынужден датировать стадию индоевропейского единства более ранним временем —V, а возможно, и VI тыс. до н. э.

В. В. Иванов признал, что в ряде случаев, особенно для ранних стадий, соответствий между археологическим материалом и предлагаемыми лингвистическими датировками проследить не удается. Он высказался также по поводу соотношения предлагаемых датировок сностратической теорией: вероятная дата ностратического единства — мезолит, приняв ее, можно проследить корни индоевропейского языка вплоть до XII тыс. до н. э.

О. Н. Трубачев с интересом воспринял выделение ЦМП как суперареала индоевропейского заселения. По его мнению, эта модель более жизненна, чем тезис о едином праязыке и его малой исходной территории. Ей соответствует лингвистическая модель «куста», отражающая динамический характер сложения древних этносов, поэтому не следует отвергать теорию Н. С. Трубецкого.

О. Н. Трубачева поддержал Н. Я. Мерперт, указав, что в настоящее время важно определить хронологические границы ретроспекции культурного развития. Облик энеолитических культур не соответствует тому, который реконструируется Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Ивановым. Только с периода ранней бронзы складывается система культур, от которой ведут свое начало исторически зафиксированные индоевропейцы.

Е. Н. Черных вновь подчеркнул, что поиски археологического эквивалента для индоевропейского праязыка не дают результатов для периода IV—V тыс. до н. э. Соответствия есть только в период ранней и средней бронзы. Он также отметил, что переднеазиатская гипотеза оставляет без ответа важный вопрос об этнической и языковой принадлежности многочисленных групп, населяющих территории за пределами Восточной Анатолии и Северной Месопотамии в период конца энеолита — бронзового века.

П. М. Долуханов выделил необходимость учета палеогеографических и палеоклиматических данных при решении проблемы происхождения индоевропейцев, которая, по его мнению, должна быть увязана с темой неолитической революции.

С. А. Арутюновым были высказаны возражения против положения Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова о расселении части индоевропейских племен в обход Каспия. Он считает, что контакты индоевропейцев с финно-угорским населением Приуралья объяснимы и при ином их пути в Европу — через Кавказ.

В своем выступлении В. А. Шнирельман попытался дать общую оценку работе конференции и оценить перспективы обоих направлений (лингвистического и археологического) в изучении проблемы и дальнейшие возможности в области междисциплинарного сотрудничества. В частности, археологические материалы, по его мнению, дают богатые возможности для реконструкции социальных структур, так как возможна их количественная оценка — то, чего лишена лингвистика. Данные археологии более свободны от воздействия существенных факторов идеологического характера (табуирование, моменты социального престижа), искажающих лингвистическую картину. Совместная работа могла бы касаться областей культурной лексики, хозяйственной деятельности, ритуала; важно установить принципы методики междисциплинарного подхода с учетом познавательных возможностей каждой из дисциплин.

А. Ю. Милитарев также высказал заинтересованность в сотрудничестве с археологами. Отмечая, что основные расхождения касаются датировок, он остановился на усовершенствовании глоттохронологического метода М. Свадеша, подчеркивая, что языковеды не должны отказываться от попыток датировки собственными методами.

С. А. Старостин поддержал гипотезу о переднеазиатской прародине индоевропейцев. По его мнению, развитие лингвистической хронологии дает возможность для диалога археологов и языковедов. Полученная в настоящее время с учетом модификации метода М. Свадеша дата индоевропейского единства — не ранее середины IV тыс. до н. э. Отметим, что такая датировка сближается с точкой зрения археологов на время сложения ЦМП.

В. В. Седов был единственным из выступавших, занявшим отрицательную позицию по отношению к возможностям археологии в решении индоевропейской проблемы. Он предложил иной путь — ретроспективное изучение комплексов культурных элементов и прослеживание миграций их носителей. Отметим, что, издавна следуя таким путем при изучении более поздних (исторических) этносов, археология не достигла сколько-нибудь приемлемых решений при обращении к древним этносам, подобным индоевропейскому.

В. Ф. Кашибадзе привела некоторые антропологические данные в пользу теории Гамкрелидзе — Иванова. Они касаются антропологических особенностей населения Кавказа, из которых следуют древние, датируемые по крайней мере III тыс. до н. э. (но не ранее времени существования ЦМП. — *Л. А.*) связи Кавказа с Передней Азией.

Закрывая конференцию, акад. Б. А. Рыбаков указал на плодотворность живого обсуждения актуальных проблем ранней истории специалистами в области различных дисциплин.

В целом конференция продемонстрировала живой интерес к индоевропейской проблеме и разнообразие подходов к ее решению. Фундаментальный труд Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова явился крупным вкладом в эту задачу; особенно ценна для археологической аудитории

предлагаемая реконструкция лексики праязыка. Однако их сопоставление реконструкции с конкретными археологическими материалами вызвало серьезные возражения, касавшиеся не только датировок и привязки территории индоевропейской прародины, но и путей расселения ранних индоевропейцев. Были выдвинуты и контраргументы лингвистического характера сторонниками евробалканской прародины индоевропейцев. Иной вариант сопоставления палеолингвистических и археологических материалов дает модель ЦМП, подразумевающая не только иную датировку праязыка (ранний и средний бронзовый век), но и гораздо более широкую территорию расселения его носителей.

В результате стала ясна перспективность широкомасштабных междисциплинарных исследований проблемы, но в то же время выявилась и значительная разобщенность в области принципиальных методических установок, с которой приходится сталкиваться представителям различных гуманитарных наук.

Л. И. Авилова

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и пракультуры. Кн. I, II. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1984.
2. *Андреев Н. Д.* Раннеиндоевропейский праязык. Л.: Наука, 1986.
3. *Blegen C. W Boulter C. G., Caskey J. L., Rawson M., Sperling J.* Troy. V. I. Princeton, 1950.
4. *Mellaart J.* Prehistory of Anatolia and its Relations with the Balkans // Studia Balcanica. 1971.
5. Езеро. Раннобронзовото селище. София, 1979.
6. *Васильев И. Б.* Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Учебное пособие к спецкурсу. Куйбышев, 1981.
7. *Дьяконов И. М.* Сравнительное языкознание, история и другие смежные науки // Лингвистические реконструкции и древнейшая история Востока. Тез. докл. конф. Ч. 2. М., 1984.
8. *Černych E. N.* Periodisierung der Frühmetallzeit: allgemein oder regional? // Atti del X Simposio Internazionale sulla fine del Neolitico e gli inizi dell'Eta del Bronzo in Europa. Verona, 1982.
9. *Черных Е. Н.* Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София, 1978.
10. *Черных Е. Н.* Протоиндоевропейцы в системе Циркумпонтийской провинции // Античная балканистика. М.: Наука, 1987.
11. *Gimbutas M.* The Beginning of the Bronze Age in Europe and Indo-Europeans: 3500—2500 B. C. // J. Indo-European Studies. 1973. V 1. № 2.

XVIII ВСЕСОЮЗНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ФИННО-УГРОВЕДОВ
(Ижевск, 1987)

Очередная конференция исследователей, работающих в разных областях финно-угроведения, состоялась в Ижевске 26—29 июня 1987 г. Как обычно, активное участие в ее работах приняли археологи. На пленарном и межсекционных заседаниях, а в основном в процессе работы двух археологических секций — секции эпохи камня и раннего железа и секции средневековья — было заслушано и обсуждено 43 доклада, авторами которых являются представители научных институтов, ВУЗов и музеев 12 городов нашей страны и венгерские ученые.

На пленарном заседании был прочитан доклад В. В. Седова (Москва) «Археологическое финно-угроведение в 1980-х годах». В нем анализировались основные вопросы изучения финно-угорских древностей на современном этапе. Было отмечено, что 70—80-ые гг. характеризуются выходом в свет не менее двух десятков монографий, посвященных отдельным археологическим культурам или племенным образованиям финно-угров. Вместе с томом «Археологии СССР», в котором подводятся итоги многолетнему изучению средневековых финно-угорских племен и народностей, эти работы позволяют не только глубже познать историю, хозяйство, быт, культуру и искусство финно-угров на протяжении нескольких тысячелетий, но решить такие проблемы, которые не поддавались исследованию два-три десятилетия назад. В докладе утверждалось, что миграции и диффузии населения играли в финно-угорском мире бо́льшую роль, чем это представлялось до сих пор. Все отчетливее становится проблема этногенеза и этнической истории финно-угров. Так, докладчик показал, что формирование отдельных прибалтийско-финских племен и языков, хорошо известных по раннесредневековым материалам, может быть не результатом распада этноязыковой общности, а следствием интеграции нескольких культурных группировок финно-угорского населения, проживавшего в Прибалтийском регионе (культура эсто-ливских и финляндских каменных могильников; текстильной керамики раннего железного века псковско-ильменского региона, близкая к дьяковской; позднекаргопольская; культура лууконсаари). Образование средневековых волжско-финских племен было не одноактным процессом, а продолжалось несколько столетий и в определенной степени связано с миграциями.

Важнейшими задачами исследователей являются, наряду с продолжением региональных работ, активные поиски общих элементов, которые характеризуют весь финно-угорский мир в целом или какие-то его широкие части. Как утверждал докладчик, располагая комплексом таковых, появится возможность выявить глубокие корни финно-угров, что приблизит решение многих этногенетических тем.

Одной из дискуссионных проблем, рассматриваемых на конференции, была «Этногенез удмуртского народа». Обсуждение ее было вынесено на межсекционное заседание, в котором смогли принять участие специалисты разных наук. В докладе Р. Д. Голдиной (Ижевск) «Основные проблемы этногенеза удмуртов» на основе археологических материалов сделана попытка нарисовать историю древнеудмуртского этноса на протяжении I тыс. н. э. Докладчица утверждала, что формирование древних удмуртов происходило на ананьино-пьяноборской основе, о чем ранее писали А. П. Смирнов, В. Ф. Генинг и другие. После распада пьяноборской общности древние удмурты были представлены несколькими арехологическими культурами, родственными между собой и последовательно сменявшимися в трех регионах — поломско-чепецком, кочергинско-еманаевском и верхнеутчанско-чумойтлинском.

М. Г Иванова (Ижевск) в докладе «Основные этапы этнической истории северных удмуртов» рассмотрела этнокультурную ситуацию, складывавшуюся в бассейне р. Чепцы на протяжении V—XIV вв. Исследовательница полагает, что начало формирования северной части удмуртов относится к периоду V—IX вв. В основе их этногенеза находятся потомки ананьинско-пьяноборского населения. Следующий период (конец IX— начало XIII вв.) — время расцвета культуры северных удмуртов, памятниками которых являются древности чепецкой культуры; XIII—XV вв.— время начала удмуртско-русских контактов.

Древностям южных удмуртов был посвящен доклад Т. К. Ютиной (Ижевск) «Этническая история древнего населения Южной Удмуртии в I—II тыс. н. э.». В основе формирования населения Южной Удмуртии VI—XIV вв., по мнению докладчицы, были ананьинско-пьяноборско-мазунинские племена. В VI—IX вв. население характеризуемого региона представлено памятниками верхнеутчанской культуры. В это время имело место взаимодействие местного пермско-финского населения с иноэтнокультурным (угорским, тюрско-угорским, самодийским?). Следующий этап (IX—XIV вв.) характеризуют памятники чумойтлинской культуры, сложившейся на основе верхнеутчанской. В это время начался процесс консолидации древнеудмуртского этноса, что археологически фиксируется как взаимодействие южно-удмуртского населения с обитателями бассейна р. Чепцы, верхней Камы и правобережья Вятки.

В. А. Семенов (Ижевск) в докладе «Этнокультурные компоненты населения поломской культуры» сосредоточил внимание на роли азелинских племен в этногенезе удмуртов. Он утверждал, что в основе пермской общности лежат ананьинско-гляденовские племена. Образование комизырян, коми-пермяков и удмуртов было не простым членением общности. Определенную роль при этом играли иные этнокультурные включения, придававшие каждому из них свои особенности. Таковым при формировании удмуртов были азелинские племена.

С иных позиций к решению этногенеза удмуртов подошел А. Х. Халиков (Казань). В докладе «Некоторые новые аспекты в этногенезе удмуртского народа» он стремился показать, что пьяноборские и постпьяноборские (азелинско-мазунинские) племена прямого участия в этногенезе удмуртов не принимали. Формирование удмуртского этноса относится только ко II тыс. н. э.

Этническая история предков удмуртов в более раннее время протекала вне Удмурии, в более северных районах и связана с гляденовской и постгляденовской культурами.

С большим интересом был выслушан доклад Н. И. Шутовой (Ижевск) «Формирование этнографических групп удмуртов». Для анализа были привлечены материалы удмуртских могильников XVI—XVIII вв. (104 памятника, на которых раскопано свыше 1000 погребений). Анализ погребального обряда позволил исследовательнице утверждать, что он сложился на местной основе в результате эволюции ритуала захоронения прикамских племен предшествующего периода (III—XIV вв.). Географически погребальные памятники XVI—XVIII вв. делятся на две основные группы, одна из которых занимает бассейн р. Чепцы, другая — юго-восточную часть современной Удмуртии (бассейны р. Кильмези и правых притоков р. Камы). Различия в обрядности и инвентаре этих групп удмуртов небольшие, но можно полагать, что это были этнографические группы Ватка и Калмез. Единство материальной культуры последних указывает на консолидацию удмуртского этноса в XVI—XVIII вв.

На межсекционном заседании был заслушан доклад М. Г. Атаманова (Ижевск) «К вопросу о прародине удмуртов по данным языка». В результате анализа данных палеоботаники и топонимии и изучения заимствованной лексики удмуртского языка исследователь утверждал, что центром формирования удмуртов (прародиной) были области нижних течений Камы и Белой, а также бассейн р. Вятки.

Дискуссия по заслушанным докладам показала, что проблема этногенеза удмуртов еще далека от своего разрешения. Некоторые из выступавших, в частности Е. П. Казаков (Казань), отмечали спорность сквозной линии этнического развития удмуртских племен, особенно в связи с неоднократными миграциями иноэтничного населения, наблюдаемыми в Южной Удмуртии. В. В. Сидоров (Москва) говорил о том, что значение миграций в этнической истории населения лесной зоны Восточной Европы невелико.

Ф. К. Ермаков и Р. Ш. Насибуллин (Ижевск) попытались опровергнуть положение, высказанное в докладе А. Х. Халикова о позднем распаде пермско-финской языковой общности. В. В. Напольских (Ижевск) утверждал, что в истории Прикамья имели место и промежуточные этнические образования. Так, племена азелинской культуры были основой формирования и марийцев и удмуртов. Первые из них занимают промежуточное положение между волжско-финским и пермским этносом.

В докладе А. Х. Халикова носители именьковской культуры относились к балтской этноязыковой общности. Р. Ш. Насибуллин в выступлении по этому поводу отметил, что не исключена и славянская атрибуция этой культуры, поскольку в лексике южноудмуртских диалектов обнаруживаются древние славянизмы.

Г. А. Архипов (Йошкар-Ола) обратил внимание на то, что нередко археологическая культура характеризуется исследователями, главным образом, на основе керамического материала. Этого недостаточно для этногенетических построений. Необходимо обращаться к обрядности и другим элементам культуры. В частности, азелинские памятники на Каме (погребения с конем) вообще следует изъять из финно-угорского этногенеза.

В связи с докладом М. Г. Атаманова было замечено, что широкая локализация топонимов без их стратиграфии не является отражением древнего расселения удмуртов.

Подводя итоги работы археологов на конференции В. В. Седов отметил, что археология и этногенез — проблема исключительно сложная. Тем не менее исследователи добились ощутимых результатов в изучении этногенеза финно-угорских племен. Дискуссия по этногенезу удмуртов безусловно будет способствовать успехам в дальнейших работах по этой проблематике. В этой связи, по мнению В. В. Седова, возникают два замечания методического характера: 1. Очень вероятно, что этногенез удмуртов связан в основном с их современной территорией расселения. Однако территориального соответствия не достаточно для отнесения той или иной археологической культуры (II тыс. н. э.) к древнеудмуртскому этносу. Нужны всесторонние поиски иных археологических аргументов при определении этноса археологических культур, в том числе широкое применение ретроспективного метода. 2. Этногенез удмуртов не может быть понят при его изолированном рассмотрении. Необходимо исследовать эту тему, выйдя за пределы региона на широком фоне этнической истории родственных и соседних племен.

В программе Секции археологии наиболее многочисленную группу составляли доклады по археологии пермско-финских племен. Э. А. Савельева (Сыктывкар) в докладе «Этнокультурные связи населения Европейского Северо-Востока в эпоху средневековья» рассмотрела археологические находки, свидетельствующие о контактах перми вычегодской с прибалтийскими финнами (конец X—XI вв.), с Волжской Болгарией (X—XI вв.) и с Северо-Западной Русью (начиная с XII в.). В XII в. на Европейском Северо-Востоке появляются древнерусские укрепленные поселения, свидетельствующие о включении этих земель в сферу экономической и культурной истории Древней Руси.

А. М. Мурыгин (Сыктывкар) в докладе «К проблеме формирования культур раннего средневековья Европейского Северо-Востока» исследовал сложившиеся к середине I тыс. н. э. два культурно-хозяйственных ареала. Один из них занимал Большеземельскую тундру и таежное Припечорье и характеризуется бичевнической культурой, другой располагается в таежной зоне в бассейне средней и верхней Вычегды и представлен памятниками шойнатинского типа.

В докладе А. М. Белавина (Пермь) «К вопросу о содержании исторического процесса в конце I — начале II тыс. н. э. в Верхнем Прикамье» получили характеристику социально-экономические процессы (распространение пашенного земледелия, выделение ремесла, возникновение ремесленно-торговых поселений, изменения жилищ, идеологии и т. п.), имевшие место в этом

регионе в XIII—XI вв., когда по-видимому, закладывались основы этнического самосознания коми-пермяков и коми-зырян.

Доклад В. В. Туганаева (Ижевск) «История хозяйственного освоения бассейна средней Камы: экологический аспект» был посвящен анализу зависимости между этносом и агроэкологией. Докладчик утверждал, что расселение финно-угорского населения в бассейнах Вятки, Камы и Белой связано с лесными землями. Остепение южной части этой территории привело к миграции сюда кочевых тюркоязычных племен.

На основе фактических материалов В. А. Оборин (Пермь) в докладе «Миграции населения вымской культуры на Урал (XI—XV вв.)» продемонстрировал передвижения коми-пермяцкого населения в области коми-зырян и далее на восток в лесное Зауралье и на нижнюю Обь.

Целый ряд докладов был посвящен рассмотрению отдельных памятников археологии, более или менее полно раскопанных. М. Г Иванова (Ижевск) в докладе «Городище Иднакар: некоторые итоги и задачи изучения» исследовала результаты раскопок этого поселения, производимых в течение девяти полевых сезонов. Полученные материалы — крупный вклад в изучение истории и культуры удмуртов бассейна р. Чепцы в X—XIV вв. В сообщении Л. И. Ашихминой (Сыктывкар) «Некоторые итоги раскопок курганов на Европейском Северо-Востоке» речь шла о результатах исследований погребальных насыпей в Шойнаяр, Борганъель и Юванаяр. Они составляют особую группу древностей. Наличие двух типов памятников (курганов и грунтовых могильников) на одной территории связывалось исследовательницей с преданием о двух группах чуди. Н. А. Лещинская (Ижевск) в докладе «Еманаевское городище — средневековый памятник в бассейне р. Вятки» рассказала о результатах многолетних раскопок этого поселения, относящегося ко второй половине I тыс. н. э. В докладе Е. П. Казакова (Казань)«К вопросу о социальной и этнической принадлежности погребений с конем Танкеевского могильника» эта группа захоронений определялась как урало-прикамская по происхождению, сопоставимая с позднекушнаренковскими и венгерскими в Паннонии, в то время как основная часть погребений этого могильника принадлежала раннеболгарскому населению.

С результатами изучения остатков тканей, обнаруженных при раскопках могильников I и начала II тыс. н. э. познакомила участников конференции А. К. Елкина (Москва) в докладе «Исследование остатков текстиля — находок из памятников средневековой Удмуртии».

В докладе Н. И. Шутовой (Ижевск) «Новые исследования удмуртских погребальных памятников XVI—XVIII вв.» получили характеристику интересные материалы раскопок Чабыровского, Якшуровского и Енабердинского могильников, на которых исследовано около 150 захоронений. Л. Д. Макаров (Ижевск) посвятил свое выступление анализу сведений Н. Витсена о финно-угорском населении Волго-Вятского междуречья.

Отдельные вопросы ананьинской проблематики рассматривались в докладах С. Н. Кореню-ка (Пермь) «Раннеананьинские жилища в Среднем Прикамье» и К. И. Корепанова (Елабуга) «Мотивы лесной фауны ананьинского искусства в контексте этногенеза удмуртов». В первом выступлении разработана типология жилых построек, охарактеризована их многофункциональность, показаны истоки ананьинского домостроительства в постройках эпохи поздней бронзы. Во втором докладе анализировался звериный стиль в ананьинском искусстве. Докладчик приходит к заключению, что в развитии мотивов его обнаруживается преемственность с декоративно-прикладным искусством удмуртов нашего времени. Анализу позднепьяноборских древностей посвящено было выступление Б. Б. Агеева (Уфа).

Активно рассматривались вопросы миграции венгров и угорская проблематика в Юго-Западном Предуралье. И. Эрдели (Будапешт) в докладе «Узловые этапы этногенеза древневенгерской народности» рассказал о современном состоянии проблемы миграции венгров через южнорусские земли в Карпатский регион. Исследователь утверждает, что в миграционном процессе выделяется хазарский этап. Что касается более ранних этапов в истории венгров, то они остаются неясными. Кушнаренковские древности венгерские археологи относят к тюркам, а «Великая Венгрия», известная по источникам XIII в., не обязательно была прародиной венгров.

В докладе И. Фодора (Будапешт) «Древнепермско-венгерские контакты по археологическим данным» рассматривались накосники и наглазники венгерских типов, обнаруженные в погребальных памятниках предков коми и удмуртов. Древние венгры проживали в Южном Приуралье и эти находки свидетельствуют об их тесных контактах с пермскоязычным населением. В IX в. большая часть венгров переселилась на нижнюю Волгу и нижний Дон и влилась в состав населения салтовской культуры.

В. А. Иванов (Уфа) в докладе «Magna Hungaria и археологический этнос» отнес к древним венграм кушнаренковские и караякуповские древности. «Великая Венгрия» монаха Юлиана относится к XIII в. и не связана с этими археологическими культурами. М. М. Кульшарипов (Уфа) в сообщении «К вопросу о башкиро-мадьярских этнических связях» пришел к выводу, что прародиной венгров был Южный Урал, где с середины I тыс. н. э. и начались их контакты с прабашкирами. Ч. Балинт (Будапешт) прочитал доклад «Заметки о происхождении позднеаварской культуры», в выступлении А. И. Лебедева (Уфа) рассматривались памятники неволинской культуры в Башкирии.

Четыре доклада были посвящены древностям прибалтийско-финских племен. С. И. Кочкуркина и И. И. Муллонен (Петрозаводск) в докладе «Об этнической карте Юго-Восточного Приладожья в эпоху средневековья» на основе топонимии и археологии утверждали, что эти земли принадлежали веси, предкам вепсов. В выступлении А. Э. Зарини (Рига) «Элементы украшения ливской одежды X—XIII вв.» получили обстоятельную характеристику украшения из бронзы (колечки, спиральки), оловянные розетки и стеклянный бисер. Выделяются исконно

ливские элементы, балтские и финские заимствования. Э. С. Мугуревич (Рига) в докладе «Распространение христианства среди ливов в XII-начале XIII в.» на основе археологических материалов выделил три этапа воздействия христианской религии: скандинавский (IX—XI вв.), древнерусский (XI—XIV вв.), немецко-католический (с конца XII в.). Обзору древностей корелы эпохи раннего средневековья был посвящен доклад А. И. Сакса (Ленинград) «Археологические аспекты изучения карел».

Интерес представляли доклады К. А. Смирнова (Москва) «Связи племен городецкой и дьяковской культур с населением степи и лесостепи в I тысячелетии до н. э.» и А. Х. Пшеничнюка (Уфа) «Взаимодействия оседлых и кочевых племен Западного Приуралья в эпоху раннего железа». В первом из них анализировался вопрос об экономических и культурных контактах волжско-финского населения со скифами и сарматами. А. Х. Пшеничнюк исследовал контакты племен пьяноборской культуры с сарматами Нижнего Поволжья. Ананьинские и пьяноборские элементы в древностях раннего железа с территории Карелии анализировались в докладе М. Г Косменко (Петрозаводск) «О происхождении и волжско-уральских связях культур эпохи железа в Карелии».

А. О. Амелькин (Глазов) в докладе «Геродот и этногеография Восточной Европы» пришел к заключению, что фиссагеты, иирки, скифы-апостанты и агрипеи сопоставимы с финно-угорскими племенами городецкой, ананьинской и дьяковской культур. Тогда как аримаспы представляли собой индоиранское население.

В ряде докладов рассматривались вопросы истории и культуры племен эпохи камня в финно-угорском ареале. С большим интересом слушалось выступление Д. А. Крайнова (Москва) «Культуры неолита, энеолита и бронзы на территории лесной полосы Европейской части СССР и этнические вопросы». Докладчик утверждал, что ранненеолитические культуры Восточной Европы с накольчато-гребенчатой керамикой, развившиеся на местных мезолитических культурах с постсвидерской или иной подосновой, не принадлежат финно-уграм. Древностями последних были культуры развитого неолита (середина IV—III тыс. до н. э.) с ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой. Племена, оставившие эти культуры, расселились из Прионежья, Приладожья и Карелии, освоив центральную часть Восточной Европы.

Л. А. Наговицын (Ижевск) в докладе «Основные этапы формирования финноязычного населения Волго-Камья в эпоху камня и бронзы» попытался показать, что древнейшим финно-угорским населением этого региона можно считать племена эпохи неолита (V—IV тыс. до н. э.).

В докладе В. Я. Шумкина (Ленинград) «Саамы, лопь, лопари и финно-угорская проблематика» высказано предположение, что саамы являются потомками первопоселенцев севера Европы, а лопари — остатки древнего европейского населения, ассимилированного самодийцами. Были заслушаны также доклады А. П. Журавлева (Петрозаводск) «Энеолит асбестовой керамики Карелии» и В. В. Сидорова (Москва) «Отношение льяловской и волосовской культур». В. В. Сидоров считает, что носители обеих культур были финно-угры. Образование культур среднего неолита — валдайской (из которой происходит волосовская), льяловской и волго-камской отражает, по мнению докладчика, членение финской общности на три ветви: балтийско-финскую, волжско-финскую и пермскую.

Обсуждение археологических докладов протекало живо и активно. Многочисленные вопросы к докладчикам свидетельствуют об интересе к обсуждаемым темам и их большом научном значении. Работа конференции показывает, что финно-угорская археология является важнейшей составной частью общего финно-угроведения. Ныне в основном только археология может осветить многовековой период истории и культуры древних и средневековых финно-угров, без участия археологов невозможно серьезно решать этногенетическую проблематику. Для дальнейшего развития археологического финно-угроведения необходимы координация и объединение усилий большого коллектива археологов, работающих по различным вопросам истории и культуры финно-угорских племен и народностей.

В. В. Седов, К. А. Смирнов

ВОПРОСЫ ПЕРЕСТРОЙКИ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ НА МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМ СЕМИНАРЕ ЛОИА АН СССР

В соответствии с годовым планом работы философского (методологического) семинара ЛОИА АН СССР на 1987—1988 гг. 13 января 1988 г. состоялось заседание, посвященное обсуждению вопроса «Задачи перестройки советской археологической науки в соответствии с решениями XXVII съезда КПСС». С основным докладом выступил заведующий ЛОИА АН СССР, член-корреспондент АН ТССР В. М. Массон. Насущный характер темы, глубокая озабоченность ученых сотоянием и перспективами развития археологической науки в СССР в плане определения основных задач полевых исследований, главных направлений и методов разработки лавинообразно нарастающего эмпирического материала, целей и способов его теоретического осмысления на базе методологии диалектического и исторического материализма при поиске новых форм организации научной деятельности, кооперации и координации усилий исследовательских коллективов — все это побудило к заинтересованному, живому, неформальному обмену мнениями, идеями и предложениями по столь актуальной проблеме.

Бесспорно, что подъем советской археологической науки на новый качественный уровень, соответствующий современным требованиям к любой области фундаментального общественно-исторического знания, повышение ее международного престижа, активизация социальной роли археологии как гуманитарной дисциплины, призванной служить высоким целям воспитания человечества на примере истории его собственного развития, прогресса создаваемых им культурных ценностей, норм и образцов, выступают задачами всего сообщества советских археологов и могут быть решены лишь вследствие выявления и объединения творческого потенциала археологических учреждений нашей страны. Поэтому рассмотрение направлений, методов и целей перестройки советской археологической науки, имевшее место на заседании методологического семинара ЛОИА АН СССР, правомерно оценивать как начало обсуждения данных вопросов, продолжение которого должно стать делом общесоюзного форума советских археологов.

С учетом этих соображений мы приводим тезисное изложение доклада В. М. Массона и основных выступлений участников семинара.

В. М. Массон: 1. XXVII съезд КПСС поставил кардинальные задачи перестройки как комплексной системы взаимосвязанных действий, основанных на новом мышлении и динамизме. Как отмечалось в докладе М. С. Горбачева, в частности, налицо потребность в глубоких исторических исследованиях, для чего необходимо создание творческой атмосферы, преодоление инерции мышления. Застой и авторитарные оценки вели к тому, что теория становилась все более тавтологичной, схематизм вел к рассмотрению общественных закономерностей как действующих в рамках полного автоматизма. Сейчас не без оснований говорится, что по ряду вопросов мы вступили в 80-е годы с теоретическим сознанием еще уровня 30-х годов. Между тем мировоззренческая функция общественных наук неизмеримо возрастает, они должны сыграть заметную роль в развитии общественного сознания, в духовном настрое общества. Жизненно необходимы новые поиски и разработки в обществоведении. Как отмечал в докладе на XXVII съезде М. С. Горбачев, верность марксистско-ленинскому учению — в его теоретическом развитии на основе накопленного опыта.

2. Развитие советского обществоведения и исторических дисциплин, включая археологию, не может протекать в искусственной изоляции, в нарочитом или невольном отрешении от процессов, происходящих в американской и западноевропейской философии, и соответственно в методологических разработках в сфере исторических наук. В 70-е годы стала ясна неадекватность неопозитивистского анализа научного знания природе и механизмам развития такового, появились постпозитивистские концепции, культурологические формы философии. Заметно возрос интерес к марксизму, одновременно участились случаи и его вольной интерпретации. Налицо даже своего рода левацкое бравирование «неомарксизмом». Характерно развитие взглядов такого крупного английского исследователя, как К. Ренфрю, постепенно придающего все большее значение так называемому социальному подходу к интерпретации данных археологии.

Вместе с тем многими западными исследователями историческое развитие часто трактуется как многолинейный процесс, лишенный общих закономерностей. Соответственно акцент в оценках переносится на культурное многообразие.

3. Стратегия методологических разработок исторических наук должна быть сосредоточена на творческом использовании и развитии марксистско-ленинской философии при опоре на огромное многообразие новых фактов, разумное использование современных методов и процедур научного анализа. Необходимо ликвидировать белые пятна в историографии нашей науки, сказать о застое и своего рода реакции, которая пришла на смену творческим дискуссиям конца 20-х — начала 30-х годов, в полный голос реабилитировать незаконно репрессированных ученых, преданных науке и своей стране, чьи имена и научный вклад до сих пор замалчиваются. При ликвидации искусственно созданных белых пятен следует обратить особое внимание на всестороннюю оценку как положительных явлений, так и негативных тенденций на непростом пути развития советского обществоведения. Важнейшее значение имеет преодоление догм и стереотипов мышления, анализ, казалось бы, устойчивых, а на самом деле закостеневших положений, развитие творческих дискуссий. Временные творческие коллективы при живом участии актива методологического семинара — наиболее перспективные организационные формы такой деятельности.

4. В проблемно-тематическом плане можно выделить четыре группы приоритетных по своему методологическому значению вопросов.

Во-первых, кардинальной остается проблема о характере и действии общих закономерностей, свойственных историческому процессу. Многообразие мира отнюдь не означает его хаотичности, ибо за многообразием скрывается поступательное (в конечном итоге) развитие общества как закономерный и внутренне обусловленный процесс. Лишь ограниченность исследований, когда вне рамок научного видения остается цельность общественной системы, ведет к нигилизму и скептицизму в этом важнейшем вопросе. Другое дело, что историческую универсальность следует оценивать с учетом всех тенденций развития: восходящей спирали истории, зигзагов, сбоев и отступлений. Это и должно стать темой конкретно-исторического анализа.

Вторая проблемно-тематическая группа вопросов связана с изучением первобытнообщиной формации. Надо самокритично признать, что многие археологи как бы потеряли вкус к разработкам по первобытной истории, ограничиваясь корректировкой тех аспектов, при которых догматизированные некогда положения и новые материалы выступали вопиющим диссонансом. В результате данная тематика практически была монополизирована этнографами, свидетельством чего явилось новое многотомное издание «Истории первобытного общества». Как обобщение осуществленных разработок, сконцентрированную информацию о новых материалах и концепциях это издание можно лишь приветствовать. Вместе с тем ориентация на англоязычные разработки, недостаточный профессионализм в использовании археологического материала вызывают справедливые нарекания, что было уже предметом специального обсуждения на методологическом семинаре ЛОИА. Может быть подвергнута критике и методологическая ориентация на упрощенную логическую схему — этнографические аналоги к археологическому материалу. В практике советской, да и мировой археологии существует и во многом себя оправдала иная схема — реконструкции на базе археологического материала и их объяснение с помощью различных моделей. Археологам необходимо провести специальные теоретические разработки на тему «новые данные и периодизация первобытной эпохи (археологические реалии и теоретические обобщения)». Важно заново обратиться к важнейшему этапу древней истории, который в свое время Ф. Энгельс образно назвал военной демократией. Накопление новых археологических данных для таких разработок давно ждет теоретического обобщения.

Третья проблемно-тематическая группа вопросов связана с изучением древней эпохи развития рабовладельческих отношений. Груз теоретического сознания 30-х годов здесь особенно ощутим. Эпохальное своеобразие, особенно впечатляющее в сфере культурных эталонов, не оставляет сомнений. Достаточно удачной является периодизация, принятая группой исследователей под научным лидерством И. М. Дьяконова: ранняя древность, расцвет древних обществ, упадок древних обществ. Но социально-экономическая оценка эпохи слишком долго зиждилась на обязательном поиске хотя бы одного упоминания термина «раб», а затем стала основываться на абсолютизации места и роли в социальной структуре свободных общинников. С моей точки зрения, в таких случаях следует учитывать необходимость иерархического подхода к социальным общностям, ибо внутри отдельных классов существовал целый ряд различных групп и слоев (страт), образующих как бы переход от одного класса к другому. Во всяком случае, важная задача научных коллективов и методологического семинара — вернуться к рассмотрению этой тематики, отойдя от догматических стереотипов.

Наконец, четвертая группа вопросов прямым образом связана с практикой культурного строительства, политико-воспитательной работой и идеологической конфронтацией. В частности, имеются в виду проблемы связи культурного наследия, этноса и этногенеза. Не секрет, что у нас налицо негативные явления и деформации в сфере национальных отношений. Буржуазный национализм склонен рядиться в религиозные одежды. Теоретические разработки в этой области также сильно запущены, и лозунговые стереотипы создают лишь видимость благополучия. Наша задача, обладая колоссальным конкретным материалом, ввести его теоретическую и методологическую разработку с конкретными выходами в нужды и запросы сегодняшнего дня. Для некоторых западных теоретиков характерно стремление к модернизации потенций традиционного. Принципиально важно в этой проблематике исходить из базовых положений об этносоциальных организмах как исторических феноменах, о двух культурах в народной культуре, о прогрессивном значении взаимодействия и взаимообогащения культур как антитезе изоляционизма и ограниченности.

В Н Боряз. Доклад В. М. Массона весьма актуален, поскольку общеполитические и идеологические принципы и установки перестройки всей общественной жизни в нашей стране конкретно переосмыслены с учетом современного состояния практики археологических исследований, уровня ее теоретического развития, направлений и способа методологических разработок, организационно-управленческих форм совершенствования научной деятельности.

Всецело разделяя положения доклада о разработке теоретических основ археологии с целью решения фундаментальных мировоззренческих проблем при условии творческого овладения методологическим потенциалом марксистско-ленинской философии, логикой диалектического мышления, позволяющей вскрыть переходы от источниковедческой базы археологии к обобщениям мировоззренческого плана, я хотел бы особо подчеркнуть важность последней задачи. В самом деле, ни одно заключение исторического, социологического, культуроведческого, палеоэкологического характера не приобретет статус научного, истинного положения, если будет упущена логика восхождения от фальуально-эмпирических данных археологии к тем или иным содержательно-специфическим обобщениям. Следует отчетливо осознать, что всякий познавательный акт при исследовании археологических источников есть в то же время ступень в формировании некоторого

элемента мировоззренческого знания и тех терминов, понятий, категорий, в которых такое знание будет находить свое логико-теоретическое оформление, что в целом гносеологическая область археологии есть сфера генерирования всего в конечном счете вырабатываемого археологической наукой объективно-исторического знания и адекватного ему понятийно-категориального аппарата. А осознавая это, следует не менее четко раскрывать и излагать тот логический процесс, который был пройден исследователем и завершился формированием выводов мировоззренческого плана. Только при этом условии возможно выполнение требования повторяемости, воспроизводимости полученного исследовательского результата, т. е. соблюдения важнейшего принципа оценки знания как полученного действительно научным способом. В противном случае предлагаемые обобщения будут следствием интуиции отдельного ученого, свойственных ему субъективных оценок, устоявшихся, традиционных воззрений, причем эти обобщения окажутся не подверженными критической переоценке самого способа их выработки.

Второе соображение относится к проблеме современных форм организации, археологической науки, понимаемой как разновидность социально обусловленной, коллективной, познавательной деятельности. Значительный рост числа научных институтов, кафедр и других институциализированных форм, объединяющих количественно и качественно возросший контингент советских археологов и обеспечивающих организационную базу археологических исследований, все шире развертывающихся во всех союзных республиках и различных регионах страны, более остро, чем прежде, поставили не только проблемы кооперации исследовательских сил, координации исследований, формирования комплексных программ, оперативного обмена информацией, но и вопрос об едином органе планомерного управления всеми этими процессами. Совершенно очевидно, что в силу этих объективных обстоятельств даже Институт археологии АН СССР — головное научное учреждение страны — не в состоянии решать все эти задачи в их новом масштабе. Однако, на наш взгляд, один из основных принципов происходящей в стране перестройки — демократизация управления, понимаемая как подлинно демократическое самоуправление, будучи распространен и на область организации науки, подводит к выводу о своевременности, правомерности и плодотворности создания Археологического общества СССР. Такое общество, являясь формой демократической консолидации научных сил и образованное с учетом опыта деятельности других учреждений в условиях новой политико-организационной обстановки в стране, будет способно представлять интересы советской археологической науки, выступать единым центром, осуществляющим функции организации комплексных, скоординированных археологических исследований в общесоюзном масштабе, обобщающим опыт методологических и методических разработок, вырабатывающим решения всех прочих задач, затрагивающих интересы всех научных археологических учреждений страны.

Д. Г. Савинов. В докладе В. М. Массона затронуто много важных вопросов, из которых мне хотелось кратко остановиться на нескольких. Нам, безусловно, необходимо повышение уровня теоретической подготовки, причем, как мне кажется, не только путем знакомства и использования достижений современной теории археологии, но и обращения к основам этнологии (антропогеографии, культурно-исторической школы, теории ценностей, многолинейной эволюции и др.), многие положения которых успешно используются и сейчас на интерпретационном уровне исследования археологического материала. Очень важно творческое отношение к дефинициям классиков марксизма-ленинизма, основанное на конкретном культурно-историческом материале; например, в раскрытии таких понятий как «военная демократия», «рабовладельческая стадия» и др., которые должны становиться не препятствием, а руководящим направлением в изучении того или иного исторического явления. С этой точки зрения полностью согласен с тем, что основным направлением исследований в археологии на современном этапе является не этногенез, в большей степени лежащий в сфере интересов антропологии, этнической лингвистики и других гуманитарных дисциплин, а культурогенез как изучение истории культуры на всем протяжении ее существования; и уже — культуры как одного из составляющих этноса. На этом пути принцип моделирования, отмеченный В. М. Массоном, является, безусловно, определяющим. И наконец, о необходимости изучения истории ГАИМК. Хочется всячески поддержать это предложение. Кто, как не сотрудники ЛОИА, должны и могут сделать эту работу, причем не только в виде выступлений старейших сотрудников, но и путем создания специальной группы по изучению истории ЛОИА с последующей публикацией результатов ее исследований. Я также поддерживаю предложение В. Н. Боряза о создании Археологического общества СССР, главными задачами которого могут быть координирование работ местных центров, разработка методических вопросов, интенсификация охраны памятников и т. д.

В. А. Алекшин. В докладе В. М. Массона дана исчерпывающая характеристика современного состояния нашей археологической науки, показаны приоритетные направления, на которых следует сконцентрировать основное внимание. Необходимо разработать комплекс конкретных мероприятий, чтобы Институт археологии в целом вышел на лидирующие позиции в науке о древностях. За последние годы Институт востоковедения АН СССР выпустил трехтомную историю древнего мира. Институт этнографии АН СССР заканчивает публикацию трехтомной истории первобытного общества. Наш институт издает многотомную «Археологию СССР»; к сожалению, это издание не столько теоретического, сколько информационного характера. Громаден объем материалов, представленных в этом труде, поэтому здесь неравномерно представлены археологические очерки по отдельным регионам, о некоторых культурах говорится предельно сжато, а самое главное, не уделено должного внимания культурно-историческим выводам обобщающего теоретического характера. Думаю, что параллельно с изданием «Археологии СССР» институту нужно выпустить несколько сборников по проблемам развития первобытных обществ на

основе археологических источников, ибо для большей части нашей страны это единственный источник вплоть до начала железного века. Отдел Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР может подготовить обобщающее исследование по археологии Средней Азии на основе тщательной проработки имеющегося археологического материала. Присоединяюсь к предложению Д. Г Савинова о необходимости написания работы по истории ГАИМК. В вопросах этногенеза археология должна занять четкую позицию: о проблемах этногенеза современных народов нашей многонациональной страны можно говорить начиная с определенного момента (чаще всего с эпохи раннего средневековья). Нельзя уводить дебаты в седую древность III—II тыс. до н. э., ибо для этого нет достаточных оснований. Необходимо активной пропагандой современных научных знаний препятствовать всевозможным спекуляциям на эту тему. Так же четко нужно представлять, что развитие культуры любого народа невозможно в изоляции от влияния других культур, нельзя априори негативно относиться к инокультурному влиянию или отрицать его. В заключение я хотел бы сказать об англоязычных работах по теоретическим проблемам археологии. Нужна их трезвая критическая оценка, поскольку не все они «работают» в практической археологии.

М В Аникович. Доклад В. М. Массона посвящен исключительно важному для всех нас вопросу. Историческая наука в большом долгу перед нашим обществом — это признают сами историки. Это относится не только к социологам, философам и историкам новейшего времени, но и к нам, археологам. В связи с докладом В. М. Массона коснусь четырех моментов. 1. Наши построения — не только исторические и социологические, но и собственно археологические — остаются донаучными, «милой болтовней» в той мере, в какой они не подкреплены теорией и методикой, обеспечивающей доказательность, стройность и логичность наших выводов. Теория археологии должна строиться как источниковедческая теория, как средство перевода с «языка вещей» на «язык истории». Построение такой теории и методики невозможно без обращения к философии, гносеологии, к методологии истории — в этом я совершенно согласен с В. Н. Борзом, ибо без такого обращения, принципиально ограничивая себя рамками «археологического универсума», мы неизбежно сведем наши разработки, как теоретические, так и практические, к чистой схоластике, т. е. наукообразной форме той же «милой болтовни». С другой стороны, мы неизбежно впадем в теоретическое пустословие, если не будем сами постоянно проверять наши методико-методологические построения нашей же практической работой: археолог, предлагающий новый вариант определения типа, культуры и т. д., должен сам на «живом» материале проверять действенность своих предложений. 2. Одна из важнейших исторических проблем, имеющих общефилософское, мировоззренческое значение,— проблема антропогенеза. Господствующей теорией в нашей науке здесь является чисто умозрительная «теория двух скачков», давно переставшая удовлетворять археологов-палеолитоведов, изучающих основные источники по этому вопросу. Но для построения альтернативной теории совершенно недостаточно чисто археологического осмысления этих источников. В качестве конкретных мер, которые могли бы здесь нам помочь, я обращаюсь к руководству методологического семинара с предложением организовать ряд лекций по философским проблемам современной биологии (теория эволюции, теория вида), по узловым вопросам генетики, которые должны прочитать специалисты в этой области. 3. Историография действительно имеет сейчас исключительно важное значение. Здесь «белые пятна» зачастую следствие неизбежно проводимой в историографических работах концепции «непрерывного роста успехов при отдельных недостатках» — этот постулат мешает иногда не только найти ответ, но даже поставить вопрос. Проблем здесь очень много, приведу в качестве примера давно занимающий меня вопрос: почему обсуждение проблемы определения археологии как науки резко прекратилось после 1933 (фактически после 1932) года? 4. При оценке деятельности наших предшественников мы должны очень строго соотносить ее с конкретной исторической обстановкой, в которой протекала эта деятельность. Всегда нужно помнить: мы — не высшие судьи, а только исследователи. Поэтому у меня никогда не поднимается рука бросить камень в авторов известного «антимарровского» сборника: конечно, хочется верить, что уроки истории чему-то учат и что в критической ситуации каждый из нас будет себя вести не менее достойно, чем И. А. Раппопорт и В. С. Немчинов на сессии ВАСХНИЛ 1948 г

А Н Кирпичников. В порядке дополнения к докладу В. М. Массона хочу сказать следующее. Мы должны отстаивать влиятельность и историческую значимость археологии, рост ее идейного смысла и избегать приклеивания ярлыков. При этом в отношении даже непререкаемых концепций и истин допустимы различные точки зрения. Так, И. Я. Фроянов отстаивает феодальную стадию для России начиная с XIII в. Я с такой точкой зрения не согласен, но считаю, что исследования И. Я. Фроянова надо публиковать. В науке, увы, допускается «избиение» инакомыслящего, и критики зачастую это делают в своих спекулятивных интересах. А ведь во взглядах И. Я. Фроянова на общественное устройство Руси есть и рациональное зерно — он справедливо уделяет внимание народу, его относительной свободе для того периода, когда страна еще не знала крепостничества. И это оправданно.

А вот еще пример спекулятивной критики, в данном случае с позиций вчерашнего дня. Кое-кому из украинских историков не понравилась идея ленинградских археологов о существовании в период раннего средневековья своеобразного Балтийского торгово-экономического и культурного сообщества народов. Откуда такое взялось, сердятся критики. Ведь не было же среди балтийских стран единого правительственного руководства этим процессом. Возражение, думаю, наивное, к тому же направленное на подрыв наших международных научных связей. Упомянутое сообщество сверху действительно не предписывалось, его вызвала экономическая необходимость. Эта проблема вызывает большой интерес, и об этом сейчас много пишут, в том числе и ученые

в социалистических странах (см. по этому поводу книгу «Славяне и скандинавы». М., 1986).

В археологической науке от 1930-х годов остались свои «пятна». Археологи не избежали трагических потерь. Вспомним об известном историке оружия В. В. Арендте. В 1963 г по запросу ЛОИА АН СССР, направленному в Прокуратуру СССР, дело Всеволода Викторовича Арендта, погибшего в 1937 г., по протесту прокурора г Ленинграда было президиумом Ленгорсуда прекращено, он был посмертно реабилитирован. В ответ на мое предложение напечатать в «Советской археологии» биографическую статью о В. В. Арендте А. В. Арциховский в письме от 27 мая 1962 г. ответил мне следующее: «Подобные заметки вообще пока не печатаются. В тридцатые годы погибло слишком много людей. В том числе погибли тысячи научных работников всех специальностей. Но если о них о всех написать должным образом в научных журналах... Представьте себе, какое это произведет впечатление на читателей: во-первых, на зарубежных, во-вторых, на наших молодых. В «Правде» была заметка о Тулайнове, это хорошо, но это исключительный случай. Подобные статьи пока очень редки. Надеюсь, что они будут появляться несколько чаще. Тогда мы, археологи, напечатаем статью о П. С. Рыкове, а не только о В. В. Арендте. Встанут и другие имена». А. В. Арциховский в то время вряд ли мог ответить иначе, хотя и писал свое письмо в период кратковременной «оттепели». Ныне мы можем и должны говорить много откровеннее, не таясь зарубежья и собственной молодежи. Надеюсь, что редакция «Советской археологии» вновь рассмотрит вопрос о наших несправедливо, а порой намеренно забытых предшественниках.

В археологии далеко не изжиты уравниловка, иждивенчество, стремление сидеть в своей «норке». Следует, наконец, наладить подбор и воспитание молодых специалистов, которые учатся в университете. Кадровая политика у нас должным образом не осуществляется. В результате велик наплыв в археологию случайных людей, а таланты иногда теряются. Необходимо четкое планирование при подготовке молодых специалистов. Следует смелее привлекать для стажировки в институте иностранных ученых и аспирантов. Большое будущее за международными творческими группами, работающими по согласованной тематике.

В силу обстоятельств археологи оказались в первых рядах защитников культурного наследия. Это вопрос стоит остро и, увы, не решается. Распространено недопонимание гуманистического знания и всего дела охраны памятников истории и культуры. А ведь речь идет о духовном и материальном богатстве, которое вовсе не «остаточно», а вплотную смыкается с ценностями социализма. Предлагаю, чтобы ИА АН СССР выступил с инициативой о проведении всесоюзной конференции о мерах по коренному улучшению охраны и использования памятников истории и культуры. Заключения и рекомендации, высказанные на такого рода конференциии, мы могли бы направить в Совет Министров СССР. Здесь нельзя медлить, ибо никакой перестройки в этом деле пока нет. Наше наследие не менее, чем природа, нуждается в защите, основанной на новых нормативах. Всецело присоединяюсь к предложению В. Н. Боряза о создании у нас Археологического общества. СССР. Надо учесть огромную тягу людей к познанию истории. Такое общество во многом помогло бы утолить этот растущий интерес к прошлому. Я назвал только одну из задач будущего общества. В России такое объединение существовало, и важно возродить эту гуманистическую традицию.

В заключение авторы считают, что данное обсуждение безусловно не раскрыло всех проблем перестройки советской археологической науки, ведущих к ней предпосылок и факторов общественно-идеологического, теоретико-методологического, историко-научного, практически-организационного порядка. Понимая необходимость формирования всестороннего и возможно полного знания этого рода как условия выработки целостной программы перестройки археологической науки в СССР, участники семинара и приняли решение направить материалы данного обсуждения для публикации в «Советской археологии» с целью вовлечь в него широкие круги археологов всех научных центров страны.

В. Н. Боряз, В. П. Никоноров

ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ ГРИГОРЬЕВИЧА МИТРОФАНОВА

Ушел из жизни известный советский археолог, старший научный сотрудник Института истории АН БССР, кандидат исторических наук Алексей Григорьевич Митрофанов.

А. Г Митрофанов принадлежал к первому послевоенному поколению археологов, вступивших в науку в трудные 40-е годы. Он родился в 1912 г в семье крестьянина деревни Осташково Тверской губернии. В 1929 г. окончил неполную среднюю школу и переехал в Ленинград, где вынужден был сочетать учебу с работой. В 1931 г поступил в Ленинградский государственный университет на исторический факультет. После окончания его работал учителем в школах Ленинграда, одновременно участвуя в археологических экспедициях, поддерживал связь с кафедрой археологии ЛГУ Уже тогда его интересы были тесно связаны с археологией, однако Великая Отечественная война помешала заняться ею вплотную.

А. Г Митрофанов прошел всю войну и окончил ее в Варшаве в чине капитана Войска Польского, его ратный подвиг отмечен правительственными наградами. После демобилизации он возвратился в Ленинград.

Начало творческого пути Алексея Григорьевича связано с Ленинградским университетом. Здесь с 1946 по 1950 г он работал на историческом факультете, проходя школу у таких ученых, как В. И. Равдоникас, В. В. Мавродин, М. И. Артамонов и др.

С 1949 г А. Г Митрофанов связывает свою судьбу с Белоруссией. Послевоенное время было очень тяжелым для белорусской науки. В республике остро ощущалась нехватка научных кадров, большинство ученых погибли в результате сталинских репрессий и во время войны. Страна всячески помогала многострадальной Белоруссии. В числе тех, кто активно включился в эту помощь, был и Алексей Григорьевич Митрофанов.

Несмотря на то что белорусские археологи 1920-х — начала 30-х годов проделали большую работу по обследованию и интерпретации археологических памятников разных эпох, северная часть БССР оставалась по существу terra incognita. Изучение этой территории было насущной необходимостью белорусской археологии.

С 1949 г А. Г Митрофанов проводит большие разведывательные работы на территории бывшей Полоцкой обл. и тогда уже высказывает мысль о существовании особой группы верхнеднепровских городищ в пределах Белоруссии. Помимо рекогносцировочных работ им были проведены раскопки на городищах Девички, Поддубники, Язно, Горовые, материалы которых значительно расширили источниковедческую базу исследуемых древностей.

Впоследствии, основываясь на новых материалах городищ Смоленщины и Северной Белоруссии, А. Г Митрофанов приходит к выводу о том, что эти древности отражают один этнокультурный массив, названный им днепро-двинской культурой. Эта точка зрения вошла в научный оборот и принята всеми исследователями. В дальнейшем ученый уточняет границы распространения этой культуры в пределах БССР, дает общую характеристику, определяет этническую принадлежность племен, отнеся их к балтской языковой группе.

Основные научные интересы А. Г Митрофанова связаны с изучением железного века Средней Белоруссии и особенно культуры штрихованной керамики. С 1950-х годов он широкими площадями проводит раскопки на городищах Малышки, Новоселки, Вязынка, Лабенщина, Збаровичи; систематизирует и классифицирует материал, датирует поселения. Итоги этой работы были обобщены им в диссертации «К истории населения Средней Белоруссии в эпоху раннего железа», успешно защищенной в Ленинграде в 1955 г.

Разрабатывая по существу целину в области древностей культуры штрихованной керамики, А. Г Митрофанов создает конкретно-историческое представление о характерных особенностях ее материальной культуры, общественном строе, хозяйственной деятельности и этнической принадлежности населения. В результате тщательного анализа он пришел к выводу, что носители культуры штрихованной керамики прошли три этапа в своем развитии. Важным моментом в исследованиях А. Г Митрофанова явилось открытие жилищ на городищах культуры штрихованной керамики, определение хронологических рамок культуры.

Большой вклад внес ученый в разработку таких проблематичных вопросов, как происхождение и этническая атрибуция племен культуры штрихованной керамики. Взяв на себя смелость еще в 1950-х годах соотнести древности культуры с дославянским населением восточнобалтийской языковой группы, А. Г Митрофанов во всех своих работах отстаивал балтоязычный характер племен культуры штрихованной керамики. Говоря о ее неоднородности, он указывал, что к проблеме происхождения культуры штрихованной керамики в различных ареалах необходимо подходить дифференцированно.

А. Г Митрофанова постоянно привлекало исследование древностей железного века третьей четверти I тыс. н. э., так называемой банцеровской или тушемлинско-банцеровской культуры. В 60-х годах он выявил в северо-западной части днепровского бассейна и в Понеманье несколько десятков открытых поселений V—VIII вв. н. э. и на некоторых из них (Ревячка, Гуры, Дедиловичи, Городище и др.) провел исследования.

Большой интерес вызывают выявленные исследователем жилища наземного и полуземляночного типов. Конструктивные особенности наземных жилищ, по мнению А. Г Митрофанова, имели местную подоснову, а полуземлянки он связывал с влиянием южных памятников типа Абидни и Тайманова. Им изучались грунтовые погребения банцеровской культуры (селище Ревячка Минской обл.), ближайшие аналогии которых прослеживаются в могильниках Смоленского и Могилевского Поднепровья и Подесенья. Детально изучен А. Г Митрофановым керамический комплекс банцеровской культуры, выделены характерные особенности посуды. Исследователь проанализировал социально-экономическое развитие банцеровского населения, определил хронологические рамки культуры (V—VIII вв. н. э.).

Весьма существенен его вклад в разработку вопросов и этнической интерпретации банцеровских древностей. Концепция А. Г Митрофанова состояла в том, что древности третьей четверти Средней и Северной Белоруссии сформировались на базе местных культур раннего железного века: штрихованной керамики и днепро-двинской при активном участии культур почепской, а также типа Адаменки и среднего слоя Тушемли. А поскольку новая культура сложилась на базе местных бесспорно балтских культур, то она по своему происхождению является балтской. Рассматривая банцеровско-тушемлянскую культуру в пределах всего ареала как единый культурно-археологический массив, принадлежащий одной восточнобалтской этнической общности, А. Г Митрофанов подчеркивал, что, несмотря на некоторые различия, этот массив нельзя расчленять на самостоятельные культуры. Можно лишь говорить о выделении отдельных вариантов в рамках одной культуры, так как сама она складывалась на основе нескольких компонентов.

В своих многочисленных статьях, в соответствующих разделах «Очерков по археологии Белоруссии», «Истории БССР» четко, лаконично и аргументированно А. Г Митрофанов излагал свои положения, проявляя тонкое чутье профессионала. Им написано свыше 100 статей для «Энциклопедии БССР», «Сводов памятников истории и культуры БССР», различных энциклопедических сборников. Почти все послевоенные монографии и коллективные работы белорусских археологов рецензировались и редактировались А. Г Митрофановым. Он принимал участие в работе многих научных конференций в Москве, Ленинграде, Риге, Вильнюсе, Минске, Пскове и других городах, где выступал с блестящими докладами. К его мнению прислушивались и высоко его ценили исследователи железного века лесной полосы СССР.

В 1978 г. вышла в свет монография А. Г Митрофанова «Железный век Средней Белоруссии», где обобщен огромный археологический материал и сделаны важные исторические выводы.

А. Г Митрофанов был очень требователен к себе и другим, непримиримо относился к научной недобросовестности, субъективизму и наукообразности, боролся с явлениями, которые тормозили развитие археологической науки, и остро переживал, когда они одерживали верх.

Алексей Григорьевич был прирожденный лектор и наставник. Его лекции и спецкурсы запомнились разным поколениям историков, учившихся в БГУ. Он был в той или иной степени учителем всех белорусских археологов послевоенного периода. Этому способствовали глубина и разносторонность его знаний как ученого-энциклопедиста, чуткость и отзывчивость, щедрость как человека.

Алексей Григорьевич до последних дней жил археологией, делил с нами ее радости и проблемы. Память об Алексее Григорьевиче Митрофанове, прекрасном ученом, чутком и принципиальном человеке, навсегда останется в сердцах его коллег и благодарных учеников.

В. И. Шадыро

ПАМЯТИ ЛЕОНИДА ПАВЛОВИЧА ХЛОБЫСТИНА

11 марта 1988 г после тяжелой непродолжительной болезни скончался доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего Ленинградским отделением Института археологии АН СССР, заведующий неолитической группой ЛОИА АН СССР Леонид Павлович Хлобыстин. Л. П. Хлобыстин являлся одним из крупнейших специалистов в области археологии и древней истории Сибири и Крайнего Севера СССР Его научное наследие составляют свыше 100 научных трудов.

Л. П. Хлобыстин родился 2 марта 1931 г в Ленинграде, в рабочей семье. 1952 г. после окончания средней школы Л. П. Хлобыстин поступил на истфак ЛГУ, который закончил в 1956 г. по кафедре археологии. В 1958 г Л. П. Хлобыстин поступил в аспирантуру ЛОИА АН СССР, научным руководителем его был А. П. Окладников, несомненно, много способствовавший окончательному формированию области научных интересов и широкой эрудиции молодого исследователя. В ноябре 1961 г после завершения аспирантуры Л. П. Хлобыстин был зачислен младшим научным сотрудником сектора палеолита и в течение ряда лет был ученым секретарем этого сектора. Кандидатская диссертация «Древние культуры побережья озера Байкал (каменный и бронзовый века)», защищенная им в 1964 г., обобщала обширные материалы, полученные к тому времени по этой проблеме. Работами Л. П. Хлобыстина были открыты первые для этой территории материалы начала мезолита или «эпипалеолита» (стоянка Лударская III). Важным событием для первобытной археологии Сибири явилась подробная, тщательно подготовленная публикация материалов древнейших памятников Байкала, вышедшая в свет в 1965 г. (МИА. № 131 М.; Л., 1965). В 1960-е годы наряду с проведением собственных исследований Л. П. Хлобыстин участвовал также в работе ряда экспедиций ЛОИА АН СССР, в Сибири и на северо-западе европейской части СССР. Заметный вклад в изучение эпохи бронзы Урала и Западной Сибири внесла монография Л. П. Хлобыстина, подводящая итоги исследования поселения Липовая Курья и Южном Зауралье в 1961—1963 гг На основании этих исследований Л. П. Хлобыстин сделал впервые важный вывод «о существовании в таежной зоне Южного Зауралья особой андроноидной культуры, принадлежащей потомкам лесных неолитических племен, существовавшим по соседству с алакульским населением Южного Зауралья», и дал широкую историческую картину возникновения на периферии андроновской историко-культурной общности «андроноидных» культур (Л. А. Хлобыстин. Поселение Липовая Курья. Л., 1976. С. 5, 6).

В конце 1960-х годов Л. П. Хлобыстин стал инициатором исследований древнейших культур Сибирской Арктики, организовав Заполярную экспедицию ЛОИА АН СССР, проводившую исследования на Таймыре и Ямале. Большие работы, проведенные экспедицией Л. П. Хлобыстина на территории Таймырского автономного округа, сделали этот район археологически наиболее изученным на севере Сибири. Результаты исследований были обобщены им в докторской диссертации «Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии», блестяще защищенной на ученом совете Института археологии АН СССР в марте 1983 г. В этой

работе были суммированы итоги девяти полевых сезонов Заполярной экспедиции, когда в чрезвычайно трудных условиях в Таймырском АО было открыто и изучено свыше 200 памятников различных периодов, от мезолита до средневековья (до начала работ Л. П. Хлобыстина на этой территории было известно лишь четыре пункта археологических находок). Для исследований Л. П. Хлобыстина характерна широкая постановка проблемы, базирующаяся на детальном, глубоком знании материала, как археологического, так и этнографического, глубокий интерес к проблемам происхождения народов Сибири. Авторитет Л. П. Хлобыстина как исследователя древностей Сибири был очень высок. Именно им написаны важные разделы, посвященные проблематике неолита и бронзового века обширного региона Восточной Сибири в двух томах обобщающего издания «Археология СССР». Вместе с тем он не замыкался лишь на сибирской проблематике. Так, важный след в изучении Европейского Севера оставило исследование Л. П. Хлобыстина по весьма сложной для исследователей проблеме «Крайний Северо-Восток европейской части СССР в эпоху неолита и ранней бронзы» (МИА. № 172. М.; Л., 1973). Большой интерес он проявлял к теоретической проблематике, о чем, в частности, свидетельствует оригинальное исследование «Проблемы социологии неолита Северной Евразии» (в сб. «Охотники, собиратели, рыболовы». Л., 1972), «Жилище и его экологическая и социальная обусловленность» (в сб. «Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений». Л., 1974) и др. Целый ряд исследований Л. П. Хлобыстина был посвящен проблемам происхождения народов Сибири («О расселении предков самодийских народов в эпоху бронзы» — в сб. «Материалы конференции „Этногенез народов Северной Азии“». Вып. 1. Новосибирск, 1969; «Происхождение нганасанов по археологическим данным» — в сб. «Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири». Томск, 1981 и др.).

Л. П. Хлобыстин пользовался заслуженным авторитетом как в СССР, так и за рубежом, неоднократно участвовал в работах зарубежных экспедиций, международных симпозиумов. В 1968 г он выступал в Вашингтоне с докладом «Формирование и развитие древних культур в Евразийском Заполярье и освоение арктических территорий населением Древней Руси и поморами XVI—XVII вв».

В 1985—1987 гг. Л. П. Хлобыстиным были сделаны важнейшие открытия при полевых исследованиях на о. Вайгач и полуострове Югорском, выявлены, в частности, древнейшие святилища, упоминания о существовании которых сохранились в некоторых письменных источниках. Найденные здесь первоклассные памятники древнейшей культуры и искусства во многом дополняют открытия, сделанные в таких важных центрах, как Старая Ладога и Новгород. К сожалению, опубликовать эти блестящие материалы он уже не успел.

Л. П. Хлобыстин был человеком с выраженной гражданской позицией, широкой культуры, большого творческого потенциала и вместе с тем скромным, тактичным, надежным товарищем и другом. Много времени и сил он отдавал общественной работе, в течение ряда лет был председателем местного комитета, секретарем партийного бюро ЛОИА АН СССР

Научные труды и открытия Леонида Павловича Хлобыстина сохранят навсегда его имя в советской археологической науке. В памяти знавших его людей он останется скромным, доброжелательным и мужественным человеком, глубоко преданным науке, в которой он успел сделать много.

В. М. Массон, Н. Д. Праслов, В. И. Тимофеев

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИУ — Археологические исследования на Украине
АО — Археологические открытия
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АС — Археологический съезд
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
АЭМК — Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола
БСЭ — Большая Советская Энциклопедия
ВВАЭ — Верхневолжская археологическая экспедиция
ВДИ — Вестник древней истории. Москва
ВЯ — Вопросы языкознания. Москва
ГАИМК — Гос. академия истории материальной культуры. Москва; Ленинград
ГИМ — Гос. Исторический музей. Москва
ГМИНВ — Гос. музей искусства народов Востока. Москва
ГЭ — Гос. ордена Ленина Эрмитаж. Ленинград
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИАИ — Известия на Археологическия институт на Българска Академия на науките. София
ИАК — Известия Гос. Российской археологической комиссии. СПб.
ИОАЛЕАЭ — Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.
КД — Каракумские древности. Ашхабад
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России. Москва
МАК — Материалы по археологии Кавказа. Москва
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса
МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Київ
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР Москва; Ленинград
МНМ — Мифы народов мира. Москва
ОНУз — Общественные науки в Узбекистане. Ташкент
ОИПК — Отдел истории первобытной культуры
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология. Москва
САИ — Свод археологических источников. Москва; Ленинград
СКНЦВШ — Северо-Кавказский научный центр высшей школы. Ростов-на-Дону
СФУ — Советское финно-угроведение. Таллинн
СЭ — Советская этнография. Москва
УАК — Ученая архивная комиссия
УІЖ — Український історічний журнал. Київ
УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Ленинград
ХАЭЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ХСб. — Херсонесский сборник. Севастополь; Симферополь
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция

AE — Archaeologiai Ertesitő. Budapest
FAP — Fonte archeologii Poznanienses
FFC — Folklore Fellow Communications
FUF — Finnisch-Ugrische Forschungen
JSFOu — J. de la Société Finno-ougrienne. Helsinki
MDAFA — Mémoires de la délégation archéologique française en Afghanistan. Paris
MS — Materiały starożytne. Warszawa
MSW — Materialy starożythe i wcześnośredniowieczne. Warszawa
PA — Památky archeologiské. Praha
Pr. A.— Prace archeologiczne
RB — Rosznic Białostocki
RLO — Der Römische Limes in Österreich. Wien; Leipzig
SA — Slovenská ărcheológia. Bratislava
SBE — The Sacred Books of the East / Ed. Müller M. Oxford
SCIV — Studii şi cercetări de istorie veche. Bucureşti
WA — Wiadomosci archeologiczne. Warszawa

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Советская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой научный интерес, критические статьи и рецензии на новые книги по археологии.

Направляемые в журнал статьи должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в журнале.

1. Объем рукописи не должен превышать и 18—20 машинописных страниц и 8 иллюстраций; для раздела «Заметки» — не более 5 страниц и не более 3 иллюстраций.

2. Статья должна быть напечатана на машинке с четким, контрастным шрифтом, через два интервала на одной стороне листа белой бумаги стандартного размера с полями. Материалы, напечатанные на портативной машинке, редакцией журнала не принимаются. Не допускаются поправки от руки в тексте статьи. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

3. Все знаки, которые не могут быть напечатаны на машинке, должны быть вписаны в текст от руки, черными чернилами (пастой, тушью), отчетливо в единой системе написания. Необходимо пояснить на левом поле, какая именно буква, знак, символ вписаны, если они могут быть спутаны с другими, близкими по начертанию. Греческие буквы нужно подчеркивать красным карандашом. Знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского или греческого алфавита, должны быть сдублированы на отдельном листе для изготовления клише.

4. Иллюстрации следует представлять в пригодном для воспроизведения виде. Размер авторских оригиналов иллюстраций должен быть в полтора — два раза больше размера иллюстраций в журнале. Рисунки представляются вычерченными тушью на ватмане или кальке, а также в виде четких фоторепродукций. Следует максимально сокращать пояснения на рисунке, переводя их в подписи. Эскизы карт должны быть выполнены непосредственно на картах, изданных ГУГК, либо на фотокопиях с них (не на самодельных ручных выкопировках). Фотографии должны быть представлены в двух экземплярах, контрастные, на белой глянцевой бумаге, хорошо проработанные в деталях. Все необходимые на фотографиях обозначения и пояснения следует делать только на втором экземпляре. Первый экземпляр фотографий не должен иметь никаких дефектов: пятен, надписей, изломов, следов от скрепок, трещин и т. д. Наклеивать фотографии на бумагу или картон не разрешается. На авторских оригиналах иллюстраций с неясной ориентацией необходимо написать «верх» и «низ».

Иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. Для всех видов иллюстраций дается общая нумерация. На обороте каждой иллюстрации мягким карандашом следует написать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. В рукописи на левом поле, в прямоугольнике должны быть указаны номера иллюстраций и таблиц напротив тех мест текста, где желательно их напечатать в издании. Подписи к иллюстрациям прилагаются на отдельном листе, где указываются фамилия автора и заглавие статьи. В подрисуночной подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации.

5. Тестовые пояснения даются внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная: [1], [2]...

6. Пронумерованный список использованной литературы (не в алфавитном порядке, а в порядке упоминания в тексте) дается в конце статьи на отдельной странице. Библиография оформляется в соответствии с ГОСТом 7.1—84 «Библиографическое описание документа. Общие требования и правила составления». Для книг указываются фамилии и инициалы авторов, название книги, город, издательство, год издания; для статей, опубликованных в журналах и продолжающихся изда-

ниях (типа КСИА, МИА, Тр. ГИМ),— фамилии и инициалы всех авторов, название статьи, название журнала (издания), год издания, том, номер (выпуск); для архивных материалов — фамилии и инициалы авторов, заглавие, местонахождение документа (наименование архива, номер и название фонда, номера описи, дела). Ссылки на русские летописи даются в списке литературы с указанием наименования летописи. Источником библиографического описания является титульный лист издания. Порядок оформления ссылок следующий:

Книги

Смирнов К. Ф. Савроматы, М.: Наука, 1964.

Шитов В. Н. Эпоха камня и раннего металла в Примокшанье // Материалы по археологии Мордовии. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1976.

Журналы и продолжающиеся издания

Шелов-Коведяев Ф. В. Новый декрет из Херсонеса // ВДИ. 1982. № 2.

Мелюкова А. И. Вооружение скифов // САИ. 1964. Вып. Д1-4.

Ежегодники

Колесник А. В., Привалов А. И. Мустьерская стоянка Звановка // АО — 1978. М., 1979.

ОАК за 1900 г. СПб., 1901.

Рецензии

Кызласов Л. Р. По поводу одного ответа // СА. 1965. № 4.— Рец. на кн.: Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961.

Вагнер Г К., Воронин Н. Н.// Византийский временник. 1968. Т. 28.— Ред. на кн.: Шмерлинг Р О. Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тбилиси, 1962.

Авторефераты

Шеляпина Н. С. Археологическое изучение Московского Кремля (древняя топография и стратиграфия): Автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1974.

Архивные материалы

Рябинин Е. А. Отчет об археологических исследованиях Четвертого отряда Староладожской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1973 г.// Архив ИА АН СССР. Р-1, № 5227

Артеменко И. И. Среднее и Верхнее Поднепровье в конце энеолита и в эпоху бронзы: Дис. докт. ист. наук. 07.00.06. М., 1977 // Архив ИА АН СССР. Р-2, № 2222.

В тексте в квадратных скобках указывается порядковый номер библиографической ссылки и страница, если она необходима: [5, с. 80]. Для литературы на иностранных языках — том, рисунок, таблица и страница указываются на русском языке: т., рис., табл., с. При ссылке на рисунок позиция отмечается волнистой чертой: [8, рис. 5,].

7 Ссылки на работы классиков марксизма-ленинизма и оригинальные работы древних авторов (Herod., Plin. и т. д.) даются в тексте статьи и в список цитированной литературы не вносятся. Если используются переводные источники, они упоминаются, как обычно, в списке литературы с указанием переводчика.

8. К статье следует приложить список сокращений и русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом 0,5—1 страница машинописного текста). Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо: а) при употреблении названий периодов, типов, культур, произведенных от географических названий, дать последние в именительном падеже единственного числа (например: кушнаренковский тип от Кушнаренково); б) наиболее специфические термины давать или в переводе, или с пояснением.

9. Статьи следует присылать в двух экземплярах. Текст должен быть тщательно проверен и подписан автором с указанием фамилии, имени и отчества, полного почтового адреса, места работы, телефонов и даты отправления. При наличии нескольких авторов статья подписывается всеми авторами.

10. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены с доработки не позднее чем через 4 месяца. Статьи, полученные позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

11. Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

Адрес редакции:

117036, Москва, ул Дм. Ульянова, 19

Телефон 124—34—42

Заведующая редакцией *Е. В. Бубнова*

Технический редактор *Синицына Е. В.*

Сдано в набор 16.01.89 Подписано к печати 24.03.89 Формат бумаги 70×100¹/₁₆
Офсетная печать Усл. печ. л. 24,7 Усл. кр.-отт 89,4 тыс. Уч.-изд. л. 29,4 Бум. л. 9,5
Тираж 3596 экз. Зак 2491 Цена 2 р. 80 к.

Адрес редакции: 117036, Москва ул. Дм. Ульянова 19, телефон 124—34—42
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6.